ISSN 0038-5034

Советская археология

1991

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Журнал «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

принимает к публикации рекламу изданий по археологии и смежным дисциплинам, оборудования для научных исследований: технического оснащения раскопок, статистической обработки научных данных, аэрофотосъемки, новейших методов определения древней хронологии, оборудования для археологических лабораторий, реставрационных мастерских, музеев, программы для обработки научных данных на ЭВМ и компьютерах, информацию о предстоящих симпозиумах и конференциях.

Адрес редакции: 117036, Москва,
ул. Дм. Ульянова, 19.
Телефон 124-34-42.

INFORMATION

The Journal «SOVETSKAYA ARCHEOLOGIYA»

offers its services in publishing advertisements of books on archaeology and related branches of science, and equipment for scientific investigations: technical rigging for field excavations, statistical processing of scientific data, air photography, new dating methodics, archaeological and restoration laboratories' and museums' equipment, computer programs for processing archaeological databases. The publications of informations about future conferences and symposiums are suggested.

Address of the publisher: 117036, Moscow,
ul. Dm. Ulyanova, 19.
Telephone 124-34-42.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1991 2

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко, В. П. Любин,
Т. И. Макарова, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич,
Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по итогам раскопок на водохранилище Майнской ГЭС) 5
Кравцов А. Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур 21
Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) 35
Гаврилюк Н. А., Пашкевич Г. А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V—IV в. до н. э. 51
Алексеев В. П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора 65
Молева Н. В. О происхождении боспорских антропоморфных изваяний 71
Жарнов Ю. Э. Животные в погребальном обряде курганов периода становления древнерусского государства 76
Панова Т. Д. Каменные саркофаги антропоидного типа 90

Дискуссии

Клейн Л. С. В защиту «чистой археологии» 102
Гражданников Е. Д., Холюшкин Ю. П. Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии) 111
Буровский А. М. О характере археологических источников 115
Щапова Ю. Л. Археология и морфология 120

© Отделение истории АН СССР, Институт археологии АН СССР,
Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1991 г

Публикации

Пясецкий В. К. Палеолитическое местонахождение Жорнов: верхний культурный слой 131
Жилин М. Г., Мирецкий А. В. Мезолитическая стоянка Хрипелево I на Верхней Волге 148
Романова Г. П. Палеоантропологические материлы из степных районов Ставрополья эпохи ранней и средней бронзы 160
Егорейченко А. А. Очковидные подвески на территории СССР 171
Рубан В. В. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья 182
Бердникова В. И., Ветров В. М., Лыхин Ю. П. Скифо-сибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены 196
Сергеева Н. Ф. О химическом составе изделий Корсуковского клада 206
Завьялов В. И., Чеснокова Н. Н. Железные предметы Лозымского поселения (ванвиздинская культура) 208
Фоняков Д. И. Цветной металл Торопца (типология и технология) 217
Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Методика выделения раннесредневековых пещерных сооружений Горного Крыма (на примере Мангупа) 232

Заметки

Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле 240
Федосеев Н. Ф. Три новых клейма на тонкостенных сосудах 244
Дьякова О. В. Глиняный гончарный круг из Приморья 248
Минжулин А. И. Браслет-наруч и колты из клада 1908 г. у с. Старая Буда 252

История науки

Алексеев Л. В. Е. Ф. Канкрин и история открытия «Борисовых камней» в Белоруссии 256
Тихонов И. Л. Из эпистолярного наследия А. А. Спицына (письма к С. Ф. Платонову) 265

Критика и библиография

Филлипс П. Трасологические исследования в Великобритании 276
Резепкин А. Д. *Renfrew C.* Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European origins. L., 1987 279
Ставиский Б. Я. *Grenet F.* et collaborateurs. L'Asie Centrale Préislamique; Bibliographie critique. 1977—1986 (Abstracta Iranica. Volume hors série. 3). Institut Francaise Recherche en Iran. Teheran-Paris, 1988 283
Питулько В. В. *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. М., 1986. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988 285
Мизиев И. М. Ответ В. Н. Каминскому 291

Хроника

Гей А. Н. Научно-практический семинар «Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР» (Суздаль, 1989) 294
Седов В. В. XI Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, 1989) 297
Кокорина Н. А., Кузьминых С. В., Старостин П. Н., Хлебникова Т. А. Памяти Александры Михайловны Ефимовой 300

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1991 2

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Vasilyev S. A. The Late Palaeolithic of the Upper Yenisey (On the Results of the Excavations at the Mayninskaya Hydroelectric Station) . . . 5
Kravtsov A. E. On The Chronology of Butovo and Ienevo Mesolithic Cultures 21
Morgunova N. L., Kravtsow A. Yu. The Pit-Grave Culture of the West Urals (On the Materials of Orenburg Region) . . 35
Gavriliuk N. A., Pashkevich G. A. An Agricultural Component in the Economy of the Steppic Scyths in the End of the 5th — the 4th Centuries B. C. 51
Alexeev V. P. On the Problem of Semantics of the Bosporan Royal Signs 65
Moleva N. V. On the Origin of the Bosporan Anthropomorphic Sculptures 71
Zharnov Yu. E. Animals in the Kurgan Burial Rite of the Period of Establishment of the Mediaeval Russian State . 76
Panova T. D. The Stone Sarcophagi of Anthropomorphic Type 90

Discussions

Klein L. S. On the Defense of «Pure Achaeology» . . 102
Grazhdannikov E. D., Kholiushkin Yu. P. A System Solution of the Question about the Status of Archaeological Science (On the Discussion of the Subject of Archaeology) 111
Burovsky A. M. On the Characteristics of the Archaeological Sources 115
Schapova Yu. L. Archaeology and Morphology 120

Publications

Piasetsky V. K. The Palaeolithic Site of Zhornov. The Upper Layer 131
Zhilin M. G., Miretsky A. V. The Mesolithic Site Khripelevo I at the Upper Volga . 148
Romanova G. P. Some Palaeoanthropological Materials from the Steppic Area of the Stavropol Region Dated to the Early and Middle Bronze Ages 160
Yegoreychenko A. A. Bispiral Pendants in the Territory of the USSR 171
Ruban V. V. An Attempt of Classification of So-called Milesian Amphorae from the Lower Bug Area 182
Berdnikova V. I., Vetrov V. M., Lykhin Yu. P. Scytho-Siberian Style of the Bronzes from the Upper Lena . . . 196
Sergeeva N. F. On the Chemical composition of the artefacts from the Korsukovo Hoard 206
Savyalov V. I., Chesnokova N. N. The Iron Artefacts from Lozym Settlement of Vanvizdino Culture . 208

Fonyakov D. I. Non-Ferrous Metals from Toropets (Typology and Technology) 217
Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. On the Methodics of Outlining the Early Mediaeval Cave Constructions in the Crimean Mountains (The Example of Mangup) 232

Notes

Sergatskov I. V. A Prescythian Burial on the Ilovlya River . 240
Fedoseev N. F. Three New Stamps on the Classical Measuring Vessels 244
Dyakova O. V. A Clay Pottery Wheel from Primorye 248
Minzhulin A. I. A Bracelet and kolt-pendants from the Staraya Buda Hoard of 1908 252

History of Science

Alexeev L. V. E. F. Kankrin. The History of Discovery of «Borisovy Stones» in Byelorussia 256
Tikhonov I. L. From the Epistolary Heritage by A. A. Spitsyn (The Letters to S. F. Platonov). 265

Reviews and Bibliography

Phillips P. Trassological Investigations in Great Britain 276
Rezepkin A. D. *Renfrew C.* Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London, 1987 279
Stavisky B. Ya. *Grenet F* et collaborateurs. L'Asie Centrale Préislamique: Bibliographie critique. 1977—1986 (Abstracta Iranica. Volume hors série. 3). Institut Francaise Recherche en Iran. Teheran-Paris, 1988 283
Pitulko V. V. *Stokolos V S.* Ancient Settlements of the Mezen Valley. M., 1986; The Culture of the Northern Urals in the Early Metals Period. M., 1988 285
Miziev I. M. The Answer to V. N. Kaminsky 291

Chronicle

Gey A. N. «New Trends in the Methodics of the Protective Archaeological Investigations in RSFSR». A Scientific and Practical Seminar, Suzdal, 1989 . . 294
Sedow V. V. The 11th All-Union Conference on the Studies of the Scandinavian countries and Finnland. Arkhangelsk, 1989 297
Kokorina N. A., Kuzminykh S. V., Starostin P. N., Khlebnikova T. A. In Memory of Alexandra Mikhailovna Efimova 300

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ЕНИСЕЯ
(по итогам раскопок на водохранилище Майнской ГЭС)

История исследования палеолита на Енисее насчитывает уже более 100 лет. В 80-х годах прошлого века И. Т. Савенковым были найдены замечательные стоянки на Афонтовой Горе в Красноярске. Позже, в 1920—1930-е годы Г К. Мергарт, Н. К. Ауэрбах, Г П. Сосновский и В. И. Громов продолжили исследование этих памятников и открыли ряд новых стоянок в пределах Среднего Енисея (в основном в Кокоревско-Новоселовском районе). 1960-е годы ознаменовались крупномасштабными исследованиями З. А. Абрамовой [1, 2]. Всего к настоящему моменту в бассейне Енисея известно более 200 позднепалеолитических стоянок и местонахождений.

Значительно менее изученным вплоть до самого последнего времени оставался палеолит Верхнего Енисея. С.1965 г. С. Н. Астахов начал разведки в Туве, приведшие к открытию многочисленных местонахождений с разрушенным культурным слоем. В 1971 г. он приступил к изучению палеолита Западного Саяна. Им были открыты у подножия северного склона Саян стоянка Означенное I и ряд памятников в долине р. Голубая, из которых на стоянках Голубая I и IV производились раскопки. В 1980 г. автору совместно с С. Н. Астаховым удалось найти большое число позднепалеолитических памятников в долине соседнего с Голубой притока Енисея — р. Сизая [3] Таким образом, в районе пос. Майна на сравнительно небольшом участке известно более 20 стоянок, исследованных по большей части еще предварительно. Это позволяет говорить о Майнинском палеолитическом районе как о крупном сосредоточении стоянок позднего палеолита.

Описываемые памятники приурочены к самому северному отрезку так называемого Саянского каньона Енисея — своеобразного живописного ущелья, по которому могучая река на протяжении почти 300 км прорезает хребты Западного Саяна. Горы Западного Саяна вытянуты с юго-запада на северо-восток и разделяют Тувинскую котловину на юге и Минусинскую на севере.

В районе пос. Майна долина Енисея несколько расширяется и река принимает ряд притоков, в приустьевых частях которых четко выражен комплекс низких позднечетвертичных террас. К ним приурочены известные памятники в долинах рек Уй, Голубая, Сизая, Большой Карак. В 10 км ниже Майны Енисей выходит на степные просторы Минусинской котловины. Вероятно, само расположение данного района на стыке физико-географических зон, создающее благоприятные условия для добывания средств к существованию, привлекало сюда древнего человека.

В 1980 г. автором были начаты работы по исследованию палеолита в зоне затопления водохранилища строящейся Майнской ГЭС. При этом в непосредственной близости от плотины, в долине левого притока Енисея — небольшой горной речки Уй, были открыты интереснейшие памятники. К северу от места современного впадения р. Уй в Енисей располагается Майнинская стоянка, на противоположном мысу — стоянка Уй II, выше по долине — Уй I (рис. 1).

В исследовании рассматриваемых стоянок принимала участие большая группа специалистов-естественников. Геология памятников изучалась С. М. Цейт-

© С. А. Васильев, 1991 г.

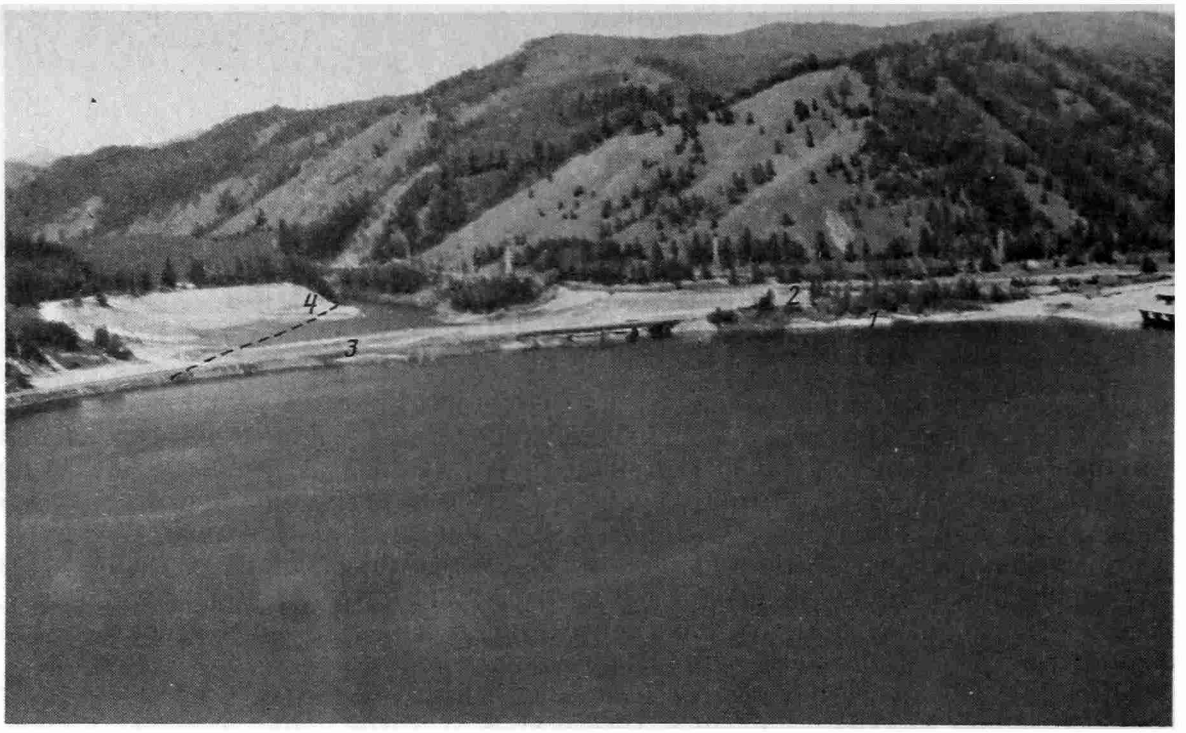


Рис. 1 Вид с востока на приустьевую часть долины р. Уй. *1* — западный участок Майнинской стоянки; *2* — восточный участок Майнинской стоянки; *3* — стоянка Уй II; *4* — стоянка Уй I. Пунктиром обозначено примерное расположение устья р. Уй в плейстоцене

линым и А. Ф. Ямских, литологические и спорово-пыльцевые анализы, а также палеомагнитное датирование производились С. Д. Сидорасом, Г Ю. Зубаревой, Г А. Анциферовой под руководством А. Ф. Ямских, радиоуглеродные датировки были получены Ю. С. Свеженцевым, териофауна определена Н. М. Ермоловой и А. К. Каспаровым, остатки грызунов — И. М. Громовым, малакофауна — В. М. Мотузом и Я. И. Скоробогатовым. Сырье каменных орудий было определено Н. Б. Селивановой, В. И. Кудрявцевым и А. И. Кудрявцевой. Всем им автор выражает самую глубокую признательность.

Главным объектом исследований в 1980—1984 гг. была многослойная Майнинская стоянка. Основная ее особенность — расположение на двух геоморфологических уровнях (рис. 2). Восточная (нижняя) часть памятника была приурочена к отложениям II (16—18 м) террасы Енисея. Здесь в раскопах 1—3, 5, 6, 8 на площади до 270 м^2 исследовались остатки 16 культурных слоев позднего палеолита. Ввиду того что слои занимали неодинаковую площадь и вскрывались в различной последовательности, нумерация их весьма сложна. Это слои 0, 1, 2—1, 2—2, 2—3, 2—4, 2—5, 3, 3*а*, 3*б*, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Участок террасы был подрезан дорогой и выемками песка, так что фактически исследовать приходилось лишь периферийные прискальные участки некогда обширного поселения.

Западная (верхняя) часть стоянки располагалась в отложениях III (25—27 м) цокольной террасы. Выходы скалы делали невозможным проведение единого разреза через оба участка памятника. На западном участке под современной почвой с неолитическим культурным слоем залегали слои А-1, А-2, А-3, Б, В, Г Эти слои исследовались в раскопах 4, 7, 9 и 10 на площади ~175 м^2. Слои распространялись от южной оконечности мыса до пересекавшего террасу древнего овражка. Культурные остатки и здесь были в значительной мере уничтожены выемкой железной дороги и строительной траншеей.

Всего за годы раскопок на памятнике на площади более 400 м^2 были получены остатки 23 культурных слоев, получена коллекция каменного инвентаря, насчитывающая более 70 тыс. единиц; общая глубина разрезов достигла 11 м.

Верхний участок стоянки вскрывался в юго-западной части террасы, в раскопе 10, где был получен следующий разрез (все данные по стратиграфии даны в сокращении):

	Мощность, м
1. Современный отвал	0,20
2. Современная почва. В нижней ее части, коричневато-серой супеси, на глубине 0,4 м, — неолитический культурный слой	0,45
3. Коричневато-желтый тонкозернистый песок, вертикально трещиноватый. На глубине 0,95 м — слой А-1	0,20
4. Серовато-желтый тонкозернистый песок со следами карбонатизации, не слоистый. На глубине 1 м — слой А-2; 1,1 м—А-3; 1,7 м—Б	1,10
5. Серый тонкозернистый горизонтально слоистый песок, менее карбонатизирован. На глубине 1,9 м — слой В; 2,2 м — Г С глубины 2,5 м появляются выходы скалы и линзы щебня	0,60

Севернее, в раскопах 9, 7 и 4, мощность рыхлых отложений сокращается, глубина разреза уменьшается до 1,6 м. Культурные слои А-1, А-2, и А-3 сливаются, образуя единый слой А. Аллювий литологического слоя 5 описанного выше разреза теряет слоистость.

На нижнем участке стоянки наиболее полная стратиграфическая картина была получена на юго-восточной периферии памятника, в раскопе 6. С. М. Цейтлиным здесь был записан следующий разрез:

	Мощность, м
1. Современная почва	0,80
2. Песчанистая лёссовидная супесь с включениями щебня, вертикально трещиноватая. На глубине 2,4 м — 1-й культурный слой	2,05
3. Серовато-коричневый песок со следами волнистой и горизонтальной слоистости. На глубине от 3 до 7,1 м — толща разделенных стерильными прослойками культурных слоев 2—1, 2—2, 2—3, 2—4, 2—5, 3, 3а, 3б, 4—9. Между слоями 3*б* и 4 прослеживались мощные псевдоморфозы по мерзлотным клиньям двух генераций. Заметны также солифлюкционные нарушения аллювиальных слойков	4,25

Рядом с раскопом было видно наложение песчаной толщи на галечник. В расположенных севернее раскопах 5, 1 и 2 стратиграфическая картина та же, за исключением локальных поднятий и опусканий слойков аллювия литологического слоя 3 на месте древних бугров и овражков. Далее к северу, в раскопах 3 и 8, в пачке покровных супесей фиксировались следы двух погребенных почв, в нижней из которых, сдвоенной, залегал культурный слой 0.

Разрез, изученный на восточном участке Майнинской стоянки, соответствует схеме расчленения отложений II террасы Енисея, разработанной Э. И. Равским — С. М. Цейтлиным [4]. Согласно этой концепции, галечно-валунный русловый аллювий террасы и налегающие на него маломощные слои «нормального» пойменного аллювия относятся ко времени 30—25 тыс. лет. Основную же часть разреза слагает перигляциальный аллювий, накапливавшийся во время сартанского, или чульчинского (по местной стратиграфической шкале), оледенения. В толще аллювия прослеживается ярус псевдоморфоз, характеризующих похолодание середины сартана (16—13 тыс. лет) На аллювий террасы налегает сложно построенная покровная толща, датируемая финалом плейстоцена (13—10 тыс. лет). В ее пределах выделены два уровня погребенных почв, соотносимых с кокоревским (12 750—12 250 лет назад) и таймырским (12 000—10 800 лет назад) интерстадиалами.

Соотнося данную схему с разрезом стоянки, можно примерно датировать 2—9-й слои, связанные с перигляциальным аллювием, временем 13—18 тыс. лет;

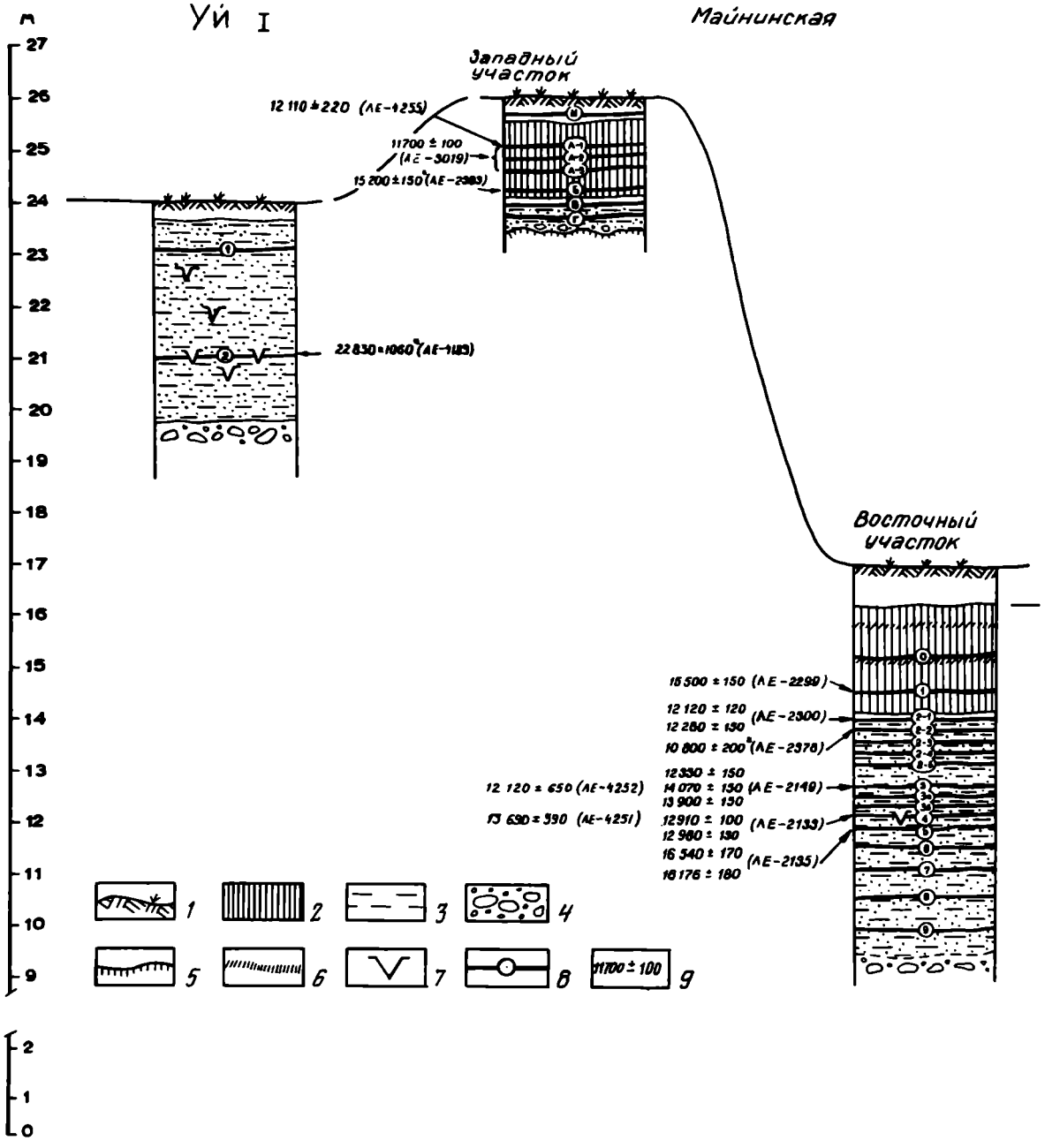
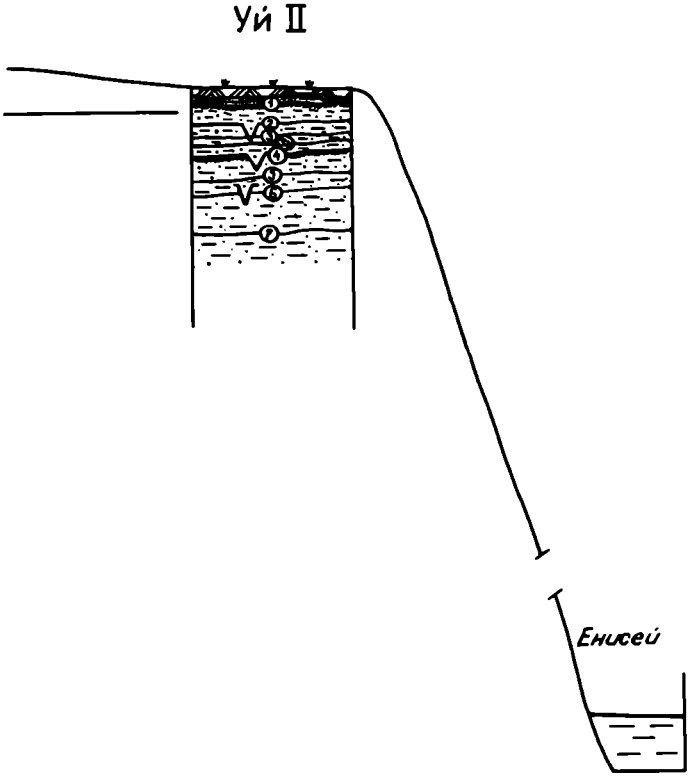


Рис. 2. Схема корреляции стратиграфических колонок многослойных стоянок долины р. Уй. *1* — современная почва; *2* — покровные пески и супеси; *3* — аллювиальные пески и супеси; *4* — галечник; *5* — выходы скалы; *6* — погребенные почвы; *7* — криогенные нарушения; *8* — культурные слои; *9* — радиоуглеродные датировки (звездочками помечены даты, полученные по древесному углю, остальные даты — по кости)

1-й слой, залегающий в низах покровной толщи, близок по времени 13 тыс. лет; слой 0, приуроченный ко второй погребенной почве,— 12,5 тыс. лет. Полученная по кости и углю серия радиоуглеродных датировок в целом свидетельствует о позднесартанском возрасте культурных слоев, хотя разброс дат и очевиден (рис. 2). Определенную хронологическую привязку дают и даты по вязкой намагниченности: для нижней части аллювиальных отложений (уровень 9-го культурного слоя) —19 тыс., средней (ниже слоя 3*а*) —14,1 тыс., верхней (покровной) части разреза, выше слоя 0,—8, 9 тыс. лет.

Спорово-пыльцевой анализ говорит о наличии ландшафтной обстановки, характеризующейся смешанными лесами из сосны, реже — кедра, березы, ольхи с примесью кустарниковой березы. С лесами соседствовали открытые



остепненные участки с полынями, маревыми, разнотравьем. Прослеживаются колебания то в сторону суровости и увлажненности климата, то смягчения.

Многочисленные остатки териофауны также свидетельствуют о сочетании лесных и открытых участков. В фауне нижних слоев доминируют остатки благородного оленя и сибирского козерога, меньше костей зубра, аргали, лося, зайца. Единичны находки остатков лошади, лисицы, росомахи и птиц. Как мы видим, в окрестностях стоянки облесенные участки, где водились олени и лоси, чередовались с открытыми склонами — местами обитания аргали и зубров. Вместе с тем, распространенность остатков сибирского козерога указывает на бóльшую, чем сейчас, оголенность горных вершин, ныне сплошь покрытых тайгой.

Состав малакофауны (доминирует Bradybaena schrencki, есть раковины Bradybaena fruticum, Corbicula fluminalis) позволяет представить облик места расположения поселений. Стоянки устраивались непосредственно у воды, на участках с высоким травостоем и разреженным кустарником.

Более сложен вопрос о хронологии слоев в западной части стоянки. Гео-

логия подобных образований по сути дела никем не рассматривалась. Единственной опорой служат радиоуглеродные даты, получение которых затруднено из-за специфичности облика древних поселений этих слоев (тут очень мало костных остатков и угля). Единичные даты позволяют определить возраст слоя Б в 15 тыс., слоев А-1-3 — в 10—11 тыс. лет.

Фауна верхних слоев характеризуется преобладанием остатков сибирского козерога и благородного оленя, есть кости зубра, аргали, кулана, птиц и волка. Наиболее разительным контрастом является наличие во всех, начиная со слоя Б, культурных горизонтах остатков косули, не представленных на восточном участке стоянки. Соотношение слоев двух частей памятника остается во многом неясным. Конечно, мы никогда не будем в состоянии с уверенностью сказать, было ли обитание «на двух этажах» одновременным или нет [5—7].

В ходе исследований на широкой площади были изучены десятки интересных объектов культурного слоя, позволяющих реконструировать характер палеолитических поселений. Описание слоев будем вести снизу вверх, в хронологическом порядке.

Поселения нижних культурных слоев располагались непосредственно на песчаном пляже у реки. Они представляли собой беспорядочно разбросанные очаги, вокруг которых в углистых линзах концентрировались находки, и рабочие площадки — остатки мастерских по производству каменных орудий. Последние имелись возле очагов или залегали изолированно.

Культурные слои 6—9 были отмечены отдельными находками и немногочисленными очажными пятнами. В культурном слое 5 на южном участке были вскрыты небольшое скопление ядрищ, отщепов и пластин, выкладка из четырех плит камня. Севернее были зафиксированы остатки трех очагов. Слой здесь как будто разбивался на два горизонта залегания. В культурном слое 4 было изучено восемь очагов, рядом с одним из них имелись две приочажные ямки, заполненные углистым слоем. Наиболее итересен один из очагов с остатками кольцевой обкладки. Слой 3*б* прослеживался на ограниченном участке на южной периферии стоянки. Слой 3*а* залегал на двух участках, в нем рядом с очагом было вскрыто мощное скопление расщепленного камня.

Культурный слой 3 отличался обилием примечательных структур. Особую ценность представляет вскрытый на южном участке замкнутый комплекс — клад каменных орудий, залегавших компактной кучкой (вероятно, в древности предметы были обвязаны или хранились в мешочке). В составе клада 10 вещей: 3 великолепных образца скребел, галичное орудие (служившее также в качестве отбойника), мраморная галька, долотовидное изделие, заготовка микронуклеуса, пластина, отщеп и удлиненный скол [8] На других участках слоя были расчищены остатки трех рабочих площадок, двух очагов с кольцевой каменной обкладкой и шести очагов без следов обкладки. Интересно скопление из 49 микропластинок, снятых с одного микронуклеуса. Находки в основном залегали в углистых линзах. В центральной части поселения в одной из таких линз имелись следы трех очагов, вытянутых в ряд по направлению север — юг.

Слои 2-4 и 2-5 были выделены только на южном участке стоянки и занимали ограниченную площадь. В слоях 2-3 и 2-2 было вскрыто по пять очагов в каждом, в том числе несколько объектов с каменной обкладкой. В слое 2-1 располагались четыре очага и скопление расщепленного камня, в слое 1— два очага. Культурные слои О, Г и В доставили лишь разрозненные находки, в слое Б имелись остатки трех очажков.

Для вышележащих слоев было характерно разделение площади поселения на два участка: южный (раскоп 10 и южная часть раскопа 9), где горели очаги, производились разделка добычи и кулинарные операции, и северный (северная часть раскопа 9, раскопы 4 и 7), где имелись специализированные мастерские по расщеплению камня. Культурный слой здесь имел вид разбросанных по площади мощных, многоярусных скоплений отщепов и ядрищ. В слое А-3 на южном участке были вскрыты остатки очага и четко очерченного скопления культур-

ных остатков диаметром 2,4 м, с очагом в центре (вероятно, следы жилища). Севернее залегало четыре скопления расщепленного камня. В слое А-2 в южной части стоянки исследовались скопления костей, а в северной части — пять «рабочих площадок». В слое А-1 на северном участке были вскрыты остатки восьми скоплений расщепленного камня, а также необычное скопление из семи компактно уложенных гранитовых галек.

Хозяйство палеолитических обитателей Майнинской стоянки базировалось на охоте и собирательстве. О последнем виде деятельности документальных данных, кроме находок скорлупы птичьих яиц возле очага 5-го культурного слоя, мы не имеем. Охота в условиях горной местности осуществлялась по примыкающим к долине Енисея обширным лесистым логам (на благородного оленя, косулю, лося) и на скалистых участках высокогорья (на сибирского козерога). Судя по единичным находкам остатков степных видов животных (кулан, лошадь), охотничьи маршруты древних людей временами уходили в Минусинские степи, т. е. за 15—20 км от поселения. Добыча доставлялась на стоянку в виде крупных кусков туш, о чем свидетельствуют находки позвонков и костей конечностей в анатомической связи. Анализ фаунистических остатков позволяет сделать вывод, что человек жил здесь в течение весны — осени.

На большей части слоев прямо на площади поселения производился весь цикл расщепления камня. Гальки и валуны микрокварцитов и кварцитов брались непосредственно из близлежащего речного галечника. Вместе с тем обращает на себя внимание обилие в инвентаре некоторых нижних культурных слоев мелких законченных орудий из цветного кремня, которые, вероятно, приносились в готовом виде на поселение.

Самые нижние культурные слои (6—9) доставили немногочисленные находки, в числе которых кубовидные и одноплощадочные ядрища на гальках, скребла, скребки, чопперы и т. д., а также великолепный экземпляр рогового наконечника с пазом.

Инвентарь 5-го культурного слоя характеризуется следующими параметрами. Основной вид сырья — черные микрокварциты, реже использовались зеленоватые алевролиты, кварциты и кремни. Среди ядрищ встречены массивные одноплощадочные нуклеусы, крупные торцовые формы, единичные дисковидные и трехплощадочные ядрища. В качестве основной заготовки служили слабо удлиненные отщепы. Преобладают покрытые коркой, реже — созданные одним сколом и точечные площадки. Микронуклеусы атипичны. Среди орудий доминируют разнообразные скребла (продольные прямые, поперечные выпуклые, двойные, угловатые, овальные с обработкой по периметру). Распространены также галечные, зубчатые орудия, отщепы с ретушью. Есть находки ретушированных пластинок, острий, долотовидных, клювовидных изделий и атипичных скребков. Комплекс дополняется роговым наконечником с двумя пазами и фалангой оленя со следами пяти насечек. Особую ценность слою 5 придает уникальная глиняная антропоморфная статуэтка — первое произведение изобразительного искусства в палеолите Енисея [9—11] (рис. 3).

Инвентарь вышележащих слоев (с 4 по 2-1) в целом сходен по морфологическому облику, хотя процентные соотношения классов орудий сильно различаются. В качестве сырья здесь в основном использовались черные и серо-коричневые микрокварциты при меньшей доле алевролитов, песчаников, кремней, кремистых алевролитов, кварцитов и т. д. Техника расщепления базируется на одно- и двуплощадочных ядрищах, изготовленных на гальках, плитках камня и их обломках. Реже встречаются крупные торцовые, односторонние дисковидные, плоские леваллуазские, чоппинговидные, многогранные нуклеусы. Микронуклеусы представлены типичными и атипичными клиновидными и торцовыми формами. Очень специфичны представленные в инвентаре слоя 3 удлиненные клиновидные микронуклеусы, выполненные на ретушированных пластинках. Основная заготовка — отщепы, на которых сделано более 80% орудий, площадки гладкие, реже — точечные и двугранные.

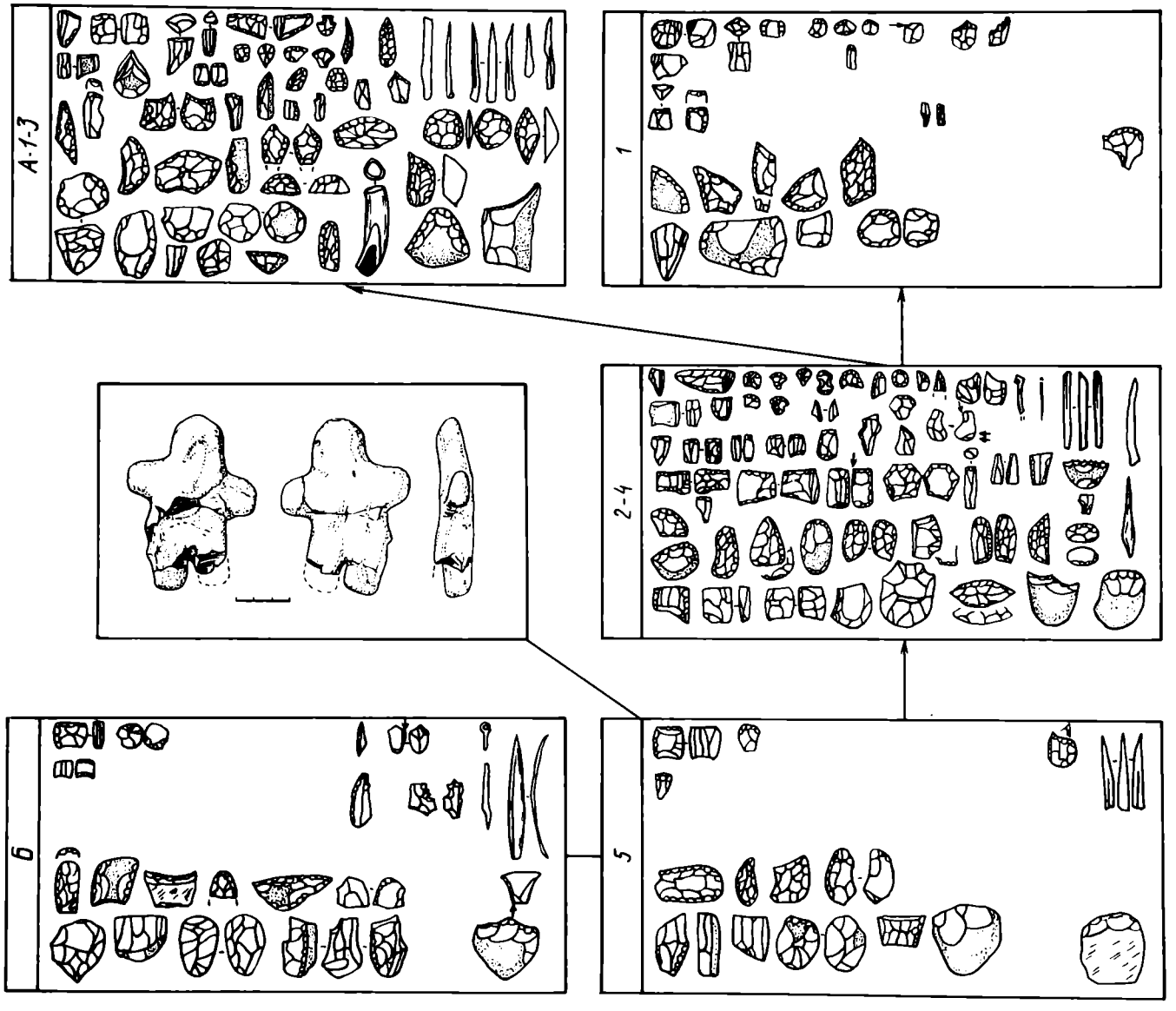


Рис. 3. Схема развития каменного и костяного инвентаря Майнинской стоянки

Скребла, составляющие от 16 до 40% орудий, очень разнообразны. Среди них преобладают продольные выпуклые формы, в том числе оргинальные скребла-ножи на отщепах, снятых поперек ядрищ, так что участок площадки последних образовывал обушок изделия. Другие типы скребел: продольные вогнутые, скребла с рабочим краем на брюшке, овальные, обработанные по периметру, двойные, бифасиальные (полулунной, овальной и подтреугольной формы), орудия на гальках. Некоторые скребла близки листовидным бифасам. На ряде изделий имеются следы утончения на брюшке концов орудий, ретушной отделки основания.

Столь же вариабельны и скребки (5—33% орудий). В основном это короткие и укороченные орудия на отщепах, реже — двойные, округлые, скребки с боковой выемкой, с выемкой в основании, с ретушью продольных краев, с рабочим краем на брюшке, зубчатые скребки, микроорудия, изделия «фигурных» очертаний. Третий по распространенности класс орудий — долотовидные (8—27%). Среди них выделяются крупные массивные предметы с обушками, противостоящими подтесанному лезвию, встречаются и обычные изделия с одним — тремя рабочими краями различных пропорций, многоугольные орудия с обработкой по периметру. Для ряда предметов характерна ретушная отделка продольных краев. Очень специфичны широкие изделия со сплошной бифасиальной отделкой (их можно выделить в особый майнинский тип). Есть и микродолотовидные формы. Зубчатые и выемчатые орудия составляют 3—7% инвентаря, отщепы с ретушью — от 4 до 23%. Из числа мало распространенных орудий назовем пластины с ретушью (1—4%), поперечные и угловые резцы (1—9%), галечные орудия (до 4%). Единичными экземплярами представлены острия и остроконечники, проколки, отбойники на гальках и массивных отщепах, скребла-резцы, скребла-скребки, бифасиальные изделия, микропластинки с ретушью.

Найдена выразительная серия роговых наконечников с одним и двумя пазами, а также беспазовых, овальные или уплощенные (реже треугольные) в сечении. Весьма своеобразны костяные острия с четырехугольной головкой, вероятно, служившие в качестве заколок для одежды. Встречены также игла с ушком и стержневидная поделка.

По ряду параметров комплекс 1-го слоя стоянки отличается от нижележащих. Здесь резко преобладает использование черных микрокварцитов, довольно много изделий из коричневых песчаников. Крупные ядрища схожи с инвентарем остальных слоев — галечные, дисковидные, леваллуазские треугольные, одно- и двухплощадочные нуклеусы. Оригинален облик серии мелких одно-, двух- и трехплощадочных ядрищ, по большой части призматических (есть даже цилиндрические формы). Наряду с ними имеются и обычные клиновидные и торцовые микронуклеусы.

Более 72% орудий изготовлено на отщепах, площадки заготовок по преимуществу гладкие, созданные одним сколом, реже — точечные и покрытые коркой. Среди орудий преобладают скребла (продольные выпуклые, двойные, угловатые, овальные с обработкой по периметру). Из других форм изделий отметим одинарные и двойные скребки на отщепах, долотовидные орудия, угловые резцы, чопперы, отщепы с ретушью, зубчато-выемчатые изделия. Своеобразны проколки с плечиками, пластинки с притупленным краем и с ретушью по двум краям.

Слои О, Г и В дали лишь единичные находки. Большая часть изделий из слоя Б выполнена из черных микрокварцитов и серокаменных пород. Представлены одноплощадочные, трехплощадочные, дисковидные ядрища и клиновидные микронуклеусы. Среди заготовок преобладают массивные отщепы, но довольно заметен и пластинчатый компонент (на пластинах изготовлено 16% орудий — это наивысший показатель для памятника). Как и в инвентаре других слоев, доминируют скребла (продольные выпуклые и вогнутые, поперечные прямые и выпуклые, двойные, обработанные по периметру и т. д.). Встречаются так-

же долотовидные орудия, микроострия, пластины-ножи с ретушью, скребки на отщепах, галечные, зубчатые, выемчатые формы и др. Из слоя происходит самый крупный на стоянке наконечник из ребра длиной 31 см со следами неглубокого паза, выпукло-вогнутый в сечении. Найдены беспазовый наконечник и обломок кости зайца с отверстием (заколка?).

Индустрия слоев А-1-3 очень сходна. В отличие от нижних слоев основным видом сырья здесь являлись не микрокварциты, а серые и черные кварциты. Интересно использование в качестве сырья галек окремненного дерева. Техника расщепления основана на скалывании отщепов с крупных одно-, двухплощадочных и дисковидных ядрищ на гальках. Есть также уплощенные нуклеусы леваллуазского типа, пирамидальные, тоцовые, трехплощадочные формы. Микронуклеусы представлены разнообразными вариантами клиновидных форм, в том числе сильно удлиненные. Однако эти предметы изготавливались не на пластинах, как в инвентаре нижних слоев, а на отщепах с неровными краями. Другие типы микронуклеусов — торцовые, включая двойные, кельтовидные, призматические (близкие конусовидным и карандашевидным), а также ядрища, сходные со срединными многофасеточными резцами. Более 80% орудий изготовлено на отщепах. Площадки заготовок по большей части гладкие, созданные одним сколом, реже — покрытые коркой. Фасетированные площадки единичны.

Типологическую характеристику начнем с одного из основных классов орудий — скребков, составляющих 23—36% орудий. Большая часть их — концевые на отщепах, короткие и укороченные, встречаются изделия на пластинках, двойные (в том числе типа абри каминад), сегментовидные, округлые формы, боковые скребки. Оригинальные орудия «каплевидной» формы с широким лезвием и острием на противоположном конце. Зафиксированы также скребки с носиком, ретушью продольных краев, выемкой в основании, боковым шипом, рабочим краем на брюшке, черешком, шипом на углу лезвия. Специфичны скребки сложных, «фигурных» очертаний. Столь же разнообразны и микроскребки.

Скребла составляют немногим более 20% орудий. Основные типы их — продольные выпуклые, прямые и вогнутые, изделия à dos aminci, скребла с обработкой по периметру, двойные, конвергентные, скребла с противолежащей ретушью, с рабочим краем на брюшке. Очень вариабельна группа бифасиальных скребел — узких удлиненных с обушками, овальной и сегментовидной форм. Некоторые изделия по сути являются листовидными бифасами. На ряде скребел имеются следы утончения концов.

Долотовидные орудия составляют 8—17% от общего количества орудий. Встречаются изделия с одним — тремя рабочими краями, пластины с подтесанным концом (сходные с ножами костенковского типа), микродолотовидные формы, предметы с подтеской по периметру. Несколько менее распространены зубчатые и выемчатые формы (7—10%): продольные и поперечные зубчатые изделия на отщепах и пластинках, зубчатые скребла, ретушированные и клектонские анкоши. Реже встречаются пластины с ретушью одного и двух краев, с ретушью скругленного дистального конца (2—4%), микропластинки и микроострия (1—5%), угловые поперечные резцы (1—4%), проколки (1—2%), отщепы с ретушью (5—13%), галечные орудия (менее 1%). Интересны острия, в том числе с двойным жальцем, сходные с проколками типа шалё, формы, близкие zinken, и острия-проколки мальтинского типа (~2%). Комбинированные орудия (1—2%) представлены скреблами-скребками, скребками-остриями и др. Среди единичных форм изделий отметим своеобразные дисковидные орудия, лимасы, остроконечники.

Верхние слои доставили обильный инвентарь из кости и рога. Представлена серия наконечников с одним и двумя пазами, овальные или уплощенно-овальные в сечении. Иногда паз идет не по краю, а по плоскости изделия. На одном предмете видны следы поперечных насечек. Имеются также тонкие, округло-овальные в сечении наконечники без пазов, лощила, роговая рукоятка, молоток из рога оленя. К числу украшений можно отнести клык волка плохой сохранности и расколотую галечку со следами сверлины (подвеска?).

В целом материалы Майнинской стоянки характеризуют этапы последовательного развития единой индустрии, шедшей не за счет вытеснения одних форм орудий другими, а путем постепенного увеличения типологического разнообразия изделий. Инвентарь слоя Б по некоторым техническим параметрам сходен с слоем 5 восточной части памятника, к которому он близок и хронологически. Культура слоев А-1-3, несомненно, формирвалась на основе индустрии слоев 2—4. Однако в этот финально плейстоценовый, этап развития как будто намечается дивергенция индустрии, один из вариантов которой представлен инвентарем слоя 1, а другой — слоев А-1-3.

По большинству технико-типологичеких параметров Майнинская стоянка сближается с памятниками афонтовской культуры, представленными на Енисее тремя территориальными группировками. Первая из них, северная, располагается в районе Красноярская (Афонтова Гора I—III, Переселенческий пункт, нижние слои Бирюсы). Вторая — в долине Среднего Енисея (Кокорево II, III, IVA, Таштык I, II, Куртак III, Первомайское II). Майнинская стоянка входит в южный «куст» памятников этой культуры наряду с такими стоянками, как Кантегир, Джой, Сизая VIII, Аэродром, нижний слой Сосновки Голованьской. Инвентарь нижних слоев Майнинской стоянки наиболее близок находкам из Кантегира и Кокорево II, а верхних — Кокорево III, Аэродрому и Сосновке Голованьской. Наряду с общими для всех перечисленных памятников чертами можно выделить признаки, свидетельствующие об определенной степени территориальной обособленности групп стоянок. В целом же афонтовская культура предстает не узколокальным, свойственным только Енисею явлением, а одним из вариантов финального палеолита Южной Сибири, распространенным достаточно широко. Аналогичные или близкие памятники сейчас известны на Алтае, в долине Оби, Приангарье и Забайкалье [12]

На противоположном от Майнинской стоянки мысу II террасы, при впадении р. Уй в Енисей, располагается стоянка Уй II, открытая в 1980 г. Изучение ее разрезов показало, что современное устье р. Уй является сравнительно молодым образованием, а в плейстоцене река протекала южнее, у подножия горы (рис. 1). Таким образом, стоянку Уй II можно рассматривать как крайнюю южную часть восточного участка Майнинской стоянки, ныне отделенную от нее водным потоком. В 1987—1988 гг. стоянка исследовалась в четырех раскопах, на площади до 130 м^2. В разрезе под современной почвой прослежены остатки сдвоенной погребенной почвы, к верхнему прослою которой приурочен 1-й (неолитический) культурный слой. Далее следует 2-метровая толща чередующихся аллювиальных песков и супесей со следами неоднократных криогенных деформаций. На глубине 1, 2 м залегает 2-й культурный слой, ниже — слои 3 и 3*а*. На глубине 1,65 м в разорванной криогенными трещинами прослойке погребенной почвы фиксируются остатки 4-го культурного слоя, в подстилающих отложениях — слои 5—7. Судя по залеганию палеолитических остатков в верхней части перигляциального аллювия II террасы, они могут быть датированы финалом плейстоцена (10—13 тыс. лет). Из палеолитических слоев определены кости зубра, аргали, благородного оленя, кулана, зайца, суслика и хомяка. Спорово-пыльцевые анализы свидетельствуют о переходе от периода господства древесной растительности (на уровне 7-го культурного слоя) к степной (слой 6) и лесостепной обстановке (слои 2—5).

В культурных слоях расчищен ряд очагов, в том числе с каменной обкладкой, и скоплений расщепленного камня. Наиболее интересен жилой комплекс, вскрытый в слое 2. Он имел вид неправильно-овальной в плане линзы углистого, насыщенного находками слоя с четкими границами (размеры 2×2,2 м). В центре него помещался округлый очаг, окруженный кольцевой каменной выкладкой. Непосредственно на камнях обкладки залегали нуклеус и прекрасные образцы орудий. Создается впечатление, что древний человек внезапно оставил это жилье.

Среди находок встречены одно-, двухплощадочные и крупные клиновидные ядрища. Микронуклеусы представлены торцовыми, клиновидными и призмати-

ческими формами разнообразных вариантов. Среди орудий доминируют скребла — продольные выпуклые и прямые, диагональные, с противолежащими лезвиями, орудия на ядрищах. Есть долотовидные изделия, скребки, отщепы с ретушью. Единичными экземплярами представлены резцы и зубчато-выемчатые орудия. Довольно много пластинок с притупленным краем — с обработкой одного и двух краев, с ретушью на брюшке. Кроме изделий из камня, найдены роговой беспазовый наконечник, фрагменты наконечников и костяных игл, костяные шильце, проколка и бусины. Все палеолитические слои находят ближайшие аналогии в материалах Майнинской стоянки и, подобно последней, могуть быть отнесены к афонтовской культуре палеолита Енисея.

Второй по значимости памятник, исследованный в ходе работ на Майнской ГЭС,— многослойная стоянка Уй I. Памятник расположен в 500 м от Майнинской стоянки, по правому берегу р. Уй. К сожалению, еще до начала раскопок практически вся площадь стоянки была уничтожена карьером, снявшим рыхлые отложения террасы до галечника. Лишь вдоль самой реки сохранились треугольные в поперечном разрезе останцы, на склонах которых в 1980 г. были открыты культурные слои. В 1981, 1985 и 1986 гг. в трех раскопах было исследовано $\sim$200 м^2 площади памятника.

Стоянка была связана с отложениями III террасы с превышением 23—25 м над уровнем Енисея. По описаню А. Ф. Ямских, строение террасы рисуется следующим образом. На сложенной сланцами цоколь наложена толща щебнисто-глыбовых коллювиально-делювиальных отложений. Выше залегают русловый (пески и валунно-галечный горизонт) и пойменно-старичный (заиленные супеси) нормальный аллювий. Далее следует сложно построенная пачка чередующихся песков и супесей общей мощностью $\sim$4 м (перигляциальные пойменно-русловые осадки). На глубине $\sim$1 м залегает 1-й культурный слой, на глубине 2,8—3,2 м — 2-й. Прослеживается три горизонта мерзлотных клиньев (один из которых рассекает 2-й культурный слой, другие находятся выше и ниже культурных остатков), а также солифлюкционные нарушения на двух уровнях в верхней части отложений.

В промежуточном горизонте находок, на глубине 1,2—1,5 м, найдены кости зубра и кулана, в 1-м горизонте 2-го культурного слоя — козерога или аргали, во 2-м горизонте — зубра, кулана, благородного оленя, сибирского козерога и аргали (?), в 3-м горизонте — зубра, кулана, аргали и козерога, а также кости сурка. Судя по залеганию 2-го слоя стоянки в нижней части толщи перигляциального аллювия III террасы, его можно предварительно отнести к начальному этапу сартанского времени. Единственная радиоуглеродная дата, полученная по углю,—22 830$\pm$1060 (ЛЕ-4189).

1-й культурный слой был представлен немногочисленными находками. Основной, 2-й слой стоянки состоял из трех горизонтов залегания, из которых 1-й и 2-й были разделены стерильной прослойкой в 5—15 см, а 2-й и 3-й непосредственно налегали друг на друга, отличаясь только по геологическому контексту. 2-й горизонт залегал на нижнем контакте плотной желтовато-серой супеси, а 3-й — в верхах серого песка с дресвой. В ходе раскопок остатки этих горизонтов расчищались вместе, четко различаясь по литологии.

К 1-му горизонту слоя относились вскрытая в раскопе 1 выкладка из пяти плиток камня и единичные находки, тогда как 2-й горизонт прослеживался повсеместно. В раскопах 1 и 2 в нем были открыты необычные объекты — скопления валунов и плиток камня, состоявшие из трех — семи камней каждая. Наиболее выразительно одно из них, где четыре валуна были составлены вместе, образуя род кольца (рис. 4). В данном случае можно предполагать, что они служили для крепления столба. Интерпретация подобных структур весьма затруднительна, ибо в других сибирских палеолитических памятниках каменные выкладки непременно связываются с очагами. Аналогию нашим объектам представляют выкладки, открытые на мадленской стоянке Ле Ма во Франции [13]. Автор раскопок интерпретирует их как остатки легких жилищ из

Рис. 4. Каменные конструкции 2-го культурного слоя стоянки Уй I

шкур, края перекрытия которых придавливались камнями. При поднятии перекрытия гальки оказывались разбросанными. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в раскопе 1 повышенная концентрация находок и обширные пятна окрашенного охрой слоя располагались к северу от линии, соединяющей четыре выкладки. Вероятно, здесь существовало жилище, по большей части уничтоженное склоновыми процессами.

В раскопе 2 было вскрыто скопление расщепленного камня, а раскоп 3 дал действительно сенсационное открытие. Это конструкция из 21 обломка ребер животных, вбитых вертикально или под углом. В плане эти кости образовывали

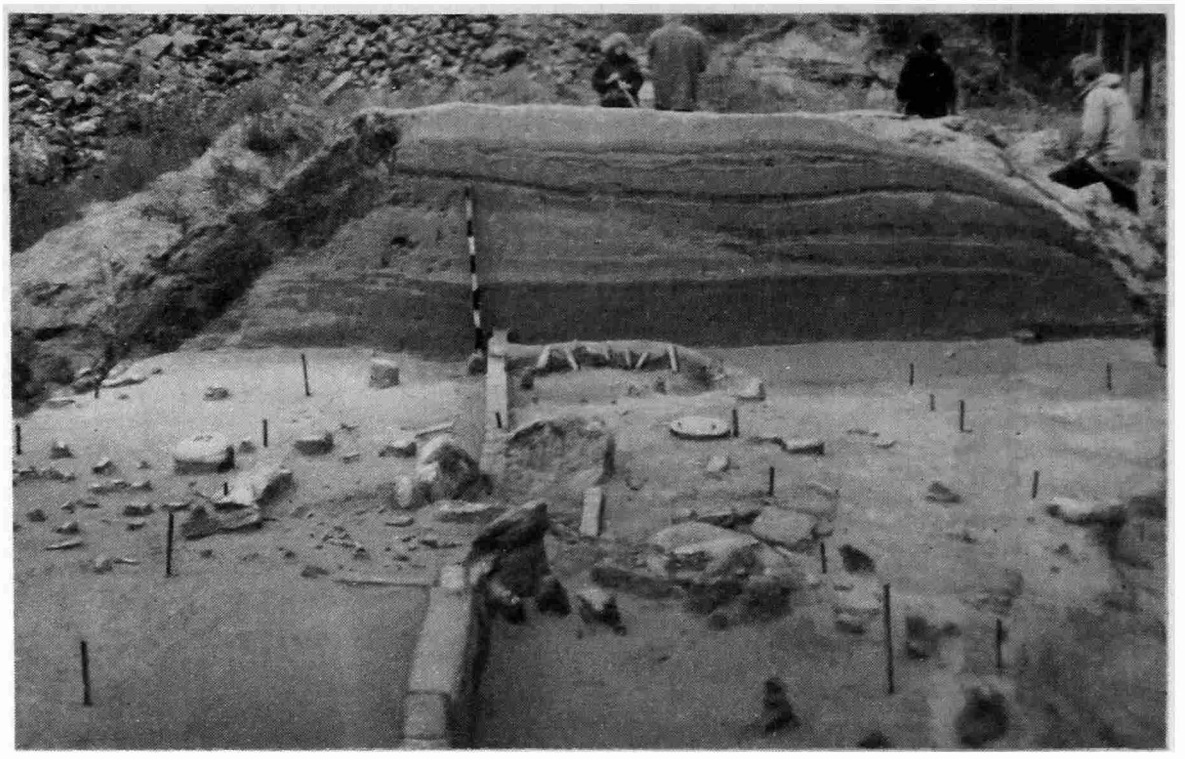


Рис. 5. «Костяной овал» (на заднем плане) и остатки наземного жилища с очагом в центре (на переднем плане) во 2-м культурном слое стоянки Уй I

вытянутый по направлению север — юг овал размерами 150×85 см (рис. 5). Мы не нашли аналогий подобному объекту в палеолите. Может быть, для его интерпретации следует обратить внимание на этнографические данные, свидетельствующие об обычае растягивать шкуру животных для просушки на деревянных или костяных колышках.

3-й горизонт слоя был более насыщен находками, особенно в центральной части раскопа 2, где он имел вид коричневой прослойки мощностью 5—10 см, предельно забитой обломками костей, углями, охрой, предметами из расщепленного камня. В раскопе 3 были отмечены остатки жилища овальной формы в виде линзы углистого слоя с четкими границами, размерами 1,6×2,3 м. По краям ее залегали валуны и обломки камня, вероятно, придавливавшие перекрытие. От жилища к югу находки тянулись в виде узкой полосы, по-видимому, здесь располагался вход. В центре жилища были расчищены остатки почти квадратного в плане очага. С трех сторон он был окружен каменной обкладкой из вбитых острыми концами вниз и заклиненных мелкими камнями у основания трех гранитных валунов и вертикально стоявшей сланцевой плиты (своего рода каменный ящик). Рядом с очагом лежали еще четыре валуна со следами обожженности, идеально соответствовавших недостающей северной части ящика. К западу от очага имелись две небольшие приочажные ямки. Исследованный на стоянке Уй I очаг близок известным очагам кокоревского типа [2, с. 9—25, 120—121], но отличается от них в плане.

Индустрия 2-го слоя стоянки своеобразна. Техника расщепления базировалась на мелких одно- и двухплощадочных призматических и конусовидных ядрищах, много также одно- и двусторонних дисковидных форм. В небольшом числе встречаются леваллуазские черепаховидные, торцовые и клиновидные микронуклеусы, крупные плоские одноплощадочные и пирамидальные ядрища. В орудийном наборе господствуют скребки на пластинах и отщепах: короткие и укороченные, округлые, двойные. Ряд крупных, широких скребков образует серию, переходную к скреблам. Разнообразны формы долотовидных орудий. Скребла немногочисленны. Имеются также пластины и пластинки с

ВРЕМЯ (тыс. лет)	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД	МАЙНИНСКАЯ СТОЯНКА		УЙ II	УЙ I	ДРУГИЕ ПАМЯТНИКИ РЕГИОНА
		западный участок	восточный участок			
4	ЭНЕОЛИТ					Тоора-Даш, сл. I–IУ
5						
6	НЕОЛИТ	неолитический слой				Усть-Хемчик 3, сл. 1–2
7						
8						
9						Сосновка Голованьская, сл. 2
10	?					
11	ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ	А–1 А–2 А–3	0	2 3	I	Майнинский Лесозавод Кантегир, сл. 1 Голубая IУ
12			1	4		Сизая УШ, сл. 1–2
13			2–1 2–2 2–3 2–4 2–5	5 6		Голубая I, сл. 1–3 Кантегир, сл. 2
14			3 3б 3а	7	2	Джой, Сизая У, сл. 1–3 Означенное I
15		Б	4			Кантегир, сл. 3–5
16		В	5 6			
17		Г	7 8			Нижний Иджир I
18			9			

Рис. 6. Схема развития каменного века в бассейне Верхнего Енисея. Сведения о других памятниках региона заимствованы из работ С. Н. Астахова, В. И. Беляевой и Вл. А. Семенова

ретушью, острия, ретушированные отщепы, зубчатые и выемчатые изделия, пластинки с притупленным краем. Комплекс дополняют плоская галька со сточенными краями и галька-ретушер. Найдены орудие из обломка трубчатой кости со следами ретуши на обоих краях (оно использовалось и в качестве ретушера), две тонкие костяные проколки, фрагмент рогового наконечника. Украшения представлены клыком-подвеской с просверленным отверстием.

Место оригинальной индустрии стоянки Уй I в сибирском палеолите пока не вполне ясно. На особенности данного комплекса наложило отпечаток функцинальное своеобразие памятника. В отличие от большинства енисейских стоянок здесь слабо представлен начальный этап расщепления камня, зато много мелких сработанных ядрищ. Особенности типологии и техники расщепления позволяют выделить здесь особый вариант палеолита Енисея, хронологически соответствующий средней поре позднего палеолита, предшествовавшего кокоревской и афонтовской культурам.

Кроме того, к палеолиту можно отнести менее исследованную стоянку Майнинский Лесозавод, расположенную в 1 км к северу от устья р. Уй, в 200 м от Енисея, на участке II террасы. В выемках на поверхности террасы здесь были собраны находки, а в одном из обнажений встречены выходы культурного слоя. Немногочисленная коллекция, включающая одноплощадочные, левалуазские черепаховидные и дисковидные ядрища, продольные скребла, галечные орудия, удлиненные долотовидные и клювовидные изделия, скребки, резцы, острия, находит аналогии в инвентаре верхних слоев Майнинской стоянки и позволяет отнести памятник к афонтовской культуре [14]

Полученные в ходе многолетних раскопок у пос. Майна материалы дают возможность наглядно представить себе облик культуры Верхнего Енисея в интервале от 24—22 до 10 тыс. лет. (рис. 6). К этому же времени относится абсолютное большинство памятников каменного века, известных в долине Енисея. К сожалению, ни генезис, ни дальнейшая судьба культур позднего палеолита практически не известны. На Среднем Енисее финальному этапу палеолита,

представленному кокоревской и афонтовской культурами, предшествуют мало исследованные пластинчатые индустрии типа Тарачихи, Афанасьевой Горы и Шленки [15—17]. Развитие культуры в раннем голоцене также почти не изучено. Стоянки, которые можно надежно датировать этим временем, единичны. Фактически между финальным палеолитом Майнинской стоянки и ранним неолитом этого же памятника, верхнего слоя стоянки Уй II и Усть-Хемчика 3 зияет большой пробел. Заполнение обширных лакун в наших знаниях о каменном веке Енисея — первоочередная задача современных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
2. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
3. *Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986.
4. *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.
5. *Васильев С. А., Ермолова Н. М.* Майнинская стоянка — новый памятник палеолита Сибири // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983.
6. *Васильев С. А., Цейтлин С. М., Свеженцев Ю. С.* Статиграфия и геологический возраст многослойной Майнинской стоянки на Енисее // БКИЧП. 1986. № 55.
7. *Васильев С. А., Ямских А. Ф., Ермолова Н. М. и др.* Палеогеографические условия обитания человека каменного века на Майнинской стоянке // Палеогеография Средней Сибири. Красноярск: Изд. Красноярск. пед. ин-та, 1987.
8. *Васильев С. А.* Клад каменных орудий из Майнинской палеолитической стоянки // СА. 1985. № 3.
9. *Васильев С. А.* Глиняная палеолитическая статуэтка из Майнинской стоянки // КСИА. 1983. № 173.
10. *Vasil'ev S. A.* Une statuette d'argile paléolithique de Sibérie du Sud // L'Anthropologie. 1985. T. 89. № 2.
11. *Vasil'ev S. A.* Maininsk — ein neuer palāolithischer Fundplatz in Sibirien // Rentierjāger und Rentierzüchter Sibiriens fruher und heute. Duisburg, 1985.
12. *Васильев С. А.* Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988.
13. *Gaussen J.* Le Paléolithique superieur de plein air en Perigord. XIV Suppl. à «Gallia Préhistore». P.: Ed. CNRS, 1980.
14. *Васильев С. А.* Палеолитическая стоянка у пос. Майна // КСИА. 1987. № 189.
15. *Абрамова З. А.* Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее // КСИА. 1983. № 173.
16. *Лисицын Н. Ф.* Афанасьева Гора // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987.
17. *Астахов С. Н., Ямских А. Ф.* Новая верхнепалеолитическая индустрия и геолого-геоморфологическое положение стоянки «Шленка» // Природные условия и ресурсы юга Сибири. Красноярск: Изд. Красноярск. пед. ин-та, 1984.

Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

S. A. VASILYEV

THE LATE PALAEOLITHIC OF THE UPPER YENISEY (ON THE RESULTS OF THE EXCAVATIONS AT THE MAININSKAYA HYDROELECTRIC STATION)

In 1980-1987 during the investigations of the territory of future Maininskaya hydroelectric station a number of interesting multilayer Stone Age sites was discovered. Maininskaya site where 22 Palaeolithic and one Neolithic cultural layer were stidied, was the principal object for the investigations. Some geological, geomorphological, faunistic, radiocarbon and palaeomagnetic dates were obtained which allow the author to date the Palaeolithic stratum to the 18th-10th mill. B. P. The industry of the assemblage is characterized by the dominance heavy single- and double platform cores, butt-ended and wedge-like mikrocores, side-scrapers, end-scrapers, chisel-like tools. A vast collection of antler and bone artefacts (points, fastenings, needles, smoothers) is of particular interest. The discovery of a clay figurine in the layer 5 (which is dated approximately to the 16th mill. B. P.) became a true sensation. This site as situated nearby site Ui II belonges to Afontova culture, a number of stages of its development could be traced. The Neolithic assemblage (similar to that of the upper layer of Ui II site) appertaines to the Early aceramic Neolithic (the 5th-4th millenia B. C.). Another site, Ui I is also fo importance. Here in the 2nd layer (the 13—16th mill B. P.) specific stone constructions, the remaines of a dwelling with the hearth disposed in the stone box was discovered. In the center of it an extraordinary oval-shaped construction was studied, made of vertically placed animals' ribs. The industry of the site differs from the known variants of the Late Palaeolithic of Yenisey. The data obtained during the seven-years investigations give a possibility to characterize in details the Late Palaeolithic culture of the Upper Yenisey basin and its development in interaction with the environment.

А. Е. КРАВЦОВ

К ХРОНОЛОГИИ БУТОВСКОЙ И ИЕНЕВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В настоящее время в Волго-Окском междуречье выделено несколько мезолитических культур образований — археологических культур и т. н. «типов памятников» [1, 2] Наиболее широко исследовались памятники бутовской и иеневской культур, однако многие связанные с ними вопросы остаются недостаточно разработанными и дискуссионными. К их числу относятся вопросы хронологии. Хронологическая шкала мезолита региона, базирующаяся на радиоуглеродных и палинологических (независимых) датировках, отсутствует — ее создание затруднено по ряду причин. Среди них: малочисленность в Волго-Окском междуречье стоянок, обеспеченных независимыми датировками; невысокая надежность части имеющихся датировок в связи с тем, что полученные радиоуглеродные даты, как правило, не образуют серий, а датировки, принятые на основании корреляции данных радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов, единичны; отсутствие в публикациях заключений специалистов-палеогеографов и спорово-пыльцевых диаграмм, снижающее достоверность некоторых известных палинологических датировок; отсутствие подробных публикаций археологических материалов большинства датированных памятников, оставляющее возможность их различной интерпретации; медленное введение в научный оборот результатов новых исследований.

В середине 1980-х годов все мезолитические стоянки Волго-Окского бассейна, имевшие к тому времени независимые датировки, относились исследователями или к бутовской, или к иеневской культуре [3] На обоснованности такого решения вопроса о культурной принадлежности датированных стоянок мы остановимся ниже, при рассмотрении конкретных памятников. Здесь же отметим, что в связи с этим бутовско-иеневская проблематика приобрела особое значение для разработки хронологии мезолита региона в целом.

По предложенной Л. В. Кольцовым схеме культурно-хронологического подразделения мезолита Волго-Окского междуречья бутовская культура датируется от середины VIII до конца VI тыс. до н. э. (конец пребореала / начало бореала — ранний атлантикум) [1, с. 71, 76] К ее ранним этапам относятся стоянки Тихоново, Гремячее, Соболево 7; Бутово 1, Лукино 1, Кошево 2. К поздним этапам (вторая половина VII—VI тыс. до н. э.) — Ивановское 3, 7, средний слой Елина Бора, Петрушино, Микулино, Угольново 1, Скнятино 1—3, Берендеево 3, Новошино и др.

На ранних этапах бутовская культура распространена в западной части Волго-Окского междуречья. В конце бореала сюда из Верхнего Поднепровья вторгается группа населения, оставившая памятники иеневской культуры (Дальний Остров, Ладыжино 3, Дмитровское 1, Коприно, Иенево 2 и др.), датирующейся второй половиной VII—VI тыс. до н. э. Она вытесняет племена бутовской культуры в восточную часть региона. В дальнейшем «иеневская культура, находившаяся во враждебных отношениях с бутовской и потерявшая связь с „материнской“ территорией, по-видимому, постепенно выродилась, что привело к облегчению движения „бутовцев“ обратно на запад и ассимиляции ими

© А. Е. Кравцов, 1991 г.

остатков „иеневцев“» [1, с. 86] «Переход к неолиту в регионе осуществлялся на базе бутовской культуры...» [3, с. 91]

Позднее А. Н. Сорокин, используя новые радиоуглеродные серии, пришел к выводу, что «бутовская культура существовала не более 1000 лет, приблизительно в диапазоне 8500—9500 лет назад, т. е. в пребореальное и бореальное время», не исключая, однако, что отдельные локальные группы бутовских памятников «могли дожить до раннего неолита» [4, с. 21]

А. С. Фролов, относивший ранее иеневскую культуру к позднему мезолиту (VII — начало V тыс. до н. э.) [5, 6], в последнее время пересмотрел эту датировку и проводит нижнюю хронологическую границу культуры в первой половине VIII тыс. до н. э. [7]

Л. Л. Зализняком волго-окские иеневские памятники и стоянки типа Песочный Ров Днепро-Деснинского междуречья рассматриваются как локальные варианты одной культуры, имеющей аренсбургскую генетическую основу [8, с. 123, 124]. Уже в 1984 г. он указывал, что памятники деснинской (песочноровской) культуры могут датироваться более ранним, чем поздний мезолит, временем [9], а в своей монографии 1989 г. относит стоянку Песочный Ров к бореалу, синхронизируя с ней такие памятники иеневской культуры, как Алтыново и Староконстантиновская 4. Здесь же для более ранних, по мнению исследователя, стоянок иеневской культуры Ладыжино 3, Дальний Остров, Беливо 4А предполагается (со ссылкой на радиоуглеродные даты последней) пребореальная датировка, а для более поздних — Иенево 2, Пеньково — раннеатлантическая [10, с. 81]

Серии радиоуглеродных дат, полученные в 1983—1987 гг для исследовавшихся автором стоянок Жабки 3, Черная 1 и Беливо 4А, позволили ему в ряде докладов поставить вопросы о необходимости пересмотра принятых в это время датировок некоторых памятников бутовской (ее позднего, по Л. В. Кольцову, этапа) и иеневской культур в сторону их удревнения, о сосуществовании и взаимодействии названных культур в бассейне Оки уже в раннем мезолите [11—13] и развить положения докладов в публикациях, подготовленных совместно с В. М. Лозовским [14] и В. Ю. Луньковым [15]

Постепенное расширение источниковедческой базы на протяжении 1980-х годов делает необходимым обобщение накопившегося фактического материала, оценку надежности имеющихся датировок и некоторых так называемых «хронологических реперов», традиционно применяемых при обосновании возраста памятников сравнительно-типологическим методом, а также оценку надежности культурной атрибуции стоянок, датированных радиоуглеродным и спорово-пыльцевым методами, и уточнение на этой основе ранее предложенных хронологических схем.

К настоящему времени естественнонаучные методы применялись для определения возраста около 20 мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья [1] Из них к бутовской культуре разными исследователями отнесены 11: Черная 1, Бутово, Суконцево 7, Малая Ламна 3, Жабки 3, Скнятино, Елин Бор (средний слой), Велетьминская 9, Ивановское 3 и 7, Берендеево 3. К иеневской культуре отнесены 5 стоянок: Ладыжино 3, Митино 5, Дальний Остров, Дмитровское 1, Коприно. Одна стоянка — Беливо 4А — интерпретируется как памятник смешанной культурной традиции, отражающий взаимодействие иеневской и бутовской культур. О некоторых неопубликованных материалах автор сведениями не располагает.

Среди перечисленных памятников бутовской культуры данными и радиоуглеродного, и спорово-пыльцевого анализа обеспечены стоянки Бутово и Чер-

---

[1] Использованные в статье неопубликованные материалы стоянки Бутово (по раскопкам 1987 г.) предоставлены М. Г. Жилиным; Малая Ламна 3 — А. В. Уткиным; Митино 5 — Т. М. Кузнецовой; Суконцево 7 — А. Н. Сорокиным. Приношу названным исследователям свою благодарность.

ная 1 [2]. Последняя, несмотря на «чистоту» археологических комплексов, дала радиоуглеродную серию со значительным разбросом дат. Подобное явление отмечается в большинстве радиоуглеродных серий, полученных для памятников различных регионов. Очевидно, по мере накопления материалов с ним предстоит столкнуться и на многих волго-окских стоянках. В связи с этим рассмотрим условия залегания материалов стоянки Черная 1, типичные для большинства мезолитических памятников региона и, очевидно, отрицательно сказывающиеся на точности датирования.

Стоянка Черная 1 [14] исследовалась автором в 1978, 1979, 1982—1984 гг. Расположена на первой надпойменной террасе р. Цны (Приокская Мещера, Московская обл.). Стратиграфия ее обычна для дюнных отложений на площадках речных террас региона и соответствует профилю подзолистых почв. Слои сверху вниз и их мощность: 1) дерн — 2—10 см; 2) гумусированный песок с угольками — 5—30; 3) белесый песок (подзол) — 8—35; 4) рыжий песок — 5—30; 5) грязно-серо-желтый песок — 20—50; 6) толща светло-серых эоловых песков с ортзандами — видимая глубина до 170 см. Находки залегали горизонтом мощностью 35—55 см в основном в литологически выделенных слоях 3 и 4, иногда встречаясь в слое 2. Горизонт залегания находок имеет многочисленные нарушения корнями деревьев. Большинство из них истлело в древности, часть выгорела при лесных пожарах и представляет собой углистые пятна, аморфные или клиновидные в разрезах, прослеженные от слоев 1 или 2. Аналогичные пятна прослежены и глубже горизонта залегания находок, от контакта слоев 4 и 5 и в слое 5, но здесь они не содержали в заполнении кремней, что наряду со стратиграфическим положением указывает на их относительно более древний по сравнению со стоянкой возраст и естественное происхождение. Правильность интерпретации этих пятен как остатков выгоревших корней и пней косвенно подтверждается спорово-пыльцевым анализом, выявившим в раннебореальных, атлантических и субатлантических отложениях пыльцу семейства Onagraceae, часто произрастающих на пожарищах, что, по заключению Е. А. Спиридоновой, может указывать на распространение лесных пожаров в районе стоянки как до, так и после ее бытования.

В двух раскопах (123 и 83 м^2) на расстоянии 18 м друг от друга открыто по одному скоплению расщепленного кремня. Первое вскрыто частично на площади 20 м^2; с ним сопряжено пять кострищ. Второе площадью 40 м^2 исследовано полностью; в скоплении и рядом — три кострища. Из 6064 находок (22% — орудия, в том числе 19% — морфологически выраженные) 2274 составляют комплекс раскопа I, 3663 — раскопа II.

Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные подконические, торцовые и односторонние от пластин с параллельными снятиями; встречены нуклеусы от отщепов — одноплощадочные подконические и многоплощадочные аморфные. Среди орудий в раскопе I из пластин сделано 29%, в раскопе II — 39%. Преобладают резцы, из них 4/5 с неподработанной площадкой, малочисленны двугранные, резцы с ретушированной площадкой единичны. Вдвое меньше скребков, относительно преобладают концевые, но больше половины приходится на иные типы: подокруглые, подчетырехугольные, аморфные и т. д. Много пластин с приостряющей ретушью, скобелей, сверл, вкладышей, микролитов с поперечно ретушированным торцом, скошенных острий, комбинированных орудий. Большими сериями представлены постсвидерские наконечники стрел и двусторонне обработанные оббивкой, а в ряде случаев и частичой шлифовкой овальные, трапециевидные, подтреугольные тесла. Найдены сколы с шлифованных орудий из кремнистого известняка и кремня и абразивные плитки. Упомянем

---

[2] Спорово-пыльцевой анализ для стоянок Черная 1, Бутово, Митино 5 выполнен в ИА АН СССР Е. А. Спиридоновой, неоднократно помогавшей автору своими консультациями во время работы над этой статьей. Радиоуглеродный анализ для стоянок Черная 1, Бутово, Суконцево 7, Жабки 3, Беливо 4А выполнен в ГИН АН СССР Л. Д. Сулержицким. Пользуясь случаем, выражаю им глубокую признательность.

находки двух скребел, единичной пластинки с частично притупленным краем (раскоп I) и скошенного острия с пильчатой ретушью по краю (раскоп II). Комплексы инвентаря обоих раскопов соответствуют типологическому составу позднего, по Л. В. Кольцову [3], этапа бутовской культуры. Их специфические черты: широкое применение шлифовки, оформление насадов наконечников притупливающей ретушью при эпизодичности использования плоской, многочисленность наконечников с ретушью по краям пера и отдельных экземпляров с ретушью по периметру.

Структуры комплексов раскопов I и II аналогичны. В то же время между ними имеются определенные технико-типологические различия. Так, комплекс раскопа II характеризуется более высокой пластинчатостью в целом и всех основных классов орудий в отдельности, большим удельным весом концевых скребков и т. д. Это позволяет предположить, что названные комплексы связаны с бытованием не одного поселения, а двух однокультурных обособленных стоянок. Хронологический разрыв между ними, очевидно, незначителен и поэтому не может быть зафиксирован радиоуглеродным анализом, что делает целесообразной датировку памятника в целом.

Его возраст отражают пять дат по образцам древесного угля, отобранным из углубленных кострищ по всей мощности их заполнения с глубин 40—80 см. Три — для кострищ из раскопа I: 8190±120; 8630±40; 8720±200 лет назад (ГИН — 3893, 3894, 3891); одна — из раскопа II — 8730±300 лет назад (ГИН — 3551); в этом же раскопе датировано углистое пятно неясного происхождения, прослеженное от верхней части горизонта залегания находок — 8060±100 лет назад (ГИН — 3547) — дата не древнее стоянки.

Таким образом, радиоуглеродная датировка памятника — ориентировочно 8—9 тыс. лет назад, вероятнее всего, 8,3—8,6 тыс. Сверху и снизу она ограничена датами древних лесных пожаров: прослеженный от почвенного гумуса прорезавший горизонт залегания находок выгоревший корень датирован 7300± ±500 лет назад (ГИН — 3892); возраст углистых линз аналогичного происхождения в отложениях, подстилающих горизонт залегания находок,— 9110±50 и 9280±160 лет назад (ГИН — 3895, 3552).

Спорово-пыльцевой анализ показал, что в непереотложенном состоянии находки залегали в отложениях второй половины и конца бореала, что приблизительно соответствует времени 8,6—8,0 тыс. лет назад [16]. Корреляция данных радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов делает датировку стоянки Черная 1 надежной и позволяет рассматривать этот памятник как опорный при разработке хронологии бутовской культуры.

Стоянка Бутово. Открыта в 1956 г., раскапывалась в 1966, 1967 гг. Л. В. Кольцовым [17—19], а в 1987 г.— М. Г Жилиным [20]. Фактически представляет собой несколько однокультурных и, судя по технико-типологическому сходству кремневого инвентаря, близких по времени стоянок, расположенных на дюне на первой надпойменной террасе Волги (Тверская обл.). Вероятно единство материалов раскопов I и IV 1966—1967 гг., соединенных раскопом 1987 г., после чего площадь сплошного вскрытия составила более 670 м^2, а число найденных орудий — около 300.

Характеристику кремневого инвентаря памятника (по материалам 1966—1967 гг.) можно рассматривать как эталонную для раннего этапа бутовской культуры, по схеме Л. В. Кольцова [3]: высокая (более 70%) пластинчатость комплекса орудий; коническая форма одноплощадочных и призматическая двухплощадочных нуклеусов; резкое преобладание среди орудий резцов, в том числе над скребками в 2, 3 раза; доминирование резцов с неподработанной площадкой при наличии (до 20%) резцов с ретушированной площадкой и единичности двугранных; полное преобладание среди скребков концевых; многочисленность скобелей, комбинированных орудий; наличие пластин с приостряющей ретушью, перфораторов, вкладышей, скошенных острий. В серии симметричных наконечников стрел из пластин — черешковые и (редко) иволистные с полукрутой

отжимной ретушью по насаду на брюшке (кроме 1 экз.) и крутой на спинке. Существенно дополняют представление о памятнике найденные при раскопках 1987 г. пластинки с затупленным вертикальной ретушью краем и наконечники из пластин с большими участками плоской ретуши на пере по брюшку [20].

Известная бореальная датировка памятника, предложенная на основании визуального геологического обследования [21, с. 268] в 1987., получила необходимое подтверждение и уточнена радиоуглеродным (по древесному углю из кострища) и спорово-пыльцевым анализами, данные которых позволяют относить стоянку к началу бореального периода [3]

Стоянка Суконцево 7 исследовалась раскопками на площади около 400 м^2 А. Н. Сорокиным в 1984—1985 гг. [22, с. 26, 27] Расположена на первой надпойменной террасе Волги (Тверская обл.); материал частично переотложен в пойму. Коллекция насчитывает 7909 кремней, включая 226 морфологически выраженных орудий, и полностью соответствует типологическому составу бутовской культуры. По расчетам А. Н. Сорокина, материал обладает высоким показателем сходства с инвентарем описанной выше стоянки Черная 1. Однако между ними имеются и различия, вероятно, как хронологического характера, так и связанные с хозяйственной спецификой памятников. К первым мы относим: более высокую пластинчатость комплекса орудий (свыше 50%) и абсолютное преобладание среди скребков Суконцево 7 концевых; наличие в инвентаре этого памятника наряду с постсвидерским наконечником наконечников стрел со свидерским характером обработки, пластинок с затупленным краем, пластинки с затупленным краем и скошенной базой; эпизодичность применения шлифовки, отжимной и двусторонней ретуши. С хозяйственной спецификой могут быть связаны различия в структуре комплексов, например преобладание в Суконцево 7 скребков над резцами.

По технико-типологическим признакам стоянка Суконцево 7 представляется более древней, чем Черная 1, что подтверждается серией из четырех радиоуглеродных дат по образцам древесины и делювиального шлейфа в пойме, отражающих время переотложения археологического материала. Три из них (получены в ГИН) равномерно распределяются в диапазоне 8,6—9,3 тыс. лет назад; четвертая — 9,7 тыс., полученная в лаборатории ЛОИА (ЛЕ), выпадает из серии и, вероятно, удревнена. Таким образом, стоянка бытовала не позднее чем в первой половине бореала, скорее всего в начале этого периода.

Стоянка Малая Ламна 3 исследовалась в 1983 г. Д. А. Крайновым и А. В. Уткиным [23, 24]. Она расположена на низком песчаном берегу оз. Ламненского (бассейн Оки, Ивановская обл.). На стоянке вскрыто 148 м^2 Найдено свыше 2000 кремней, включая не имеющие вторичной обработки, из которых 2/3 собраны на прибрежной отмели. Коллекция орудий (около 50% из пластин) статистически представительна, но обладает суженным типологическим составом и определенным своеобразием: подокруглые скребки преобладают над концевыми; двугранные резцы и резцы с неподработанной площадкой представлены примерно равным числом экземпляров; имеются три трапеции — две мелкие, средневысокие симметричные из пластин, одна более крупная, высокая асимметричная из отщепа. Найден прямоугольный шлифованный топор из сланца. Принадлежность памятника к бутовской культуре определяется по серии постсвидерских наконечников стрел. Его возраст намечается по единичной радиоуглеродной дате по древесному углю из кострища 8800$\pm$50 лет назад [4]

Стоянка Жабки 3 исследовалась автором в 1979—1982 гг. [25—27], расположена на останце первой надпойменной террасы р. Цны (бассейн Оки, Мещера, Московская обл.) в 2,5 км от стоянки Черная 1. Информативность полученных здесь материалов снижается из-за механического смешения в песчаном слое разновременных мезолитических находок и находок, относящихся к раннему

---

[3] Устное сообщение М. Г Жилина.
[4] Устное сообщение А. В. Уткина.

неолиту. Культурные остатки распространены на площади 10—12 тыс. м^2 В трех раскопах (42, 181 и 16 м^2), заложенных на расстоянии около 150 м друг от друга, они залегали, не образуя скоплений, причем средняя насыщенность слоя в несколько раз превышала обычную для мезолитических памятников Мещеры, что объясняется многократным заселением исследованных раскопками участков. Смешение разновременных материалов отражают и шесть радиоуглеродных дат по древесному углю из кострищ в раскопе II. Они объединяются в три хронологические пары, отмечающие заселение останца в позднем мезолите (условно обозначим стоянку или стоянки этого времени Жабки 3А) — 8750±120 и 8520±300 лет назад (ГИН — 3212, 3213); в финальном мезолите (условно — Жабки 3Б) — 7680±120 и 7500±100 лет назад (ГИН — 2768, 3211); в раннем неолите (Жабки 3В) — 6870±100 и 6460±160 лет назад (ГИН — 2767, 3214).

Смешанный характер материалов позволяет рассматривать находки из всех раскопов суммарно. Найдено всего 19,5 тыс. изделий из камня, 17% из них — орудия. Ядро коллекции составляют изделия, находящие прямые аналогии в инвентаре Черной 1. Наличие синхронных ей однокультурных материалов (Жабки 3А) подтверждается парой наиболее ранних дат.

Со стоянками верхневолжской культуры раннего неолита (Жабки 3В) связаны 112 фрагментов керамики, в том числе 109 с примесью птичьего помета [5], с орнаментом из треугольных или каплевидных наколов или неорнаментированных; три — с примесью шамота, один из них — с пунктирным орнаментом. По существующей периодизации верхневолжской культуры [28], комплекс накольчатой керамики относится к ее раннему этапу; вероятно, ему соответствуют даты 6870±100; 6460±160 лет назад. С керамикой следует связывать некоторые типы каменных орудий, неизвестные в мезолите и получившие распространение в неолите региона. Это тщательно обработанные с двух сторон оббивкой, ретушью, а часто и шлифовкой тесла с выпуклой спинкой, тесла и узкие долота с намечающимся желобком на лезвии, ряд наконечников стрел из пластин с ретушью по периметру и наконечник с почти полной двусторонней обработкой, сверленое сланцевое грузило.

Не находят аналогий в инвентаре Черной 1 и некоторые орудия вполне мезолитического облика: пластинки с затупленным краем, с затупленным краем и усеченным ретушью торцом (серии); разнообразные мелкие острия с ретушью по одному или двум краям; иволистный наконечник стрелы со свидерским характером обработки; долотовидные орудия, мелкие овальные и трапециевидные рубящие из тонких отщепов с краевой обработкой и малым углом заострения лезвий, определенные автором как стамески, и др. Эти изделия скорее всего имеют мезолитический возраст, но, за редким исключением, их соотношение с конкретными радиоуглеродными датами неясно. Так, материалы финального мезолита (Жабки 3Б) не могут быть выделены в сколько-нибудь полный комплекс; их культурная принадлежность в связи с этим неясна. Вероятно, к финалу мезолита частично или полностью относится серия стамесок, одна из которых найдена в кострище, датированном 7680±120 лет назад. Возможно, на вскрытой площади имеются и остатки стоянок более ранних, чем Черная 1, присутствие которых радиоуглеродным анализом на зафиксировано. С ними предположительно связаны наконечник со свидерским характером обработки, серии микролитов с затупленным краем и некоторые другие находки.

Стоянка Скнятино исследовалась П. Н. Третьяковым в 1937 г. [29] Несколько однокультурных и, очевидно, близких по времени стоянок расположено на трех соседних дюнах на первой надпойменной террасе р. Нерли Волжской (Тверская обл.). В раскопках и на поверхности найдено 52 морфологически выраженных орудия и 420 ножевидных пластин, включая пластины с ретушью и вклады-

[5] По данным микроанализа, выполненного Ю. Б. Цетлиным.

ши. Наконечники стрел со свидерским и постсвидерским характером обработки занимают среди орудий второе по численности место, уступая только скребкам. Последние в 2,5 раза преобладают над резцами. Скошенные острия, скобели и перфораторы и многие другие типы орудий, характерные для стоянок региона вне зависимости от их культурной принадлежности, в публикации отсутствуют. Такой типологический состав и соотношение основных классов орудий указывают на неполное выделение изделий с вторичной обработкой и сортированность коллекции. Тем не менее устойчивость конической и призматической форм одноплощадочных нуклеусов от пластин (20 экз.), высокая пластинчатость выделенной группы орудий, полное преобладание среди скребков концевых, типологический состав и морфология наконечников стрел не оставляют сомнения в принадлежности памятника к бутовской культуре, причем по опубликованным изделиям наиболее близкие аналогии прослеживаются в инвентаре стоянки Бутово.

По результатам палинологического изучения, стоянки Скнятинских дюн были отнесены П. Н. Третьяковым в бореальному периоду [29, с. 15] Неразработанность методики спорово-пыльцевого анализа для дюнных памятников в 1930—1940-е годы дала повод Л. В. Кольцову отказаться от бореальной датировки памятника и предложить более позднюю — начало атлантикума [21, с. 268], базирующуюся на новой интерпретации опубликованной П. Н. Третьяковым диаграммы. Эта точка зрения нуждается, однако, в подкреплении надежной аргументацией. По нашему мнению, первоначальная датировка в целом верна и может быть уточнена: судя по отсутствию в пыльцевом спектре культурного слоя пыльцы широколиственных и отмеченному здесь максимуму пыльцы ели [29, рис. 4], датирующемуся по ряду разрезов в центре и на севере европейской части СССР около 9200 лет назад, памятник относится к началу бореального периода.

Стоянка Велетьминская 9 исследовалась М. Г Жилиным в 1981—1983 гг. [30, 31]. Расположена на первой надпойменной террасе р. Велетьма (бассейн р. Оки, Горьковская обл.). Раскопана на площади 450 м^2; найдено значительное количество расщепленного кремня, в том числе около 120 орудий. Инвентарь характеризуется развитой пластинчатой и микропластинчатой техникой, основанной на расщеплении одноплощадочных конических и призматических нуклеусов. Типологический состав орудий беден; сериями представлены (в порядке убывания количества): резцы с неподработанной площадкой, вкладыши, скошенные острия, пластинки с поперечно срезанным ретушью концом, концевые скребки, шлифованные рубящие орудия. По данным спорово-пыльцевого анализа, стоянка бытовала в начале атлантического периода [32]

Стоянка относится к памятникам типа Красново 1, на основании трасологического и сравнительно-типологического анализов интерпретирующимся М. Г Жилиным как специализированные охотничьи лагеря позднего этапа бутовской культуры [32] Однако, по мнению А. Н. Сорокина, памятники этого типа, где нет традиционных бутовских предметов охотничьего вооружения, к бутовской культуре не относятся и генетически связаны с мезолитом Камско-Вятского междуречья [4, с. 19]. По нашему мнению, отсутствие в инвентаре охотничьих лагерей типа Красново 1 наиболее характерных для бутовской культуры постсвидерских наконечников стрел заставляет считать вопрос о культурной принадлежности этих памятников открытым. Связь атлантической датировки стоянки Велетьминская 9 с поздним этапом бутовской культуры строго не доказана.

Представляется неясной и культурная принадлежность залегавших в торфяниках материалов стоянок **Ивановское 3, 7** [33] и **Берендеево 3** [1, с. 73, табл. 45] (бассейн Волги, Ярославская обл.), определенных Л. В. Кольцовым как позднебутовские [1, с. 73, 74] Для первых двух памятников их исследователями Д. А. Крайновым и Н. А. Хотинским опубликованы спорово-пыльцевые диаграммы [33, рис. 1, 6], указывающие на бореальный возраст мезолитиче-

ских слоев, подтвержденный радиоуглеродными датами для стоянки Ивановское 3 — 8850±70 [33, с. 103] и 8900±100 лет назад [34, с. 54] Для исследовавшейся Л. В. Кольцовым стоянки Берендеево 3 опубликована радиоуглеродная дата по торфу из основания отложений, содержащих археологический материал,— 8800±100 [35, с. 63] Другая радиоуглеродная дата, полученная для деревянного помоста в культурном слое,— 5790 лет до н. э. [1, с. 73]

Кремневый инвентарь Ивановского 3,7 и Берендеево 3 немногочислен и обладает узким типологическим составом, в частности не содержит наконечников стрел, микролитов с затупленным краем, почти не содержит рубящих орудий и т. д. Учитывая все более отчетливо выявляющееся культурное многообразие мезолита Волго-Окского междуречья, мы не можем считать культурную принадлежность указанных стоянок надежно установленной до значительного пополнения коллекций и введения их в научный оборот.

В связи с определением хронологии позднего этапа бутовской культуры получила известность атлантическая датировка [21, с. 268] среднего слоя **стоянки Елин Бор** (р. Ока, Владимирская обл.) [36]. Однако она предложена на основании визуального геологического обследования памятника, не подтверждена радиоуглеродным или спорово-пыльцевым анализами и поэтому должна быть исключена из числа независимых датировок. Заметим также, что обследовавший стоянку А. А. Асеев определяет ее возраст в гораздо более широком диапазоне — 11—6 тыс. лет назад, ссылаясь при этом на археологические источники [37, с. 184—186]

Таким образом, основой для разработки хронологии бутовской культуры могут являться в настоящее время датировки только шести из 11 рассмотренных выше стоянок. Кроме того, необходимо учитывать датировку стоянки Беливо 4А, отражающей взаимодействие иеневской и бутовской культур.

Стоянка Беливо 4А исследовалась автором в 1984—1985 гг. [15] Она расположена на первой надпойменной террасе р. Нерской (бассейн р. Оки, Московская обл.). Условия залегания материала и стратиграфия в основном аналогичны отмеченным на стоянке Черная 1, отличие состоит в распашке гумусированного песка и фрагментарности слоя подзола, представленного в Беливо 4А отдельными линзами. В раскопе (209 м^2) исследовано скопление кремней (4×10 м) с остатками легкого наземного жилища в центре, шесть кострищ, хозяйственная яма. По подбирающимся друг к другу сколам и фрагментам изделий установлена синхронность названных объектов, исключая одно из кострищ, расположенное вне скопления. Планиграфия памятника и стратиграфические данные позволяют рассматривать его как практически чистый, единый комплекс.

В коллекции 2082 предмета из камня (18% — орудия). Резцы незначительно преобладают над скребками; среди первых доминируют с неподработанной площадкой, около 1/5 части имеют ретушированную площадку; среди вторых преобладают концевые, единичные подокруглые. Найден обломок шлифованного топора и сколы с шлифованных орудий из кремнистого известняка. Наряду с изделиями, обычными для большинства мезолитических стоянок региона вне зависимости от их культурной принадлежности (скобели, перфораторы, пластины с ретушью, скошенные острия и т. д.), в инвентаре представлены как специфические иеневские, так и специфические бутовские признаки. Иеневские элементы резко преобладают в группе наконечников стрел. К ним относятся: наконечники типа лингби (2 экз.), черешковый наконечник, близкий к аренсбургским, косолезвийные наконечники с боковой выемкой (3 экз.), высокая симметричная трапеция (поперечно-лезвийный наконечник), неравносторонний треугольник, а также крупные острия с затупленным краем (2 экз.— обушковые ножи). С бутовским компонентом, по нашему мнению, связаны: развитая пластинчатая техника на базе расщепления одноплощадочных конических и призматических нуклеусов, высокая пластинчатость группы орудий (60%), постсвидерский черешковый наконечник стрелы, серия пластинок с затупленным вертикальной ретушью краем, а иногда и со скошенным такой же ретушью

основанием, овальная форма рубящих при отсутствии орудий с перехватом. В качестве элемента, объединяющего обе группы признаков, мы рассматриваем плоскую ретушь на насадах двух наконечников с боковой выемкой, черешкового и поперечно-лезвийного, обычных для иеневских и других памятников аренсбургской традиции. Будучи для них нехарактерной, такая ретушь является одним из основных типообразующих признаков свидерских и производных от них наконечников, что подчеркивает гибридный характер комплекса, отражающего смешение двух различных культурных традиций. Заметим, что на литовских финально-палеолитических стоянках Мяргяжярис 3 и Эжяринас 17, отражающих, по Р. К. Римантене, взаимодействие аренсбургской и свидерской культур, также представлены наконечники с боковой выемкой и плоской ретушью по насаду [38, рис. 60, 64]

Возраст стоянки определяется радиоуглеродными датами по древесному углю: для очага в жилище и для углистого выброса из этого очага 9550 ± 100 и 8840 ± 110 лет назад (ГИН — 3898, 3899); для двух кострищ и хозяйственной ямы — 9940 ± 300; 8770 ± 180 и 9130 ± 150 лет назад (ГИН — 3897, 4732, 4728).

Несмотря на синхронность перечисленных объектов, разброс дат в серии значителен, что отмечено и на стоянке Черная 1. По нашему мнению, точность датирования снижена из-за неравномерного загрязнения образцов молодым углеродом. Причины, приводящие к загрязнению, вероятно, следующие: залегание кострищ в рыхлом слое на малой глубине, что делает неизбежным попадание в них позднейших угольков и органики, промывающихся из почвенного гумуса дождевыми и талыми водами, протаскивающихся корнями, червями, землероями; повреждения большинства кострищ крупными корнями, впоследствии истлевшими в углистом заполнении; для Беливо 4А — распашка памятника, борозды которой проходят в ряде случаев рядом с древними кострищами, а иногда нарушают их; наличие в бороздах углей, связанных с позднейшей хозяйственной деятельностью.

Возникающие в результате действия этих факторов ошибки в сторону омоложения могут быть различными и, вероятно, существенными. Поэтому результаты радиоуглеродного анализа для памятников с аналогичными условиями залегания могут приниматься только как ориентировочные. При этом каждая дата должна оцениваться с точки зрения возможного загрязнения образца.

Из полученных для стоянки Беливо 4А дат, очевидно, омоложены две — 8840 ± 110 и 8770 ± 180 лет назад. В первом случае молодой углерод мог попасть в образец из борозды распашки и позднейшей костровой ямы, находившихся рядом с датированным очажным выбросом и почти достигавших глубины его залегания; во втором — образец загрязнен вследствие нарушения кострища крупным истлевшим корнем. Для даты 9940 ± 300 лет назад, судя по сходству инвентаря Беливо 4А с инвентарем окских стоянок Ладыжино 3 и Митино 5, датирующихся бореалом, а также пребореальной шведской стоянки Тосскёрр А [39, с. 237, 241], допустимы только минимальные значения. Это позволяет ориентировочно датировать памятник в диапазоне 8,6—9,6 тыс. лет назад, а учитывая омоложение наиболее поздних дат — 8,9—9,6 тыс., что соответствует концу пребореала — началу бореала.

Из рис. 1 видно, что датировки шести бутовских памятников и стоянки Беливо 4А распределяются в диапазоне от 9,6—9,3 до 8,0 тыс. лет назад [6] Нижняя граница диапазона размыта из-за невысокой точности датирования, верхняя — лишь намечается. Стоянки Беливо 4А, Бутово, Скнятино, Суконцево 7 и, вероятно, Малая Ламна 3 образуют раннюю хронологическую группу памятников, датирующуюся от конца пребореала до начала термического максимума бореала (9,6/9,3—8,7 тыс. лет назад). Стоянка Черная 1 и часть материалов стоянки

---

[6] Периодизация и хронология голоцена дана по Н. А. Хотинскому [16]

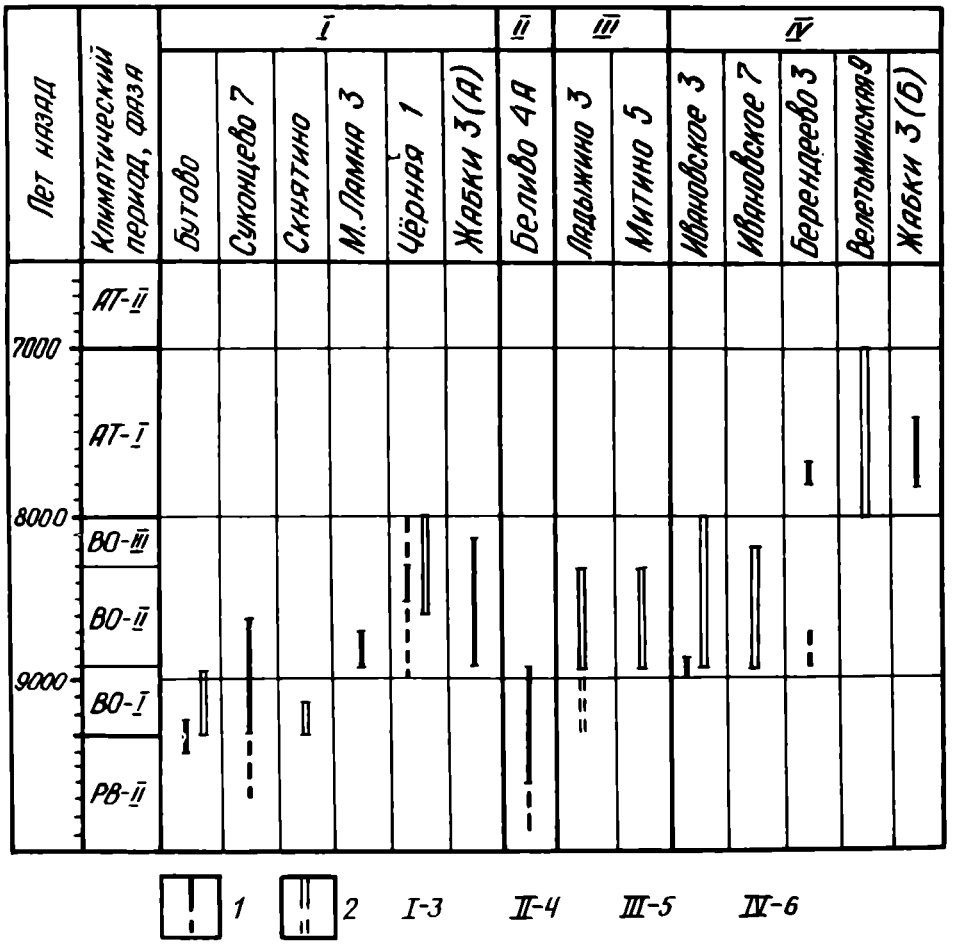


Рис. 1. Радиоуглеродные и палинологические датировки мезолитических памятников Волго-Окского междуречья. *1* — радиоуглеродные датировки; *2* — палинологические датировки; *3* — памятники бутовской культуры; *4* — памятник смешанной иеневско-бутовской культурной традиции; *5* — памятники иеневской культуры; *6* — памятники неясной культурной принадлежности

Жабки 3 (Жабки 3А) образуют позднюю группу, относящуюся ко второй половине бореального периода (8,7—8,0 тыс. лет назад).

Сопоставление инвентаря памятников ранней группы и стоянки Черная 1 позволяет предположить следующие тенденции в развитии кремневой индустрии бутовской культуры: 1) снижение пластинчатости комплексов орудий (от 70—50% в начале бореала до 40—30% во второй его половине); 2) уменьшение доли концевых скребков и рост удельного веса подокруглых, подчетырехугольных и других форм и аморфных; 3) постепенное изживание резцов с ретушированной площадкой; 4) изживание наконечников стрел со свидерским характером обработки, увеличение числа наконечников с ретушью по краям или периметру; 5) увеличение числа шлифованных рубящих орудий и освоение (во второй половине бореала) шлифовки кремня; 6) изживание вертикальной, «обрубающей» край заготовки ретуши и замена ее при оформлении микролитов мелкой притупливающей ретушью.

Перейдем к рассмотрению памятников иеневской культуры.

Стоянка Ладыжино 3 расположена на первой надпойменной террасе р. Оки (Калужская обл.). Исследовалась в 1971—1973, 1976, 1977 гг. А. С. Фроловым [40, 41] В раскопе I площадью 15 м^2 найдено 2008 кремней, в том числе 11 нуклеусов и 106 орудий (35% орудий — на пластинах). Нуклеусы одно- и двухплощадочные, односторонние, торцовые, реже подпризматические. Резцы незначительно преобладают над скребками. Более 1/4 резцов с ретушированной,

остальные с неподработанной площадкой. Среди скребков доминируют концевые. Серией представлены асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой, часть которых находит прямые аналогии в памятниках аренсбургской культуры [39, табл. I, *55, 83*] Отметим находки «обушковых ножей», ланцета, неравностороннего тупоугольного треугольника, топора с перехватом.

По А. С. Фролову, памятник относится к началу бореала [42], однако присутствие в спорово-пыльцевом спектре культурного слоя пыльцы широколиственных пород (7%) ставит эту датировку под сомнение и предполагает более позднюю — середину указанного периода. В то же время преобладание в общем составе пыльцы трав согласуется с раннебореальной датировкой, которая представляется вероятной и из-за наличия архаичных элементов в инвентаре. В связи с этим желательна проверка опубликованной датировки повторным анализом. По имеющимся материалам мы предлагаем датировать памятник в широком бореальном диапазоне, исключая конец этого периода.

Стоянка Митино 5 расположена на второй или третьей надпойменной террасе р. Оки (Тульская обл.). Исследовалась в 1987, 1989 гг. Т. М. Кузнецовой [43] Вскрыто 46 м^2, найдено 4700 расщепленных кремней, в том числе 360 орудий. Комплекс характеризуется слабо развитой пластинчатой техникой. Среди орудий: наконечники стрел с боковой выемкой и черешковые, высокая асимметричная трапеция, двустороннеоббитый топор с перехватом. По данным спорово-пыльцевого анализа, отложения, содержащие археологический материал, образовались в бореале, вероятно, исключая начало и конец этого периода.

Стоянка Дальний Остров занимает моренное всхолмление среди заторфованной котловины оз. Тростенского (бассейн Оки, Московская обл.). Раскопки производились в 1972 г. В. В. Сидоровым (32 м^2) [44], возобновлены в 1989 г. автором (53 м^2). Площадь распространения культурного слоя (6—7 тыс. м^2), примесь по всей его толще материалов эпох неолита и бронзы, высокая насыщенность (около 70 кремней на 1 м^2), отсутствие скоплений и остатков хозяйственно-бытовых объектов указывают на многократное заселение острова, переотложение культурных остатков, смешанный характер полученных коллекций. После раскопок 1972 г. мезолитические материалы памятника рассматривались как единый комплекс [44] Раскопки 1989 г. дают основания считать, что и мезолитический инвентарь разнороден и включает разновозрастные находки, вероятно, от раннего до позднего мезолита. Существенно дополняют опубликованную коллекцию найденные при новых раскопках многочисленные и разнообразные трапеции (13 экз.), прежде на Дальнем Острове не встречавшиеся, что рассматривалось как признак раннего возраста памятника.

В 1975 г. М. Г Жилиным в 70 м от раскопа 1972 г. по зачистке стенки дренажной канавы на торфянике были отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа, выполненного Г Н. Лисицыной. Единичные расщепленные кремни при зачистке найдены в отложениях, образовавшихся в конце бореала. Так как до 1989 г. мезолитические материалы памятника рассматривались как единый комплекс, позднебореальная датировка шлейфа была перенесена на памятник в целом [7] Однако, как показали новые исследования, ее связь с каким-либо конкретным комплексом на острове не устанавливается. Следовательно, названная датировка при разработке хронологии иеневской культуры учитываться не может.

Сказанное относится и к раннеатлантическим палинологическим датировкам стоянок бассейна Верхней Волги Дмитровское 1 и Коприно (Тверская и Ярославская области) [3, с. 88; 21, с. 268] Данных спорово-пыльцевого анализа о возрасте стоянки Дмитровское 1 не имеется; ко второй половине атлантикума отнесена перекрывающая культурный слой погребенная почва, что не дает оснований для определения возраста самого памятника. Датировка Коприно, очевидно, базируется на новой интерпретации спорово-пыльцевой диаграммы,

[7] Устное сообщение М. Г Жилина.

опубликованной еще в 1950 г. [29, с. 16]. Первоначально был сделан вывод о суббореальном возрасте памятника, ошибочность которого в настоящее время несомненна из-за полного несоответствия археологического материала [1, табл. 51] этой датировке. Однако новая датировка не может быть принята как независимая из-за отсутствия палинологического обоснования.

Единичность обеспеченных независимыми датировками памятников иеневской культуры, широкий диапазон датировок иеневских стоянок Митино 5 и Ладыжино 3, а также стоянки Беливо 4А не позволяют в настоящее время, основываясь на данных радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов, выявить тенденции развития инвентаря иеневской культуры.

Подведем некоторые итоги. Современной основой для разработки хронологии бутовской культуры являются радиоуглеродные и (или) палинологические датировки стоянок Бутово, Скнятино, Суконцево 7, Малая Ламна 3, Черная 1, позднемезолитических материалов стоянки Жабки 3 (Жабки 3А) (рис. 1, I). Датировки стоянок Ивановское 3, 7, Берендеево 3, Велетьминская 9, финальномезолитических материалов стоянки Жабки 3 (Жабки 3Б) (рис. 1, IV) в настоящее время при разработке хронологии бутовской культуры использоваться не могут, так как имеющиеся коллекции не позволяют надежно решить вопрос о культурной принадлежности этих памятников. Основой для разработки хронологии иеневской культуры являются датировки Ладыжино 3 и Митино 5 (рис. 1, III). Датировка Беливо 4А (рис. 1, II), материалы которой отражают взаимодействие иеневской и бутовской традиций, должна учитываться при разработке хронологии обеих названных культур.

Данные радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов помещают рассмотренные в статье стоянки бутовской культуры в хронологические рамки 9,6 (9,3—?) — 8,0 тыс. лет назад; иеневской культуры — 9,6 (9,3—?) — 8,3 тыс. лет назад (рис. 1, I—III), однако по мере пополнения источниковедческой базы хронологические диапазоны, в пределах которых развивались эти культуры, могут оказаться более широкими. Имеющиеся датировки показывают, что к концу пребореала бутовская и иеневская культуры уже сложились и сосуществовали на протяжении бореала или большей его части, причем их взаимодействие наиболее отчетливо прослеживается по материалам Беливо 4А на рубеже указанных периодов. Сведений о существовании этих культур в атлантикуме, подтвержденных надежными датировками, в настоящее время нет.

Приведенные в статье данные подтверждают сделанные ранее выводы [4, с. 18—21; 11, 14] о необходимости пересмотра датировок ряда известных памятников бутовской культуры, относимых Л. В. Кольцовым к ее поздним этапам [1, с. 72—76]. Так, раннебореальную, а не атлантическую палинологическую датировку имеют Скнятинские стоянки [29]; Петрушино и Микулино [45] по технико-типологическим характеристикам инвентаря близки к стоянкам Бутово, Скнятино, Суконцево 7 и должны датироваться не позднее первой половины бореала; инвентарь среднего слоя Елина Бора [36] близок к инвентарю Черной 1, что позволяет считать эти памятники приблизительно-синхронными (в пределах второй половины бореала).

К концу пребореала и бореалу, а не к атлантическому периоду следует относить значительную часть опубликованных памятников иеневской культуры, таких как Черная Грязь 1 [46], Алтыново [47] и др., не имеющих существенных технико-типологических различий с иеневскими элементами в комплексе Беливо 4А и с комплексами Ладыжино 3 и Митино 5. Такая датировка перечисленных стоянок полностью согласуется с выводом Л. Л. Зализняка [10, с. 81] о раннемезолитическом возрасте стоянок типа Песочный Ров в бассейне Верхнего Днепра. Наличие единичных трапеций в Беливо 4А и Митино 5, а также серий этих геометрических микролитов в датирующихся пребореалом и имеющих общую с иеневской культурой аренсбургскую генетическую основу скандинавских памятниках культуры Фосна [42, с. 237, 241] дает основание считать, что и стоянки типа Иенево 2 [1, с. 79, 80, табл. 48] с многочисленными

высокими трапециями в инвентаре бытовали не в атлантическом [3, с. 91], а в бореальном периоде.

Отсутствие иеневских элементов в инвентаре верхневолжской ранненеолитической культуры косвенно указывает на доатлантический возраст иеневской культуры в целом и на хронологический разрыв между иеневской и верхневолжской культурами, очевидно, приходящийся на начало атлантикума.

В связи с пересмотром датировок памятников иеневской культуры вопрос о ее происхождении не может решаться с позиций миграции населения из Верхнего Поднепровья в Волго-Окский бассейн в конце бореала. Присоединяясь к мнению Л. Л. Зализняка, рассматривающего днепродеснинские стоянки типа Песочный Ров и волго-окские иеневские как относящиеся к локальным вариантам одной культуры [8, с. 123, 124], мы считаем, что ее формирование происходило одновременно в обоих регионах на однотипной финально-палеолитической основе, включающей аренсбургские элементы и элементы культурной общности федермессер или сходные с ними. Наличие в Волго-Окском междуречье первых можно связывать со стоянкой Усть-Тудовка 1 (раскоп II) [20], вторых — со стоянкой Заозерье 1 [48].

В заключение отметим, что хронологические реперы в инвентаре волго-окских мезолитических стоянок, установленные на основании сравнительно-типологического анализа, ненадежны. Так, появление высоких трапеций и шлифованных рубящих орудий, традиционно рассматривавшееся как признак атлантического возраста мезолитических памятников региона, по данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов, относится ко времени не позднее рубежа пребореала и бореала, а их распространение отмечается в памятниках, надежно датированных бореальным периодом [8]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т 2. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 68—86.
2. *Сорокин А. Н.* Культурные различия в мезолите бассейна р. Оки // КСИА. 1987 Вып. 189.
3. *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
4. *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура в Мещерском и Жиздренском полесьях: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
5. *Фролов А. С.* Иеневская позднемезолитическая культура в бассейне р. Оки // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985.
6. *Фролов А. С.* Иеневская культура // Хозяйство доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
7. *Фролов А. С.* О хозяйстве иеневских племен // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
8. *Зализняк Л. Л.* Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // *Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А.* Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
9. *Зализняк Л. Л.* Деснянська мезолітична культура // Археологія. 1984. № 46.
10. *Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского полесья эпохи финального палеолита // Киев: Наук. думка, 1989.
11. *Кравцов А. Е.* О хронологии мезолитических и ранненеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез II Калужской историко-археологической конф. Калуга, 1986.
12. *Кравцов А. Е.* К вопросу о хронологии памятников иеневской культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. Боровск, 1988.
13. *Кравцов А. Е.* Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
14. *Кравцов А. Е., Лозовский В. М.* Мезолитическая стоянка Черная 1 в Мещере // СА. 1989. № 4.
15. *Кравцов А. Е., Луньков В. Ю.* Мезолитическая стоянка Беливо 4А в Подмосковной Мещере // Памятники мезолита Волго-Окского междуречья (иеневская культура). М.: Наука, 1991.
16. *Хотинский Н. А.* Радиоуглеродная хронология природных и антропогенных рубежей голоцена // Геохронология четвертичного периода: Тез. докл. всесоюз. конф. Таллинн, 1985.
17. *Кольцов Л. В.* Бутовская мезолитическая стоянка // КСИА. 1964. Вып. 101.

[8] Автором не рассматривались новейшие данные по хронологии сходных между собой стоянок Ивановское 3 и Сахтыш 9, опубликованные после завершения работы над статьей. Так как культурная принадлежность памятников представляется неясной, эти публикации не дают оснований для пересмотра выводов о хронологии бутовской культуры, сделанных выше.

18. *Кольцов Л. В.* Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 117.
19. *Кольцов Л. В.* Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.) // КСИА. 1971. Вып. 126.
20. *Жилин М. Г.* Отчет о работах в Горьковской, Калининской, Владимирской областях в 1987 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 12522.
21. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР // СА. 1983. № 4.
22. *Сорокин А. Н.* К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. 1989. № 2.
23. *Крайнов Д. А., Уткин А. В.* Отчет о работах Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Ивановской областях в 1983 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9784.
24. *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции // АО — 1983. М.: Наука, 1985.
25. *Кравцов А. Е.* Работы на р. Цне // АО — 1980. М.: Наука, 1981.
26. *Кравцов А. Е.* Работы Северо-Мещерского отряда Музея истории и реконструкции г. Москвы // АО — 1981. М.: Наука, 1983.
27. *Кравцов А. Е.* Работы на р. Цне и ее притоках // АО — 1982. М.: Наука, 1984.
28. *Костылева Е. Л.* Новые исследования раннего неолита Верхнего Поволжья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М.: Наука, 1987.
29. *Третьяков П. Н.* Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. 1950. № 13.
30. *Жилин М. Г., Миронос А. А.* О работе Горьковской экспедиции // АО — 1982. М.: Наука, 1984.
31. *Жилин М. Г., Шакулова Л. Д., Тихонов Ю. Р.* О работах Горьковской экспедиции // АО — 1983. М.: Наука, 1985.
32. *Жилин М. Г* Памятники типа Красново 1 в Волго-Окском бассейне // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. II Калужской историко-археологической конф. Калуга, 1986.
33. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Ивановские стоянки — комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье (маршрут Москва — Переяславль Залесский — Ростов-Ярославский) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
34. *Чичагова О. А., Черкинский А. Е.* Радиоуглеродные исследования в географии. М., 1988.
35. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977
36. *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. 1966. № 126.
37 *Асеев А. А.* Палеогеография долины средней и нижней Оки в четвертичный период. М.: Наука, 1959.
38. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
39. *Taute W.* Die stielspitzen-gruppen im nördliehen Mitteleuropa. Köln, 1968.
40. *Фролов А. С., Жилин М. Г* Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. 1978. № 1.
41. *Жилин М. Г., Фролов А. С.* Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА. 1981. № 2.
42. *Фролов А. С.* Палинологическая датировка стоянки Ладыжино 3 и ее место в Окском мезолите // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.
43. *Кузнецова Т М.* Новые памятники иеневской культуры на Верхней Оке // Памятники мезолита Волго-Окского междуречья (иеневская культура). М.: Наука, 1991.
44. *Сидоров В. В., Жилин М. Г* Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье // СА. 1975. № 2.
45. *Сорокин А. Н.* Мезолит Великих Мещерских озер // СА. 1984. № 1.
46. *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь 1 // КСИА. 1972. Вып. 131.
47. *Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. 1972. Вып. 131.
48. *Фролов А. С.* Стоянка Заозерье 1 на Москве-реке // КСИА. 1987. Вып. 189.

Музей истории города Москвы

A. E. KRAVTSOV

ON THE CHRONOLOGY OF BUTOVO AND IENEVO MESOLITHIC CULTURES

In the article the review of the radiocarbon and pollen analyses' data determining the chronology of Mesolithic sites of the Volga-Oka interflew is presented. Six sites of Butovo culture (Fig. 1, I) and two sites of Ienevo culture have reliable datings (Fig. 1, III), the materials of the site of Belivo 4A reflect the interaction of these cultures (Fig. 1, II). The cultural attribution of 5 sites in not clear. The small number of datings allowes to describe the chronological interaction of Butovo and Ienevo cultures only presumably. They existed during the end of Preboreal and in Boreal periods (Fig. 1, I—III). The sites of these cultures with reliable Atlanticum datings are not known up to now. The known datings (Fig. 1, II, III) do not support the hypothesis about the appearence of Butovo culture in the Volga-Oka interflew in connection with the expantion of the population from the Upper Dnieper region in the end of Boreal period. The formation of Ienevo culture in the Volga-Oka interflew and Pesochny Rov culture in the Upper Dnieper region took place simultaneously on the similar Lake Palaeolithic basis which included some Arensburg elements of Federmesser culture or some cultures close to them. The trapezia and polished chopping tools appeared in the Volga-Oka interflew in the end of Preboreal and Boreal periods and not in Atlanticum as it was traditionally presumed earlier.

Н. Л. МОРГУНОВА, А. Ю. КРАВЦОВ

ДРЕВНЕЯМНАЯ КУЛЬТУРА ПРИУРАЛЬЯ
(по материалам Оренбургской области)

Первые древнеямные памятники в оренбургских степях были открыты в конце 50-х годов экспедицией под руководством К. Ф. Смирнова (могильники Увак на р. Илек и Герасимовка на р. Кинделе). Суммируя находки ямных погребений, он пришел к выводу о их единстве по всем наиболее характерным признакам с поволжской группой и о расселении древнеямного населения в Приуралье с территории Поволжья во второй половине III тыс. до н. э. [1, с. 156—159]. Э. А. Федорова-Давыдова выделила две хронологические группы приуральских погребений, датировав их временем не позднее конца III тыс. н. э. [2, с. 246]. При этом ею были отмечены такие особенности приуральских памятников, как наличие правобочных погребений, независимость интенсивности охры от хронологической позиции, наличие уступов вокруг могильных ям на уровне погребенной почвы и перекрытий из плах. Открытия Оренбургской экспедицией захоронения эпохи ранней бронзы значительно отодвинули границу расселения древнеямных племен на восток. Этот вывод был подтвержден и находками ямных погребений в Малокизильском могильнике близ Магнитогорска [3, с. 51—55]

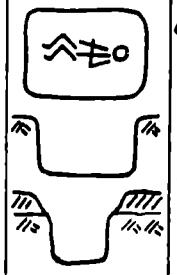
Н. Я. Мерперт, основываясь на материалах К. Ф. Смирнова, выделил приуральскую группу волжско-уральского варианта древнеямной культурно-исторической общности [4, с. 89—97] В то же время он не согласился с заключением К. Ф. Смирнова, что в Приуралье нет наиболее архаичных погребений. По мнению Н. Я. Мерперта, наличие группы скорченных погребений на спине с ориентировкой на восток позволяет предполагать, «что единство развития имело место здесь с самого начала и что оренбургские степи наряду с Нижним Поволжьем являлись местом формирования наиболее ранних древнеямных групп» [4, с. 95].

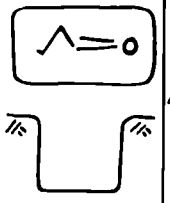
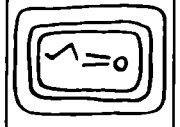
С 1977 г. в Оренбургской обл. начала свою работу экспедиция Оренбургского пединститута. Ею было выявлено около 40 погребений ямного типа [1], а ряд некрополей изучен полностью (Болдырево I — 10 курганов, Тамар-Уткуль VII—VIII — 12 курганов).

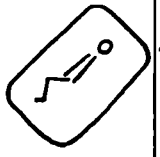
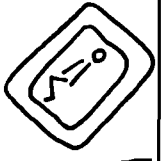
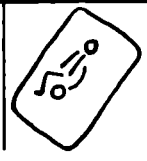
Все древнеямные памятники, учитывая и материалы из раскопок К. Ф. Смирнова, расположены в южных районах области по берегам р. Урал и его притоков. Самый восточный памятник находится у с. Буранчи в Беляевской р-не, в 80 км к востоку от Оренбурга. Курганы располагаются, как правило, по краю I надпойменных террас, реже на возвышенных участках поймы (Новотроицкий, Медведка). Могильники небольшие по числу входящих в них насыпей (от 3 до 10—12). В большинстве групп имеется по одному или несколько крупных курганов, диаметр которых превышал 30 м и более, высота — от 1 до 6 м. Размеры большинства курганов от 10 до 25 м в диаметре, их высота от 0,1 до 1 м. Вокруг многих курганов до сих пор сохранились кольцевые ровики, из которых брался грунт для сооружения насыпи, у некоторых курганов прослежены канавки, в основном с северной стороны.

[1] Краснохолм I, II, Кардаилово I, II, Медведка, Трудовое II, Болдырево I, IV, Нижняя Павловка V, Буранчи I — раскопки Н. Л. Моргуновой; Тамар-Уткуль VII, VIII, Герасимовка II, Новотроицкое I — О. И. Пороховой; Пятилетка — С. В. Богданова.

© Н. Л. Моргунова, А. Ю. Кравцов, 1991 г

№№ О.Г.	Обрядовая группа	Наименование мо-вильника, кургана, погребения	d/H (м)	Ровик	Размеры ям (см) Дл.–шир.;гл.	Элементы обряда: Перекрытие	Подстилка	Мел	Уголь	Охра	Инвентарь	Примечания
I		Свердловo I 0/3	24/1	+	300×180;365	–	–	–	–	–	Кост. кольцо, челюсть МРС	
		Тамар-Уткуль VII 7/1	18/0,45	–	240×210;112	–	+	–	+	+	Медное шило	
		Тамар-Уткуль VIII 3/1	15/0.3	–	206×150;125	–	+	–	+	+	Речная галька	
		Медведка 7/1	28/1,2	+	–	–	+	–	+	–	Сосуд: медн. пластина; „флейты; дерев. чашечка	Совершено в погр. почве
		Увак 8/2	16/0,3	–	170×100;185	–	+	–	+	+		
		Трудовой II 5/2	12/0.3	+	175×120; 60	–	+	–	–	+		
		Трудовой II 5/1	12/0.3	+	215×143;250	–	+	–	–	+	Сосуд: кремн. сколы; сера; челюсти МРС	Впускное
II		Краснохолм II 1/4	18/0,4	–	250×180;215	–	+	–	+	+	4 „флейты"	
		Болдыревo I 5/1	8/0,14	–	150×90;85	–	+	–	–	+		
		Герасимовка I 7/1	14/0.25	+	180×130;110	+	+	+	+	+	деревянное колесо	
		Герасимовка II 1/3	28/1,3	+	150×70;165	–	+	–	–	+	2 фрагмента сосуда	
		Герасимовка II 5/1	28/0,9	–	230×142;50	–	+	–	+	+	Комок охры	
		Увак 1/1	?	?	?	–	–	–	–	+		

		Увак 6/4	13/0,8	–	165×93;190	–	+	+	–	+	Кость птицы	
		х. Барышников 3/6	12/0,4	–	130×180;170	–	–	+	–	+	Сосуд	
		х. Барышников 4/1	8/0,5	–	160×100;130	–	–	+	–	+	Сосуд	
		х. Барышников 5/1	20/0,4	+	120×60;115	+	–	+	–	+	Сосуд	
		Тамар-Уткуль VIII 7/1	18/0,4	–	207×160;150	–	+	–	–	+	Комок охры	
А III		Болдырево I 10/3	33/1,6	–	255×200;150	+	+	+	–	+	Медный нож	
		Болдырево IV 2/5	34/3	+	160×120;–	–	+	+	+	+	Сосуд; покрывало из коры	Впускное
		Герасимовка I 1/1	16/0,8	+	190×140;170	+	+		+	+		
		Увак 14/1	8/0,26	–	140×80;220	–	+	–	–	+	Комок охры	
		Н. Павловка V 3/2	35/2,5	+	300×260;130	–	+	–	+	+	Фрагмент сосуда	
		Линевка о.к.	16/0,8	+	240×155;92	–	+	+	+	+	Покрывало из коры	
Б		Изобильное I 1/1	38/2	+	540×430;240	–	+	+	–	+	Кремн. нуклеус	
		Болдырево 6/2	14/0,5	–	180×75;140	+	+	–	–	+	2 „флейты"	
		Тамар-Уткуль VII 4/9	36/2,5	–	400×400;224	–	+	–	+	+	Медн. нож; шило	
		Тамар-Уткуль VII 8/4	20/0,6	–	195×110;87	–	+	–	+	+	Медн. нож; долото; топор; шило; резчик; тесло	
		Тамар-Уткуль VII 1/1	31/1,8	–	255×255;155	–	+	+	–	+	Медн. нож; украшения; гальки; кост. буловка; подвеска; кольцо; охра	Подушечка из глины
		Тамар-Уткуль VII 2/1	14/0,5	–	190×175;65	–	+	–	+	+	комки охры	
		Тамар-Уткуль VII 6/1	18/0,25	–	267×247;145	–	+	–	–	+	Медн. и кост. украшения	
		Болдырево IV 3/7	24/1,5	+	400×400;240	+	+	+	+	+		

		Болдырево I 1/1	64/6	+	300×340;250	–	+	–	–	+	Медн. нож; 2 шила; колье; биметал. орудие; 5 железных вещей, галька-лест; кварцит. скребок; железная руда	Покрывало; венчик из коры; подушечка
А		х. Барышников 1/1	16/0,4	–	190×110;100	+	–	+	–	+		
		х. Барышников 2/2	30/3	+	160×110;110	+	+	–	+	+		
		Увак 10/3	14/0,25	–	195×120;260	–	–	+	–	+		
		Кардаилово I 15/2	18/0,35	–	220×160;100	–	–	+	–	+	Кремн. пластина; фраем. кост. предмета	
		Кардаилово I 9/3	20/0.6	–	230×140;90	+	+	+	–	+		
		Трудовой II 1/1	30/2	+	185×110;50	–	+	–	–	+		
		Новотроицкий I 10/1	10/0,25	–	140×70; 60	–	–	–	–	+		
		Н. Павловка V 1/2	30/2	+	260×220;150	–	+	–	–	+	Медн. топор-клевец	
		Увак 12/4	16/0,6	–	183×120;253	–	+	–	–	+	Медн. молоток; нож	
IV		Бурачи I 4/2	16/0,4	–	210×170;150	–	+	+	+	+		
		Болдырево I 4/2	13/0,4	–	130×80;50	–	+	–	–	+		
		Герасимовка I 5/2	30/2,3	+	200×135;200	+	+	+	–	+	2. рога косули	
Б		Новотроицк I 6/2	16/0,3	–	185×247;170	+	–	–	–	+		
		Линевка III 1/1	30/1,5	+	540×430;287	–	+	–	+	+	Сосуд	
		Бурачи I 3/3	31/1,1	–	400×380;265	–	+	–	–	+		
		Увак 5/6	12/0,18	–	140×100;165	–	+		–	+	Сосуд; покрывало из коры	
		Пятилетка 3/1	18/0,24	+	200×145;185	–	+	–	–	+	6 просверл. конкреций	

		Герасимовка II 4/2	21/0,6	-	195×140;40	-	+	-	+	+	Сосуд; медн. нож; шило; 5 рогатых кост. буловок; кремн. скребок; подвески
		Тамар-Уткуль VIII 5/1	13/0,3	-	174×90;100	-	+	-	+	+	Медн. нож; шило; кольцо; раковина; сосуд; 36 галек
		Тамар-Уткуль VIII 4/1	17/0,5	-	190×121;100	-	+	-	-	+	Сосуд; медн. топор; кост. и медн. украшения
		Пятилетка 5/2	44/2	+	260×175;170	-	+	-	+	+	Медн. долото; жаровня в насыпи; покрывало

Всего в Южном Приуралье к концу 1988 г. учтено 78 погребений ямной культуры. По положению костяков и их ориентировке выделено четыре обрядовые группы (ОГ), среди которых намечается градация по форме могильных ям (таблица). К пятой ОГ отнесены шесть парных захоронений. I ОГ — костяки скорчены на спине с подогнутыми вправо ногами, ориентировка на восток; II ОГ — костяки скорчены на спине, ориентировка на северо-восток; III ОГ — костяки скорчены на правом боку, ориентировка на восток; IV ОГ — костяки скорчены на правом боку, ориентировка на северо-восток. В 26 погребениях костяки разрушены, поэтому из классификации они исключены. Три погребения групп не составляют: два погребения с северной ориентировкой и одно «сидячее» (Увак 2/5).

Подавляющее большинство погребений являются основными в курганах. Случаев вторичного захоронения в них всего три: Трудовой II 5/1, 2 (рис. 1, *1—3*); Болдырево IV 2/5, 6 (рис. 2, *1*, *2*) и 3/5, 7. Но и они достаточно показательны. 1. Болдырево IV 2/5 — погребение с костяком на правом боку на восток (III ОГ) перекрывало разрушенное погребение в яме с заплечиками. В первом найден круглодонный сосуд с расчесами по внешней поверхности. 2. В кургане 3 того же могильника костяк, скорченный на спине, головой на север, находился выше погребения в яме с заплечиками и с костяком, лежавшим по обряду 2 III ОГ 3. В могильнике Трудовое II скорченное погребение на спине, головой на восток, было совершено раньше, чем аналогичное захоронение, но в более глубокой и сложной по конструкции яме. В последнем найден сосуд, аналогичный упоминаемому ранее из Болдырево IV 2/5.

К I ОГ отнесено семь погребений. Их характеризует положение костяков на спине в скорченном положении с подогнутыми вправо ногами, головой строго на восток. Погребения совершались в простых прямоугольных ямах, за исключением Трудового II 5/1 (рис. 1, *1—3*), где вторичное погребение имело овальные очертания на материке, а затем за счет подбоев с южной и западной сторон приобрело строго прямоугольную

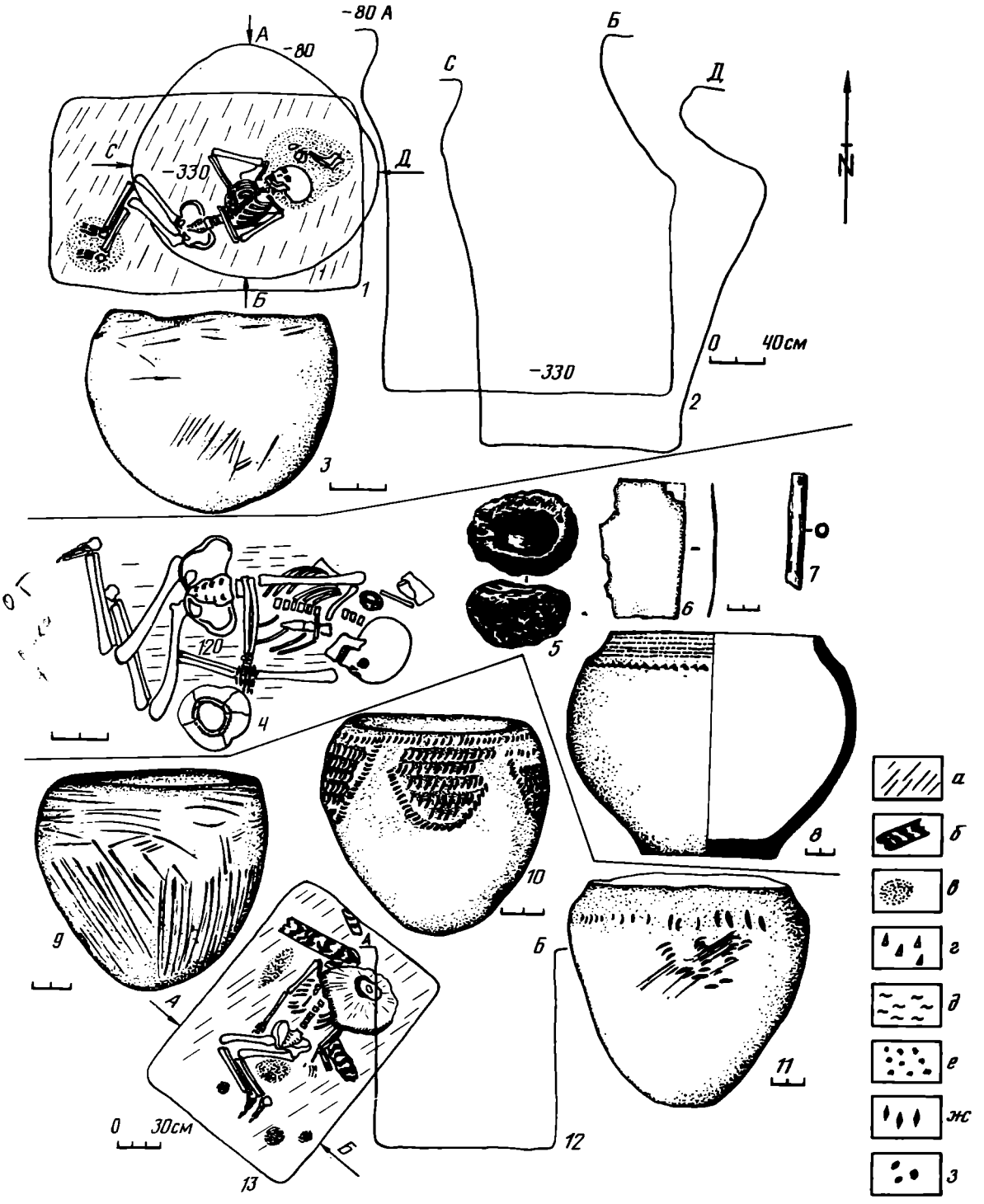


Рис. 1. Погребальный обряд и инвентарь I и II ОГ *1—3* — Трудовой II 5/1; *4—8* — Медведка 7/1; *9* — хут. Барышников 5/1; *10* — хут. Барышников 3/6; *11* — хут. Барышников 4/1; *12, 13* — Герасимовка I 7/1 *3, 8—11* — глина; *5* — дерево; *6* — медь; *9* — кость; *а* — органическая подстилка; *б* — дерево; *в* — посыпка охрой; *г* — мел; *д* — зола; *е* — уголь; *ж*— медная руда; з — куски охры (эти же условные обозначения для рис. 2—4)

форму и отвесные стенки. В нем прослежена забутовка ямы в нижней части материковым грунтом. Почти во всех погребениях прослежена подстилка из коры или травы на дне под костяками. В трех случаях в заполнении могил отмечен уголь. Окраска скелетов и дна ямы охрой в основном интенсивная.

Инвентарь беден, в трех случаях отсутствует совсем. В одном случае это речная галька, в другом — костяное кольцо. В упомянутом выше погребении

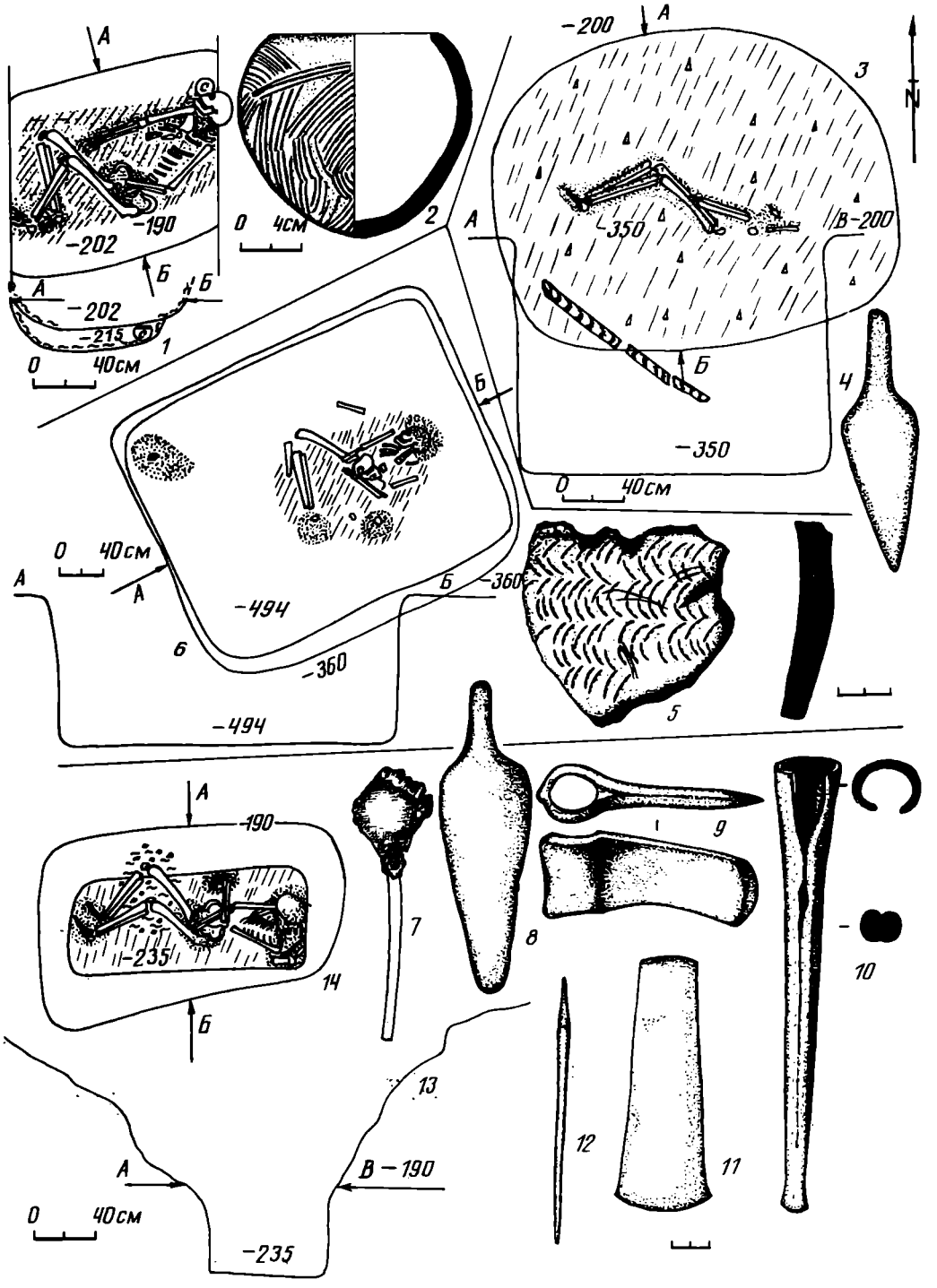


Рис. 2. III обрядовая группа (подгруппы А и Б). *1, 2* — Болдырево IV 2/5; *3, 4* — Болдырево I 10/3; *5, 6* — Нижняя Павловка V 3/2; *7—14* — Тамар Уткуль VII 8/4. *2, 5* — глина; *4, 8—12* — медь; *7* — медь и железо

из Трудового II перед лицом погребенного найден крупный кусок серы с запекшимися в нем кремневыми сколами и отщепами, куски охры, две челюсти барана и глиняный круглодонный сосуд, украшенный расчесами гребенчатого штампа по всей поверхности. В погребении Медведка 7/1 вместе с медной пластиной, деревянной обугленной чашечкой и двумя обработанными полыми костями птиц находился плоскодонный сосуд горшковидной формы с уступчиком, который по шейке был украшен горизонтальными рядами гребенчатого штампа, а ниже — рядом треугольных вдавлений (рис. 1, *4—8*).

Во II ОГ включено 11 погребений с костяками, скорченными на спине с по-

догнутыми вправо ногами, с ориентировкой головы на северо-восток. Все погребения основные. Могильные ямы прямоугольной формы, с отвесными стенками, глубиной от поверхности материка — 0,5—2,2 м. Вокруг одной могилы (Тамар-Уткуль VIII 7/1) имелась ступенька в погребенной почве. В двух случаях прослежены деревянные перекрытия. В заполнении некоторых ям встречались уголь и мел. В большинстве погребений костяки покоились на подстилках из коры или травы. Интенсивность окраски охрой различна, гуще окрашены череп, таз и конечности, встречены целые куски охры. Инвентарь малочисленен. Это четыре полые обработанные кости дроф — «флейты» (Краснохолм II 1/4), деревянное колесо, три сосуда с полусферическим туловом и широким горлом без выделенной шейки (рис. 1, *9—11*).

В III ОГ вошло 13 погребений, скорченных на правом боку, головой на восток. Среди них по конструкции могильных ям выделяются две подгруппы. В подгруппе А (пять погребений) захоронения совершались в простых прямоугольных ямах под курганами небольших размеров. Устройство могил, как правило, включает подстилку на дне, в двух случаях деревянное перекрытие, подсыпку мела, угля и охры. Над костяком из Болдырева IV 2/5 прослежено покрывало, сплетенное из растительных волокон. Инвентарь обнаружен в трех погребениях: медный нож с прямым черенком (рис. 2, *4*), фрагмент керамики с елочным орнаментом, выполненным гребенчатым штампом (рис. 2, *5*), сосуд полусферической формы с расчесами по внешней поверхности (рис. 2, *2*).

В подгруппе Б погребения совершались в обширных ямах квадратно-овальных очертаний на уровне погребенной почвы, с уступами в ней по всей окружности, с постепенным сужением стенок в материке и со строго прямоугольными очертаниями придонной части могилы. Часть ям имеет более простую конструкцию — по одной или нескольку ступенек в материке. К подгруппе относится большинство всех древнеямных крупных курганов более 30 м в диаметре. Курган 1 в Болдыревском могильнике имел диаметр 64 м, высоту около 6 м. Необычно и устройство могильных ям. В пяти случаях из восьми отмечена забутовка (маскировка) погребений глиной, в одном — перекрытие из крупных бревен и плах. Во всех могилах костяки и дно были интенсивно окрашены. Значительный интерес представляет покрывало из темной коры с аппликацией в виде расправленных крыльев птицы, выполненной из белой коры (Болдырево I 1/1) (рис. 3, *1, 2*). В этом же погребении на черепе прослежен венчик из белой коры, а под головой «подушечка» из глины, так же как и в могильнике Тамар-Уткуль VIII 1/1 (рис. 3, *15*).

Лишь два погребения данной подгруппы безынвентарны, в остальных множество металлических предметов, в том числе железных. Выделяются четыре комплекса вещей. 1. Болдырево I 1/1 — медный нож, видимо, листовидной формы с прямым черенком; два медных четырехгранных шила с упором; медное копье с несомкнутой втулкой; орудие типа «рубанка», выполненное на основе медного тесла с несомкнутой втулкой, в которой было закреплено железное лезвие, а с другой стороны — деревянный крюк; железная стамеска с округлым рабочим концом и остатками деревянной рукоятки (рис. 3, *1—10*). За спиной костяка располагался своеобразный ритуальный комплекс. Его центр занимал железный диск (диаметр 11 см), густо посыпанный охрой, вокруг которого располагались кварцитовый скребок, растиральный камень из гальки, два вскипевших куска железа и вышеперечисленные вещи, кроме рубанка и стамески. На диске стояла чашечка из мела с порошком железной руды. 2. Тамар-Уткуль VII 1/1 — широколезвийный нож с прямым черенком и костяной рукоятью в деревянных ножнах с медными обкладками, медное украшение с пуансонным орнаментом, костяные булавка и кольцо, каменная подвеска (рис. 3, *13—19*). 3. Тамар-Уткуль VII 4/9 — медные нож листовидной формы с прямым черенком и четырехгранное шило с упором (рис. 3, *11—14*). 4. Тамар-Уткуль VII 8/4 — медный нож, проушный топор, тесло, долото с разомкнутой втулкой и стержень с напаянным железным лезвием — «резчик» (рис. 2, *4—14*)

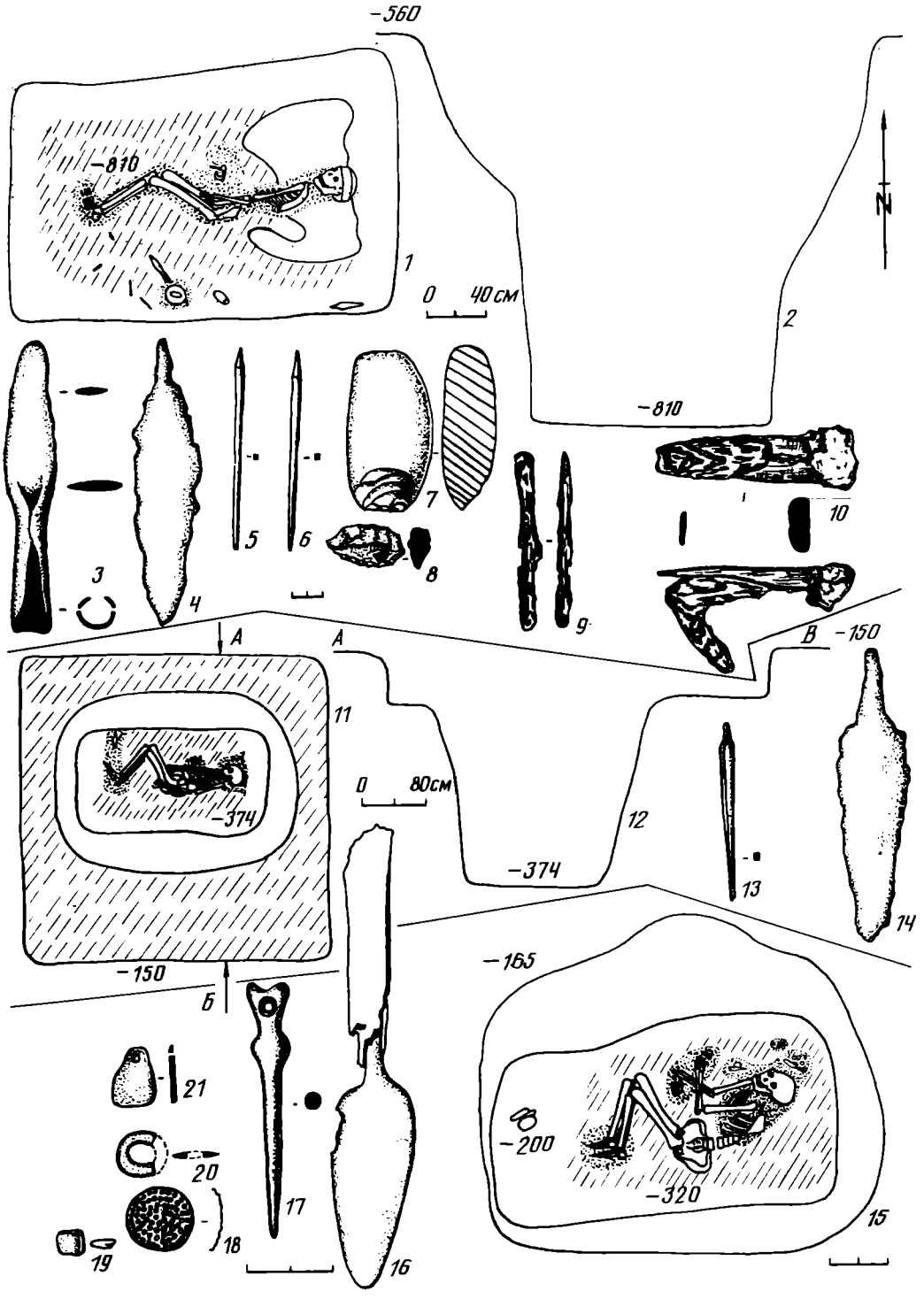


Рис. 3. III обрядовая группа (подгруппа Б). *1—10* — Болдырево I 1/1, *11—14* — Тамар-Уткуль VII 4/9; *15—21* — Тамар-Уткуль VII 1/1 *3—6, 13, 14, 18, 19* — медь; *7, 8, 21* — камень; *17—20* — кость; *9, 10* — железо; *16* — медь, кость

В IV ОГ вошло 12 погребений с костяками, скорченными на правом боку, головой на северо-восток. В ней также выделяются две подгруппы: А — в простых ямах, Б — в ямах со ступеньками. Погребальный обряд обеих подгрупп характеризуется теми же признаками, что и в III ОГ Инвентарь обнаружен только в двух могилах подгруппы А: медный топор-клевец (Нижняя Павловка 1/2) (рис. 4, *1, 2*) и медные нож и молоток — Увак 12/4 (рис. 4, *3—5*).

В V ОГ включено шесть парных погребений. По положению основных

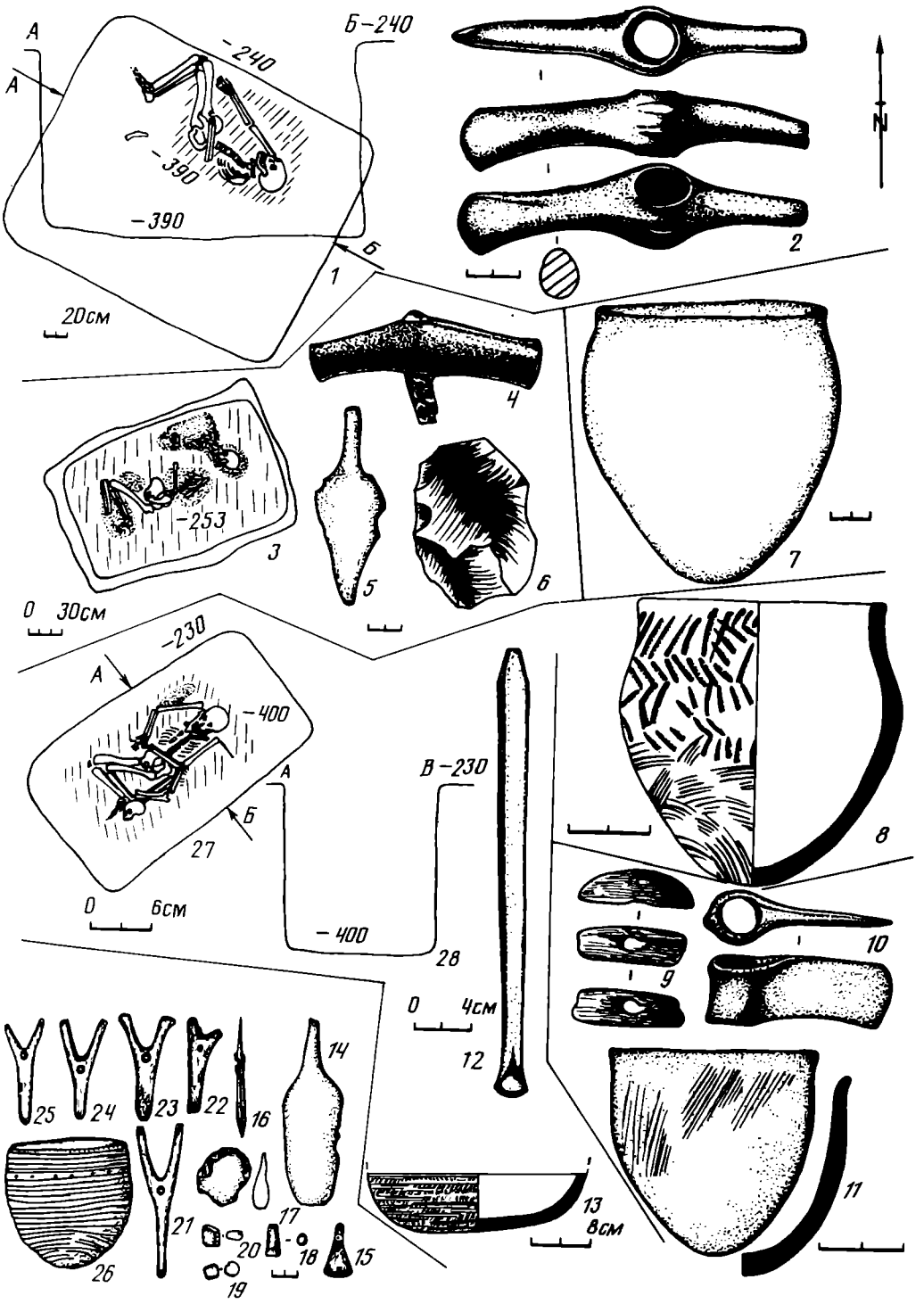


Рис. 4. IV и V обрядовые группы. 1, 2 — Нижняя Павловка V 1/2; *3—6* — Увак 12/4; *7* — Увак 5/6; *8* — Тамар-Уткуль VIII 5/1; *9—11* — Тамар-Уткул VIII 4/1; *12, 13, 27, 28* — Пятилетка 5/2; *14—26* — Герасимовка II 4/2. *2, 4, 5, 10, 12, 14, 16, 19, 20* — медь; *6, 17* — камень; *9, 15, 21—25* — кость; *18* — раковина; *7, 8, 11, 13, 26* — глина

костяков и их ориентации они разнообразны. Преобладает прямоугольная форма ям с отвесными стенками, за исключением двух погребений в ямах со ступеньками (Тамар-Уткуль VIII 5/1, 4/1). Во всех могилах имелась подстилка на дне, в двух случаях — покрывала над скелетами, в одном — забутовка ямы глиной. Окраска охрой интенсивная. Среди основных костяков преобладает положение на правом боку (четыре), одно — скорченно на спине. В могильнике Герасимовка II 4/2 были захоронены два черепа. В других погребениях сопро-

вождающие костяки, в основном детские. Они располагались за спиной или в ногах основных костяков. При этом характерна поза антитезы с противоположной ориентировкой. В двух случаях (Пятилетка 5/2 и Тамар-Уткуль VIII 4/1) был отмечен обряд расчленения трупа второго погребенного (рис. 4, *27*).

Все парные погребения отличаются богатством инвентаря. Особенно показательны три комплекса. Герасимовка II 4/2 — сосуд, медный нож, четырехгранное шило с упором, пять костяных рогатых застежек, кремневый скребок, украшения из меди и раковин (рис. 4, *14—26*). Тамар-Уткуль VIII 5/1 — медный нож, шило, подвеска, круглодонный сосуд, в верхней части украшенный двумя рядами елочки, выполненной гребенчатым штампом (рис. 4, *8*). Тамар-Уткуль VIII 4/1 — медный топор, изделие из кости и сосуд с уплощенным дном и широким устьем, заглаженный штампом (рис. 4, *10, 11*). В остальных погребениях найдено по одному предмету: сосуд (рис. 4, *7*), медное четырехгранное долото (рис. 4, *12*), просверленные конкреции — «погремушки» и толстостенная чаша (рис. 4, *13*).

В итоге рассмотрения материалов по обрядовым группам можно сделать вывод, что схема, предложенная Н. Я. Мерпертом для приуральского района древнеямной общности, в целом подтверждена и значительно дополнена. Помимо выделенных им первых трех групп хорошо иллюстрируются новыми материалами группы IV и V. Кроме того, в III и IV группах довольно четко намечается градация на подгруппы по форме могильных ям.

Н. Я. Мерперт, опираясь на сравнение приуральских древнеямных погребений с соответствующими группами нижневолжского района, выделил два их хронологических горизонта. Первому соответствовали захоронения I ОГ, второму — II и III ОГ [4, с. 91—94] При этом наличие в Приуралье правобочных погребений он рассматривал как особенность данного района. Полученные материалы позволяют дополнить эти выводы исследователя.

Большинство погребений I ОГ безынвентарные, что значительно затрудняет их датировку. По конструкции могильных ям, положению погребенных и сильной окрашенности костяков они отчасти могут быть сопоставлены с материалами древнейшего хронологического горизонта ямных памятников Нижнего Поволжья и средневолжских погребений типа Покровки [5, с. 25—27] Но все погребения с инвентарем относятся к гораздо более позднему времени. Одно из них (Трудовое II 5/1) по наличию круглодонного полуяйцевидной формы сосуда с расчесами по внешней поверхности можно синхронизировать с аналогичной керамикой II хронологического горизонта (ХГ) Погребение из Медведки 7/1 относится к позднеполтавкинскому времени, судя по сосуду с уступчиком и плоским дном, а также по позе погребенного с завалом ног влево, наличию угля и золы [6, с. 31—49]. Позднеямным комплексом, вероятно, является и безынвентарное погребение в яме со ступеньками (Тамар-Уткуль VII 7/1), судя по найденному в насыпи кургана шилу с упором. Таким образом, хронологический диапазон бытования I ОГ в Приуралье достаточно широк. Невозможность на данном уровне исследований определить распространение этого обряда в Приуралье ранее третьей четверти III тыс. до н. э. подтверждается помимо вышеуказанных признаков и некоторыми, менее значительными деталями (положение левой руки на животе, значительная глубина ям).

Погребальные сооружения II ОГ по своим основным признакам мало отличаются от I ОГ В качестве таких показателей выступают северо-восточная ориентировка и меньшая степень окраски костяков. Сосуды, найденные в трех курганах у хут. Барышникова, близки к керамике II ХГ Нижнего Поволжья, что подтверждается и формой, и орнаментацией [4, с. 92] Значительный интерес представляет колесо (Герасимовка I 7/1). Наиболее ранние находки колес в более западных районах относят ко времени, предшествующему катакомбным древностям [4, с. 94] По всем признакам безынвентарные погребения близки к погребениям с инвентарем, что говорит о их хронологической близости.

Наиболее многочисленны погребения III и IV ОГ, причем в них заметное

место занимают комплексы подгрупп Б. При этом следует отметить почти полную безынвентарность подгрупп А и богатство инвентаря в погребениях подгрупп Б.

В подгруппах А находки вещей имеются в двух погребениях III ОГ. Сосуд (Болдырево 2/5), аналогичный описанным выше из хут. Барышникова, найден во впускном погребении, которое располагалось выше основного захоронения в яме со ступенчатой конструкцией. Хронологический диапазон медных ножей с узким листовидным лезвием (ширина менее 4,5 см) типа ножа из погребения Болдырево I 10/3 (рис. 2, *4*) достаточно широк — от ранней до средней бронзы. На датировку данного погребения началом II тыс. до н. э. указывает наличие накатника из деревянных плах, так же как и для двух других погребений в подгруппе, что является характерной чертой полтавкинских памятников [6, с. 35] В подгруппе А IV ОГ в двух погребениях обнаружены медные изделия. Это известное погребение из Увака 12/4 с медным ножом и молотком, датированное в пределах второй половины III тыс. до н. э. [4, с. 93, 94; 7, с. 17, 18] Топорик-клевец (Нижняя Павловка 1/2) не находит аналогий в памятниках ямно-полтавкинского круга. Основным ареалом распространения подобных изделий в III тыс. до н. э. является Закавказье, где, по мнению Р. М. Мунчаева, их изготавливали по переднеазиатским образцам [8, с. 396—399, рис. 81, 83]. Однако, как отмечают В. М. Батчаев и С. Н. Кореневский, ни культурная, ни хронологическая позиция закавказских клевцов не ясна, за исключением единственной находки в погребении новосвободненского этапа майкопской культуры у с. Лечинкай [9, с. 82, 83]. Самые древние изделия этого типа известны из энеолитических памятников Болгарии и Украины [10, рис. 54; 11, с. 53] Нижнепавловский клевец, вероятно, относится ко времени не ранее середины III тыс. до н. э., судя по погребальному обряду.

Погребения подгруппы Б III ОГ оригинальны по конструкции могильных ям. По таким деталям, как подстилки на дне, уголь, зола в заполнении и особенно ступеньки в погребенной почве и в материке, они близки раннеполтавкинским памятникам Среднего Поволжья. В то же время погребения этой подгруппы отличаются от последних положением погребенных на правом боку, более усложненной многоступенчатой формой ям, частой забутовкой ямы глиной, отсутствием креплений стенок ям кольями, а также обилием металлического инвентаря. Для датировки данной подгруппы особенно показательны четыре комплекса.

Из шести изделий Тамар-Уткуля VIII 8/1 (рис. 2, *7—12*) тесло, широколезвийный нож, проушный топор и резчик с железным лезвием имеют прямые аналогии в I Утевской могильнике 1/1 [2, с. 37, рис. 4]. Подобные тесло и топор происходят из разрушенного погребения у с. Колтубанка [3, с. 48, рис. 9]. Данные параллели позволяют датировать тамар-уткульский комплекс не позднее последней четверти III тыс. до н. э. Не противоречит такой датировке наличие долота с несомкнутой втулкой. Форма эта достаточно оригинальна и не находит прямых аналогий как в древнеямных памятниках, так и в других культурах. Но по форме нижней рабочей части оно напоминает долота новосвободненского этапа майкопской культуры [13, с. 200], а верхняя его часть очень условно может быть сопоставлена с долотами катакомбного типа [14, рис. 8] Необходимо отметить, что аналогичным образом выполнена втулка у долотовидного орудия из Колтубанки, а также втульчатая часть копья из Болдырева I 1/1. Судя по форме ножей и шила, а также по погребальному обряду, комплексу из кургана 8 синхронны погребения курганов 1 и 4 этого же могильника. В кургане 1 обращает на себя внимание костяная булавка с округлым заостренным стержнем с небольшими рожками и расширением в средней части (рис. 3, *17*). Прямых аналогий этой форме нет. Предварительно можно высказать предположение, что подобный тип булавок займет промежуточное место между рогатыми и молоточковидными типами этих изделий. Оригинальна также медная круглая бляшка с пуансонным орнаментом, отдаленные аналогии

которой встречаются как в энеолитических памятниках, например в Карбунском кладе (рис. 2, *18*), так и в памятниках, относящихся к эпохе ранней и средней бронзы [15, с. 26—35]. Четвертый комплекс из Болдырева I 1/1 уникален по количеству и набору входящих в него медных и железных вещей. Наряду с широко распространенными в ямно-полтавкинских памятниках орудиями типа четырехгранных шильев с упором и листовидных ножей с прямым черенком в него входит оригинальное копье с разомкнутой втулкой, которое по аналогиям с подобными фатьяновскими копьями [16, с. 158] может быть датировано не ранее первой четверти II тыс. до н. э. Характерно, что в самой древнеямной культуре подобные копья неизвестны.

Таким образом, на основании рассмотренных комплексов можно сделать вывод, что погребения III ОГ в Приуралье бытовали в широком хронологическом диапазоне — со второй половины III тыс. до н. э. до примерно XVIII в. до н. э., собственно, на всем протяжении существования ямной культуры в данном районе. Погребения на правом боку в ямах со ступеньками, видимо, появляются с последней четверти III тыс. до н. э., судя по материалам Тамар-Уткульских курганов. Этот же вывод может быть распространен и на V ОГ, в которой инвентарь сопутствует всем погребениям, но особенно многочислен в ямах со ступеньками и в погребении с отчлененными черепами. В последнем найден сосуд (рис. 4, *26*), который по форме и орнаментации по всей внешней поверхности может быть сопоставлен с наиболее ранними сосудами I ХГ ямной культуры — Быково II 2/3, Павловск 31/4, Маевка XVIII 5/7 [4, рис. 5; 17, с. 124, рис. 8; 18, с. 59]. Архаичность сосуду придает ряд ямок по шейке и орнаментация среза венчика — элементы, традиционные для неолитической и энеолитической керамики Южного Приуралья [19, с. 104—123] Медный нож из погребения (рис. 4, *14*) относится к I типу ножей (по С. Н. Кореневскому [20]), бытование которых, так же как и рогатых булавок [21, с. 33—35], определяется начиная со второй половины III тыс. до н. э. [20, с. 34—36, 45] Последние не противоречат датировке герасимовского погребения с черепами серединой третьей четвертью III тыс. до н. э.

К более позднему времени, вероятно к последней четверти — рубежу III—II тыс. до н. э., относятся комплексы Увак 5/6, Тамар-Уткуль VIII 4/1, 5/1, Пятилетка 3/1, 5/2. Найденные в них сосуды (рис. 4, *8, 11*) сопоставляются с керамикой II ХГ Проушный топор (рис. 4, *10*) совершенно идентичен топору из кургана 8 Тамар-Уткуля VII. Оригинально четырехгранное долото (рис. 4, *12*), которое по форме утолщенного насада аналогично долотам новосвободненского типа, а по форме рабочего конца ближе к более ранним, майкопским [13] Итак, все парные погребения относятся ко второй половине III тыс. до н. э. Более поздних памятников этого типа мы пока не знаем.

Таким образом, в развитии древнеямной культуры Приуралья выделяется несколько этапов, в основном соответствующих всем хронологическим ступеням развития древнеямной общности на сопредельных территориях, исключая наиболее древнюю, к которой относятся захоронения типа Бережновки I 5/22 в Нижнем Поволжье [22]. Наиболее ранние ямные погребения в Приуралье соответствуют II ХГ Нижнего и Среднего Поволжья. Среди них можно выделить горизонт погребений, датируемый примерно третьей четвертью III тыс. до н. э. (Герасимовка II 4/2, Нижняя Павловка V 1/2), и, видимо, часть безынвентарных погребений I и II ОГ Ко второму горизонту (последняя четверть III тыс. до н. э.) можно отнести бо́льшую часть курганов Тамар-Уткульских могильников; все остальные погребения — V ОГ (парные), за исключением погребения с долотом из Пятилетки, которое, как нам кажется, должно быть отнесено к более раннему времени, а также курганы с сосудами у хут. Барышникова, Уваксие, II Трудовой 1/1, 5/1, Болдырево IV

К III хронологической группе, соответствующей позднеямным (по Н. Я. Мерперту) или раннеполтавкинским группам Нижнего и Среднего Поволжья (по Н. К. Качаловой и И. Б. Васильеву), следует отнести погребения 1/1, 10/3, 2/1,

6/2 Болдырево I. Позднеполтавкинским захоронениям соответствуют комплексы Медведка 7/1, Болдырево IV 3/5.

Рассматривая периодизацию древнеямной культуры Приуралья, следует еще раз подчеркнуть, что особенностью погребального обряда на данной территории является преимущественное положение скелетов на правом боку с восточной ориентировкой. Причем эта особенность проявляется с самых ранних этапов распространения ямной культуры в приуральской степи и до конца ее существования. Кроме того, отмечена связь таких погребений с наиболее богатыми и сложными по конструкции курганами. Необходимо отметить и то, что в Приуралье на протяжении многих веков основные элементы древнеямной погребальной обрядности существенно не менялись, поскольку, видимо, катакомбные влияния сюда почти не проникали. Этот вывод хорошо иллюстрируется материалами III ХГ, сохраняющей все основные признаки ямной культуры. Что же касается таких новаций, как появление ям со ступеньками и заплечиками, забутовка ям материковым грунтом, ровики, значительные размеры насыпей и др., которые ряд исследователей связывают с переходом к новой полтавкинской культуре [5, 6], то нам представляется более верным рассматривать данные элементы, как отражение неоднородности древнеямного населения, довольно отчетливо наметившейся уже с третьей четверти III тыс. до н. э. Убеждает в этом и погребальный инвентарь, обильный и разнообразный в курганах со сложными могильными сооружениями. Причем материалы Тамар-Уткуля свидетельствуют о появлении ступенчатой конструкции ям значительно раньше так называемых полтавкинских погребений в Поволжье, т. е. в период, соответствующий II ХГ древнеямной культуры.

Вопрос об уровне развития социальных отношений в древнеямном обществе нуждается в специальном изучении. На материалах Приуралья можно лишь высказать ряд предположений, так как исследования в этом направлении продолжаются. Материалы Оренбуржья совершенно определенно подтверждают неоднократно высказывавшееся мнение о социальной неоднородности древнеямного общества [4, с. 130—134; 23, с. 66—72; 24, с. 90, 91]. Вполне вероятно, как считают многие исследователи, для данного периода деление общества на три сословия: военная аристократия, жрецы и свободные общинники [24, с. 56, 57], что прослеживается на ряде погребений Приуралья. Так, не вызывает сомнений высокий статус человека из Болдырева I 1/1, который, возможно, сочетал две общественные функции: жреца и вождя родовой или даже племенной группы. В пользу первого предположения говорят такие атрибуты ритуала, как покрывало с аппликацией в виде расправленных крыльев белой птицы, венчик из белой коры, расположение вещей вокруг ярко окрашенного охрой железного диска, возможно, символизирующего солнце. В пользу второго — крупная насыпь, сложное устройство могилы, наличие оружия и орудий труда, связанных с основными, важнейшими для жизнеобеспечения общества производствами. Кроме того, в погребении найдено несколько железных предметов и железная руда, что является единственным примером для всех культур эпохи ранней и средней бронзы на территории СССР. Это еще раз убеждает в неординарности Болдыревского кургана. Рядом с ним и в окрестностях расположены в основном небольшие курганы с безынвентарными погребениями. Погребальный обряд усложняется, а количество инвентаря увеличивается, как правило, в курганах, достигающих в диаметре 25 м и более.

Находки железных предметов для территории Оренбуржья уже не являются редкостью[2] Медный стержень с напаянным железным лезвием — «резчик» из Тамар-Уткуля VII 8/4 (рис. 2, 7) аналогичен находке в I Утевском могильнике 1/1, социальный статус которого определяется достаточно высоко [12,

[2] Железные предметы найдены в четырех погребениях: Болдырево I 1/1, Болдырево IV 2/6, Тамар-Уткуль VII 8/4, Кардаилово II 1/1. Курганы в могильниках Кардаилово II и Болдырево IV ограблены, ямы имели ступенчатую конструкцию, диаметры курганов более 40 м.

с. 55], так же как и погребения с железным наконечником копья из могильника Бичкин-Булук [25, с. 31]. Связь железных предметов с погребениями высокопоставленных представителей общества в них совершенно очевидна, и в этом плане сопоставление данных погребений с царскими гробницами Ура, Египта (гробница Тутанхамона), Ассирии и Вавилона III—II тыс. до н. э. нам представляется вполне правильной [12, с. 58]

Как погребение жрицы мы склонны рассматривать курган 1 VII Тамар-Уткульского могильника (крупная насыпь, растиральные камни; гальки с кусками охры, костяная булавка, украшения). Сочетание в нем находок медной бляшки с пуансонным орнаментом и костяной булавки подобно находкам в комплексе из Калиновского могильника в Николаевской обл., которые связываются с высоким рангом погребенных [15, с. 34, 35]. Вполне вероятна принадлежность к военной аристократии погребенных в таких курганах, как Пятилетка 5/2 (крупная насыпь, сопутствующее человеческое жертвоприношение с расчленением трупа, медное долото), Нижняя Павловка 1/2 (крупная насыпь, топор-клевец), Герасимовка I 7/1 (колесо). Интересно погребение с набором медных деревообрабатывающих инструментов, принадлежавших, видимо, представителю сословия ремесленников (Тамар-Уткуль VII 8/4), так же как в захоронении Увака 12/4.

Таким образом, уже на этих немногочисленных примерах отчетливо проступает не только социальное, но и имущественное неравенство в древнеямном обществе, наметившееся еще в предшествующую энеолитическую эпоху [23] в связи с развитием скотоводства. Процесс социальной дифференциации еще более ускорился за счет освоения металлургии меди и создания собственного очага металлообработки на базе каргалинских месторождений меди Южного Урала. В свете новых материалов этот очаг выглядит значительно более мощным, чем это представлялось раньше. Это подтверждается и спектральным анализом металла [3], и разнообразием типов изделий. Хотя большинство из них технологически и по форме тяготеет к кавказскому очагу металлургии, в то же время, как уже отмечалось, многие изделия своеобразны и не находят прямых аналогий в других культурах (копье, долота, «резчик», рубанок и др.). Видимо, в сложении приуральского очага сыграли роль и западные связи, в частности с территорией Украины и Балкан, сложившиеся в энеолите. Именно с этой территории произошло первое знакомство поволжско-уральского населения с металлом, судя по материалам Хвалынского могильника [23]. Трассологический анализ орудий из костей на Ивановской энеолитической стоянке в Оренбуржье дал неожиданные результаты, показав, что большинство этих орудий обрабатывалось металлическим ножом [4] Эти факты, а также форма топора-клевца из Нижней Павловки позволяют предполагать заметное влияние балканских связей на становление приуральской металлургии.

О достаточно высоким уровне развития приуральского очага металлургии говорит и попытка местных мастеров освоить производство железа. Причем железные предметы обнаружены как в погребениях конца III тыс. до н. э. (Тамар-Уткуль, Утевка), так и в комплексах начала II тыс. до н. э. (Болдырево). Интересно то, что железная руда из Болдыревского I кургана происходит из месторождений шамазитовых руд, находящихся на территории Соль-Илецкого и Илекского р-нов юга Оренбуржья [5] Почему металлургия железа здесь не получила дальнейшего развития, пока можно лишь предполагать. Видимо, определенную роль в этом сыграли, с одной стороны, недостаточно развитая технология плавки руды, а с другой — низкое качество руд, выход железа из которых невелик.

---

[3] Анализы металла проведены в лаборатории ИА АН СССР под руководством Е. Н. Черныха. Предметы из Болдырева, Увака, Герасимовки изготовлены из местной руды, группы МП.

[4] Определения Г. Ф. Коробковой.

[5] Консультация специалистов и химический анализ руды получены в Оренбургском геологоуправлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнов К. Ф.* Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
2. *Федорова-Давыдова Э. А.* Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971.
3. *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. 1. Уфа: Изд-во Башк. фил. АН СССР, 1962.
4. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
5. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во Кубыш. гос. пед. ин-та, 1979.
6. *Качалова Н. К.* К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. 1962. Вып. 5.
7. *Федорова-Давыдова Э. А.* Новые памятники неолита — бронзы в Оренбургской области // ВАУ Вып. 2. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1962.
8. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
9. *Батчаев В. М., Кореневский С. Н.* Находка оригинального топора в майкопском погребении у с. Лечинкай // КСИА. 1980. Вып. 161.
10. *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. София, 1979.
11. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
12. *Васильев И. Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980.
13. *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. XII.
14. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
15. *Черняков И. Т., Никитин В. И.* Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур // СА. 1988. № 4.
16. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.
17. *Синюк А. Т* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1983.
18. *Марина З. П.* Периодизация и хронология погребений ямной культуру в междуречье Самары и Орели // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. гос. ун-та, 1978.
19. *Моргунова Н. Л.* Ивановская стоянка эпохи неолита — энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1980.
20. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 3.
21. *Киященко В. Я.* К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1976.
22. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: Наука, 1975.
23. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1981.
24. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977
25. *Шилов В. П.* Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. 1985. № 2.

Оренбургский государственный
педагогический институт

Институт экологии УрО АН СССР,
Оренбург

N. L. MORGUNOVA, A. Yu. KRAVTSOV

THE PIT-GRAVE CULTURE OF THE WEST URALS (ON THE MATERIALS OF ORENBURG REGION)

The burial rite of the pit-grave culture is considered basing on more than 70 burials of its west-uralian group. Five ritual groups of the graves differing in position and orientation of the dead are outlined. In the group characterized by the right-side position of the sceleton a large number of pits had stepped form and the grave goods were extremely rich. The typology of artefacts points the last quarter of the 3rd mill. B. C. as the date for them. The earliest pit-grave assemblages in the West Urals are dated not earlier than mid 3rd mill. B. C. The end of the 3rd — the beginning of the 2nd mill. B. C. was the period of flourishing pit-grave culture in this region. A number of innovations is described such as huge barrow mounds, complicated stepped form of pits, wooden ceilings, coverings, human sacrifitions. All these the authors considered to testify the level of social differentiation of the society. This thesis is supported by rich grave goods in such burials. The richest graves contained extremely early iron artefacts made of local raw material.

Н. А. ГАВРИЛЮК, Г. А. ПАШКЕВИЧ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЭКОНОМИКЕ СТЕПНЫХ СКИФОВ КОНЦА V—IV В. ДО Н. Э.

Исследование темпа и форм перехода племенами степной зоны Скифии от сугубо кочевого способа ведения хозяйства (известного нам по памятникам предскифского и раннескифского периодов) к полуоседлому и оседлому, завершающим этапом которого является возникновение позднескифских городищ на Нижнем Днепре, изучение этого процесса, являющегося ключевым в реконструкции экономики Степной Скифии, определение его хронологических и территориальных рамок, исследование характера и роли земледелия в степной экономике относятся к актуальным задачам современного скифоведения. Решение их целесообразно начать с общих вопросов, включающих описание палеоэкологической обстановки в степях Северного Причерноморья и историографию вопроса. Область Степной Скифии, достаточно хорошо изученная в археологическом отношении, целиком вписывается в степную зону юго-запада Восточно-Европейской равнины. Побережье Черного и Азовского морей, предгорья Крыма ограничивают степь с юга. Северная граница степи выражается нечетко. Исходя из задачи статьи, целесообразно определить ее по почвам — наиболее инертному структурно-определяемому природной зоной компоненту оболочки. Линией раздела лесостепи и степи может служить северная окраина распространения черноземов обыкновенных, средне- и малогумусных.

По почвенно-климатическим условиям в степи выделяются три подзоны: северная, центральная и южная [1, с. 292] Почвы первой подзоны — преимущественно среднегумусные черноземы; встречаются черноземы обыкновенные, малогумусные. Рельеф равнинный, вегетационный период колеблется в пределах 200—230 дней. Количество осадков в 1,5 раза меньше, чем в лесостепи, но большая их часть выпадает в вегетационный период. Таким образом, природно-климатические условия зоны благоприятны для развития земледелия.

Вторая подзона по природно-климатическим показателям мало чем отличается от северной. Она лишь более засушливая.

Третья подзона — южная степь — отличается большей расчлененностью рельефа, меньшими высотами. Климат характеризуется более высоким температурами и меньшим количеством осадков. Почвы сложены из черноземов: южных, затем, с севера на юг, темно-каштановых, каштановых с солончаками. В подзоне часто бывают засухи, сильные ветры. Земледелие на большей части земель южной подзоны возможно лишь при искусственном орошении и специальных мероприятиях по накоплению влаги в почве.

По сравнению с лесостепью, традиционным районом локализации земледелия [2, с. 3—20; 3, с. 66—114; 4, с. 142—146; 5, с. 47—64], степь обладает относительно большими площадями кормовых угодий и более засушливым климатом. По-видимому, без специальных приемов агротехники, отличающихся от лесостепных, селекции специальных сортов культурных растений продуктивное земледелие в примитивных формах в степных подзонах, особенно в южной, было затруднено. На размещение очагов земледелия особое влияние оказала обеспеченность рассматриваемого региона водами.

© Н. А. Гаврилюк, Г А. Пашкевич, 1991 г

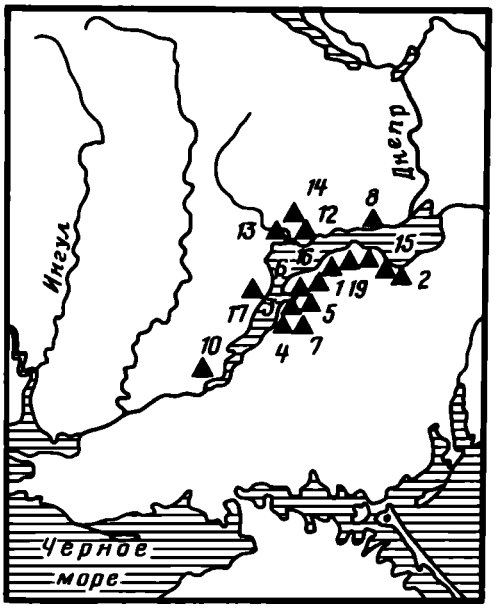


Рис. 1. Основные скифские памятники оседлости. *1* — Каменское городище; *2* — Лысая Гора; *3* — Первомаевка 1; *4* — Первомаевка 2; *5* — Чернеча; *6* — Нижний Рогачик; *7* — Червоногригорьевка; *8* — Высшетарасовка; *9* — Скельки; *10* — Змиевка; *11* — Благовещенское; *12* — Алексеевка; *13* — Покровские селища; *14* — Капуловка; *15* — Водяное; *16* — Карайдубина; *17* — Михайловка

Внутренние воды Степной Скифии характеризуются малой густотой. Выделяется бассейн Днепра — крупнейшей водной артерии Степной Скифии, но в сельском хозяйстве сам Днепр не играл большой роли. Террасы его высоки, а склоны круты, что затрудняет использование воды при обработке земли [6, с. 34] Широкая пойма с плавнями и лугами непригодна для земледелия, но благоприятна для разведения скота. Эта особенность Поднепровья отмечена еще Геродотом: «Из остальных Борисфен самый полноводный; он представляет прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота» [7, с. 119]. Из сказанного можно предположить возможность возникновения земледельческих поселений лишь на берегах малых рек в зоне со среднегумусными черноземами. Именно к этому региону тяготеют обнаруженные археологические памятники, материалы раскопок которых свидетельствуют о возникновении земледелия и оседлости у степных скифов.

Возможность перехода степных скифов к оседлому образу жизни не исключает никто из современных скифологов. Но о времени и месте возникновения элементов оседлости и о степени ее развития существует несколько точек зрения. По мнению одних исследователей, оседание кочевых скифов связано с возникновением «укрепленных городков» Малой Скифии во II в. до н. э. [8, с. 193]. Более раннее Каменское городище с земледельческим населением не связывается. Оно трактуется как «поселение ремесленников-металлургов» [8, с. 188]. По мнению Б. Н. Гракова, Каменское городище являлось «центром Степной Скифии второй половины V—III вв. до н. э.» [9, с. 172], в то время как территория Нижнего Поднепровья была заселена скифами-земледельцами [10, с. 45]. А. М. Лесков дополняет эту территорию зоной, в которой расположены курганы в районе Херсона и Каховки [11, с. 294]. Исследования последних лет позволяет расширить территорию степных скифов-земледельцев и разработать систему доказательств перехода к оседлости.

Кроме поселений Нижней Рогачик [12, с. 40—46], Князе-Григорьевка, Алексеевка, Капуловка, Червоногригорьевка, Ильинки [9, с. 163, 164] Покровских селищ к поселениям степных скифов можно отнести расположенные на берегах малых рек Нижнего Днепра поселения Лысая Гора [13], ряд памятников в зоне размыва береговой линии Каховского водохранилища, в том числе Первомаевка 1,2, Карайдубина II, Чернеча [14], Змиевка, Скелька IV, Беленькое и др. [15] (рис. 1).

Все эти памятники характеризуются маломощным (0,7—1,0 м) культурным слоем одного времени. Непродолжительность существования памятников подтверждается составом амфорного материала, датируемого в основном IV в.

Таблица 1

Состав отпечатков культурных и сорных растений на керамике степных скифских памятников IV в. до н. э.

Памятник	Количество исследованных фрагментов		Культуры							Сорняки			
	без отпечатков	с отпечатками	пшеница двузернянка	пшеница мягкая	пшеница спельта	ячмень голозерный	ячмень пленчатый	просо обыкновенное	рожь сорнополевая	костер	куриное просо	щетинник	конопля (?)
Лысая Гора	1518	63	2				3	25		1			1
Нижний Рогачик	627	14						2	1				
Каменское	153	28	4	3			9	10			1		1
Великая Лепетиха							1						
Кут	7	5	1	1			1	1			1		
Высшетарасовка	6	2			1			1					
Скельки	10	1		1									
Карайдубина	5	1						1					
Водяное	2	1						1					
Курганы:													
Вольная Украина	По всем		1			2							
Ильичево	курганам:					1							
Новое	71	5				2							
Всего	2246	120	8	5	1	5	14	41	1	1	2	1	1

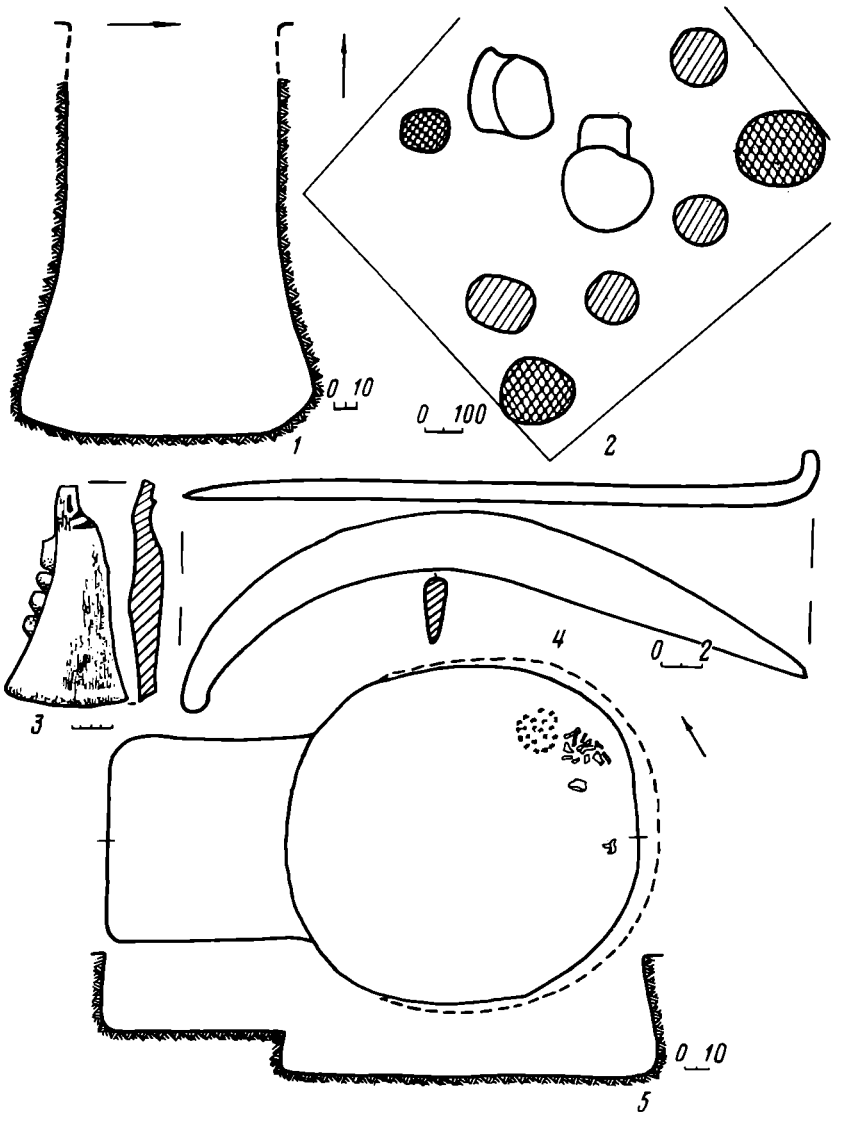


Рис. 2. Строительные и хозяйственные остатки поселений. *1* — зерновая яма; *2* — хозяйственный комплекс; *3* — почвообрабатывающее костяное орудие (Лысая Гора); *4* — серп (Каменское городище); *5* — полуземлянка (Лысая Гора)

до н. э. Из культурного слоя скифских нижнеднепровских поселений этого времени происходят находки, свидетельствующие о возникновении и развитии земледелия.

В составе *керамики* на поселениях преобладает лепная посуда местного производства при почти полном отсутствии чернолаковой, серо- и красноглиняной гончарной. Так, на поселении Лысая Гора лепная керамика составляет 64%, амфорная — 35,3, гончарная столовая и кухонная — 0,7%, на поселении Нижний Рогачик — соответственно 56,3, 43,7, 0%. Вся лепная керамика принадлежит к скифской группе, хорошо известной по погребениям IV в. до н. э. [16] В тесте, из которого сформованы сосуды, легко прослеживается растительная примесь, в частности отпечатки соломы, половы — остей, чешуй и зерновок хлебных злаков. Идентификация отпечатков проведена на лепной керамике поселений Лысая Гора, Нижний Рогачик и на материалах курганов у сел. Кут, Вольная Украина, Ильичево, Новое (табл. 1).

На поселении Лысая Гора выявлены многочисленные *зерновые ямы* грушевидные в разрезе; их размеры: диаметр горла до 1 м, дна до 1,35 м, глубина 0,75—1,65 м от уровня материка (рис. 2, *1*). Вычисленные по геометрическим размерам (в предположении, что зерновые ямы являются телами вращения)

Таблица 2

Состав обугленного зерна из хозяйственного комплекса поселения Лысая Гора

Ассортимент	Помещение 2, 3 мл	Яма 1, 5,5 мл	Яма 2, 8 мл	Яма 3, 3 мл	Яма 4, 1 мл	Яма 5, 4 мл	Всего 24,5,%
Пшеница двузернянка	8	33	20	6	2	20	89/7,9
Пшеница однозернянка		2	3	2			7/0,7
Пшеница спельта		4	2			1	7/0,7
Пшеница мягкая (карликовая)	1		1			13	15/0,9
Ячмень пленчатый	165	186	275	187	52	139	1004/89,8
Всего	174	225	301	195	54	173	1122/100

Таблица 3

Средние размеры обугленных зерновок из поселения Лысая Гора

Вид злака	Количество зерновок	Размеры зерновок, мм			Индексы, %			
		длина L	ширина B	толщина T	$\frac{L}{B}$	100·B/L	100·T/L	100·T/B
Пшеница однозернянка	5	4,92 (4,5—5,4)	2,32 (2,04—2,52)	2,3 (2,16—2,4)	2,12	47,15	46,7	99,1
Пшеница двузернянка	30	5,15 (4,68—5,46)	2,43 (2,22—2,76)	2,09 (1,92—2,4)	2,12	47,2	40,6	86,0
Пшеница спельта	8	5,04 (4,32—5,64)	2,35 (1,92—2,64)	1,98 (1,5—2,7)	2,14	46,6	39,3	84,25
Пшеница мягкая (карликовая)		3,4 (2,7—3,9)	2,26 (1,92—2,58)	1,74 (1,32—2,1)	1,50	66,5	51,2	77,0
Ячмень пленчатый	30	5,564 (5,7—6,36)	2,547 (2,16—3,0)	2,0 (1,68—2,52)	2,18	47,8	37,5	81,14

объемы колеблются в пределах от 0,7 до 1,5 м^3 Вычисления проводились по формуле [17, с. 421] $V=\pi \int_{y_1}^{y_2}[R(y)]^2dy$, где V, $R(y)$ — объем и профиль стенки ямы в предположении ее осесимметричности; в силу значительной трудоемкости расчеты производились на ЭВМ.

Хранение зерна в грушевидных ямах — широко распространенное явление. Многочисленные аналогии имеются в памятниках Юго-Западного Причерноморья [18, с. 59], приольвийских [19] и боспорских [20, с. 80—83] памятниках. Подобные зерновые ямы известны на поселениях лесостепи, а также в Сибири, Фергане, на Алтае [21, с. 60]. Зерновые ямы описаны Плинием: «...чтобы зерно было защищено от соприкосновения с влагой и воздухом, за исключением тех случаев, когда его достают или пользуются им. Ведь там, где не достигает ток воздуха, не заводится хлебного червя. Хранимая таким образом пшеница может пролежать даже 50 лет, а просо — 10 лет» [22, с. 306]

В каждой яме могло храниться от 0,5 до 1,2 т зерна (плотность зерна в бурте принималась примерно 0,8 т/м^3 [23, с. 418], или 34—72 пуда зерна. В хозяйственном комплексе раскопа 8 поселений Лысая Гора, по нашим подсчетам, хранилось 315 пудов зерна. Комплекс состоял из двухкамерного жилого или хозяйственного сооружения, пяти зерновых и двух хозяйственных ям (рис. 2, *2*). В помещении 2, а также в зерновых ямах найдено обугленное зерно. В помещении оно было рассыпано рядом с зернотеркой. Всего отобрано 25,4 мл, или 1122 обугленных зерновок. Результаты палеоботанического исследования зерна приведены в табл. 2 и 3.

Из табл. 1, 2 явствует, что основными агрикультурами Степной Скифии в IV в. до н. э. были ячмень пленчатый, пшеница двузернянка, в меньшей мере яч-

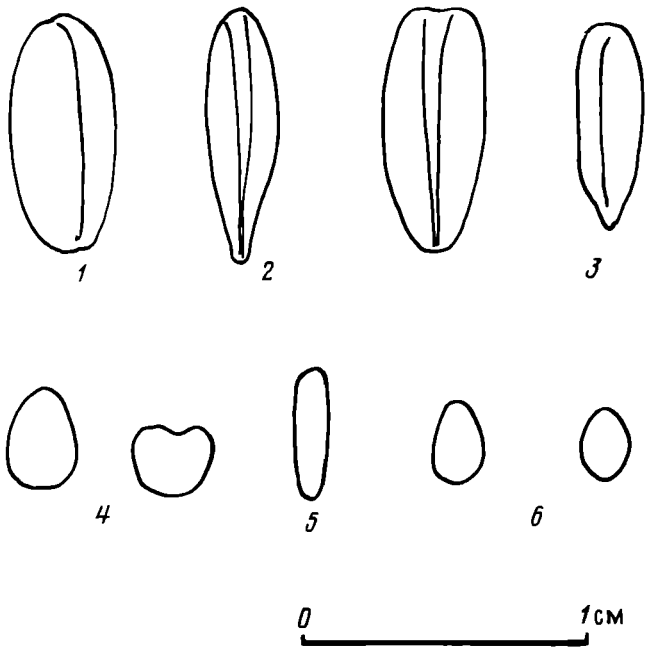


Рис. 3. Отпечатки зерновок. *1* — пшеница двузернянка Triticum dicoccum; *2* — ячмень пленчатый Hordeum vulgare; *3* — рожь Secale segetale L.; *4* — просо Panicum milliaceum; *5* — костер Bromus sp.; *6* — куриное просо Echinochloa crus galli

мень голозерный и просо обыкновенное. Характеристики выявленных культурных растений приведены в табл. 3.

Основная масса обнаруженных пшениц относится к пленчатым.

Пшеница однозернянка Triticum monococcum L. Семь зерновок этой пшеницы зафиксированы среди обугленного зерна в хозяйственном комплексе поселения Лысая Гора. Они имеют характерную форму: тело зерновки вытянутое, сплюснутое с боков, узкое, с заостренными вершиной и основанием, с выпуклой брюшной стороной, вдоль которой проходит узкая прямая борозда, и резко выпуклой, приподнимающейся бугорком спинной стороной. Средние размеры зерновок приведены в табл. 3.

Пшеница двузернянка Triticum dicoccum Schrank. Типичные отпечатки этой пшеницы имеются на фрагментах керамики из курганов у сел Кут и Вольная Украина. Отпечаток колоска двузернянки представлен на фрагменте лепного сосуда из материалов поселения Лысая Гора. Здесь также отпечаталась чешуя, хорошо выявляющая характерное строение (форма, жилкование, наличие киля). На модели, изготовленной с отпечатка колоска, прослеживаются две зерновки и охватывающие их наружные и внутренние цветочные чешуи — пленки.

В хозяйственном комплексе поселения Лысая Гора представлено 20 обугленных зерновок пшеницы двузернянки. Зерновки удлиненно-овальные, с заостренной вершиной и округленным основанием, с ровной или слегка вогнутой брюшной стороной и выпуклой спинкой (рис. 3, *1*). Размеры приведены в табл. 3.

Пшеница спельта Triticum spelta L. Семь обугленных зерновок этой пшеницы обнаружены среди находок в хозяйственном комплексе поселения Лысая Гора. Зерновки каплеобразные, удлиненно-овальные, с узкой заостренной вершиной и округленным основанием, с прямой брюшной стороной и слегка выпуклой со стороны спины (рис. 3, *3*). Размеры зерновок приведены в табл. 3.

Голозерные пшеницы карликово-мягкие Triticum aestivo-compactum. Среди обугленных зерновок на поселении Лысая Гора обнаружены 14 зерновок этой пшеницы. Зерновки короткие, овальные, с округлым зародышем, с глубокой и узкой бороздой, с округлыми вершиной и основанием (рис. 3, *4*). Размеры зерновок представлены в табл. 3. Значения величины индекса L/B колеблются от 1,4 до 1,5. Бóльшая часть зерновок имеет значение 1,4 и 1,5.

Ячмень Hordeum vulgare. Этот злак наиболее многочислен в исследованных материалах и представлен пленчатой и голозерной формами.

Четкие отпечатки пленчатого ячменя зафиксированы на фрагментах керамики поселения Лысая Гора, Каменского городища, селища у с. Великая Лепетиха, одном из курганов Кутянского могильника. Большинство отпечатков хорошо передает морфологические особенности зерновок. На них видна характерная удлиненно-овальная форма зерновки с расширяющейся кверху бороздой, если зерновка отпечаталась брюшной стороной, или три жилки наружной цветочной чешуи, если она лежит со стороны спины (рис. 3, *2*). Отпечатки зерновок из поселения Лысая Гора (фрагмент № 338 и фрагмент из ямы 6) длинные, узкие, слегка изогнутые, что указывает на их принадлежность к боковым зерновкам в колоске многорядного пленчатого ячменя.

Среди обугленных зерновок отмечаются пленчатые двух типов: а) крупные симметричные, удлиненные; б) асимметричные, более узкие, со скошенным основанием. Эта неоднородность указывает на принадлежность обугленного зерна к форме многорядного ячменя. Для этой разновидности характерно наличие в «тройке» колоска двух боковых асимметричных зерновок и одной симметричной и более крупной в центре (рис. 3, *2*). Размеры представлены в табл. 3.

На фрагментах керамики из курганов Вольная Украина, Ильичево, Новое обнаружены отпечатки зерновок голозерного ячменя. Зерновки были мелкими овальными. Размеры их представлены в табл. 3.

Рожь. Secale segetale L. На фрагменте керамики № 175 из материалов поселения Лысая Гора отпечаталась зерновка, имеющая форму, типичную для ржи. Она узкая, с плоским основанием. Размеры ее 6,2×2,0 м. Возможно, она принадлежала форме сорнополевой ржи, засорявшей посевы пшеницы (рис. 3, *3*)

Просо. Panicum milliaceum L. Отпечатки зерновок проса встречаются на фрагментах керамики из поселений Лысая Гора и Нижний Рогачик. Наиболее часты их находки на днищах сосудов из поселения Лысая Гора (№ 123, 256, 284, 448), где иногда можно насчитать до 10 зерновок. Здесь же зафиксированы следы чешуй, стеблей и листьев, т. е. отходы обмолота (№ 31, 141). Очевидно, что отходы обмолота вместе с зерновками использовались в качестве подсыпки под сырые сосуды в процессе их изготовления. Зерновки проса округло-овальные (рис. 3, *4*). В обугленном материале с поселения Лысая Гора они не обнаружены. В погребении 2 кургана 7 группы Широкое III [24, с. 13] просо найдено у кисти левой руки погребенного.

Сорняки. На керамике найдены отпечатки единичных зерновок щетинника Setaria sp. и костра Bromus sp. (рис. 3, *5*). Щетинник является специализированным сорняком в посевах проса, костер — обычный засоритель зерновых культур. Встречается это растение также в составе местной флоры, на сорных местах, на склонах, вдоль дорог.

Сходный состав зерновых культур выявлен на скифском поселении IV в. до н. э. Заморское в Крыму. По отпечаткам злаков на керамике установлено, что обитатели этого поселения культивировали пшеницу двузернянку, ячмень пленчатый и голозерный и просо [25, с. 160—163]

Орудия для обработки почвы представлены мотыгами с железными наконечниками двух типов: втульчатые наконечники из толстого железного листа, загнутого по бокам (Пересадовка, кург. 3, погр. 3) (рис. 4, *7*), либо железными пальштабовидными мотыжками с дуговидным рабочим краем и выступающими шипами на обушке (Широкое III, кург. 16, погр. 1 и кург. 11, погр. 1 [25], а также Владимировка, кург. 3 [26]) (рис. 4, *5, 6*).

В качестве почвообрабатывающих орудий могли использоваться изделия из лопаточных костей и челюстей крупного рогатого скота (рис. 2, *3*) Известно, что костяные орудия для вскопки и рыхления земли должны соответствовать определенным параметрам. Рукоять должна быть удобной для ритмичной работы, поэтому длина наконечника роговой или костяной мотыги не должна быть больше 8—10 см, длина рабочей части — 14—20 см, размеры заполирован-

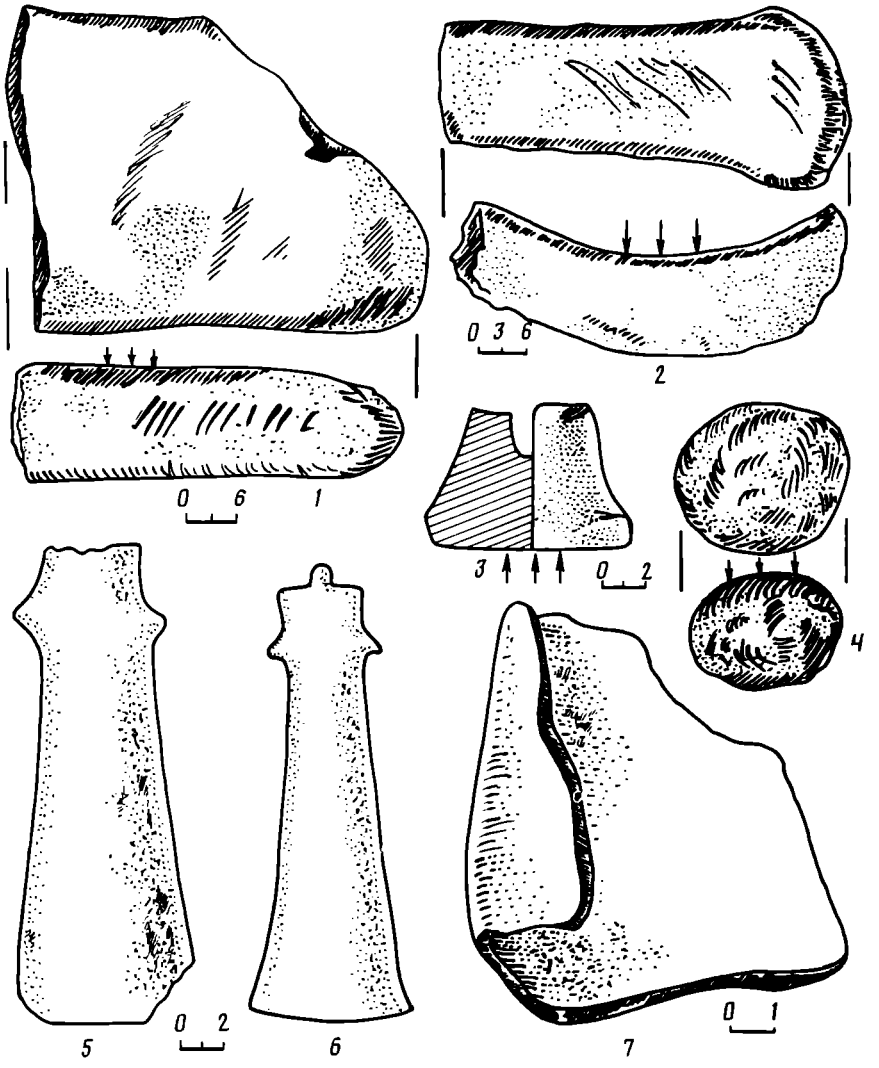


Рис. 4. Орудия, связанные с земледелием. *1, 2* — зернотерки; *3* — терочник из ножки амфоры; *4* — каменный терочник (Лысая Гора); мотыги: *5* — Широкое, курган 11, *6* — Широкое, курган 16; *7* — Пересадовка, курган 3

ности — не шире 3—4 см [27, с. 173—176] Таким параметрам соответствуют орудия из хозяйственных ям 1 и 2 раскопа 2 поселения Лысая Гора.

Орудия по сбору зерновых культур представлены находками серпов из материалов Каменского городища и могильника Широкое III. У серпа из Каменского городища длина по хорде — 22,7 см, искривление составляет треть длины серпа по прямой (рис. 2, *4*). Известно, что наиболее усовершенствованными, обладающими высокими технологическими качествами являются серпы длиной до 50 см с изгибом дуги, составляющим треть прямой [28, с. 90] Таким образом, серпы степных скифов хотя и были меньше по размерам более поздних (это объясняется тем, что большинство срезаемых ими культур короткостебельны), но обладали высокими техническими качествами.

Орудия для обработки зерна представлены зернотерками и терочниками, составляющими большую группу находок как из материалов поселений, так и из курганов. На одном только поселении Лысая Гора найдено 10 зернотерок, причем в помещении 2 раскопа 8 зернотерка найдена рядом с обугленным зерном. Это овальные, иногда сильно изогнутые изделия со сработанностью в центре в виде однонаправленных линейных следов (рис. 4, 1, *2*). Для растирания зерна использовались цилиндрические или дисковидные терочники (рис. 4, *4*). Иногда для этой цели употреблялись обточенные фрагменты ножек амфор

(рис. 4, *3*). Предварительно размоченное пшено (1 кг) растирается на таких зернотерках до теста за 15 мин [29, с. 137]

Кроме обломков керамики культурный слой на поселениях насыщен костями животных. Особенности материальной культуры скифских нижнеднепровских поселений IV в. до н. э. совпадают с признаками культурного слоя поселений, характерными для кочевого способа ведения хозяйства в его полуоседлой разновидности. Согласно С. А. Плетневой [30, с. 41], для такого хозяйства характерно поселение, функционирующее круглый год, но с небольшим культурным слоем, насыщенным в основном обломками керамики и костей животных. Доказательством круглогодичного существования исследуемых поселений являются жилища поселений Лысая Гора и Первомаевка [31, с. 31], реконструируемые как землянки или полуземлянки с очагами и имеющие аналогии у кочевников, ведущих полуоседлый образ жизни [32, с. 14—40].

Особенности раннего земледелия степных скифов. Изучение состава возделываемых растений степной зоны Северного Причерноморья, анализ орудий труда, этнографические параллели, агрокультурные характеристики позволяют рассмотреть вопросы о системе земледелия и о ее особенностях. Как установлено ранее, в видовом отношении среди культур Степной Скифии IV в. до н. э. преобладают засухоустойчивые растения: просо обыкновенное, ячмень пленчатый, в определенной мере пшеница-двузернянка.

К наиболее засухоустойчивым сельскохозяйственным культурам Н. И. Вавилов относил просо. Оно лучше других хлебов переносит действие высоких температур и в то же время нетребовательно к влаге. К жароустойчивым растениям принадлежит также ячмень. Эта культура, хорошо переносящая воздушную засуху, в настоящее время выращивается преимущественно в степных районах Украины и на Северном Кавказе. В засушливых районах ячмень дает бóльшие урожаи, чем пшеница [33, с. 87].

Просо и ячмень — культуры скороспелые. У ячменя период вегетации длится от 60 до 110 дней, у проса — от 55 до 115 дней. Поэтому в южных районах, где вегетационный период длится долго, с одной площади можно получать по два урожая в год.

Пшено, полученное из проса,— крупа, имеющая хорошие вкусовые качества. По содержанию белка (12%) и жира (5,5%) оно уступает только овсяной крупе. В рационе кочевника доля зерновой пищи занимала заметное место (см., например, [34, с. 72]). О широком использовании скифами-кочевниками пшена для приготовления блюда из толченой крупы, разбавленной молоком или водой, мы писали ранее [35].

Просо и ячмень находят применение также в качестве корма для скота и птицы. Так, известно, что ячмень используется для кормления свиней и лошадей, особенно в тех районах, где не выращивается овес. В средние века ячмень, например, называли «конским потому, что он кормит скотину лучше, чем пшеница, и людям здоровее, чем плохая пшеница» [36, с. 18] В хозяйстве находят применение и отходы обмолота. Солома и полова проса имеют высокие кормовые достоинства, благодаря содержанию протеина (6,9%), жира (1,8%), безазотистых экстрактивных веществ (40,7%) [33, с. 124]. По кормовым достоинствам отходы обмолота приближаются к среднему сену. В некоторых районах просо специально выращивают на зимний корм или для сена.

Просо и ячмень — культуры, предпочитающие плодородные структурные почвы, например черноземы каштановые. В то же время ячмень и просо приспособлены и к другим типам почв, хотя дают на них меньшие урожаи.

Просо очень требовательно к чистоте посевов и дает наивысшие урожаи при посеве на целине или пласту многолетних трав [33, с. 130]. Просо — культура, традиционно связываемая с бытом кочевников. Полагают, что на территорию Европы оно попало со своей родины — Китая — вместе с азиатскими кочевниками двумя путями: южным через Переднюю Азию и северным через прикаспийские и причерноморские степи. Время его появления — неолит. На неолити-

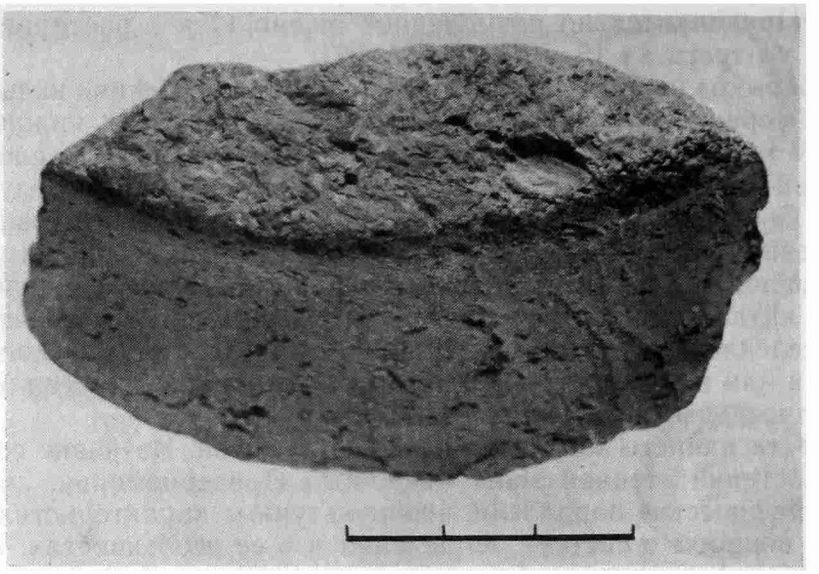


Рис. 5. Отпечаток колоска на днище лепного сосуда с поселения Лысая Гора

ческих поселениях территории ФРГ, Швейцарии, Болгарии, Польши и Венгрии просо отмечается среди находок других зерновых культур.

Помимо указанных выше растений в числе выращиваемых была также пшеница двузернянка. Она занимает третье место в находках обугленного зерна из материалов поселения Лысая Гора и представлена в отпечатках на керамике, причем здесь она единственная из пленчатых пшениц (рис. 5). Среди обугленного зерна встречены еще зерновки других пленчатых — однозернянки и спельты. Незначительное их количество указывает, вероятно, на тот факт, что эти пшеницы встречаются как засорители в посевах двузернянки и не имели самостоятельного значения.

Наличие пшеницы двузернянки в числе культур, использовавшихся скифами в IV в. до н. э., можно объяснить ее ценными качествами, привлекательными для древнего земледельца. Это прежде всего высокая приспособляемость к почвенным и климатическим условиям. Она удается на скудных почвах горных районов, на подзолах и глинах, тучных черноземах, торфяниках [37, с. 51]. Ценилась она как засухоустойчивая культура и считалась «надежным» хлебом, дающим урожай и в случае весенних заморозков, и в случае летней засухи. В Грузии, по этнографическим данным, двузернянку часто использовали для посевов по целинным и залежным землям. Эта пшеница ценится как культура, уничтожающая сорняки, очищающая от них пашню [38, с. 80—86].

Голозерные пшеницы, наибольшее количество которых обнаружено среди обугленного материала, вероятно, засоряли посевы двузернянки и не имели самостоятельного значения.

Ассортимент культурных растений, установленный для Степной Скифии IV в. до н. э., позволяет нам высказать предположение, что скифы использовали обычный для степи переложный способ обработки земли. При таком способе обработки на определенном, чаще всего небольшом, участке земли сжигали травостой. Затем участок обрабатывали и засевали, по истощении земли запускались в перелог (залеж), используемый как пастбище. Примерно через 10 лет этот участок опять попадал в обработку. С целины брали по четыре-пять урожаев, с залежи, пробывшей свободной 10—15 лет,— от трех до четырех урожаев, а с трехлетнего перелога можно было получить только один прибыльный урожай [34, с. 118]. Наиболее ценимыми при переложной системе хлебными растениями в степи были пшеница и просо. «Этот хлеб, не говоря уже о его большой ценности в торговле, есть, как его справедливо называют, хлеб степей... Для такого клима-

та, как степной, где бездождие — вещь обыкновенная, понятно, такое растение составляет бесценное сокровище» [34, с. 94].

Переложная система землепользования на ранних этапах своего становления тесно связано с кочевым способом ведения хозяйства. Участки, занятые зерновыми культурами, были небольшими, перелог скотоводы могли использовать под пастбища. «Переложная система есть первая переходная ступень, на которую становится кочевник, когда нужда, т. е. увеличение народонаселения и развитие права собственности, заставляют его бросить бродяжничество со своими стадами и стать на оседлую ногу, ногу земледельца» [34. с. 54]

Подобные процессы происходили в степной зоне Северного Причерноморья в раннем железном веке. В экономической истории Степной Скифии четко фиксируются три периода, соответствующие введенной С. А. Плетневой периодизации кочевничества [30, с. 47]. Первый период является «временем непрерывного кочевания» и совпадает с периодом архаики. Начало его связано с появлением в Северном Причерноморье кочевников — протоскифов [39, с. 3], привлеченных сюда в первую очередь более благоприятными, чем в восточных районах Великого пояса степей, природными условиями: водными ресурсами, богатыми пастбищами, наличием благоприятных условий для зимовок в южной подзоне степи, где снежный покров либо отсутствует, либо не превышает 10 см. В этот период скотоводство играет ведущую роль в экономике Степной Скифии. Для него характерно преобладание животных, приспособленных к длительным перекочевкам. Земледельческий компонент в это время не фиксируется.

Второй период носит характер переходного и датируется второй половиной V—IV вв. до н. э. Он характеризуется переходом от чисто кочевого к полукочевому способу ведения хозяйства. По-видимому, рост стада, появление признаков пастбищной дигрессии в зонах зимовок привели к тому, что привычные места перестали обеспечивать кормами. Выходом из сложившегося положения был либо захват новых территорий, что не фиксируется по археологическому материалу этого периода, либо попытка своеобразной интенсификации кочевого скотоводства — попытка обеспечить стада твердыми кормами. Не случайно на первом месте в ассортименте сельскохозяйственных культур стоят просо и ячмень — культуры, имеющие в первую очередь кормовой характер.

Таким образом, можно заключить, что агрикультуры и способ землепользования у степных скифов вытекали из способа ведения кочевого хозяйства и на ранних этапах не подвергались влиянию соседних земледельческих народов.

Переложная система землепользования предполагает самую легкую поверхностную обработку земли [34, с. 53]. По-видимому, говоря о существовании плужного земледелия у скифов [3; 5. с. 47], авторы имели в виду районы лесостепи. Это подтверждает и приведенная Б. А. Шрамко и З. В. Янушевич [5, с. 58] карта, где степные памятники представлены прикубанскими и греческими поселениями. На территории Степной Скифии не сделано ни одной находки, свидетельствовавшей о развитии у степных скифов плужного земледелия (единственный плуг найден в Крыму). Описанному выше залежному способу землепользования не противоречил способ общинного землевладения с периодическими переделами земли между родами, семьями, существование которого в V в. до н. э. убедительно доказано М. И. Артамоновым [2, с. 7].

Таким образом, обобщение результатов исследования памятников об оседлости Нижнего Поднепровья позволило нам присоединиться к концепции Б. Н. Гракова о начале возникновения земледелия и оседлости у степных скифов в V в. до н. э. Этот процесс происходил на части степной подзоны, на берегах малых рек Днепровского бассейна. Вполне возможно, что само Каменское городище по характеру материальной культуры, а следовательно, и по той хозяйственной функции, которую оно выполняло, выпадает из группы земледельческих памятников. Оно отличается характером домостроительства, отсутствием зерновых ям. В то же время в его находках присутствуют земледельческие орудия, даже такие ценные, как серпы. Вполне возможно, что оно играло роль торжища, что доказано и более подробным анализом его материала [40, с. 48] и,

возможно, было центром сбыта не только ремесленных изделий, но и продуктов земледелия.

Таким образом, основные черты земледелия Степной Скифии можно определить следующим образом: переложная система землепользования, преобладание в агрикультуре пленчатого многорядного ячменя, проса и в меньшей мере пленчатой пшеницы двузернянки. Земледельческий способ ведения хозяйства у степных скифов не связан с развитым земледелием периода поздней бронзы, от которого отделен значительным хронологическим отрезком. Предпосылки его развития складывались в недрах кочевого общества, и возникает оно в первую очередь из потребностей скотоводства, с которым на протяжении веков сосуществует. Иными словами, оседание беднейших скифов-кочевников на землю имеет вполне определенную экономическую основу, заключающуюся в возникновении потребностей в кормах на зимний период и людях, которые бы их выращивали.

Земледелие племен, обитавших в лесостепи, характеризуется прежде всего плужным характером обработки земли и подсечным способом землепользования [4]. Основными культурными растениями здесь были пшеница двузернянка и пленчатый многорядный ячмень. Возделывались также пшеница карликовая и мягкая, рожь, просо, горох [5, с 60] Утверждение П. Д. Либерова о происхождении земледелия у скифов, о его связи с земледелием периода поздней бронзы касается, по нашему мнению, только лесостепной зоны (во всяком случае, автор использовал только лесостепные материалы [3, с. 73]).

Земледелие античных городов Северного Причерноморья также базировалось на плужной обработке земли, двупольной системе землепользования [41, с. 161], применении удобрений, преобладании мягких сортов пшеницы [42, с. 71]. По происхождению оно связано с земледелием метрополии. Не случайно некоторые авторы отмечают аграрный характер колонизации [43].

Таким образом, в Северном Причерноморье в конце V—IV в. до н. э. существуют три системы земледелия, развивающиеся на ранних этапах своего существования совершенно независимо: античная, лесостепная и степная скифская. Некоторые подобия в способах хранения зерна и материальной культуре возникают независимо друг от друга из принципа целесообразности. Лишь во второй половине IV в. до н. э. усиливается влияние античности на степь и лесостепь, что проявилось и в способах ведения земледельческого хозяйства степными скифами.

Оценивая в целом процесс становления и развития земледельческого компонента в экономике Степной Скифии, можно выделить следующие характерные его черты: возникновение из потребностей скотоводства, независимая от греческой и лесостепной линия развития до конца IV в. до н. э.; небольшая роль в экономике до конца IV в. до н. э. К концу IV в. до н. э. роль земледелия в экономике Степной Скифии возрастает, на следующем этапе развития оно становится экономической базой нового политического объединения скифов на Нижнем Днепре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вернандер Н. Б., Годлин М. М., Самбур Г Н., Скорина С. А.* Почвы УССР. Киев; Харьков, 1951.
2. *Артамонов М. И.* О земледелии и земледельческом празднике у скифов // Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. 1948. № 95. Вып. 15.
3. *Либеров П. Д.* К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. // Материалы по истории земледелия СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
4. *Шрамко Б. А.* Найдавніші орні знаряддя на території України // Питання історії народів СРСР. 1969. № 6.
5. *Шрамко Б. А., Янушевич З. В.* Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2.
6. *Двойченко Г А.* Гидрогеологический очерк Северной Таврии // Тр. Южной обл. мелиоративной организации. Вып. 15. Одесса, 1930.
7. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л.: Наука, 1982.

8. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
9. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36.
10. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
11. *Лесков А. М.* Рецензия на книгу «Социальная история скифов» // СА. 1977. № 3.
12. *Березовець Д. Т., Березанська С. С.* Поселення та могильник епохи бронзи біля с. Нижній Рогачик // АП. 1961. Т 10.
13. *Гаврилюк Н. А., Кравченко С. Н.* Отчет о раскопках поселения IV в. до н. э. Лысая Гора у г. Васильевка Запорожской обл. // Архив ИА АН УССР. 1984/17а; 1985—1986/12.
14. *Былкова В. П.* Скифское поселение у с. Первомаевка // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых. М., 1986.
15. *Абикулова М. И., Былкова В. П., Гаврилюк Н. А.* Скифские поселения Нижнего Поднепровья // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. семинара, посвященного. памяти А. И. Тереножкина. Кировоград, 1987.
16. *Гаврилюк Н. О.* Кераміка степових скіфських поховань IV—III ст. до н. е. // Археологія. 1980. № 34.
17. *Бронштейн И. Н., Семендяев К. А.* Справочник по математике для инженеров и учащихся втузов. М.: Наука, 1980.
18. *Охотников С. Б.* О земледелии архаических поселений Нижнего Поднестровья // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
19. *Отрешко В. М.* Отчет о работах периферийного отряда Ольвийской экспедиции // Архив ИА АН УССР. 1976/1 г. 1975/21и.
20. *Зеест И. Б.* Земляные хранилища Пантикапея // КСИИМК. 1948. Вып. 23.
21. *Сидоров Е. А.* О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986.
22. *Плиний.* Естественная история. // ВДИ. 1949. № 2.
23. Справочник по планированию сельского хозяйства. М.: Колос, 1974.
24. *Черненко Е. В., Симоненко А. В.* Курганная круппа Широкое III // Курган Южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
25. *Яковенко Э. В., Янушевич З. В.* Определение отпечатков растений на лепной керамике Восточного Крыма // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. 3. Киев: Наук. думка, 1971.
26. *Чередниченко Н. Н., Болдин Я. И.* Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. Киев: Наук. думка, 1977
27 *Никишин М. И.* Некоторые замечания о почвообрабатывающих орудиях // КСИИМК. 1947. Вып. 16.
28. *Левашева В. П.* Сельское хозяйство // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32.
29. *Моруженко А. А., Янушевич З. В.* Новые данные о развитии земледельческого хозяйства на поселениях VII—III вв. до н. э. в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984.
30. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982.
31. *Былкова В. П.* Скифское поселение Первомаевка // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых. М., 1986.
32. *Кондратьева М. И.* О юртообразных зданиях Внешней Монголии // СЭ. 1935. № 3.
33. Растениеводство. М.: Агропромиздат, 1986.
34. *Советов А.* О системах земледения. СПб, 1867
35. *Гаврилюк Н. А.* Пища степных скифов // СА. 1987 № 1.
36. Агрикультура в памятниках Западного средневековья. М.: Изд-во АН СССР, 1936.
37 *Столетова Е. А.* Полба-эммер // Тр. по прикладной ботанике и селекции. 1925. Т. 14. Вып. 1.
38. *Брегадзе Н. А.* Очерки по истории агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982.
39. *Мурзін В. Ю.* Про утворення Північнопричорноморської Скіфії // Археологія, 1986. № 55.
40. *Ольговский С. Я.* Каменское городище // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987
41. *Кругликова И. Т* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
42. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
43. *Доманский Я. В.* О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // АСГЭ. 1965. № 7

Институт археологии АН УССР, Киев

N. A. GAVRILIUK, G. A. PASHKEVICH

AN AGRICULTURAL COMPONENT IN THE ECONOMY OF THE STEPPIC SCYTHS IN THE END OF THE 5TH — THE 4TH CENTURIES B. C.

SUMMARY

The article is devoted to the study of the agricultural component of the seminomadic scyths' economy of the Northern Pontic area in the end of the 5th — the 4th centuries B. S. A complex investigation of the sedentary sites, agricultural implements and palaeobotanical data from the scythian sites in the steppe and forest-steppe zones and also from classical settlements permitted the authors to characterize three agricultural systems which were developed independently in their early stages in the Northern Pontic area. In the steppic Scythia during the 5th — 4th centuries B. C. the fallow system of agriculture existed with *Hordeum vulgare*, *Panicum miliacium* and less popular *Triticum dicoccum*. This system emerged in nomadic society in connection with the shortage of food and forage in winter seasons and with the peculiarities of their production. The agricultural system of the forest-steppe zone differed by the existence of ploughing tillage and by the set of crops. The agriculture in this zone had by that time a long tradition and in the Iron Age was the main branch of economy. The classical polises of the Northern Pontic area practiced the ploughing tillage, two-field agricultural system and fertilization. Naked wheat was here the prevailing culture. By the 2nd century B. C. the differences in the agricultural systems disappeared. The agricultural component in the economy of the steppic Scythia became of great importance, this fact being reflected in the material culture of the late Scythian fortified settlements of the Lower Dnieper.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ СЛОЖНЫХ ЦАРСКИХ ЗНАКОВ БОСПОРА

Изучение сарматских знаков в советский период достигло значительных успехов. Собран, систематизирован и опубликован большой фактический материал, обоснованы этническая принадлежность и функциональное значение этих знаков, уточнена их датировка. В этом процессе важную роль сыграли работы К. Ф. Смирнова, Э. И. Соломоник, В. С. Драчука, Д. Б. Шелова и других исследователей. Однако вопрос о семантике сложных царских знаков Боспора, элементы которых (см. рис. 1, *1, а—ж*) входят в систему сарматских знаков [1, табл. II, *82*, табл. VI, *359*, табл. XIII, рис. 1, *2*; рис. 3, *6, 21*, табл. IX, *599*, табл. X, *735*, табл. XI, *806*, табл. XVII, *20*), не решен и в наши дни.

Многие ученые, пытаясь вскрыть смысловое значение одной из групп царских знаков Боспора, пришли к выводу, что верхние части их представляют собой изображение птицы, сидящей на шесте [2, с. 233; 3, с. 184—187; 4, с. 166—170; 5, с. 15—20]. Д. Ласло и Г Енихен объяснение этого символа видят в том, что с древнейших времен изображение птицы на палке понималось как символ души человека. Однако принять данную гипотезу затруднительно. Рассматриваемые знаки относятся ко времени существования на Боспоре достаточно развитых форм государственности, и изображение души человека, духа предка или самого царя на официальных государственных памятниках представляется маловероятным. В римское время на Боспоре символ с такой семантикой выглядел бы анахронизмом. С другой стороны, сарматские племена к I в. н. э. в своем общественном развитии не достигли даже уровня структуры Атеевского царства. Возможно ли, чтобы проникновение сарматских тамговых знаков в официально-прокламативную сферу государственного аппарата Боспора не вызвало изменения содержательной стороны этих знаков? Гораздо вероятнее, что, попав в качественно новую среду, значение знака, его функция, как указывал И. И. Мещанинов, во многом могли измениться [6, с. 19]

В нижней части сложных царских знаков Боспора чаще всего видят изображение двух коней, их протом [2, с. 234; 3, с. 184—187] В. С. Драчук, отрицая это предположение [1, с. 69], которое и нам кажется сомнительным, выдвигает свое понимание смыслового значения царских знаков Боспора: нижняя их часть является династическим символом боспорских царей — триденсом, верхняя — именным сарматским символом — тамгой [1, с. 63, 98] Однако и эта гипотеза нам кажется не безупречной. Во-первых, соединение в тамговых знаках одновременно имени их владельца и условного изображения какого-либо предмета выглядит странным и противоречит веками устоявшимся принципам их конструирования. Во-вторых, В. С. Драчук не обращает внимания на то, что со времени Спартока III династический символ царей Боспора — триденс на любых предметах этого царства никогда не изображался с направленными вниз зубьями. На исторических памятниках различных народов династические символы, как правило, изображались только в одном и том же, стабильном виде, ставшем традиционным, и даже в тамгах (например, в иранских тамгах родовой герб Сасанидов — лунный серп на стержне [1, табл. XXVI, *3—10, 16—18, 25—*

© В. П. Алексеев, 1991 г

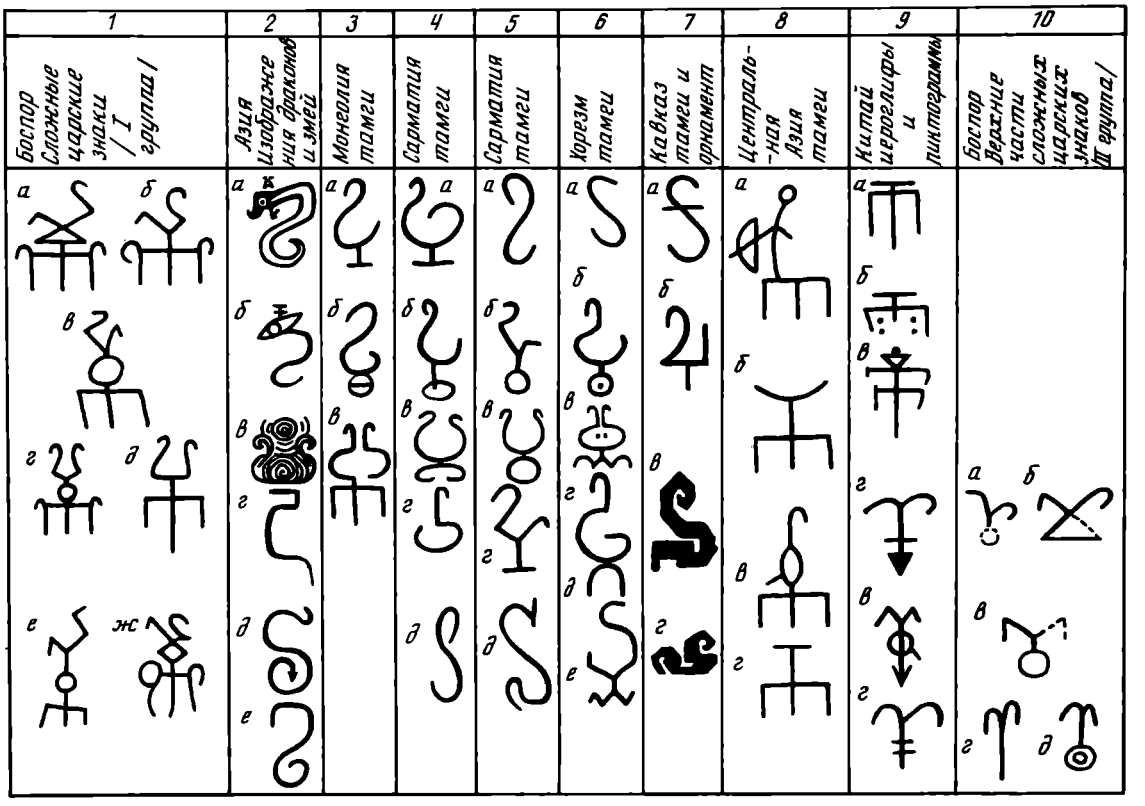


Рис. 1. Царские знаки Боспора, прототипы и трансформации их частей. Знаки. *1* — *а—ж* [1, табл. XII, 895, 901, 908, 913, 924, 943, 944]; *2* — *а, б* [36, с. 457, рис. 7, «к», «с»]; *2* — *в* [8, с. 38, рис. 4]; *2* — *г* [37, с. 241, табл. 44]; *2* — *д* [38, с. 56, табл. 20, *86*]; *2* — *е* [39, табл. 145, *8*]; *3* — *а—в* [10, с. 177, рис. 5 «*б*», с. 178 табл. II, рис. 7, *47, 50*]; *4* — *а—д* [1, табл. XIII, *13, 57,* V, *292,* VII, *497,* VII, *544*]; *5* — *а—д* [1, табл. VIII, *543,* XIII, *54,* XI, *853,* IV, *233,* VIII, *551*]; *6* — *а, г, д* [40, с. 133 рис. 9, *в*; с. 129, рис. 5, с. 131 рис. 9, 20]; *6* — *б* [41, с. 41, табл. 17]; *6* — *в* [1, табл. XXVII, *18*]; *7* — *а, б* [42, с. 504, № 72, с. 505, № 164]; *7* — *в, г* [34, табл. 95, *96*]; *8* — *а—в* [10, с. 177, рис. 5, «*г*», с. 179, табл. III, рис. 8, 10, 14]; *8* — *г* [40, с. 131, рис. 9, «*а*»]; *9* — *а, б* [43, с. 357, табл. II, *6,* с. 360, рис. 10]; *9* — *в* [26, с. 119]; *9* — *г, д* [36, с. 452, рис. 1, «с», «ц»]; *9* — *е* [37, с. 239, табл. 43]; *10* — *а—д* [1, табл. XII, *897, 904, 937, 939, 941*]

29]). Поэтому в нижней части царских знаков Боспора не следует усматривать триденс, так как коренным образом изменилось бы положение династического символа. Если бы узурпаторам, выходцам из сарматской среды — Фофорсу, Ининфимею, в действительности серьезно претил триденс, как полагает В. С. Драчук, то эти цари не использовали бы его как чуждый им династический знак не только в своих тамгах, но и на своих монетах. Однако изображение триденса на их монетах осталось. В силу указанных причин гипотеза В. С. Драчука нам кажется недостаточно убедительной.

Мы предлагаем другую трактовку содержания сложных царских знаков Боспора. Для обоснования нового понимания их семантики обратимся к рис. 1. Выясним смысловое значение главных элементов царских знаков — сначала верхнего, а затем нижнего (рис. 1, *1* — *а—ж*).

Сравнение верхних частей царских знаков Боспора (рис. 1, *1* — *а—ж*) с графической транскрипцией драконов, змей, характерной для изобразительного творчества народов Азии (рис. 1, *2* — *а—г* — Китай; *2* — *д* — Южная Сибирь; *2* — *е* — Центральная Азия), и с определенными монгольскими (рис. 1, *3* — *а—в*), сарматскими (рис. 1, *4* — *а—д*; рис. 1, *5* — *а—д*) и хорезмийскими тамгами (рис. 1, *6* — *а—д*) позволяет обнаружить их значительное сходство [1]

[1] На возможность происхождения знака ∿ от изображения змеи указывала Э. И. Соломоник [7, с. 21]

Учитывая характерную для савромато-сарматского художественного мышления мощную тенденцию к стилизации, мы можем объяснить ею определенные изменения, приведшие изображения драконов на сарматских тамгах и верхних частях царских знаков Боспора к геометрической схеме (рис. 1. *1, 4, 5*). Особо обращаем внимание на пример *2 — в*, представляющий стилизованное изображение драконов на китайском зеркале II в. до н. э., найденном в районе бывшей Енисейской губернии [8, с. 38, рис. 4] [2]. Характер их изображения в принципе тождествен стилю главного элемента сравниваемых тамг. Такое родство позволяет предположить, что и подобные фигуры тамг представляют собой условное изображение драконов. Наше предположение подкрепляется тем фактом, что многие монгольские тамги повторяют формы не только древнетюркских, старомонгольских, тибетских письменных знаков, но и китайских иероглифов [10, с. 66] (рис. 1, *2 — а, б* — иероглифы «дракон»; *3 — а, б*; *4 — а, б*). Сведения о продвижении групп иранских племен в конце I тыс. до н. э. из Монголии в Восточную Европу [10, с. 72] позволяют предполагать зависимость изобразительной манеры сарматских тамг от монгольских.

Исторические свидетельства о непосредственных и опосредованных контактах савромато-сарматов с культурой древнего Китая [11, с. 313, 314; 12, с. 441—449], в частности о тесных связях с ней массагетских племен в III в. до н. э. [10, с. 72; 11, с. 316; 13, с. 301], допускают как реальную возможность влияния некоторых форм знаков древней китайской письменности, геометрических фигур китайской орнаментики [3] на знаковую систему сарматских племен. Тем более, что некоторые из китайских иероглифов помещались на различных предметах — бронзовых изделиях, расписной керамике [15, с. 85, рис. 42, *1, 2*], черепице [11, с. 479—481, табл. XLV, *1, 2, 4, 5*]. Подобная черепица была найдена вблизи Абакана, т. е. там, куда мигрировали сарматские племена [11, с. 479—481] Сарматы благодаря торговым связям, своим миграциям могли непосредственно сталкиваться с различными восточными знаковыми системами и изобразительными традициями. Известно, что сарматское племя аорсов контролировало древний торговый путь из Северного Причерноморья в Индию и Китай [16, с. 215]. Поэтому не случайны и совпадения форм определенных знаков письма брахми с некоторыми сарматскими тамгами.

Образ дракона был распространен по всей Азии [17, с. 232]. Вполне вероятно, что его изображение савромато-сарматы могли заимствовать и от скифских племен. Античные источники твердо засвидетельствовали, что в скифском войске военными эмблемами служили изображения драконов (Arr. Tact, XXXV, 3) Известно также, что сарматы неоднократно входили составной частью в разное время в скифское войско (против Дария, позже против Диофанта: Strabo, VII, 3, 17). Поэтому неудивительно, что и в самом сарматском войске имелись специальные значки в виде драконов. Арриан, который воевал с аланами, занимая в то время должность прокуратора Каппадокии [18, с. 86], писал «Скифские (т. е. аланские) военные значки представляют собой драконов ... причем головы и все тело делаются наподобие змеиных» (Arr. Tact. XXXV, 3). Думается, что такая трактовка их изображений нашла свое отражение во многих сарматских тамгах и некоторых царских знаках Боспора (рис. 1, *1 — г, д*; *4 — а, б, д*; *5 — а, д*). Присутствие военных значков в виде драконов в аланском войске следует понимать как естественный результат процесса преемственности между родственными племенами.

Известно, что у савромато-сарматских племен в религиозных культах поклонение огню занимало главное место. Красная краска была символом огня [19, с. 252]. Известны сарматские знаки (со стилизованными изображениями драко-

---

[2] См. также китайские сосуды с двумя ручками в виде драконов [9, с. 171—173]

[3] Неоднократно указывалось, что нередко народы заимствуют для своих тамг у других письменные знаки [1, с. 54; 10, с. 66] и что орнамент сарматских зеркал сибирско-китайской формы, распространенной на территории сарматского мира, близок к китайскому [8, с. 11; 14, с. 67, 68]

нов — царский знак Тиберия Евпатора на плите из Кубанских плавней и знак на саркофаге из Горгиппии), которые были покрыты красной краской [20, с. 9—20; 21, с. 88, рис. 5] В религии сарматов большое значение имело обожествление сил природы [16, с. 235], поэтому у них не могло не быть божества грома и молнии — мимо такого впечатляющего природного явления они не могли пройти. Однако время сугубо сарматскую транскрипцию его имени до нас не донесло. Условно назовем это божество сарматским Громовиком.

Дракон-Громовик в Южной Сибири и Северной Монголии, как и Зевс эллинов, был творцом жизни и считался верховным правителем мира [22, с. 317]. В Китае в древнейшие времена дракон считался божеством воды, вызывающим полородие, а в более позднее время являлся символом власти [23, с. 478]. Громовик у сарматов, по-видимому, выполнял, как и у многих других народов Азии, такие же или аналогичные функции. Со времени сарматизации Боспора (I в. н. э.) его правители могли апеллировать к высшей небесной силе, Громовику, и включить изображение одной из его ипостасей — дракона в свои тамги для подтверждения своего божественного происхождения (или своего рода).

Обобщая все вышеизложенные свидетельства и доводы, можно сказать, что на возникновение образа дракона и на формирование его графической транскрипции в сложных царских знаках Боспора оказали влияние различные народы Азии и их изобразительные традиции. Здесь и идеографический стиль китайской культуры, и военно-атрибутивная практика скифского войска, и условность, стилизация в манере начертания монгольских и хорезмийских тамг.

Перейдем к выяснению смыслового значения нижней части этих знаков. Знак с тремя зубьями, опущенными вниз, как известно, является общемировым символом молнии. Думается, что и в знаковой системе савромато-сарматских племен этот символ не мог означать ничто иное. В древнем Китае данный знак являлся составной частью иероглифов, связанных так или иначе с понятием Неба (облако, дождь, молния, гром, предок, император) [24, рис. 4, 10, 19; 25, с. 66, 68, рис. 1, 9, *б, в*.]. С III в. до н. э. вариантом древнего знака «ди», обозначавшего «верховное божество», стали выражать новое понятие — «император» [25, с. 66; 26, с. 119, рис. 1, 9, *в*]. Учитывая производность многих сарматских знаков от китайских, не исключено, что иероглиф «ди» мог послужить образцом для царских знаков Боспора, входящих в сарматскую знаковую систему. Проводником его на Боспор, возможно, были юечжи — массагеты, роль которых в формировании сарматского племени и контакты с Китаем известны. Показательно, что вождь массагетов всегда назывался китайским словом «ван» (царь) [3, с. 179], как главы племен и княжеств в древнем Китае. Знак «ди» в значении «император» появился только в титуле первого объединителя Китая Цинь Шихуана [25, с. 66]. Думается, что цари Боспора I — начала III в. н. э., объединившие под своей властью многие земли и правление которых имело ряд признаков, роднящих его с правлениями монархий азиатского типа, могли и в геральдике использовать знак, близкий одному из восточных символов монархической власти. Присутствие в нижних частях царских знаков Боспора крюков, сходных с элементами китайского узора облаков и грома [27, с. 453, 454; 28, с. 26], возможно, указывало на семантическую связь знаков с небом. Подобные крюки имеются в орнаменте многих сарматских зеркал. Семантика их форм и узоров также сопряжена с верхним миром [1, с. 99, табл. XVI, *39—49*].

Условно назовем группу исследованных царских знаков Боспора «группой Дракона-Громовика».

Попытаемся выяснить смысловое значение верхних частей другой группы из этой серии царских знаков.

Рассматривая фигуры, помещенные на рис. 1, *9 — г—е; 10 — а—д*, мы замечаем, что формы верхних частей царских знаков Боспора родственны китайским пиктограммам, обозначающим понятия «баран» и «козел». С какой целью были включены графические варианты этих понятий в царские знаки Боспора?

Для иранцев с древнейших времен (эпохи Авесты) баран и козел были

одними из видов инкарнаций Фарна, божества славы и удачи [29, с. 55; 30, с. 26, 59, 60]. Предки сарматов — саки также почитали Фарна [30, с. 84] Одной из важнейших функций Фарна для общеиранской традиции было придание царской власти божественной природы [31, с. 103]. Баран в Авесте был также воплощением и Веретрагны — бога грома [30, с. 60]. Блеск славы царя, по-видимому, и был отражением небесного, божественного огня. Данную группу царских знаков Боспора определим как группу «Фарна».

Таким образом, верхние части знаков и первой, и второй группы были семантически связаны с высшими силами Неба, от которых царю были ниспосланы власть и слава.

Не исключено, что семантика срединных частей царских знаков Боспора (треугольник, ромб, круг) была связана со сферой символов, означавших у многих древних народов производительные силы природы — мать-землю, солнце, плодородие [4].

Известна большая роль женщины в сарматском обществе, наличие в нем пережитков матриархата, значительная роль культа солнца в их религии и широкое использование треугольника и круга (реже ромба) в сарматских тамгах. Поэтому в царских знаках Боспора, входящих в систему сарматских тамгообразных знаков, смысловое значение треугольника, ромба и круга, возможно, впитало в себя определенный элемент семантики этих древнейших символов [5]

Суммируем наши наблюдения. Сложные царские знаки Боспора, являясь личными царскими гербами, в большинстве случаев имеют трехчастную композицию. 1. Для верхней части первой группы царских знаков Боспора образцом, возможно, послужила стилизованная трактовка дракона, характерная для изобразительного творчества многих народов Азии. 2. Для форм верхних частей второй группы этих знаков моделью могли быть китайские пиктограммы «барана» и «козла», последние в семантической сфере символизировали общеиранский образ Фарна, божества славы. 3. Для нижних частей двух исследованных групп царских знаков прототипом мог послужить не только общемировой символ молнии (вилкообразный знак с тремя зубьями, направленными вниз), но и нижняя часть китайского иероглифа «ди», служившего для обозначения понятия «император» (т. е. высшей власти в стране).

Думается, что знаки Дракона и Фарна были включены в боспорские царские геральдические эмблемы как символы высшей небесной силы азиатских народов. У савромато-сарматских племен, по-видимому, существовал бог грома и молнии, аналогичный Зевсу-Папаю. В семантике царских знаков Боспора, возможно, сконцентрировалось смысловое значение символов этого божества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975.
2. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. 1940. Т. VI.
3. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
4. *Laszlo D.* Etudes archeologiques sur l'histoire de la société des Avars // AH. 1955. T XXXIV
5. *Jānichen H.* Bildzeichen der kōniglichen Hoheit bei den iranischen Vōlkern // Antiquitas, Reihe I: Abhandlungen zur alten Geschichte. 1956. B. 3.
6. *Мещанинов И. И.* Загадочные знаки Причерноморья // ИГАИМК. 1933. Вып. 62.

[4] Треугольник и ромб с эпохи палеолита в Европе и Азии символизировали землю, женское начало [32, с. 18, 20, 22]. Б. А. Рыбаков указывал, что древнейшие земледельческие символы «на тысячу лет стали заклинательными идеограммами» у многих народов мира [33, с. 33]. Подтверждением этому могут служить некоторые фигуры орнамента (в них исследователи видят стилизованных драконов) на азербайджанских коврах XVIII и XIX вв. (рис. 1, *7 — в, г*) [34, № 95, 96], совпадающие по своей конфигурации в принципе с формами верхних частей сложных царских знаков Боспора (рис. 1, *1 — а, б, е, ж*).

[5] Интересно, что в конструкции китайского иероглифа «ди», который, по нашему мнению, явился одним из прототипов для нижних частей царских знаков Боспора, содержалась фигура треугольника. Во II тыс. до н. э. этот иероглиф обозначал мать-прародительницу, а позже — конкретных женских и мужских предков племени [25, с. 73; 35, с. 190]

7. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959.
8. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
9. Дар китайских ученых Академии наук СССР // ВДИ. 1953. № 4.
10. *Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976.
11. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
12. *Diel E.* Bosporanosche Münzen aus Dschungarei // Blätter für Münzfreunde. 1923. № 10/11.
13. *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976.
14. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
15. *Кучера С.* Китайская археология. М.: Наука, 1977
16. Нариси стародавньої історії України РСР. Київ: Від-во АН УРСР, 1959.
17. *Федоренко Н.* Земля и легенды Китая. М.: Сов. Россия, 1961.
18. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
19. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
20. *Захаров Н. А.* Вновь найденная каменная плита со знаком из района Кубанских плавень // ЭСККОАИЭ, 1929, Кн. I. Т. III. Вып. 5—6.
21. *Соломоник Э. И.* Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
22. *Потанин Г* Громовик по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // ЖМНП. 1982. Ч. СС XIX.
23. Большая Советская Энциклопедия. Т. 8. М.: Сов. энциклопедия. 1972.
24. *Бунаков Ю. В.* Китайская письменность // Китай. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
25. *Серкина А. А.* Значение знака «ди» в надписях на гадательных костях // ВДИ. 1962. № 1.
26. *Крюков М. В.* Язык иньских надписей. М.: Наука, 1973.
27 *Виноградова Н.* Искусство Древнего Китая // Всеобщая история искусств. Т. 1. М., 1956.
28. *Сычев Л. П., Сычев В. Л.* Китайский костюм. М.: Наука, 1975.
29. *Кузьмина Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифско-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
30. *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М.: Наука, 1977.
31. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
32. *Амброз А. К.* Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. 1965. № 3.
33. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1.
34. Rugs and Carpets from the Caucasus. L. Aurora. 1984.
35. *Кашина Т И.* Семантика орнаментация неолитической керамики Китая // У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978.
36. *Карапетьянц А. М.* Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972.
37 *Лоукотка Ч.* Развитие письма. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.
38. *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э.— I в. н. э. М.: Наука, 1980.
39. *Окладников А. П.* Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука, 1980.
40. *Вайнберг В. И.* Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки // ВДИ. 1962. № 1.
41. *Массон В. М.* Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. 1955. № 2.
42. *Фелицын Е.* Сборник тамг, или фамильных знаков, западно-кавказских горцев и племени Кабертай Адигского народа // ЗООИД. 1889. Ч. XV
43. *Бунаков Ю. В.* Китайская письменность // Китай. М.; Л.: АН СССР, 1940.

Одесская государственная консерватория
им. А. В. Неждановой

V. P. ALEXEEV

ON THE PROBLEM OF SEMANTICS OF THE BOSPORAN ROYAL SIGNS

A new hypothesis on the meaning of the complex royal signs of Bospor and their elements is proposed in the article. A similarity of the upper parts of a group of the signs with the graphic transcription of dragons and snakes in the figurative art of Asiatic peoples and mainly of China as well as some mongol, sarmatian and khorezmian tamga-signs is noticed (Fig. 1, *1—6, 8*). Another group of the Bosporan signs is close to the Chinese pictograms of «ram» and «goat» (Fig. 1, *9 г—е, 10*). These facts permitted the author to make some conclusions. The presence of the stylized images of dragon, which was the deity of fertility and the main ruler of the world, for many Asiatic peoples was the symbol of the highest royal power. In the second group the graphic variants of the Chinese pictograms were the symbols of the Iranian deity of glory and good luck — Farn. The lower parts of the signs of these groups (Fig. 1, *1*) coincide with the world symbol of a lightning, the attribute of the thunder deities. Their appearance in the Bosporan royal signs was probably influenced by the parts of some Chinese hieroglyphs connected with the idea of sky and heavenly phenomena (rain, thunder) and by the sign «di» (Fig. 1, *9 б—в*), which had the meaning of «emperor» beginning from the 3rd century B. C. The middle parts of the Bosporan signs — triangle, rhomb, circle — can be interpreted as the reminiscences of the most early symbols of the productive forces of nature — the life-giving Earth-Mother and the Sun.

Н. В. МОЛЕВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОСПОРСКИХ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗВАЯНИЙ *

Вопрос, от какого рода памятников ведут свое происхождение боспорские антропоморфные изваяния, давно интересовал исследователей. До недавнего времени большинство ученых считало непосредственными предшественниками антропоморфных памятников Боспора киммерийские и скифские изваяния Северного Причерноморья, распространенные в зоне контактов греческой и варварской культур [1, с. 244, 246—248; 2, с. 87, 88, 109, 110; 3, с. 312, 313; 4, с. 175, 176; 5, с. 63, 64; 6, с. 284; 7, с. 261]

В 1964 г. В. Д. Блаватский впервые высказал гипотезу о том, что антропоморфные памятники, встречающиеся на Боспоре, являются, вероятно, гермами или их верхними частями, детали которых дополнялись живописью, ныне утраченной [8, с. 83, 84]

То обстоятельство, что многие исследователи видели истоки боспорских антропоморфных памятников в изваяниях варварского населения Крыма, вполне закономерно. Действительно, атропоморфные стелы еще с эпохи ранней бронзы составляют там одну из самых больших групп памятников различных культур. Такие стелы довольно однотипны: это грубые плоские изваяния из дикарного камня с небольшим выступом неправильных очертаний (головой) в верхней части, обозначенной линией плечей, прямоугольным или трапециевидным туловищем. Они обрабатывались примитивно, безо всяких следов шлифовки камня и отделки граней. На некоторых из них низким валиком обозначены брови и нос или просверлены глаза. Большинство этих стел найдено в перекрытиях могил, но при этом они имеют следы вертикальной установки. Эта особенность является, вероятно, следствием специфического двухэтапного погребального обряда [9, с. 27—34] Археологи считают такие стелы изображениями божеств или родоначальников [10, с. 408—410; 11, с. 3—17; 12, с. 83—85; 13, с. 26, 27; 14, с. 150—189]

Следующий этап развития антропоморфной скульптуры Северного Причерноморья относится к началу эпохи железа и связан с киммерийскими и скифскими изваяниями. По своей форме эти памятники сильно отличаются от предшествующих. Так называемые «киммерийские стелы» имеют вид закругленных вверху и сужающихся книзу плит. Выступ в верхней части, обозначающий голову, отсутствует. На многих из них на месте талии обозначены меч, кинжал, секира, горит [15, с. 119, рис. 72].

Скифские изваяния, появившиеся в Причерноморье уже в VI в. до н. э., генетически связаны с предшествующими и являются результатом их дальнейшего развития. В большинстве своем это еще не статуи, но уже не менгиры и не плоские антропоморфные стелы эпохи ранней бронзы. П. Н. Шульц, исследовавший такие изваяния, отмечал, что «монументальная скульптура скифов развивалась от менгирообразных антропоморфных стел к статуям-полуфигурам» [16,

---

* Доклад был сделан автором в Институте археологии АН СССР, на Всесоюзных чтениях, посвященных памяти В. Д. Блаватского в феврале 1987 г.

© Н. В. Молева, 1991 г.

с. 227]. Он выделил три этапа развития скифских изваяний и отметил, что ранние (VI в. до н. э.) изображают героя-родоначальника и связаны с кругом генеалогических легенд; более поздние (V в. до н. э.) представляют образы военачальников-басилевсов, невеянные скифским эпосом; в позднейших изваяниях (IV в. до н. э.) под влиянием античного искусства развиваются элементы портретизма [16, с. 226; 17, с. 223].

Из вышеизложенного следует, что по времени существования скифские и античные памятники близки друг к другу и скифские как бы предшествуют античным. Однако по своему содержанию и внешнему виду они сильно различаются. Несомненным можно считать то, что скифские изваяния не являлись рядовыми надгробными памятниками. Они носили культовый характер и ассоциировались с почитанием героев-предков и военных вождей.

Антропоморфные же изваяния греческих некрополей Северного Причерноморья связаны с погребениями рядового городского населения, греческого в своей основе. По своим размерам эти изваяния гораздо меньше скифских. В отличие от последних им свойственны подчеркнутые геометричность и плоскостность. Все такие памятники имеют четкие боковые грани и хорошо обработанную лицевую поверхность, подготовленную под роспись [1]. Кроме того, по сравнению со скифскими античные антропоморфные стелы более многочисленны: на Боспоре их известно около 200, в Херсонесе — более 100. Причем в этих центрах имеются неучтенные и утерянные памятники. Следует также отметить, что ранние (IV в. до н. э.) изваяния античных городов Северного Причерноморья очень близки друг другу. Это или коротко срезанные погрудные памятники «херсонесского типа», или гермообразные, узкие и довольно высокие. Появление их в некрополях греческих городов относится к тому времени, когда скифская антропоморфная скульптура под влиянием различных причин изжила себя.

Считать античные антропоморфные изваяния порождением боспорской синкретической культуры также нет оснований, поскольку подобные памятники одних и тех же форм, как уже отмечалось, были присущи некрополям Херсонеса и Ольвии. Возможно ли происхождение таких изваяний из Средиземноморского региона?

Антропоморфные изображения различных видов и размеров были характерны для Средиземноморья еще с эпохи бронзы. Чаще всего их находят в погребениях. Вероятно, такая скульптура играла определенную роль в погребальном обряде и была связана с хтоническими представлениями населения Эллады и островов того времени. Антропоморфные изваяния воплощались в различном материале: камне, дереве, кости. Деревянные изображения до нас, конечно, не дошли. О таких памятниках, относящихся к началу I тыс. до н. э., упоминает Павсаний. Он же сообщает о том, что статуи богов — ксоаны — делались тогда в виде доски, бревна, с едва намеченными формами головы и плечей. Веками они хранились в храмах как священные предметы (Paus., II, 2 (6), 4, (5), 18 (3), 29 (1), 30 (1, 4, 7); III, 13 (9), 19 (2), 23 (3); IX, 3(2); X, 12 (6)). Некоторое представление о таких изваяниях могут дать архаические терракоты Беотии, несомненно, испытавшие на себе влияние монументальной скульптуры.

Каменные изваяния, появившиеся позже, традиционно подражали деревянным [18, с. 10—12] Образцом такого рода памятников могут служить антропоморфные стелы из Трои и столбообразные изваяния VII в. до н. э., обнаруженные в погребениях на о-ве Фера [19 № 134—140; 20, с. 178, 179, рис. 34]. Многие исследователи полагают, что тип греческой гермы ведет свое происхождение именно от столба [21, с. 53]. Гермы же в Греции, а позднее и в Риме использовались в погребальных культах [20, с. 24]. О применении герм в качестве надгробных памятников еще во времена Солона упоминает

---

[1] Остатки штукатурки и водяных красок обнаружены на изваяниях из Горгиппии, Мирмекия, Кеп, Нимфея, Фанагории.

Цицерон (Cic.Legg., III., XXVI, 65). Довольно часто их изображения бывают высечены на эллинистических надгробиях Греции, Малой Азии, Боспора; их воспроизводили в терракотах и подвесках, которые нередки в составе погребального инвентаря. Все это позволяет предполагать, что именно от герм ведут свое начало и некоторые боспорские антропоморфные надгробия. Речь идет прежде всего о тех из них, очертания и пропорции которых имеют большое сходство с гермами: узкое столбообразное туловище с коротко срезанными плечами. Подобные изваяния IV в. до н. э. были найдены в некрополе Коринфа [22, с. 26, 27, 31, табл. 9, № *53, 56, 57, 70*] и I в. н.э. — Помпей [23, с. 411, рис. 242].

Однако большинство боспорских антропоморфных памятников имеет хорошо выраженные пропорции статуй-полуфигур. Этот тип скульптуры был достаточно широко распространен в эллинистической Греции [24, с. 301, 302]. В Малой Азии надгробия в виде статуй-полуфигур использовались в начале IV в. до н.э. [24, с. 301]. Именно они послужили прототипом для боспорских надгробных статуй-полуфигур, так как стилистически очень близки им, а по времени предшествуют [25, с. 594] Традиция установки таких статуй на могилах боспорян, привнесенная из Малой Азии, в то же время не была чужда местному населению. Этими причинами, видимо, следует объяснить широкое распространение и укоренение этой практики в среде боспорского городского населения. Сравнительная немногочисленность таких памятников, сложность и дороговизна их изготовления, а также обстоятельства находок тех из них, которые обнаружены in situ, позволяют полагать, что подобные надгробия были доступны лишь зажиточной части городского населения. В среде же рядовых горожан в эллинистический период чаще всего использовались антропоморфные изваяния. По времени своего существования они синхронны статуям-полуфигурам. Контуры таких памятников передают абрисы и пропорции последних. Их лицевая поверхность расписывалась соответственно каноническим позам полуфигур. Об этом можно судить по деталям, намеченным врезанной линией на некоторых изваяниях: чертам лица, вороту хитона, руке, лежащей на груди или на поясе [2].

Если произвести количественное сравнение полуфигур (69) и антропоморфных памятников (около 200) на Боспоре, станет очевидным преобладание последних. Это легко объяснимо: изготовить и расписать антропоморфное изваяние было значительно проще и дешевле, чем объемную статую. Подобные надгробия начиная с IV в. до н.э. встречаются не только в материковой Греции и Южной Италии, о чем упоминалось выше, но и в других районах Средиземноморья, вовлеченных в сферу греческого влияния: в Алерии [27, с. 428, табл. 167] и Карфагене [26, табл. 1, № *140—142, 169, 176, 180—183, 191—194, 331—333, 552*].

Особо хочется сказать об антропоморфных надгробиях Малой Азии, относимых по содержащимся на них христианским надписям, к позднеантичному времени [28, т. I с. 121, № *228;* с. 163, № *307; т.* VII, с. 124, № *59*] Это круглоголовые изваяния, повторяющие своими очертаниями контуры статуй-полуфигур. На двух из них сохранились рельефно обозначенные угол хитона и овал лица. Пропорции этих памятников, а также традиция обработки камня, склоняют к мысли о том, что для нанесения христианских надписей и символики в III—IV вв. н.э. могли быть использованы гораздо более древние изваяния. Такие случаи нередки в разных античных центрах.

Таким образом, считая антропоморфные изваяния самых различных видов особенностью многих культур древнего мира, в частности Средиземноморского и Северо-Причерноморского регионов, мы полагаем возможным выводить истоки боспорских памятников из Греции и Малой Азии. Изначально идея антропоморфного надгробия исходила из представления о гермах. Ближе к эллинистическому времени под влиянием малоазийских центров, являвшихся метро-

---

[2] Хранятся в Керченском музее, инв. № КЛ-232, 574, 1095, 1105.

полиями многих северопричерноморских колоний, такие изваяния приобретают пропорции статуй-полуфигур.

На Боспоре встречаются оба варианта антропоморфных памятников: узкие столбообразные и широкие плоские. Остатки штукатурки, краски, намеченные врезанной линией детали свидетельствуют о том, что такие изваяния являлись живописной модификацией надгробных памятников, свойственных античности: герм и статуй-полуфигур.

В течение длительного периода существования изучаемые изваяния получили свое дальнейшее развитие. От подобных им памятников Херсонеса и Ольвии они отличаются прежде всего многообразием форм. Связано это, вероятно, с тем, что на протяжении пяти веков их применения в этнически сложной среде боспорского населения костюм (в том числе прически и головные уборы, определяющие абрисы антропоморфных изваяний) подвергался различным изменениям и привнесениям, что отражалось на внешнем виде таких памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова А. П.* Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. № 13.
2. *Иванова А. П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1953.
3. *Максимова М. И., Наливкина М. А.* Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
4. *Пятышева Н. В.* Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ. 1946. № 3.
5. *Кобылина М. М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57.
6. *Книпович Т. Н.* Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
7. *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich B., 1971.
8. *Довженко Н. Д.* Поховання з антропоморфними стелами у світі етнографичних матеріалів // Археологія. 1979. № 32.
9. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
10. *Чайльд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
11. *Телегин Д. Я.* Энеолітичні стелі пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. № 4.
12. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
13. *Щепинский А. А.* Антропоморфні стели Північного Причерномор'я // Археологія. 1973. № 9.
14. *Формозов А. А.* О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6.
15. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
16. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Северного Причерноморья // Античное общество. М.: Наука, 1967.
17. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
18. *Конькова Г. И.* Греческие рельефы VII—V вв. до н. э. Материалы, технические приемы исполнения, пластические особенности // Проблемы развития зарубежного искусства. 1983. Вып. 13.
19. Troja und Frakien. Catalog zur Ausstellung // Berlin; Sofia, 1981.
20. *Kurtz D. S., Boardman J.* Greek burial customs. L., 1971.
21. *Goldman H.* The origin of the Greek Herm // AJA. No. 46. 1.
22. *Robinson H. S.* A Sanctuary and Cemetery it the Western Korinth // Hesperia. 1969. V XXXVIII. 1.
23. Mau A. Pompeji. Lpz, 1900.
24. *Collignon M.* Les statues-funeraires dans l'art Grec. P., 1911.
25. *Грач Н. Л.* О местной скульптуре Боспора // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1970.
26. *Charles-Pisard G.* Catalogue du Musée Alaoui. Tunis, 1954.
27. *Jehasse A. et J.* La nécropole préromaine Aleria (1960—1968). // Gallia. V XXV. P., 1973.
28. Monumenta Asiae Minoris Antiqua. L., V I. 1928; V VIII, 1956.

Белгородский педагогический институт

N. V. MOLEVA

ON THE ORIGIN OF THE BOSPORAN ANTHROPOMORPHIC SCULPTURES

Summary

The article deals with the question of origination ot the anthropomorphic monuments dated to the classical period and known in all the Greek centres in the Northern Pontic area and especially in Bosporus. The author examines two variants of their probable genesis: one connected with the anthropomorphic sculptures of the barbarian population of the Northern Pontic area, and the second pointing to the similar in their shapes sculptures of the Mediterranean. As a result the author places the territory of these sculptures' origin in Greece and Asia Minor. They had typicl shapes and proportions close to the classical tomb monuments—the germs and half-figure statues, being a specific modification of the latter. Some painted detailes were sometimes added on the Bosporan images.

Ю. Э. ЖАРНОВ

ЖИВОТНЫЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КУРГАНОВ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Погребальный обряд, или совокупность археологических фактов, зафиксированных при исследовании определенного погребального памятника и отображающих погребальный культ и погребальные обычаи [1] определенного человеческого коллектива, принято рассматривать как сложную систему взаимосвязанных элементов. Останки животных и птиц в погребениях (фаунистический комплекс) — один из элементов этой системы.

Говоря о степени изученности отдельных элементов погребального обряда курганов Древней Руси конца IX — начала XI в. (способ погребения и его разновидности, погребальные сооружения, погребальный инвентарь, намогильные сооружения и т. д.), отметим, что фаунистический комплекс практически не исследован. Изучение фаунистического комплекса во многом зависит от двух взаимосвязанных факторов: биологического определения остеологического материала и методики исследования погребений. До сих пор биологическое определение найденных костей животных не является обязательным правилом для исследователей погребальных памятников, не говоря уже о дореволюционных раскопках, в большинстве своем проведенных с современной точки зрения методологически неверно. Поэтому единичные результаты определения остеологического материала из дореволюционных раскопок во многом потеряли свое значение как достоверный ахреологический источник, хотя нельзя не отметить первые попытки решения вопроса о роли животных в погребальном культе [2, с. 689, 690, 701; 3. с. 8, 15, 18, 24; 4, с. 143—145; 5, с. 81—85; 6, с. 86—122]

Общее, количественное и качественное, развитие в советский период археологии как науки и средневековой археологии Восточной Европы, в частности, существенно сказалось на накоплении и осмыслении фактов присутствия останков животных и птиц в древнерусских курганах. Наибольших успехов в выявлении фаунистического комплекса добились экспедиции Государственного Исторического музея под руководством М. В. Фехнер и Н. Г Недошивиной и Московского государственного университета под руководством Д. А. Авдусина, исследовавшие, в сотрудничестве с биологом Е. Г. Андреевой, значительное количество курганов Ярославского Поволжья и Смоленского Поднепровья [7, 8].

Вопросы, связанные с изучением фаунистического комплекса, были затронуты в ряде работ Д. И. Блифельда, которого особенно интересовала роль коня в погребальном культе [9, с. 134; 10, с. 27]. Исследователь отмечает также большое число погребений с останками собаки [10, с. 24]. В настоящее время фаунистический комплекс рассматривается многими исследователями в качестве этноопределяющего признака [11, с. 22, 23; 12, с. 25; 13, с. 226; 14, с. 105, 106; 15. с. 93—96] Решение назревших проблем, связанных с присутствием

---

[1] «Погребальный культ (культ умерших) — совокупность религиозно-магических обрядов и представлений, связанных с погребением умерших или с самим умершим». «Погребальные обычаи — различные способы обращения с телом умершего и другие связанные с этим действия, которые могут и не заключать в себе ничего религиозного» [1, с. 158]

© Ю. Э. Жарнов, 1991 г.

останков животных и птиц в погребальных комплексах курганных некрополей периода становления Древнерусского государства (конец IX— начало XI в.), представляется возможным лишь при условии использования массового археологического источника.

Объектом исследования выбраны курганы с трупосожжениями Тимерева и Гнездова. Главная причина — достаточно широкая база источников (большая серия комплексов, исследованных по единой современной методике изучения курганных насыпей на снос; значительное количество погребений с определенными костями животных и птиц). Важную роль в выборе именно этих памятников сыграли и некоторые другие обстоятельства, а именно: схожесть характера и судеб данных археологических памятников, позволяющая проводить сравнение результатов исследования и их более широкое обобщение; использование факта присутствия в погребальных комплексах останков животных и птиц в этнических построениях некоторых исследователей, отмечающих сложный в этническом отношении характер указанных археологических памятников.

Изучение курганов некрополя, расположенного на правом берегу с. Сечки близ д. Большое Тимерево, велось на протяжении целого века. Основной археологический материал, позволяющий реконструировать социально-экономические, этнические и идеологические процессы, происходившие в Ярославском Поволжье в эпоху раннего средневековья, дали раскопки, произведенные в советское время (работы Я. В. Станкевич в 1938—1939 гг., М. В. Фехнер в 1959—1962 и 1974—1978 гг.).

Характеристика остеологического материала с биологической точки зрения, как уже отмечалось выше, была проведена Е. Г Андреевой. Интересны некоторые замечания биолога, касающиеся исторической стороны погребальной обрядности: о корреляции видов фаунистического комплекса с половозрастной принадлежностью погребенных, о невозможности использования фаунистического комплекса для каких-либо этнических построений [7, с. 95].

М. В. Фехнер полученный в результате исследования фаунистический комплекс разделила по видовому признаку на несколько групп, различающихся своей смысловой нагрузкой: останки мелкого и крупного рогатого скота, свиньи, птицы, рыбы — остатки пищи для покойного или следы тризны; кости лошади, собаки, кошки — останки животных, «которые должны были следовать за своим умершим хозяином на погребальный костер» [16, с. 12]

«Кости жертвенных животных» рассматриваются И. В. Дубовым как один из признаков выделяемой им ранней (IX в.) группы тимеревских курганов [17, с. 132]. Это положение автор ничем не обосновывает. Также не аргументируя свою точку зрения, М. В. Фехнер и Н. Г Недошивина связывают «обряд жертвоприношения домашних животных» с финским этносом [18, с. 114].

Исследованные 218 курганов с остатками трупосожжений составляют 245 отдельных погребальных комплексов (167 комплексов кремаций на месте и 78 сожжений на стороне) [2]. Кости животных и птиц были найдены в 94 комплексах с сожжением на месте (56%) и в 19 с сожжением на стороне (24%). Потревоженность, неполнота комплексов с кремацией на стороне, обусловленная «технологией» обряда, не позволяет анализировать их вместе с комплексами с трупосожжениями на месте. Поэтому фаунистический комплекс из курганов с остатками трупосожжений будет рассматриваться лишь на основе кремаций на месте, что естественно вытекает и из положения о синхронности этих видов обряда [16, с. 11—13; 18, с. 103—108]

В курганах с сожжениями на месте в большинстве случаев найдены пережженные кости животных и птиц. Встречающиеся на кострище несожженные кости входят, безусловно, в комплекс кремации и должны рассматриваться наряду с кальцинированными костями. Речь идет главным образом о нежженных

---

[2] Учтены материалы раскопок Я. В. Станкевич (кроме кург. 243) и М. В. Фехнер (раскопки 1959—1962 гг.), курган 95, исследованный И. В. Дубовым [19, с. 82—86].

Таблица 1

Взаимовстречаемость и взаимосвязь наиболее представительных видов фаунистического комплекса тимеревских сожжений на месте (N=167)

Вид фаунистического комплекса	1	2	3	4	5	6
1	X	0,32	0,22	0,16	0,23	0,19
2	20	X	0,31	—	—	—
3	9	11	X	—	0,25	—
4	7	6	2	X	—	0,28
5	10	8	6	4	X	—
6	9	7	2	6	4	X

Примечание. 1 — лошадь (41 комплекс); 2 — собака (41 комплекс); 3 — птица, кальцинированные кости (17 комплексов); 4 — птица, некальцинированные кости (15 комплексов); 5 — крупный рогатый скот (19 комплексов); 6 — мелкий рогатый скот (19 комплексов).

птичьих костях, обнаруженных на кострищах 15 курганов (70/2, 85, 120, 135, 143, 175, 235, 265, 274, 277, 278, 282, 300/1, 323, 95/2). Несожженные птичьи кости зафиксированы на кострище и разбросанными по всей его площади, и собранными в груду вместе с человеческими кальцинированными костями, и отдельными скоплениями (в двух курганах —282 и 300/1— в анатомическом порядке). Целесообразно рассматривать раздельно факты присутствия сожженных и несожженных костей птиц в погребениях.

Взаимовстречаемость и результаты расчета коэффициентов взаимосвязей [3] наиболее представительных видов фаунистического комплекса даны в табл. 1. На основании таблицы составлен граф взаимосвязей (рис. 1). Очень устойчива связка «лошадь» — «собака», отмеченная в 20 погребальных комплексах (в 10 комплексах с птичьими костями). Выявились определенные различия между встречаемостью двух групп птичьих костей: для кальцинированных костей наиболее сильная связь с «собакой», «крупным рогатым скотом», «лошадью», для некальцинированных птичьих костей — с «мелким рогатым скотом».

Рассмотрим вопрос о сопряженности фаунистического комплекса с некоторыми чертами обряда кремации на месте: разнообразие в расположении остатков сожжения в кургане, урновые и безурновые захоронения, использование камня в погребениях. По месту размещения остатков сожжения выделяются три типа обряда: 1— остатки сожжения находятся на кострище (115 комплексов); 2— остатки сожжения частично располагаются на кострище, частично выносятся в насыпь (38 комплексов); 3— остатки сожжения частично оставляются на кострище, частично помещаются в материковую ямку (14 комплексов). Фаунистический комплекс наиболее характерен для сожжений по второму типу обряда (74% против 51 и 50%, отмеченных для первого и третьего типов обряда). Расчет вазимосвязи показал ее неслучайный характер и достаточную силу (Q=0,19).

В рассматриваемых курганах с трупосожжением на месте урновые погребения встречены в 23 комплексах, в восьми случаях урна стояла вверх дном (79/1, 169, 270, 278, 325, 354, 391, 398). Соотношение урновых и безурновых погребений с фаунистическим комплексом и фаунистического комплекса с вариантами положения урны представлено в табл. 2. Интересно, что вероятность нахождения костей животных и птиц в погребениях с перевернутой урной гораздо выше аналогичной вероятности в погребениях с нормально стоявшей урной (0,875 против 0,57). В целом же вероятность обнаружения костей животных и птиц в комплексах с помещением остатков сожжения в урну несколько выше вероятности их нахождения в безурновых погребениях (0,65 и 0,55).

[3] При исследовании связей между признаками производился расчет критерия χ^2 и коэффициента сопряженности [20, с. 94—98].

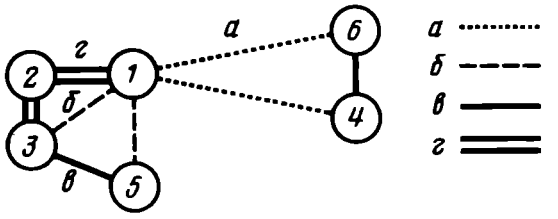


Рис. 1. Граф взаимосвязей между наиболее представительными видами фаунистического комплекса (Тимерево). Виды фаунистического комплекса (1—6) см. табл. 1. *а* — Q = 0,16 — 0,19; *б* — Q = 0,20 — 0,24, *в* — Q = 0,25 — 0,28; *г* — Q = 0,31 — 0,32

Расчет взаимосвязи урновых погребений с фаунистическим комплексом не опроверг нулевой гипотезы, т. е. характер этой связи можно считать случайным.

Каменные конструкции или отдельные камни были зафиксированы в 26 комплексах, в 19 случаях — с костями животных (85, 95, 137, 138, 141, 188, 200, 212, 228, 238, 261, 264/1, 270, 265/1, 271, 282, 304, 314, 315, 325, 327, 329, 337, 380, 393, 398). Отмечено значительное разнообразие в использовании камня в погребениях [18, с. 106, 107]. Помимо шести разновидностей, выделенных авторами, можно указать еще на две: каменная вымостка (кург. 95) и камень-подставка (подпорка) для сосуда (не урны) в кург. 188, 282, 327. Вероятность обнаружения фаунистического комплекса в погребениях с камнем несколько выше, чем в погребениях без камня (0,73 и 0,53). Еще более значительна вероятность для комплексов с одной-тремя разновидностями (по М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной; эти разновидности прямо связаны с оформлением самих остатков сожжения), которая составляет 0,82 (расчет взаимосвязи не опроверг нулевой гипотезы). Следует также отметить, что расчет характера и силы взаимосвязи двух признаков («наличие камня в погребениях» и «останки собаки в погребении») показал ее неслучайность и достаточную силу (Q = 0,18).

Отнесение погребенного к той или иной половозрастной группе возможно, во-первых, по определению кальцинированных человеческих костей, во-вторых, по характеру сопутствующего инвентаря (для выделения мужских и женских погребений), в-третьих, по размерам кострища (для выделения детских погребений). Из 167 комплексов 122 удалось связать с конкретной половозрастной группой или группами.

По определению кальцинированных костей и по характерному «мужскому» инвентарю: элементы поясного набора, оружие, кресала, кольцевидные фибулы, весы, гирьки, отдельные инструменты — было выделено 31 одиночное мужское погребение (46, 54/1, 57, 136, 79/1, 137, 144/1, 149, 153, 166, 171, 179/1, 187, 190, 206, 218/2, 218/1, 224, 269, 274, 282, 291, 304, 323, 327, 342, 343, 349, 360, 365, 383). Площадь кострища в среднем равнялась 8 м^2 (от 2,8—3 до 19 м^2). С одиночными погребениями женщин были связаны 34 погребальных комплекса, из них 13— по определению костей, в 21 случае — по женскому инвентарю: украшениям, фибулам, копоушкам (3, 45, 60, 68/1, 70/1, 70/2, 80, 83/1, 120, 129, 135, 138, 143, 169, 180, 185, 188, 192, 207, 221, 258, 270, 271, 298, 300/1, 301, 302, 305, 310, 361, 391, 398, 421, 424/1). В среднем площадь кострища достигала 5,7 м^2, колеблясь от 2—2,4 до 19 м^2 32 погребальных комплекса определены как детские сожжения на месте. В 10 комплексах были определены человеческие кальцинированные кости (151, 196, 234/1, 283, 289, 318, 286, 322/1, 337, 380/1). 22 комплекса выделены по размерам кострища (площадь кострища не должна превышать 1,5—1,8 м^2 при наибольшем поперечнике до 1,5 м; в среднем она равна 1,2 м^2): 4, 67, 73/2, 77, 117, 130/1, 130/2, 235, 251, 314/1, 314/2, 321, 328, 331, 359, 369, 376/1, 385, 397, 419, 426, 429. Девять комплексов определены как парные погребения (мужчины и женщины), из них в шести комплесах удалось определить кальцинированные останки женщин и мужчин, три комплекса отнесены к парным погребениям на основании вещевых находок (7, 85, 134, 141,

Таблица 2

Соотношение урновых и безурновых погребений с фаунистическим комплексом

Общие сведения	Безурновые погребения	Урновые погребения	Нормальное положение урны	Вверх дном
Всего погребений	144	23	14	8
Есть фаунистический комплекс	79	15	8	7
	55	65	57	88

Примечание. Числитель — количество, знаменатель — проценты.

200, 259, 277, 278, 299). 16 комплексов по биологическим данным составляют погребения взрослого и ребенка (47, 95, 165, 194, 161, 223, 254, 263/ В, 265/1, 268/1, 290, 324, 325, 393, 400, 401).

По данным табл. 3 видно, что погребения детей имеют наименьший процент комплексов с костями животных и птиц, а парные погребения (мужчины и женщины) — наибольший; мужские и женские одиночные погребения имеют примерно одинаковый процент комплексов с костями животных и птиц. Можно выделить виды животных, наиболее характерные для той или иной половозрастной группы. Останки лошади наиболее вероятно встретить в погребениях мужчин, мужчины и женщины; кости собаки — в детских погребениях и погребениях взрослого и ребенка; останки сожженной птицы — в погребениях женщин, взрослых с детьми; некальцинированные кости птицы — в парных погребениях; останки крупного рогатого скота довольно равномерно распределены в погребениях всех половозрастных групп, за исключением погребений детей и взрослых с детьми; кости мелкого рогатого скота наиболее вероятны для парных и мужских погребений.

Обратимся к проблеме взаимосвязи фаунистического комплекса с этническими элементами Тимерева. Начиная с работ И. А. Тихомирова вплоть до настоящего времени этническая картина изучаемого памятника рисовалась как сложная комбинация разноэтничных элементов (славяне, финны, скандинавы) с преобладанием того или иного элемента [16, с. 15—17; 18, с. 114; 21, с 117—120; 22, с. 82—83; 23, с. 190, 194—198; 24, с. 118, 121]. В работах М. В. Фехнер, Н. Г Недошивиной и И. В. Дубова выделены археологические индикаторы того или иного этнического элемента [16, с. 14—17; 17, с. 51—56; 18, с. 109, 114; 24, с. 116—118, 121, 122].

Прежде чем остановиться на характеристике взаимосвязи этноса с фаунистическим комплексом, вернемся к проблеме этнических индикаторов и определим сопряженность некоторых этноопределяющих признаков, выделяемых исследователями: глиняные лапы и кольца, астрагалы и копоушки, вещи скандинавского происхождения, каменные сооружения, ориентировка умерших на погребальном костре. Относительно использования ориентировки умерших, а вернее, ориентировки кострища, в качестве этноопределяющего признака заметим, что положительное решение вопроса об ориентировке умерших на погребальном костре достаточно проблематично. Во-первых, чаще всего остатки сожжения не оставлялись на кострище в нетронутом виде [4] Во-вторых, не всякое превышение одного поперечного размера над другим может служить поводом для констатации той или иной ориентировки кострища. Полагаю, что можно говорить со значительной долей вероятности о той или иной ориентировке сожженного, при условии, что наибольший поперечник, не превышающий 2—2,2 м, больше наименьшего не менее чем на четверть длины последнего. Из 167 рассматриваемых комплексов в 19 случаях была отмечена ориентировка по линии

[4] По Н. Г Недошивиной и М. В. Фехнер, таких потревоженных кремаций на месте насчитывается 59% [18, с. 106, рис. 4].

Таблица 3

Соотношение фаунистического комплекса и половозрастных групп погребенных, распределение видов животных и птиц в погребениях с фаунистическим комплексом, дифференцированных по половозрастному признаку

Половозрастная группа	Всего погребений	Есть фаунистический комплекс	Виды фаунистического комплекса					
			1	2	3	4	5	6
Мужчина	31	22	14	7	4	3	5	6
		71	64	32	18	14	23	27
Женщина	34	23	9	9	5	5	7	3
		68	39	39	22	22	30	13
Ребенок	32	12	4	7	1	1	2	—
		38	33	58	8	8	17	—
Мужчина и женщина	9	8	4	3	1	3	2	4
		89	50	38	13	38	25	50
Взрослый и ребенок	16	10	3	6	4	2	1	2
		63	30	60	40	20	10	20

Примечание. 1 — лошадь; 2 — собака; 3 — птица, кальцинированные кости; 4 — птица, некальцинированные кости; 5 — крупный рогатый скот; 6 — мелкий рогатый скот Числитель — количество, знаменатель — проценты.

Таблица 4

Взаимовстречаемость и взаимосвязь этноопределяющих признаков (N = 167)

Этноопределяющий признак	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Глиняные лапы (46 компл.)	X	0,32	—	0,18	—	—	0,16	—
2. Глиняные кольца (13 компл.)	10	X	—	—	—	—	—	—
3. Копоушки (18 компл.)	7	3	X	—	—	—	—	—
4. Астрагалы (8 компл.)	5	1	—	X	—	—	—	—
5. Вещи скандинавского происхождения (22 компл.)	4	1	1	1	X	—	—	—
6. Камень (26 компл.)	5	2	4	1	5	X	—	—
7. Ориентировка С — Ю (25 компл.)	11	2	4	1	—	5	X	—
8. Ориентировка З — В (19 компл.)	1	—	—	—	2	1	—	X

запад — восток (70/1, 117, 130/1, 130/2, 136, 149, 230, 251, 254, 264/1, 274, 286, 288, 289, 305, 318, 321, 360, 316), в 25 случаях — по линии север — юг (северо-запад — юго-восток): 77, 157, 190, 195, 201, 214, 223, 228, 235, 258, 262, 298, 301, 315, 322/1, 325, 327, 328, 335, 356, 369, 376/1, 380/1, 397, 419.

Расчет коэффициентов сопряженности показал наличие сильной связи между глиняными лапами и кольцами, связи между лапами и астрагалами бобра, лапами и меридиональной ориентировкой кремированных. Остальные признаки оказались «автономными». Отсутствие взаимосвязи между вещами скандинавского происхождения (фибулы, железные гривны, обрядовое печенье) и каменными сооружениями в сожжениях на месте не позволяет считать каменные конструкции соответствующим этническим индикатором (табл. 4). Для характеристики сопряженности этнических элементов с фаунистическим комплексом выделим следующие этнические показатели: погребальные комплексы, где встречены или глиняные лапы, или кольца, или астрагалы, или кострище ориентировано по оси север — юг, условно будем считать финскими (61 комплекс); погребения с вещами скандинавского происхождения отнесем к «скандинавским» (18 комплексов); «славянскими» будем считать погребения с ориентировкой кострища по оси запад — восток (16 комплексов). Учитывались только чистые комплексы, т. е. такие, в которых не встречены индикаторы разных этносов. Наиболее условны «славянские» погребения, хотя бы потому, что скан-

Таблица 5

Видовое распределение фаунистического комплекса в погребениях, дифференцированных по этноопределяющим признакам

Этническая принадлежность	Есть фаунистический комплекс	Виды фаунистического комплекса					
		1	2	3	4	5	6
«Финны»	28	10	15	8	5	4	6
		36	54	29	18	14	21
«Скандинавы»	12	7	6	2	4	5	4
		58	50	17	33	42	33
«Славяне»	8	5	5	2	—	3	1
		63	63	25	—	38	13

Примечание. Виды фаунистического комплекса (1—6) см. табл. 3. Числитель — количество, знаменатель — проценты.

динавы также располагали своих покойников на погребальных кострах по линии запад — восток (например, в тимеревских курганах 70/1 и 305). Однако это, по сути дела, единственно возможный в настоящий момент индикатор славянского элемента, существование которого в Тимереве достаточно гипотетично.

Наиболее значительна вероятность обнаружения погребений с фаунистическим комплексом для «скандинавских» погребальных комплексов (0,72). Аналогичная вероятность для «финских» погребений равняется 0,52, для «славянских» —0,5. Половозрастной состав погребенных из рассматриваемых комплексов достаточно разнообразен, что в значительной степени смягчает влияние особенностей видового распределения животных и птиц в комплексах, дифференцированных по половозрастному признаку. В выделенных трех группах погребений отмечаются некоторые различия в видовом распределении животных и птиц (табл. 5). Комплексы с костями лошади и собаки обычны для всех трех этнических компонентов, хотя нельзя не отметить относительно невысокий показатель вероятности «финских» погребений с останками лошади и наибольшую степень вероятности обнаружения останков лошади и собаки в «славянских» погребальных комплексах. Интересно распределение комплексов с птичьими костями. Если для «финских» и «славянских» погребений наиболее характерны пережженные птичьи кости, то для «скандинавских» — нежженные. Кости крупного рогатого скота довольно редки в «финских» комплексах и более характерны для «славянских» и «скандинавских». Что же касается останков мелкого рогатого скота, то они наиболее вероятны для «скандинавских» погребений.

Остеологический материал из гнездовских курганов, изучение которых ведется с последней четверти XIX в., специально, с исторической точки зрения еще не исследовался. Некоторые замечания о найденных костях животных и птиц можно встретить в работах дореволюционных исследователей Гнездова [25, с. 9. 11—13; 26, с. 11, 38, 44—48, 51; 27, с. 187, 188, 189—191, 192] Фаунистический комплекс кург. 7(65) и 16(74) из раскопок С. И. Сергеева и кург. 24 из раскопок И. С. Абрамова, где встречено интересное сочетание металлических котлов и костей баранов и козла (главным образом их черепа), рассмотрен в работе В. Я. Петрухина [28, с. 85—92] Фаунистический комплекс гнездовских курганов, в частности факты обнаружения костей и целых скелетов лошадей, упоминавшихся В. И. Сизовым, был использован Е. А. Шмидтом для доказательства наличия в Гнездове балтского этнического компонента [14]. Попытка соединить воедино отдельные сведения о фаунистическом комплексе Гнездова предпринималась В. А. Булкиным. Однако он имел в своем распоряжении лишь определения необожженных костей животных, что не могло не отразиться на его выводе (созвучном с мнением В. И. Сизова) о том, что «жертвоприношения происходили после того, как догорал погребальный костер» [24, с. 33]. Такая трактовка противоречит современным данным.

В работе рассмотрен остеологический материал из раскопок 1970—1979 гг., определенный Е. Г. Андреевой, частично опубликовавшей свои наблюдения [8]. Для анализа фаунистического комплекса были использованы материалы 54 погребений с остатками кремаций на месте (главным образом из Центральной курганной группы), 67% которых содержали кости животных и птиц [5]

Касаясь общей характеристики видового состава фаунистического комплекса, нужно отметить почти полное отсутствие костей диких животных, лишь в кург. Оль-15 встречены кости зайца. В нашей выборке отсутствуют некальцинированные птичьи кости, найденные в урнах кург. 13 и 23 Лесной группы, исследованных в 1949 г.; единичны комплексы с останками свиньи, крупного и мелкого рогатого скота. Фаунистический комплекс рассматриваемых гнездовских трупосожжений на месте составляют фактически три вида: птица (25 погребений), лошадь (24 погребения) и собака (21 погребение). Расчет коэффициентов сопряженности показал наличие достаточно сильной связи между этими видами. Связка «лошадь» — «собака» — «птица» очень устойчива, она встречена в 11 погребальных комплексах (в 18 погребениях кости лошади и птицы; кости лошади и собаки, собаки и птицы в 14 погребальных комплексах).

В 34 курганах нашей выборки были сосуды, наполненные кальцинированными костями. Фаунистический комплекс достаточно равномерно распределен как в урновых (65%), так и в безурновых погребениях (70%). Незначительное число наблюдений (пять комплексов со вторым и третьим типом обряда, шесть комплексов с каменными конструкциями) не позволяет рассмотреть вопрос о распределении останков животных и птиц в погребениях с определенным типом кремации на месте, а также в погребениях с каменными конструкциями.

Е. Г. Андреева, определявшая человеческие кальцинированные кости, дифференцировала их лишь по возрастным категориям. По погребальному инвентарю выделено 11 погребений мужчин (кург. 113; Оль-15, 29; Ц-129, 153, 165, 253, 259, 263, 265, 266), 9 женских погребений (кург. Ц-105, 110, 169, 173, 181, 189, 196, 252, 261); Оль-27 и Ц-251 — парные погребения (мужчины и женщины). Остеологический анализ выявил 9 детских погребений (кург. 120; Ц-108, 146, 148, 175, 184, 226, 233, 234), 9 погребений взрослого человека с ребенком (кург. Ц-99, 109, 113, 117, 170, 208, 221, 245, 254). В 14 погребальных комплексах определение половозрастной группы умершего оказалось затруднительным.

По данным табл. 6 видно, что погребения детей имеют наименьший процент комплексов с костями животных и птиц. Вероятность обнаружить останки, лошади, собаки и птицы достаточно велика для всех выделенных половозрастных групп. Однако можно отметить некоторые тенденции в распределении этих видов в погребениях с фаунистическим комплексом. С одинаковой вероятностью кости этих видов животных и птиц встречены в парных погребениях. В одиночных погребениях останки лошади чаще зафиксированы в мужских погребениях, кости собаки — в погребениях детей и мужчин, птичьи кости — в женских погребениях.

Этническая ситуация Гнездова достаточно сложна, до конца не решена. О полиэтничности населения этого памятника писали еще его первые исследователи — В. И. Сизов и А. А. Спицын [25, с. 34; 26, с. 10]. Эта проблема — одна из центральных и в настоящее время [14, с. 102—109; 24, с. 45—48; 29, с. 127—134; 30; 31] Относительно разработанным является положение о скандинавском элементе Гнездова, выделена целая группа этноопределяющих признаков [30]. Касаясь вопроса о взаимосвязи фаунистического комплекса с этнической принадлежностью погребенных, представляется возможным выделить из нашей выборки погребальные комплексы с вещами скандинавского происхождения, а остальные рассмотреть вместе как «нескандинавские» погребения.

---

[5] Приношу благодарность Д. А. Авдусину, предоставившему мне возможность использовать неопубликованный материал.

Таблица 6

Соотношение фаунистического комплекса и половозрастных групп погребенных, распределение видов животных и птиц в погребениях с фаунистическим комплексом, дифференцированных по половозрастному признаку

Половозрастная группа	Всего погребений	Есть фаунистический комплекс	Виды фаунистического комплекса		
			1	2	3
Мужчина	11	8	5	6	4
		73	63	75	50
Женщина	9	5	3	3	5
		56	60	60	100
Ребенок	9	4	2	3	1
		44	50	75	25
Мужчина и женщина	2	2	2	2	2
		100	100	100	100
Взрослый и ребенок	9	7	4	4	7
		78	57	57	100

Примечание. 1 — лошадь; 2 — собака; 3 — птица. Числитель — количество, знаменатель — проценты.

Таблица 7

Видовое распределение фаунистического комплекса в погребениях, дифференцированных по этноопределяющим признакам

Этническая принадлежность	Есть фаунистический комплекс	Виды фаунистического комплекса		
		1	2	3
«Скандинавы»	12	8	9	12
		67	75	100
«Нескандинавы»	24	16	12	13
		67	50	54

Примечание. 1 — лошадь; 2 — собака; 3 — птица. Числитель — количество, знаменатель — проценты.

В 12 из 15 «скандинавских» погребальных комплексов был зафиксирован фаунистический комплекс, т. е. вероятность его обнаружения равна 0,8. Аналогичная вероятность для «нескандинавских» погребений равна 0,62. Интересно, что вероятность обнаружения в погребениях с фаунистическим комплексом останков лошади одинакова для обеих выделенных групп, тогда как кальцинированные останки собаки и птицы вероятнее встретить в «скандинавских» погребальных комплексах (табл. 7).

Что показало исследование фаунистического комплекса Тимерева и Гнездова, двух крупнейших погребальных памятников периода становления раннесредневекового государства Древняя Русь? Во-первых, можно считать наличие останков животных и птиц в погребальных комплексах явлением ординарным, так как не менее чем в половине дошедших до нас в относительно непотревоженном виде погребений был зафиксирован фаунистический комплекс. Практически всем рассмотренным этносам и половозрастным группам погребенных, в большей или меньшей степени, свойственно это явление. Однако это не означает, что данное положение нивелирует наибольшую степень вероятности обнаружения фаунистического комплекса в «скандинавских» погребениях и наименьшую степень аналогичной вероятности в погребениях детей.

Во-вторых, видовой набор фаунистического комплекса ограничивается фактически тремя видами: лошадью, собакой и домашней птицей (курицей

или петухом) [6] Это явление носит, по-моему, характер главной тенденции для рассматриваемого археологического материала. Этой тенденции свойственна надэтничность. Все рассмотренные нами различия в видовом распределении фаунистического комплекса или касались пропорционального представительства этих трех видов, или же находились вне этой тенденции. Этой тенденции подчинено и видовое представительство фаунистического комплекса в погребениях, дифференцированных по половозрастному признаку погребенных.

Из первого положения неизбежно следует вывод о том, что этнические построения, основанные на выделении или отсутствии фаунистического комплекса в целом или его отдельного вида, например лошади, лишены основания. Это заблуждение, и оно вызвано слабой степенью изученности фаунистического комплекса.

Из второго заключения вытекает следующее: мы в значительной степени ответим на вопрос, для чего население рассматриваемого региона Европы тысячелетней давности вместе с умершими погребало животных и птиц, если объяснить, почему именно конь, именно собака и именно курица сопровождали погребаемых.

Довольно распространенной является точка зрения, согласно которой наличие того или иного животного в погребениях отражает сушествующий у населения, оставившего погребальный памятник, культ этого животного. С одной стороны, здесь есть рациональное зерно: ни один элемент погребального обряда не может быть случайным, в погребальном культе находит свое отражение и продолжение общая целостная система идеологических представлений — «модель мира», где те или иные животные играли подчас важную роль в силу приписываемых им качеств. С другой стороны, согласимся с Р. С. Липец, которая, рассматривая погребальный обряд кочевых народов, где важное место занимал конь, писала: «Не следует переносить на погребальную обрядность все, что известно о культе коня, связанном с солярной символикой, дуалистическими понятиями о мировом добре и зле в развитых религиях индоевропейцев и др. ...Единство объекта обрядовых действий вовсе не означает единства представлений, с ним связанных» [33, с. 214]. Прав В. Я. Петрухин, полагающий, что посредством погребального культа между человеческим коллективом и природой при помощи умершего и «различных жертв» «устанавливался контакт, позволяющий магически подчинять силы природы и смерть, направлять их на общее благополучие» [34, с. 17]. Однако нельзя забывать того главного, для чего в сущности и предназначен обряд погребения умерших, те первичные мотивы, «которые в виде темных инстинктивных действий существовали еще у наших дочеловеческих предков. Это мотивы — стремление избавиться от тела умершего и стремление удержать его около себя» [1, с. 170]. Курган, могила — это вечный памятник усопшему. А как удалить умершего, да не просто освободиться от биологически опасного, вредоносного тела посредством сожжения, зарывания и т. д., а так, чтобы гарантировать попадание умершего для живых, но по сути дела вечного индивидуума туда, где продолжится его жизнь?

Я совершенно согласен с В. Я. Петрухиным, отметившим особую роль коня, собаки и курицы в погребальном культе языческой Скандинавии — роль посредника в путешествии и установлении контакта с загробным миром [34, с. 12, 13; 35, с. 163]. Или, как считает Д. С. Раевский, это функция «вертикальной коммуникации» [36, с. 42]. Более того, полагаю, что амбивалентность, свойственная, по мнению В. Я. Петрухина, этим животным в погребальном культе, внутренне неравнозначна. Думается, что связь с культом плодородия в погребальном действии отходит на второй план, а роль «медиатора» главенствует. Иное дело погребальный пир, где доминирует роль «воскресающего зверя», пе-

---

[6] Именно эти виды играют важную роль в обряде погребения руса, описанном у Ибн-Фадлана [32, с. 144]; останки лошади, собаки и птицы — наиболее представительные виды фаунистического комплекса черниговских и шестовицких курганов [9, с. 105—138; 10, с. 23—27]

редающего свои жизненные силы человеческому коллективу, ослабленному смертью одного из своих членов,— «всеобщее преодоление смерти — преодоление путем пиршественного обновления рода и возрождения самого умершего в рамках того же рода» [28, с. 89] Таким образом, эта неравнозначность вызвана несовпадением объектов, на которые было направлено или с которыми было связано культовое действие (умерший и коллектив родственников в широком смысле).

По-своему права Р. С. Липец, полагающая, что «подразделять четко обряд положения коня в могилу и ритуальное съедение его на тризне едва ли возможно. Во-первых, это нередко одно и то же животное... Во-вторых, акт ритуального съедения мяса означал, в представлениях участников обряда, то же отправление коня в мир мертвых (там его части или кости соединятся вновь). В-третьих, части конской туши (как и баранов) могли служить просто „смертной пищей"» [33, с. 114]. Однако остеологический материал исследованных нами курганов позволяет, как мне кажется, конкретизировать этапы погребального действия, связанные с животными. Во-первых, это останки сожженных вместе с человеком лошадей, собак и птиц, а также единичные случаи несожженных целых скелетов животных и необожженные кости птицы, которые можно связать с этапом «отправления на тот свет». Лошади и собаки, по определению Е. Г Андреевой, сжигались в большинстве случаев целиком [7, с. 95; 8, с. 58], в отношении птиц это подразумевается. Отдельные немногочисленные кальцинированные кости других домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свинья), также связанные с этим этапом, возможно, атрибуируются как сопроводительная пища. Единичные кости диких животных, встречающиеся в кострищном слое, затруднительно с чем-либо связывать. Во-вторых, единичные необожженные кости, обычно лошади, крупного и мелкого рогатого скота, иногда в сочетании с металлическими котлами и другими вещами, можно связать с погребальным пиром. Заметим, что в исследованном материале ни разу в насыпи не были встречены кости собаки и лишь один раз — единичные птичьи кости (кург. 347 Тимеревского могильника). Как видим, и лошадь, и собака, и птица «участвуют» в обряде погребения главным образом на этапе «перемещения в загробный мир». Это лишний раз заставляет задуматься над вопросом, почему именно эти виды играют роль «медиатора» в погребальном культе.

Мнение о коне как о транспортном средстве умерших давно утвердилось в науке (4, с. 105—146; 35, с. 163; 36, с. 42, 43; 37, с. 170, 177, 210; 38]. Поэтому роль коня как «медиатора» в погребальном культе не требует дополнительных объяснений или доказательств. Нужно лишь заметить, что эта роль ярко отражена в древнеисландской литературе. «Валькирия коня» — кенинг смерти в скальдической литературе, имеющий прямые иллюстрации на готландских камнях, изображающих встречу валькирией въезжающего в Вальхаллу очередного погибшего [39, с. 51, 65, 67, 69, 71—73, 91, 99, 100]. На Слейпнире — «лучшем из коней» добираются в Хель (преисподнюю) и Хермод [40, с. 49], и Один [41, с. 158]. Спокойно разъезжает к своей вдове и обратно в Вальхаллу «по алой дороге, на бледном коне, по воздушной тропе» Хельги Убийца Хундинга [41, с. 92]. Интересное свидетельство, со слов жрецов, об умерших, летающих по небу на конях, направляясь в «другую жизнь», вошло в договор Тевтонского ордена с пруссами от 7 февраля 1249 г., по которому пруссы, обращенные в новую веру, обязались не сжигать или не погребать в землю мертвецов с лошадьми, оружием и другими вещами [42, с. 348].

Собака считается проводником души в загробный мир у многих народов [36, с. 192; 43, т. 1, с. 732, т. 3, с. 795; 44, с. 6; 45, с. 101]. Прямые свидетельства о собаке как провожатом «на тот свет» имеются в скандинавских источниках. На готландских камнях есть изображения собаки, сопровождающей хозяина в Вальхаллу [39, с. 69, 72, 73, 99]. Интересное замечание сохранилось в «Гренландской песне об Атли», где говорится, что после убийства Атли Гудрун совершает следующее:

Постель она с лезвия дверь заперла,
кровью насытила, подняла домочадцев,
рукой, в Хель ведущей, дом запалила
выгнала псов, в отплату за братьев [41, с. 141]

Собака как метафора приближающейся смерти изображена на одном из клейм иконы XIV в. «Борис и Глеб с житием»: Борис видит сон о своей смерти [46, табл. 52, 53].

Одно из самых распространенных представлений о петухе — представление о птице как символе счастья и плодородия [43, т. 1, с. 467, 468, 518—524]. Существует множество свидетельств об использовании кур и петухов в жертвоприношениях [43, т. 2, с. 84, 106, 249—260; 47, с. 92, 93; 48, с. 272, 273; 49, с. 374], о петухах или курицах как вместилище или поводырях душ умерших [44, с. 109, 110; 50, с. 197, 198, 200]. Ключом к пониманию роли курицы в погребальном культе может послужить наблюдение, сделанное В. Я. Петрухиным и А. Я. Гуревичем, по поводу интересного совпадения символических действий, связанных с потусторонним миром и погребальным культом и описанных у Саксона Грамматика и Ибн-Фадлана [35, с. 164; 51, с. 19, 20]. Рассказывая о легендарном датском герое Хаддинге, побывавшем вместе с колдуньей в царстве мертвых, Саксон Грамматик описывает эпизод, когда путь «путешественникам» преградила высокая стена. И тут колдунья, взяв петуха (которого несла с собой) и оторвав ему голову, перебрасывает его через стену, после чего петух немедленно ожил и закукарекал. Действие колдуньи очень напоминает обряд, описанный Ибн-Фадланом: «Привели девушку к чему-то, сделанному ими еще раньше наподобие обвязки ворот. Она поставила свои ноги на ладони мужей, поднялась над этой обвязкой (смотря поверх нее вниз) и произнесла какие-то слова на своем языке... Потом ей подали курицу, и она отрезала ей голову и швырнула ее (голову). Они же взяли эту курицу и бросили ее в корабль» [32, с. 144]. По В. Я. Петрухину, «этой жертвой, видимо, устанавливается связь между загробным миром, но одновременно обеспечивается и воскресение за „барьером смерти“» [35, с. 164]. Вероятно, отправляясь вместе с умершем в «новую жизнь», птица становилась своего рода залогом воскресения (возможно, это мыслилось и как «воскресающая пища» для умершего).

Предложенная интерпретация семантики роли животных и птиц в погребальном культе должна пониматься как некая система, достаточно подвижная, с довольно автономными элементами. Ведь все наши элементы (конь, собака, птица), дополняя друг друга, работают на главное — благополучно «переправить» умершего из посюстороннего в потусторонний мир. Однако эта система сама по себе вторична, входит в общую систему погребального культа и фактически дублирует такой универсальный способ «переправы», как сожжение. Поэтому отсутствие одного, двух или вообще отсутствие выделенной группы элементов не означает, что основная задача погребального культа не будет выполнена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964.
2. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. I Археологического съезда. М., 1871. Т. 11.
3. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР 1985. № 18.
4. *Анучин Д. Н.* Сани, ладья, кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд. М., 1890.
5. *Городцов В. А.* Погребения животных в Муромских могильниках // Этнографическое обозрение. М., 1916. № 3—4.
6. *Богданов В. В.* Древние и современные обряды погребения животных в России // Этнографическое обозрение. М., 1916. № 3—4.
7. *Андреева Е. Г* Фауна Ярославского Поволжья по костным остаткам из курганных погребений X—XI веков // Ярославское Поволжье X—XI вв., М.: Сов. Россия, 1963.

8. *Андреева Е. Г.* Остеологические материалы из Гнездова // СА. 1980. № 1.
9. *Блифельд Д. И.* Древнерусский могильник в Чернигове // Археологія. 1965. Т. XVIII.
10. *Блифельд Д. И.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Киев: Наук. думка, 1977.
11. *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. 1970. Вып. Е1-8.
12. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей // САИ. 1974. Вып. Е1-8.
13. *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
14. *Шмидт Е. А.* Об этническом составе населения Гнездова // СА. 1970. № 3.
15. *Голубева Л. А.* Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—XI веков // СА. 1981. № 4.
16. *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
17 *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука, 1982.
18. *Недошивина Н. Г Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.
19. *Дубов И. В.* Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146.
20. *Федоров-Давыдов Г А.* Статистические методы в археологии. М.: Высш. шк., 1987.
21. *Тихомиров И. А.* Славянское заселение Ярославской губернии // Тр. IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914.
22. *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв.// МИА. 1941. № 6.
23. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
24. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л.: Из-во ЛГУ, 1978.
25. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. № 28.
26. *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15.
27. *Спицын А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии // ЗОРСА РАО. 1906. Т. VIII. Вып. 1.
28. *Петрухин В. Я.* Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // Вестн. МГУ. Сер. История. 1985. № 2.
29. *Ляпушкин И. И.* Славяне лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966.
30. *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнездове // Вестн. МГУ. Сер. История. 1974. № 1.
31. *Авдусин Д. А.* Гнездово и Смоленск // Вестн. МГУ. Сер. История. 1979. № 4.
32. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956.
33. *Липец Р. С.* Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982.
34. *Петрухин В. Я.* Погребальный культ языческой Скандинавии: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1975.
35. *Петрухин В. Я.* Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников) // Скандинавский сборник. Т. XXI. Таллинн, 1976.
36. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985.
37. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
38. *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977.
39. *Nylén E., Lamm J. P.* Bildsteine auf Gotland. Neumünster, 1981.
40. Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970.
41. Старшая Эдда. М.: Наука, 1963.
42. *Перцов В. Н.* Культура и религия древних пруссов // Уч. зап. Белорус. ун-та. Сер. История. 1953. Вып. 16.
43. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869. Т. 1—3.
44. *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972.
45. *Васильев Б. А.* Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4.
46. *Алпатов М. А.* Древнерусская иконопись. М.: Искусство, 1974.
47 *Лев Дьякон Калойский.* История. СПб., 1820.
48. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.
49. *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
50. Велецкая Н. Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн-Фадлана о похоронах «руса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968.
51. *Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979.

Yu. E. ZHARNOV

ANIMALS IN THE KURGAN BURIAL RITE OF THE PERIOD OF ESTABLISHMENT OF THE MEDIAEVAL RUSSIAN STATE

Summary

After the analisis of the osteomaterial originating from the kurgans with cremation rite of Timerevo and Gnezdovo cemeteries it became clear that the presence of animals' and birds' bones in burials is the usual feature of these sites. Some attempts to define the ethnic affiliations of the dead based on the fauna (the presence of horse bones, for example) are groundless. The set of the faunistic species statistically is limited to three of them — a horse, a dog and a han and does not have ethnic character The distribution of the species reflects differences depending on sex and age of the dead. The comparison of the osteomaterials with some data from the historical and ethnografical sources was made which permitted the division of the faunistic complex into two groups: the one connected to the stage of the departure to the other world and the second stage of funeral feast. The animals mentioned above played the main role on the first stage. They were considered conductors to the other world, and the horse served as a mean of transport, the dog was a companion and the han was a symbol of revival after the death. The animals and the birds form more or less autonomic elements in the proposed reconstruction of meaning of the burial rite. This system practically duplicated the other universal way to the other world — the rite of cremation.

Т. Д. ПАНОВА

КАМЕННЫЕ САРКОФАГИ АНТРОПОИДНОГО ТИПА

Погребальные сооружения средневековой Руси до сих пор не были предметом специального исследования в советской историографической литературе. Можно отметить только упоминания или краткие описания каменных саркофагов при публикации археологических материалов древнерусских городов. На территории средневековой Руси известны каменные погребальные сооружения нескольких типов. Среди них наибольший интерес представляют саркофаги так называемой антропоидной формы — чуть расширяющиеся к головной части и имеющие выступающее оголовье.

На сегодняшний день в литературе подробно описаны лишь три таких памятника. Самая первая публикация относится к середине XIX в. и освещает находку двух антропоидных саркофагов XIV в. в церкви Спас-на-Бору в Московском Кремле [1] Правда, приведен был рисунок только одного каменного гроба (рис. 1, *2*). Следующая находка, сделанная почти век спустя при исследовании Рождественского собора в г. Суздале (рис. 1, *1*), датировалась второй половиной XII в. [2]. Наиболее подробно опубликован антропоидный саркофаг второй половины XII в., обнаруженный при раскопках в Боголюбово [3] При осмыслении этой находки (рис. 1, *3*) Н. Н. Ворониным была сделана первая и единственная в нашей исторической литературе попытка обобщения всех известных к середине XX в. находок антропоидных погребальных сооружений и выяснения путей появления этого специфического вида саркофагов на Руси.

Ниже будут упоминаться находки антропоидных саркофагов, известные еще по нескольким публикациям. Однако в изданиях опубликованы только мелкие рисунки, практически лишенные описаний.

В настоящее время мы можем говорить уже о 70 находках каменных антропоидных погребальных сооружений в средневековых русских городах. Подавляющее большинство этих находок до сих пор не введено в научный оборот, поэтому не выяснены время и район бытования этого типа саркофагов, развитие его формы, история происхождения и пути проникновения на Русь. В данной публикации будет сделана попытка ответить на эти вопросы. Одной из основных задач публикации является также введение в научный оборот всех известных на сегодняшний день каменных антропоидных погребальных сооружений.

Прежде всего необходимо остановиться на самом термине «саркофаг антропоидной формы» и на том, с какими погребальными сооружениями он связывается. Выше уже отмечалось, что в европейской, как, впрочем, и в советской исторической литературе, типология средневековых погребальных сооружений практически не разработана. Между тем анализ современной археологической литературы показывает, что этот термин применяют для обозначения двух разных типов погребальных сооружений. Во-первых, для саркофагов трапециевидной формы с выступающим оголовьем (в советской археологической литературе) и, во-вторых, для обозначения саркофагов-ящиков (прямоугольной или трапециевидной формы), имеющих внутри полукруглую нишку для головы (рис. 1, *4*), хорошо известных в археологических материалах Западной Европы.

© Т. Д. Панова, 1991 г.

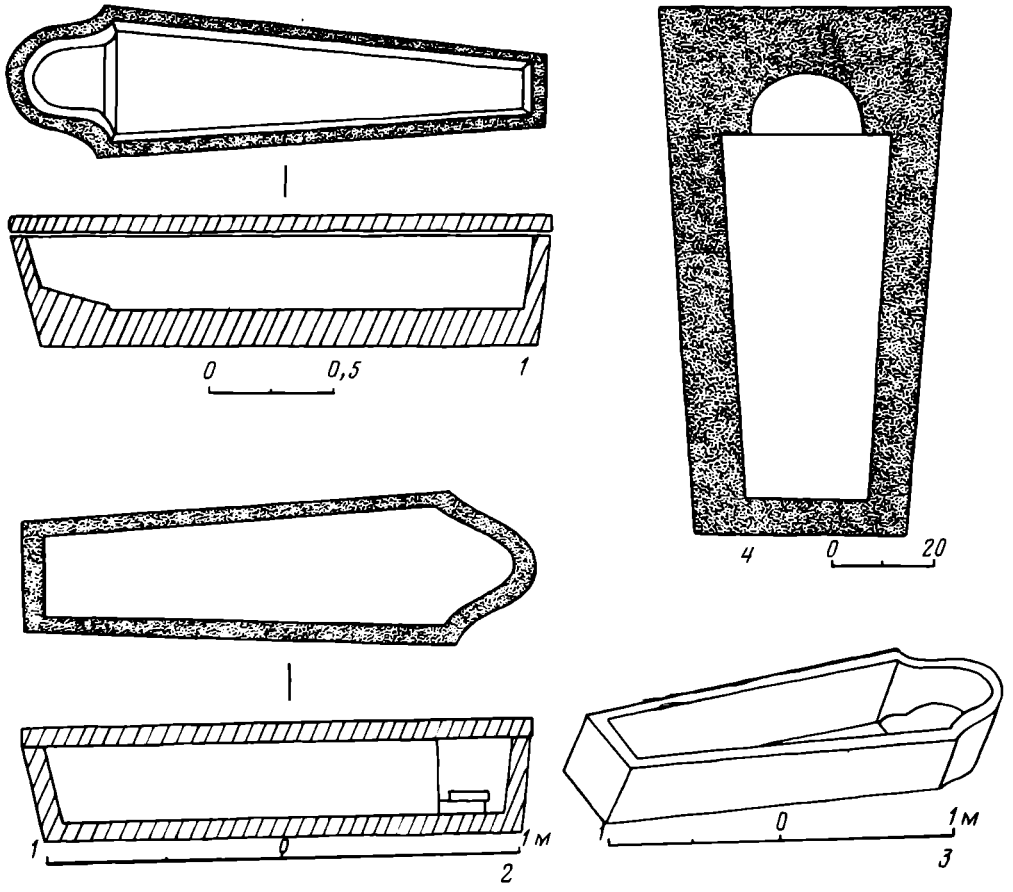


Рис. 1. Антропоидные саркофаги (XII—XIV вв.) и саркофаг-ящик с нишкой для головы (первая половина XVII в.)

Каменные саркофаги-ящики, являющиеся одним из самых распространенных типов гробов как во времени, так и в пространстве, имеют очень разнообразные виды оформления внутренней части. То, что у антропоидных (с выступающим оголовьем) является определяющим признаком типа, у саркофагов-ящиков с нишками внутри — лишь деталь внутреннего устройства. Поэтому полностью идентифицировать эти два типа погребальных сооружений нельзя. Нельзя также применять для их обозначения один и тот же термин. Между тем практически всегда при подборе аналогий для саркофагов этих двух типов исследователи смешивают их, не вникая в территориальные и временные особенности их распространения.

Ниже будут рассмотрены вопросы появления и развития этих двух типов погребальных сооружений. Археологические данные сегодня позволяют проследить историю развития каждого из них (время использования, территория распространения и т. д.).

Прежде всего рассмотрим антропоидные саркофаги, найденные в средневековых русских городах, признав при этом правильность отнесения данного термина к рассматриваемому типу погребального сооружения.

Основная масса каменных антропоидных саркофагов на Руси датируется XIV — первой половиной XVII в. Но наличие нескольких находок XII в. позволяет проследить развитие этого типа саркофага на протяжении почти пяти столетий. Как отмечалось выше, самые ранние гробы антропоидной формы были найдены во Владимиро-Суздальской земле. Они имели вид расширяющихся к головной части трапециевидных ящиков с выступающим оголовьем округлой формы и плечиками мягких очертаний (рис. 1, *1, 3*). Несмотря на отсутствие находок XIII в., материалы последующих столетий позволяют установить, что саркофаги с таким оголовьем просуществовали до первой трети XVI в. Это

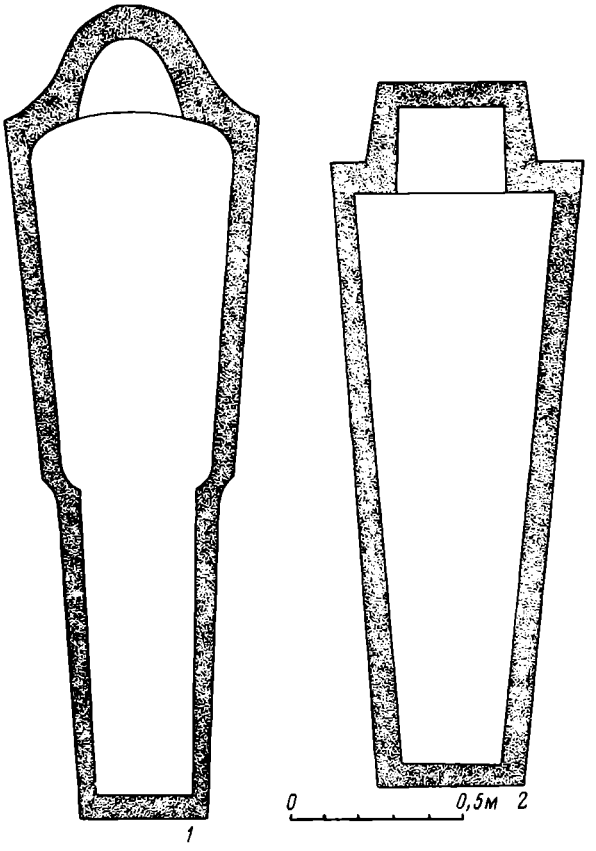


Рис. 2. Антропоидные саркофаги XV—XVI вв. из некрополя ц. Вознесения (Московский Кремль)

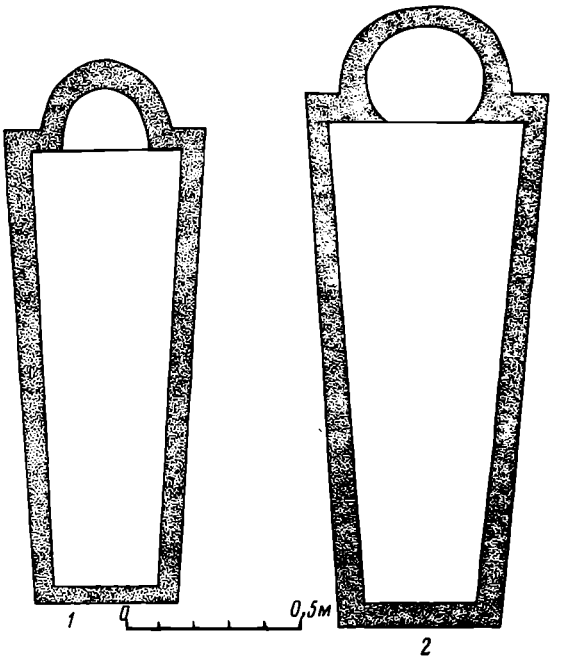


Рис. 3. Антропоидные саркофаги XVI — первой половины XVII в. из некрополя ц. Вознесения (Московский Кремль)

прослеживается в основном по данным из средневековых усыпательниц Москвы и Подмосковья, где этот тип саркофага нашел с XIV в. широкое применение. Причем у некоторых экземпляров середины XV — первой трети XVI в. зафиксировано также дополнительно оформлявшееся сужение в ножной части, что придавало гробам еще большее сходство с человеческой фигурой (рис. 2, *1*). Интересно отметить, что в этот же период использовались в Москве деревянные гробы, у которых аналогично оформлялись головная и ножная части [4].

К середине XVI в. каменные саркофаги приобретают выступающее оголовье полуциркульной формы и четко выделенные плечики (рис. 3, *1*). Эту конфигурацию гробы сохраняют вплоть до середины XVII в. Необходимо только отметить, что в первой половине XVII в. внутренние очертания выступающего оголовья приближаются почти к полному кругу (рис. 3, *2*). Обращает на себя внимание небольшая группа саркофагов 60—70-х годов XVI в., выступающее оголовье которых имеет прямоугольные контуры (рис. 2, *2*). Наличие датированных по надписям каменных антропоидных саркофагов позволяет проследить малейшие изменения в их форме, касающиеся в основном выступающего оголовья. Это очень важно, так как определенное число саркофагов лишено эпитафий или утратило крышки с надписями, что затрудняло датировки.

Сегодня, благодаря обнаружению уже большой группы антропоидных саркофагов, рамки бытования этого типа погребальных сооружений на Руси определяются четко — вторая половина XII — середина XVII в. Как показали материалы средневековых усыпательниц Москвы и некоторых других русских городов, в середине XVII в. антропоидные саркофаги исчезают. В дальнейшем используются только саркофаги-ящики. Правда, и в середине XVII в. внутри некоторых из них отмечены нишки для головы погребаемого. Однако находок таких саркофагов крайне мало — всего 5, все они сосредоточены в одном некрополе — церкви Вознесения Московского Кремля (рис. 1, *4*).

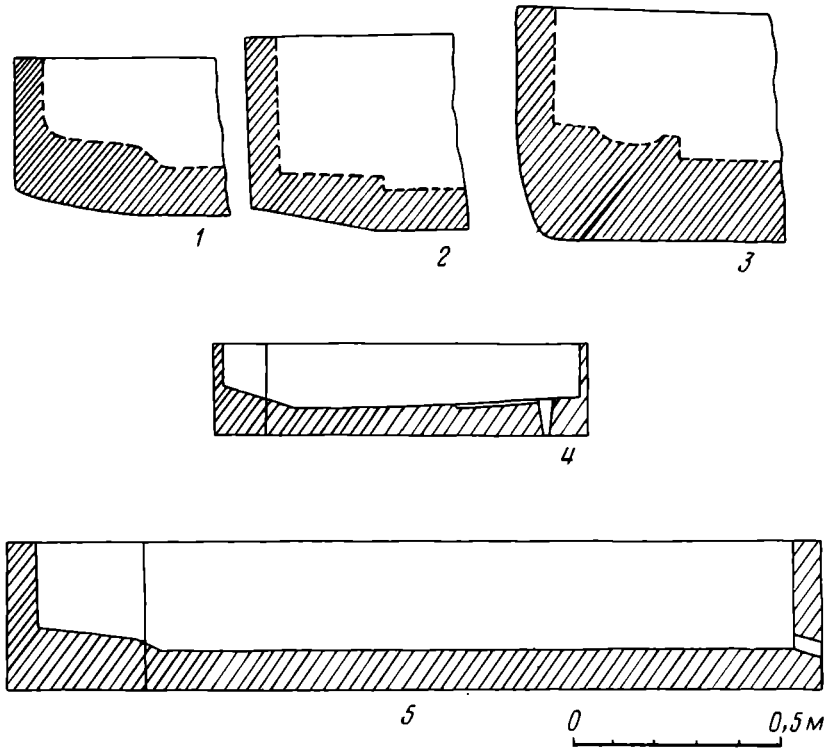


Рис. 4. Формы подголовий и саркофаги с отверстиями в днищах

Несколько слов необходимо сказать о топографии находок антропоидных саркофагов на Руси. Самые ранние (два) отмечены на территории Владимиро-Суздальской земли (XII в.). С XIV в. широкое распространение этот тип погребальных сооружений получает в Москве и Подмосковье, где сосредоточено основное число находок (60). Есть поздние каменные гробы этого типа и в других центрах, например в Суздале (шесть саркофагов XVI — середины XVII в.), в Рязани (два саркофага XVI — середины XVII в.). Интересен достаточно поздний пример использования антропоидного саркофага, правда деревянного. Он был обнаружен в г. Кашине и датируется XVIII в. [5]

Необходимо отметить некоторые особенности в устройстве белокаменных гробов антропоидного типа. Одна из особенностей — специальные подголовья, прослеженные практически во всех известных сегодня саркофагах. Причем если в захоронениях XII — первой половины XVI в. эта каменная подушка завершается ярко выраженным скосом (рис. 4, *1*), то начиная с середины XVI в., за редким исключением, подголовья имеют форму четкой ступеньки (рис. 4, *2*) В трех случаях, например в некрополе ц. Вознесения, в подголовьях антропоидных саркофагов были сделаны дополнительные углубления для головы: в одном саркофаге XV в. и в двух гробах первой половины XVII в. (рис. 4, *3*). Анализу назначения каменных подушек как свидетельства аскетической жизни погребенного в захоронениях городских некрополей древнерусских городов посвящена специальная публикация [6], поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе.

Привлекает внимание наличие в двух саркофагах этого типа отверстий в днищах. Столь необычные гробы были обнаружены в некрополе ц. Вознесения Московского Кремля. Одно захоронение датируется 1538 г. и принадлежит Елене Глинской. Здесь отверстие пробито наискось от днища через ножной торец наружу. Оно квадратное по форме (рис. 4, *5*). Второе захоронение относится к группе безымянных. Отверстие в днище саркофага расположено недалеко от ножного торца и имеет диаметр 4 см. Дыра сужается до 2 см к месту выхода из гроба (рис. 4, *4*). К отверстию ведет от центра саркофага желобок длиной 20 см, заглубленный на 1—1,5 см в днище. До сих пор в исторической

литературе нет объяснений назначению специальных отверстий в днищах некоторых погребальных сооружений. Ограничимся пока лишь констатацией факта использования этой детали обряда в двух саркофагах антропоидной формы. Случаев находок каменных погребальных сооружений разных типов с отверстиями в днищах для городских средневековых усыпальниц немного. Отмечены они в Новгороде [7, 8], Чернигове [9], Киеве [10], Белгородке [11] и датируются в основном XII—XIII вв. Зафиксированы каменные саркофаги с одним или двумя отверстиями; в одном случае их было семь и они располагались по кругу. В саркофагах из некрополя ц. Вознесения отверстия в днищах зафиксировны впервые для столь позднего времени.

Такова в общих чертах характеристика каменных погребальных сооружений антропоидного типа, получивших распространение в период средневековья на Руси.

Как уже отмечалось выше, проблемы появления, развития и использования данного типа гроба на Руси практически не рассматривались исследователями.

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо проследить историю развития каждого из двух упомянутых типов саркофагов — антропоидного и саркофага-ящика с нишкой для головы, поскольку до сих пор по этому поводу нет ни одного исследования.

Несомненно, что в основе погребальных сооружений антропоидного типа лежат фигурные саркофаги египетских фараонов. Действительно, каменные, деревянные и золотые антропоидные саркофаги правителей Египта периода Нового царства — древнейшие для данного типа. В правление фараонов XVIII династии (XVI—XIV вв. до н. э.) отмечено несколько захоронений в антропоидных саркофагах [12, табл. XXX]. Все антропоидные саркофаги этого периода имели четко выделенные головную часть с прекрасно моделированным лицом, руки с атрибутами власти и ступни ног [13, табл. 78—87]. Близки им по форме и небольшие саркофаги, применявшиеся для погребения младенцев [13, табл. 127] или для хранения реликвий [13, с. 193, 214]. Кроме того, в погребальных комплексах фараонов XVIII династии Нового царства отмечены антропоидные фигурки ушебти (статуэтки с сельскохозяйственными орудиями в руках) и саркофаги для них, полностью повторяющие по форме большие антропоидные гробы для захоронения фараонов. Наиболее многочисленны находки ритуальных фигурок XVI—XIV вв. до н. э. Группа таких предметов хранится в фондах Эрмитажа [14, № 3790, 9791, 4488а, 3853, 999, 251], известны они и в захоронениях этого времени [15, табл. 48(2); 16, табл. XIV, 46181а, табл. 33; 17, с. 214] Период XVI—XIV вв. до н. э. дает наиболее интересные, богатые и разнообразные образцы антропоидных погребальных сооружений и предметов погребального культа, что объясняется расцветом Египта в это время и значительными возможностями при совершении погребения представителей верхушки общества.

Антропоидные погребальные сооружения, незначительно видоизменяясь и из более простых материалов, продолжают использоваться и в дальнейшем. Зафиксированы находки периода XII—X вв. до н. э. [18, с. 16] и II в. до н. э. [19; 20, с. 102]. Интересно, что изображения египетских мумий есть и в тканях греко-романского времени [21]

Таким образом, антропоидные саркофаги и предметы погребального культа антропоидной формы отмечены в Египте на протяжении более чем 1,5 тысяч лет. Их использование подтверждают и письменные источники. Геродот, оставивший подробное описание нескольких приемов бальзамирования покойников, принятых в Египте, упоминает в своей книге и деревянные саркофаги: «После родственники берут тело назад, изготавливают деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника. Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпательнице, где ставят гроб стоймя к стене» [22, с. 105].

Традиции в применении погребальных сооружений антропоидной формы не могли не сказаться в обряде ближайших к Египту территорий. Тем более,

что в середине I тыс. до н. э. Египет подвергся завоеваниям и саркофаги могли быть вывезены и в качестве военной добычи. Именно так произошло с одним из найденных в районе современной Сайды (древний Сидон) в Ливане саркофагов в виде мумии (колумбарий с 17 гробами был обнаружен случайно). Сделан он был, видимо, в окрестностях Мемфиса или в пределах дельты Нила [23, табл. VI] В этом же колумбарии зафиксированы еще три антропоидных саркофага, один из которых выполнен из черного мрамора [23, с. 60] Датируется комплекс захоронений из Древнего Сидона VI—IV вв. до н. э. Кроме того, в музее Константинополя хранятся три антропоидных гроба, случайно найденных в Сидоне, два из Дамаска и четыре с территории Ливана, в том числе из Бейрута [23, с. 63, 64] Все отмеченные находки датируются V в. до н. э.

Таким образом, выявляется район Ближнего Востока, где саркофаги изучаемого типа нашли распространение в середине I тыс. до н. э. несомненно под влиянием египетских образцов. При этом отмечается значительное упрощение в декорировке головной части гроба, сохраняющего уже слабые следы моделировки лица, прически и т. д., характерных для царских саркофагов периода Нового Египта.

Следующий этап в развитии антропоидных саркофагов связан с террито-

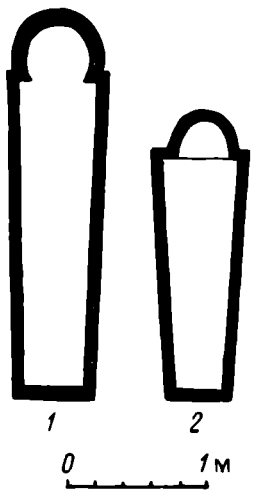


Рис. 5. Антропоидные саркофаги из Грузии. VI в.

рией Кавказа. В Грузии, в районе Сухуми и Пицунды, найдены два каменных саркофага VI в. с выступающим оголовьем (рис. 5). При раскопках Пицундского храма был обнаружен саркофаг из монолита местного камня-известняка, прямоугольной формы, с подковообразным выступающим оголовьем и четкими плечиками [24, рис. 34, *1*]. Крышка его также сделана из монолита. Интересно, что по ее краям имеются круглые углубления диаметром 2 см и глубиной 1 см (возможно, они были приспособлены для свечей). Тщательная обработка крышки указывает на то, что первоначально саркофаг находился в интерьере храма. В Абхазском государственном музее хранится саркофаг, обнаруженный в 1954 г. в Сухуми. Он изготовлен из целого куска песчаника. Это массивный ящик с выступающим оголовьем. Описанные гробы практически полностью уже утратили стиль «египетских мумий» и роднятся с ними в основном только формой выступающего оголовья с плечиками. Грузинские антропоидные саркофаги находят полные аналогии в материалах средневековой Руси, речь о которых шла выше.

На других территориях находки антропоидных саркофагов крайне редки. Можно отметить один гроб в Сербии, где он датируется IV в. н. э. [25, рис. 5], другой, франкского времени, с территории Германии [26, с. 120] При раскопках в Болгарии также зафиксирован саркофаг с полукруглым выступом в одном из торцов [27, рис. 1], относящийся к периоду Второго болгарского царства

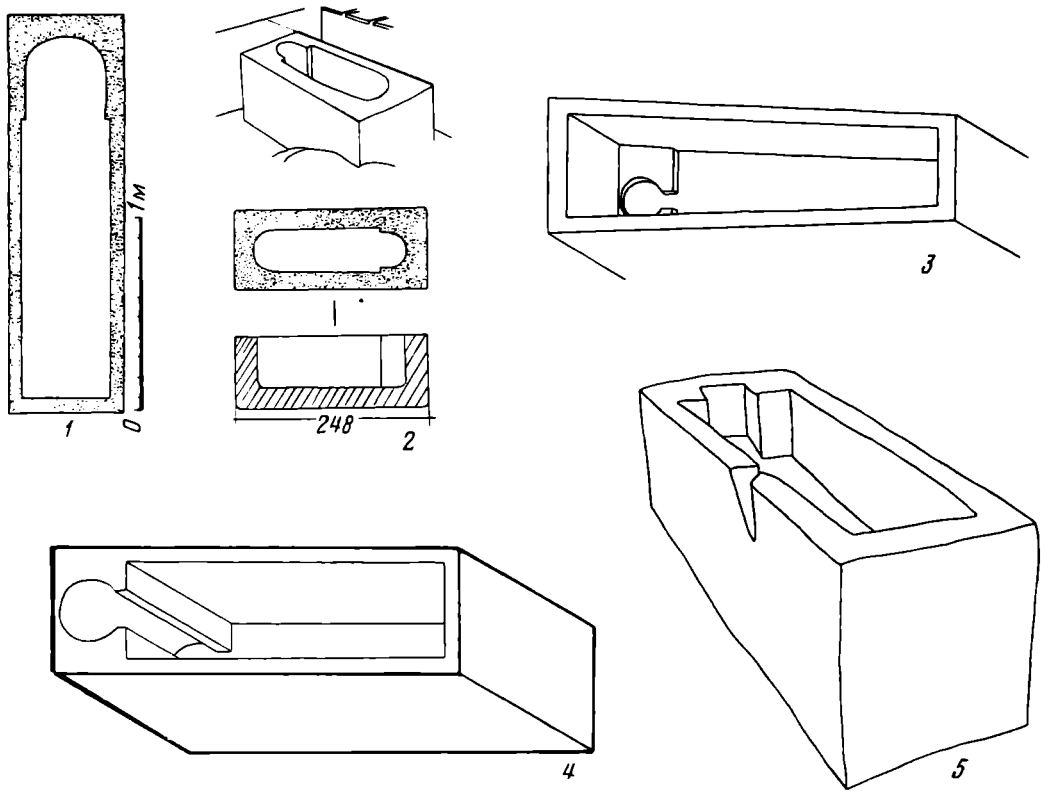


Рис. 6. Саркофаги-ящики с нишкой для головы. Западная Европа. III—VIII в.

(1187—1396 гг.). Известен антропоидный саркофаг и в средневековых материалах Франции XI—XIII вв. [28, рис. 1]

Таким образом, если проанализировать находки саркофагов антропоидного типа, то получится, что распространение их с территории Египта шло последовательно сначала на Ближний Восток и в Малую Азию, затем на Кавказ и в средневековый период на территорию Руси. Находки в Европе пока единичны, и это только подтверждает закономерность, прослеживающуюся на рассмотренном материале.

В общей сложности саркофаги антропоидного типа существовали с XVI в. до н. э. (Египет) до середины XVII в. (Русь). Эволюция, шедшая в сторону упрощения формы саркофагов этого типа, также прослеживается очень четко.

Несмотря на довольно значительные временны́е и территориальные лакуны, развитие и распространение гробов антропоидного типа через Малую Азию и Кавказ на территорию древней Руси представляется несомненным. По предварительным подсчетам, почти сотне находок на этих землях (VI—XVII вв.) противостоят четыре находки с территории Западной Европы (VI—XIII вв.).

В Европе очень широкое распространение наряду с другими получил тип саркофага-ящика с фигурным оформлением внутреннего пространства, в том числе и с нишками для головы. Именно его, как указывалось выше, здесь называют антропоидным. Самые ранние экземпляры таких гробов относятся к середине I тыс. до н. э. и отмечены на территории Финикии и Малой Азии. Два, в виде простых гладких ящиков с крышкой, были, в частности, в Сидонском комплексе [23, с. 65] В Константинополе, в монастыре Липса, где среди погребальных сооружений VI в. есть саркофаги с нишкой внутри, особое внимание привлекает двойной гроб в нартексе северной церкви [30, рис. 5, *71, 72*].

Саркофаги-ящики с нишкой для головы в I тыс. н. э. появляются на территории Западной Европы и постепенно получают широкое распространение. Один из них, датирующийся III в., отмечен в Кёльне [29, с. 58, рис. 31]. Не-

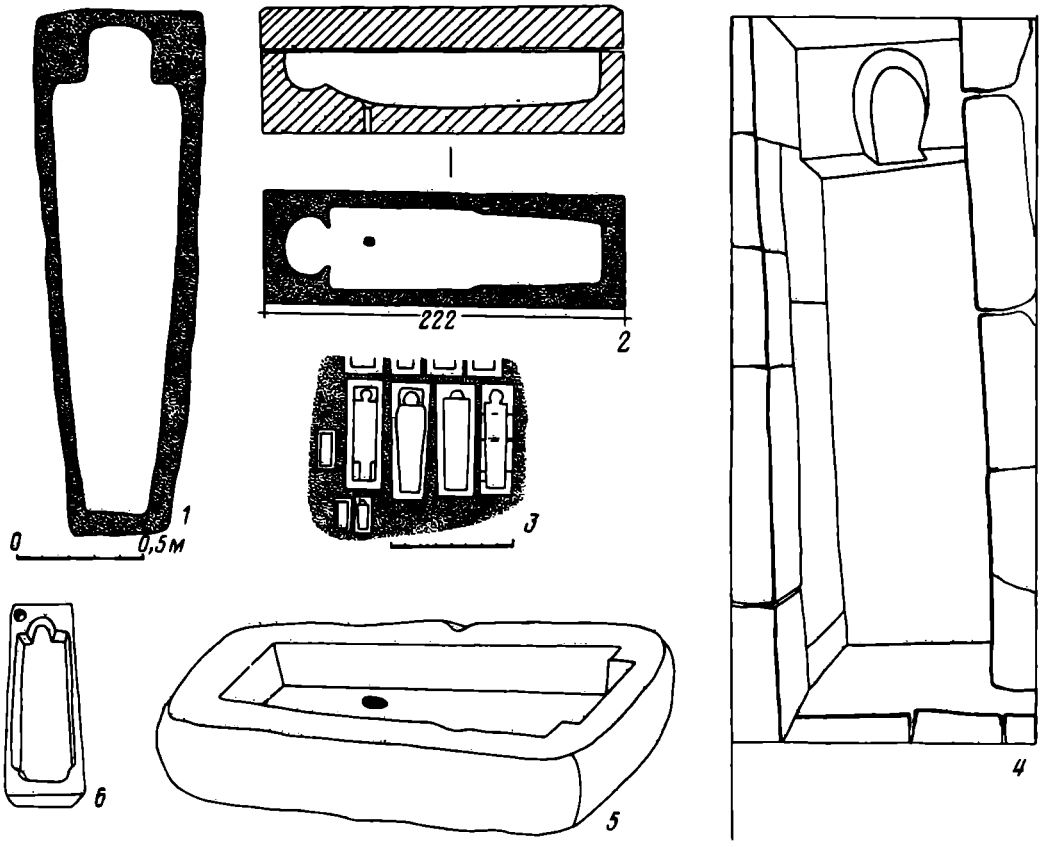


Рис. 7. Саркофаги-ящики с нишкой для головы. Западная Европа. XI—XV вв.

сколько необычно аналогичный саркофаг VI в. был использован в одном из некрополей на территории Югославии (рис. 6, *2*). Здесь в нишку с плечиками были помещены ноги погребенного [31, рис. 1] Значительное число находок зафиксировано в некрополях меровингского времени (V—VIII вв.) на территории Франции, особенно саркофагов с каменными подушками в оформленной внутри нишке для головы, как, например, в экземпляре с кладбища Визана [32, рис. 3]. Интересно, что во Франции выделяется несколько вариантов оформления головной нишки в саркофагах-ящиках. Так, в погребальном сооружении из Визана в головах просто помещена невысокая плита, в которой выбито вместилище для головы, приближающееся к кругу и имеющее узкую прорезь для шеи (рис. 6, *3*). В одном из саркофагов Монт-Андаона помещение для головы выбито в монолите (рис. 6, *4*) при устройстве внутреннего пространства гроба [32, рис. 7 *а*], а в другом это просто полукруглый выступ-нишка с плечиками и для головы, и для ног [32, рис. 7*в*] Кроме этого, нишка могла иметь и форму прямоугольника, как, например, в саркофагах из Авиньона [32, рис. 6] и из Лура [32, рис. 3], датированных VII—VIII вв. (рис. 6, *5*). Продолжают бытовать такие погребальные сооружения во Франции и в XI—XVI вв. [33, табл. XI]. Одно из них было обнаружено при исследовании церкви св. Петра на Монмартре в Париже, где датировалось рубежом XIII—XIV вв. [34, с. 45].

В средневековых материалах Англии также отмечены находки саркофагов-ящиков с нишками в головной части, например при раскопках монастыря, существовавшего в XII—XVI вв. в Вест-Мидланде [35, с. 54], при исследовании собора в Личфилде, где гробы датировались XIII—XIV вв. [36, рис. 12]. Наиболее подробно издан саркофаг, обнаруженный случайно в южном нефе собора г. Винчестера и датированный серединой XIII в. (рис. 7, *1*). Это трапециевидный ящик с прямоугольной нишкой для головы [37, рис. 2] и отверстием в днище (оно отмечено в описании находки).

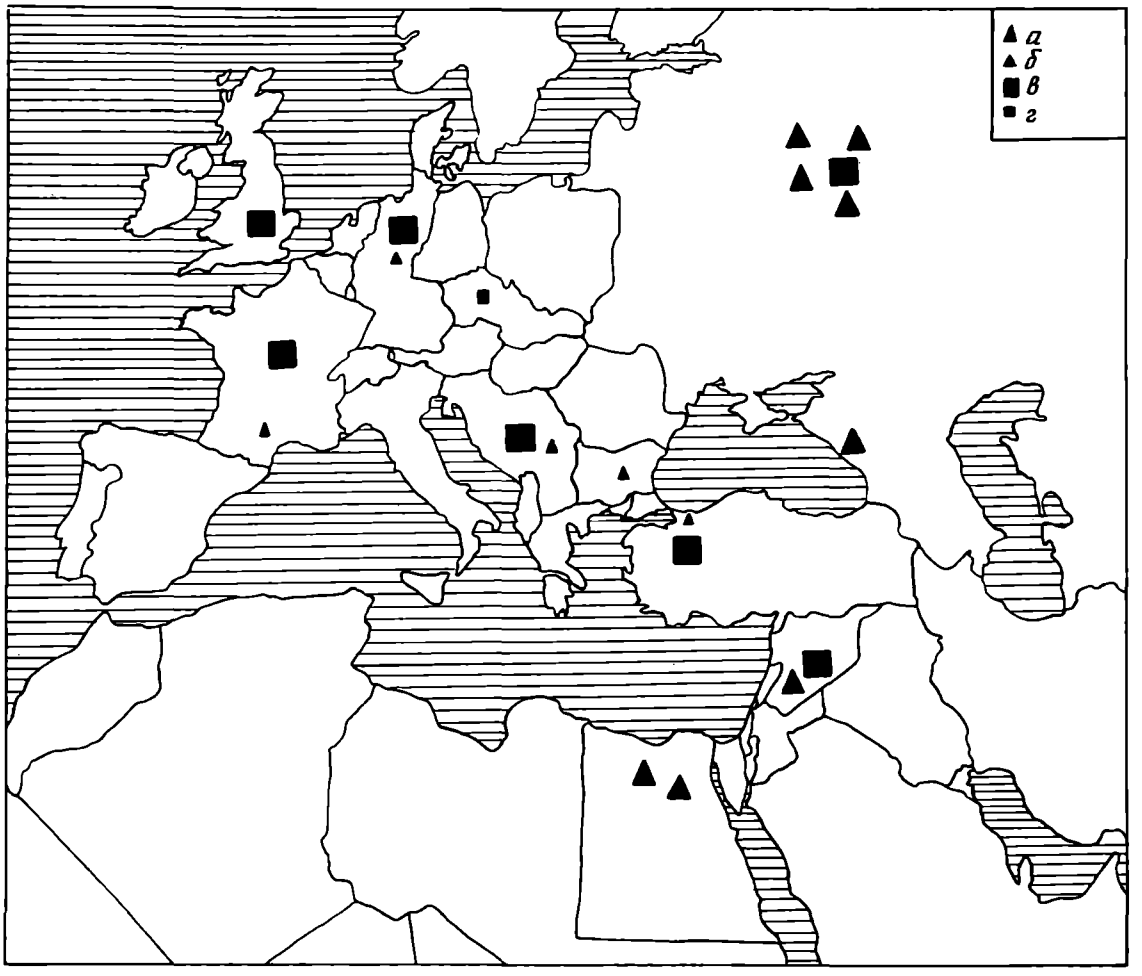


Рис. 8. Схема распространения антропоидных саркофагов и саркофагов-ящиков с нишкой для головы. *а* — антропоидные саркофаги; *б* — единичная находка такого саркофага; *в* — саркофаг-ящик с нишкой для головы; *г* — единичная находка такого саркофага

Многочисленны саркофаги-ящики с нишками на территории Германии, причем здесь для их изготовления использовали не только камень, но и дерево. Долбленые колоды зафиксированы при исследовании средневековых некрополей в Вестфалии [38, табл. XIII, рис. 1, 2—4, табл. XV, рис. 1]. В Кедлинбурге в комплексе захоронений отмечено шесть саркофагов с нишками внутри [39, рис. 246]. В одном из них (погребение аббатиссы Адельхейды 1043 г.) в днище устроено отверстие, расположенное чуть ниже плечиков (рис. 7, *2*). Большая группа аналогичных сооружений, датированная XII в., была зафиксирована при исследовании собора в Петерсберге (Галле). Нишки, почти круглые или полукруглые (рис. 7, *3*), были устроены в монолите или в блоках, вставленных в головные части саркофагов-ящиков [40, рис. 140]. Погребение начала XIII в. с блоком-вставкой, в котором выбито углубление-нишка, было найдено в базилике св. Георгия в Пражском Граде (рис. 7, *4*). Оно принадлежало аббатиссе княжне Анешке, умершей в 1228 г. [41, рис. 173]

В средневековье была продолжена традиция использования саркофагов-ящиков с нишками на Балканах и в Малой Азии. В некрополях на территории Югославии каменные саркофаги также оформлялись нишками как полукруглой, так и прямоугольной формы. Такой тип погребального сооружения, отмеченный здесь в X—XII вв., встречен и в более поздний период. Один из саркофагов найден в монастырском храме недалеко от Нового Пазара [42, рис. 39] Другой зафиксирован в Сараево (рис. 7, *5*). Он имел нишку прямоугольной формы и отверстие в днище [43, с. 26] Наиболее приближен по внутреннему оформлению к контурам человеческого тела саркофаг из Скопле, датированный

серединой XIV в. [44, рис. 1] В саркофаге Ботало (около 1400 г.) нишки устроены как в головной, так и в ножной частях гроба [45, рис. 8]. В монастыре Липса в Константинополе среди захоронений XV в. также отмечен один саркофаг с нишкой внутри [30, рис. 5].

Таким образом, четко прослеживается путь распространения данного типа саркофага-ящика. Самые ранние из них отмечены на территории Ближнего Востока. Уже в I тыс. н. э. они получают широкое бытование на европейском континенте, просуществовав здесь до XV—XVI вв. Отмечено в общей сложности более 80 находок. Как упоминалось выше, на территории средневековой Руси известно только пять саркофагов с нишками внутри, самый ранний из которых (стоящий несколько особняком) датируется 1594 г., а остальные были использованы в период с 1636 по 1659 г. Все находки сосредоточены в одном некрополе ц. Вознесения в Московском Кремле. Появление на Руси этого типа саркофага-ящика несомненно связано с западноевропейской традицией в погребальном обряде.

Как показывает впервые проведенный в исторической литературе анализ находок этих двух типов погребальных сооружений, их распространение шло разными путями и связано с разными территориями при наличии очень незначительного числа исключений из этого правила (рис. 8).

Зарубежные исследователи, например Ф. Бенуа, высказывали предположение о происхождении саркофагов антропоидного типа от «мумий» египетских фараонов [32, с. 29]. В целом верный вывод сделан был на основе незначительного числа данных I тыс. н. э., без учета всех основных известных на сегодня находок саркофагов рассматриваемых здесь двух типов на огромной территории Северной Африки, Ближнего Востока, Малой Азии, Европы. Некоторые исследователи предполагали связь формы изучаемых саркофагов с апсидами церквей, выступающими или «утопленными» в прямоугольный контур здания храма [46, с. 209; 47]. Возможно, что на отдельных территориях это оказывало влияние на окончательное сложение формы антропоидных саркофагов в христианский период. Но полностью связывать появление антропоидного типа саркофага только с влиянием архитектуры христианского времени нельзя, поскольку корни этого явления несомненно глубже, что мы и постарались показать в данной работе. Такой вывод косвенно подтверждает и вся эволюция антропоидных гробов на Руси, где длительный период (XII—XVI вв.) они никак по контурам оголовья не могут быть связаны с формами апсид церквей (рис. 1, 2).

Несмотря на то что материалов, позволяющих окончательно решить проблемы развития и распространения этого типа погребального сооружения пока недостаточно, пути проникновения его на Русь намечаются четко. Если мы вспомним к тому же о прочных и разнообразных связях с Византией как в период до внедрения православия, так и в первые века христианизации Руси, то появление антропоидных саркофагов на ее территории будет вполне объяснимо. Знаменательно также, что самый ранний антропоидный саркофаг найден был в Суздале, где располагался во второй половине XII в. двор вдовы Юрия Долгорукого княгини-гречанки из рода Комнинов (погребение принадлежало одному из сыновей Долгорукого).

Конечно, для решения всех проблем, связанных с историей антропоидного типа погребенных сооружений на Руси, необходимо выявление всех материалов в полном объеме, что еще предстоит сделать в будущем. Появление новых находок данного типа гробов позволит, несомненно, уточнить датировки изменений в форме антропоидных саркофагов из некрополей средневековых русских городов. Но уже сегодня анализ находок дает возможность определить место русских средневековых каменных гробов с выступающим оголовьем в общей схеме развития антропоидного типа погребальных сооружений, прослеживаемой на широкой территории на протяжении более трех тысяч лет.

Москва. Кремль. Некрополь ц. Вознесения. Белокаменные саркофаги (40). 1407—1645 гг. Место хранения — Архангельский собор. Наблюдения автора.

Москва. Кремль. Архангельский собор. Б/к саркофаги (4) 1582—1610 гг. *Панова Т. Д.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4. С. 113, 116.

Москва. Кремль. Успенский собор. Б/к саркофаг XVI в. Шурф у северной стены собора (в подпольном пространстве). Наблюдения автора.

Москва. Кремль. Спас-на-Бору. Б/к саркофаги (2) XIV в.// Древности Российского Государства. Отд. 1. М., 1849. С. 163.

Москва. Кремль. У Спасских ворот. Б/к саркофаги (2) начала XVII в. *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологических наблюдениях на территории Московск. Кремля в 1976 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. 6491. С. 6.

Москва. Кремль. Ц. Ризположения. Б/к саркофаги (2) XVI в. Фонд архитектурного декора. Наблюдения автора.

Москва. Зарядье. Богоявленский мон. Б/к саркофаги (3) XVI в. Материал любезно предоставлен автором раскопок Л. А. Беляевым.

Москва. Бывш. Большой Знаменский пер. Б/к саркофаг 1603 г. *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв.// НЭ. Вып. III. М., 1962. № 143. С. 219 (утрачен).

Пафнутьев-Боровский мон. Б/к саркофаг XV в. *Хворостова Е.* Пафнутьев-Боровский монастырь. Калужская область. Описание и фотофиксация шурфов в соборе Рождества XVI в.// Архив ИА АН СССР. Р-1. 4064; 1970 г. С. 8. Б/к саркофаг 1643 г. *Машков И.* Доклад о изысканиях погребений князей Репниных // Древности: Тр. МАО. Т. IV. М., 1912. С. 311.

Коломна. Спасская ц. Б/к саркофаги (2) XVII в. *Некрасов А. И.* Возникновение московского искусства. Т. I. М., 1929. С. 81. Рис. 39.

Серпухов. Высоцкий монастырь. Б/к саркофаг 1647 г. *Толмачев Е. А.* Археологические исследования на территории Высоцкого и Владычного монастырей в г. Серпухове. М., 1972// Архив ИА АН СССР. Р-1. 4473. С. 7.

Рязань. Архангельский собор. Б/к саркофаги 1637 и 1722 гг. (в последнем случае вторичное использование более раннего захоронения). *Хворостова Е. А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля. 1979 г. М., 1980 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. 7654. С. 15, 24.

Боголюбово. Б/к саркофаг, вторая половина XII в. *Воронин Н. Н.* Боголюбовский саркофаг // КСИИМК. 1947. Вып. XIV.

Суздаль. Рождественский собор. Б/к саркофаг, вторая половина XII в. *Дубынин А. Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 г.) // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 98.

Суздаль. Рождественский собор. Б/к саркофаг, первая половина XVI в. (в аркосолии). Наблюдения автора.

Суздаль.Спасо-Евфимьевский мон. Б/к саркофаги (4), первая половина XVII в. *Уваров А. С.* Сборник мелких трудов. Т. III. М., 1910. С. 28. Табл. II; *Воронин Н. Н.* Боголюбовский саркофаг // КСИИМК. 1947. Вып. XIV С. 82. Рис. 42.

Суздаль. Покровский монастырь. Покровский соб. Б/к саркофаг XVI в. Отчет об археологических разведках, проведенных П. И. Куглюковским в Суздале. 1972//Архив ИА АН СССР. Р-1. 4899. С. 8. Рис. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древности Российского государства. М., 1849. Отд. 1.
2. *Дубынин А. Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940) // КСИИМК. 1945. Вып. XI.
3. *Воронин Н. Н.* Боголюбовский саркофаг (к вопросу о княжеских погребениях XII—XIV вв.// КСИИМК. 1947 Вып. XIV
4. *Дубынин А. Ф.* Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г.//КСИИМК. 1960. Вып. 79.
5. *Харитонов Г В.* Отчет Калининского отряда Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5168.
6. *Макаров Н. А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. 1981. № 2.
7. *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. 1946. Т. VIII.
8. *Орлов С. Н.* Отчет по раскопкам и исследованиям руин Аркажского монастыря под Новгородом, проведенным летом 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2440.
9. *Макаренко М.* Чернигивський Спас. Археологични дослиди року 1923. Киев, 1929.
10. *Мовчан И. И.* Археологични дослидження на Видубичах.//«Стародавний Киев». Киев, 1975.
11. *Рыбаков Б. А.* Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3832.
12. *Smith G. E.* The tomb of queen Tiyi. L., 1910.
13. *Картер Г.* Гробница Тутанхамона. М., 1959.
14. *Гесс Ф. Ф.* Ушебти и саркофаги к ним Эрмитажа и музея изящных искусств // ИРАИМК. Л., 1924. Т. III.

15. Das Grab des Tjanuni. Theben N 74//Archäologische Veröffentlichungen. B. 19. Mainz, 1977.
16. *Smith G. E.* Tomb of Thoutmosis IV Westminster. 1904.
17. *Simpson W K.* Expedition to Nubia // Archaeology. 1965. V 14. № 3.
18. *Peck W H.* Ancient Art in Detroit // Archaeology. 1978. V. 31. № 3.
19. Egyptian Mummy Undergoes Tests at Mayo Clinik // Archaeology 1984. V 37. № 1.
20. *Dodson O. H.* The revival of a Laggard // Archeology. 1969. V 22. № 2.
21. *Parlasca K.* A painted Egyptian Mummy Shoroud of the roman period // Archaeology. 1963. V. 16. № 4.
22. *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
23. *Уварова П. С.* Саркофаги Оттоманского музея // Древности: Тр. МАО. М., 1907. Т. XXI. Вып. 2.
24. *Лордкипанидзе Г А., Агрба В. В.* Раскопки на территории комплекса Пицундского храма. Археологические открытия 1981 г. в Абхазии. Тбилиси, 1982.
25. *Nikolaevic J.* Grabanlagen und Begräbniskulte in Moesien aus Frühchristlicher zeit // JOB. 1980. B. 29.
26. *Kraus F. X.* Kunst und altertum in Elsass-Lothringen. V. 1. Strassburg, 1877.
27. *Димова В., Георгиева С.* Църква № 1 в средневековния град Червен // Археология. 1967. С. 1.
28. *Boule J.* Les sarkopfages paleochretiens de Martres-Tolosane // Cahiers archeologiques. 1957. V. IX.
29. Римское искусство и культура. Выставка римско-германского музея г. Кёльна в музее ИЗО им. Пушкина, Москва, и в Государственном Эрмитаже, Ленинград. Кёльн, 1984.
30. *Macridy T* The monastery of Lips and the Burials of the Paleologie // DOP. 1964. V. 18.
31. *Мано-Зиси Д.* Нова базилика у Цариничином Граду // Старинар. орган археолошког института. Нова серия. Београд, 1959. Кн. IX—X. 1958—59.
32. *Benoit F.* Le sarcophage de Lurs en Provence // Cahiers archeologiques. 1959. V X.
33. *Leciejewicz L., Pesez J. M., Rulewicz M., Tabaczinski S.* Sur le levezon I etablissement medieval de Saint-Jean-le-Frid // Archeologia du village deserte. P., 1970. V. 1—2.
34. *Joung B. K.* Monmartre. The History of a Hill // Archeology. 1979. V. 32. № 6.
35. *Dafty A. R.* Lichfield catedral // Archaeological Journal. 1963. V. 120.
36. *Hirst S., Walsh D. A.* Excavations at Bordesley Abby, England // Archaeology. 1979. V. 32. № 1.
37. *Ottaway P.* A Burial from the South Aisle of Winchester Cathedral // Archaeological Journal. 1982. V 139.
38. *Landois H., Vormann B.* Westfälische Todtenbäume und Baumsargmenschen // Archiv. für Antropologie. Braunschweig, 1887. № 17.
39. *Wäscher H.* Der Burgberg in Quodlinburg. B., 1959.
40. *Otte D. H.* Handbuch der Kirchlichen Kunst-Archäologie des deutschen Mittelalters. Lpz, 1883. B. 1.
41. *Borkovsky J.* Svatojirska bazilika a klaster na Prazskem hrade. Praha, 1975.
42. *Милошевић Д., Нешковић.* Турневи ступови. Београд, 1983.
43. *Sergejevskij D.* Archeoloski nalazi u Sarajevu i okolici//Гласник Земальског музеја у Сарајеву. Нова серия. 1947. Т. II.
44. *Димитриоска G.* Прилог кон проучуванье на средневековно Скопје // Археолошки музей на Македония. Зборник (1979—82). Скопје, 1983.
45. *Kojic L., Wenrel M.* Medieval glass found in Jugoslavia //J. Glass Studies. 1967. V. IX.
46. *Хрушкова Л. Г* Раннехристианские саркофаги из Абхазии // ВВ. М., 1984. Т. 45.
47. *Grabar A.* Observation sur l'arc de triomphe de la croix dit arc d'Eginhard et sur d'autres bases de la croix // Cahiers archeologuques. 1978. V XXVII.

Государственные музеи
Московского Кремля

T. D. PANOVA

THE STONE SARCOFAGI OF ANTHROPOMORGIC TYPE

In the article a number of stone burial constructions of the anthropomorphic type from Russian Mediaeval towns are analysed (70 pieces). The earliest of them are dated to the second half of the 12th century. They were discovered in the territory of Vladimir-Suzdal principality. This form of coffins spread widely in the 14th-17th centuries in Moscow and its vicinities, where it is noticed mainly in the grand princes' and tsars' sepulchres. Some changes in the head part of the sarcophagi are determined by their chronology. Among the detailes stone «pillows» and holes in the bottoms were noticed. The anthropomorphic burial constructions were used as early as the New Kingdom of the ancient Egypt. Such coffins were mentioned in the Ist mill. B. C. by Herodotus. Gradually they spread in the Near East (Syria, Lebanon) and in the Ist mill. A. D. they existed in Asia Minor, the Balkans and the Caucasus. They became popular in Russia during the 12th-17th centuries. The analysis of the anthropomorphic coffins proves that they should not be mixed with those in the form of a box with the inner niche for a head which were used in the Western Europe. Each of these types had its own way of development. The emergance of the anthropomorphic coffins is connected with some burial tralditions which were practiced in the Black sea area. The connections with these territory were typical for the period of the initial christianity in ancient Russia.

Дискуссии

От редколлегии

Продолжаем публикацию материалов дискуссии о предмете археологии, ее статусе как науки (СА, 1983, № 3; СА, 1989, № 3). Публикуемая статья Л. С. Клейна является ответом оппонентам на критику его концепции. Не исключено, что оппоненты Л. С. Клейна, в свою очередь, посчитают нужным ответить ему. Это естественно, поскольку речь идет о такой форме обсуждения, как дискуссия. В этих условиях важно привлечение к обсуждению дискутируемых проблем новых участников. В этом отношении, как полагаем, заслуживает внимания публикуемая статья Е. Д. Гражданникова и Ю. П. Холюшкина, которая с иных позиций предлагает решение проблемы статуса археологии как науки. Примечательно при этом, что ее авторы считают, что предложенное ими решение проблемы является окончательным и поэтому отпадает необходимость в ее дальнейшем дискуссионном рассмотрении. Непосредственно с проблемой предмета археологии тесно связана остро дискутируемая в литературе проблема характера археологических источников. Последней посвящена публикуемая статья А. М. Буровского. Интересному аспекту археологических исследований посвящена статья Ю. Л. Щаповой, в которой идет речь о сближении наук, переносе и синтезе представлений, сложившихся в разных, казалось бы весьма далеких друг от друга науках. Так, в частности, прилагая к древним вещам системогенетический метод, принятый в биологии, автор демонстрирует потенциальные возможности выхода на общеисторические проблемы, например понимание эволюции техники в древности и другие.

Л. С. КЛЕЙН

В ЗАЩИТУ «ЧИСТОЙ АРХЕОЛОГИИ»

Не много, что двое, а много,
что на одного.
Русская народная пословица

Казалось бы, обычная теоретическая полемика или, быть может, обычный обмен нападками (нередко это одно и то же). Несколько лет назад в журнале появилась моя критическая рецензия [1] на книгу В. Ф. Генинга. В ответ этот автор и во многом согласный с ним Ю. Н. Захарук, тоже задетый моей критикой, выступили со статьями в том же журнале [2, 3] против моей рецензии, да заодно и против других моих работ. Откровенно говоря, услышав про этот залп и увидев статьи, я подумал: а стоит ли отвечать? Свои взгляды я уже высказал, мои оппоненты — тоже, следом за мною и раньше. Нового и существенного в их статьях я не нашел. Кроме того, я не охотник упражняться

© Л. С. Клейн, 1991 г.

в марксистской схоластике. Да и читатели, по-видимому, тоже: надоело. Вряд ли многие дочитают статьи моих оппонентов до конца.

Но коль скоро речь идет обо мне, я, конечно, дочитал. Даже перечитал. А перечитав, изменил свое намерение. Оба автора отстаивают свое понимание предмета археологии, точнее, господствующую концепцию археологии. Еще господствующую. И на мой взгляд, представляет всеобщий интерес, как они это делают, к какой аргументации прибегают. Потому что перед нами два виднейших представителя этой еще господствующей концепции, и если у них нет других аргументов, кроме тех, к которым они прибегают, то это лучшее доказательство кризиса концепции, ее несостоятельности. Говоря об их *аргументах,* я невольно повышаю статус их высказываний. Правильнее было бы говорить об их *средствах полемики.*

В театре есть такой технический прием. Когда нужно создать на сцене впечатление оживленного разговора, но так, чтобы нельзя было разобрать отдельных речений, всем артистам велят произносить вразнобой одну и ту же фразу: «Что сказать, когда нечего говорить?» Мои критики, похоже, оказались именно в такой ситуации. Они хотят создать впечатление ученой полемики, острой борьбы, а сказать им в сущности нечего. Вот они и задают то и дело риторические вопросы, цепляются к словам, провозглашают застарелые лозунги, но если вслушаться, то в этом гуле проступает одна и та же фраза: «Что сказать, когда нечего говорить?».

Обратимся к текстам. В своих работах (не только в рецензии) я отстаивал ограниченность задач археологии, неправомерность решать только ее средствами, в ее рамках широкие исторические проблемы, необходимость синтеза разных видов источников и неизбежность становления особой науки (или наук) синтеза. Одним из отправных пунктов для меня служила (и служит) односторонность археологических источников, их фрагментированность и лакунарность. Эту посылку, признает Ю. Н. Захарук, «оспаривать... не приходится» [2, с. 208]. Не оспаривает он также «односторонность и ограниченность реконструкции прошлого на основе каких-либо *одних* источников». Но к характеристике археологических источников я добавлял также, что «информация о прошлом в них преобразована, искажена». Ю. Н. Захарук же продолжает свою мысль так: «Однако из этого никак не следует, что реконструировать прошлое на основании археологических источников (тут пропущено слово „одних"! — *Л. К.*) опасно и что такая реконструкция будет *искаженной* и *недостоверной.* Не только археологические, но и все другие виды исторических источников каждый по-своему — односторонни и неполны. Но это никак не значит, что они недостоверны и искажают исторический процесс». Да ведь я же показывал на конкретных примерах, что в каждом виде источников информация зачастую преобразована и искажена [4, с. 40, 41, 54—56, 105; 5] Сама неполнота — уже искажение правды. В заключение своих рассуждений Ю. Н. Захарук приводит свой коронный аргумент: «Если бы это было так, то они лишились бы статуса исторических источников» [2, с. 208]

Нет, не лишились бы. Как в суде: искажающие истину свидетельства — тоже свидетельства, из их сопоставления и исследования судья извлекает истину.

Полагая, что я уже повергнут, Ю. Н. Захарук добивает лежащего: «... парадоксально вслед за Л. С. Клейном полагать, что искажающие социальное прошлое исторические источники в совокупности обретают статус источников исторических» [2, с. 208]. То есть парадокс можно сформулировать так: по отдельности — искажают, а в совокупности — нет?! Но ведь в этом и состоит суть синтеза. Подчеркиваю: не просто взаимодополнительности, а синтеза, включающего исправление и переработку.

Далее Ю. Н. Захарук переходит к моему утверждению, что «только одна из этих наук» (изучающих разные виды источников) «в силу специфики своих источников, очень разносторонних и имеющих один код с историей, вправе (и то в определенных границах) реконструировать весь исторический процесс — та,

что ведает письменными источниками». Строгий критик тут как тут с недоуменными вопросами: «Благодаря какой именно специфике письменные источники обретают привилегию на реконструкцию исторического процесса? (А разве я это не указал? — *Л. К.*). В чем особая разносторонность письменных источников?»... «В определенных границах» — «в каких именно?» [2, с. 208]. Оказывается, нужно доказывать, что письменные источники более разносторонни, охватывают более широкий спектр явлений, чем археологические или, скажем, антропологические. Надо доказывать, что реконструкции на основе письменных источников тоже возможны лишь в определенных границах, хотя бы хронологических (письменные источники ведь существуют только со времени изобретения письменности). Кому я должен все это разъяснять?

Задав все эти вопросы, Ю. Н. Захарук приводит изречение двух академиков о том, что приоритет одной из исторических дисциплин могут отстаивать «только недалекие люди». Он явно относит этот эпитет ко мне. Забавно.

Прочтя мое парадоксальное утверждение, что в «исторических источниках» нет исторической информации, Ю. Н. Захарук тут же ловит меня на противоречии: я ведь признаю, что исторические источники — это объекты, «содержащие информацию о прошлом». Как же так, изумляется мой критик: «Если Л. С. Клейн считает, что исторический источник действительно содержит историческую информацию, то к чему сама постановка парадоксального вопроса об исторических источниках без исторической информации?» [2, с. 209]. Да где же я утверждал, что исторические источники содержат *историческую информацию*? Я утверждал лишь, что они содержат *информацию о прошлом*, и тщательно растолковывал, почему не всякая информация о прошлом есть историческая информация» [4, с. 24, 25, 32—37].

Уловив как будто еще одно противоречие в моих трактовках — одной ли науке я отвожу задачу синтеза источников или двум (истории и преистории), Ю. Н. Захарук долго, на все лады обыгрывает эту деталь [2, с. 209, 210, 213, 214]. Да; в начале текста, решая вопрос в принципе, я говорю о том, что источниковедческие дисциплины работают на одну науку синтеза — историю, а потом добавляю, что для ранних этапов рядом с ней в этой роли можно поставить еще одну науку — преисторию. Вот и все противоречие. Являются ли история и преистория двумя частями одной науки (или иначе: входит ли преистория в историю) или это две родственные науки, все же качественно различные, это вопрос особый.

Ю. Н. Захарук упрекает меня за упоминание того факта, что Маркс и Энгельс не чурались термина «доистория», «преистория». Факт этот не играл у меня роли аргумента, Ю. Н. Захарук же трактует его именно так: если бы Маркс и Энгельс действительно упоминали *науку* преисторию — ну, тогда иное дело, но ведь не упоминали! Они называли этим термином только эпоху, а не науку, ее изучающую. Да, это так. Они говорили об истории и о доистории, преистории (Vorgeschichte). У нас как-то забыто это словоупотребление, вытесненное его длинным переводом — словосочетанием «история первобытного общества» (кстати, называем так и эпоху, и отрасль науки). В мировой же практике словоупотребление, применявшееся и классиками марксизма, сохранилось, а с течением времени, когда сформировались и дисциплины, нацеленные на изучение этих двух эпох, в частности и синтетическая дисциплина, изучающая преисторию, термин стал применяться и к ее обозначению. Подобно тому как термин «история» применяется к обозначению тоже двух объектов — исторического процесса и науки, его изучающей. У Маркса и Энгельса этой двузначности термин «преистория» еще не имел. Только и всего.

Ю. Н. Захарук согласен со мной в том, что источники каждого вида «слишком специфичны» и что это ведет к специфике методов их изучения. Из этого «бесспорного положения» Ю. Н. Захарук логически выводит заключение о том, что и реконструкция социального прошлого на базе каждого вида источников обладает своей спецификой и требует особых методов изучения, особых

навыков. Отсюда он выводит, что этим и должен заниматься специалист по данному виду источников и что невозможно объединить все эти операции в какой-то особой науке синтеза. «Если овладение этими специальными знанием и методами исторических реконструкций не входит в предметную область исследования каждой частной исторической науки, закономерно возникает вопрос о том, *каким образом* это удается одной или двум синтетическим наукам, имеющим дело со *всем разнообразием* специфических исторических источников?» [2, с. 210].

Да ведь в том-то и дело, что история как наука синтеза имеет дело не с сырыми, а с *препарированными* археологическими и другими источниками, приведенными к единому облику исторических источников, с *выводами* источниковедческих дисциплин. Это и придает ей свою специфику науки междисциплинарного синтеза. Иначе «сколько было бы историй, и все однобокие и искажающие!» — «Напрасное беспокойство,— отвечает Ю. Н. Захарук.— Разные виды исторических источников отражают, как известно, не различные, а *одну и ту же, единственную историю*» [2, с. 210] Итак, Ю. Н. Захарук твердо убежден, что у археологии один предмет с историей, раз исторический процесс один.

А вот Маркс, если уж на него ссылаться, говорил: «Глазом предмет воспринимается иначе, чем ухом, и предмет глаза — иной, чем предмет уха» (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. изд. 2-е Т. 42. С. 127 М., 1974).

Использование любой источниковедческой наукой сырых источников не своих, другого вида, и сам Ю. Н. Захарук не приемлет, а использование добытой из них информации не отвергаю и я — есть работы, в которых я специально останавливаюсь на этом вопросе, критикуя методический пуризм [6, 7] Но ведь нельзя считать, что эти «вылазки» и есть синтез источников. Синтез — это другое.

Ю. Н. Захарук обижен за все направление «археологии как истории»: «Какой примитивной, антинаучной по существу выглядит в представлении Л. С. Клейна концепция археологии, „возведенной в историю“» [2, с. 213] Что же делать, коли я такой ее вижу? У Ю. Н. Захарука припасен убийственный аргумент против такой ее оценки: «В самом деле, если концепция археологии как исторической науки выглядит столь неприглядной, обанкротившейся, чем объяснить, что эта концепция стала, по Л. С. Клейну, *господствующей* в советской археологической науке?» [2, с. 213] Ах, Юрий Николаевич, мало ли какие силы в нашей жизни становились господствующими отнюдь не благодаря своим достоинствам и достижениям, а несмотря на отсутствие таковых!

В. Ф. Генинг, книга которого непосредственно и была объектом моей критики, обижается еще больше — и, конечно, за всю советскую археологию. Тон его ответу задает следующая ключевая фраза: «Клейн выступает„против историзма археологии“, вопроса, который нам (! — *Л. К.*) казался уже давно не дискуссионным и решенным для советской археологии самой жизнью» [3, с. 215] Что же, многие устои, гораздо более основополагающие, еще недавно казались недискуссионными, неприкосновенными, а теперь очутились под огнем уничтожающей критики, поколеблены и даже сметены. И тоже «самой жизнью». Я только раньше других поставил некоторые архаичные устои под вопрос. «Л. С. Клейн свободно отметает любые, даже самые фундаментальные положения марксистской исторической, в том числе (автор хотел сказать: в частности.— *Л. К.*) и археологической науки» [3, с. 216] Ну, «любые» — это для красного словца, но в общем верно, «отметает», «свободно». Свободно! — вот в чем криминал. Мы с В. Ф. Генингом очень по-разному понимаем марксизм, его сущность, роль, развитие и границы применимости. Историзм мы тоже на практике понимаем по-разному: я — как принцип развития, он — как принадлежность к истории (научной дисциплине).

Мою критику своей книги В. Ф. Генинг не считает корректной, «поскольку Л. С. Клейн позволяет себе выдергивать цитаты и вольно их толковать» [3,

с. 215]. Это было бы серьезным грехом, если бы нашло подтверждение. Но В. Ф. Генинг приводит только один пример, и, право же, стоит его рассмотреть. В книге В. Ф. Генинга есть такая фраза: «Археология изучает преимущественно ранние формации...» По Геннингу, это, конечно, оговорка. Но на мой взгляд, эта оговорка очень показательна для В. Ф. Генинга: он ведь издавна все выявляемые археологией процессы старательно раскладывает по социально-экономическим формациям и рассматривает материалы уложенными в рамки формаций. У него даже этнос и археологические культуры сменяются по формациям [8; 9, с. 176, 178] В своем ответе В. Ф. Генинг сетует на мои замечания по этой фразе: зря, мол, я пенял ему, что формациями должна заниматься не археология, а политэкономия и смежные с нею науки. Я-де вырвал его фразу из контекста. Он приводит полностью этот контекст (не стану полностью повторять цитату — читатель найдет ее в статье В. Ф. Генинга [3, с. 216].) Содержится ли там иной смысл?

Там сказано, что «общественно-экономическая формация» — это философская категория, а «исторический аспект» ее «будет иметь несколько иное содержание» и что некоторые авторы предлагают считать категорией исторической науки понятие «эпоха общественно-экономической формации». А изучаемые, по В. Ф. Генингу, археологией «закономерности развития каждого общества определяются прежде всего ступенью общественно-экономической структуры в пределах определенной формации...» [3, с. 216]. В пределах формации... То есть закономерность истории, и «в том числе» археологии, определяются формациями, материал надо группировать по формациям, археологическую периодизацию сводить к формациям, изучать (материал, конечно, а не сами формации) систематизированным в формации... То есть все-таки видеть в этом материале непосредственно формации. Для археологии — ранние. Что в лоб, что по лбу! Так вырвана ли оплошная фраза из контекста или она правомерно взята мною для адекватной характеристики взглядов В. Ф. Генинга?

Течение, которое В. Ф. Генинг отстаивает, он назовет социологическим и возмущается тем, что «Л. С. Клейн старательно не употребляет данный термин» [3, с. 215] Данный термин я не применяю к концепции В. Ф. Генинга потому, что социологической она, по-моему, все же не является, несмотря на социологическую фразеологию В. Ф. Генинга и его пристрастие к формациям. Течение это ориентируется на «социологизаторские увлечения» советских археологов 20-х и 30-х годов, это верно, однако само это течение, трактующее археологию как «историю, вооруженную лопатой» и обычно прослеживающее конкретный исторический процесс, соответствует той школе, той концепции, которую я (вместе с двумя соавторами) охарактеризовали как «археологическую историю» (из семи концепций, или направлений, она идет у нас под номером один [10]). Чтобы было яснее, в чем суть различий, добавлю, что «археологической социологией» я именовал там (под номером три) концепцию, представленную на Западе Р. Дж. Бредвудом, Р. М. Адамсом и «Новой археологией», а у нас — школой В. М. Массона. Они действительно прилагали к археологическому материалу социологические модели, а не просто ярлыки. У В. Ф. Генинга не так уж много общего с этой «археологической социологией», хотя кое-что общее все-таки есть. Оба течения я включил в одну большую группу, а наше течение (еще с тремя) — в другую. Общим для тех течений является убеждение в том, что исторический процесс отражается в археологических материалах непосредственно, тогда как, с моей точки зрения, он отражается в них главным образом через посредника. Этот посредник — культура.

Такое различие взглядов сказывается на трактовке артефакта. По В. Ф. Генингу, артефакт — «универсальный неделимый элемент социальной деятельности» [3, с. 223]. Для меня как археолога артефакт делим, не универсален и не определим иначе, как через культуру. Без представления о культуре, о культурных традициях и образах не отделить палеолитических орудий от случайных обломков камня [2, с. 218; 4, с. 83, 84].

Из-за этого В. Ф. Генинг числит меня по ведомству «культурархеологии». Сия формация мне неизвестна, но у В. Ф. Генинга она существует. Он неустанно воюет с «культурархеологией» и он же полагает, что это я воюю с «ветряными мельницами»... [3, с. 217]

Очень упирает В. Ф. Генинг на то, что Л. С. Клейн ограничивает археологию эмпирическим уровнем познания (подтекст: а еще слывет теоретиком! И другой подтекст: археологи, возмутитесь — Л. С. Клейн лишает вас возможности выйти в теоретики! И третий подтекст: что за наука без теории?). У Л. С. Клейна, указывает В. Ф. Генинг, археология начинается с вещей и заканчивается системами и процессом, причем культурным, а не историческим. Для В. Ф. Генинга этим уже все сказано, поскольку для него системы и процессы, помимо исторического, не могут быть предметом теории. Итак, у Л. С. Клейна археология оперирует «с вещами для получения первичной информации, а это и есть эмпирический уровень археологического знания» [3, с. 217] Quod erat demonstrandum.

Мы, видимо, по-разному понимаем различие между теорией и эмпирикой. В. Ф. Генинг явно меряет теоретичность удаленностью от источников: занимаешься вещами — эмпирик, выявил их связи, системы, проследил процессы их изменения, установил закономерности этого изменения — все еще эмпирик, а вот сделал историческую интерпретацию — готов теоретик. Я же считаю, что во всем этом возможны и эмпирика, и теория, ибо эмпирик выявляет конкретные факты (любой степени обобщенности [11] и в любой сфере — в археологии или в истории), а теоретик строит идеальные объекты и соотносит их с фактами (опять же в любой сфере и в любом масштабе, хотя бы и относительно нескольких конкретных археологических находок [12—14] Поэтому я продолжаю считать, что мой труд «Археологическая типология» [15], хоть и начисто лишенный «исторических выводов», есть тем не менее труд теоретический, и все это интуитивно понимают.

Вместо того чтобы опровергнуть это утверждение и тем обосновать свою идею, В. Ф. Генинг подменяет опровержение качественной оценкой моего труда: старается доказать, что труд вообще плохой. Может быть, и плохой, но и в этом случае он остается теоретическим трудом — плохим теоретическим трудом.

Кстати, и этого В. Ф. Генинг не доказал, даже эффектной разгромной цитатой [3, с. 221] из немецкой рецензии на мой труд [16] [1], потому что рецензент критиковал не столько мой труд, сколько его перевод на английский язык, и предлагал издать рукопись заново (было бы странно предлагать переиздание плохого труда!). С этой книгой меня действительно постигла неудача. Когда книга готовилась к изданию, я был полностью отрезан от науки и коллег, лишен связи с издательством и не мог откорректировать перевод. Оксфордская же переводчица совершенно не знала археологию и неважно владела русским языком. Даже брошюра с основными исправлениями, приложенная позже к каждому экземпляру книги, не исправила положения. Тем не менее, как ни странно, есть и положительные отзывы — тех, кто пробился к смыслу сквозь отчаянно скверный перевод. Французский рецензент счел, что это «наверняка самый важный вклад в типологические исследования со времени „Аналитической археологии“ Д. Кларка» [17, с. 100] В послесловии к переводу моей «Археологической типологии» на словенский язык [18, с. 572] Б. Джурич расценил вклад автора в археологическую систематику как «velikanski» (привожу эту оценку только для контраста).

Своим кивком на неудачу с переводом В. Ф. Генинг, вероятно, хотел

---

[1] Между прочим, ознакомившись с этой цитатой из западногерманского ежегодника, В. Ф. Генинг настолько увлекся (или настолько не разобрался в титульном листе), что перепутал название ежегодника с обозначением издающей организации: сослался на «Рейнский Краевой музей» — нет такого издания! Ежегодник называется «Боннер Ярбюхер» («Боннские ежегодники») — хорошо известное археологам издание.

бросить тень на сам труд. По-человечески его злорадство понятно, но все же оно не украшает ученого. А главное, не укрепляет его аргументацию.

Размышления привели меня к мысли, что, так сказать, социальной базой «археологической истории» (для Генинга «социологической археологии») является в числе прочего дилетантизм многих археологов в нашей стране, отсутствие у них должной профессиональной подготовки. Это очень уязвило моих оппонентов, но опровержения фактов не последовало. В. Ф. Генинг лишь возмущается и, так сказать, переводит стрелку: «Неужели Л. С. Клейн действительно считает широкую историческую подготовку специалиста помехой...?» [3, с. 217]. Ну зачем же так, Владимир Федорович? Широкая историческая подготовка — дело хорошее, она и этнографу, и антропологу, и даже медику не вредна. Да ведь не пойдете же Вы лечиться к врачу, если у него не будет другой подготовки, кроме исторической, хотя бы и широкой? По утверждению В. Ф. Генинга, Л. С. Клейн выставляет «сторонников социологической археологии простаками» [3, с. 217]. Простаками они, увы, выставляют себя сами. К этому их приводит избранная ими тактика в полемике.

Полемические приемы В. Ф. Генинга — те же, что у Ю. Н. Захарука. В. Ф. Генинг ищет различия между формулировками моих ранних и поздних работ и играет на незначительных расхождениях. Как и Ю. Н. Захарук, он засыпает меня педантичными вопросами. Согласно моим утверждениям, у археологии существуют специфические методы. «Какие?» — тотчас прерывает меня оппонент. Я продолжаю: «В ней есть также причинно-следственные механизмы и закономерности».— «Какие?»— настаивает оппонент [3, с. 221]. (Как будто я их не указывал!) Я говорю о том, что в предмете археологии можно различать три уровня глубины. «Глубины чего?» — подлавливает меня В. Ф. Генинг [3, с. 219]. Отвечаю: предмета.

Я утверждал, что реконструированная материальная культура в отличие от культуры живой не составляет целостной системы, ибо выделяется по второстепенным признакам — по тем, которые сохранились случайно. «Если выделение... по второстепенным признакам, то где главные признаки,— недоумевает В. Ф. Генинг,— почему их не используют исследователи?» [3, с. 219]. Господи, да потому, что главные признаки не сохранились, неужели не ясно?

Чтобы подчеркнуть неполноту источников археологии, я спрашивал, может ли археология изучать «музыку (не просто музыкальные инструменты)». В. Ф. Генинг комментирует это таким образом: «А возможно ли изучать ремесло или земледелие, а не просто инструменты ремесла или земледелия?» [3, с. 216]. Но Владимир Федорович, неужели Вы в самом деле не видите различия между изучением системы и одного из элементов системы? Ну что ж, у меня есть и некоторое музыкальное образование (изучал даже историю музыки), и поэтому могу сказать: музыку изучают в музыкальной школе и консерватории, а музыкальные инструменты — в соответствующем ремесленном училище и в техническом вузе. Это разные дисциплины. Аналогичным образом обстоит дело и с земледелием, и даже с археологией: специалисты по ее инструментам — одно, по ней самой — нечто совсем иное.

Мне все же кажется, что мои оппоненты лишь притворяются простаками. Просто у них нет другого выхода. Вот они и вынуждены изощряться в натужном крючкотворстве и риторике.

Оба автора не забывают все время элегантно, мимоходом подчеркивать, что они в большинстве, что их точка зрения господствует, что они легко найдут приверженцев: «Кстати, к такому выводу фактически пришли и другие археологи» — и ссылка на несколько коллективных работ [3, с. 217]. Да, их и в журнале двое. Но перефразируя народную пословицу, поставленную здесь эпиграфом, можно сказать: не то мало, что двое, а то, что в их арсенале нет современных и плодотворных теоретических идей.

«В чем порок концепции Л. С. Клейна? — подтытоживает В. Ф. Генинг.— Прежде всего в том, что он упорно не желает выпускать археологию за

пределы оперирования узкоархеологическими понятиями, отстаивая взгляды культурархеологии... Он назвал эту позицию — „держаться в строгих границах археологии", а я — „чистой археологией", соответствующей эмпирическому уровню исследований» [3, с. 224].

В. Ф. Генинг, похоже, живет настроениями тех еще времен, когда «голое вещеведение» было ходячим ругательством, а «чистая археология» (все же, видимо, более широкая, чем «голое вещеведение») ассоциировалась с такими одиозными тогда кличками, как «чистое искусство», «чистая наука». Ну, что ж. Пусть мы будем сторонниками «чистой археологии», согласен. В парных оппозициях «чистые — нечистые», «чистые — грязные» мы занимаем лучшую часть.

Осознав специфику археологических источников, «чистая археология» ратует за статус самостоятельной источниковедческой дисциплины, за собственную методику исследований, которая бы позволила противостоять «нечистым» искушениям и соблазнам. «Чистая археология» — это строгая наука, а «грязная археология» легко становится служанкой политической конъюнктуры.

Справедливости ради, должен отметить, что кое в чем критика моих высказываний верна. Я писал, что изучение письменных источников реконструирует историографическую традицию, как археология — развитие и смену культур. Таким образом, я под историографической традицией имел в виду историю текстов, непосредственно отражающих историю общества. Историография, поправил меня В. Ф. Генинг, изучает не историю общества, а историю науки. Он расценил мою оплошность как «источник противоречий и путаницы» [3, с. 220]. Действительно, терминология в этом пассаже неудачная, хотя из контекста ясно, о чем идет речь, и никакой путаницы далее не последовало. Под традицией принято подразумевать — это одно из значений термина — отражение исторического процесса в письменных источниках. Чтобы подчеркнуть, что имеется в виду именно это значение, что речь идет о письменных источниках, лучше было бы подобрать другое обозначение — не «историографическая», а, скажем, «документальная традиция», «письменная традиция».

Я очень признателен обоим критикам за те, пусть и небольшие коррективы, которые помогла мне внести в мои рассуждения язвительность моих критиков. Я не настолько наивен, чтобы надеяться на то, что смогу переубедить своих закоренелых оппонентов,— не в этом моя задача,— но я признателен им также за то, что благодаря их статьям я получил оселок, то бишь два оселка, для оттачивания своих идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клейн Л. С.* О предмете археологии (в связи с выходом книги В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии»//СА. 1986. № 3.
2. *Захарук Ю. Н.* Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА. 1989. № 3.
3. *Генинг В. Ф.* Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л. С. Клейна) // СА. 1989. № 3.
4. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
5. *Клейн Л. С.* К разработке процедуры археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.
6. *Клейн Л. С.* Рец.: *Hachmann R.* Goten und Skandinavien. B., 1970 // СА. 1974. № 3.
7. *Klejn L. S.* Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung // EAZ. Jg. 15. 1974. № 2.
8. *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
9. *Генинг В. Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (ВАУ. № 10). Свердловск, 1970.
10. *Bulkin V. A., Klejn L. S., Lebedev G. S.* Attainments and problems of Soviet Archaeology// World Archaeology. 1982. V. 3. № 3.
11. *Клейн Л. С.* К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
12. *Клейн Л. С.* Археологическая теория (Проблема статуса и дефиниции) // Проблемы археологии. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

13. *Клейн Л. С.* Теории в археологии // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
14. *Клейн Л. С.* Структура археологической теории // Вопр. философии. 1980. № 3.
15. *Klejn L. S.* Archaeological typology. Oxford, 1982.
16. *Eggert M. K. H.* Bespr.: *Leo S. Klejn.* Archaeological Typology...//Bonner Jahrbücher. B. 185. Bonn, 1985.
17 *Gleziou S.* Rec.:*L. S. Klejn.* Archaeological Typology...//Nouvelles de l'Archéologie. 1983. № 11.
18. *Djurić B.* Arheološka sistematika L. S. Klejna.— В кн.: Klejn L. S. Arheološka tipologija. Ljubljana, Studia humanitatis ŠKUC, 1988.

L. S. KLEIN

ON THE DEFENCE OF «PURE ARCHAEOLOGY»

Summary

Arguing with my critics my opponents V. F Gening and Yu. N. Zakharuk haven't found the essential arguments. This fact demonstrates that the defenders of the «archaeological history», as I call it, have exhausted all their reasons. But their new publication allowes me to formulate my position more clearly. V F. Gening calls it «pure archaeology» having in mind some blaming sense, but now this term is not so odious. My idea is that broad historical problems should not be solved in the framework of archaeology only and by its own means. The sources of archaeology are unilateral and fragmentary and its tasks are limitedl. Its aim should be preparing of materials and then transferring them to the sciences of synthetic character for further work, first of all to history and prehistory.

Е. Д. ГРАЖДАННИКОВ, Ю. П. ХОЛЮШКИН

СИСТЕМНОЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О СТАТУСЕ АРХЕОЛОГИИ КАК НАУКИ (к дискуссии о предмете археологии)

В журнале «Советская археология» (№ 3 за 1989 г.) помещены статьи Ю. Н. Захарука [1, с. 207—214] и В. Ф. Генинга [2, с. 215—228], которые ведут дискуссию с Л. С. Клейном [3, с. 209—219] о предмете археологии. В этой дискуссии обсуждаются два очень важных вопроса: проблема статуса археологии как науки и проблема истинной научности археологов. Другими словами, это вопросы о том, чем занимается археология и как должен работать археолог, чтобы быть истинным ученым.

Эти вопросы решает для себя каждый археолог, приступая к исследованию, но обсуждать их было не принято. На это были свои причины. Во-первых, была в загоне здоровая критика. А та, что была, служила не для установления истины. Во-вторых, не существовало научного метода решения этих вопросов. Ответы на них были лишь философскими аргументами, предназначенными для того, чтобы делить всех на «своих» и «врагов». Мы говорим об этих причинах не для того, чтобы сгустить темные краски в картине прошлых десятилетий, а чтобы уяснить характер дискуссии, о которой идет речь.

Дискуссия о предмете археологии началась после выхода в свет в 1983 г. книги В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии». Эта книга была подвергнута Л. С. Клейном резкой критике [3] Тон критики неакадемичен. Чего стоит, например, обвинение в «воинствующем дилетантизме» [3, с. 216], которое можно делать только в случае обнаружения грубых ошибок, а таковых критик не указывает.

Дискуссия В. Ф. Генинг — Л. С. Клейн — это спор равных по научному потенциалу. Если они не могут договориться, значит, просто у них нет научного метода решения той проблемы, которую они перед собой поставили. А проблема эта, говоря словами Ю. Н. Захарука, может быть сформулирована как проблема «статуса археологии как науки» [1, с. 209]

Почему эта проблема до сих пор не имела решения? Дело в том, что археология — уже настолько большая наука, что ни один исследователь не может охватить ее целиком своим творчеством. А для определения статуса археологии нужно не только охватить ее в целом, но и указать ее связи с другими науками, что еще сложнее, чем охватить всю археологию. Вот почему оставалось неопределенным место археологии в системе исторических наук, а истории — в системе всех других наук.

Такая ситуация сохранялась до 1987 г., когда Е. Д. Гражданниковым на основе всеобщего периодического закона была построена системная, т. е. упорядоченная и структурно повторяющаяся классификация наук, включая археологию [4, с. 90].

Этот подход получил дальнейшее развитие в монографии А. П. Деревянко, А. Ф. Фелингера и Ю. П. Холюшкина «Методы информатики в археологии каменного века» [5, с. 15—28]. В ней построена системная классификация основных разделов археологии и археологических методов. Логическое завершение данный подход получил в монографии Е. Д. Гражданникова и Ю. П. Холюшкина «Системная классификация социологических и археологических понятий»

© Е. Д. Гражданников, Ю. П. Холюшкин, 1991 г.

Таблица

Классификационный фрагмент «Формационная история»

<table>
<tr><td colspan="6">0. Общая история</td></tr>
<tr><td colspan="3">А. Археология</td><td colspan="3">Б. Письменная история</td></tr>
<tr><td colspan="2">1. Этнография</td><td colspan="2">2. Источниковедение</td><td colspan="2">3. Филология</td></tr>
<tr><td>1А Этноархеология</td><td>1Б Этническая история</td><td>2А Источник-вещественные памятники</td><td>2Б Источник-письменные памятники</td><td>3А Филология мертвых языков</td><td>3Б Филология живых языков</td></tr>
<tr><td colspan="6">П. Историческая методология</td></tr>
<tr><td>П1 Первобытная история</td><td>П2 Древняя история</td><td>П3 История средних веков</td><td>П4 Новая история</td><td colspan="2">П5 Новейшая история</td></tr>
</table>

[6], в которой построена периодическая система археологии. Теперь статус археологии определен строго и однозначно.

Археология — это один из 18 основных разделов гуманитарной истории. Термин «гуманитарная» добавляется для того, чтобы отличать ее от естественной истории как естественной науки (таблица). Археология образует диалектическую пару (диаду) с письменной историей. Эти две науки связаны смысловым единством, ведь они взаимно дополняют друг друга. Археология первична, а письменная история вторична по критерию порядка следования в истории изучаемых периодов. Эти две науки и противоположны, ибо археология имеет дело с материальными (вещественными) источниками, а письменная история — с письменными (документальными).

Диада археология — письменная история когерентна с триадой этнография — источниковедение — филология и пентадой первобытная история — древняя история — история средних веков — история нового времени — история новейшего времени. Когерентность проявляется в том, что и диада, и триада, и пентада охватывают всю историю, проецируясь друг на друга.

Положение археологии над триадной группой указывает на ее наибольшую

близость к этнографии, а положение над пятиэлементной группой указывает на то, что археология изучает в основном первобытнообщинную, рабовладельческую и раннефеодальную формации. Однако было бы неправильно считать раннефеодальную формацию верхней границей объекта археологии. Само положение археологии на одном ярусе классификационного фрагмента с письменной историей говорит лишь о последовательном уменьшении познаваемой археологией части общественной системы пропорционально увеличению познавательной роли письменной истории в позднефеодальной, капиталистической и социалистической формациях. Аналогичным образом уменьшается и роль письменной истории при изучении ранних общественно-экономических формаций. Таким образом границы объектов археологии и письменной истории хронологически перекрывают друг друга.

Таково положение археологии в системе исторических наук, которое можно изобразить на интеллектуальной карте, имеющей такую же эвристическую силу, как географическая карта для стран земного шара.

Теперь можно дать системное решение вопросов, которые поставлены в дискуссии о предмете археологии. На вопрос Ю. Н. Захарука «Археология: наука историческая или источниковедческая?» можно дать следующий ответ: археология — это наука гуманитарно-историческая, ибо это раздел гуманитарной истории, но не письменно-историческая, ибо письменная история противоположна археологии. Под археологическим источниковедением же должна пониматься смежная область между археологией и источниковедением.

На вопрос В. Ф. Генинга «Археология — целостная научная система или „дилетантские вылазки" и „полуфабрикат знания"?» можно дать следующий ответ: археология — и не «целостная система» и не псевдонаука. Археология — это фундаментальная наука, т. е. система знаний о мире не зависящем от человека. Здесь следует различать «систему знаний» и «целостную систему», как она понимается в системном подходе. Система знаний — это классификационная система, т. е. таблица, где каждый объект имеет определенное место. Целостная система — это совокупность объектов, способных к самоорганизации.

На основе всеобщего периодического закона можно прогнозировать возникновение в будущем аналога археологии — системной археологии (археологической системологии). Такая наука уже формируется, но еще не получила признания.

Л. С. Клейн не формулировал прямого вопроса, но фактически поставил альтернативу — специализация или универсализм. Выбор в данном случае зависит от того, в какой области собирается работать исследователь. В фундаментальной археологии нужна узкая специализация, в системной — универсализм.

Универсализм системной археологии связан с тем, что это молодая наука, где мало публикаций, а тематика по широте такая же, как у всей фундаментальной археологии в целом.

Мы считаем спор о статусе археологии как науки решенным. Больше нет необходимости вести философские диспуты на эту тему. Есть метод интеллектуального картографирования, с помощью которого можно решить вопрос о статусе любой археологической науки, а также о статусе любого археологического памятника в мировом историческом процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захарук Ю. Н.* Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА. 1989. № 3.
2. *Генинг В. Ф.* Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания» // СА. 1989. № 3.
3. *Клейн Л. С.* О предмете археологии (в связи с выходом книги В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. 1986. № 3.
4. *Гражданников Е. Д.* Метод построения системной классификации наук. Новосибирск: Наука, 1987.

5. *Деревянко А. П., Фелингер А. Ф., Холюшкин Ю. П.* Методы информатики в археологии каменного века. Новосибирск: Наука, 1989.
6. *Гражданников Е. Д., Холюшкин Ю. П.* Системная классификация социологических и археологических понятий. Новосибирск: Наука, 1990.

Объединенный Институт истории,
филологии и философии СО АН СССР,
Новосибирск

E. D. GRAZHDANNIKOV, Yu. P. KHOLIUSHKIN

A SYSTEM SOLUTION OF THE QUESTION ABOUT THE STATUS OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE (ON THE DISCUSSION OF THE SUBJECT OF ARCHAEOLOGY)

Summary

The article is devoted to the analysis of the discussion between V. F. Gening and L. S. Klein «about the status of archaeological science». The authors demostrate that it is fruitless thanks to the abscence of the scientific method of classification of sciences including archaeology. They give a system classification of historical sciences to which archaeology belonges. The following solution of the question is proposed: archaeology is a fundamental science dealing with human history, restoring it on the basis of the material sources and forming the unity of opposites with the written history.

А. М. БУРОВСКИЙ

О ХАРАКТЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Место археологической науки в системе научного познания мира остается достаточно полемичным [1—4]. Но при всей антагонистичности многих определений в них неизменно присутствуют общие фундаментальные положения. Ни у кого не вызывает сомнения, что археология — наука гуманитарного цикла и что данные естественных наук, получаемые специалистами-смежниками, только обслуживают работу археолога.

Полевая археология (далее — ПА), многообразные по содержанию и месту в исследовательской работе операции с анализируемым и обобщаемым материалом, предшествующие реконструкции ископаемого общества (в дальнейшем — аналитическая археология — АА) и реконструкции, производимые после камеральной обработки, внутренней критики источника, обобщения и сравнения сведений (далее — реконструктивная археология — РА), рассматриваются как цель логически вытекающих одна из другой последовательных операций, которые различаются только как разные этапы или как разные стороны принципиально единой по содержанию деятельности. А специалистов, чье профессиональное внимание заострено на одной из этих сторон, разделяют так же, как в любой науке, на полевиков, экспериментаторов и теоретиков. Для одних специалистов историческая реконструкция — само собой разумеющийся и не требующий специальных усилий шаг, для других — действие, выходящее за рамки компетенции археолога. Но содержание производимых действий и их направленность не изменяются от того, производит ли всю цепочку профессиональных действий от поиска и находки памятников до их исторической интерпретации один человек или же группа последовательно сменяющихся специалистов.

Если принять такую систему представлений, то ПА занята только изучением материальной культуры ископаемого общества, а археологические источники (далее — АИ) содержат информацию для реконструкций только ископаемого общества. Оба эти положения представляются автору далеко не бесспорными.

Какие именно из обнаруженных в ходе раскопок объектов должны рассматриваться в качестве АИ, далеко не всегда понятно. Любые объекты материальной культуры, ископаемые остатки которых изучает археология, могут в самом общем виде рассматриваться как природные объекты, трансформированные деятельностью человека. Но в какой степени и в каком направлении должна осуществляться эта трансформация, чтобы объекты могли входить в число АИ? Необходимо ли изменить физические свойства объекта (обработанные кость, камень, выплавленный и прокованный металл и т. д.) или химический состав используемого вещества (керамика, стекло) или достаточно переместить в пространстве и по-новому организовать природные объекты? Является ли АИ камень-валун, принесенный на территорию поселения? Камень не обработан, но ведь кто-то принес его сюда, чтобы укрепить вертикально вкопанный столб, прижать к земле полог жилища или просто чтобы на нем сидеть. Является ли камень частью материальной культуры ископаемого человека? Является ли АИ состав ископаемых почв (он тоже изменялся человеком!), сосновые ветки, на которые, по данным Р. Солецки, был положен покойный неандерталец в пещере

© А. М. Буровский, 1991 г.

Шанидар, и цветы, которыми его засыпали [5]? Могут ли рассматриваться в качестве АИ ископаемые антропогенные ландшафты и антропогенные формы рельефа — ведь рельеф и уж, во всяком случае, ландшафт сильно изменяются человеком в любом его местообитании. Никто не сомневается в том, что в АИ входят поселения и жилища, составляющие один из видов антропогенного ландшафта — селитебный [6]. А входят ли в АИ другие виды антропогенных ландшафтов? Как видно, здесь гораздо больше вопросов, чем возможностей получить на них ответы.

Деятельность археолога-полевика включает в себя множество действий, не имеющих никакого отношения ни к истории, ни вообще к гуманитарной проблематике. Для ведения разведки на местности необходимы знания и умения, предельно далекие от тех, которые необходимы для анализа исторических источников — как письменных, так и вещественных: знания географии и палеогеографии, геологии и палеонтологии, умения читать карту, владение геодезическим инструментарием и т. д.

Это справедливо и в отношении работы археолога-полевика при изучении памятников путем проведения раскопок. И по смыслу, и по характеру организации и материально-технического обеспечения его деятельность близка к деятельности палеонтолога, геолога или палеогеографа. Все специалисты, изучающие какой-либо аспект ископаемого прошлого Земли, нуждаются в обнаружении наиболее информативных объектов, их изучении посредством раскопок, внешней критике своих источников, в их систематизации, количественном и качественном анализе. Этот круг научных дисциплин можно обозначить как «науки об ископаемом прошлом» с аббревиатурой НИП. Изолированность НИП друг от друга весьма относительная; при необходимости в обобщении, во всестороннем анализе «своего» материала, тем более при реконструкции ископаемой реальности, специалисты начинают использовать наряду со «своими» данными и данные смежников. Так же точно поступает и археолог, которому для извлечения из археологических источников информации потребуются не только (а часто и не столько) представления о социальной стратификации или региональной и культурной специфики древних обществ (реалий, находящихся в компетенции социологии и этнографии), но и литологии, стратиграфии, палеогеографии, палеонтологии и т. д. Проведение сколько-нибудь систематических исследований археологических памятников без радиоуглеродного и палеомагнитного анализов, без данных палеонтологических и палинологических исследований трудно себе представить, и это положение жестко фиксируют учебники по ПА [7] и инструктивные материалы ОПИ [8]. Чем больше сведений естественно-научного характера получено при раскопках, тем лучше. Без работ смежников-«естественников», которые работают часто в тех же экспедициях и с тем же материалом, трудно представить АА и РА. Работы смежников совершенно самостоятельны и методически, и теоретически. Они представляют интерес не только для археолога, но и для широкого круга специалистов в области НИП. Так, книга С. М. Цейтлина [9] — это труд в области четвертичной геологии, как и книга Н. В. Кинд [10], работы С. М. Долуханова и Н. А. Хотинского [11—13] посвящены палеогеографии, Н. М. Ермоловой [14, 15] и Н. Д. Оводова [16] — четвертичной териологии. Число примеров можно преумножить. Все эти исследования носят негуманитарный характер, никак не связаны с историческими дисциплинами, но все они используют материал, полученный в процессе археологических раскопок.

Необходимая первичная информация в ряде случаев может быть получена «естественниками» и при изучении собственных раскопок, без вскрытия культурного слоя (КС). Большая часть материала собрана Н. В. Кинд в процессе собственных раскопок, никак не связанных с археологическими. Значительные коллекции собраны Н. Д. Оводовым в пещерах-ловушках, в которых КС не формировался и не мог формироваться. Работа Н. В. Кинд тоже проделана как на материале археологических раскопок, так и собственных полевых работ, в ходе которых КС не вскрывался. Как видно, необходимую первичную информа-

цию для реконструкций ископаемой биогеосферы можно получать в ходе изучения как КС, так и геологических слоев, на формирование которых деятельность человека не наложила никакого отпечатка. Причем в случае Н. В. Кинд эта первичная информация однотипна.

Опыт исследования КС представителями самых различных НИП свидетельствует о том, что КС объективно является аккумулятором информации как об ископаемом обществе, так и об ископаемой биогеосфере, причем многие сведения о биогеосфере задаются через разные аспекты функционирования общества. Размеры, местоположение, планировка поселений, степень и характер утепления, планировка жилища, состав охотничьих видов и домашних животных, флоры дикой и культурной, формы и масштабы использования огня, минеральных ресурсов во всех их многообразии — это индикаторы не только социальных закономерностей, но и различных компонентов природного комплекса. Через изучение материальной культуры испокаемого общества можно увидеть и специфику биогеосферы, включая направление преобладающих ветров, видовой состав природных биоценозов и т. д. Изучая КС, можно исследовать состояние и живого, и неживого, и мыслящего вещества во время формирования КС. Применение терминологии В. И. Вернадского [17, 18] не случайно — помимо концепции биосферы как особого состояния земного шара, при котором живое вещество определяет качественное состояние глобальной природной системы в целом, и перехода биосферы в ноосферу нам не известна ни одна концепция, в рамках которой возможно рассмотрение всего материального мира как единой системы. Раскопки одиночного археологического памятника и даже всех археологических памятников на данной территории и относящихся к данной эпохе покажут не всю «земшарную» картину, а только локальное проявление такой глобальной картины. Но такие раскопки ведутся на той части географической оболочки Земли, в которой данные группы ископаемого населения (т. е. часть населявшего тогдашнюю Землю мыслящего вещества) произвели наиболее сильные изменения (трансформации) живого и неживого вещества. Сформировавшиеся в эпоху антропогена геологические слои не отражают функционирования мыслящего вещества и произведенных им трансформаций. Остатки измененного деятельностью человека вещества фиксируются только в КС, образовавшихся только в селитебных ландшафтах, в которые эпизодически (при бродячем или кочевом образе жизни) или постоянно (при оседлости) переносятся из других обитаемых человеком или искусственно им создаваемых ландшафтов неживое вещество и биомасса (строительные материалы, продукты питания, сырье для домашних ремесел и т. д.). Аналогичные остатки, но менее информативные сохраняются и при изменениях, внесенных мыслящим веществом в ландшафтную среду на уровне трансформации рельефа или микрорельефа (каналы, оборонительные сооружения, курганы, стелы, пирамиды и т. д.).

Если принять концепцию биосферы и ноосферы и последовательно рассматривать все геологические, биогенные и социальные процессы как часть более общего механизма, а КС — как «узловые точки» деятельности человека в географическом пространстве, многие явления оказываются понятнее, и частному можно определить место в общем. Становятся объяснимы и специфика ПА, место ее среди других наук, и характер взаимоотношений НИП при изучении КС.

Если важно различать деятельность археолога, в компетенции которого производить раскопки, анализировать и систематизировать материал, подготавливая его к исторической реконструкции [19], и историка, в археологии как таковой не компетентного [20], то не менее принципиально, на наш взгляд, различение деятельности археолога-полевика и археолога-специалиста в области ископаемой материальной культуры (по Клейну). Вторая из этих специальностей может рассматриваться как гуманитарная и требует исторического образования (хотя и не только исторического). Первую же, ПА трудно определить в качестве гуманитарной; это наука об обнаружении, изучении КС является источниковедческой для любой НИП, предметом которой будет ископаемая

действительность эпохи антропогена. Археолог-полевик выступает в роли специалиста совершенно особого типа; деятельность его необходима для развития самых различных НИП. Поскольку практически все специалисты НИП могут производить раскопки (это входит в круг их профессиональных обязанностей), можно представить себе проведение полевых археологических работ, в качестве примера, геофизиком, конечная цель которого — сбор образцов обожженного в древности грунта и камня — материала для реконструкции ископаемого магнитного поля, или палеонтологом с целью сбора остеологических коллекций. Примеров достаточно квалифицированного проведения археологических раскопок лицами без исторического образования (а иногда вообще без образования) достаточно много. Собирая только нужные для достижения узкопрофессиональных целей коллекции, такие специалисты-негуманитарии будут просто выбрасывать остатки ископаемой материальной культуры или по крайней мере не будут принимать активных мер для их сбора и изучения в процессе раскопок. Такая картина способна ввергнуть археолога в предынфарктное состояние, но ведь он сам в ряде случаев поступает аналогично, пренебрегая возможностью произвести соответствующие анализы или наблюдения, собрать образцы... Что считать большим образцом варварства по отношению к памятникам ископаемого прошлого — спорный вопрос.

Действия специалистов всех НИП после получения материала от ПА в общих чертах аналогичны — техническая реконструкция, фиксация, внутренняя критика источника, анализ и систематизация все более широкого круга источников, вплоть до содержательной реконструкции «своего» участка ископаемой действительности. При этом все остальные НИП могут рассматриваться по отношению к данной, производящей реконструкцию, как вспомогательные, позволяющие уточнить и разъяснить отдельные стороны полученной модели, но в принципе не необходимые. Так же точно, как археология рассматривает «свою» реконструкцию, т. е. реконструкцию ископаемого общества, в качестве центральной, любая НИП может поставить археологию на вспомогательное место в «своих» методических схемах. Прекрасный пример этого — реконструкции палеогеографической среды и ее динамики в работах П. М. Долуханова, где археологические реалии служат иллюстрацией или в оптимальном варианте подтверждением в палеогеографических реконструкциях [11, 12].

Как видно, археологические источники не могут рассматриваться только как источники, позволяющие производить более или менее достоверные реконструкции ископаемых обществ. Характер их более сложен, и не только из-за необходимости различать объекты различной степени сложности, информативности или степени сохранности. Археологические источники содержат информацию и о таких сторонах ископаемой действительности, которые находятся вне компетенции гуманитарных наук. Определить границы массива археологических источников трудно; если считать археологическим источником все, что может быть изучено и интерпретировано в процессе раскопок, то и образцы грунта из КС и стерильных прослоек между ними следует считать археологическими источниками.

Реконструкции, произведенные в рамках отдельных НИП, всегда частичны, а всю социоприродную систему охватить и реконструировать трудно, так как ноосферологические исследования находятся в зачаточном состоянии, и у этого научного направления отсутствует разработанный понятийный и методический аппарат. И в заключение отметим, что предложенные вниманию читателя размышления носят самый предварительный характер. Они нуждаются в дальнейшем развитии и детальной проработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Захарук Ю. Н.* К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.
2. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л.: Наука, 1979.
3. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2.
4. *Григорьев Г. П.* К методике установлений локальных различий в палеолите // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л.: Наука, 1972.
5. *Констейбл Д.* Неандертальцы (В серии «Возникновение человека»). М., 1978.
6. *Мильков Ф. Н.* Ландшафтная сфера Земли. М., 1970.
7. *Авдусин Д. А.* Полевая археология СССР. М., 1979.
8. Инструкция к Открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок. М., 1963.
9. *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.
10. *Кинд Н. В.* Геохронология позднего антропогена по изотопным данным // Тр. ГИН АН СССР. 1972. Вып. 257.
11. *Долуханов С. М.* География каменного века. М., 1979.
12. *Долуханов С. М.* История Средиземных морей. М., 1988.
13. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
14. *Ермолова Н. М.* Териофауна долины р. Ангары. Л., 1979.
15. *Ермолова Н. М.* Особенности формирования териофауны палеолита Енисея // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
16. *Оводов Н. Д.* Фауна палеолитических стоянок Сибири и проблема хронологических и палеоландшафтных толкований // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
17. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. Размышление натуралиста. М., 1977
18. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.
19. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975.
20. *Клейн Л. С.* Предмет археологии // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9.
21. *Долуханов П. М.* История Балтики. М., 1968.
22. *Долуханов П. М.* Развитие природной среды и хозяйства первобытного населения Восточной Европы и Передней Азии: Автореф. дис. докт. геогр. наук. М. Институт географии АН СССР, 1984.

Красноярский государственный университет

A. M. BUROVSKY

ON THE CHARACTERISTICS OF THE ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Summary

A mass of the archaeological sources had not got a full definition up to now and it is not always clear which finds obtained during the excavations can be considered as such. The archaelogicl investigations give a necessary primary material for creating a reconstruction of ancient society and of fossil biogeosphera also. The studies of specialists in natural aciences based fully of partly on archaeological materials can not be considered as auxiliary ones, as they are independent technically and methodically. The data obtained by them are auxiliary for archaeology but the data of the latter are such for other branches of science dealing with the fossil past. The field archaeology investigating cultural layers is a source study for all of them. Each branch of science dealing with the fossil past gives a reconstruction of a certain part of the past, as the cultural layer accumulates information about perished societies and also about the fossil biogeosphera. There exists a single theory which permits to consider biological, geological and social processes to be the parts of some general process, and cultural layers to be certain focal points of human activity in geographical space; it is a theory of biosphera and noosphera by V I. Vernadsky.

Ю. Л. ЩАПОВА

АРХЕОЛОГИЯ И МОРФОЛОГИЯ

Сближение наук характерно для нашего времени. Не менее характерны так называемый перенос идей и синтез представлений, сложившихся и независимо развитых в науках, часто далеких друг от друга.

Науковеды проанализировали и оценили подобные явления и нашли, что они переросли уровень явления и обретают характер творческого процесса. Отмечено также, что перенос идей и научных традиций, включая методы исследования и подходы, обязательно связан с получением новых результатов. Новый результат — это и есть конечная цель всяких преобразований, которым подвергается наука, воспринимающая и переживающая подобные преобразования. В то же время науковеды предупреждают, что перенос идей не всегда безопасен. Безусловную оптимизацию многих научных процедур и углубление представлений о предмете нередко сопровождает вульгаризация переносимых идей; последнее способно надолго задержать прогресс и извратить самый его характер [1].

В этой связи напомним, что подобный перенос идей и методов из одной науки в другую иногда порождает новые научные направления, например палеосоциологию или палеодемографию, а иногда и новую науку, например биофизику, геохимию и т. д.

Конкретный опыт археологии в восприятии научных идей и методов иных наук близок общенаучному опыту: немалый успех достигнут в результате применения идей и методов, заимствованных из технических и естественных наук, искусствоведения, информатики, статистики и т. д. Одни так называемые новые методы сохраняют свою связь с исходной наукой, другие развиваются внутри археологии, например стратиграфические методы, метод аналогий, типологический метод и т. д.

Как ни широка в археологии область восприятия новых идей, хотелось бы сосредоточить внимание на одной — на области изучения древних вещей. Эта область тесно смыкается с источниковедением и могла бы быть названа вещеведением, если бы не устаревшие, но никем не отмененные оценки, когда к понятию «вещеведение» прибавлялся эпитет «буржуазное» со всеми последствиями обостренного классового подхода.

Изучение вещей вписано современной археологией в рамки типологического метода, существует и развивается внутри него. Типологический метод в археологии, родившийся под влиянием эволюционной теории Ч. Дарвина в прошлом веке, позднее получил дополнительные обоснования [2, с. 9], усовершенствования и уточнения [3]

Хотелось бы напомнить энциклопедическое определение, даваемое типологическому методу: это вспомогательный метод в археологии, метод систематизации и хронологизации археологических памятников, основанный на классификации древних вещей по материалу, из которого они сделаны, по способу обработки, формам и орнаменту [4, с. 226]. Это определение заметно отличается от данного В. А. Городцовым, согласно которому в основу типологической классификации положен «тип», понимаемый как собрание предметов, сходных по назначению, веществу и форме [2, с. 6]. Ревизия или уточнение определения не является целью. Однако хотелось бы в энциклопедической дефиниции отметить несколько

© Ю. Л. Щапова, 1991 г.

терминологических и, следовательно, содержательных неточностей. Начнем с конца. Орнамент — это узор из ритмически упорядоченных элементов. Далеко не всякий узор — орнамент. Более того, и узор, и все виды узора не исчерпывают декоративного разнообразия древних вещей. Вместо термина «орнамент» лучше употреблять термин «декор», которому соответствует более широкое понятие, объясняющее всю систему украшений сооружения или изделия [5, с. 48].

Способ обработки вещи как термин воспринимается как очевидный синоним технике изготовления, уточнение необходимо и в этом случае.

Нуждается в уточнении и самое основание метода — классификация. Многолетняя практика убеждает в том, что процедуры, которым подвергают вещи, изучаемые с помощью типологического метода, менее всего похожи на классификацию. Классификация предполагает разделение некоторого массива данных на классы разного объема, глубины и уровня. Классификация — это и результат подобного разделения, представленный в словесной форме или в виде схем и таблиц. Классификация, наконец,— это введение новых фактов (данных, наблюдений) в существующую классификацию, и, наконец, ее результат.

С помощью типологического метода вещи лишь систематизируют, разделяя и группируя их по сходству материала, технике изготовления, форме и декору. Если принять во внимание, что типологический метод применяют к изучению ограниченного массива данных (по объему и разнообразию), то вместо типологических рядов возникают узкорегиональные типологические схемы, которые трудно сопоставлять и сравнивать между собой. Попытки создать универсальные типологические схемы оказываются неудачными. К такому заключению пришел А. Л. Монгайт в начале 70-х годов [6, с. 33]. К сожалению, немногое изменилось с тех пор.

В истории применения типологического метода есть еще одна забытая страница. Н. Оберг, ученик О. Монтелиуса, полагал, что типологический метод «есть применение дарвинизма к продуктам человеческого труда» [6, с. 32] Он полагал, что древности развиваются так, как будто они являются живыми организмами: отдельные предметы — это индивидуумы, типологическая серия представляет развитие вида (рода), а группа типологических серий — развитие разветвленных видов, составляющих семью [6, с. 33] А. Л. Монгайт, процитировав Н. Оберга, счел эту мысль ошибочной, полагал, что вещи изменяются в силу изменений условий жизни человеческого общества и вместе с этим обществом. Не отказываясь от такой связи, хотелось бы подчеркнуть новые наблюдения над изменением вещей: они убеждают в том, что развитие вещей и история создавшего их общества — явления разного порядка. Они, действительно, связаны между собой, но связь эта настолько сложна и часто опосредована, что не всегда может быть ясно обозначена и выявлена. В развитии вещей и в истории общества отражены разные виды деятельности: развитие вещей запечатлило моменты материального производства; история общества — это совокупность конкретных и многообразных действий и поступков отдельных людей, человеческих коллективов, всего человечества. В развитии вещей и в истории общества диалектические законы проявляются по-разному. А. Л. Монгайт подчеркивал, что современный археолог рассматривает вещь не в саморазвитии, а в комплексе вопросов, связанных с общественной средой, в которой создана вещь. Чисто технологический принцип классификации без учета исторических особенностей отдельных территорий он считал неприменимым. Действительно, мы привыкли к мысли, что представления о верованиях и социальной дифференциации древних обществ, о торговых путях и культурных связях и влияниях, об истории племен и о многих других сторонах жизни древних складываются из анализа вещей и археологических комплексов. Для этого из вещей стремятся извлечь информацию, содержащуюся в них в превращенном виде об этногенезе, торговых путях и т. д. Согласно некоторым современным методологическим установкам, каждый объект (вещь) несет прямую информацию только о себе самом, и социокультурную систему археологический комплекс не представляет [7, с. 8].

Как первое следствие такого, я сказала бы, прикладного подхода внимание исследователя обращено лишь на отдельные детали или свойства вещей, способные пролить свет на интересующую его проблему. Информация, которую, действительно, содержит вещь, остается невостребованной. Подойдя к той же вещи с другой стороны, мы заметили бы такую информацию, которая для решения прикладной задачи избыточна.

Второе следствие такого подхода: отбор информации зависит от предшествующего опыта и бытующих мнений, отсюда — обязательный учет последних. Чужому мнению уделяют внимания более, чем углубленному изучению вещей. Логические построения, умозаключения и предположения, которые, казалось бы, выросли и вырастают из анализа вещей, на самом деле привнесены традицией и угнетают не только самый анализ вещей, но и губят всякую свежую мысль, которая в ходе такого анализа должна рождаться. Вряд ли есть смысл приводить примеры, подтверждающие справедливость сказанного: можно привести десяток примеров в пользу противного мнения. Дело не в примерах, а в сути: в современной археологической практике вещи играют преимущественно те роли, для исполнения которых они менее подходящи. Вместе с тем наложен явный запрет на исполнение их собственных ролей.

Справедливости ради заметим, что независимо от оценок, отношения или угла зрения исследователя вещи возникают, бытуют, распространяются, влияют друг на друга, порождая подражания, вещи-гибриды и т. д. Своим «поведением» они напоминают живые существа, подтверждая тем самым справедливость представлений Н. Оберга и правильность выбора человеческой роли, которая «связана определенными законами, близкими к тем, которые имеют значение для развития органического мира»,— в качестве предпосылки типологического метода [6, с. 32—33]

Придание неживым предметам свойств живого, его способности рождаться, жить, умирать и создавать себе подобных отражает, видимо, естественное отношение человека к делу своих рук. Археологу подобное отношение свойственно и нередко приносит успех. Вряд ли следует преодолевать такое отношение. Целесообразнее поставить его на службу науке, придав ему статус законности. Отношение к вещи как к живому не означает равенства между вещью и живым существом.

Мир вещей, который человек создает вокруг себя, чрезвычайно важен. «Предмет труда есть... определение родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 94).

Через мир древних вещей открыт путь в мир техники древних, в мир мастерства, умения и средств, столь необходимых для осуществления процессов производства и обслуживания непроизводственных потребностей древних обществ. Современная техника есть логически развитая древняя. К анализу современной техники прикладывается целый комплекс исследовательских методов и подходов; среди последних особой важностью и новизной отличается системогенетический подход.

Системогенетика исследует закономерности наследования (преемственности) в процессах развития любых систем [8, с. 4]. О методологической целесообразности обращения к анализу более развитых организмов и явлений в тех случаях, когда объект исследования — начальные этапы или периоды их становления, писал К. Маркс. Это его высказывание хорошо известно, однако оно настолько важно в данном случае, что его можно еще раз напомнить: «...развитое тело легче изучать, чем клеточку тела» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 6).

В приложении к современным вещам и технике установлено и можно считать доказанным, что в генеалогии техники действуют разные системообразующие факторы, среди которых один из основных — функции человека. Установлено, что в технике действует закон наследования, который слагается из нескольких правил или законов. Первый — закон подобия, который определяет подобие

функций техники, ее структуры; законы морфологии, геометрии, мощности и технологии. Кроме того, закон передачи наследственного инварианта (генотипа, неизменяемой части системы), закон наследственного программирования, закон максимального морфологического соответствия генотипа системе настоящего и будущего в конечном результате означают передачу одного поколения техники другому. Для правильного понимания эволюции техники в древности важно учитывать еще один закон — закон порождения, который в связи с потреблением определяет возвышение потребностей. Развитие общества очерчивает области социально возможного и социально целесообразного. Развитие техники обеспечивает расширение и углубление области технически осуществимого или возможного, порождает разнообразие технической реализации одной и той же функции.

Накопление знаний и следующее затем развитие науки определяет область возможного принципиально [8, с. 108—114]. Филогенетические законы развития техники А. И. Субетто уверенно распространил на социотехнические системы. Перечислю эти законы: закон филогенетической спирали, закон единства филогенетических процессов, закон неравномерности развития техники, закон взаимодействия человека и техники [1]

Перечень законов, которым подчиняется развитие современной техники, значительно шире законов существования археологических памятников. Пять из них указал В. А. Городцов: 1) закон индустриальной причинности, 2) закон индустриальной эволюции, 3) закон индустриальных заимствований, 4) закон индустриальных случайных совпадений, 5) закон индустриальной борьбы вещественных археологических творений за свое существование [2, с. 4] Понять действие филогенетических законов развития техники и законов существования археологических памятников можно более полно, если древнюю технику и древние производства изучать без отрыва от изучения техники современности.

Исследователи современной техники пошли далее. Я. К. Ребане, например, определил, что орудия труда и овеществленные результаты труда являются носителями социальной памяти, занимая в этой системе такое же место, какое принадлежит языку (в широком смысле слова) и социальным отношениям [9] Передачу опыта одного поколения другому, наследование такого опыта рассматривают как процесс наследования, подобный тому, который осуществляется с помощью генов [10]. Ген рассматривают как носитель наследственного инварианта, содержащего в себе, кроме того, и план развития системы [8, с. 56].

Закон системного наследования действует через законы подобия и порождения, через законы передачи наследственного инварианта и наследственного программирования, через законы максимального морфологического соответствия генотипа системе и закон движения от функции к форме, через закон системоэволюционного отбора: наибольший эффект, наилучшее выполнение функций, наибольшее соответствие запросам системы [8, с. 75—90]. Можно было бы продолжить изложений идей А. И. Субетто, содержащихся в этой книге, столько в них свежести и энергии. Прежде чем обратиться к изложению основной темы, хотелось бы заметить, что в археологии наложен запрет и на поиски источников развития внутри системы, состоящей из вещей, и на всякие попытки и стремления переносить из биологии идеи развития, принципы изучения формы и морфологии. В других науках и в работах неархеологического профиля, посвященных изучению неживых объектов, широко используют эволюционные идеи, основы генетики, теории формообразования и другие теории и подходы, адресованные изначально изучению жизни и живого.

Важно отметить, что наследование в живом и неживом можно изучать как информационную систему, в которой действуют связи и законы, одинаково присущие обоим мирам — живого и неживого [11, с. 35—40]

---

[1] Эти законы представляют собою последовательное развитие схемы эволюции орудий труда и машин, данной К. Марксом (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т 4. С. 156).

В этой связи интересна работа В. В. Иванова и В. Н. Топорова об инварианте и трансформациях в мифологических и фольклорных текстах, где авторы подчеркивают важность такого подхода. Более того, они утверждают, что «идея... биологических трансформаций, выявляющих скрытый закон, имеет точную аналогию в отношениях между мифами» [12, с. 46]. Можно продолжать подбирать примеры, иллюстрирующие целесообразность подобного сближения идей.

В науках идет широкий обмен мнениями; археология также вовлечена в этот процесс, который развертывается, как представляется, медленно, с большими потерями и упущениями.

Привлечение естественно-научных методов заметно изменило структуру археологического знания. Новых сведений о климате, природе, человеке, древних материалах и древних технологиях накопилось так много, что простое их обобщение привело к осознанию того факта, что внутри археологии рождаются и новые дисциплины: древнее материаловедение и древние технологии, география каменного века, древнее почвоведение и т. д. Эти дисциплины исторического характера сопрягаются с рядом других, неархеологических дисциплин и наук: палинология, климатология, организация производства, теория качества, производственная структура, психология обучения и творчества и т. д. Многие производственно-технологические сюжеты разрабатывают в тесном контакте и при условии глубокого проникновения в методологические дисциплины (исторический материализм и политическую экономию). Более того, успешное применение новых методов исследования требует особых знаний. В итоге новые дисциплины обрели свойства специальных наук, располагающих, очевидно, особым объектом исследования и собственными методами исследования. Задачи исследования и средства их решения во многом отличаются от тех, которые ставят археологи, хотя некоторые задачи, например происхождение и хронология вещей, их комплексов, памятников и культур, чисто археологические. Успехи в новом направлении исследований породили задачу соотнесения данных о материале и технологии изделия с его формой и декором. Как решение этой проблемы можно рассматривать конечный типологический разряд (КТР) в той форме, которую предложил Е. Н. Черных [13]. КТР, может быть, последняя дань типологическому методу. Если говорить более строго, то новое направление, о котором речь идет далее, относится к типологическому методу как потомок к предку: оно родилось в рамках типологического метода из естественного стремления уточнить, углубить, расширить представления о материале и технологии древних вещей, которые необходимо классифицировать и разделить на типы.

Подобные уточнения-углубления и расширение представлений, становясь избыточными для классификации и типологии, нарушали целостность типологического метода, что не менее опасно, чем те препятствия, которые типологический метод ставил развитию новых направлений. Существование новых направлений внутри типологического метода становилось опасным для обеих сторон. Во избежание опасности нужно было признать, что и новые направления и типологический метод имеют самостоятельное научное значение. Типологический метод чрезвычайно полезен и незаменим для решения именно тех задач, для которых он был предложен: систематизация и хронологизация древностей.

Выводя новые направления за пределы типологического метода, мы тем самым снимаем ограничения, которые метод налагал на их развитие, делая бесполезными самые интересные открытия и самые ценные приобретения, которые новые направления создавали.

Древние материалы и технология, две из трех составляющих типологического метода, стали самостоятельными дисциплинами, их изучают по-новому и в новой связи. Третья составляющая метода, форма и декор, продолжает свое существование в рамках типологического метода, и никаких изменений или сдвигов в изучении формы не происходит. (Правильнее, вероятно, говорить о том, что происходящие изменения не столь существенны, чтобы их можно было бы считать серьезными инновациями в этой области.)

Опыт естественных наук, языкознания и культурологии свидетельствует, что изучение формы — особая дисциплина: известны морфология растений, животных, человека, морфология почв и ландшафтов, морфология языка, морфология сказки и т. д.

Морфология, по определению,— это наука о форме, конструкции и взаимном расположении частей. Ограничивая свое внимание только формой, мы обедняем научное знание предмета. Такого рода ограничения были необходимы, их диктовал сам типологический метод. Выход за его пределы открывает не только новые перспективы в изучении формы древних вещей, но и саму возможность развития морфологии древностей в качестве самостоятельной дисциплины.

Археология располагает большим самостоятельным опытом изучения формы; что же касается изучения конструкций и тем более взаимного расположения частей, то собственного опыта в этом недостаточно. Нужно обратиться к опыту тех наук, где морфологию изучают профессионально, где существуют разные школы и традиции в ее изучении. Обращение к опыту биологии кажется естественным и очевидным, поскольку именно живым системам (организмам) присуще бесконечное морфологическое разнообразие. Более того, именно в биологии была создана «базовая» эволюционная теория, построенная Ч. Дарвиным на морфологии живого. Все теории эволюции в дальнейшем были связаны своим рождением с дарвинизмом, являясь его развитием и переносом его основных идей в новые области знания, археология была в их числе.

Три главные идеи: изменчивость, наследственность, естественный отбор и борьба за существование — легли в основу и эволюционной теории и науки о происхождении видов.

Изменчивость и наследственность свойственны вещному миру, созданному руками человека. Результат последовательного сравнения вещей всегда один: в условиях ручного производства двух абсолютно одинаковых вещей не бывает, несмотря на очевидное следование правилам, образцам и нормам. Мир вещей, столь изменчивый и разнообразный, в то же время связан преемственностью и родством. Изменчивость и наследственность, два фактора эволюции, в археологии выступают и в качестве факторов и в качестве аксиом, правда нередко скрытых.

Идея естественного отбора в археологии менее очевидна, т. е. требует доказательств, хотя самый отбор вещей безусловен и существует его социальный механизм — потребление [8, с. 177—178] Говоря об отборе, обсуждаем не самый отбор (он, бесспорно, очевиден), а его характер. В приложении к событиям, связанным с историей человечества, нужно иметь в виду, что естественный отбор меняет свой характер, становясь естественно-историческим. (Термин построен по аналогии с ленинским термином, введенным им для характеристики истории как естественно-исторического процесса — *Ленин В. И.* ПСС. Т. 1. С. 138) Признавая существование отбора, естественно-исторического по своему характеру, мы тем самым обогащаем теорию археологии.

Что касается идеи борьбы за существование, то она давно обрела права в форме приспособительных и адаптивных процессов, столь характерных для общественной жизни, в форме конкурентной борьбы в экономике и т. д. В ходе борьбы за существование выживают не только сильнейшие, а все, кроме неприспособленных. Из эволюции выбывают неприспособленные, все остальные формы развиваются, занимая «ниши», соответствующие их потенциалу, функции и форме. Борьба за существование в современном ее представлении — это проявление все того же отбора.

Изменчивость, наследственность и отбор, три безусловных фактора эволюции в мире вещей, получают как внутреннее, так и внешнее выражение. Наружные, внешние изменения выражаются либо в форме, либо в конструкции, либо во взаимном расположении частей предмета. Внешние изменения предмета (как и у организма!), выраженные морфологически, всегда связаны с функциональными изменениями; именно поэтому морфологические изменения и фиксируют более глубокие внутренние изменения предмета.

Последовательное, полное и глубокое изучение морфологии живого подвело к созданию эволюционной теории, основ дарвинизма и современной концепции жизни. Последовательное изучение морфологии языков привело к созданию индоевропейской теории.

Хочется надеяться, что последовательное, полное и глубокое изучение морфологии древних вещей подведет нас к созданию если не теории развития вещей в древности, то сделает очевидными и понятными некоторые ее (теории) элементы. Именно эта высокая цель заставляет обратиться еще раз к изучению морфологии древних вещей с тем, чтобы рассматривать морфологию древностей как самостоятельную научную дисциплину.

Казалось бы, можно перейти непосредственно к делу, однако необходимо закончить с предпосылками и условиями существования новой дисциплины, в общих чертах напомнив, что представляет собой собственно морфология. Морфология как наука неоднородна: рядом с экологической, сравнительной, генетической морфологией существует морфология популяционная, конструктивная и др. Предметом изучения последней является строение и форма отдельных органов и их частей.

Описание строения слагается из установления образующих его частей, описания каждой из них в отдельности и описания их взаимной связи и расположения. Разделение целого на части и описание частей — предмет тектологии, от греческого tektŏn — конструкция. Слово для обозначения такой деятельности нашел В. Н. Беклемишев [14, с. 19], но ни в словарях, ни в энциклопедиях оно не приводится. Мне представляется важным, что есть науки, где легализирована и поименована деятельность, подобная нашей, которая, являясь частью морфологии, именуется иногда классификацией, иногда типологией. Как ни мало подобное уточнение, оно способствует более правильному пониманию видов нашей профессиональной деятельности. С другой стороны, очевидно, что некоторые предлагаемые нами «реформы» вызваны к жизни нашей исследовательской практикой. Конструктивно-морфологическое изучение предполагает описание и объяснение строения органа или организма, последнее «сводится к более точному и строгому сравнению этих объектов со всеми остальными организмами и их органами, к нахождению естественного места этого объекта в общей системе многообразия организмов» [14, с. 7]

Показав выше правомерность отождествления неживых вещей и техники с живыми системами, мы избежали надобности обсуждать эту тему, искать доказательства в пользу возможности подобного переноса.

Апеллируя к исходному греческому ὄργανου, что значит «орудие, инструмент», можно было понять, что это слово имеет более широкое значение, чем ему придано в биологии. Далее, признав приоритет биологии в пользовании этим словом, можно было бы называть «органы» вещей иначе, например конструктивными элементами — не худший вариант. Продолжая самодеятельные лингвистические изыскания, мы установили бы, что организм как термин прикладывается только к живому, но в исходном значении латинского слова «organizo» что значит «устраиваю, сообщаю стройный вид», заложен более широкий смысл. От этого же слова родилось французское слово «organisation» и русское — «организация», одно из значений которого — «внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленная его строением» [15, с. 472, 473]. Понятие «организация» свободно применяется ко многим техническим объектам, правда, в сочетании с понятиями «структура» и «система». Понятие «структура» объемлет характеристики, относящиеся к строению и взаимосвязи частей. Обе эти черты (в данном случае организации) являются объектом морфологии. Однако всех сближений еще недостаточно. Очевидно, что перенос идей — работа сложная не только практическая, но и методологическая. Перенос идей нуждается в подробном обосновании. Следует признать, что поиск обоснования в пределах археологии не приводит к нужному результату, нужны «выходы» в теоретические науки и в науковедение.

Вещь как система и организм как система — это обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных частей, каждая из которых обладает способностью к самостоятельному развитию. Части развиваются как бы по очереди и неравномерно, не нарушая целостности системы. Эти элементы знания, взятые из системологии, помогают правильной оценке тех детальных наблюдений, которые уже сделаны.

Давно замечено, что одна и та же форма дна или венчика присуща сосудам разных форм, найденных в памятниках, относящихся к разному времени и расположенных в разных точках древнего мира.

С другой стороны, одна и та же форма в пределах одной культуры (или памятника), несмотря на различия в деталях, узнаваема, т. е. группа сходных вещей, сохраняя свою целостность, подвержена неравномерным и неодновременным изменениям, причем каждый шаг эволюции касается, как правило, одного-двух признаков [16, с. 110—113]

Примерно в таком же плане можно было бы говорить о сходстве и различиях в конструкциях и горла, и носика сосудов, черенка стрелы, кинжала, ножа и т. д. Все эти сопоставления чисто морфологические.

Изучение морфологии живого создало систему понятий, где среди важнейших органов и их частей нужно назвать следующие: план строения, сродство, модификация, мутация, ароморфоз и идеоморфоз, морфогенез, аналогия, гомология, гомологический и эволюционный ряды. Можно было бы продолжить перечень, но и этого достаточно для того, чтобы признать, что рассмотрение морфологии в приложении к древностям в качестве самостоятельной дисциплины может стать не только целесообразным, но и плодотворным.

Привнесение в археологию морфологии в ее полном виде, сопряженность морфологических изменений с эволюционными процессами, освобождение морфологии из тенет типологического метода, объединение всего мира древних вещей в большую систему, в некоторое подобие живого мира — все вместе равноценно информационному взрыву, равноценно открытию источника изучения древности, древних культур, древних производств, древних пластов истории техники.

Привнесение морфологии в археологию означало бы преодоление локально-хронологической специфики типологического метода. Это означало бы, что всякий раз будут выявлены не только локально-хронологические особенности вещевого комплекса некоторой археологической культуры. Оно вселяет надежду, что источник развития вещей, движущие силы, факторы и закономерности их эволюции будут найдены и определены. Более того, возможно будет построить генеалогическое древо эволюции вещного мира и создать генеральную классификацию древностей, о чем, работая в рамках типологического метода, нельзя и мечтать [6, с. 33].

Две последние задачи, которые можно было бы назвать генеральными, не имеют решения в археологии, но другие науки располагают опытом успешного решения задач подобного класса. Более того, поиски решения таких задач придали бы дополнительный смысл разрабатываемым прикладным задачам.

Обращение к разработке генеральных проблем и последовательное перенесение основ морфологии и эволюционной теории сопряжены с преодолением многих трудностей: теоретических, методологических, организационных и психологических. Прежде всего для предлагаемых задач, их постановки, разработки и решения нет ни материальных средств, ни свободных сил. Разработка таких задач предполагает создание новых алгоритмов и стереотипов мышления, что совсем непросто.

Разработка таких задач предъявляет особые требования к форме представления археологических данных. Нужны специальный понятийный аппарат, ясная терминология, нормированное описание по специально разработанным программам, строгое соблюдение правил и дисциплина. Всякая наука начинается с описания объектов. Проблема описания всегда актуальна, но есть моменты

в истории каждой науки, когда они становятся особенно острыми. Мне представляется, что в археологии наступил такой момент.

Описание должно быть полным, кратким, точным. Через описание исследователь определяет, как писал А. А. Любищев, великий биолог XX в., что открыто нечто принципиально новое или хорошо известное, но частично измененное. Отношение к описанию, бытующему в археологии, нельзя даже сравнивать с оценкой и отношением А. А. Любищева. Он полагает, что описание видов, в частности, является частью аналитической систематики; последняя включает в себя и разграничение видов, и распределение организмов по видам [17, с. 37—52].

Аналогичные задачи в археологии не имеют столь высокой оценки. Напротив, они являются частными задачами, которые решаются чаще с помощью группировки и подбора аналогий, а не аналитически.

Совершенно очевидно, что, отводя описанию второстепенную роль и не признавая за ним значения, которые ему свойственны, археолог теряет безвозвратно большую часть информации, содержащейся в древних вещах, которую можно было бы извлечь с помощью описания, с помощью регистрации морфологических признаков и характеристик.

Проблема описания, несмотря на все сложности, окружающие ее, имеет проект решения. В его основе лежит один из вариантов советско-польского коллективного труда, рабочее название которого — «Каталог анализов древнего стекла Восточной Европы и Закавказья с древнейших времен до XIII в.»[2]. На базе «Каталога» подготовлено учебное пособие [18]

Описание в целом рассматривается как система, а каждая его часть, морфология, технология и химический состав,— как подсистемы. Вследствие такого деления стала очевидной скрытая ранее связь подсистемы «Морфология стеклянных изделий» с системой «Морфология древних изделий» из любых других материалов, подсистемы «Технология изделий из стекла» с системой «Технология древних изделий» (из разных материалов).

Признание таких связей, в реальном существовании которых вряд ли можно сомневаться, облегчает использование положительного опыта, накопленного в других областях знания, в других науках и в практике. Оно расширяет поле приложения программ описания, с описания изделий из стекла их можно переносить на описание тех же категорий, выполненных в других материалах. Междисциплинарность, признанная особенность нашей науки, становится источником ее дальнейшего развития.

Все программы описания (их можно дополнять, поскольку они открытые) разделены на столбцы, в которых подобраны и пронумерованы понятия одного уровня, одинаковой глубины и емкости. Программы описания предваряет полный список конструктивных элементов, которые составляют каждый предмет категории. Конструктивные элементы комбинируются по-разному: одни вещи имеют простую конструкцию, другие, составленные из большого числа элементов,— сложную. В ходе развития конструкция может усложняться, а может упрощаться. Определить направление развития столь же важно, как и дать характеристику каждому его этапу. Анализ конструкции вещей дает необходимые основания для заключений такого рода.

Программы описания — это своего рода словарь терминов, словарь-классификатор. Матричная организация словаря делает его не только апостериорным, но и прогностическим; более того, он содержит в себе обычно отсутствующие элементы контроля и проверки.

---

[2] Над «Каталогом» работал коллектив, в состав которого входили археологи М. Декувна и Е. Ольчак (Польша), З. А. Львова, Н. П. Сорокина, Н. Н. Угрелидзе, Ю. Л. Щапова (СССР), химики А. Гирдвойнь (Польша), Р. А. Бахрадзе и Д. В. Наумов (СССР), математик С. В. Жак. Ответственные редакторы — В. Хенсель (Польша) и В. Л. Янин (СССР), сменивший А. В. Арциховского после его кончины.

Программы описания всех трех систем выявили глубинные свойства морфологии: в конце концов почти все химико-технологические характеристики, по которым устанавливается родство изделий [16, с. 92—93], запечатлены в морфологии. Это свойство морфологии особенно важно для музейных работников и для археологов-практиков, в распоряжении которых не всегда есть микроскоп или спектрограф.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что все сказанное выше о морфологии является откликом на трудности современного этапа в развитии археологии. Специализация становится все более дробной; полное и глубокое внимание к деталям, сосредоточенный интерес к частному размывает понимание особенного и тем более общего в эволюции вещей, в истории культур, эпох и регионов. В таких условиях все труднее «соединять» археологию и историю.

Сосредоточенное внимание к морфологии всех эволюционных процессов, которые более всего выражаются в частностях, особенно на микроэволюционном уровне, придаст огромное значение таким наблюдениям и выведет их на уровень исторических явлений.

Хотелось бы заметить, что трудности, с преодолением которых сопряжено развитие предлагаемого направления, обозначены лишь частично. Перспективы, которые открывает предлагаемое направление, обозначены конспективно. Еще в более общем плане представлены практические разработки. Сейчас важно определить теоретические основания направления: развитие не линии, а процесса; источники развития и его движущие силы, носители эволюции, механизмы взаимодействия и т. д.— все это должно быть найдено и обозначено.

Перспективы применения морфологии в археологии бесспорны. Сейчас уже выстроены эволюционные ряды, пусть короткие во времени и в пространстве, но это реальные ветви генеалогического древа, корни, ствол и общие контуры которого известны давно. Морфология без труда прибавит вещественному источнику силу и надежность, столь необходимую для решения назревших и формулирования новых научных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Розов М. А.* Пути научных открытий. (К критике историко-научной концепции Т Куна) // Вопр. философии. 1981. № 8.
2. *Городцов В. А.* Типологический метод. Рязань, 1927
3. Типы в культуре. Л., 1978.
4. Советская историческая энциклопедия. Т 14. М.: Сов. энциклопедия, 1973.
5. БСЭ. Т. 8. Советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1972.
6. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
7. *Hensel W., Tabaczynski S.* Les sources archeologiques et les sources ecrites dans les recherches sur les origines des villes: exemple slave // Archaeologia Polona. T. XXIV Ossolineum, 1985.
8. *Субетто А. И.* Системогенетические закономерности формирования и развития качества сложных объектов (системогенетика в теории качества объектов строительства). (Монография деп. ВНИИИС Госстроя СССР, рег. 5309 от 25.09.84). Ленинград, 1983.
9. *Ребане Я. К.* Социальная память // Вопр. философии. 1982. № 8.
10. *Баландин Р. К.* Время — земля — мозг. Минск, Наука и техника, 1973.
11. *Моисеев Н. В.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопр. философии. 1989. № 8.
12. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа (1885—1970). М., 1975.
13. *Черных Е. Н.* Связи типологических и химико-технологических признаков // СКМА. М.: Наука, 1975.
14. *Беклемишев В. Н.* Основы сравнительной анатомии беспозвоночных. М.: Сов. наука, 1952.
15. БСЭ. Т. 18. М.: Сов. энциклопедия, 1974.
16. *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М.: Изд-во МГУ, 1983.
17. *Любищев А. А.* Проблемы формы, систематики и эволюции организмов // Сб. статей. М.: Наука, 1982.
18. *Щапова Ю. Л.* Древнее стекло (морфология, технология, химический состав). М.: Изд-во МГУ, 1989.

Московский государственный университет

Yu. L. SHCHAPOVA

ARCHAEOLOGY AND MORPHOLOGY

Summary

Archaeology uses actively the ideas, methods and theories of different branches of science. The usage of scientific methods has changed the structure of archaeological knowledge, when the investigation of life and activity of ancient people became a field of knowledge. Morphology being the branch of science dealing with the form, construction and interrelation of parts of an object for archaeology has in potention the properties of a special field of knowledge. Constructive and morphological study of an artefact, explanation of its structure and searching its natural place in the general system of ancient artefacts surmises some new approaches to their description. The introduction of morphology in archaeology would become a base for creation of the evolutionary «tree» for the whole world of things and making a general classification of antiquities. They would help in searching sources and appropriatenesses of development of ancient artefacts.

Публикации

В. К. ПЯСЕЦКИЙ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЖОРНОВ: ВЕРХНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Между селами Варковичи и Жорнов Дубновского р-на Ровенской обл. на правом берегу р. Стубла (левый приток р. Горынь) в рельефе хорошо выражено плато с относительной высотой над поймой около 60 м. Это плато является крупным эрозионным останцем существовавшей ранее сплошной выровненной поверхности, которая тянулась с юга, со стороны Мизочской возвышенности, входящей в состав Волынской возвышенности. С поверхности здесь лежит комплекс образований лессовой формации, ниже залегают известняки и пески сарматского яруса, а еще ниже — мел туронского яруса. Голоценовый аллювий Стублы глубоко врезан в толщу мела.

С дороги Ровно — Дубно на склоне плато, обращенном в долину речки, хорошо видны карьеры по добыче известняка. Своеобразное геоморфологическое строение местности натолкнуло на мысль, что здесь не исключено существование палеолитических местонахождений.

В 1982 г. был обследован действующий карьер на месте древнерусского городища в урочище Замок. Карьер находится на южной окраине с. Жорнов, на северо-западном выступе плато.

Лессовидные суглинки сохранились теперь только в отдельных местах карьера (рис. 1). Здесь обнаружен ряд пунктов с палеолитическими находками.

Геологические разрезы в пунктах 2, 5, 5А и 6 мало чем отличаются друг от друга (рис. 2, *1*). Современную почву подстилают лессовидные суглинки мощностью от 1 м на северном краю мыса до 1,5—2 м в пунктах 2,5 и 6. Ниже, на известняке, лежит не выдержанный по простиранию слой известнякового аллювия в виде обломков небольших размеров. Промежутки между ними выполнены известково-глинистым осадком. Цвет этого слоя ярко-бурый, а мощность не более 0,1—0,15 м. Цвет слоя и другие его особенности позволяют утверждать, что это своеобразная погребенная почва. В пункте 2 выше над слоем прослежены следы криотурбации (рис. 2, *1*)

В пункте 6 в этой погребенной почве обнаружена мастерская, где среди находок выделяется несколько ориньякоидных форм орудий и пластина леваллуазского типа. Несколько артефактов в этих же условиях встречено в пунктах 5 и 5А. Смешанная, разнокультурная индустрия обнаружена в зачистке в пункте 2. Это скребла с крутым рабочим краем, два нуклеуса мустьерских типов, крупный плечиковый скребок, сформированный лямелярной ретушью (ориньякский тип орудия), рубящее орудие типа тех, что характерны для верхнего культурного слоя в пункте 4, и обломок листовидного, двусторонне обработанного изделия, отретушированного плоской, так называемой солютрейской ретушью. Здесь же обнаружено несколько обломков костей ископаемых животных.

В пункте 1 разрез несколько иной. Здесь под лессовидным суглинком мощностью всего 0,5—0,6 м лежит супесь от ярко-бурого до красноватого цвета,

© В. К. Пясецкий, 1991 г.

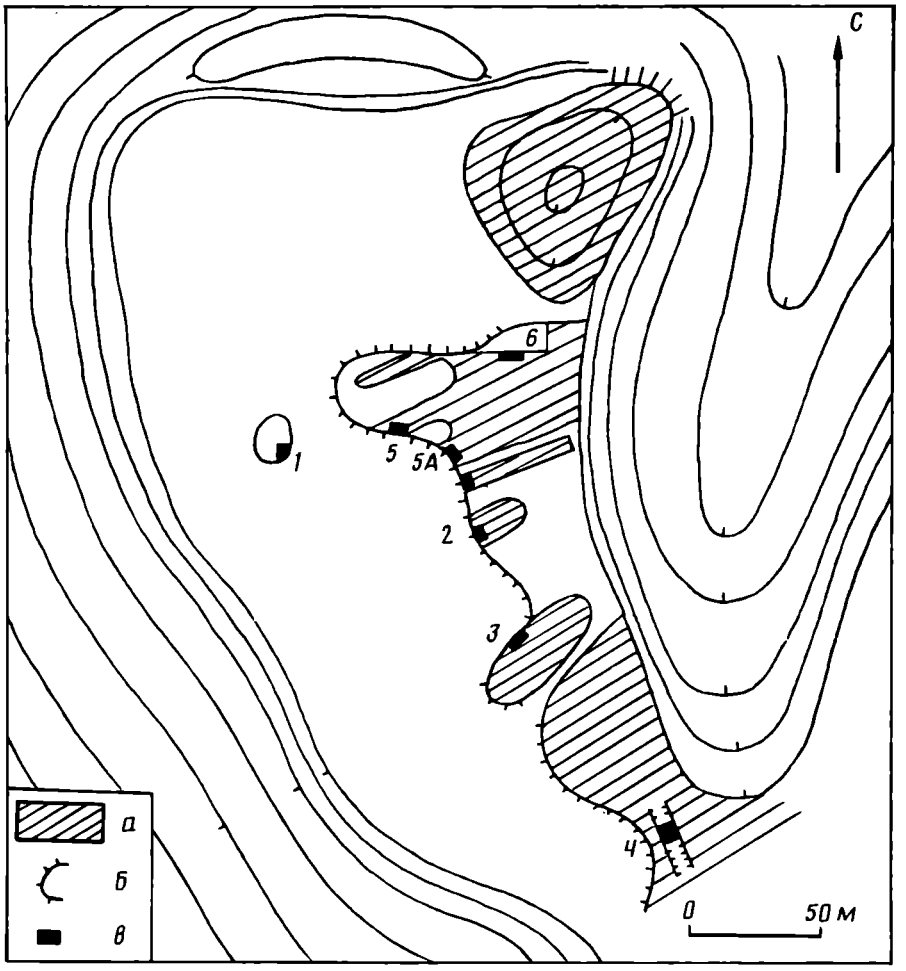


Рис. 1. Схематический план карьера в районе с. Жорнов. Пункты с палеолитическими находками. *а* — участки в карьере, где сохранился лессовидный суглинок; *б* — забои карьера; *в* — пункты с палеолитическими находками

с пониженной карбонатностью (рис. 2, *2*) Генезис супеси делювиальный, с наложенным процессом почвообразования. Это та же погребенная почва, что и в предыдущих пунктах, но иного литологического состава, что связано с положением этого образования на склоне плато. В средней части профиля погребенной почвы, но все же ближе к подошве обнаружен небольшой мустьеро-левалуазский комплекс и обломки зубов мамонта плохой сохранности.

В пункте 3, под остатками поперечного вала городища, ближе к тому месту, где мыс переходит в плато, мощность лессовидных суглинков увеличивается (рис. 2, *3*). Ниже лежит суглинок желтоватого и светло-серого цвета с криотурбированной кровлей (слой 4). Под суглинком залегает супесь, аналогичная таковой в пункте 1 (слой 5). В ней найдены зерна морского минерала глауконита. По гранулометрии супесь ничем не отличается от лежащего ниже сарматского песка, поэтому можно считать, что генезис супеси делювиальный, со следами почвообразовательных процессов. Материалом для супеси был сарматский песок. С подошвы лессов в супесь и песок опускается псевдоморфоза по ледяной жиле. Ее заполнение — «обломки» боковых пород, которые при вытаивании жилы были захоронены полностью размерзшейся супесью и песком и затем растаяли, будучи уже погребенными. В этом пункте, в раскопе площадью около 12 м^2, в кровле супеси обнаружена мастерская с нуклеусами, отщепами, пластинами и небольшим количеством орудий, которые имеют граветтские черты. Во всяком случае, этот комплекс уже полностью верхнепалеолитический, без каких бы то ни было архаических пережитков. На этом же уровне

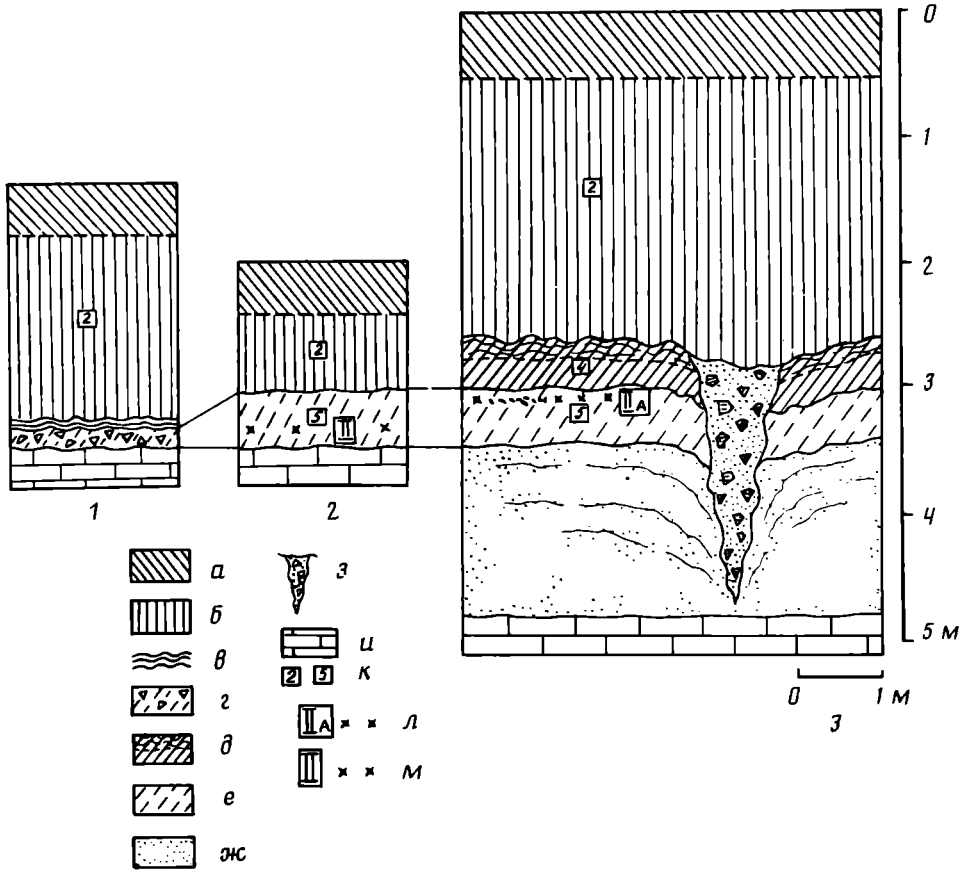


Рис. 2. Жорнов, геологические разрезы. 1 — усредненный разрез в пунктах 6; 5; 5А; *2* — разрез в пункте 1; *3* — разрез в пункте 3. *а* — голоценовая почва; *б* — суглинок лессовидный; *в* — зона криотурбаций; *г* — погребенная почва в пунктах 6; 5; 5А; 2; *д* — суглинок, в верхней части криотурбированный; *е* — супесь; *ж* — песок сарматского яруса (неоген); *з* — псевдоморфоза по ледяной жиле; *и* — известняк сарматского яруса; *к* — номера слоев (нумерация сквозная для всего местонахождения); *л* — средний культурный слой; *м* — нижний культурный слой

залегал древесный уголь от размытого кострища (рис. 2, *3*). Очевидно, что леваллуазские изделия в пункте 1 лежат стратиграфически ниже артефактов пункта 3.

Наиболее интересные комплексы обнаружены в пункте 4, в ранее прорытой вскрышной траншее. Траншея срезает покровные суглинки и местами образования с тремя культурными слоями (рис. 1—4). Здесь была произведена расчистка, а далее раскоп 1 (рис. 4).

Стратиграфия в этом месте более сложная, чем в предыдущих (рис. 3), что обусловлено более глубоким делювиальным расслоением разреза. Это расслоение стало возможным в связи с тем, что пункт находится в присклоновой части мыса. Оно привело к тому, что культурные слои здесь хорошо разделяются по вертикали.

По стенкам раскопа составлен ряд разрезов. Приведем разрез по линии Е—Ж (рис. 3; 4). Под современной почвой (верхняя часть разреза на рис. 3 не показана) до глубины 3,7 м от условной нулевой точки лежат лессовидные суглинки, которые делятся на два подгоризонта. Верхний подгоризонт (слой 2А) — суглинок лессовидный, палево-желтый, макропористый, карбонатный, неслоистый. Он отделяется от нижнего подгоризонта (2В) прослоем (2Б) пылеватого песка светло-зеленовато-желтого цвета. Нижний подгоризонт (2В) — суглинок лессовидный, похожий на слой 2А, но с сероватым оттенком. В интервале 3,7—4,05/4,10 м — суглинок светло-бурого, местами сероватого и желтоватого цвета, плотный (слой 4). Верхняя часть этого слоя (4А) криотурбирована, а в гребни криоструктур выжат мелкий глинистый песок (слой 3). Криотурбация привела

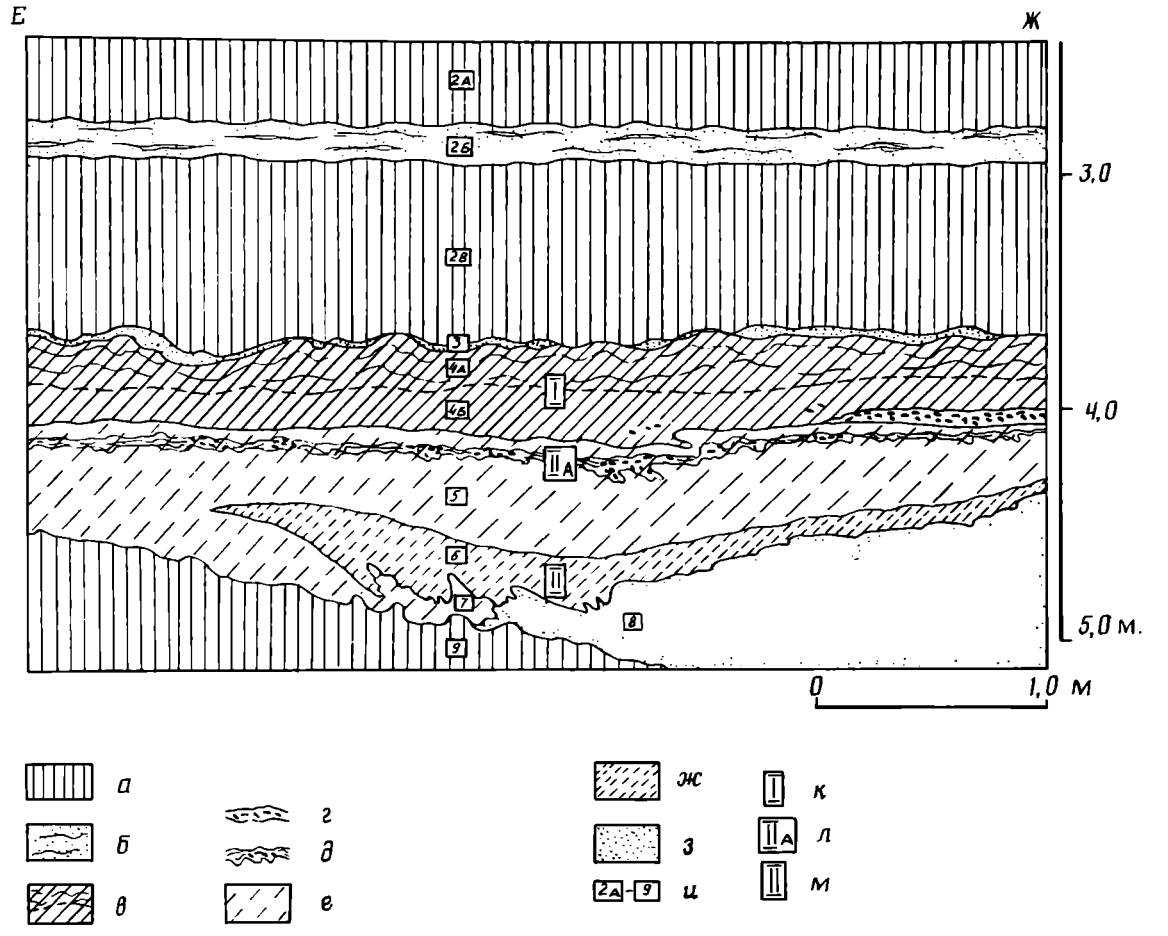


Рис. 3. Жорнов, геологический разрез в пункте 4, раскоп 1 по линии Е — Ж. *а* — суглинок лессовидный; *б* — песок пылеватый; *в* — суглинок, в верхней части криотурбированный; *г* — размытое кострище в подошве слоя 4; *д* — следы размытых кострищ с древесным углем в слое 5; *е* — супесь буровато-желтая; *ж* — супесь светло-серовато-коричневая; *з* — песок; *и* — номера слоев; *к* — верхний культурный слой (I), *л* — средний культурный слой (IIА); *м* — нижний культурный слой (II)

к вторичному оглеению слоя 4. Этот слой имеет делювиальный генезис, так как содержит небольшое количество мелких (до 2—3 см) обломков сарматского известняка, зерна глауконита. В слое видны более темные следы корней растений, разнонаправленно расположенные карбонатные трубочки инкрустации корней. В нижней части слоя, которая не втянута в зону криогенного влияния, отмечены псевдомицеллярные выделения. Таким образом, мы имеем дело с делювием, на который наложен почвообразовательный процесс. На то, что слой 4 был первично более гумусированный, указывает темно-коричневый цвет костей животных, найденных в этом слое. В целом слой слабо наклонен на юг, что видно на некоторых из разрезов. К слою 4 приурочен верхний культурный слой (I).

При сравнении разрезов пунктов 3 и 4 (рис. 2, *3*; рис. 3), видно, что слой 4 отвечает в разрезе соответствующему слою в пункте 3.

Ниже слоя 4 в пункте 4 залегают мелкопесчаные неслоистые супеси желтоватого цвета с подошвой на глубине 4,4—5 м. Это пятый слой разреза. Хотя цвет их несколько иной, чем в пунктах 1 и 3, но это то же самое образование. В слое 5 встречены вертикально ориентированные трубочки инкрустации корней растений. Почти в кровле супеси лежит прослой с большим количеством древесного угля. Легко заметить, что он полностью соответствует в разрезе положению подобного прослоя в пункте 3. К этому прослою приурочен культурный слой IIА. На площади раскопа на уровне углистого прослоя обнаружено несколько пластин и обломок граветтского острия. Форма и техника обработки одной из

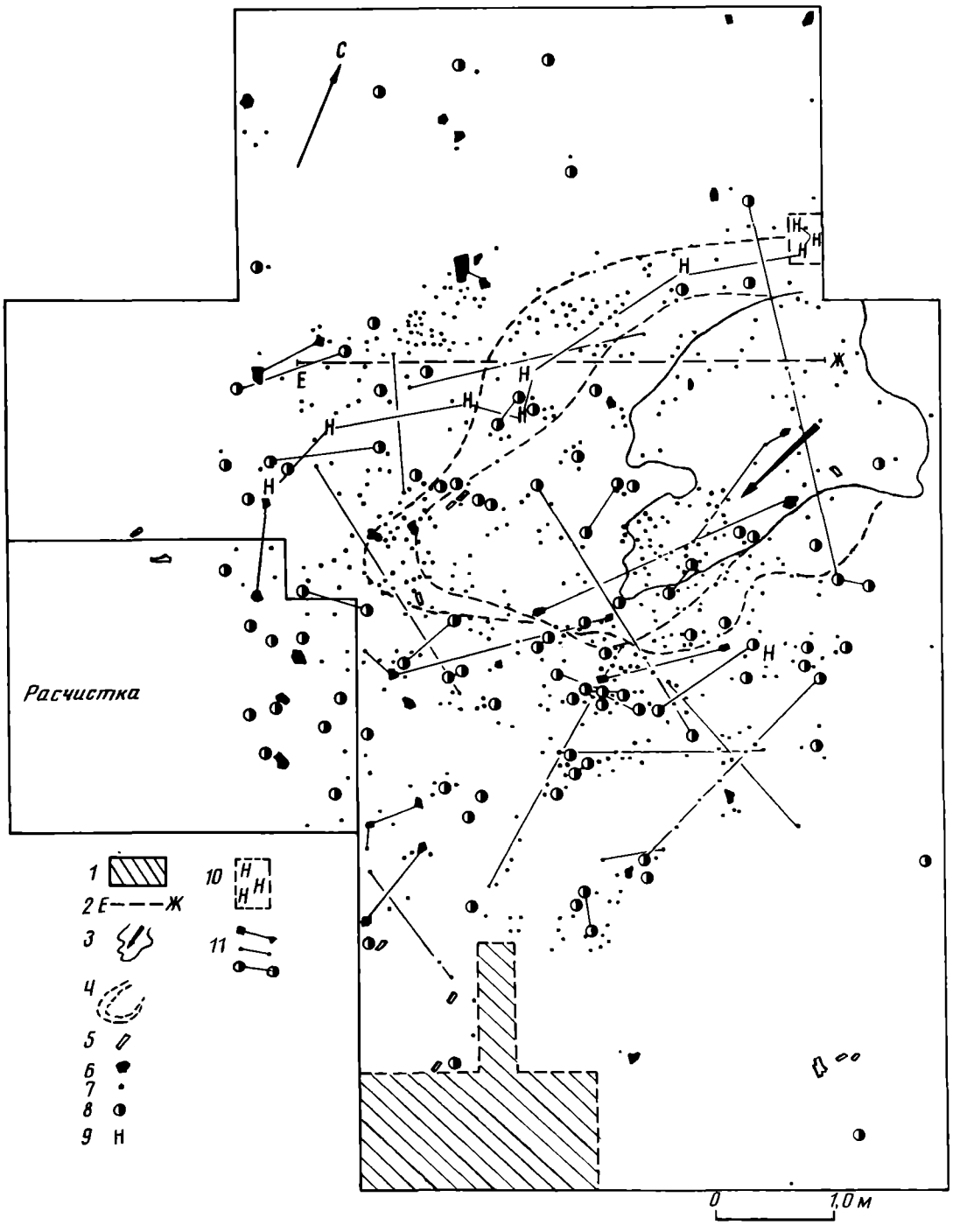


Рис. 4. Жорнов, пункт 4, раскоп 1. Верхний (I) культурный слой. *а* — участок, где при разработке карьера срезан верхний культурный слой; *б* — линия геологического разреза; *в* — контур размытого кострища, направление размыва; *г* — площадь с преобладанием артефактов в слое 4Б (внешний контур) и площадь с максимальной концентрацией пережженного кремня (внутренний контур), *д* — обломки костей животных; *е* — крупные обломки кремней (в основном плитчатые); *ж* — мелкие обломки кремней, отщепы, пластины, чешуйки; *з* — орудия труда, их обломки, *и* — нуклеусы; *к* — обломки разбитого нуклеуса, найденные между культурными слоями IIА и II, *л* — некоторые связи между поломанными или разбитыми в древности обломками кремня, пластинами, орудиями

пластин не вызывают сомнения, что комплексы находок в пунктах 3 и 4, приурочённых к углистому прослою, одновременны и однокультурны.

В слой 5 вклинивается слой 6 (рис. 3) — супесь светло-коричневато-серого цвета. В наиболее углубленных участках эта супесь часто переходит в более темный суглинок. Подошва слоя 6 неровная, часть материала вмыта в нижележащий осадок. К слою 6 приурочен нижний культурный слой (II), а за пределами

распространения слоя 6 культурный слой II лежит в слое 5, на уровне слоя 6 (рис. 3). В слое 6 частично раскопана стоянка с набором инвентаря, характерного для мустьеро-леваллуазских индустрий.

Слой 7 фактически является тем же слоем 5, а слой 6 подстилается часто слоем 7 (т. е. фактически полностью лежит в слое 5). Местами слой 6 лежит на слое 8 — среднемелкозернистом кварцевом песке, который появляется на более низких отметках древнего рельефа. Слои 7 и 8 стерильны. Они лежат на лессовидных суглинках, мощность которых здесь около 8 м. Эти суглинки (слой 9) слабослоисты. Они появляются в разрезе в 20—30 м южнее пункта 3, где их мощность не более 0,5—0,6 м, а в пункте 4 заполняют эрозионную впадину, которую, очевидно, унаследует современная балка, находящаяся восточнее карьера (рис. 1). Этот факт означает, что рельеф во время существования слоев 4—8 был в основных формах похожим на современный.

Кровля слоя 9 резко понижается в сторону балки. Эта кровля вместе с подошвой слоев 5 и 7 и особенно 8 сильно криотурбирована, возможно, имели место слабые солифлюкционные перемещения.

Для датирования сложного, явно интерстадиального или даже межледникового комплекса (слоев 4—8) в пункте 4 или соответственных слоев в других пунктах местонахождения имеет значение не столько состав и другие особенности этих осадков, так как этот состав, как было показано, изменяется в разных местах, сколько положение слоев в разрезе.

Покровные суглинки плато (типа слоя 2, в пункте 4) в разрезах Волынской возвышенности довольно легко идентифицируются благодаря своим особенностям, о которых коротко уже упомянуто. Это же касается и суглинков типа слоя 9. Известны разрезы, где суглинки типа слоя 2 непосредственно налегают на осадки, аналогичные слою 9. Примером является разрез карьера Басов Кут (городская черта г. Ровно). Здесь суглинки отделены лишь поверхностью несогласия (размыва). Сходная картина наблюдалась и в карьере около с. Коршев Здолбуновского р-на Ровенской обл. В Коршеве тоже обнаружена мощная псевдоморфоза по повторно-жильному льду. В карьере около с. Городок Ровенского р-на на правом берегу р. Устье (левый приток р. Горынь) наблюдается сходная псевдоморфоза, с затянутой в нее черноземовидной почвой. На Волынской возвышенности такие псевдоморфозы очень характерны именно для времени, что следует за осадконакоплением погребенных почв или других образований, синхронным слоям 4—8 Жорнова.

Для некоторых разрезов характерны и сами погребенные почвы — супеси красноватого цвета (типа супесей в пунктах 1,3 и 4 Жорнова).

Такие супеси отмечены на стоянке Липа I [1, с. 37, рис. 8], на стоянке Иваничи в Ровенском р-не [2, с. 49—56] и в карьере около с. Подгорцы (тоже в долине р. Стубла).

Особенности лессов слоя 2 Жорнова позволяют отнести их к причерноморскому горизонту, который выделил М. Ф. Веклич [3, с. 57, рис. 26]. Слой 9 несет в себе признаки, типичные для бугского горизонта. В таком случае слои 4—8 и соответственные им слои в других пунктах Жорнова нужно относить к дофиновскому горизонту, который М. Ф. Веклич коррелирует с паудорфом Австрии [3, с. 210]. Паудорфский возраст слоев 4—8 подтвержден теперь радиоуглеродной датой по древесному углю для культурного слоя IIA. Возраст слоя IIA составляет 28100 ± 500 лет до наших дней (ГИН — 4143, письмо Н. Д. Праслова от 05.12.85 г.) [1]

Даты для стратотипических разрезов паудорфа и штильфрида В в Австрии следующие. В Паудорфе по гумусу из образца с подошвы паудорфской почвы получена дата 33800 ± 500 лет до наших дней (Grn — 3190), другая дата, тоже по гумусу с какой-то части профиля почвы — 29250 ± 500 лет (Gn — 4541) [4,

---

[1] Проба древесного угля попала в ГИН АН СССР благодаря содействию С. С. Березанской и Н. Д. Праслова, за что автор выражает глубокую благодарность.

с. 37]. Но А. И. Москвитин считает эти даты по гумусу омоложенными. В Штильфриде по древесному углю с подошвы лессов над погребенной почвой получена дата 27990±200 лет до наших дней [4, с. 45]

По той причине, что положение слоев 4—8 разреза Жорнов аналогично положению погребенных почв в Паудорфе и Штильфриде, и по причине значительного совпадения всех приведенных дат возраст слоев 4—8, которые лежат между причерноморским и бугским лессом, действительно паудорфский (штильфрид В).

Дальше речь будет идти только о слое 4, заключающем верхний (I) культурный слой Жорнова. При раскопках этот слой был разделен на верхнюю, криотурбированную часть и нижнюю (слои 4А и 4Б). Это деление довольно условно, так как четкой границы не существует, но оно дало определенные результаты.

Несмотря на первично делювиальный генезис слоя 4, какого-то значительного переотложения артефактов не было, о чем могут свидетельствовать планиграфические данные и связи между поломанными в древности кремнями (рис. 4). Таких связей (количеств пар находок, которые соединяются) установлено 59. Часть их показана на рис. 4. Отсутствует доминирующее направление перемещения кремней (конус рассеивания), следовательно, не было и значительного природного перемещения артефактов. На незначительное влияние размыва указывает и тот факт, что концентрация мелких чешуек практически совпадает с площадью концентрации других предметов, хотя местами чешуйки все же несколько перемещены. Явление практически инситного положения комплекса остается не совсем ясным, если учесть, что в слое имеются мелкие обломки известняка, переотложенные с более отдаленных мест.

Интересно отметить, что в некоторых случаях наиболее крупные, теплоемкие куски кремня и орудия расколоты в результате влияния сурового климата, наступившего после образования слоя 4. Отсутствие патины на плоскостях расколов может означать, что растрескивание проходило внутри слоя 4.

В подошве слоя 4Б зафиксировано размытое кострище с древесным углем и пепельными полосами. Направление размыва показано на рис. 4. В пределах размыва обнаружены мелкие кусочки лимонита и красной охры, охристые полосы. Некоторое количество охры встречено и за пределами площади размыва. Нет сомнения, что обжигом лимонита на стоянке получали охру. Это подтвердилось экспериментально. При прокаливании лимонит теряет воду и превращается в гематит, который и в природе часто имеет красный цвет (название происходит от слова «гематос» — кровь) [5, с. 140, 392]

Кострище расположено на несколько возвышенном месте. Южнее его существовало какое-то углубление в пределах слоя 4 (рис. 4). Именно в этом углублении наблюдалось некоторое переотложение чешуек и мелких обломков кремня со следами действия огня. Причем в пределах размыва кострища горелый кремень залегал преимущественно в слое 4Б, как и само кострище, а дальше количество таких кремней в слоях 4А и 4Б приблизительно одинаково. В пределах углубления в слое 4Б найдены и обожженные обломки плитчатого кремня, который характерен для этой стоянки, но большинство таких обломков (без следов действия огня) залегало в слое 4А. Поэтому наряду с данными планиграфии, несмотря на то, что кострище лежит в подошве слоя 4, одновременность его существования со всем комплексом находок не вызывает сомнения, хотя некоторые детали остаются непонятными.

Большинство артефактов за пределами углубления приурочено к верхней части слоя 4А. В 10 квадратах за этими пределами, где фиксировалось вертикальное положение каждого кремня, 81 предмет вместе с орудиями лежал в самой верхней части слоя 4А, а 30 предметов — в средней или нижней части этого слоя, тогда как здесь же, в слое 4Б, было 28 предметов. Таким образом, культурный слой I тяготеет к кровле слоя 4, во всяком случае, к верхней его части.

В углублении расщепленный кремень преобладал в слое 4Б, реже на 1 м^2 его здесь было поровну в обоих слоях. Но углубление нельзя, видимо, принимать

Таблица 1

Категория индустрии	Количество, шт.	Количество, %
Обломки	142	16,5
Отщепы	199	23,2
Чешуйки	335	39,0
Пластины, пластинки	65	7,6
Пластинчатые снятия, треугольные в сечении	22	2,6
Нуклеусы	3	0,3
Орудия	93	10,8
Итого	859	100

за следы жилища, так как здесь не обнаружено какой-то особенной концентрации артефактов, отсутствует остеологический материал.

На гомогенность индустрии слоя I указывают наряду с другими данными и 10 пар связей (в том числе и между плитчатыми обломками и орудиями) между слоями 4А и 4Б, наличие в обоих слоях архаических типов орудий и менее архаических (однотипных резцов) и обломков горелого кремня.

Незначительная концентрация на 1 м^2 — максимум 40—54 кремня, а в среднем значительно меньше — может свидетельствовать о непродолжительном времени существования стоянки, оставленной небольшой группой людей.

На кратковременность существования стоянки указывает и остеологический материал. Находок костей животных мало (рис. 4). Все они найдены в слое 4Б, сохранность их плохая.

Для изготовления орудий применялся кремень темно-серого и черного цвета — желвачный, плитчатый и очень своеобразные заготовки, которые образовались при растрескивании желваков в результате природного перепада температур. Назовем их «морозными отломами». Такие отломы имеют в плане изометрические очертания, а в сечении они линзовидные. Есть данные, что такой кремень мог собираться на сильно эродированном останце, который находится на северной окраине с. Жорнов — горе Тыпир.

Приведем данные, которые характеризуют основные категории индустрии слоя I (табл. 1).

В категорию обломков вошло 22 экз. плитчатого кремня, часто довольно крупного, со следами снятия нескольких отщепов или попытки обработки; в числе других обломков и некоторое количество образовавшихся под действием огня. Отщепы первичные и вторичные, это явно отходы производства. Пластины в большинстве случаев вторичные — 44 экз. Преобладают крупные и широкие, не совсем правильной формы (рис. 5, *2*). Всего семь изделий, в том числе и несколько мелких пластинок, хорошо огранены. Все отщепы и пластины имеют позднепалеолитический вид. Нуклеусов — три. Один из них (рис. 5, *1*) — леваллуазского типа, с уплощенной рабочей поверхностью, с тыльной стороны подправленный. С него пытались снять крупный отщеп с радиальной огранкой спинки и фасетированной ударной площадкой, но попытка оказалась неудачной ввиду залома. Этот нуклеус составлен из многочисленных бессистемно разбитых кусков. Куски найдены в разных местах раскопа в слоях 4А и 4Б, а три экземпляра — между культурными слоями II и IIА (рис. 4). Все это дает право считать, что нуклеус попал в слой I из культурного слоя II[2]. Другой нуклеус — призматический (рис. 5, *3*), следующий — в начальной стадии обработки [3] Небольшое количество нуклеусов (нуклеус леваллуазского типа при этом следует исключить) указывает на то, что большинство заготовок снималось где-то

[2] Это подтвердилось в процессе раскопок 1986 г.: в слое II был найден типичный мустьерский отщеп, который подошел к нуклеусу.

[3] В 1986 г. найден еще один подпризматический одноплощадочный нуклеус, изготовленный из плитчатого обломка кремня.

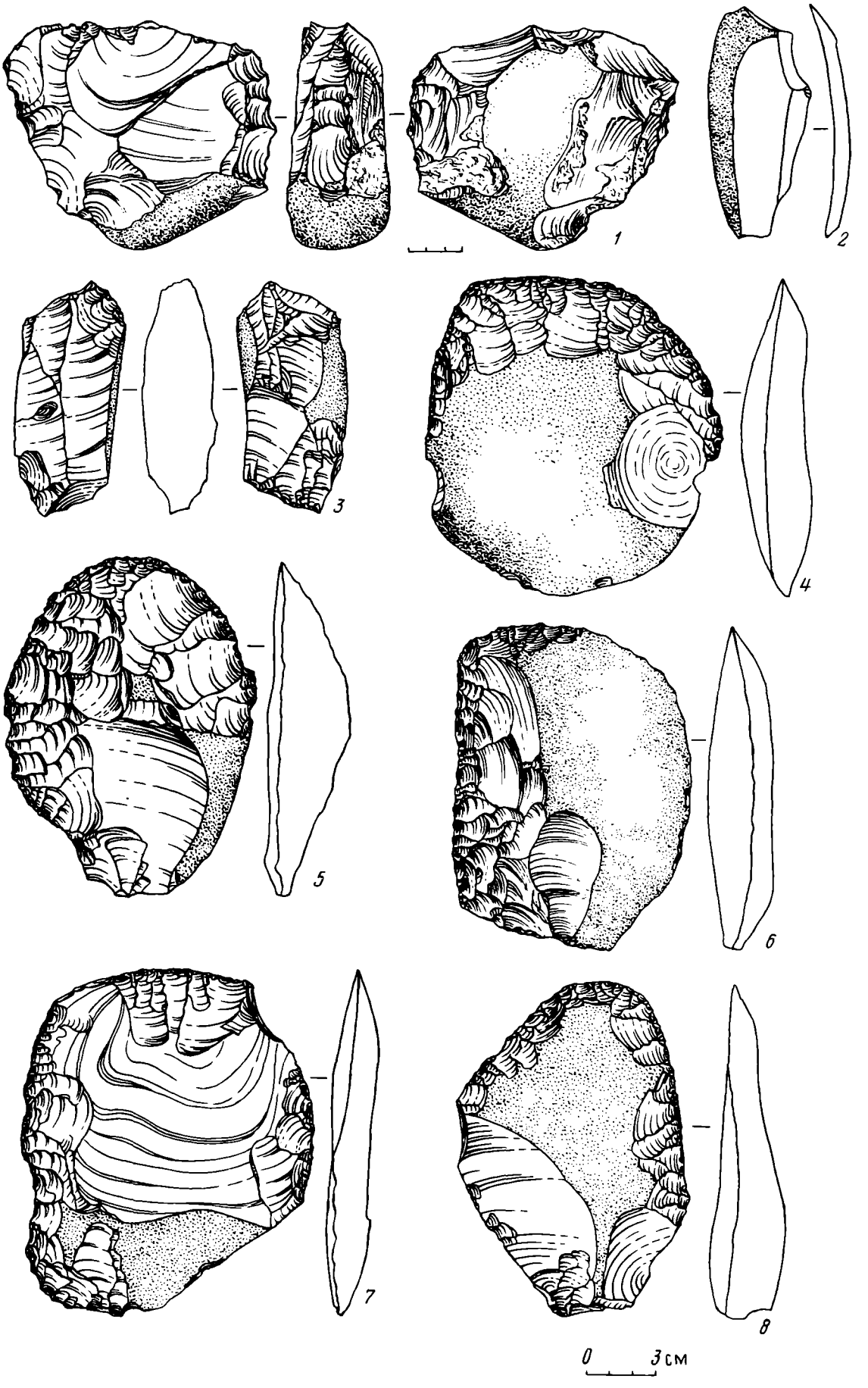


Рис. 5. Жорнов, раскоп I. Инвентарь верхнего культурного слоя (*1—8*)

Таблица 2

№ п.п.	Категория орудий	Количество, шт.	Количество, %
1	Рубяще—режущие орудия	3	3,2
2	Ножи	10	10,7
3	Скребла	5	5,4
4	Лимас	1	1,1
5	Пластина с круговой ретушью	1	1,1
6	Листовидные орудия	4	4,3
7	Незаконченные, двусторонне обработанные орудия	9	9,7
8	Острия	3	3,2
9	Скребки	12	12,9
10	Резцы	13	14,0
11	Пластины с ретушью	26	27,9
12	Отщепы с ретушью	2	2,2
13	Неопределимые формы в обломках	4	4,3
	Итого	93	100

за пределами стоянки. Основные категории орудий культурного слоя I стоянки Жорнов (раскоп 1) представлены в табл. 2.

На морозных отломах изготовлено 12 различных орудий. Сам тип такой заготовки обусловил то, что эти орудия обработаны односторонне. Все рубящие орудия изготовлены из морозных отломов (рис. 5, *4, 5*, рис. 6, *1*). Два из них имеют значительный вес. Ретушь приостряющая, распространенная, мустьерского типа. Эти орудия могли использоваться и для резания.

Ножи — на морозных отломах (рис. 5, *6, 7*; рис. 6, *5, 9*), отщепах (рис. 5, *8*), пластинчатых отщепах и пластинах. Один из ножей (рис. 5, *6*) мог быть использован в качестве рубящего орудия. С обратной стороны он частично ретуширован. Другой нож (рис. 5, *7*) на сравнительно тонком морозном отломе, отретуширован уплощающей ретушью. Такой же ретушью обработан нож на крупном отщепе (рис. 5, *8*) Выделяются ножи с площадкой-гранью и обушком. Ножей с площадкой-гранью 2 экз. (рис. 6, *7, 11*). Изготовлены они из пластин. Ножей с обушком тоже два. Один из них (рис. 6, *9*) имеет обушок, сформированный отвесной ретушью. У другого ножа обушок круто ретуширован, а на левом боку ретушь зубчатая, скорее всего это ретушь утилизации (рис. 6, *10*). Это последнее орудие формально можно назвать скреблом со сходящимися лезвиями (конвергентным скреблом). Своеобразны нож с косым лезвием (рис. 6, *6*) и нож серповидной формы (рис. 6, *8*). Ретушь на ножах приостряющая, в отдельных случаях полукрутая (рис. 6, *8*), в одном случае приближается к «солютрейской» (рис. 6, *9*).

Скребла отличаются от ножей крутой ретушью рабочего края (рис. 6, *2—4*). Особой надобности характеризовать их нет. Отметим только изделие на крупной реберчатой пластине (рис. 6, *3*). Имеется скребло подовальной формы, оно ничем не отличается от некоторых мустьерских типов.

Лимас (рис. 6, *12*) обработан крутой ретушью. Пластина с круговой приостряющей, а на отдельных участках (на левой стороне) и с более крутой ретушью изображена на рис. 6, *13*.

Как было сказано, листовидные орудия изготовлены на морозных отломах (рис. 6, *14—16*). Заготовки подбирались такой формы, что некоторые их участки не требовали ретуширования. Но на других участках ретушь распространенная, что может указывать на то, что форма этих орудий обусловлена традицией. Не исключено, что орудия, изображенные на рис. 6, *14, 16*, могли быть наконечниками дротиков.

Из плитчатого кремня и уплощенных конкреций изготавливались двусторонние обработанные орудия, но найденные артефакты явно не закончены (рис. 7, *1, 2*). Изготовление двусторонне обработанных орудий было наиболее трудоемким, они, наверное, очень ценились и были унесены за пределы стоянки. Обломок листовидного, двусторонне ретушированного орудия, сформированного плоской

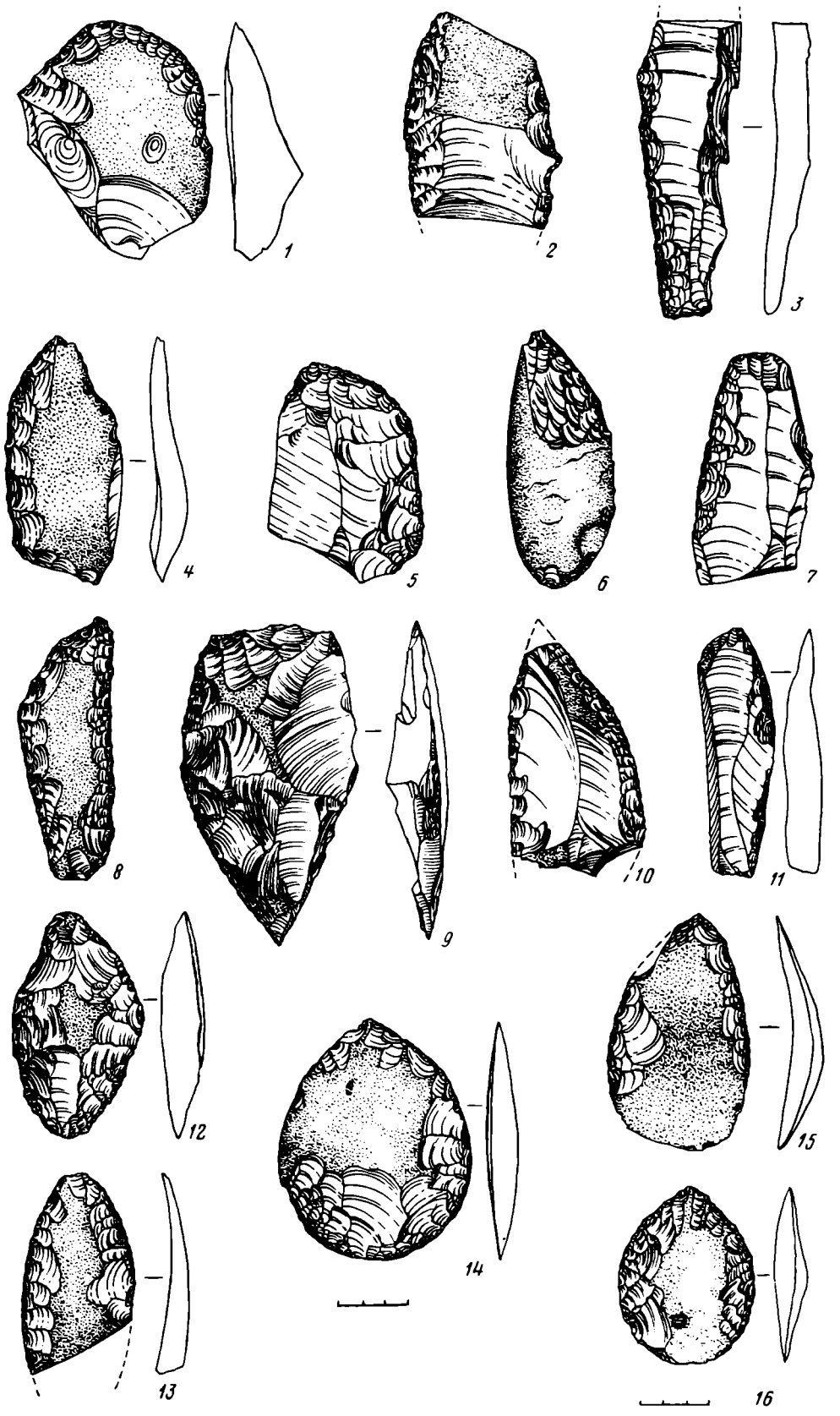


Рис. 6. Жорнов, раскоп 1 Орудия труда верхнего культурного слоя (*1—16*)

«солютрейской» ретушью, найден в смешанном комплексе в пункте 2 (рис. 7, *3*), однако синхронно ли это орудие с комплексом слоя I в пункте 4, неизвестно.

Интересно острие, похожее на остроконечник (рис. 7, *6*), но общий вид его все же верхнепалеолитический. Другое острие на тонком отщепе (рис. 7, *4*), что

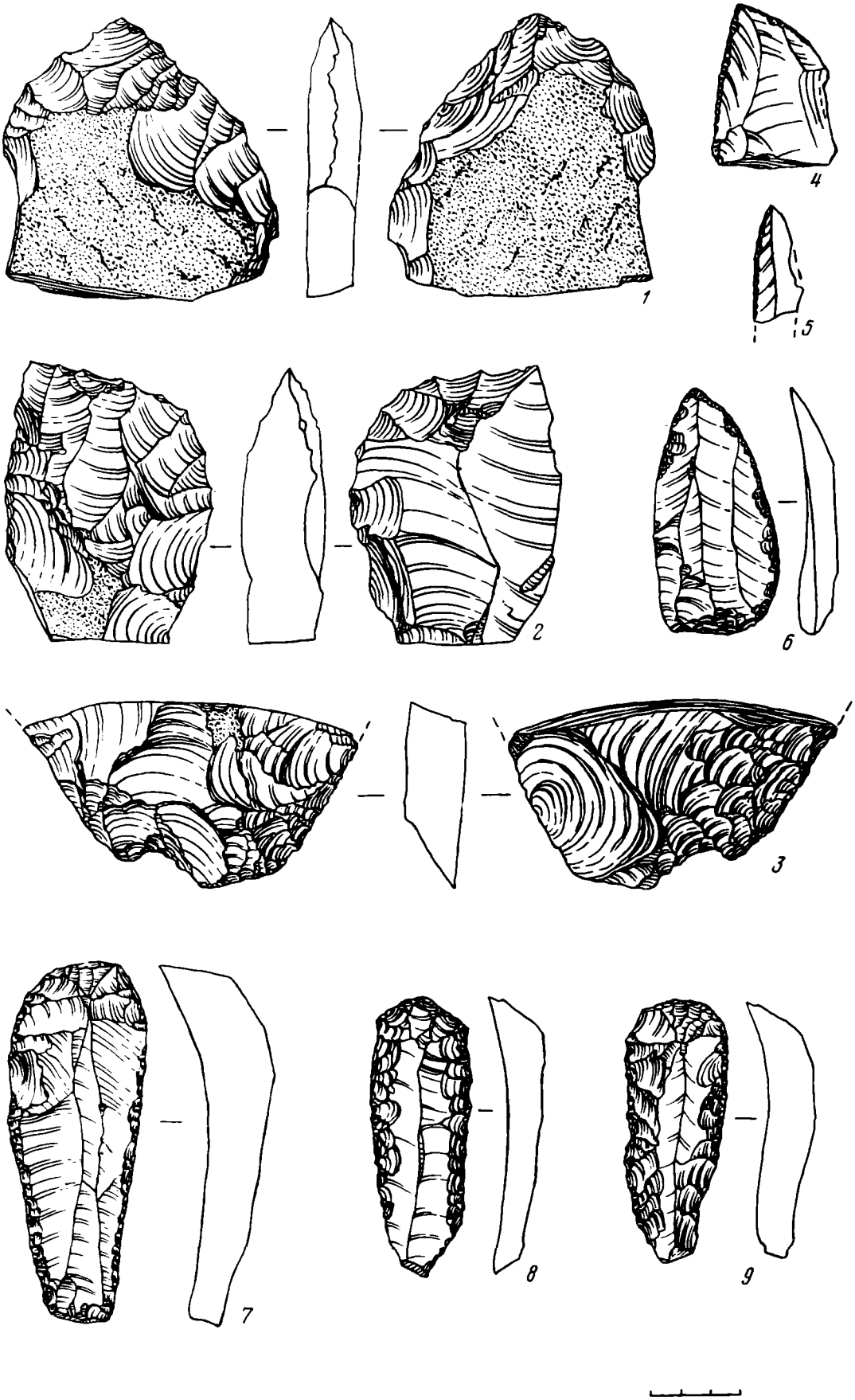


Рис. 7 Жорнов. Орудия верхнего культурного слоя из раскопа 1 (*1, 2, 4—9*) и обломок орудия из пункта 2 (*3*)

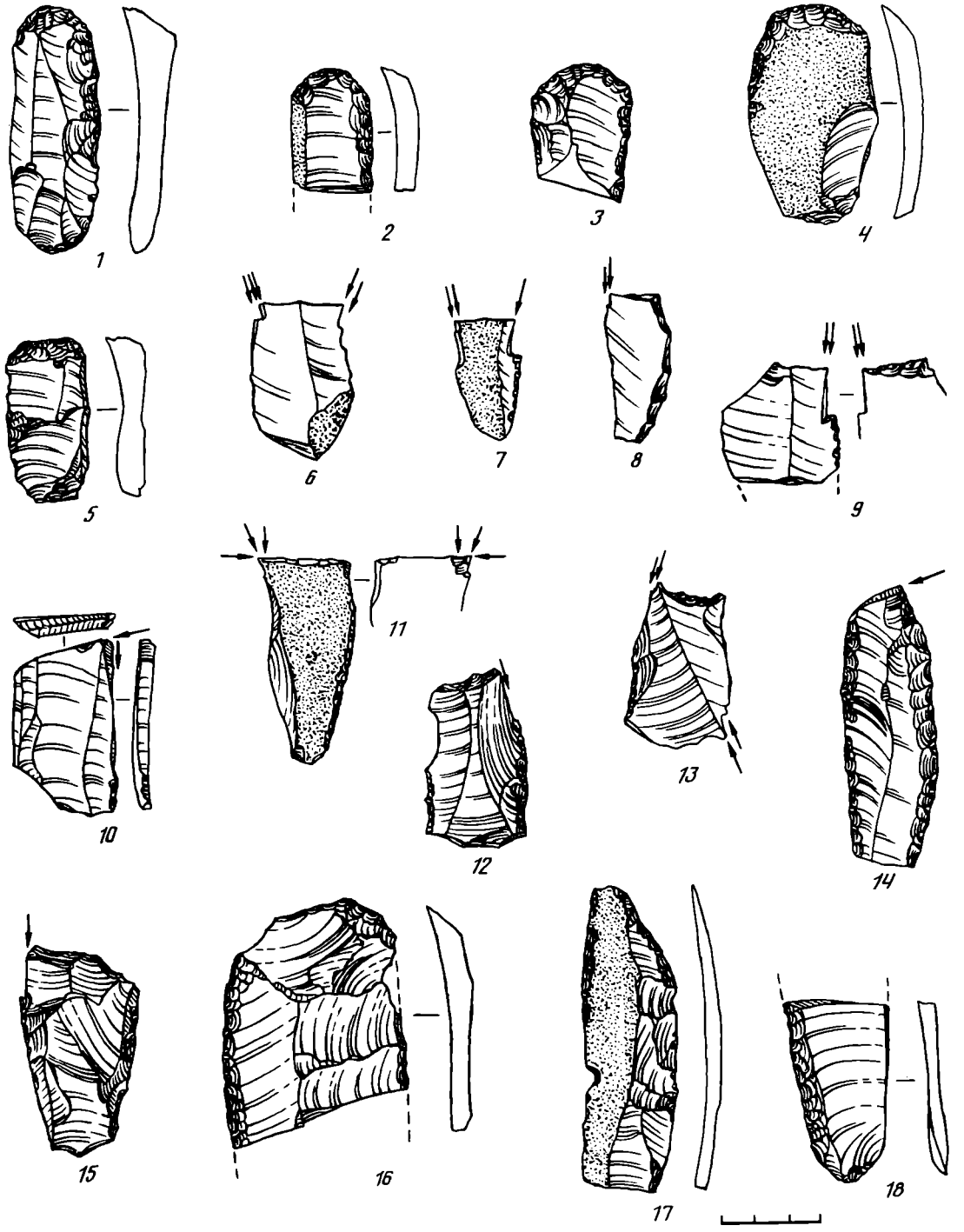


Рис. 8. Жорнов, раскоп I Орудия верхнего культурного слоя (*1—18*)

обусловило краевую нераспространенную ретушь. Третье острие на тонкой пластине, сформировано микроретушью (рис. 7, *5*)

На пластинах изготовлено 10 скребков (рис. 7, *7—9;* 8, *1—5*) Семь из них имеют боковую ретушь. Из скребков с боковой ретушью выделяются изделия на ориньякских пластинах (рис. 7, *7—9*). Один из скребков на пластинчатом отщепе (рис. 8, 4). Боковая нераспространенная ретушь обусловлена небольшой толщиной заготовки. Два скребка, видимо, не ретушированы с боков только потому, что имеют крутые боковые продольные грани (рис. 8, *5*).

Угловых резцов пять (рис. 8, *6—8*). Они изготовлены из обломков пластин, а один резец на треугольном в сечении сколе (рис. 8, *8*) Боковых резцов тоже пять. Три из них — вогнуторетушные (рис. 8, *12, 13*), четвертый — прямо-

ретушный (рис. 8, *9*), пятый — косоретушный (рис. 8, *15*). Резцов супоневского типа два (рис. 8, *10, 11*), причем один из них с плоским резцовым сколом. Оригинален резец на ориньякской пластине (рис. 8, *14*). Для всех разновидностей резцов характерно использование боковой ретуши, хотя есть она не на каждом орудии.

Пластины с ретушью по форме ничем не отличаются от пластин без ретуши. Девять таких пластин первичные или полупервичные. В целом преобладают крупные и широкие экземпляры. 15 пластин отретушированы уплощенной приостряющей ретушью (около 58% всех ретушированных пластин). Эта ретушь нередко не сплошная, занимает только часть бокового края (рис. 8, *17*). Семь пластин отретушированы крутой или полукрутой ретушью (рис. 8, *16, 18*), одна пластина, типа реберчатого тонкого снятия — микроретушью, а три пластины в обломках недостаточно выразительны.

Для индустрии верхнего (I) культурного слоя Жорнова характерно сочетание архаичных орудий, обработанных еще с помощью мустьерской техники,— рубящие орудия, некоторые скребла, лимас, нож, похожий на конвергентное скребло. К этой группе можно отнести ножи с площадкой-гранью, ножи с обушком. Одно из острий еще напоминает мустьерский остроконечник. Но есть выразительная группа изделий, в таком сочетании характерных уже только для ранней поры позднего палеолита. Это пластины с приостряющей ретушью, листовидные орудия специфической формы, концевые скребки с ретушью боковых краев.

Резцы вообще разнообразны, для них характерен такой признак, как наличие ретуши боковых краев. Обращает на себя внимание отсутствие срединных резцов.

При решении вопроса о культурной принадлежности верхнего культурного слоя Жорнова возникает ряд трудностей. Одно из затруднений связано с тем фактом, что многие орудия изготовлены на своеобразных кремневых заготовках — отломах и в основном по этой причине обработаны только с одной стороны.

Но главное затруднение связано с тем, что для позднего палеолита пока не полностью разработаны вопросы, связанные с выделением археологических культур. А. А. Формозов считает, что в позднем палеолите следует выделять скорее не отдельные культуры на небольших территориях, а более крупные культурные области [6, с. 130] О тенденции выделения раздробленных, изолированных палеолитических объединений без попытки найти для них общие черты, сложившейся в последнее время, пишет С. Н. Бибиков [7, с. 303]. Следует принять во внимание и вывод А. А. Формозова о том, что позднепалеолитические общины были довольно подвижными [8, с. 131]. Этот вывод, очевидно, может особенно касаться ранней поры позднего палеолита.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в индустрии верхнего культурного слоя Жорнова не отмечено мустьеро-леваллуазских влияний. Сложилась эта индустрия на основе мустье нелеваллуазского пути развития.

Индустрии, сходные с комплексом находок слоя I Жорнова, на Русской равнине теперь хорошо известны. В первую очередь это район Костенок. Вслед за геологом М. Н. Грищенко [9, с. 63, табл.] нужно считать, что верхнее и нижнее (ниже прослоя вулканического пепла) гумусные образования в Костенках относятся к молого-шекснинскому времени, а это время, по А. А. Москвитину, отвечает паудорфу [4, с. 252] Видимо, в Костенках паудорфская почва сильнее расслоена, чем в Жорнове.

Сходные комплексы присущи и брынзенской культуре [10, с. 172, 173, с. 237, рис. 73], и в определенной степени стоянке Радомышль [11, с. 89—96] Но все же индустрия верхнего слоя Жорнова отличается от несколько сходных комплексов Костенок, Брынзен и Радомышля, как различаются и сами эти комплексы, сохраняя тем не менее общий принцип схожести, так как они входят в одну культурную область, куда А. А. Формозовым отнесены селетская и костенковская

культуры [8, с. 81] В чем заключается отличие между селетом и костенковско-стрелецкими комплексами, показано Г П. Григорьевым [12, с. 3—49]. Правда, Г П. Григорьев рассматривает селет в целом, тогда как нас могут интересовать только позднеселетские памятники.

Многие вопросы, связанные с раннеселетскими памятниками, не ясны. Известно, что теперь «селетский» памятник — индустрии пещеры Янковича, относят к мустье [13, с. 45]. Известно и то, что хотя в нижнем слое самой Селеты как будто и найдены верхнепалеолитические орудия, но они нигде не публикуются [14, с. 44]. В одной из последних работ по палеолиту Венгрии опубликованы (в фотографиях) лишь листовидные орудия из верхнего слоя этой пещеры [13, с. 53, рис. 19] Листовидные острия пещеры Чертова Печь, как и острия нижнего слоя Селеты, грубо обитые, о других орудиях ничего не известно. Дата для нижнего горизонта Селеты по одним данным 39740 лет до наших дней [15, с. 115], по другим — 41700 [13, с. 52], а для селетского слоя Чертовой Печи 38320 ± 2480 лет [16, с. 44]. Эти даты древнее всех других дат, известных для наиболее ранних позднепалеолитических стоянок Европы. Поэтому приходится считать, что нижний горизонт Селеты, как и «селетский» слой Чертовой Печи, относится еще к мустье. Косвенно подтверждает сказанное и замечание Г П. Григорьева, что памятник Замаровцы многие считают протоселетским (позднемустьерским) и что индустрия Замаровцев сходна с индустрией памятника Чертова Печь [14, с. 136]

Отличие индустрии верхнего слоя Жорнова от несколько сходных индустрий некоторых памятников Русской равнины очевидно. Остается сравнить комплекс находок слоя I с позднеселетскими индустриями на территории ЧСФР и Польши.

Листовидные орудия Жорнова похожи по форме на острия в виде листа тополя, которые найдены на стоянке Моравaны-Длга в Словакии [12, с. 7, рис. 1, *23*] Сходные острия найдены и в Моравии. В селетской культуре есть ножи с обушком, есть там и концевые скребки на пластинах с боковой ретушью, резцы боковые и угловые, разнообразны скребла, в том числе и на крупных пластинах. Все это сближает селетскую культуру с Жорновом. К сожалению, неизвестно, какими в Жорнове были двусторонне обработанные орудия, так как здесь пока найдены только их полуфабрикаты.

Стоянки Польши, которые польские исследователи относят к селетской культуре, в большинстве своем лессовые, расположены (как и Жорнов) на экспонированных высотах, в так называемых отложениях среднего вюрма, т. е. они по сути паудорфские. Судя по всему, эти стоянки довольно поздние в рамках развития селетской культуры. Некоторые из них подстилаются культурными слоями с ориньякоидными индустриями. Памятники бедны инвентарем, что отмечается польскими археологами. Радиоуглеродные даты пока отсутствуют.

В селетских индустриях Польши [15, с. 112—115] отщепов в 3 раза больше пластин, нуклеусов немного. Очень редки леваллуазские типы нуклеусов (это, видимо, механическая примесь). Листовидные острия изготавливались из плитчатых заготовок кремня. Но неизвестны острия в виде листа тополя. Имеются скребла, часто с желвачной коркой, пластины с ретушью (вюровцы), скребки и резцы. Листовидные острия не всегда полностью ретушированы. Часть из них, по-видимому, представляет собой неоконченные орудия, так как есть хорошо оретушированные острия. Уникальны там острия на пластинах. Редко встречаются концевые скребки на пластинах с боковой ретушью (они в обломках) и скребки типа «селет» — с крутым рабочим краем и крутой ретушью по бокам, т. е. скребки на так называемых ориньякских пластинах.

Как видим, селетские индустрии Польши несколько отличаются от индустрий Словакии и Моравии, хотя теперь известно, что контакты между общинами этих районов имели место [15, с. 115]

Листовидные орудия Жорнова скорее похожи по форме на подобные орудия Словакии. Сходна индустрия верхнего слоя Жорнова и с селетскими памятниками Польши, хотя нам неизвестно, какие там были резцы и ведущие типы

скребков, по причине немногочисленности польских материалов. Прослеживается сходство в группе скребел, а скребла с косо поставленным лезвием (в нашей терминологии — ножи) из Жорнова и из Дзержислава (стоянка 1) почти тождественны. Полностью тождествен нож из Жорнова, изображенный на рис. 5, 7, и нож из того же Дзержислава [15, с. 110, табл. 24] Вместе с тем рубящие орудия из Жорнова не имеют аналогий.

На основе имеющихся в настоящее время данных трудно сказать, насколько отличаются друг от друга индустрии различных стоянок Центральной Европы, имеющие селетские черты, и не являются ли эти различия такими же, как различие между индустрией культурного слоя I Жорнова с этими индустриями. С накоплением материалов и хороших публикаций в будущем, видимо, такой анализ будет сделан.

Обращает на себя внимание и тот факт, что индустрия верхнего слоя Жорнова выглядит обособленно на фоне других ранних индустрий этого района, которые имеют ориньякоидные черты. Это, видимо, не случайно, как не случайно и то, что в комплексе слоя I отсутствуют срединные резцы, которых немало на стоянке паудорфского времени Липа I [1, с. 43], и на стоянке Червонный Камень, часть инвентаря которой несомненно более древняя, чем артефакты Липы I, и более древняя по сравнению с комплексом изделий среднего слоя Жорнова. Есть срединные резцы (несмотря на малочисленность орудий в целом) и на стоянке паудорфского времени Иваничи, о которой уже упоминалось. Другие на этих стоянках и скребки.

Поэтому нельзя считать, что рассмотренный комплекс кремневых артефактов Жорнова сложился на данной территории, хотя это в какой-то мере и могло иметь место.

Напрашивается вывод, что верхний культурный слой оставлен пришлым населением, которое уже владело позднепалеолитическими орудиями. Так как индустрия верхнего слоя больше похожа на позднеселетские индустрии Центральной Европы, то можно допустить, что именно оттуда в позднепаудорфское время на нашу территорию проникла какая-то группа людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савич В. П.* Пізньопалеолітичне населення південно-західної Волині. Київ: Наук. думка, 1975.
2. *Пясецький В. К.* Оріньякська стоянка Іваничи на Волині // Археологія. 1988. Вип. 64.
3. *Веклич М. Ф.* Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. Киев: Наук. думка, 1988.
4. *Москвитин А. И.* Стратиграфия плейстоцена Центральной и Западной Европы. М.: Наука, 1970.
5. Геологический словарь. М.: Недра, 1978.
6. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977
7. *Бібіков С. М.* Перспективні теоретичні розробки в радянській археології // На магістралях науки. Киев, 1976.
8. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977
9. *Грищенко М. Н., Дурнев Ю. Ф.* О геологическом возрасте и условиях залегания археологических памятников Костенковско-Боршевского района // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977
10. *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
11. *Шовкопляс І. Г* Палеолітична стоянка Радомишль // Археологія. 1964. Т. XVI.
12. *Григорьев Г П.* Селет и костенковско-стрелецкая культура // СА. 1963. № 1.
13. *Габори М.* Палеолит и мезолит // Археология Венгрии. Каменный век. М.: Наука, 1980.
14. *Григорьев Г П.* Начало верхнего палеолита и происхождение. Л.: Наука, 1968.
15. *Kozlowski J. K., Kozlowski S. K.* Epoka kamienia na ziemiach polskich. Warszawa, 1977
16. *Барта Ю.* Палеолитические стоянки Словакии // СА. 1985. № 2.

V. K. PIASETSKY

THE PALAEOLITHIC SITE OF ZHORNOV. THE UPPER LAYER

Summary

The site was discovered in 1982 in Rovno region, Dubno district. It contains three cultural layers, the lowest one belonges to Mousterian industry, Levallois technique; the industry of the middle layer is of Aurignacian character, and the industry of the upper one is comparable to the late Selets sites of the Central Europe. All the layers are dated to the Paudorf period, these datings are supported by the radiocarbon date from the middle layer. After some comparisons with the earlier sites from the territory in question, which have no Mousterian features, the conclusion is made that the industry of the upper layer does not have local genetic roots.

М. Г. ЖИЛИН, А. В. МИРЕЦКИЙ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ХРИПЕЛЕВО 1 НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

За последние десятилетия в результате работ Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР и Верхневолжской неолитической экспедиции ЛОИА АН СССР в Верхнем Поволжье открыты и раскопаны десятки памятников эпохи мезолита. Однако на участке Волги от Селижарова до Ржева мезолитические стоянки были выявлены только в 1976 г., во время обследования зоны затопления Ржевского водохранилища, Л. В. Кольцовым, В. М. Воробьевым и М. Г Жилиным. С 1984 г. Калининская экспедиция ИА АН СССР начала планомерные охранные раскопки памятников разных эпох, попадающих под затопление. Среди них и стоянка Хрипелево 1, открытая В. М. Воробьевым и М. Г Жилиным [1] и раскопанная А. В. Мирецким в 1984 г. [2]

Стоянка находится в 3 км к юго-юго-западу от д. Хрипелево Ржевского р-на Тверской обл. Расположена на краю первой надпойменной террасы левого берега Волги, на высоте 6 м над летним уровнем воды. Памятник приурочен к древнему расширению русла реки и слабовыраженному мысу террасы. Площадка частично повреждена окопами времен Великой Отечественной войны, береговая часть подмыта. На площади стоянки располагался курган, вскрытый в процессе раскопок, в нем обнаружено погребение по обряду трупосожжения [3, с. 13—16] Остальная часть памятника задернована и поросла сосновым лесом (рис. 1, *а*).

На стоянке заложено два раскопа общей площадью 327 м^2 (раскоп 1 — 187 м^2, раскоп 2 — 140 м^2, из них 92 м^2 приходится на исследование кургана). Раскопы вытянуты вдоль края террасы и отстоят друг от друга на 8 м.

Стратиграфия раскопов практически одинакова (рис. 1, *б*): 1 — дерн мощностью 0,03—0,04 м; 2 — темно-серый мелкозернистый песок мощностью 0,07—0,25 м; 3 — серо-желтый крупнозернистый песок мощностью 0,05—0,22 м; 4 — ярко-желтый крупнозернистый песок с большим содержанием гальки — материк (прокопан на глубину 0,4 м). Культурный слой по цвету не выделяется и определяется по глубине залегания находок, которые были встречены в нижней части слоя 2 и в слое 3, преимущественно в его нижней части. Максимальная мощность отложений с находками приходится на прибрежные участки раскопа 1, достигая 0,2 м. На отдельных участках раскопа 1 прослежены скопления гальки мощностью 0,15—0,20 м, в которых почти не встречено находок. Следов бытовых и хозяйственных сооружений в раскопе не обнаружено.

Насыщенность слоя находками в раскопе 1 очень неравномерна: максимальна она в квадратах, прилегающих к краю террасы, по мере удаления от берега кремней становится меньше (рис. 2). Наиболее удаленные от берега квадраты (линии Р—Ф) практически лишены находок (пять предметов на 21 м^2). Это позволяет говорить, что раскопом 1 стоянка прорезана в поперечном направлении, ее сохранившаяся часть достигла ширины 15 м от края террасы (рис. 1, *а*). Распределения находок в раскопе 2 (участок, потревоженный курганом, не рассматривается) более равномерное и составляет в среднем 5,3 предмета на 1 м^2 (рис. 2).

В раскопе 1 прослежено скопление кремня, состоявшее из нескольких сотен отщепов, чешуек и пластин. В его нижней части найдены крупные первичные

© М. Г Жилин, А. В. Мирецкий, 1991 г.

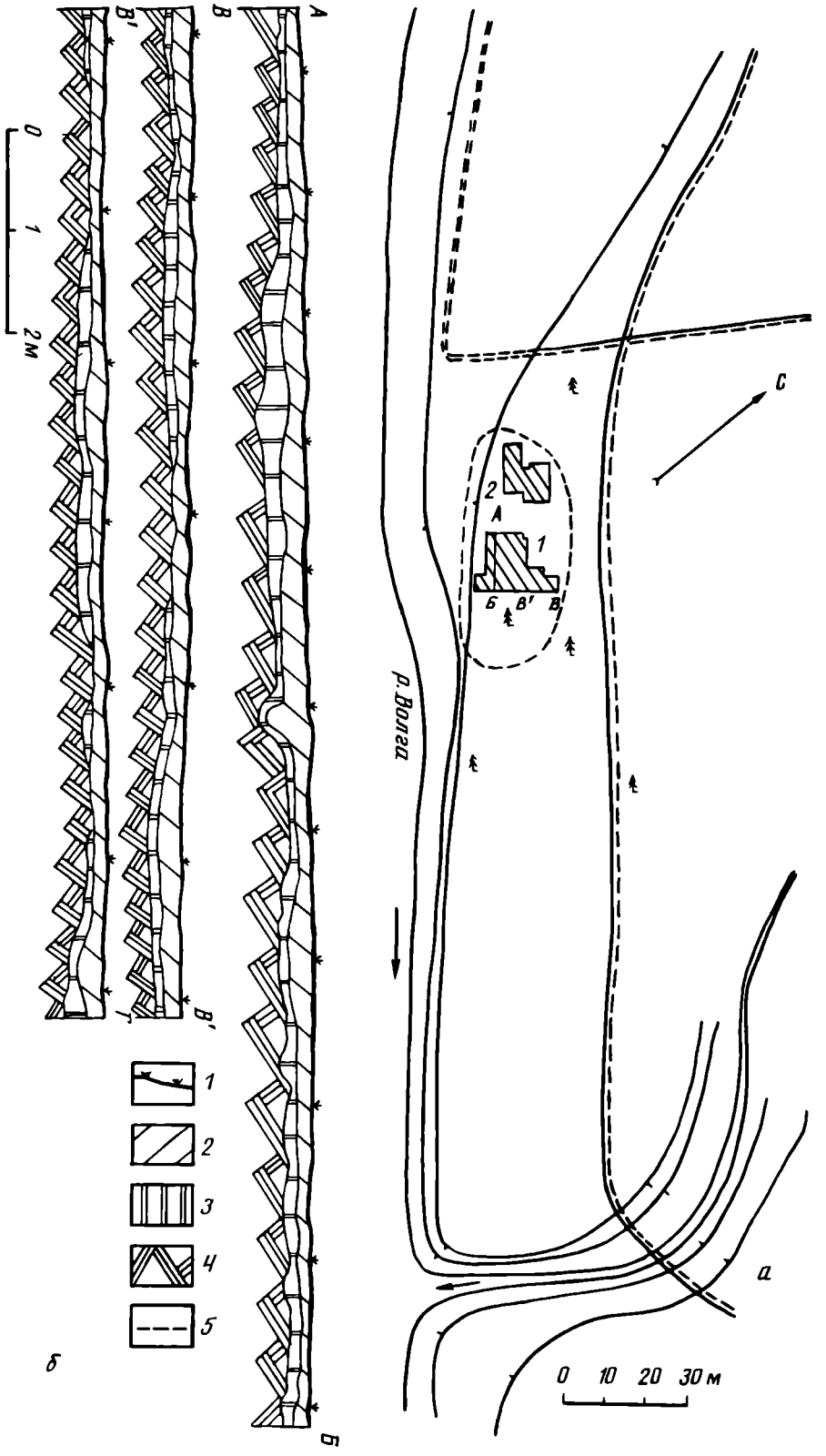


Рис. 1. *а* — схематический план стоянки Хрипелево 1; *б* — разрезы раскопа 1: *1* — дерн; *2* — темно-серый песок; *3* — серо-желтый крупнозернистый песок; *4* — материк; *5* — границы стоянки

отщепы с меловой коркой и несколько нуклевидных кусков кремня. Все предметы, связанные с этим скоплением, одинакового серого кремня; несколько орудий, найденных на периферии скопления, сделаны из другого кремня и, вероятнее всего, с ним не связаны. Скопление оставлено на месте первичной

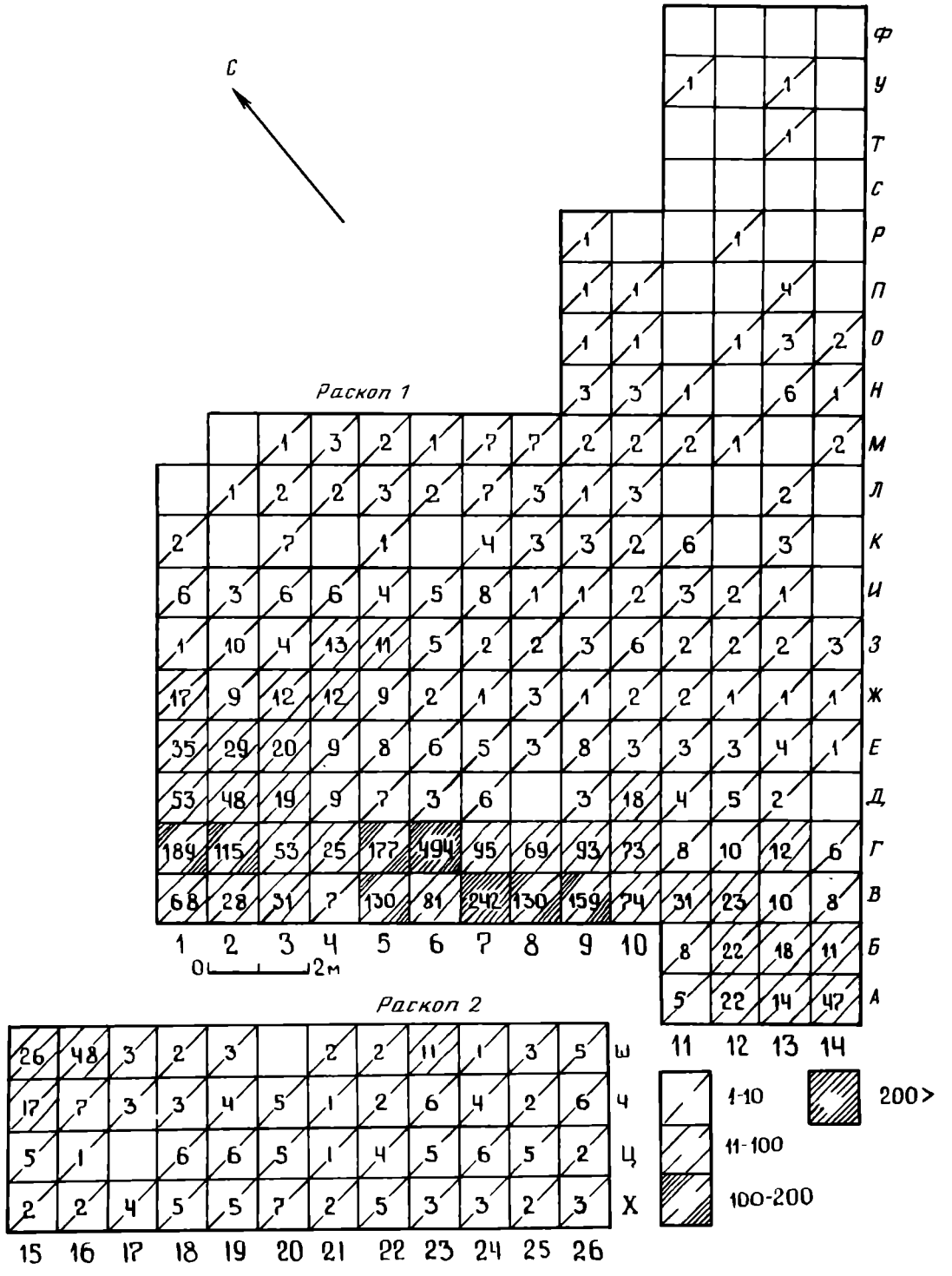


Рис. 2. Количественное распределение находок в раскопах

обработки кремня. Восточнее этого скопления на кв. 11—14 по линии А—Г (рис. 2) на площади в 16 м^2 найдено 255 предметов, из них 55 со вторичной обработкой, среди которых 45 скребков. Как показал трасологический анализ, все они использованы в работе. Вероятно, здесь, неподалеку от места обработки кремня, производилась обработка шкур.

Кремневый инвентарь, найденный в раскопках и в насыпи кургана, однороден и рассматривается суммарно. Всего найдено 3017 изделий, из них нуклеусов, нуклевидных кусков, ребристых пластин и сколов с нуклеусов 27 (0,9% всех изделий), отщепов и чешуек (включая орудия на отщепах) 2718 (90,1%), пла-

стин (включая орудия на пластинах) 272 (9%). Изделий со вторичной обработкой 268 (8,9%), из них на отщепах 178 (66,4% орудий), на пластинах 90 (33,6%).

Сырьем для жителей стоянки служил валунный кремень различных оттенков и качества и серый, лиловый, черный меловой кремень высокого качества. Выходы такого кремня известны во многих местах по берегам Волги в пределах Ржевского р-на в виде прослоек в известняках, например в районе д. Новоалексеевское, Петрищево, у Бенского порога. Желваки и плитки высококачественного кремня в изобилии встречаются на бичевнике Волги у перекатов, ближайший из которых расположен в 0,4—0,5 км ниже стоянки.

Найдено 4 нуклеуса, 9 нуклевидных кусков кремня, 10 ребристых пластин с одно- и двухсторонними негативами сколов, один поперечный скол с нуклеуса. Встречена заготовка нуклеуса из уплощенно-прямоугольной конкреции кремня, у которой несколькими сколами оформлена площадка и снят один отщеп. Два нуклеуса клиновидных: первый со слабоскошенной, без подправки площадкой, от пластин, в начальной стадии сработанности; второй, со скошенной подправленной площадкой, от пластин и микропластин (рис. 3, *28*) Два других — двуплощадочные подпризматические: у первого одна площадка скошена, другая горизонтальная; у второго обе скошены, оба без подправки, от неправильных пластин, сильно сработаны.

Пластин 182, большинство в обломках. Количество неправильных [1] пластин (97) несколько превышает количество правильных (85). Использованию и вторичной обработке подвергались и те и другие. Ширина пластин колеблется от 0,3 до 3,2 см, преобладают изделия шириной около 1 см, однако большинство пластин со вторичной обработкой от 2 до 3 см ширины. Длина немногих целых пластин не превышает 10 см.

Отщепов и чешуек 2540, преобладают чешуйки (менее 1 см в поперечнике) — 847 и очень мелкие отщепы (до 2 см) — 776, мелких (до 3 см) — 491, средних (до 5 см) — 343, крупных (более 5 см в поперечнике) — 83. Большинство орудий на отщепах — 86 (69%) из 124 сделано из заготовок средних размеров (от 3 до 5 см в поперечнике), при этом сломанные орудия не учитывались.

Из 268 изделий со вторичной обработкой скребков 153 (56,7%), на отщепах 88 (57,8% скребков), на пластинах 43 (28,2%), 21 обломок (13,8%) с неопределимым характером заготовки. Все скребки обработаны на спинке, как правило, крутой, реже полукрутой ретушью. Углы приострения лезвий скребков от 27 до 95°, преобладают от 60 до 80° Один скребок на отщепе из опоки. 72% скребков имеют максимальный размер от 3 до 5 см. Наибольшей серией представлены концевые скребки — 120, среди которых 70 (21 на пластинах) с дугообразным лезвием (рис. 3, *1—4, 8, 10, 13, 16, 17, 22, 24, 30*), 6 (2 на пластинах) с прямым (рис. 3, *7;* 4, *27*), 39 (14 на пластинах) с дугообразно скошенным (рис. 3, *9, 12, 14, 26, 27*; 4, *20*), 4 на пластинах с прямоскошенным лезвием и 2 с выступом (рис. 3, *23*) также на пластинах. Встречены два боковых скребка (рис. 3, *25, 31*), два подокруглых (рис. 4, *21, 24*), амфорный (рис. 4, *16*), два концевых боковых (рис. 3, *29*; 4, *25*), два скошенных боковых (рис. 4, *19, 22*), концевой-двойной боковой (рис. 4, *23*), скошенный-двойной боковой (рис. 4, *26*), все на отщепах. Единственный микроскребок — угловой на неправильной пластине.

На стоянке найдено 9 резцов (3,3% орудий) и 2 краевых отщепа от других резцов. Четыре резца сделаны на сломе пластины (рис. 4, *10*), три орудия — на сломанных отщепах (рис. 4, *9*); один резец на сломе пластины двойной. Восьмой резец комбинированный: косоретушный и на сломе пластины. Последний резец сделан на сломанном лезвии скребка.

---

[1] Пластинами мы называем изделия, сколотые с нуклеусов в продольном направлении, длина которых не менее чем вдвое превышает ширину. Пластины с прямыми параллельными краями и ребрами на спинке мы считаем правильными, а с непараллельными или изогнутыми краями и ребрами — неправильными.

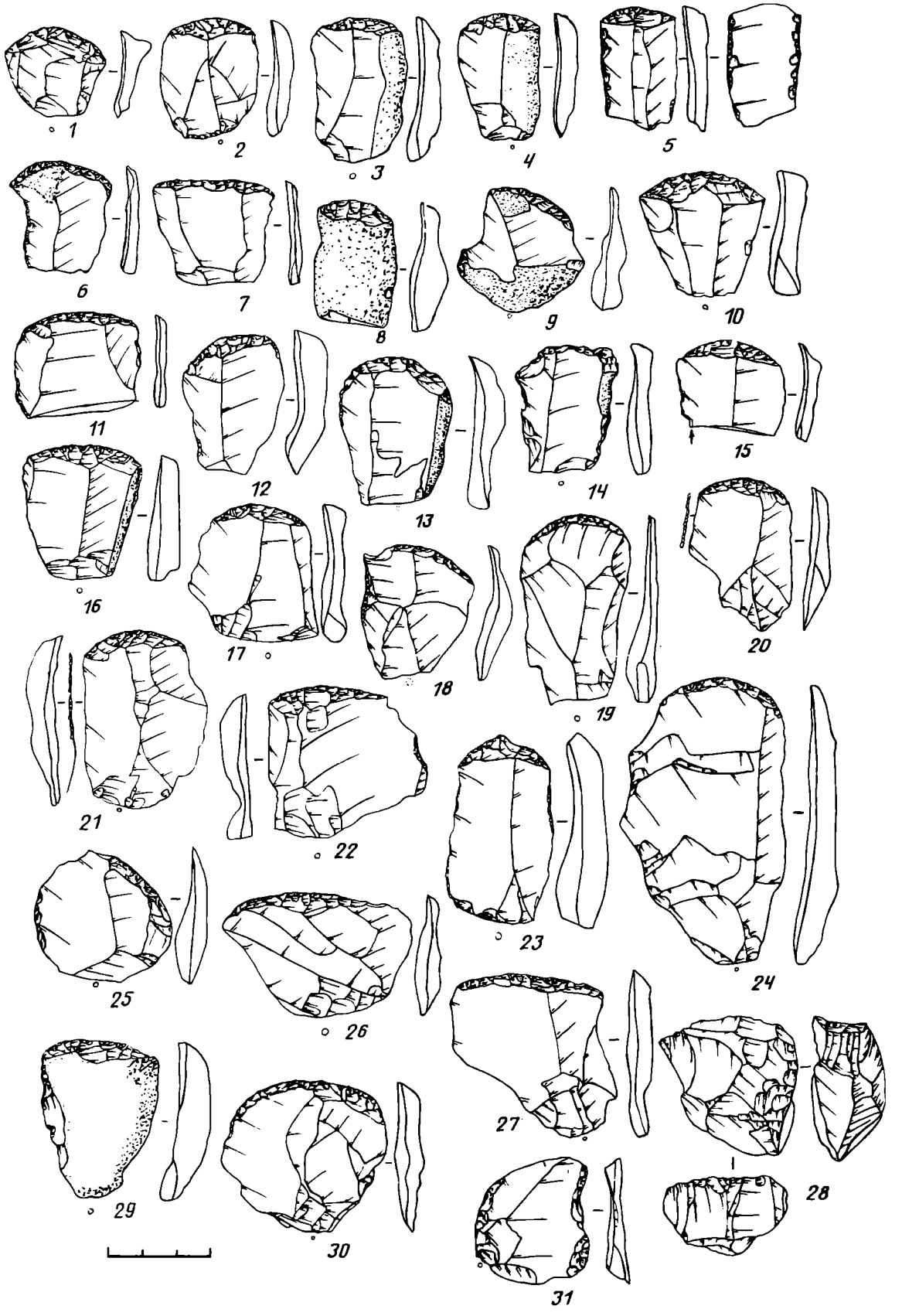


Рис. 3. Стоянка Хрипелево I, кремневые изделия

Ножей на пластинах 24 (9%), у трех края приострены мелкой пологой и полукрутой регулярной ретушью (рис. 4, *12, 17, 18*), обломки одного орудия (рис. 4, *17*) были найдены на расстоянии 1 м друг от друга. Края остальных пластин частично подправлены мелкой нерегулярной ретушью (рис. 4, *7, 13—15*).

Найдено 12 сечений с ретушью (рис. 4, *2—5*) (4,5%) по одному или двум краям, встречается ретушь на углах; одно из орудий на сколе со шлифованного орудия. Встречены 4 пластины с затупленным ретушью концом, микропластина со скошенным ретушью углом и микропластина с затупленным крутой ретушью краем (рис. 4, *1*), неправильная пластина со скошенным крутой ретушью концом и нерегулярной мелкой ретушью по краю и отщеп со скошенным крутой ретушью концом (рис. 4, *11*). Интересно острие на правильной пластине, симметричное, со сходящимися краями, обработанными крутой ретушью на спинке у кончика (рис. 4, *7*).

Из двух наконечников стрел один — мелкий обломок черешка наконечника с шипами, обработанного с двух сторон по всей поверхности с плоской ретушью; он не связан с основным комплексом стоянки относится, вероятно, к эпохе бронзы. Другой, на правильной тонкой пластине, также сломан. Крутой, почти вертикальной ретушью на спинке на одном крае черешка оформлена выемка, противоположный край остро скошен несколькими фасетками пологой ретуши, а брюшко подправлено плоской ретушью (рис. 4, *6*), нанесенной, вероятно, для утоньшения черешка и удобства его закрепления в расщепе древка. Аналогичные наконечники встречены в Тверском Поволжье на стоянках Непеено 1 [4, с. 47, рис. 167, *2*] и Староконстантиновская 2 (сборы Ф. И. Иванова 1950-х годов) [2]

Рубящие орудия представлены двумя теслами. Первое подовальной формы, тонкообушное, с горбатой спинкой, на куске низкосортного кремня с известняковой коркой, оббито с двух сторон, лезвие дугообразное, без желобка (рис. 4, *30*). Другое тесло подтреугольной формы, тонкообушное, на куске, на спинке имеется ребро жесткости, брюшко уплощено, обух закруглен, лезвие прямое с намеченным желобком (рис. 4, *29*). Орудие обработано двусторонней оббивкой с подправкой ретушью.

Найдено два скобеля на отщепах с мелкими выемками и две проколки на осколках кремня, асимметричные с выделенным жальцем. 10 орудий комбинированные: скребок-резец (рис. 3, *15*), четыре скребка-ножа (рис. 3, *5, 6, 20, 21*), скребок-проколка (рис. 3, *18*), скребок-скобель (рис. 3, *12*), нож-скобель, нож-проколка, нож-резец. Коллекцию дополняют 35 отщепов с нерегулярной ретушью по краям и неопределимых обломков орудий.

В целом каменный инвентарь стоянки Хрипелево 1 характеризуется следующими чертами.

1. Среди находок резко преобладают отщепы; пластины (включая орудия из них) составляют менее 10% изделий. Неправильных пластин несколько больше, чем правильных. Изделий со вторичной обработкой на пластинах в два раза меньше, чем на отщепах.

2. Нуклеусов мало, представлено два типа: клиновидные и двуплощадочные подпризматические.

3. Размеры орудий и заготовок крупные, мелких орудий практически не встречено.

4. Среди изделий со вторичной обработкой резко преобладают скребки, главным образом концевые на отщепах. Резцов в несколько раз меньше, бóльшая их часть на сломе пластин и отщепов. Присутствуют сечения с ретушью на краях и углах, единичные пластинки с затупленным концом, краем, скошенным концом, симметричное острие, наконечник стрелы на пластине, оббитые тесла с желобком и без него, ножи, скобели, проколки, комбинированные орудия.

---

[2] Коллекция хранится в Тверском гос. объединенном историко-архитектурном и литературном музее.

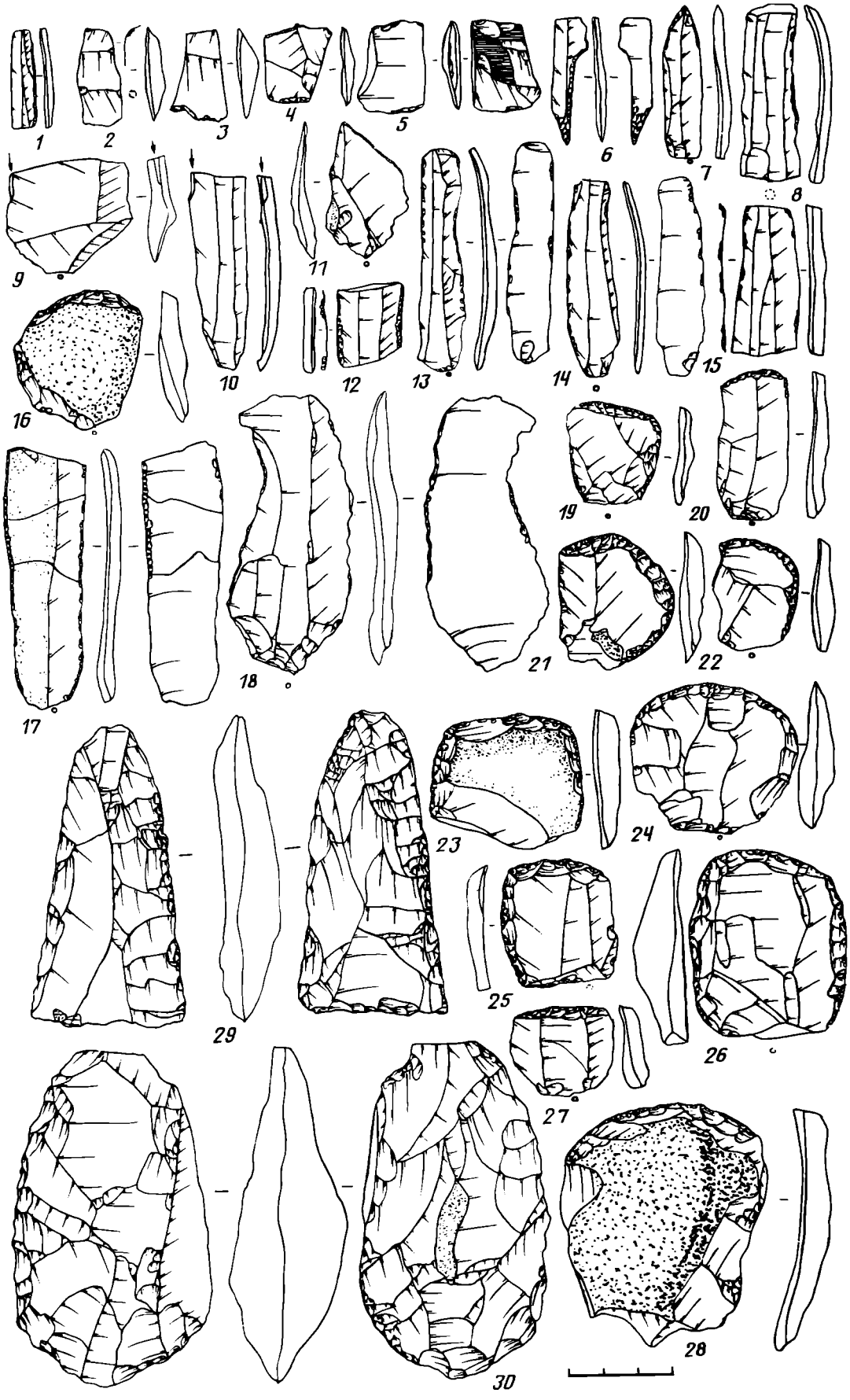


Рис. 4. Стоянка Хрипелево I, кремневые изделия

Среди мезолитических памятников Ржевского Поволжья наиболее близок описанному материал раскопа 1 на стоянке Усть-Тудовка 1, находящейся на правом берегу Волги в устье р. Тудовки в 5 км выше по течению (раскопки М. Г Жилина 1985 г. [5]). Здесь встречены те же основные типы орудий, близка технология расщепления и вторичной обработки кремня. Палинологический анализ, проведенный Е. А. Спиридоновой, позволяет датировать эту стоянку раннеатлантическим временем.

Аналогии стоянке Хрипелево 1 имеются и среди материалов мезолитических памятников Верхнего Поволжья, исследованных Н. Н. Гуриной [6, 7] (Залесье 1 и 2, Заболотье 2, Сосна, Торг, Кошелев, стоянки на оз. Волго, Пено и др.), которые она относит к позднему мезолиту, что подтверждается радиоуглеродной датой стоянки Залесье 1 — 6530±30 лет назад. Судя по этой дате, указанные стоянки относятся к самому концу мезолита. Здесь встречены те же типы нуклеусов, скребков, резцов, сечений, ретушированных пластин, рубящих и других орудий, хотя есть и ряд отличий [3]

Приведенные близкие аналогии позволяют датировать стоянку Хрипелево 1 поздним мезолитом, чему не противоречит и сопоставление ее с другими мезолитическими памятниками региона. Так, технология обработки камня на нашей стоянке, как и типы скребков, резцов, части ножей и рубящих орудий, в общих чертах близки материалам памятников иеневской культуры, [8, с. 83—91] Однако наблюдаются и существенные различия, прежде всего в группе охотничьего вооружения. На стоянке Хрипелево 1 нет характерных для иеневской культуры косо- и поперечнолезвийных наконечников, трапеций, треугольников, ланцетовидных острий, наконечников аренсбургского типа, обушковых ножей, рубящих орудий с перехватом. С другой стороны, в иеневских материалах не встречаются двустороннеоббитые подтреугольные вытянутые тесла с желобком, нехарактерны и микропластинки с затупленным краем.

Некоторое сходство имеется и с позднебутовскими памятниками, датирующимися тем же временем [8, с. 82—83, 91]: пластинки с затупленным краем, наконечники на пластинах с ретушью на брюшке, скребки, резцы на сломе пластин и отщепов, оббитые рубящие орудия. Однако отличий в типах орудий и технологии обработки кремня значительно больше, чем сходных черт.

Сопоставление с более ранними памятниками Верхней Волги (Бутово [9, 10], Усть-Тудовка и 4 [5] и др.) показывает значительные отличия наряду с некоторыми чертами сходства, которые проявляются в основном в типах скребков, резцов, сечений с ретушью, а с Усть-Тудовкой 4 еще и микропластинок с затупленным краем и рубящих орудий. Гораздо больше сходных черт заметно при сравнении орудий Хрипелева 1 с каменным инвентарем раннеолитических стоянок Валдая (Котчище [11], Щепочник [12] и др.), однако наряду с керамикой названные памятники содержат и иные типы орудий, что уже отмечалось Н. Н. Гуриной при сравнении позднего мезолита и раннего неолита Валдая [6]

Таким образом, стоянку Хрипелево 1 следует датировать финалом мезолита и отнести к кругу позднемезолитических памятников верховьев Волги, отличных от иеневских и бутовских и близких валдайским. Черты «макролитоидности» каменного инвентаря данной стоянки, как и других аналогичных памятников верховья Волги, могут объясняться, на наш взгляд, прежде всего наличием крупных выходов кремня в этой зоне, что позволяло делать орудия любых размеров и не экономить сырье.

Все каменные изделия стоянки Хрипелево 1 были подвергнуты трасологическому анализу [4] при помощи бинокулярного микроскопа МБС-9 по методике,

---

[3] К сожалению, материалы этих стоянок (за исключением некоторых орудий) пока не опубликованы, что не позволяет провести более детальное сопоставление с ними находок стоянки Хрипелево 1.

[4] Авторы выражают благодарность Г Ф. Коробковой и Н. Н. Скакун за консультации при проведении трасологического анализа.

Таблица

Класс	Группа	Тип	Орудия	Количество (числитель) и % (знаменатель)	
				от всех орудий	рабочих кромок
А			Орудия охоты и разделки добычи		67/18,3
	I		Наконечники стрел		2/0,5
		1	с острым концом	2/0,8	
	II		Вкладыши охотничьего оружия		7/1,9
		1	с одним лезвием	7/2,8	
	III		Разделочные ножи		49/13,3
		1	с одним лезвием	8/3,2	
		2	с двумя лезвиями	13/5,2	
	IV		Вкладыши разделочных ножей		9/2,5
		1	с одним лезвием	1/0,4	
		2	с двумя лезвиями	3/1,2	
Б			Орудия для обработки шкур		194/52,8
	I		Скребки		190/51,8
		1	с одним лезвием концевые (рис. 5, *1, 2, 4*)	100/39,8	
		2	с двумя лезвиями концевые-боковые	10/4,0	
		9	с тремя лезвиями концевые-двойные боковые	12/4,8	
		10	с четырьмя лезвиями	1/0,3	
		12	обломки скребков, тип неясен	18/7,2	
	III		Проколки		4/1,1
		1	с одним рабочим концом	2/0,8	
В			Орудия для обработки дерева		40/10,9
	I		Скобели		18/4,9
		1	с одним лезвием	6/2,4	
		2	с одним лезвием, микроскобели	3/1,2	
		3	с двумя лезвиями	2/0,8	
	II		Резчики		16/4,4
		2	с одним лезвием	4/1,6	
		4	с двумя лезвиями	2/0,8	
	III		Строгальные ножи		4/1,1
		1	с одним лезвием	1/0,4	
	VIII		Тесло		1/0,3
		1	с одним лезвием	1/0,4	
	IX		Долото		1/0,3
		1	с одним лезвием	1/0,4	
Г			Орудия для обработки кости, рога		43/11,7
	I		Скобели		13/3,5
		1	с одним лезвием	5/2,0	
		2	с одним лезвием, микроскобели	2/0,8	
		3	с двумя лезвиями (рис. 5, *5, 6*)	1/0,4	
		5	с тремя лезвиями	1/0,4	
	II		Резцы и резчики		22/6,0
		1	резец с одним лезвием (рис. 5, *3*)	2/0,8	
		2	резчики с одним лезвием	16/6,4	
		4	резчики с двумя лезвиями	1/0,4	
	IV		Пилки		8/2,2
		1	с одним лезвием	1/0,4	
		2	с двумя лезвиями	3/1,2	
Ж			Комбинированные орудия		23/6,3
			Скребок с одним лезвием концевой — проколка с одним лезвием	2/0,8	
			то же на разделочном ноже с одним лезвием	7/2,8	
			то же на скобеле для дерева с двумя лезвиями	1/0,4	
			то же — резчик для дерева с одним лезвием на разделочном ноже с двумя лезвиями	1/0,4	
			то же на строгальном ноже для дерева с одним лезвием	4/1,6	
			резчик с одним лезвием на скобеле с одним лезвием для дерева	1/0,4	
			то же на разделочном ноже с двумя лезвиями	1/0,4	
			то же на вкладыше разделочного ножа с двумя лезвиями	1/0,4	

Таблица (окончание)

Класс	Группа	Тип	Орудия	Количество (числитель) и % (знаменатель)	
				от всех орудий	рабочих кромок
Ж			резчик с двумя лезвиями на скобеле с двумя лезвиями для дерева	1/0,4	
			то же на разделочном ноже с одним лезвием	1/0,4	
			скобель с одним лезвием — резчик с одним лезвием для кости	1/0,4	
			резчик с двумя лезвиями на пилке с одним лезвием для кости	1/0,4	
			Итого	251/100	367/100

разработанной С. А. Семеновым [13, 14]. Определены функции 251 орудия. Полученные данные сведены в таблицу, составленную по схеме, предложенной Г. Ф. Коробковой [15], на основе которой М. Г Жилиным разработана функциональная классификация мезолитических каменных изделий Волго-Окского бассейна [16].

Набор орудий, хотя сравнительно и немногочислен, в целом универсален, представлена большая часть функциональных групп и типов. Наиболее многочисленны орудия для обработки шкур: резко преобладают скребки, подавляющее большинство которых сработано очень слабо. Видимо, обилие кремневого сырья позволяло заменять слабоизношенный скребок новым, а не подправлять орудие. В ходе наших экспериментов по изготовлению каменных орудий установлено, что на изготовление скребка и подправку края изношенного скребка затрачивается равное количество времени (около минуты). При этом при подправке рабочий край часто получается более крутой, нередко возникают заломы, требующие дополнительных усилий по их устранению, чего, как правило, не бывает при изготовлении нового орудия.

Для стоянки характерны концевые скребки с одним лезвием, прочие типы немногочисленны. На втором месте по количеству стоят орудия охоты и разделки добычи, среди которых преобладают разделочные ножи. Характерно наличие вкладышей охотничьего оружия и остроконечных наконечников стрел при отсутствии поперечнолезвийных.

Орудия для обработки кости, рога ненамного уступают по количеству оружию и разделочным орудиям; преобладают резчики и скобели, как и среди орудий для обработки дерева, которых немногим меньше, чем орудий для работы по кости и рогу. Другие инструменты для обработки этих материалов единичны или представлены незначительными сериями. Интересно орудие из массивной ребристой пластины, на обоих концах которой заметны заломы и сильная сглаженность выступающих участков, стертость кромок, в пределах которой заметны поперечные риски и царапины, перпендикулярные кромке или под близким углом (рис. 5, *5, 6*). Следы распространяются до 2 см от концов орудия по ребрам. Вероятно, оно использовалось для выскабливания и расширения пазов и крупных отверстий в костяных или роговых изделиях.

Орудий для обработки камня не найдено, видимо, основные работы по расщеплению кремня велись на бичевнике, где собиралось сырье; вероятно, применялись и инструменты из органических материалов. Комбинированных орудий немного, сочетания случайны и неустойчивы.

В качестве орудий использованы изделия со вторичной обработкой и без нее. Наконечниками стрел служили острие со сходящимися краями и обломок черешкового наконечника. Пластинка с затупленным краем и шесть микропластинок без вторичной обработки использованы в качестве вкладышей охотничьего оружия. Среди разделочных ножей две пластины с приостренными ретушью краями, отщеп и 17 пластин без вторичной обработки; четыре обломка

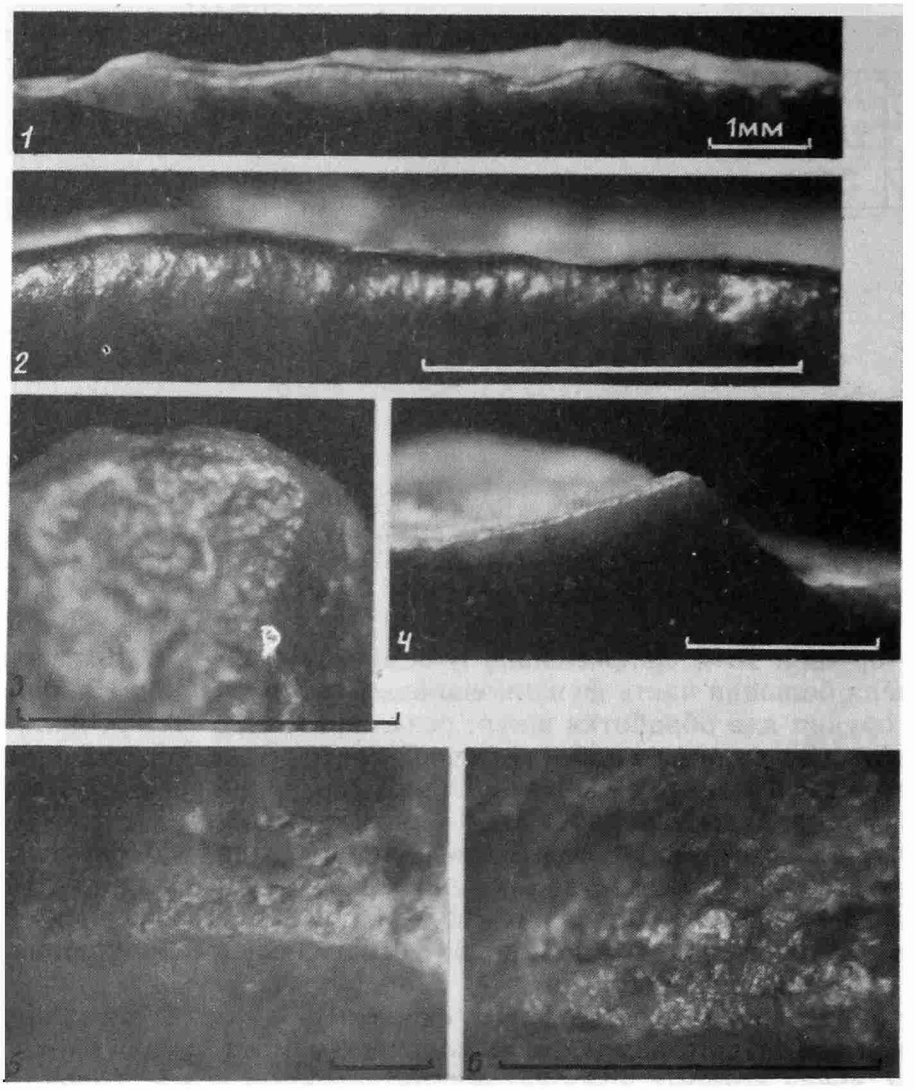


Рис. 5. Стоянка Хрипелево 1. Микрофотографии следов работы на орудиях. *1, 2* — скребок концевой; *3* — резец для кости; *4, 5* — орудие для выскабливания пазов и расширение отверстий, кромка у конца. *1, 4* — ув. в 12,5 раз; *3—5* — ув. в 50 раз

пластин без вторичной обработки служили вкладышами составных разделочных ножей.

Наиболее многочисленная группа — скребки включает 97 концевых скребков, 29 скошенных, 2 концевых-боковых, 2 концевых-двойных боковых, двойной концевой-боковой, подокруглый, 18 обломков скребков неясного типа, 2 комбинированных орудия: концевой скребок с приостряющей ретушью бокового края, отщеп без вторичной обработки. В качестве проколок использованы отщеп и пластина без вторичной обработки. Скобелями для обработки дерева служили пластина с приостренным ретушью краем, 6 отщепов с нерегулярной ретушью, 3 отщепа без вторичной обработки и микроскребок. В качестве резчиков по дереву использовались 2 отщепа с ретушью, пластина и 3 отщепа без вторичной обработки. Подовальное двустороннеоббитое тесло служило для тесания дерева, а резец с вогнутой ретушированной площадкой на отщепе употреблялся в качестве долота.

Для скобления кости и рога использовались отщеп с ретушью, 3 пластины и 5 отщепов без вторичной обработки. Косоретушный резец и отщеп без вторичной обработки использовались в качестве резцов. Резчиками для кости служили 3 резца на сломе пластины и отщепов, 2 отщепа с ретушью, 13 отщепов без

вторичной обработки. Пластина и 2 отщепа без вторичной обработки употреблялись для пиления кости и рога. Комбинированными орудиями оказались 14 концевых скребков, скребок-проколка, концевой скребок на пластине с приостренными краями, резец на сломе пластины и 2 резца на сломе пластин с приостренными краями, обломок пластины с приостренными краями, отщеп с ретушью, 3 пластины без вторичной обработки.

Из всех орудий вторичную обработку имеет 181 (72,1%), заготовкой для 87 была пластина (34,7%), для 164 (65,3%) — отщеп.

Трасологический анализ каменных изделий позволяет говорить о ведущей роли охоты в хозяйстве обитателей стоянки Хрипелево 1. Наряду с разделкой добычи на памятнике производилась обработка шкур, кости и дерева. Обработка камня также имела место, но носила ограниченный характер, что помимо отсутствия отбойников подтверждается малым числом нуклеусов и сравнительно небольшим количеством расщепленного кремня на раскопанной площади. Об остальных видах хозяйственной деятельности, которые могли осуществляться жителями стоянки, данных нет. В целом памятник можно охарактеризовать как кратковременную стоянку без черт специализации в каменном инвентаре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воробьев В. М.* Отчет о разведках в Калининском, Ржевском, Оленинском, Селижаровском и Пеновском районах Калининской области в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5819.
2. *Мирецкий А. В.* Раскопки в Ржевском районе Калининской области // АО — 1984. М., 1986.
3. *Мирецкий А. В.* Отчет о разведках и раскопках в Калининской области в 1984 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9431.
4. *Черных И. Н.* Отчет о раскопках поселения Непеено 1 в Калининском районе Калининской области в 1984 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10623.
5. *Кольцов Л. В., Жилин М. Г* Итоги работ Калининской экспедиции в 1984—1985 гг. // КСИА. 1989. № 196.
6. *Гурина Н. Н.* Неолитические племена Валдайской возвышенности // МИА. 1973. № 172.
7. *Гурина Н. Н.* Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги // КСИА. 1977. № 149.
8. *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
9. *Кольцов Л. В.* Раскопки бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. 1969. № 117
10. *Кольцов Л. В.* Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.) // КСИА. 1971. № 126.
11. *Гаврилова И. В.* Неолитическая стоянка Котчище на оз. Селигер // КСИА. 1962. № 92.
12. *Гурина Н. Н.* Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры) // КСИА. 1961. № 82.
13. *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957 № 54.
14. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
15. *Коробкова Г Ф., Смольянинова С. П., Кизь Г В.* Позднепалеолитическая стоянка Срединный Горб // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
16. *Жилин М. Г* Результаты трасологического анализа каменного инвентаря стоянки Староконстантиновская 4 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1983.

Институт археологии АН СССР, Москва

Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей

M. G. ZHILIN, A. V MIRETSKY

THE MESOLITHIC SITE KHRIPELEVO 1 AT THE UPPER VOLGA

The site is situated at the edge of the first terrace of the left bank of the Upper Volga near village Khripelevo, Rzhev district, Tver region of Russia. 327 square metres were excavated. Stone artifacts were found in the grey-yellow sand 5 — 22 cm thick. Tools and waste are made from local flint of different colour Lithic inventory includes scrapers, buring, knives, arrowheads, adzes, perforators, cores blades and flakes. Technology of manufacture and types of artifacts are similar to materials of the late mesolithic sites the Upper Volga, especially, Valday disrict. Trasological analysis of all artifacts showed different tools, used for butchering, hunting, work of hide, wood, bone and combined tools. The site could be characterised as a small camp, occupied for a short period of time.

Г. П. РОМАНОВА

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СТЕПНЫХ РАЙОНОВ СТАВРОПОЛЬЯ ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

В 1977—1979 гг. в Арзгирском р-не Ставропольского края экспедицией Института археологии АН СССР были проведены раскопки курганных могильников, лежащих на трассе сооружения оросительной системы. Коллекция скелетов из погребений эпохи ранней и средней бронзы из восьми курганных Чографских могильников послужила материалом для этой работы [1—3]

В две небольшие серии вошли 37 черепов (24 мужских, 17 женских) из погребений древнеямного времени и 32 черепа (22 мужских, 10 женских) катакомбного времени. К сожалению, из-за плохой сохранности лишь часть из них можно измерить по полной краниометрической программе. Следует отметить, что при составлении серий из скелетов, погребенных в одну эпоху, в группе оказываются черепа из погребений, отличающихся по обряду захоронения. Так, в серию древнеямного времени, составленную в основном из черепов погребенных по характерному для древнеямной культуры обряду в яме, с положением скелета скорченно на спине, вошли также черепа из погребений в яме, но с положением погребенного вытянуто на спине (три мужских) и скорченно на боку (один мужской).

Средние величины краниометрических признаков древнеямной серии и параметры, характеризующие их изменчивость, представлены в табл. 1 и 2.

Мужские и женские черепа древнеямного времени отличаются массивностью, развитым рельефом, выраженным комплексом морфологических особенностей мезобрахикранного варианта протоевропеоидного краниологического типа, выделенного Г Ф. Дебецем и широко распространенного в степных районах в эпоху бронзы [4, с. 48—111...]

Следует отметить, что женские черепа серии отличает от мужских брахикрания, более низкий лицевой отдел с несколько большей уплощенностью в верхней части. Отличается женская группа от мужской и по форме нижней челюсти.

Внутригрупповой анализ краниометрических признаков выявил отчетливую неоднородность древнеямной серии. Около трети основных размерных признаков отличаются изменением величины среднего квадратического отклонения и коэффициента вариации по сравнению со стандартными (табл. 1, 2) [5, с. 125—127]

Хотя в древнеямную серию Ставрополья вошли четыре черепа из захоронений с нехарактерным для древнеямной общности обрядом погребения с положением скелета вытянуто на спине и скорченно на боку, вряд ли они оказали существенное влияние на краниологическую характеристику серии, поскольку костные останки в этих захоронениях очень фрагментарны.

Ставрополье в эпоху ранней бронзы было одним из районов огромной территории, заселенной племенами древнеямной общности. Многие исследователи древнеямного населения отмечают антропологическую неоднородность серий ямной культуры [6, 7] Тем не менее сопоставление древнеямной ставропольской серии с синхронными однокультурными сериями из Калмыкии [8,с. 124], Нижнего Поволжья [8, с. 99], серией из Кривой Луки [8, с. 144] выявило морфо-

© Г П. Романова, 1991 г.

Таблица 1

Средние размеры мужских черепов серии древнеямного времени Ставрополья

	Признак	*n*	Мин.-макс.	*M*	*m*(*M*)	σ	*V*
1	Продольный диаметр	14	171,0—199,0	185,6	2,23	8,34	4,49
8	Поперечный »	12	134,0—168,0	145,5	2,85	8,88	6,79
17	Высотный »	6	134,0—146,0	139,7	1,73	4,23	3,00
20	То же	9	107,0—122,0	114,8	1,63	4,89	4,26
8:1	Черепной указатель	12	69,1—92,3	78,5	2,07	7,15	9,11
17:1	Высотно-продольный »	7	71,3—85,4	75,2	1,76	4,64	3,85
17:8	Высотно-поперечный »	7	84,8—106,7	100,3	1,46	3,86	3,85
5	Длина основания черепа	5	101,0—111,0	106,2	1,49	3,35	3,15
9	Наименьшая ширина лба	16	92,0—110,0	101,4	1,40	5,60	5,52
9:8	Лобно-поперечный указатель	11	64,0—77,9	69,5	1,21	4,03	5,80
11	Ширина основания черепа	8	124,0—146,0	131,1	2,54	7,18	2,29
12	» затылка	11	109,0—137,0	116,5	2,24	7,43	6,38
45	Скуловой диаметр	8	134,0—153,0	142,5	2,23	6,30	4,42
40	Длина основания лица	5	95,0—105,0	100,8	1,62	3,63	3,60
48	Верхняя высота »	14	62,0—79,0	70,5	1,15	4,29	6,08
40:5	Указатель выступания »	5	92,7—98,0	94,9	0,87	1,96	2,06
48:45	Верхний лицевой указатель	8	45,9—54,8	49,9	1,20	3,40	6,81
54	Ширина носа	15	21,3—29,5	26,2	0,73	2,38	9,08
55	Высота »	14	47,0—59,0	51,0	1,04	3,89	7,63
54:55	Носовой указатель	14	41,4—58,9	51,6	1,35	5,04	9,77
51	Ширина орбиты от mf	13	41,0—46,1	43,60	0,40	1,45	3,32
52	Высота орбиты	14	28,4—35,7	32,10	0,56	2,09	6,51
52:51	Орбитный указатель	13	66,4—83,5	74,40	1,28	4,61	6,20
DS	Дакриальная высота	14	9,5—26,9	21,97	1,13	4,23	19,25
DC	» ширина	11	11,1—17,0	13,56	0,52	1,74	12,83
DS:DC	Дакриальный указатель	11	42,2—79,5	60,30	3,62	12,03	19,95
SS	Симотическая высота	12	3,5—6,0	4,95	0,24	0,84	16,97
SC	» хорда	13	5,9—10,3	8,34	0,50	1,79	21,46
SS:SC	Симотический указатель	12	34,0—84,7	60,70	3,80	13,14	21,65
∠77	Назомалярный угол	13	130,0—149,0	137,60	1,36	4,91	3,57
∠zm	Зигомаксиллярный угол	11	120,0—138,0	127,40	1,74	5,78	4,54
72	Общий угол лица	5	72,0—88,0	79,20	2,70	6,05	7,64
75(I)	Угол носовых костей	10	27,0—41,0	32,60	1,39	4,38	13,43
65	Мыщелковая ширина	8	117,0—135,0	125,60	1,89	5,34	4,25
66	Угловая ширина	10	88,0—117,0	104,20	2,95	9,34	8,96
68	Длина нижней челюсти от углов	6	73,0—92,0	83,00	2,80	6,87	8,28
68(I)	То же от мыщц	6	105,0—123,0	111,70	2,77	6,80	6,09
70	Высота ветви	15	48,0—70,0	61,10	1,57	6,09	9,97
71a	Наименьшая ширина ветви	14	33,0—41,0	36,30	0,72	2,70	7,44
79	Угол ветви нижней челюсти	13	103,0—126,0	117,50	1,77	6,38	5,43

логическую близость населений этих районов в древнеямное время. Расстояние между сериями, вычисленное по формуле Пенроза в редакции Кнуссмана [10, с. 157—159; 11], небольшое (табл. 3). Суммарная древнеямная серия с территории Украины [12, с. 12—14] имеет среднюю величину различий с другими однокультурными группами (табл. 3).

Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы с территории Украины суммированы и проанализированы в работах С. И. Круц [6, 12], которая показала антропологическую неоднородность населения ямной и катакомбной культур [6, с. 86—104, 145—158]. С. И. Круц не только выделила протоевропеоидный и восточносредиземноморский антропологические компоненты, участвовавшие в формировании древнеямного населения Украины, но и связала их с определенными археологическими признаками, обосновав, таким образом, разнообразие антропологических типов культурной неоднородностью, существовавшей на этой территории [6, с. 171—173] Для проверки выводов С. И. Круц о неоднородности древнеямного и катакомбного населения Украины мы воспользовались методом $U(\rho^2)$-группировки [13, с. 104—115] Статистический подход к анализу материалов позволил совместить разбиение серий по антропологическому признаку с разделением по обряду, что дало возможность

Таблица 2

Средние размеры женских черепов серии древнеямного времени Ставрополья

Признак		*n*	Мин.-макс.	*M*	*m*(*M*)	σ	*V*
1	Продольный диаметр	12	163,0—199,0	173,2	2,83	9,80	5,66
8	Поперечный »	14	134,0—155,0	143,5	1,30	6,10	4,25
17	Высотный »	5	125,0—136,0	129,6	2,24	5,02	3,87
20	То же	15	104,0—121,0	112,3	1,17	4,55	4,05
8:1	Черепной указатель	12	67,3—91,7	82,9	1,91	6,60	7,96
17:1	Высотно-продольный указатель	5	73,8—82,5	77,5	1,47	3,29	4,24
17:8	Высотно-поперечный »	5	88,8—97,9	92,6	1,76	3,95	4,26
5	Длина основания черепа	6	87,0—104,0	96,7	2,27	5,57	5,76
9	Наименьшая ширина лба	15	94,0—105,0	99,3	0,86	3,35	3,37
9:8	Лобно-поперечный указатель	12	64,9—75,2	69,5	0,85	2,94	4,23
11	Ширина основания черепа	15	116,0—138,0	125,7	1,47	5,71	4,54
12	» затылка	15	105,0—132,0	113,1	1,19	4,59	4,06
45	Скуловой диаметр	8	128,0—142,0	134,6	1,41	4,00	2,97
40	Длина основания лица	4	85,0—97,0	92,7	2,65	5,31	5,73
48	Верхняя высота »	10	48,0—68,0	61,2	1,83	5,79	9,46
40:5	Указатель выступания	4	95,9—99,0	97,3	0,64	1,20	1,32
48:45	Верхний лицевой указатель	6	42,6—50,8	47,2	1,22	2,98	6,31
54	Ширина носа	11	23,0—27,0	24,8	0,32	1,08	4,35
55	Высота »	12	46,0—59,0	49,3	1,05	3,63	7,36
54:55	Носовой указатель	10	45,7—57,4	50,8	1,06	3,35	6,59
51	Ширина орбиты от mf	12	36,4—44,3	41,0	0,62	2,16	5,27
52	Высота орбиты	13	28,5—35,2	32,2	0,49	1,76	5,46
52:51	Орбитный указатель	12	70,9—84,6	77,9	1,33	4,60	5,90
DS	Дакриальная высота	4	10,0—11,3	10,65	0,33	0,67	6,29
DC	» ширина	7	20,3—24,0	21,7	0,57	1,50	6,91
DS:DC	Дакриальный указатель	4	41,7—52,6	47,9	2,29	4,59	9,58
SS	Симотическая высота	6	2,7—5,85	4,29	0,51	1,25	29,14
SC	» хорда	11	6,52—12,4	8,98	0,56	1,85	20,60
SS:SC	Симотический указатель	6	33,6—68,8	48,4	5,53	13,56	28,02
77	Назомалярный угол	10	138,0—152,0	143,7	1,59	5,03	3,50
zm	Зигомаксиллярный угол	10	120,0—135,0	127,9	1,50	4,75	3,71
72	Общий угол лица	4	78,0—98,0	81,5	2,25	4,50	5,52
75(1)	Угол носовых костей	4	25,0—35,0	29,5	2,10	4,20	14,24
65	Мыщелковая ширина	7	113,0—123,0	118,1	1,20	3,18	2,69
66	Угловая ширина	12	86,0—106,0	94,7	1,77	6,14	6,48
68	Длина нижней челюсти от углов	7	76,0—83,0	79,6	1,15	3,05	3,83
68(1)	То же от мыщц	7	99,0—108,0	102,6	1,22	3,21	3,13
70	Высота ветви	13	50,0—67,0	57,9	1,38	4,97	8,58
71a	Наименьшая ширина ветви	16	30,0—40,0	34,5	0,76	3,06	8,87
79	Угол ветви нижней челюсти	13	109,0—129,0	117,5	1,65	5,96	5,07

получить реальную антропологическую характеристику существовавших популяций.

Статистический анализ полностью подтвердил сделанные Круц выводы об антропологической неоднородности ямного и катакомбного населения и тех антропологических компонентах, которые принимали участие в его формировании (табл. 4). Наличие среди ямного населения Украины носителей восточно-средиземноморского антропологического типа объясняет различие между сборной серией Украины и других территорий древнеямной общности. Мезокранный вариант протоевропеоидного антропологического типа, выделенный в составе древнеямного населения Украины, по комплексу морфологических особенностей близок к населению древнеямной общности других территорий — Нижнего Поволжья, Калмыкии, Ставрополья.

В серии ямного времени из Ставрополья, как и в украинской, есть долихокранные черепа, но трудно предположить, что входящий в обе серии долихокранный компонент имеет общее происхождение. Степные районы Ставрополья и Украины достаточно разобщены территориально. Кроме того, в Чограйских могильниках очень редко встречаются погребения в яме со скелетами в позе

Таблица 3

Величины расстояний между сериями мужских черепов древнеямной культуры различных территорий

Территория		Украина	Нижнее Поволжье	Калмыкия
Ставрополье	C^2_H	0,53	0,33	0,18
	C^2_Q	0,07	0,13	0,05
	C^2_R	0,47	0,23	0,14
Украина	C^2_H		0,17	0,62
	C^2_Q	—	0,05	0,01
	C^2_R		0,16	0,61
Нижнее Поволжье	C^2_H			0,45
	C^2_Q	—	—	0,11
	C^2_R			0,37

Таблица 4

Средние размеры серий мужских черепов Украины древнеямного и катакомбного времени, выделенные в группы различными способами

№ признака (по Мартину)	Широколицый антропологический тип (по Круц)	Скорченно на спине (по Круц)	I статистический метод	Узколицый антропологический тип (по Круц)	Скорченно на боку (по Круц)	II статистический метод
			Древнеямная общность			
1	186,0(10)	189,5(32)	188,6(17)	193,5(10)	192,4(18)	191,6(14)
8	144,9	141,2	142,2	135,9	136,7	137,9
17	—	142,2	138,5	—	139,4	140,7
8:1	78,0	74,9	75,6	70,7	71,0	72,1
45	137,0	136,6	138,5	131,0	134,3	133,1
48	64,4	69,2	67,5	74,1	73,2	73,5
48:45	47,0	50,5	48,7	56,6	54,7	55,3
52:51	74,7	75,3	73,8	75,2	76,5	74,7
			Катакомбная общность			
1	183,8(16)	186,6(38)	184,3(16)	187,2	191,9(14)	187,6(20)
8	143,3	143,8	142,5	137,1	138,0	138,0
17	136,6	137,1	138,1	131,8	137,0	137,6
8:1	78,2	77,1	77,7	73,4	74,1	74,3
45	142,4	139,2	141,0	131,1	134,7	133,0
48	66,7	69,9	66,9	75,0	72,1	72,8
48:45	46,6	50,7	47,4	57,0	53,8	54,8
52:51	73,3	75,4	73,1	79,3	77,6	78,1

скорченно на боку в древнеямное время, тогда как долихокранный восточносредиземноморский тип происходит из таких погребений на Украине.

Недалеко от Чографских ставропольских могильников в 60-е годы археологами И. В. Синицыным и У Э. Эрдниевым было раскопано три курганных могильника с тем же названием. Палеоантропологические материалы из них были изучены и опубликованы А. В. Шевченко [7, 8]

Сопоставление суммарных серий, как мужских, так и женских, из Чографских могильников Ставрополья и Калмыкии [8, с. 124], а также сравнение серии из Ставрополья с сериями из отдельных могильников Калмыкии — Чограя I, II, III [8, с. 126—127] позволяет говорить о значительной морфологической близости населения. Величины различий, вычисленные по формуле Пенроза, между сериями невелики (табл. 3).

В своей работе А. В. Шевченко, рассмотрев материалы отдельных курганов и могильников, установил, что на всех уровнях древнеямные черепа демонстрируют отчетливую антропологическую неоднородность. На основании анализа

серии мужских черепов из могильника Чограй II автор выделил в составе ямного населения три краниологических типа — А, В, С. Мне кажется, что работа А. В. Шевченко небезупречна с точки зрения методологических подходов к выделению краниологических типов. Исследователь сам упоминает о некоторой «искусственности группировки» черепов из Чограйского II могильника в серии по типам [7, с. 132] Далее автор пишет, что «в соседних могильниках почти нет черепов краниологического типа А, но тип В представлен в каждом локальными вариантами» [8, с. 134] Изученная А. В. Шевченко серия древнеямной культуры из Кривой Луки, по словам автора, «очень сходна с суммарной выборкой из Калмыкии... по комбинации признаков в серии есть черепа, сходные с краниологическими типами Чограя II» [8, с. 143], «хотя большая часть черепов этой серии принадлежит типу С» [8, с. 172]

В Чограйских могильниках Ставрополья в погребениях древнеямной культуры нет черепов типа А. Также трудно подыскать черепа, полностью соответствующие типу С, если принимать во внимание такую специфическую черту этого краниологического типа, как резкое выступание носовых костей. Большинство древнеямных черепов из Ставрополья, особенно в женской серии, принадлежит типу В.

Вернемся к методике выделения краниологических типов. А. В. Шевченко разделил небольшую серию (11 черепов) из одного могильника на группы наиболее сходных между собой черепов. Средние арифметические величины признаков в этих группах отражают, по мнению автора, достаточные различия между типами и характеризуют их. Если проверить точность вычисления средних арифметических величин, например в серии типа А из четырех черепов, причем уменьшив вероятность изменения значения средней арифметической при повторных выборках до $\pm 2m(M)$, то можно определить, что она лежит в пределах величин стандартного квадратического отклонения [14, с. 351]. Различия между сериями типов А и С вполне укладываются в данные пределы, а если учесть, что в серию А отбирались наиболее массивные черепа, то можно предположить, что выделение типов А и С — операция искусственная. Оба типа можно объединить в один тип С.

Вероятно, не случайны значительные различия между серией типа В и мужскими сериями древнеямной культуры с других территорий, как не случайно и то, что автору трудно подобрать аналогии типу В среди синхронных мужских серий. Сопоставляя серию из четырех черепов типа В с женской серией из четырех черепов из древнеямных погребений Калмыкии [8, с. 124, 132], можно заметить, что они практически идентичны. Несколько меньшие величины скулового диаметра, ширины основания черепа, дакрильной высоты в женской группе вполне объяснимы тем же искусственным подбором наиболее массивных черепов в серию В. Вероятно, тип В характеризует женское население ямников Калмыкии.

Все изложенное выше, возможно, является причиной расхождения в величинах средних арифметических некоторых признаков между суммарными сериями из Ставрополья и Калмыкии. Комплекс краниологических особенностей серий этих районов одинаков, что неудивительно, если учесть, что большинство черепов суммарной серии с территории Калмыкии происходит из Чограйских могильников, расположенных рядом с Чограйскими могильниками Ставрополья.

Таким образом, сходные по комплексу краниологических признаков с ямным населением Ставрополья племена ямной культуры прилегающих районов Калмыкии, Нижнего Поволжья и Подонья [8, с. 152] вряд ли могли быть источником носителей другого антропологического типа, что при биологическом смешении нарушило бы внутригрупповую изменчивость признаков. Морфологическая близость населений этих регионов говорит об общей истории формирования антропологического облика древнеямных популяций.

Остается предположить, что население древнеямного времени Ставрополья имело биологические контакты с населением других культур, отличающихся

Таблица 5

Средние размеры мужских черепов серии катакомбного времени Ставрополья

	Признак	*n*	Мин.-макс.	*M*	*m*(*M*)	σ	*V*
1	Продольный диаметр	15	178,0—194,0	185,9	1,24	4,80	2,58
8	Поперечный »	12	136,0—153,0	144,2	1,49	5,15	3,57
17	Высотный »	10	134,0—142,0	137,7	1,50	4,74	3,44
20	То же	11	110,0—128,0	117,2	1,60	5,31	4,53
8:1	Черепной указатель	11	71,0—84,0	78,0	1,27	4,22	5,41
17:1	Высотно-продольный »	10	70,7—78,9	74,1	0,87	2,76	3,72
17:8	Высотно-поперечный »	8	85,3—100,8	94,0	1,80	5,10	5,42
5	Длина основания черепа	9	99,0—109,0	104,8	1,18	3,53	3,57
9	Наименьшая ширина лба	14	82,0—102,0	97,2	1,86	6,95	7,15
9:8	Лобно-поперечный указатель	9	58,1—76,5	67,9	1,76	5,27	7,76
11	Ширина основания черепа	12	123,0—140,0	129,1	1,85	6,40	4,96
12	» затылка	13	111,0—120,0	114,3	0,66	2,39	2,09
45	Скуловой диаметр	9	127,0—148,0	137,1	2,19	6,58	4,80
40	Длина основания лица	9	93,0—105,0	98,1	1,55	4,65	4,74
48	Верхняя высота »	14	61,0—76,0	70,7	1,31	4,92	6,96
40:5	Указатель выступания »	9	88,9—98,1	93,6	1,05	3,14	3,35
48:45	Верхний лицевой указатель	8	44,6—55,5	50,9	1,43	4,05	7,96
54	Ширина носа	18	20,6—28,0	25,3	0,44	1,86	7,35
55	Высота »	15	43,9—55,0	50,5	0,87	3,34	6,61
54:55	Носовой указатель	15	41,2—61,5	50,5	1,37	5,31	10,51
51	Ширина орбиты от mf	15	39,3—47,6	43,3	0,49	1,89	4,36
52	Высота орбиты	13	28,2—35,3	32,4	0,49	1,85	5,71
52:51	Орбитный указатель	11	66,2—85,0	74,9	1,39	5,20	6,94
DS	Дакриальная высота	9	12,5—16,85	14,1	0,50	1,49	10,57
DC	» ширина	11	19,5—28,8	22,1	0,92	3,07	13,89
DS:DC	Дакриальный указатель	9	47,0—74,6	64,0	3,30	9,90	15,48
SS	Симотическая высота	9	4,0—8,85	5,64	0,53	1,60	28,37
SC	» хорда	12	5,9—10,5	8,46	0,45	1,56	18,44
SS:SC	Симотический указатель	9	40,0—88,5	65,7	6,73	20,20	30,75
77	Назомалярный угол	11	131,0—146,0	138,7	1,28	4,24	3,06
zm	Зигомаксиллярный угол	14	115,0—133,0	125,9	1,49	5,59	4,44
72	Общий угол лица	10	68,0—91,0	79,2	2,01	6,36	8,03
75(I)	Угол носовых костей	8	23,0—35,0	31,7	1,39	3,95	12,46
65	Мыщелковая ширина	13	112,0—128,0	123,2	1,61	5,79	4,70
66	Угловая ширина	15	84,0—115,0	98,1	1,92	7,42	7,56
68	Длина нижней челюсти от углов	13	79,0—93,0	87,8	1,29	4,65	5,30
68(I)	То же от мыщц	13	98,0—120,0	111,5	1,80	6,48	5,81
70	Высота ветви	15	53,0—74,0	63,7	1,39	5,38	8,44
71a	Наименьшая ширина ветви	16	34,0—41,5	36,2	0,46	1,84	5,08
79	Угол ветви нижней челюсти	17	102,0—131,0	117,0	1,66	6,84	5,85

от ямников и по комплексу краниологических признаков. О правильности этого предположения косвенно свидетельствует тот факт, что мужская и женская группы черепов Ставрополья обладают разной степенью неоднородности. В женской серии из погребений древнеямной культуры большинство черепов относится к брахикранному варианту ямного краниологического типа (тип В, по Шевченко). В мужской серии из 12 наиболее хорошо сохранившихся черепов 4 отличаются долихокранией, 4 мезокранны, 4 имеют брахикранную форму мозгового отдела. Различаются мужские черепа по форме лицевого отдела и нижней челюсти.

Сопоставим материалы Чографских могильников Ставрополья катакомбного времени с серией черепов из погребений ранней бронзы. Сравнение мужских краниологических серий ямного (табл. 1, 2) и катакомбного (табл. 5, 6) показывает существование между ними некоторых различий. Серии различаются по широтным размерам мозгового и лицевого отделов, дакриальной и симотической высоте, дакриальному и симотическому указателям, угловой ширине нижней челюсти. Мужские черепа из погребений ямной культуры шире в мозговой части, несколько выше, имеют бóльшую ширину лба и лицевого отдела, значительно бóльшую угловую ширину нижней челюсти. Дакриальная и симотическая высоты на мужских черепах катакомбного времени несколько выше, чем

Таблица 6

Средние размеры женских черепов серии катакомбного времени Ставрополья

	Признак	*n*	Мин.-макс.	*M*	*m*(*M*)	σ	*V*
1	Продольный диаметр	8	166,0—192,0	176,9	3,28	9,28	5,24
8	Поперечный »	8	128,0—160,0	144,5	3,47	9,82	6,80
17	Высотный	5	127,0—130,0	130,0	1,57	3,53	2,71
20	То же	4	112,0—118,0	114,0	1,46	2,92	2,56
8:1	Черепной указатель	7	73,6—89,1	83,1	2,07	5,07	6,10
17:1	Высотно-продольный »	4	73,3—77,1	75,6	0,73	1,63	2,16
17:8	Высотно-поперечный »	5	86,4—100,7	90,8	2,58	5,78	6,35
5	Длина основания черепа	4	92,0—104,0	96,0	2,83	5,66	5,84
9	Наименьшая ширина лба	6	90,0—100,0	95,2	1,63	3,66	3,84
9:8	Лобно-поперечный указатель	5	62,2—70,3	65,9	1,58	3,55	5,38
11	Ширина основания черепа	5	113,0—134,0	123,8	3,38	7,56	6,11
12	» затылка	8	99,0—123,0	110,7	3,12	8,26	7,46
45	Скуловой диаметр	4	126,0—135,0	129,5	2,18	4,36	3,36
40	Длина основания лица	4	88,0—98,0	91,5	1,92	4,30	4,70
48	Верхняя высота »	5	55,0—72,0	65,2	2,86	6,42	9,84
40:5	Указатель выступания »	3	91,7—86,7	94,2	—	—	—
48:45	Верхний лицевой указатель	4	40,7—52,7	49,1	2,83	5,66	11,50
54	Ширина носа	5	21,8—26,7	24,4	0,92	2,08	7,51
55	Высота »	4	43,2—50,0	46,2	1,40	2,80	6,06
54:55	Носовой указатель	4	43,6—58,3	51,9	3,49	6,99	13,50
51	Ширина орбиты от mf	4	41,0—42,9	42,0	0,46	0,92	2,19
52	Высота орбиты	4	28,1—33,3	31,0	1,26	2,52	8,15
52:51	Орбитный указатель	4	66,9—80,5	73,5	3,40	6,80	9,19
DS	Дакриальная высота	2	11,0—13,1	12,05	—	—	—
DC	» ширина	2	20,0—21,1	20,57	—	—	—
DS:DC	Дакриальный указатель	2	52,1—65,3	58,7	—	—	—
SS	Симотическая высота	2	2,2—6,2	4,25	—	—	—
SC	» хорда	2	5,6—8,6	7,06	—	—	—
SS:SC	Симотический указатель	2	40,2—72,7	56,5	—	—	—
∠77	Назомалярный угол	2	133,0—146,0	139,5	—	—	—
∠zm	Зигомаксиллярный угол	4	121,0—139,0	128,5	3,97	7,94	6,18
72	Общий угол лица	3	77,0—87,0	81,3	3,42	5,91	7,27
75(1)	Угол носовых костей	2	29,0—34,0	31,5	—	—	—
65	Мыщелковая ширина	4	112,0—122,0	118,5	2,25	4,50	3,80
66	Угловая ширина	6	83,0—100,0	91,5	2,66	6,53	7,14
68	Длина нижней челюсти от углов	6	78,0—84,0	81,7	0,80	1,97	2,44
68(1)	То же от мышц	6	98,0—108,0	103,5	1,41	3,45	3,33
70	Высота ветви	6	53,0—61,0	56,2	1,19	2,93	5,21
71a	Наименьшая высота ветви	9	31,0—37,7	34,2	0,69	2,07	6,07
79	Угол ветви нижней челюсти	6	113,0—123,0	117,5	1,45	3,56	3,03

в мужской ямной серии, при одинаковых широтных размерах этой области черепа, что приводит и к большим величинам дакриального и симотического указателей в катакомбной серии.

При сопоставлении женских серий также заметны различия между разновременными группами по широтным размерам мозгового отдела. В целом женские черепа ямной серии более массивны, имеют большие величины наименьшей ширины лба, затылка, основания черепа. Лицевой отдел женских черепов катакомбной серии несколько выше и уже, с более узким и высоким переносьем. Нижняя челюсть черепов из ямных погребений имеет несколько меньшую длину, но большую угловую ширину. Направление различий в мужской и женской разновременных группах сходно, но между женскими группами больше различий по признакам лицевого отдела, а между мужскими — по признакам нижней челюсти.

Различия между сериями не затеняют общего сходства населений разного времени. Черепа разновременных групп относятся к одному протоевропеоидному типу, несколько более грацильному у населения катакомбного времени. Общее расстояние между группами, вычисленное по формуле Пенроза, равно 0,31 для мужских серий и 0,52 для женских серий черепов (табл. 7).

Внутригрупповой анализ выявил неоднородность серии катакомбного време-

Таблица 7

Величины расстояний между мужскими и женскими сериями ямного времени, катакомбного времени и предкавказской катакомбной культуры Ставрополья

Время, культура		Катакомбное время	Предкавказская катакомбная культура
		Мужские серии	
Ямное	C^2_H	0,31	0,53
	C^2_Q	0,13	0,17
	C^2_R	0,21	0,40
		Женские серии	
	C^2_H	0,52	0,78
	C^2_Q	0,04	0,08
	C^2_R	0,49	0,72

Таблица 8

Средние размеры признаков мужских и женских черепов из погребений предкавказской катакомбной культуры

Признак		Мужские		Женские	
		n	*M*	*n*	*M*
1	Продольный диаметр	9	189,0	9	180,0
8	Поперечный »	7	142,7	7	140,1
17	Высотный »	5	136,2	4	129,2
20	То же	7	118,1	3	117,3
8:1	Черепной указатель	7	75,9	7	78,7
17:1	Высотно-продольный »	6	73,6	4	75,2
17:8	Высотно-поперечный »	4	93,8	4	91,3
5	Длина основания черепа	5	105,0	4	98,0
9	Наименьшая ширина лба	8	97,7	8	95,0
9:8	Лобно-поперечный указатель	6	70,1	7	67,9
11	Ширина основания черепа	8	127,6	6	121,7
12	» затылка	8	112,7	7	108,1
45	Скуловой диаметр	6	134,3	5	126,4
40	Длина основания лица	5	99,8	4	91,5
46	Средняя ширина »	8	95,9	3	92,0
48	Верхняя высота »	9	72,1	6	66,3
40:5	Указатель выступания лица	5	94,9	4	93,4
48:45	Верхний лицевой указатель	5	52,4	4	49,7
54	Ширина носа	11	25,6	6	24,4
55	Высота »	10	51,0	6	46,9
54:55	Носовой указатель	10	50,7	6	52,2
51	Ширина орбиты от mf	8	42,9	6	41,3
52	Высота орбиты	7	32,6	6	32,0
52:51	Орбитный указатель	7	76,7	6	77,7
DS	Дакриальная высота	5	13,91	4	11,97
DC	» ширина	5	24,2	4	21,4
DS:DC	Дакриальный указатель	5	58,0	4	56,4
SS	Симотическая высота	5	5,21	4	4,17
SC	» хорда	6	8,39	4	8,52
SS:SC	Симотический указатель	5	58,4	4	50,8
77	Назомалярный угол	7	138,4	5	141,8
zm	Зигомаксиллярный угол	8	125,2	9	124,7
72	Общий угол лица	4	79,0	4	84,7
75(1)	Угол носовых костей	5	33,0	3	27,7
65	Мыщелковая ширина	7	123,1	3	122,3
66	Угловая ширина	9	97,9	5	91,8
68	Длина нижней челюсти от углов	7	90,0	5	81,0
68(1)	То же от мышц	7	112,7	5	103,0
70	Высота ветви	9	65,5	5	56,6
71a	Наименьшая ширина ветви	9	36,3	6	34,0
79	Угол ветви нижней челюсти	9	116,0	6	114,0

Таблица 9

Размеры мужских и женских черепов из погребений катакомбного времени южных районов Ставрополья

Признаки (по Мартину)	ГрII—3/8 ♀?mat к СБ$_л$ ПК	НМ-1 ♀?ad к ВС ПК	НМ-1/3 ♀mat-sen к ВС ПК	ГрI-8/2 ♀ad? к СБ$_л$ ПК
1	196,0	191,0	183,0	184,0
8	126,0	134,0	143,0	—
17	—	138,0	143,0?	—
9	98,0	101,0	99,0	—
11	104,0	115,0	131,0	—
5	—	107,0	101,0	—
40	—	109,0	94,0	—
8:1	64,3	70,2	78,1	—
45	—	128,0	141,0	—
48	—	71,0	76,0	68,0
48:45	—	55,5	53,9	—
54	—	25,0	26,0	24,5
55	—	49,0	54,0	48,0
54:55	—	51,0	48,1	51,0
51	—	41,4	45,0	41,3
52	—	30,3	34,3	34,2
52:51	—	73,2	76,2	82,8
DC	—	—	19,1	23,7
DS	—	—	12,0	10,3
SS	—	—	4,95	4,5
SC	—	—	7,5	13,4
77	—	—	—	—
zm	—	—	—	—
75(I)	—	—	31,0	—
1	204,0	—	192,0	186,0?
8	139,0?	—	140,0?	139,0?
17	—	—	141,0	145,0?
9	106,0	98,0	—	97,0
11	131,0	—	—	133,0
5	—	—	107,0	111,0?
40	—	—	102,0	103,0?
8:1	68,1	—	72,9	74,7
45	132,0?	—	—	135,0
48	75,0	67,0	66,0	75,0
48:45	56,8	—	—	55,5
54	29,5	28,4	25,0	22,6
55	55,0	52,0	54,0	53,0
54:55	53,6	54,6	46,3	42,6
51	45,0	45,0	—	43,0
52	—	33,7	32,0	32,5
52:51	—	74,9	—	75,6
DC	—	20,4	—	22,0
DS	—	14,95	—	12,75
SS	—	6,9	3,9	5,5
SC	—	9,5	6,5	6,3
77	—			
zm	—			
75(I)	—	45°	30°	35°

ни. Следует отметить, что в серию вошли черепа из погребений, отличающихся по обряду захоронения. В серии есть черепа из погребений в катакомбах с положением скелета скорченно на спине (4 мужских, 1 женский), вытянуто на спине (6 мужских, 2 женских), скорченно на боку (9 мужских, 6 женских), с расчлененным скелетом (2 мужских, 1 женский), а также из погребений в ямах с положением погребенного скорченно на боку (1 мужской). Ожидая, что серии однокультурных черепов будут отличаться большим внутригрупповым однообразием, мы выделили из всех погребений катакомбного времени захоронения по обряду предкавказской катакомбной культуры в ямах и катакомбах с положением скелета скорченно на боку, для которых были вычислены средние значения по всем признакам (табл. 8).

К сожалению, проверить морфологическое своеобразие серии черепов из по-

гребений катакомбного времени с другими элементами обряда захоронения на материалах из Чоградских могильников Ставрополья невозможно из-за малочисленности и плохой сохранности костяков.

Сопоставление трех рассматриваемых серий показывает, что различия между ямной серией и серией черепов из погребений предкавказской катакомбной культуры более выражены, чем между сборными разновременными сериями. Серию предкавказской катакомбной культуры отличает от ямной большая величина продольного диаметра и меньшая поперечного диаметра мозгового отдела. Скуловой диаметр у черепов этой серии меньше, высота лица несколько выше, резче профилировка лицевого отдела, более узкое и высокое переносье, большая длина и меньшая ширина нижней челюсти. Наиболее четко этот комплекс признаков выражен на черепах из погребений предкавказской катакомбной и северокавказской культур из южных районов Ставрополья, единичные черепа которых есть в нашей коллекции (табл. 9).

Суммарное расстояние между группами составляет 0,53 у мужских серий и 0,78 у женских (табл. 7). Сборная серия черепов катакомбного времени по большинству размерных признаков занимает промежуточное положение между ямной группой и серией черепов из погребений предкавказской катакомбной культуры. Известно, что метисные группы обладают, как правило, усредненными величинами размерных признаков исходных групп [15, с. 240—250] Морфологические особенности рассматриваемых краниологических серий дают возможность предполагать, что, вероятно, на последнем этапе своего существования древнеямное население имело тесные культурные связи и биологические контакты с населением более южных районов Ставрополья, северокавказскими и предкавказскими катакомбными племенами, носителями другого комплекса антропологических признаков. Изменение вариабельности краниологических признаков у населений разного времени и значительная морфологическая близость серий свидетельствуют о процессах метисации населений, особенно интенсивных, вероятно, в раннекатакомбное время.

Выводы. 1. Население Ставрополья в эпоху ранней бронзы принадлежало к мезобрахикранному варианту протоевропеоидного антропологического типа, характерными особенностями которого являются большие широтные размеры мозгового и лицевого отделов черепа, угловой ширины нижней челюсти, средняя или малая высота лица, средние размеры высоты и ширины носа, широкие орбиты.

2. Население Ставрополья обладало значительным морфологическим сходством с населениями соседних территорий — Нижнего Поволжья, Подонья, Калмыкии и мезокранным вариантом протоевропеоидного типа населения Украины — в древнеямное время.

3. Население катакомбного времени, переняв культурные традиции катакомбного мира, в значительной степени сохранило морфологические особенности ямного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кореняко В. А.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г // Архив ИА АН СССР Р-1. № 7223.
2. *Кореняко В. А.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7468.
3. *Андреева М. В.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1979 г // Архив ИА АН СССР Р-1. № 8039.
4. *Дебец Г Ф.* Палеоантропология СССР М.; Л., 1948.
5. *Алексеев В. П., Дебец Г Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
6. *Круц С. И.* Население территории Украины эпохи меди — бронзы. Киев, 1972.
7. *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М., 1974.
8. *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР Л., 1986.

9. *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.
10. *Дерябин В. Е.* Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983.
11. *Козинцев А. Г.* Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. Л., 1974.
12. *Круц С. И.* Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984.
13. *Дерябин В. Е.* О разделении неоднородных совокупностей антропологических данных с использованием метода $U(\rho^2)$-группировки // Вопр. антропологии. 1984. Вып. 73.
14. *Рогинский Я. Я. Левин М. Г.* Антропология. М., 1978.
15. *Бунак В. В.* Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.

Институт археологии АН СССР, Москва

G. P. ROMANOVA

SOME PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE STEPPIC AREA OF THE STAVROPOL REGION DATED TO THE EARLY AND MIDDLE BRONZE AGES

Summary

During the excavations of a number of kurgan cemeteries in the Stavropol region some new palaeoanthropological materials were obtained from the burials of the Early and Middle Bronze Ages. Their analysis is presented in the article. The craniometrical data were analysed in each group, then the groups of monocultural series from different territories were compared. This allowed the author to attribute the population of the northern steppic districts of the Stavropol region to the mesobrachycranial variant of the protoeuropeoid anthropological type. Certain morphological similarity of the population of the Stavropol region, the Lower Don and Kalmykia is noticed during the existance of the pit-grave culture. But the catacomb-grave population in the Stavropol region though adopted the «catacomb» cultural tradition, in many aspects continued to bear the morphological peculiarities of the pit-grave population.

А. А. ЕГОРЕЙЧЕНКО

ОЧКОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Среди многочисленной группы археологических источников немаловажное значение придается украшениям, часто обладающим большой информативностью. Отдельные категории этих вещей рассмотрены достаточно полно [1, 2]. Специальных же работ, посвященных целостной характеристике очковидных подвесок, мы не имеем. В археологической литературе можно отметить лишь некоторые исследования, освещающие отдельные стороны анализа этих украшений. Так, например, в работе В. Хенселя, использовавшего разнообразный материал как Западной, так и Восточной Европы, предпринята попытка раскрыть смысловое значение очковидных подвесок — автор склоняется к мысли о том, что подобные изделия были тесно связаны с культом плодородия [3] В советской литературе отметим работу Р М. Мунчаева, в которой правильно, но, к сожалению, слишком кратко охарактеризовано время бытования очковидных подвесок и в тезисном порядке намечен ареал их встречаемости преимущественно в эпоху бронзы [4, с. 169]; исследование В. И. Козенковой, в котором разработана типология очковидных подвесок кобанской культуры [5, с. 41].

Целью настоящей статьи является попытка обобщить имеющиеся данные об очковидных подвесках, обнаруженных на территории СССР: время их бытования, территорию распространения, а также осветить, насколько это возможно, происхождение этих украшений в отдельных регионах либо показать пути их проникновения из одной области в другую. Древнейшие очковидные подвески, зафиксированные на территории СССР, относятся ко второй половине III— началу II тыс. до н. э. (рис. 1, *1—3*) Они характерны для Северного Кавказа и Закавказья. В частности, их обнаружили в следующих пунктах: Галгалатли, Чиркей, Таш-Шоб, Карабудахкент, Кули, Мингечаур [5, с. 200, 201, рис. 3, *а, 15,* рис. 5, *16, 20;* 6, с. 77; 7, с. 42, рис. 2, *1—4*; 8, с. 68, табл. 3, *3*; 9, табл. XVII, *34*]. Появление и распространение очковидных подвесок в этом регионе нужно связывать с племенами куро-аракской культуры.

В первой половине II тыс. до н. э. эти украшения помимо Кавказа [10, с. 24, табл. I, *3*; табл. VI, *10*] получают распространение и в других ареалах европейской части СССР. В настоящее время намечается три центра, не считая Кавказа, где отмечены очковидные подвески: 1) Предкарпатье и Волынь; 2) Белорусское Поднепровье; 3) Верхняя Волга (рис. 2) В первом найдены две подвески, происходящие из поселений Почапы (почапский тип) и Стадники городоцко-здолбницкой культуры [11, рис. 46, *2;* 12, рис. 40, *1*]. По мнению И. К. Свешникова, их появление в Предкарпатье может быть вызвано контактами населения этой зоны с племенами Словакии и Чехии, где существовали металлургические центры и отмечены аналогичные находки [12, с. 79]

В Белорусском Поднепровье также известны две находки, относящиеся к среднеднепровской культуре и найденные в могильнике у д. Ходосовичи [13, рис. 22, *1, 2*]. Типологически они очень близки находке из Карабудахкентского могильника [4, рис. 7, *4*]. К тому же ходосовичские очковидные подвески по составу металла больше тяготеют к кавказским [14, табл. XIII, *588, 589*], поэтому генетическая связь их с последними наиболее вероятна.

© А. А. Егорейченко, 1991 г.

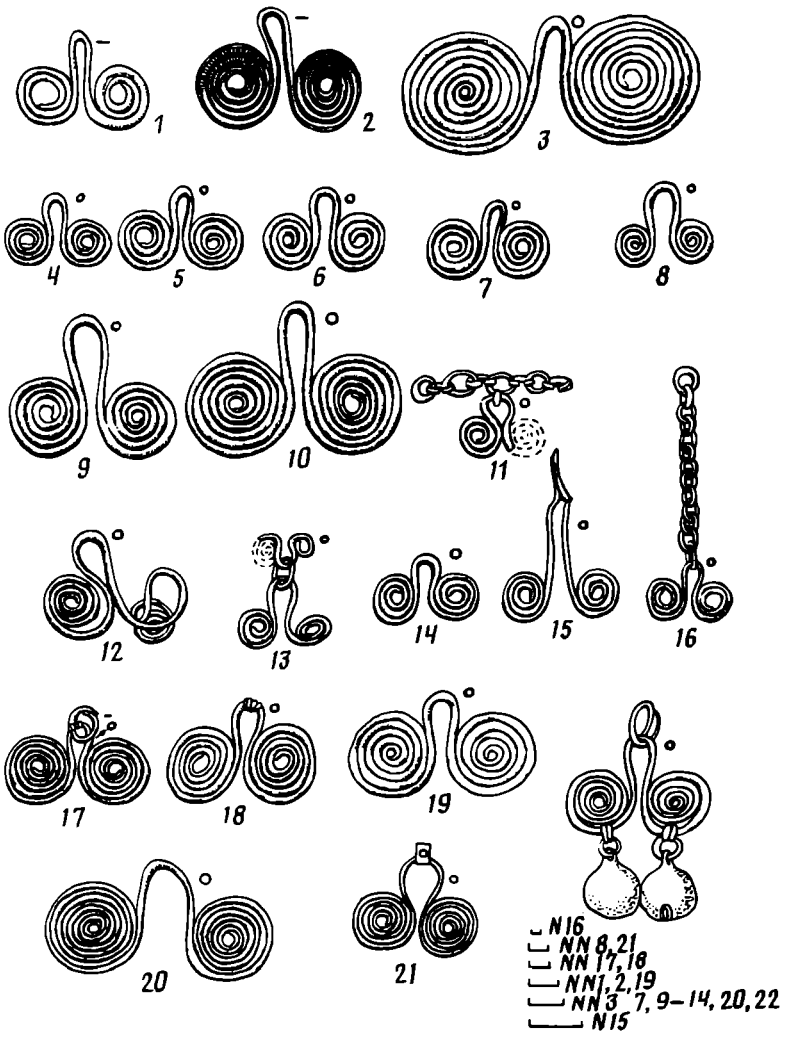


Рис. 1. Очковидные подвески различных периодов. *1* — Манас; *2* — Ходосовичи; *3* — Волосово-Данилово (первая половина II тыс. до н. э.); *4, 5* — Тауш-Касы; *6* — Алгаши; *7* — Абашево; *8* — Хохольский (третья четверть II тыс. до н. э.); *9* — Сержень-Юрт; *10* — Верхняя Рутха; *11* — Алибечки (первая половина I тыс. до н. э.), *12—14* — Ивань; *15* — Марылина Гора; *16* — Пренлаукис (конец I тыс. до н. э.— первая половина I тыс. н. э.), *17—18* — Цебельда; *19* — Апушта (V—VI вв. н. э.); *20* — Мартыновка; *21* — Суджа (VI—VII вв. н. э.); *22* — Люцин (X— начало XI в. н. э.).

Верхневолжские очковидные подвески представлены тремя экземплярами, найденными при исследовании памятников фатьяновской культуры. Две из них обнаружены в могильниках (Никульцинский и Волосово-Даниловский), третья — на поселении в урочище «Тещин язык» около с. Юрьева [15, с. 162, рис. 53, *12, 13*] Д. А. Крайнов предполагает, что очковидную форму подвесок носители фатьяновской культуры могли заимствовать у племен Предкарпатья. Однако прямой путь из Предкарпатья на Верхнюю Волгу через лесную зону был маловероятным. Нам представляется более обоснованным проникновение очковидных подвесок либо их прототипов с Кавказа через степную зону и далее по Волге.

Одной из отличительных черт биспиральных украшений раннего этапа является то, что многие из них (ходосовичские, карабудахкентская, кулийская, манасские и другие находки) сделаны из узких бронзовых пластин. По-видимому, традиция изготовления подобных подвесок восходит к периоду энеолита и ранней бронзы Центральной Европы и объясняется главным образом невозможностью получения круглой в сечении проволоки на раннем этапе. В частности, пластинчатые подвески были широко распространены в памятниках лендзельской культуры Польши, а позднее в лужицкой культуре раннебронзового вре-

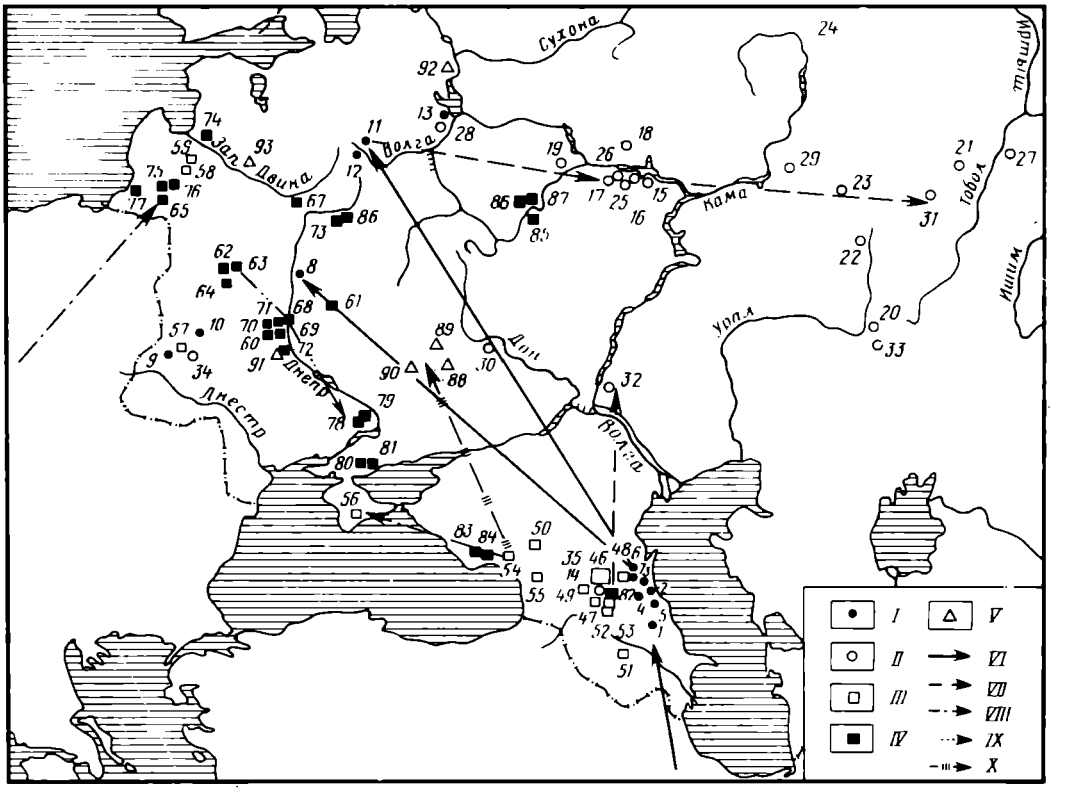


Рис. 2. Карта распространения очковидных подвесок на территории СССР и возможные пути проникновения оригиналов или их прототипов в различные регионы. I, VI— очковидные подвески второй половины III — середины II тыс. до н. э. и возможные пути их проникновения из центров производства; II, VII — подвески третьей четверти II тыс. до н. э. и пути их распространения; III, VIII — подвески последней четверти — середины I тыс. до н. э. и пути их проникновения; IV, IX — биспиральные подвески второй половины I тыс. до н. э.— первой половины I тыс. н. э. и возможные пути их распространения; V, X — подвески второй половины I тыс. н. э.— начала II тыс. н. э. и возможные пути поступления прототипов. *1* — Мингечаурский, *2* — Карабудахкентский, *3* — Манасский могильники; *4* — Чиркейское, *5* — Кулийское, *6* — Галгалатлийское, *7* — Таш-Шобское поселения, *8* — Ходосовичский могильник; *9* — Почапское, *10* — Стадникское поселения; *11* — Никульцинский; *12* — Волосово-Даниловский могильник; *13* — Юрьевское поселение; *14* — Стырфазский, *15* — Тауш-Касыйский, *16* — Абашевский, *17* — Алгашийский, *18* — Виловатовский II, *19* — Земской, *20* — Киргильдинский, *21* — Алексеевский могильники; *22* — Верхнекизыльский клад; *23* — Юкалекулевский могильник; *24* — Старушкинское I поселение; *25* — могильники Большое Янгильдино, *26* — Яндашевский, *27* — Петропавловский; *28* — Туровский клад; *29* — Северо-Бирский, *30* — Хохольский, *31* — Алакульский, *32* — Иловатковский, *33* — Урал-Сайский могильники; *34* — поселение Незвиско; *35* — Нестеровский, *36* — Луговской могильники; *37* — поселение и могильник Бамут, *38* — Сержень-Юрт; *39* — Майртупский клад; *40* — Ведено, случайная находка; *41* — Самашки, литейная форма; *42* — Балан-Суйский, *43* — Аллероийский, *44* — Ножай-Юртский; *45* — Гендергенский, *46* — Бенойский; *47* — Тлийский, *48* — Кобанский могильники; *49* — могильник Верхняя Рутха, *50* — Алибечки; *51* — Двин, литейная форма; *52* — Марал-Дересийский, *53* — Самтаврский, *54* — Куланурхвский, *55* — Эргетский, *56* — Мал-Музский могильники; *57* — Ясиновское, *58* — Павяндянское, *59* — Неверишкесское, *60* — Загайское поселения; *61* — Кузина Гора, поселение; *62* — Лабенщинское, *63* — Збаровичское, *64* — Иваньское, *65* — Пренлаукисское, *66* — Новобатекское поселения; *67* — поселение Марылина Гора; *68* — Пилипенкова Гора; *69* — Селищанское поселение; *70* — Коржи, поселение; *71* — Бортническое, *72* — Новобезрадичское, *73* — Спартакское поселения; *74* — Кокумуйже, клад; *75* — Лауксвидайский, *76* — Раудоненайский, *77* — Шернайский могильники; *78* — о-в Кизлевой, поселение; *79* — Звонецкий порог, поселение; *80* — Семеновский, *81* — Новоотрадненский, *82* — Жинвальский; *83* — Апуштинский, *84* — Цебельдинские, *85* — Шатрищенский, *86* — Кузьминский, *87* — Борковский могильники; *88* — Колосковский, *89* — Суджанский, *90* — Новоодесский, *91* — Мартыновский клады; *92* — Белоозеро, поселение; *93* — Люцинский, *94* — Лукашевский могильники; *95* — Утевка, поселение; *96* — пещера Братьев Греве, поселение

мени [16, с. 71, рис. 15; 17, с. 157, рис. 30, рис. 35, *2, 4*]

С середины II тыс. до н. э. намечается новый этап в распространении очковидных подвесок. Продолжая бытовать на Кавказе [18, рис. 7, *5*, рис. 22, *14*] и в Предкарпатье [19, рис. 11, *3*], они в то же время завоевывают чрезвычайную популярность в среде носителей абашевской [20, рис. 9, *12, 13*, рис. 10, *1*, рис. 12,

7, рис. 14, рис. 15; 21, рис. 22, а; 22, с. 97, рис. 40; 23, рис. 7, *12*; 24, рис. 5, *14*; 25, рис. 36, *9*; 26, рис. 4, *1—5*, рис. 5, *8*, и др.] и андроновской [27, с. 205, рис. 24, *20;* 28, с. 56, рис. 5, *2*; 29, рис. 2, *25*, рис. 3, *16,* рис. 7, *23;* 30, табл. XXXVI, *19*, табл. XXXVII, *38*; 31, с. 66, рис. 8 и др.] культур, проникая на восток вплоть до Урала (рис. 2). К этому же времени относятся еще две подвески, связанные со срубной (Иловатка) и гаринско-борской (Старушка I) культурами [32, с. 233, рис. 8, *6,* 33, с. 189]

Спектральный анализ некоторых подвесок абашевской (Хохольский, Абашево, Виловатово II), андроновской (Юкалекулево) и гаринско-борской (Старушка I) культур, проведенный Е. Н. Черных, показал, что они изготовлены из металла, поступавшего из Приуралья и Зауралья [34, с. 158]. Этот факт свидетельствует о существовании местного производства очковидных подвесок на территории этих культур или по крайней мере одной из них. В качестве прототипов могли послужить украшения кавказских племен либо носителей фатьяновской культуры.

По сравнению с очковидными подвесками предшествующего времени находки XV—XIII вв. до н. э. имеют некоторые отличия. Во-первых, они становятся значительно меньше. У подавляющей части абашевских и андроновских подвесок высота от наивысшей точки петли до нижнего прута, формирующего кольцо, не превышает 3 см (у подвесок конца III — первой половины II тыс. до н. э.— 4—5,5 см) Во-вторых, сокращается количество колец в спиралях: четырех—шести-спиральные находки, как это было ранее, составляют менее трети подвесок этого времени (Стырфаз, Старушка I, Туровское, Абашево, Северо-Бирск). Спирали остальных закручены в два-три оборота (рис. 1, *4—8*). И в-третьих, пластинчатые подвески, за исключением двух экземпляров, происходящих из памятников андроновской культуры (Алексеевка, Урал-Сай), не характерны.

С прекращением функционирования абашевской и андроновской культур резко сокращается и ареал очковидных подвесок. Они полностью выходят из употребления на северо-востоке европейской части СССР. С этого момента наступает новый этап (XII—VI вв. до н. э.). Основной очаг их производства и распространения перемещается на Северный Кавказ, в среду носителей кобанской культуры [5, табл. XXIII, *7, 9,* табл. XXIV, *32, 33,* табл. XXVI, *6*; 35, табл. XXXIV, *5, 6*; 36, с. 49, 50, 53, 56; 37, рис. 48, *24, 25*; 38, табл. 15, *6*; 39, табл. 112, *6*; 40, табл. 100, *6*].

О местном производстве очковидных подвесок в этом регионе свидетельствует не только значительное количество обнаруженных украшений, но и находки литейных форм. К их числу принадлежит глиняная форма, обнаруженная на Бамутском поселении [41, с. 139, рис. 2, а, 3], и обломок литейной формы из с. Самашки [36, с. 55]. По времени близка им еще одна форма, обнаруженная при исследовании Двина [42, с. 238, рис. 1, б]

Размеры кобанских подвесок варьируют в достаточно больших пределах. Их высота колеблется от 1 до 6,5 см (рис. 1, *9—11*). Подобная амплитуда была вызвана различным функциональным назначением. Как ни в какой другой культуре, кобанские очковидные подвески использовались в составе разнообразных украшений: серег, ожерелий, гривен, височных колец, головных уборов и т. п. Различно и число колец в спиралях. Оно варьирует от одного до шести.

Многочисленность биспиральных подвесок в кобанской культуре позволила В. И. Козенковой создать их типологию, выделив четыре варианта: 1) плоскоспиральные; 2) аналогичные 1-му варианту, но с дополнительным кольцом на дужке; 3) с конусообразными спиралями; 4) близкие к 3-му варианту, но имеющие на дужке рельефно выполненную голову барана. Рассматривая предложенную типологию, нельзя не отметить того факта, что она является слишком дробной. Нам представляется, что 1-й и 2-й варианты нужно объединить в один, поскольку наличие или отсутствие соединительного кольца на дужке не может служить разграничительным типологическим признаком, а 4-й вариант

с изображением головы барана сделать подвариантом 3-го.

С VIII—VII вв. до н. э. очковидные подвески получают достаточно широкое распространение не только на Северном, но и на Южном Кавказе. По-видимому, это объясняется тесными связями населения этого района с племенами кобанской культуры. Такие подвески, в частности, известны по находкам в могильниках Самтавро, Куланурхва, Марал-Дереси, Эргета [43, рис. 74, *б*, табл. XXIV; 44, табл. XXXV, *1*; 45, с. 24, табл. XXVII), а также по вышеназванной литейной форме из Двина.

В это же время очковидные подвески фиксируются и в Крыму, в могильнике Мал-Муз кизил-кобинской культуры (46, табл. 35, *4*, табл. 38, *5*; 47, рис. 34, рис. 75]. Учитывая то, что они по своему облику и размерам близки к кобанским украшениям из Сержень-Юрта, Верхней Рутхи и др., нельзя исключать возможности их северокавказского происхождения или местного производства по кобанским образцам. Кстати говоря, на сходство ряда вещей из погребального инвентаря кобанских и крымских захоронений указывал еще Е. И. Крупнов, который пришел к выводу о том, что между этими районами существовала определенная связь [48, с. 29]

В середине — начале второй половины I тыс. до н. э. кавказский центр производства очковидных подвесок, по-видимому, перестал функционировать. Украшения этого типа, столь характерные для кобанских и позднекобанских памятников, выходят из употребления.

В IV и V периодах бронзового века, т. е. синхронно с кобанскими, очковидные подвески получают достаточно широкое распространение на западе СССР. Они, в частности, обнаружены на памятнике высоцкой культуры в Ясинове Львовской обл. [49, табл. XXXV, 46] и на городищах Павяндяне и Неверишкес культуры штрихованной керамики в Литве [50, с. 75, 76, табл. XXV, *4, 5*]. Последние две, судя по сопутствующему материалу, относятся к концу бронзового — началу железного века. Их высота — 2,3—2,6 см, количество колец в спиралях — 3—5. Происхождение подвесок этого региона не поддается однозначному решению. Отсутствие собственных источников сырья и литейных форм не позволяет в настоящее время судить об их местном происхождении. Не исключено, что более широкое распространение этих украшений на западе СССР по сравнению с предшествующим временем связано с активными контактами и влиянием носителей лужицкой культуры на местное население. Биспиральные подвески в среде лужицких племен были широко распространены на протяжении всего периода существования культуры [51, с. 207, рис. 53, *2;* 52, с. 52, рис. 5, *с*, с. 57, рис. 10, *с*; 53, с. 627, рис. 212, *5, 6*; 54, рис. 286, и др.], и их экспорт в восточном направлении более чем вероятен. Подобное предположение в какой-то степени подкрепляется и составом металла литовских подвесок. По данным Э. Григалавичене и А. Мяркявичюса, он имеет западное происхождение [50, с. 110].

Рассматривая локализцию очковидных подвесок железного века, нельзя не отметить того факта, что с прекращением существования активного центра по производству и распространению этих украшений на Кавказе в то же время возрастает популярность и соответственно их встречаемость на северо-западе и западе европейской части СССР. Можно считать, что примерно с середины I тыс. до н. э. наступает новый этап, для которого характерно смещение области распространения очковидных подвесок в более северные районы (рис. 2). Во второй половине I тыс. до н. э. они зафиксированы в ряде культур лесной и лесостепной зоны, причем пик активности приходится на конец I тыс. до н. э.

Среди наиболее ранних подвесок этого периода отметим половину биспирального украшения из селища в урочище Загай близ с. Козинцы (УССР), которую исследователи относят к милоградской культуре [55, с. 72] и два биспиральных украшения, входящих в состав коромыслообразной подвески, обнаруженной на юхновском городище Кузина Гора (РСФСР) [56, с. 105].

В конце I тыс. до н. э.— начале I тыс. н. э. очковидные подвески получают

достаточно широкое распространение в культуре штрихованной керамики. В частности, они известны по раскопкам городищ Збаровичи, Лабенщина, Ивань (БССР), Пренлаукис в Литве [50, с. 78, табл. XXIV, *1;* 57, с. 39, рис. 1, *12—14, 16,* рис. 23, *15,* рис. 25, *24*]. Вероятно, этим же временем датируется и фрагмент очковидной подвески, обнаруженный на днепродвинском городище Новые Батеки на Смоленщине [58, с. 164, рис. 12, *6*].

В первой половине I тыс. н. э. биспиральные украшения появляются в среде зарубинецких и позднезарубинецких племен Верхнего и Среднего Поднепровья. К их числу относятся находки, обнаруженные на городище Пилипенкова Гора и на селищах у деревень Коржи, Селище, Бортничи, Новые Безрадичи на Украине и Спартак на Смоленщине [58, с. 139, рис. 73, *10*; 59, с. 51, рис. 8, *7*; 60, с. 83; 61, с. 71—73, рис. 2, *21, 23,* рис. 3, *16*, рис. 4, *9*]. По мнению О. Н. Приходнюка, очковидные подвески могли быть заимствованы зарубинецким населением у прибалтийских племен с рубежа н. э. [62, с. 95]. Это предположение не лишено оснований. Учитывая то, что в предшествующую эпоху подобные украшения для Поднепровья фактически не характерны, за исключением одной находки у с. Козинцы, а также то, что они имеют ряд общих черт с балтскими подвесками (размеры, количество завитков и т. д.), пути проникновения последних в область Среднего Поднепровья кажутся убедительными.

К числу редких находок этого времени (II—I вв. до н. э.) относится очковидная подвеска, обнаруженная на могильнике Лукашевка в Молдавии [63, табл. 7, *30*] Сделанная из железа, обычно не применявшегося для изготовления украшений вообще и подобных изделий в частности, она может с большой степенью вероятности свидетельствовать о местном производстве этих украшений.

Распространение очковидных подвесок в первой половине I тыс. до н. э. не ограничивается областью Среднего Поднепровья. Они вновь завоевывают обширное пространство, ограниченное на севере Балтийским, а на юге Черным морями. К числу самых северных находок этого времени относится очковидная подвеска на цепочке, происходящая из клада конца V в. н. э. у Кокумуйже в Латвии [64, с. 55, рис. 25]. Несколько более ранним временем датируется ряд биспиральных украшений Литвы, зафиксированных в грунтовых могильниках III—V вв. н. э. [65, с. 456; 66, рис. 3; 67, с. 437]. По-видимому, для этого времени можно уже с уверенностью говорить о местном производстве очковидных украшений на территории Прибалтики. К этому нас склоняет тот факт, что на территории Польши биспиральные подвески в I тыс. н. э. более не встречаются, а в Литве, как отмечалось, они бытуют на протяжении длительного времени. Территориально и хронологически к этим украшениям примыкает ряд очковидных подвесок, входящих в состав так называемой Вильнюсской цепи [68, табл. XIII], а также подвеска, обнаруженная на днепродвинском городище Марылина Гора [69, с. 39]

Представляет интерес появление аналогичных находок в первых веках н. э. в позднеантичных памятниках. В частности, две подвески известны по раскопкам Семеновского и Новоотрадненского могильников Боспора [70, с. 103, рис. 5, *14*; 71, с. 200]. И. Т. Кругликова совершенно справедливо полагает, что очковидные подвески были характерны для рядового населения сельских районов, поскольку в городах подобные находки не встречаются. Однако ее вывод о появлении здесь биспиральных подвесок как о возрождении архаичных мотивов, свойственных европейскому гальштатту, вряд ли соответствует действительности [70, с. 116] Это вытекает из того, что они, во-первых, отсутствуют в предшествующих античных памятниках Северного Причерноморья, а во-вторых, можно указать на более близкие по времени аналогии — это рассмотренные выше очковидные подвески Среднего Поднепровья. Таким образом, появление этих украшений на Боспоре может быть вызвано не столько возрождением гальштаттских спиральных мотивов, тем более что они не исчезли и в латене, сколько связями со Средним Поднепровьем либо другими близкими территориями, где эти подвески существовали в позднем латене и в раннеримскую эпоху

Среди одновременных или близких хронологически и территориально боспорским подвескам нельзя не указать на аналогичные украшения из селищ Южного Поднепровья [72, с. 275, рис. 1, *3*, с. 277, рис. 4, *10*] Они по своим характеристикам близки позднезарубинецким подвескам Среднего Поднепровья, и их связь более чем очевидна.

В позднеантичный период очковидные подвески вновь появляются на памятниках Кавказа. Среди них наиболее интересными являются две находки из могильника у с. Жинвали в Грузии, датируемые III—IV вв. н. э. [73, с. 56, табл. XXXIII, *8*; 74, с. 62, табл. XXXVII, *1*] Первая представляет собой фибулу в виде реалистически выполненной фигурки оленя, к копытам которого прикреплены две бронзовые цепочки, несущие на концах очковидные подвески. Вторая состояла из серебряной пряжки с двумя бронзовыми цепочками, на концах которых крепились подковообразные украшения вместе с очковидными подвесками.

Еще одна подвеска происходит из позднеантичного могильника у с. Апушта в Абхазии [75, рис. 10, 12] По сопутствующему инвентарю она датируется концом IV — первой половиной V в. н. э. В отличие от более ранних очковидных украшений апуштинская подвеска имеет большие размеры и количество спиралей в кольце, число которых достигает шести. В целом же она идентична очковидным подвескам цебельдинской культуры, с которой она и должна быть связана.

Цебельдинская культура, существовавшая во II—VII вв. н. э. на части территории современной Абхазии, заслуживает особого внимания в интересующем нас аспекте. В ряде ее могильников (Шапкинский, Цибилиумский, Апуштинский и др.) в погребальном инвентаре женских захоронений присутствуют очковидные подвески [76, рис. 2, *8, 36,* рис. 5, *8, 9,* рис. 6, *22, 39,* рис. 7, *5,* рис. 8, *11, 14,* рис. 9, *14;* 77, рис. 1, *5, 13;* 78, с. 92, табл. I, *6;* 79, табл. XII, *8,* табл. XVII, *10;* 80, табл. XXXII, *6, 9,* табл. XXXVI, *2, 31*] Многочисленность этой категории украшений свидетельствует об их популярности в среде апсилов, оставивших древности цебельдинской культуры, и о несомненно местном производстве подвесок. По мнению исследователей цебельдинских древностей, со временем происходит увеличение размеров этих украшений. В частности, к такому выводу они приходят, сравнив биспиральные подвески II и III этапов раннего горизонта (III и IV вв. н. э.) [76, с. 197] Однако на протяжении столетия прирост в высоте составил в среднем небольшую величину — 0,4 см. Очевидно, целесообразнее рассмотреть полярные по времени украшения. В этом случае разница в размерах достигает ощутимой величины. Так, например, если средняя высота подвесок III в. составляет 2,5 см, то в V — первой половине VI в. они «подрастают» более чем на 1,5 см.

Обращают на себя внимание и спирали. По сравнению с подвесками предшествующего времени на территории Восточной Европы количество витков в спиралях цебельдинских украшений увеличивается, достигая 4—5 в III—IV вв. и 6—7 в V—VI вв. (рис. 1, *17—19*). Тем самым происходит как бы возрождение традиций прошлого. Вспомним, что многовитковые подвески были характерны главным образом для периода ранней бронзы, а в более позднее время можно указать на малмузские находки Крыма.

В первой половине I тыс. н. э. очковидные подвески появляются и в бассейне Средней Оки. Так, например, они обнаружены при раскопках Шатрищенского, Кузьминского и Борковского могильников позднегородецкой культуры [81, с. 96, рис. 44, *8, 6*; 82, табл. XIV, *10*, табл. XVII, *7*] Подвеска из Шатрищенского могильника представляет собой два очковидных украшения разных размеров, скрепленных между собой в области петель соединительным кольцом. Подвески, найденные в Борковском и Кузьминском могильниках, входили в состав сложных украшений, состоявших из биспиральных оснований, которые несли с помощью соединительных колец трапециевидные или шумящие подвески.

Очковидные украшения для этого ареала в предшествующую эпоху были

не характерны. Поэтому вполне закономерен вопрос об их происхождении. Сравнительно-типологический анализ подвесок дает возможность, на наш взгляд, достаточно убедительно и однозначно ответить на поставленный вопрос. Вне всякого сомнения, появление очковидных подвесок в финно-угорской среде в I тыс. н. э. связано с балтскими контактами. Так, например, шатрищенская находка имеет очень близкие параллели среди украшений культуры штрихованной керамики, в частности с одной из подвесок городища Ивань (рис. 1, *13*). Помимо этого В. В. Седов убедительно показал наличие ряда вещей балтского происхождения в рязанско-окских могильниках [83, с. 86—104].

В отличие от шатрищенской борковская и кузьминская находки являются более поздними. В сочетании с шумящими и трапециевидными подвесками они приобретают ярко выраженную финно-угорскую окраску, и их местное производство не вызывает сомнений.

Во второй половине I тыс. н. э. очковидные подвески начинают постепенно выходить из употребления (рис. 2). Продолжая бытовать, как это уже отмечалось, в цебельдинской культуре, они в то же время появляются среди значительного числа антских кладов, таких, как Суджанский, Колосковский, Новоодесский, Мартыновский, Петровский [84, с. 66, 67, рис. 11—13; 85, табл. VI] В том, что эти подвески имеют местное происхождение, не может быть сомнений по той причине, что все они изготовлены из серебряной проволоки, которая нигде больше для этих целей не употреблялась.

Сложность состоит в другом — в поиске прототипов антских подвесок. На первый взгляд, их нужно искать в культурах предшествующего времени на этой территории. Действительно, такие подвески были характерны для носителей киевской культуры, которые приняли участие в формировании антов. Однако есть обстоятельства, ставящие под сомнение этот тезис. Во-первых, между очковидными украшениями, относящимися к этим культурам, существует значительный хронологический разрыв, и, во-вторых, они по некоторым признакам имеют различия. В частности, антские подвески в отличие от киевских имеют большее число завитков в спиралях (рис. 1, *20, 21*). Нам представляется более обоснованной связь антских биспиральных украшений с цебельдинскими. И те и другие близки по размерам. Антские подвески, как и кавказские, являются многовитковыми (5—7 витков). Один из важнейших признаков, связывающих эти подвески, заключается в том, что финальные погребения цебельдинской культуры, содержащие очковидные украшения, имеют хронологический стык с антскими древностями. О тесных связях антских племен с Югом, в том числе и с Кавказом, может свидетельствовать тот факт, что в составе ряда кладов присутствуют вещи, имеющие аналогии на Северном Кавказе (поясные наборы, антропоморфные фигурки из могильника в Чми и т. п.) [84, с. 78; 86, с. 85].

К последней четверти I тыс. н. э. очковидные подвески теряют свою былую популярность и почти повсеместно выходят из употребления. Последние отголоски их некогда мощного территориального всплеска относятся к концу X и, возможно, началу XI в. Одна из таких подвесок в сочетании с бубенчиками на каждой спирали обнаружена Е. Р Романовым в Люцинском могильнике (87, табл. I. *1*). Еще одна находка выявлена на Белом озере. Она представляет собой литейную форму для двух украшений, одно из которых может быть отнесено к числу очковидных [88, с. 55, рис. 1].

Подводя итоги, можно сказать, что очковидные подвески являются бесспорно интернациональным видом украшений, который приобретал этнокультурную окраску только в случае включения их в состав других украшений, чья этническая или культурная атрибутация не вызывает сомнений.

Рассматривая очковидные подвески в хронологическом аспекте, можно установить, что их распространение на широкой территории было не стабильным, а скорее всего пульсирующим. В настоящее время выделяется пять этапов в хождении этих украшений: 1) вторая половина III — середина II тыс. до н. э.;

2) третья четверть II тыс. до н. э.; 3) последняя четверть II — середина I тыс. до н. э.; 4) вторая половина I тыс. до н. э.— первая половина I тыс. н. э.; 5) вторая половина I тыс.— начало II тыс. н. э. В отдельные периоды (2-й и 4-й) очковидные подвески охватывали значительные пространства, в то время как в другие происходил процесс сужения их ареала.

Картографирование подвесок показывает, что основные районы их концентрации приходятся на западную часть СССР: Прибалтику, Белоруссию, Украину, Кавказ (рис. 2). Это было связано главным образом с тем, что на производство и распространение очковидных подвесок оказали серьезное влияние два центра: центральноевропейский, где отмечены наиболее ранние украшения этого типа, относящиеся к второй половине IV тыс. до н. э. и вышедшие из употребления во второй половине I тыс. до н. э.; кавказский, в котором биспиральные подвески имели распространение со второй половины III тыс. до н. э. по VI в. до н. э. и с II по VII в. н. э. Существующий хронологический разрыв в бытовании этих украшений на Кавказе, думается, можно объяснить не столько прекращением их хождения, сколько недостаточной изученностью памятников второй половины I тыс. до н. э. этого ареала. На всех остальных территориях время функционирования очковидных подвесок было значительно короче, а их появление по крайней мере на ранней стадии связано с влиянием культур центральноевропейского и кавказского кругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
2. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
3. *Hensel W* De la fonction des pendeloques en forme de binokle. Archaeologia Polona. 1960. T. III.
4. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Археологические памятники у с. Карабудахкент // МИА. 1958. № 68.
5. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры // САИ. 1982. Вып. В2-5.
6. *Магомедов С. М.* К вопросу о культурных связях с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
7. *Кореневский С. Н.* О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
8. *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
9. *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г И.* Древний Мингечаур. Баку, 1959.
10. *Федоров Г С.* Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
11. Стародавне населення Прикарпаття. Київ: Наук. думка, 1974.
12. *Свешніков І. К.* Історія населения Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ: Наук. думка, 1974.
13. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы: М.: Наука, 1967
14. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966. № 132.
15. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.
16. *Bednarczyk J., Czerniak L., Kośko A.* Z badań nad zespolem osadniczym ludności z kręgu kultur ceramiki wstęgowej w Kryszy Zamkowej, stan 3, woj. Bydgoszcź // Sprawozdania Archeologiczne. 1980. T. XXXII.
17. *Gedl M.* Groby szkieletowe w kulturze łużyckiej // Przegląd Archeologiczny. 1966. T. XVIII.
18. *Техов Б. В.* Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
19. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
20. *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Абашевская культура в Поволжье // МИА. 1961. № 97
21. *Халиков А. Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. 1961. № 97
22. *Кривцова-Гракова О. А.* Абашевский могильник // КСИИМК. 1947 Вып. XVII.
23. *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95.
24. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
25. *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971.
26. *Васильев И. Б.* Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Науч. тр. Куйбыш. гос. пед. ин-та. 1975. Т. 160. Вып. V
27 *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Л., 1927
28. *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. Т 1. № 24.
29. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967
30. Андроновская культура // САИ. 1966. Т 1. Вып. В3-2.
31. *Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. 1962. Вып. 5.
32. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60.

33. *Бадер О. Н.* Поселения турбинского времени в Среднем Прикамье. М.: Наука, 1970.
34. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
35. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Т. VIII.
36. *Козенкова В. И.* Кобанская культура (восточный вариант) // САИ. 1977 Вып. В2-5.
37. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
38. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука, 1971.
39. *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Т. I. Тбилиси, 1980.
40. *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Т. II. Тбилиси, 1981.
41. *Магомедов А. Р.* Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии // Кавказ и Восточная Европа. М.: Наука, 1973.
42. *Кушнарева К. Х.* Производственный комплекс древнего Двина // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
43. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
44. *Трапш М. М.* Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми: Абхазиздат,, 1962.
45. *Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И.* Исследования колхидской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1981 г. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
46. *Лесков А. М.* Горный Крым в I тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1965.
47. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д1-7.
48. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. 1947 Вып. XVII.
49. *Sulimirski T.* Kultura wysocka. Kraków, 1931.
50. *Григалавичене Э., Мяркявичюс А.* Древнейшие металлические изделия в Литве. Вильнюс: Мокслас, 1980.
51. *Podborski V.* Štramberská dyka s křižovym jilcem a otázka rožsireřeni původu a datovane těchto dýk v Evrope // Archeolgiche Pozhledy. 1967. T. XIX. No. 2.
52. *Szydlowska E.* Diademy i zaweski skroniowe grupy górnoslaskomalopolskiej kultury lużyckej // Archeologia Polski. 1963. T. VIII. Z. I.
53. *Třnáčkowa Z.* Lužické žarowé hroby z věřovan u Olomouce // Archeologicke Rozhledy. 1961. T. XIII.
54. *Hensel W.* Polska starożytna. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1980.
55. *Сікорьский М. І., Савчук А. П.* Знахідкі в с. Козинці Переяслав-Хмельницького району //Археологія, 1971. Вип. 4.
56. *Алихова А. Е.* Городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 113.
57. *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978.
58. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
59. *Максимов Е. В.* Зарубинецьке городище Пилипенкова гора // Археологія. 1971. Вип. 4.
60. *Савчук А. П.* Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж // МИА. 1969. № 160.
61. *Даніленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія, 1976. Вип. 19.
62. *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. э. Київ: Наук. думка, 1980.
63. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.// МИА. 1960. № 89.
64. *Urtāns V.* Latvijas 5—9 g. S. depoziti // Archeologija un etnografija. T. XI. Rīga. 1964.
65. *Йовайша Е.* Раскопки могильника в д. Лауксвидай // АО-1978. М., 1979.
66. *Volkaite-Kulikauskiene R.* Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai // Jš lietuvių kultūros istorijos. T. II. Vilnius. 1959.
67 *Йовайша Е., Даканис Б.* Новый тип грунтовых погребений в Литве // АО-1975. М., 1976.
68. Виленский музей древностей.. Вильна, 1892.
69. *Шадыра В. І.* Раскопки Марылінай гары // ПГКБ. 1985. № 3.
70. *Кругликова И. Т.* Некрополь поселения у д. Семеновки // СА. 1969. № 1.
71. *Арсеньева Т. М.* Некрополь римского времени в д. Новоотрадное // СА. 1963. № 1.
72. *Бодянский А. В.* Археологические находки в Днепровском надпорожье // СА. 1960. № 1.
73. *Рамишвили Р. М., Рчеишвили Г. Г., Маргвелашвили М. Г. и др.* Основные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 г. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
74. *Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Глонти М. Г. и др.* Работы Жинвальской комплексной археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1981 г. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
75. *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А.* Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии // СА. 1970. № 1.
76. *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1.
77 *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Новые памятники цебельдинской культуры на Кавказе // СА. 1973. № 1.
78. *Шамба К. Г.* Фибулы из некрополя Ахаччархва // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967
79. *Трапш М. М.* Культура цебельдинских некрополей. Тр. Тбилиси: Мецниереба, 1971. Т. 3.

80. *Гунба М. М.* Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978.
81. *Кравченко Г А.* Раскопки Шатрищенского могильника в 1966 г.// КСИА. 1969. Вып. 119.
82. *Спицин А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 1901. Вып. 1.
83. *Седов В. В.* Рязанско-Окские могильники // СА. 1966. № 4.
84. *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. 1953. № XVII.
85. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.// Археология СССР. М.: Наука, 1982.
86. *Рыбаков Б. А.* Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
87 Люцинский могильникк // МАР. 1893. Т I. Вып. 2.
88. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере // СА. 1962. № 3.

Белорусский государственный
университет, Минск

A. A. YEGOREYCHENKO

BISPIRAL PENDANTS IN THE TERRITORY OF THE USSR

Summary

The spreading of the bispiral pendants in time and space is considered in the article. Five stages of their existence are outlined: 1) the second half of the 3rd — mid 2nd mill. B. C.; 2) the third quarter of the 2nd mill. B. C.; 3) the last quarter of the 2nd mill. B. C.; 4) the second half of the 1st mill. B. C.— the first half of the 1st mill. A. D.; 5) the second half of the 1st — the beginning of the 2nd mill. A. D. The groups of concentration of the artefacts are noticed in the western part of the USSR. This fact can be explained by the strong influence of the Cental Europe and the Caucasus, where these ornaments were produced as long as two — three millenia.

В. В. РУБАН

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ МИЛЕТСКИХ АМФОР ИЗ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

Сельские территории античных полисов рассматриваются обычно в рамках политической и социально-экономической истории. Между тем остатки сельских населенных пунктов содержат колоссальный информативный потенциал, который пока остается практически вне поля зрения исследователей и является значительным резервом в прогрессе античной археологии. Изучение хронологии сельскохозяйственных поселений свидетельствует о весьма непродолжительном периоде существования подавляющего большинства из них, что позволяет рассматривать их как своего рода закрытые археологические комплексы.

Настоящее исследование посвящено анализу одной из самых многочисленных групп древнегреческой керамической тары архаического и раннеклассического периодов на материалах античных памятников Нижнего Побужья.

Амфоры, о которых здесь пойдет речь, известны уже давно и в литературе назывались по-разному. Первые их образцы появились в печати еще в начальный период развертывания раскопок в Восточном Средиземноморье [1, с. 228, рис. 425, *а*] К настоящему времени они найдены уже во многих местах этого района — в Милете, Мелии, Дидимах, Самосе, Термере, Ялисе, на Кипре [2, с. 204, 205], а также на Западе [2, с. 205]. В пределах Понтийского бассейна ранние образцы этих амфор известны в Истрии [3, с. 175, рис. 127; 4, с. 103—105], на Ягорлыкском и Березанском поселениях [5, с. 107, 108, рис. 1, *2, 3, 5—8*; 6, с. 287, рис. 1, *2—6*; 3, *11—14*] В большинстве случаев амфоры такого типа считались самосскими [6, с. 287; 7, с. 70, табл. I, *3*; 8, с. 71, рис. 2] Анализируя состав архаических амфорных находок в районе Милета, П. Дюпон недавно высказал мнение об их милетской принадлежности [2, с. 203—206] Автор подкрепляет свое наблюдение тем, что на Самосе в отличие от Милета найдены лишь единичные фрагменты подобных амфор [2, с. 205] Видимо, вероятность такой атрибуции нельзя исключать, так как на древнейших античных поселениях Нижнего Побужья, колонизация которого проходила под эгидой Милета, указанные амфоры в количественном отношении доминируют [6, с. 287]. Если исходить из морфологических признаков описанных сосудов, то нельзя не заметить, что в период поздней архаики на смену им приходят амфоры, известные в литературе под названием протофасосских [7, с. 79, 80, табл. VI, *15*] или самосских [9, с. 37—40]. Следует сказать, что в многочисленных работах по античной археологии Средиземноморья и Причерноморья рассеяно немало материалов, имеющих отношение к рассматриваемой теме, однако исследование всей этой группы амфор в целом пока не проводилось ни отечественными, ни зарубежными специалистами.

В основу методики настоящего исследования положены материалы археологических памятников, ареал которых ограничивается окрестностями Борисфениды и Ольвии. Для начала не лишним будет дать краткую хронологическую характеристику указанных поселений, базирующуюся на изучении различных групп расписной и чернолаковой керамики средиземноморского происхождения [10, с. 66, 67]. Древнейшим греческим поселением в Нижнем Побужье является

© В. В. Рубан, 1991 г.

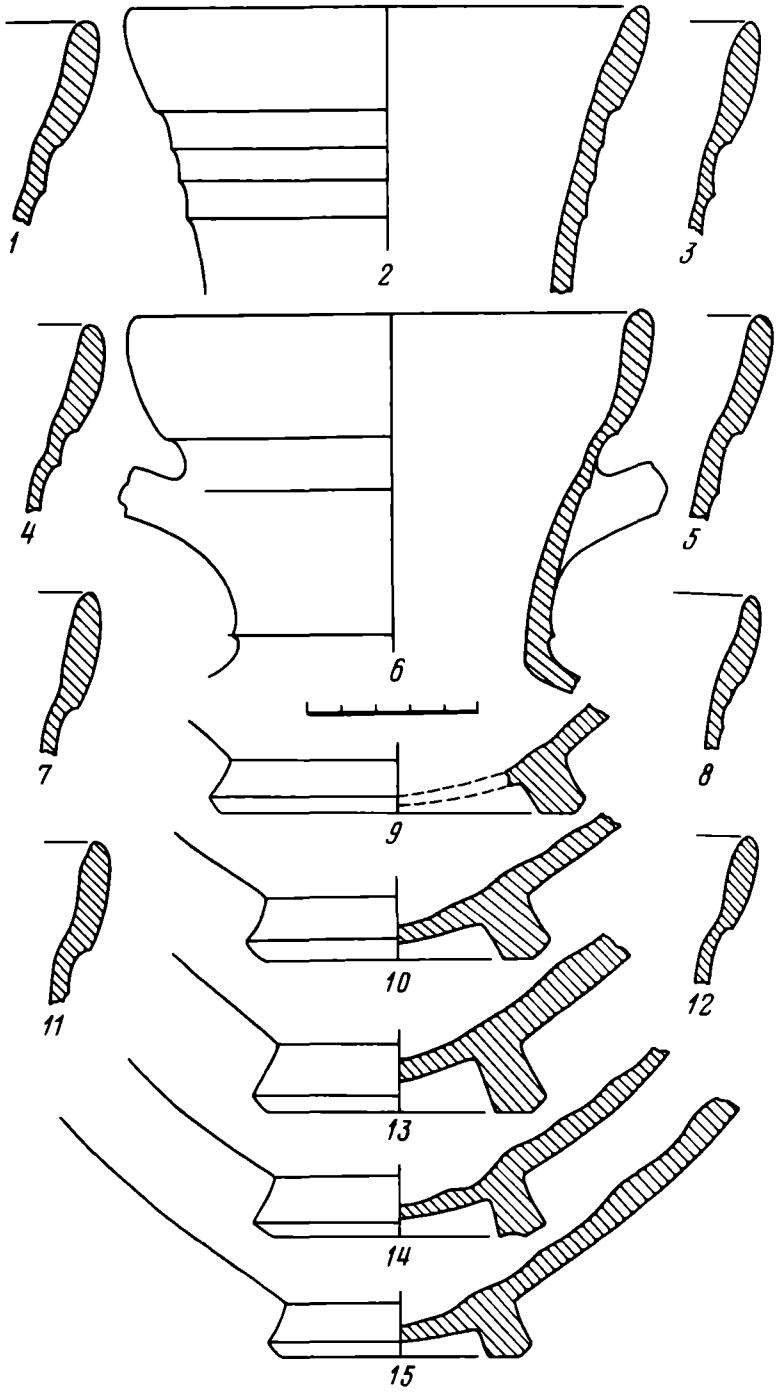


Рис. 1. Фрагменты амфор из Ягорлыкского поселения

Березанское (Борисфенида), возникшее около 647/46 г. до н. э. Почти одновременно с возникновением Борисфениды в Нижнем Побужье появились сезонные ремесленные мастерские (известные как Ягорлыкское поселение), прекратившие функционировать к середине VI в. до н. э. Освоение остальной части материкового пространства этого района происходило в несколько этапов, отражающих периодичность притока новых колонистов. Наиболее ранние поселения на берегах лиманов были основаны на рубеже VII—VI вв. или в самом начале VI в., одним словом, около 600 г. до н. э. Вторая группа аграрных населенных пунктов возникла около середины VI в. до н. э. Наконец, основание еще целой серии поселений относится к началу V в. до н. э. Прекращение жизни всех перечисленных памятников сельской территории Нижнего Побужья произошло не позже третьей четверти V в. до н. э. [11, с. 29, 30, прим. 27].

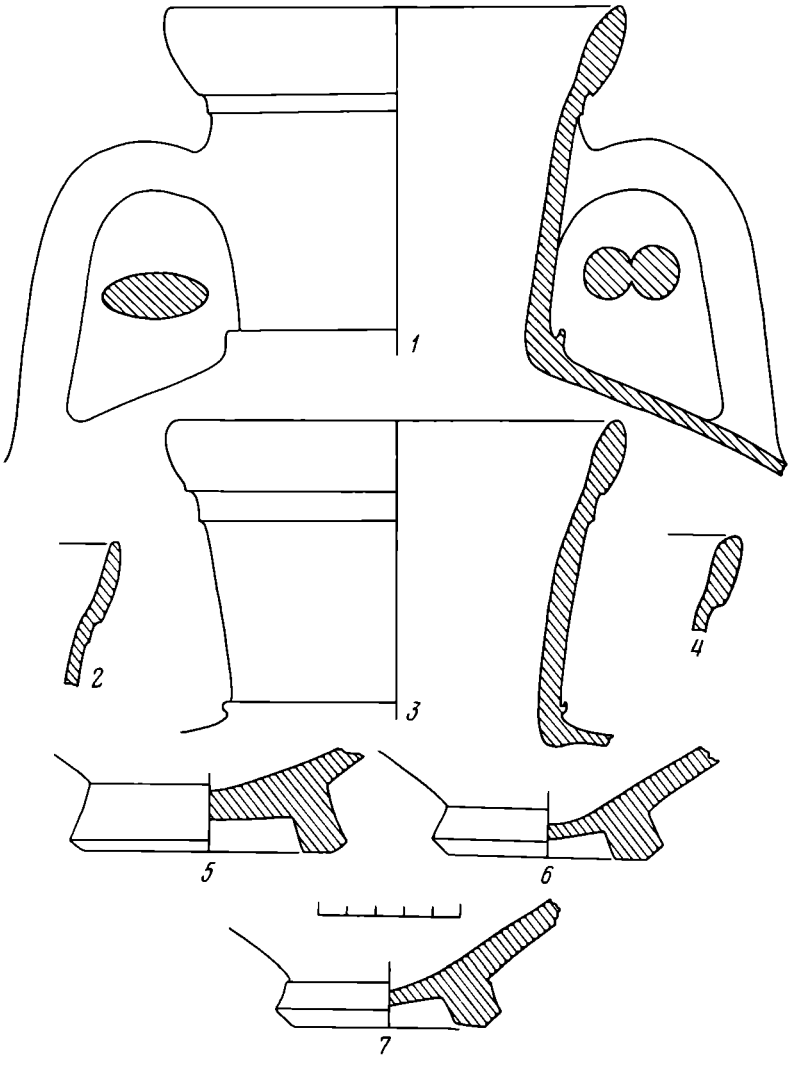


Рис. 2. Фрагменты амфор с Березани

Из приведенного хронологического экскурса вытекает, что слабо изученные или неизученные категории археологических материалов, происходящих из Нижнего Побужья, можно исследовать методом стратиграфического исключения. Подобная методика уже апробирована в процессе выяснения хронологического соотношения бронзовых литых монет-стрелок и дельфинов на указанной территории и получила подтверждение своей правомерности составом находимых кладов соответствующих денежных знаков [12, с. 70, 71; 13, с. 15—20] Метод стратиграфического исключения заключается в сопоставлении определенных категорий керамики диахронных памятников и расчленении всего керамического массива на более компактные хронологические группы, соответствующие отдельным типам, формировавшимся в процессе ее эволюции. Если, к примеру, сравнить материалы поселений первой половины V в. до н. э. и памятников второй половины VI — первой половины V в. до н. э., то станет очевидным, что те находки, которые встречаются в обеих группах населенных пунктов, синхронны и относятся к первой половине V в. до н. э., те же образцы, которые представлены лишь во второй группе названных поселений, принадлежат ко второй половине VI в. до н. э. Таким же образом не составляет особого труда вычленить и керамику первой половины указанного столетия, если сравнить материалы двух предшествующих групп населенных пунктов с поселениями, возникшими около 600 г. до н. э. Далее, керамика второй половины VII в. до н. э. выделяется на основании сопоставления березанских находок

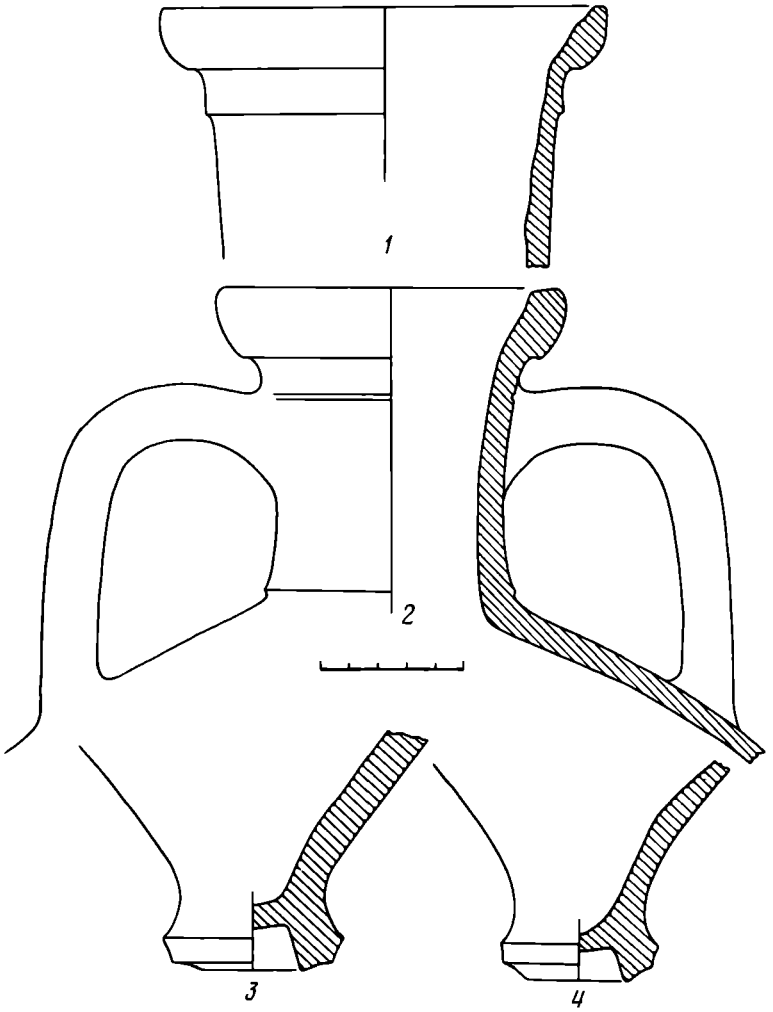


Рис. 3. Фрагменты амфор с Березани

с материалами трех хронологических групп сельских поселений. К тому же весьма надежным критерием проверки членения всего керамического массива VII—V вв. до н. э. являются материалы Ягорлыкского поселения, которое хронологически не пересекается с памятниками второй половины VI — первой половины V в. до н. э. и синхронно ранним слоям Березани и сельских поселений, возникших в первой половине VI в. до н. э.

Как уже отмечалось, самые ранние образцы так называемых милетских амфор в Нижнем Побужье в частности и в Северном Причерноморье в целом происходят .из Березани, Ягорлыкского и Бейкушского поселений.

Амфоры Ягорлыкского поселения представлены одним целым горлом, обломками венчиков и ножками. Сохранившееся горло амфоры (рис. 1, *6*) невысокое, в виде раструба (высота — 95 мм, диаметр — 153 мм). Венчик тонкий и высокий (35 мм). Переход горла в тулово подчеркнут острым горизонтальным выступом. На стенке горла ниже венчика на уровне ручек имеется горизонтальный уступ. Ручки овальные, уплощенные. Большинство других венчиков амфор этого типа (рис. 1, *1, 3—5, 7, 8, 11, 12*) в принципе повторяют те же очертания. Аналогичные венчики амфор происходят из раскопок Мелии [14, с. 147, табл. I, *d, f*] и Истрии [4, с. 103, 104, табл. 54, № 523, 531, 533; табл. 56, № 558] Один фрагмент амфорного горла из Ягорлыка существенно отличается от остальных тем, что на стенке горла под венчиком имеется три уступа (рис. 1, *2*). В истрийских материалах зарегистрирован аналогичный черепок, но с двумя уступами [4, с. 104, табл. 55, № 532]

Ножки амфор рассматриваемой группы из Ягорлыкского поселения сформо-

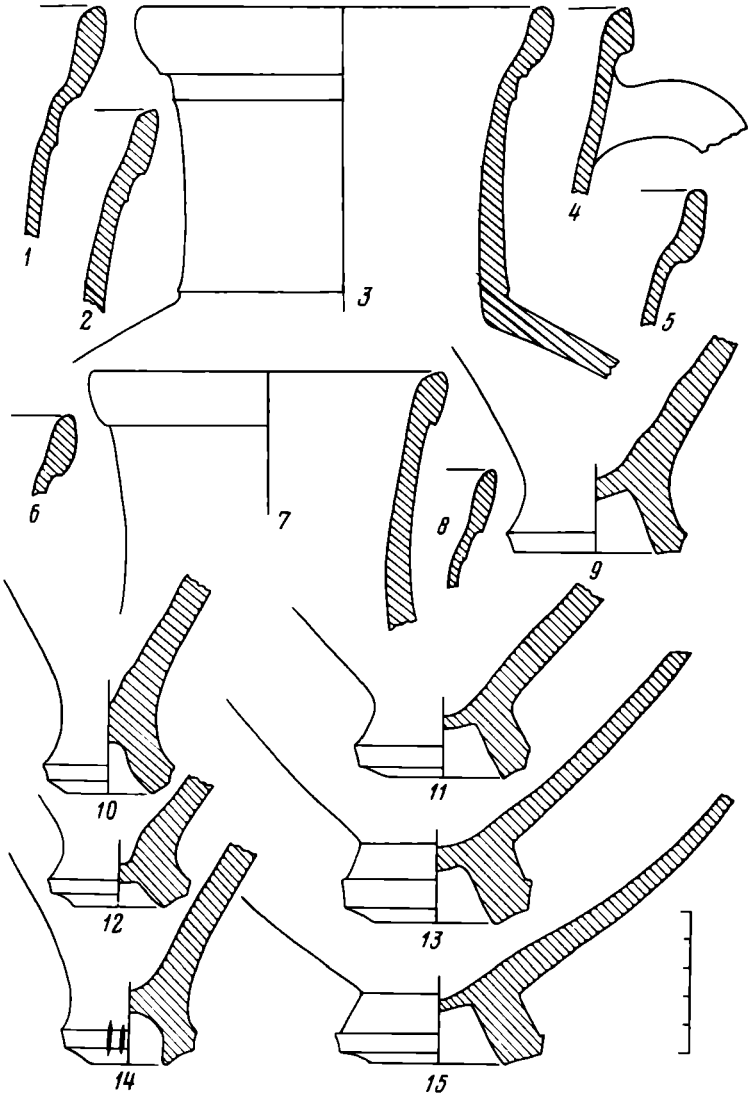


Рис. 4. Фрагменты амфор из Бейкушского поселения

ваны в виде низких кольцевых поддонов (рис. 1, *9, 10, 13—15*), диаметр которых колеблется от 76 до 108 мм, а высота — от 15 до 20 мм. Аналогичные детали амфор найдены в ранних слоях Токры [15, с. 139, рис. 67, № 1419, 1423], Коринфа [16, с. 372, 373, рис. 5, № 94] и Истрии [4, с. 103, табл. 54, № 425—427]

Обломки амфор этого же периода обнаружены также на Березани (рис. 2; 3, *1*) и Бейкуше (рис. 4, *1—3, 5, 6, 8*) наряду с более поздними фрагментами (рис. 3, *2—4*; 4, *4, 7, 9—15*), так как эти памятники существовали и после прекращения функционирования Ягорлыкского поселения. Важно отметить, что из Березани происходит одно горло амфоры с двуствольными пучками (рис. 2, *1*), имеющее параллели в материалах Милета [2, рис. 6, 7]. Этот же образец, а также аналогичный другой (рис. 2, *3*) несколько отличаются от Ягорлыкского (рис. 1, *6*) и Бейкушского (рис. 4, *3*) экземпляров формовкой горизонтального выступа при переходе горла в тулово. Возможно, здесь налицо производство разных мастерских.

На поселениях Нижнего Побужья второй половины VI — первой половины V в. до н. э. (Чертоватое II, Чертоватое VII и Старая Богдановка II) амфоры рассматриваемой группы представлены другими типами, известными в черноморских находках преимущественно под названием протофасосских [7, с. 79, 80,

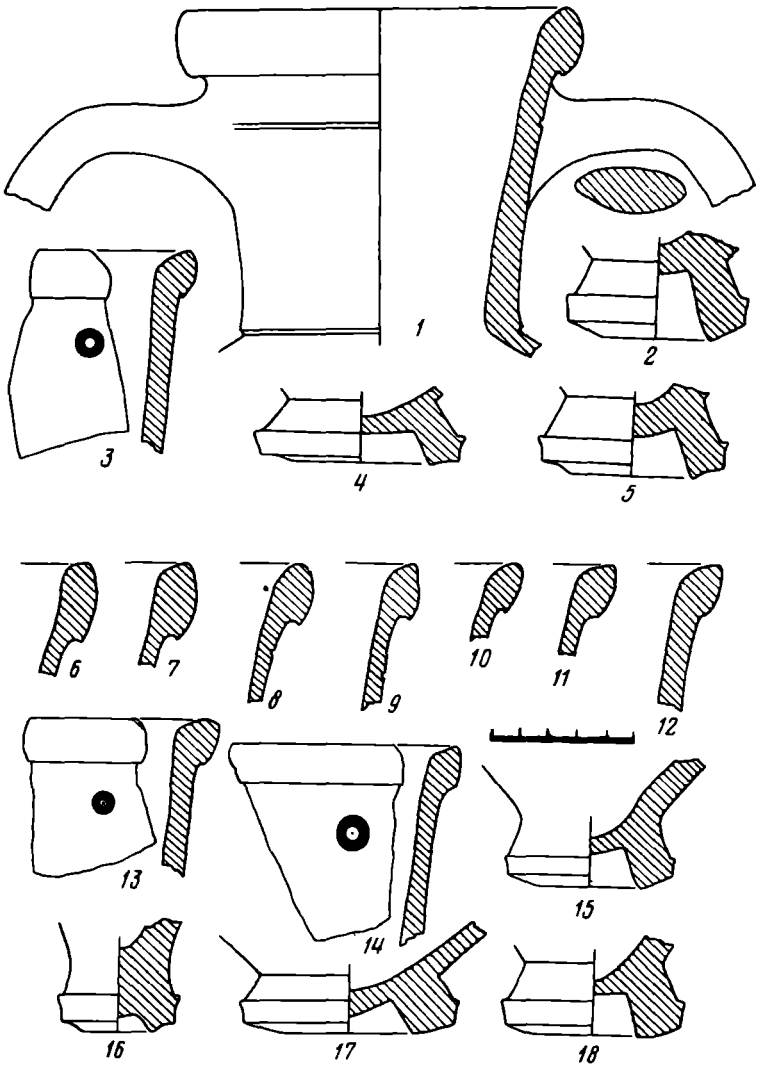


Рис. 5. Фрагменты амфор из поселений Чертоватое II (*1—5*), Чертоватое VII (*6—16, 18*) и Ольвии (*17*)

табл. VI, *15*; 17, с. 85, рис. 107; 18, рис. 16; 19, с. 45, рис. 44; 20, с. 16—18, № 65—68; 21, с. 243, рис. 18, *3*; 22, рис. 3, *10—13, 22*; 23, с. 23].

Исходя из стратиграфического положения обломков таких амфор в заполнении древнего оврага на поселении Чертоватое II, которое относится к третьей четверти VI в. до н. э.— первой трети VII в. до н. э., можно констатировать следующее. Наиболее ранние образцы этого времени во многом сохраняют черты сосудов предшествующего периода, хотя и обладают уже рядом признаков, существенно отличающих их от последних. В одном из нижних штыков (седьмом) указанного заполнения (рис. 5, *1, 4*) фрагменты так называемых милетских амфор представлены горлом (высота — 111 мм, диаметр — 142 мм), по общим очертаниям сходным с соответствующей деталью прежних сосудов, включая и острый выступ, подчеркивающий переход к плечам. Однако венчик обладает заметными отличиями, заключающимися в значительно меньшей высоте (23 мм) и массивности. Кроме того, вместо уступа под венчиком прочерчен горизонтальный желобок. Ножки амфор этого времени, несмотря на внешнее сходство с предыдущими, имеют намного меньший диаметр (74 мм) и более усложненный профиль. В последующих штыках указанного заполнения древнего оврага ножки эволюционировали в сторону уменьшения диаметра и увеличения высоты. Так, в шестом штыке найдена ножка диаметром 66 мм и высотой 27 мм (рис. 5, *5*), а в четвертом — соответственно 63 мм и 27 мм (рис. 5, *2*). Венчики в верхних штыках также отличаются от нижних. В качестве

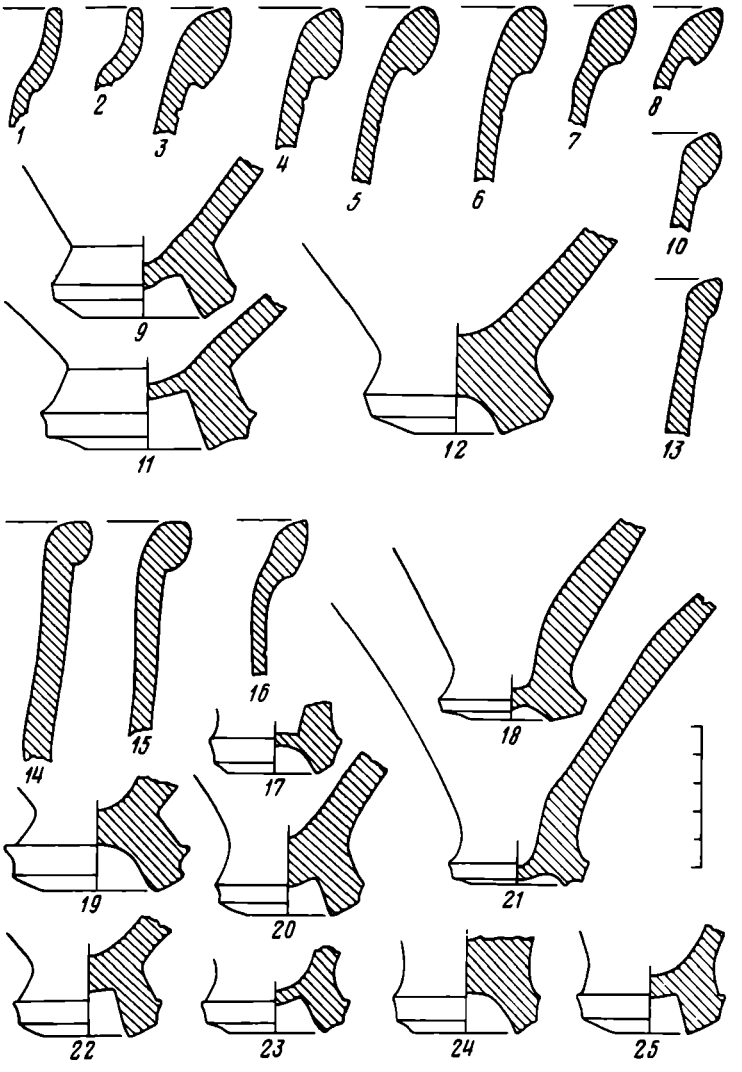


Рис. 6. Фрагменты амфор из поселений Старая Богдановка II (*1—13*); Козырка XV (*14—15, 19, 22*); Старая Богдановка IV (*16, 17*); Козырка XIV (*18, 21, 24*); Старая Богдановка X (*20—23*); Козырка XXV (*25*)

примера можно указать на обломок горла из третьего штыка, венчик которого иной как по форме (рис. 5, *3*), так и по высоте (17 мм), а на стенке под горлом врезная линия вовсе отсутствует.

Видимо, одним из наиболее ранних образцов так называемых милетских амфор второй половины VI в. до н. э. является ножка сосуда из Ольвии (рис. 5, *17*), имеющая диаметр 76 мм и высоту 21 мм. Ножки и венчики амфор второй половины VI в. до н. э. прредставлены в бейкушской (рис. 4, *13, 15*) и старобогдановской коллекциях (рис. 6, *3—8, 9, 11*), а также на поселении Чертоватое VII (рис. 5, *6—8, 18*). Кроме того, на поселении Старая Богдановка II, основанном около середины VI в. до н. э., в 1976 г. были обнаружены два фрагмента амфор (рис. 6, *1, 2*) более раннего типа. По всей вероятности, эти амфоры были в составе имущества первых поселенцев Старой Богдановки II.

На поселениях Нижнего Побужья первой половины V в. до н. э. представлены в основном обломки венчиков амфор, по морфологическим признакам соответствующие венчикам сосудов этого типа из верхних штыков заполнения древнего оврага на поселении Чертоватое II. Таковыми являются находки на поселениях Козырка XV (рис. 6, *14, 15*) и Козырка V (рис. 7, *3—15*). Находки таких венчиков отмечены и на упоминавшихся уже поселениях Бейкуш (рис. 4, *4, 7*), Чертоватое VII (рис. 5, *10—14*) и Старая Богдановка II (рис. 6, *10, 13*).

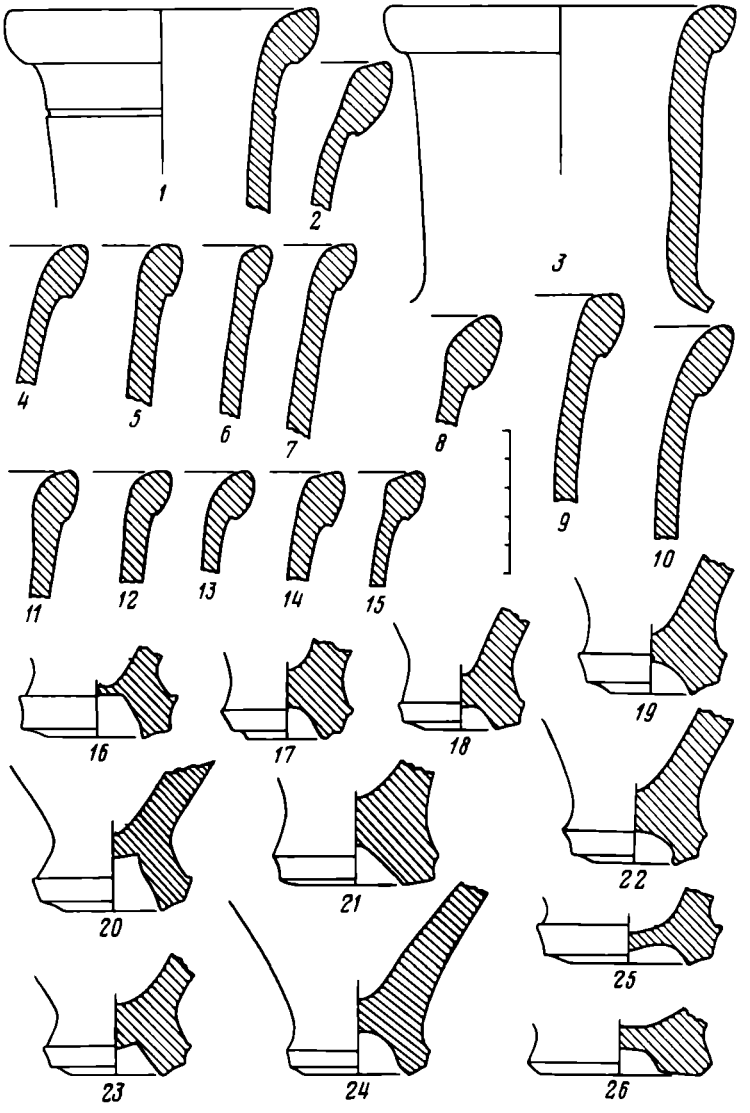


Рис. 7. Фрагменты амфор из поселения Козырка V

Между тем на поселениях первой половины V в. до н. э. найдены также венчики амфор, напоминающие по форме более ранние образцы, но отличающиеся от них большей легкостью и большим отгибом наружу (рис. 6, *16*; 7, *1, 2*). Этот тип амфор следует, видимо, относить к начальному периоду указанных памятников. Горло такого сосуда найдено на Березани (рис. 3, *2*).

Ножки амфор на поселениях первой половины V в. до н. э. представлены несколькими разновидностями. Одни из них близки по форме ножкам сосудов предшествующего времени, но гораздо меньшего диаметра и большей высоты (рис. 6, *19, 22*; 7, *16, 20*). Кроме того, здесь явственно прослеживается сглаживание резкой грани между стенками тулова и поддоном. Аналогичные стенки амфор происходят из Березани (рис. 3, *3*, 4), Бейкуша (рис. 4, *9, 11*), Чертоватого VII (рис. 5, *15*) и Старой Богдановки II (рис. 6, *12*). Другая разновидность ножек более вытянутая по вертикали и имеет плавный переход от поддона к тулову, но сохраняет угловатую форму углубления на подошве (рис. 6, *20, 23, 25*; 7, *23*). За ними следуют высокие ножки, углубление на подошве которых потеряло угловатость (рис. 4, *10, 12, 14*; 5, *16*; 6, *17, 24*; 7, *17—19, 21, 22, 24*). В этот же период наблюдается появление архаизирующего типа амфорных ножек, которые расширяются в диаметре и приобретают минимальную высоту (рис. 6, *18, 21*; 7, *25, 26*). Однако об их морфологических отличиях от подлинно ранних ножек амфор говорить не приходится.

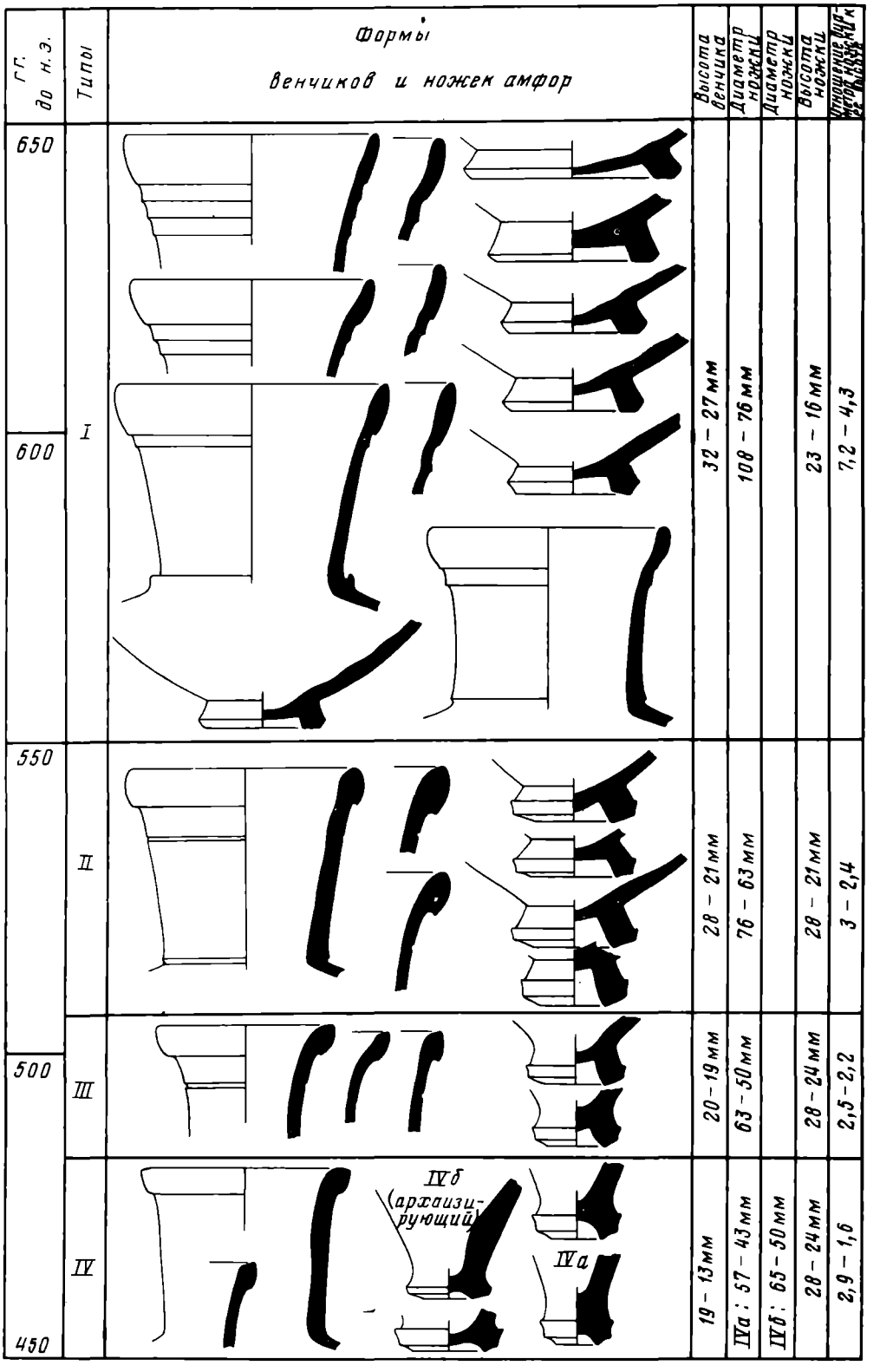


Рис. 8. Эволюция основных профилирующих элементов так называемых милетских амфор второй половины VII — первой половины V в. до н. э.

В итоге анализа фрагментов так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья можно наметить основные этапы их эволюции на основании выделения нескольких сменяющих друг друга типов, которые различаются между собой не только морфологическими (рис. 8), но и цифровыми показателями (см. приложение)

I тип (вторая половина VII — первая половина VI в. до н. э.) объединяет фрагменты амфор с высокими и тонкими венчиками, под которыми имеется от одного до трех уступов, переход от горла к плечам подчеркнут рельефным выступом; ножки амфор представлены в виде широких и низких кольцевых поддонов. В рамках рассматриваемого типа ясно прослеживаются несколько вариантов амфор. Самый древний из них представлен горлом с тремя уступами под венчиком и наиболее широкой ножкой. В процессе дальнейшего развития форма горла упрощалась, а диаметр ножки уменьшался. Отношение диаметра ножки к высоте составляет 7,2:4,3.

II тип (вторая половина VI в. до н. э.) включает в себя обломки с более низкими и толстыми венчиками, нависающими над стенками горла, на котором прослеживается горизонтальная врезная линия на уровне ручек. Переход к плечикам амфоры по-прежнему подчеркнут выступом. Ножки заметно уменьшаются в диаметре и постепенно увеличиваются в высоте (отношение между ними 3:2,4)

III тип (конец VI — начало V в. до н. э.) является переходным между II и IV типами. Горла амфор этого типа сохраняют во многом черты предыдущего, но наблюдаются и новые элементы, выражающиеся в уменьшении высоты венчика и его утонченности. Раструб верхней части горла увеличивается. Ножки амфор также сохраняют в основном старые черты, однако существенно меняются их пропорции (отношение диаметра к высоте составляет 2,5:2,2), а также сглаживается грань между ножкой и стенками тулова сосуда.

IV тип (конец первой четверти — начало третьей четверти V в. до н. э.). Оформление горловин амфор этого времени предельно упрощается. Исчезает врезная линия на стенках горла и выступ при его переходе в плечи. Высота венчика достигает минимальных размеров. Ножки амфор представлены двумя подтипами. Для типа IVа характерно продолжение развития ножек предшествующих типов, выразившееся в максимальном вытягивании пропорций по вертикали и исчезновении угловатых очертаний углубления на подошве. Тип IVб представлен широкими и низкими ножками ретроспективного стиля, однако от подлинно архаических амфорных ножек они отличаются как трактовкой отдельных деталей, так и общими контурами.

Приложение

Числовые параметры основных профилирующих элементов так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья

№ п.п.	Рисунок	Высота венчика, мм	Диаметр ножки, мм	Высота ножки, мм	Отношение диаметра ножки к ее высоте
		1. Ягорлык			
		(вторая половина VII — первая половина VI в. до н. э.)			
1	1,*1*	35			
2	1,*2*	30			
3	1,*3*	35			
4	1,*4*	31			
5	1,*5*	34			
6	1,*6*	35			
7	1,*7*	34			
8	1,*8*	31			
9	1,*11*	32			
10	1,*12*	27			
11	1,*9*		108	15	7,2
12	1,*10*		87	18	4,8
13	1,*13*		84	20	4,2
14	1,*14*		83	18	4,6
15	1,*15*		76	17	4,4

2. Березань

(вторая половина VII в. до н. э. и позже)

16	2,*1*	31			
17	2,*2*	28			
18	2,*3*	26			
19	2,*4*	25			
20	3,*1*	21			
21	3,*2*	24			
22	2,*5*		98	23	4,3
23	2,*6*		81	17	4,7
24	2,*7*		79	16	5,0
25	3,*3*		63	25	2,5
26	3,*4*		55	24	2,3

3. Бейкуш

(первая половина VI — первая половина V в. до н. э.)

27	4,*1*	32			
28	4,*2*	23			
29	4,*3*	24			
30	4,*4*	16			
31	4,*5*	25			
32	4,*6*	21			
33	4,*7*	19			
34	4,*8*	22			
35	4,*15*		74	24	3,0
36	4,*13*		67	28	2,4
37	4,*11*		62	25	2,5
38	4,*9*		63	28	2,2
39	4,*12*		50	26	2,0
40	4,*10*		46	28	1,6
41	4,*14*		48	25	1,9

4. Ольвия

(вторая половина VI в. до н. э. и позже)

42	5,*17*		76	21	3,6

5. Чертоватое II

(вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.)

43	5,*1*	23			
44	5,*3*	17			
45	5,*2*		63	27	2,3
46	5,*4*		74	21	3,5
47	5,*5*		66	27	2,4

6. Чертоватое VII

(вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.)

48	5,*6*	28			
49	5,*7*	27			
50	5,*8*	22			
51	5,*9*	20			
52	5,*10*	18			
53	5,*11*	18			
54	5,*12*	18			
55	5,*13*	15			
56	5,*14*	14			
57	5,*18*		64	25	2,6
58	5,*15*		60	24	2,5
59	5,*16*		43	24	1,8

№ п.п.	Рисунок	Высота венчика, мм	Диаметр ножки, мм	Высота ножки, мм	Отношение диаметра ножки к ее высоте
		7. Старая Богдановка II			
		(вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.)			
60	6,*1*	30			
61	6,*2*	25			
62	6,*3*	28			
63	6,*4*	25			
64	6,*5*	24			
65	6,*6*	23			
66	6,*7*	21			
67	6,*8*	20			
68	6,*10*	18			
69	6,*13*	13			
70	6,*9*		65	25	2,6
71	6,*4*		76	28	2,7
72	6,*12*		66	27	2,4
		8. Козырка XV			
		(первая половина V в. до н. э.)			
73	6,*14*	15			
74	6,*15*	17			
75	6,*22*		52	24	2,2
76	6,*19*		65	28	2,3
		9. Старая Богдановка IV			
		(первая половина V в. до н. э.)			
77	6,*16*	20			
78	6,*17*		47	23	2,0
		10. Старая Богдановка X			
79	6,20		53	25	2,1
80	6,*23*		53	22	2,4
		11. Козырка XIV			
		(первая половина V в. до н. э.)			
81	6,*24*		52	22	2,0
82	6,*18*		52	18	3,0
83	6,*21*		50	17	3,0
		12. Козырка XXV			
		(первая половина V в. до н. э.)			
84	6,*14*	15			
85	6,*15*	15			
86	6,*21*		53	24	2,2
		13. Козырка V			
		(первая половина V в. до н. э.)			
87	7,*1*	19			
88	7,*2*	25			
89	7,*3*	16			
90	7,*4*	18			
91	7,*5*	18			
92	7,*6*	14			
93	7,*7*	16			
94	7,*8*	26			
95	7,*9*	22			
96	7,*10*	24			
97	7,*11*	17			
98	7,*12*	15			

№ п.п.	Рисунок	Высота венчика, мм	Диаметр ножки, мм	Высота ножки, мм	Отношение диаметра ножки к ее высоте
99	7,*13*	17			
100	7,*14*	19			
101	7,*15*	17			
102	7,*16*		55	23	2,4
103	7,*20*		55	25	2,2
104	7,*23*		52	21	2,4
105	7,*17*		46	20	2,3
106	7,*18*		44	23	1,9
107	7,*19*		52	25	2,0
108	7,*21*		57	26	2,2
109	7,*22*		50	21	2,4
110	7,*24*		50	17	2,9
111	7,*25*		65	18	3,7
112	7,*26*		65	14	4,6

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dragendorf H.* Thera. Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen. B. II. Therāische Graber B., 1903.
2. *Dupont P* Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est // PP. 1982. Fasc. CCIV—CCVII.
3. *Lambrino M.* Les vases archaïques d'Histria. Bucarest, 1938.
4. *Dimitriu S.* Cartierul de locuinte din zona de vest a cetătii, in epoca arhaică.// Historia. V II. Bucuresti, 1966.
5. *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыкского поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980.
6. *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыкского поселения из собрания Херсонского музея // СА. 1983. № 1.
7. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
8. *Grace V* Samian Amphoras // Hesperia. 1970. V. XL. No. 1.
9. *Lordkipanidze O. D.* Colchis in the Early Antique Period and her Relations with the Greek World // Archeologia. 1968. T XIX.
10. *Рубан В. В.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Матер. II Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)». Тбилиси: Мецниереба, 1979.
11. *Рубан В. В.* Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1.
12. *Рубан В. В.* Археологический комплекс на поселении Чертоватое II на Бугском лимане // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
13. *Рубан В. В.* О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
14. *Hommel P* Funde vor der Oberburg // Kleiner G., Hommel P., Müller-Wiener W. Panionion und Melie (JDAI, Ergänszungsheft 23). B., 1967.
15. *Hays J* The Pottery.// Excavations at Tocra 1963—1965. The Archaic Deposits I (BSA. Suppl. vol. No. 4). Oxford, 1966.
16. *Braun E.* A Well of the «Corinthian» Period Found in Corinth // Hesperia. 1956. V. XXV
17. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.// МИА. 1952. № 25.
18. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. // МИА. 1952. № 25.
19. *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Варшава, 1959.
20. *Лазаров М.* Антични амфори (VI—I в. пр. н. е.) от българското Черноморие // ИНМВ. 1973. Кн: IX (XXIV).
21. *Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. № 50.
22. *Рубан В. В.* Литейная форма из поселения Козырка XV // СА. 1979. № 3.
23. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.// САИ. Вып. Д1-27 М., 1966.

Историко-археологический заповедник «Ольвия»
Института археологии АН УССР, с. Парутино

V. V. RUBAN

AN ATTEMPT OF CLASSIFICATION OF SO-CALLED MILESIAN AMPHORAE FROM THE LOWER BUG AREA

Summary

The rural territories of classical polises are usually investigated from the point of view of political and social-economic history. But the materials of such sites can be studied in some other aspects. The sites with agricultural character of economy existed during a short period and thus are considered to be «closed assemblages». This gives new opportunities for the chronological studies of some materials. The aim of the article is to demonstrate on the concrete example some perspectives of this trend in the classical archaeology. A group of numerous but not well-studied amphorae was chosen, known usually as Samian or Protothasian ones. Lately P Dupont has expressed an opinion about the Milesian attribution of this group. Basing on the stratigraphic investigation of the materials originating from the classical sites of the Lower Bug (Figs. 1-7) a process of evolution of so-called Milesian amphorae was traced during the second half of the 7th — the first half of the 5th centuries B. C. This process should be devided into four stages, each having corresponding morphological type of the vessels (Fig. 8). In the appendix the main parameters of the amphorae in question are presented, which reflect also their chronological position.

В. И. БЕРДНИКОВА, В. М. ВЕТРОВ, Ю. П. ЛЫХИН

СКИФО-СИБИРСКИЙ СТИЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ БРОНЗЕ ВЕРХНЕЙ ЛЕНЫ

В 1980 г. в Иркутской областной краеведческий музей поступила коллекция бронзовых изделий, найденных возле д. Корсуково Качугского р-на Иркутской обл. [1].

Приводимые ниже предметы обнаружены при дисковании верхнего слоя почвы на пойменной террасе речки Жуя — левого притока Лены. Вместилищем клада служил медный котел с запечатанным глиной устьем.

С самого начала вещи из Корсуково постигла печальная участь витимских кельтов, найденных в начале века в районе г. Бодайбо [2]. Они стали детскими игрушками и заодно украсили интерьер квартиры нашедшего их механизатора. При этом одно изделие было утеряно [1] Из семи оставшихся (включая котел) пять предметов представлены навершиями, один — подвеской [2].

1. Навершие с фигурой лося «на цыпочках» (рис. 1) [3]. Изображение полое, с шариком внутри. Голова слегка наклонена вниз и повернута влево. Ноздри выполнены в форме запятой кончиком вверх, глаза и ушные раковины — круглыми отверстиями. Уши подняты. Пасть подчеркнута щелью между верхней и нижней челюстями. На теле по два сегментовидных отверстия с каждой стороны. Хвост является продолжением холки и выделен подтреугольным выступом над продольной прорезью, рассекающей тело снизу. Ноги полусогнуты. Копыта сливаются с овальной в сечении подставкой, но рельефно выступают на ее внешней поверхности. Между копытами как передних, так и задних ног расположены вершины сквозных равнобедренных треугольников. Высота навершия 9,7 см.

2. Навершие с фигурой лося «на цыпочках» (рис. 2). Изображение животного выполнено в той же манере, что и предыдущее. Некоторые отличия состоят в следующем: положение головы ближе к горизонтальному, треугольным выступом выделена подшейная кисть, уши наклонены к спине, хвост показан рельефным выступом. Подставка подчетырехугольная в сечении. Копыта и нижние части ног животного рельефно обозначены на ее боковых плоскостях. С левой стороны расположены два круглых отверстия. Несколько выше находится выступающее в сторону кольцо. Справа подставка имеет трапециевидное отверстие, в верхних углах которого частично выступают копыта задней и передней ног. Высота навершия 7,7 см.

Сравнивая вышеописанные фигуры лосей, можно заметить, что если первая из них производит впечатление стоящего, с опущенной холкой и как бы присевшего на задние ноги животного, то вторая скорее всего показана в движении.

3. Шаровое навершие (рис. 3). Состоит из слегка сплюснутого шара на усеченной конической подставке. Шар полый, с четырьмя попарно противоположными линзовидными прорезями[4] Внутри имеется шарик. Подставка

---

[1] Со слов очевидцев, утерянный предмет представлял собой бронзовый брусок со стоящими на нем «рогами навстречу друг другу» полыми фигурками козлов или быков с шариками внутри.

[2] Иркутский государственный объединенный музей, инв. № 12227—1—7.

[3] Рисунки выполнены О. В. Бесединым.

[4] Термин «прорезь» или «прорезной» следует считать условным, так как, судя по краям линзовидных отверстий, последние были предопределены формой и созданы в процессе отливки.

© В. И. Бердникова, В. М. Ветров, Ю. П. Лыхин, 1991 г.

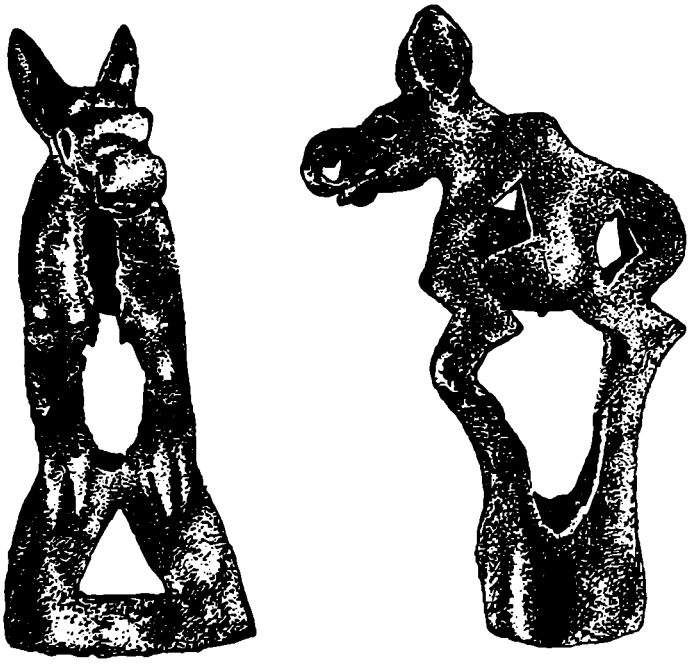


Рис. 1. Навершие с фигурой лося. Корсуковский клад

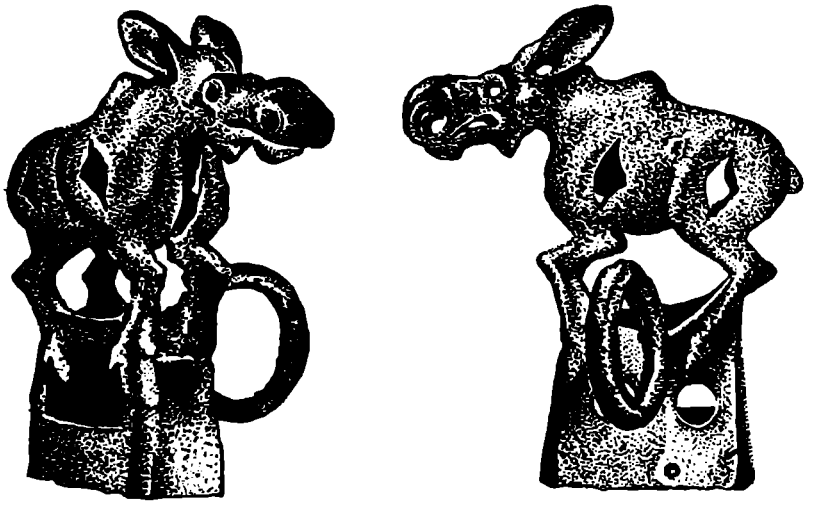


Рис. 2. Навершие с фигурой лося. Корсуковский клад

также полая. Ниже ее средней части расположены два противоположных отверстия в форме равнобедренных с выпуклыми сторонами треугольников. Высота предмета 10,5 см.

4. Навершие в виде присевшего на задних лапах кошачьего хищника (рис. 4, *а*, 5, *б*). Состоит из двух плоскостей, соединенных по линии головы и спины. Трактовка тела животного на плоскостях различна. Если одна (лицевая) сторона является рельефным изображением животного, то другая (тыльная) ниже головы выполнена в виде решетки. Предполагалось, видимо, одностороннее обозрение предмета. Хищник обращен передней частью вправо от зрителя. Голова с обеих сторон трактована одинаково: пасть широко разинута, передние верхние и нижние зубы слиты и выступают в виде двух перемычек как с одной, так и с другой стороны. Задний ряд зубов представлен треугольными выступами. Глаза изображены круглыми отверстиями, уши — миндалевидными, приостренной частью под углом вниз. Обрамления тех и других рельефно выделены. Нижняя челюсть опирается на передние лапы с кольчатыми завершениями. С лицевой стороны внутри кольца имеются выступы, возможно,

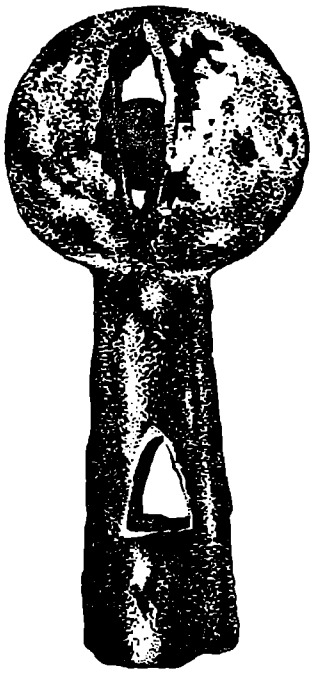


Рис. 3. Шаровое навершие. Корсуковский клад

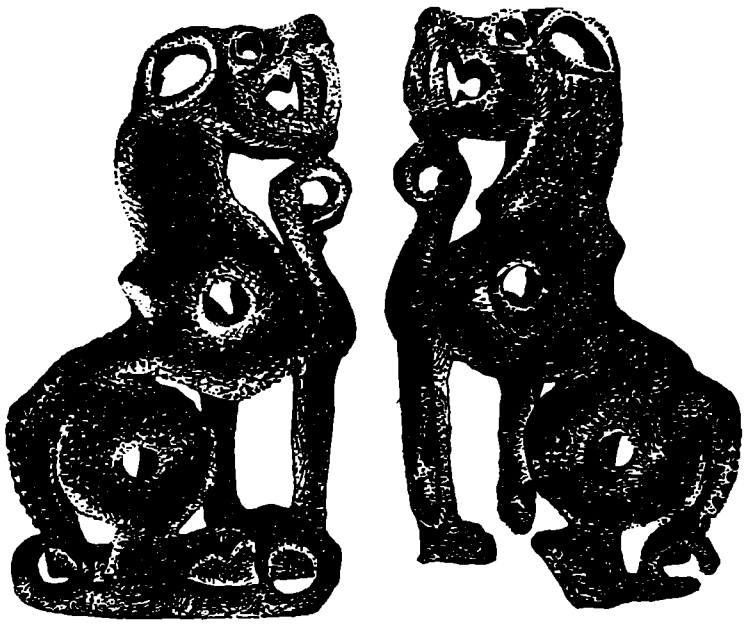


Рис. 4. Навершия в виде кошачьих хищников. Корсуковский клад

имитирующие когти. Кольчатыми являются также завершения нижней лапы и кончика хвоста. В предплечье и бедре круглые отверстия, на изгибе спины угловатый выступ. По внешней стороне хвоста нанесен ряд из 12 поперечных рубчиков. Высота фигуры 12,4 см.

5. Фигура хищника (рис. 4, *б*, 5, *а*), являющаяся точной копией предыдущей в ее «зеркальном отражении», т. е. передней частью, расположенной влево от зрителя. Совпадение прослеживается даже в количестве рубчиков на хвосте. Отсутствие части задней лапы с лицевой стороны и поперечин в основании обусловлено браком при отливке изделия. «Зеркальное» сходство фигур дает основание считать, что вместе они создавали единый образ симметрично обращенных навстречу друг другу хищников.

6. Подвеска в виде изогнутого «змея» и расположенных на его теле фигурок змеи (?), кошачьего хищника, лося (рис. 6). Голова «змея» полая, с аморфным кусочком бронзы внутри (неполучившимся шариком). Пасть оскалена, зубы показаны зигзагами. С правой стороны их по три на каждой челюсти, слева — по четыре. Ноздри, глаза и уши изображены круглыми отверстиями с рельефно выделенными ободками. При этом ушные отверстия направлены под тупым углом к голове, что создает видимость наличия ушных раковин. Спереди пасть выражена обращенным вершиной вниз подтреугольным отверстием. Нос дополнительно выделен двумя расходящимися к «щекам» валиками.

Фигура свернувшейся двойным (в одном месте сливающимся) кольцом змеи (?) выделяется в нижней части подвески. С одной стороны она имеет расширяющееся ответвление с уплощенной головкой. Вполне возможно, что это проявление случайно и связано с искажением задуманного образа при отливке предмета. С наружной стороны тело фигурки покрыто поперечными рубчиками. В целом описываемая фигурка в большой степени аморфна, отнесение ее к разряду змей условно.

Особое место в композиции занимает сцена нападения кошачьего хищника на лося. Обе фигурки полые. Голова зверя выполнена в той же манере, что и голова «змея». Отличительными чертами являются оформление ноздрей двумя

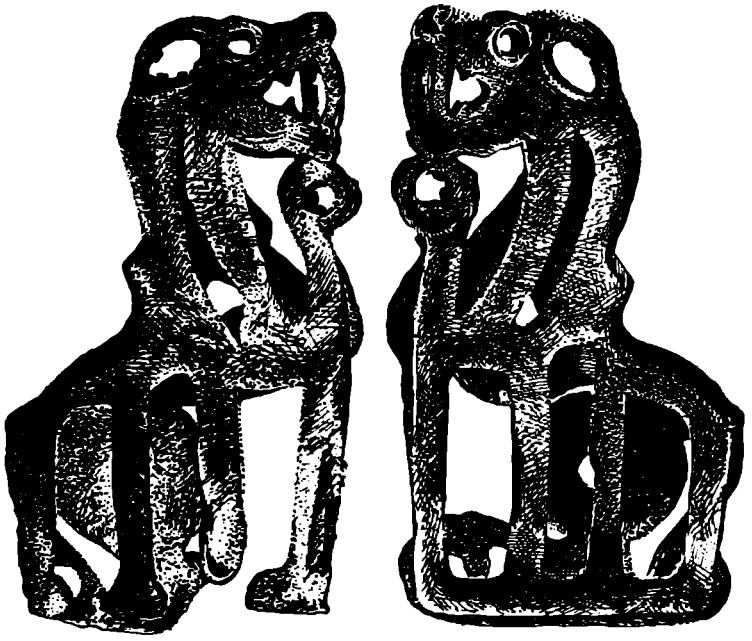


Рис. 5. Навершия в виде кошачьих хищников (оборотная сторона). Корсуковский клад

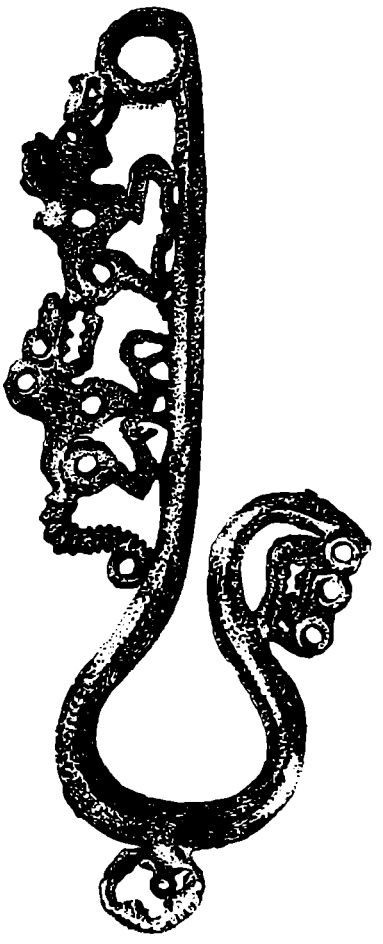


Рис. 6. Подвеска. Корсуковский клад

горизонтально расположенными отверстиями спереди и выделение носа тремя валиками: двумя расходящимися в стороны «щек» и одним направленным к центру лба. Предплечье и бедро отмечены круглыми сквозными отверстиями. Согнутые и соприкасающиеся друг с другом лапы зверя оканчиваются утрированно изображенными когтями. Хвост, покрытый 12 кольцевыми выступами, выгнут под прямым углом вниз и на конце свернут в кольцо.

Лось выполнен в позе, известной в литературе под названием «скачущего», «лежачего», «в летучем галопе» животного. На голове воспроизведены рога с двумя наметившимися отростками на каждой из сторон. Далее расположены поднятые уши, отделенные от рогов слева желобком, справа желобком и сквозным отверстием. Глаза изображены круглыми отверстиями, ноздри — запятыми кончиками вверх и в сторону глаз. На теле, предплечье и бедре имеются круглые отверстия. Ноги подогнуты и составляют одну линию. При этом кончики копыт передних ног наложены на кончики задних. Мордой лось упирается в кольцевидную петлю подвески. Общая длина изделия 15,8 см.

7. Котел на поддоне (рис. 7) с двумя дугообразными ручками, рельефно продолженными на внешней поверхности. Венчик утолщен и имеет выступающий наружу бортик. Стенки тонкие. Тулово опоясано четырьмя полукруглыми в сечении валиками. Расстояние между тремя верхними — 1,0—1,5 см. Второй и третий валики под одной из ручек разъединены. Четвертый валик расположен на 2—3 см ниже, в одном месте имеет полукруглый выступ в сторону венчика. Поддон выполнен в два приема: после отливки котла его основание было дополнено наплавом, увеличивающим площадь соприкосновения кромки с плоскостью. Высота котла 21,5 см.

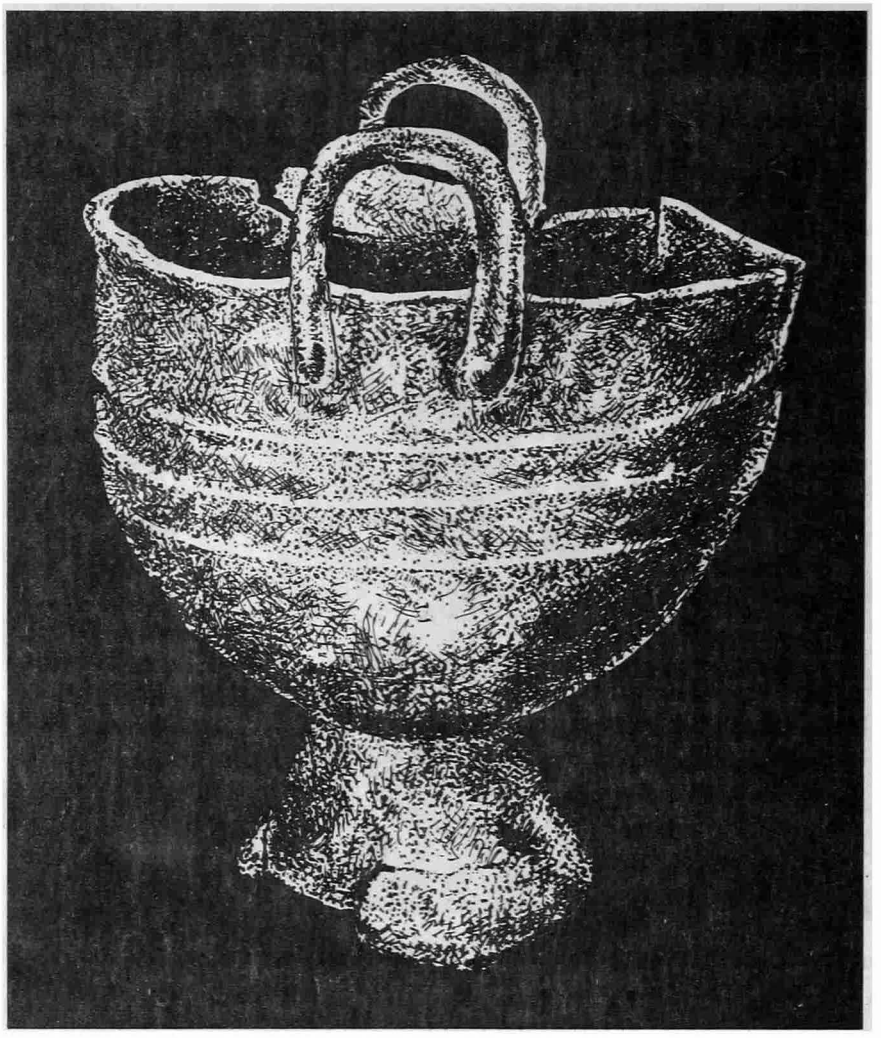


Рис. 7 Котел. Корсуковский клад

Осмотр и шурфовка места нахождения клада с целью получения какой-либо информации о возрасте (стратиграфическая привязка фиксация культурного слоя и сопоставление его с материалами и т. п.) результатов не дали.

Морфологический анализ корсуковских бронз позволяет констатировать, что в них прослеживаются многие черты, считающиеся «классическими канонами» звериного стиля и являющиеся характерными для раннего скифского времени. В полной мере это относится к изображениям копытных животных в позе «на цыпочках». На востоке такие изображения, прежде всего оленя, известны в бронзе, на оленных камнях и скалах Казахстана, Алтая, Тувы, Монголии, Северного Китая, Минусинской котловины, илимской тайги [3—9]. Детальное рассмотрение изображений животных Алтая и близких к нему районов позволило М. П. Грязнову фигурки с опущенными кончиками копыт выделить в один из вариантов саяно-алтайского образа оленя и отнести его к VIII—VI вв. до н. э.— времени культур ранних кочевников в Туве и на Алтае [10]. Н. Л. Членова в работе «Скифский олень» всю алтайско-тувинскую и южно-минусинскую группу стоящих на кончиках копыт оленей датирует VI в. до н. э. [9]. Определенным хронологическим признаком для VII—V вв. до н. э. в искусстве енисейских племен подобную позу считает М. П. Завитухина. Первоначальная датировка опубликованных ею ножей с навершиями в виде стоящих лосей из могильников Кичик-Кюзюр и у Подгорного озера VI—V вв. до н. э. [11, 12] в дальнейшем была уточнена и определена VII—VI вв. до н. э. [13]. Отмечая рубеж бытования анализируемых образов «висящих» животных в сибирской

бронзе серединой I тыс. до н. э., М. Д. Хлобыстина подчеркивает, что «одними из наиболее ранних скульптур являются фигурки с телом в виде прорезных шаров, в которых угадывается очевидная связь с мотивом „бубенца" в искусстве ранней бронзы» [14, с. 278]. Уже в раннюю скифскую эпоху этот мотив, воплощенный в шаровых шумящих навершиях, распространяется по всему поясу степей. Особенно много наверший данного типа найдено в курганах Прикубанья и Посулья, что нашло отражение в ряде классификаций современных исследователей [15—17]. Получили освещение и вопросы, касающиеся их назначения [18—20].

В особую группу обычно выделяются шаровые навершия с линзовидными прорезями, представленные двумя вариантами по оформлению верха: 1) с геометрическим знаком и 2) со скульптурой оленя. Последним на востоке аналогии известны уже давно [21]. С находкой корсуковского шара мы имеем аналогии и первому варианту.

Вероятно, в особую (восточную) группу следует выделить шумящие навершия, где роль бубенца играет уже не шар, а фигура животного. К таковым относятся скульптуры сохатых из района Барнаула [22], козла «на цыпочках» из Ордоса [5] [23, с. 122, илл. 162] и идентичное ему изображение с р. Илим [6] [3]. Еще одна подобная фигура известна по материалам музея в г. Минусинске [18, табл. V, *2*]. Все перечисленные выше изображения датировались их исследователями раннескифским временем.

Несколько иную позицию занимает Н. Л. Членова, рассматривая навершия с полым прорезным туловищем-бубенцом как признак карасукского периода и датируя соответствующим временем как илимскую фигурку козла, так и аналогичные ей навершия из Ордоса [24, с. 113, 114, табл. 29]. Следует также отметить, что Е. Херцфельд, возводя мотив прорезного бубенца к воплощенному в луристанской бронзе гранату, определял время появления аналогичных восточных (ордосских) образцов XII в. до н. э. [25]

Не менее ранним и ставшим традиционным образом на территории распространения скифо-сибирского искусства является изображение кошачьего хищника. В пределах нашей страны наиболее древние представители этого направления в художественной бронзе происходят из хорошо датированных комплексов Тувы, Алтая, Казахстана. Во второй половине VII в. до н. э. его появление отмечается в Северном Причерноморье, в VI в. до н. э.— в Минусинской котловине. Примерно этим же или более поздним временем следует датировать втульчатое навершие с головой волка из Забайкалья [26, с. 90, табл. XXIII, *1*; 27, с. 185, рис. 62, *1*]. Подобные навершия с изображением головы животного на цилиндрической втулке в Прикубанье датируются VI—IV вв. до н. э. [16, с. 31; 28].

В. А. Ильинская, посвятившая образу кошачьего хищника специальную работу, выделяет следующие основные варианты: «изображения двух симметрично обращенных навстречу друг другу фигур животных в геральдической позе, одиночная фигура животного: а) с опущенными вниз, б) с поджатыми под туловище лапами (фигура стоящего или лежащего животного), в) хищника, свернувшегося в кольцо» [29, с. 67, 68]. Изображения хищников из Корсуково в целом соответствуют этой схеме, хотя прямых аналогий в скифском мире авторам не известно. При этом следует учитывать, что корсуковские бронзы представлены объемными, отлитыми в сложной форме скульптурами, материалом же для сравнения служат преимущественно отдельные бляшки или изображения на зеркалах, пластинах, ножах. Разное назначение предметов требовало и разных технологических приемов в оформлении некоторых частей тела животного. Например, если ноздри, глаза и уши, предплечья, бедра, завершения лап корсуковских поделок подчеркивались сквозными отверстиями,

---

[5] Венский музей искусства и индустрии.
[6] Иркутский государственный объединенный музей, инв. № 4204-1.

то на изображениях пантер из Уйгарака [4, с. 204, рис. 7], Чиликты [8, табл. XV, XXIV, XXV] или Сибирской коллекции Петра I [30, табл. VI, *1*] эти элементы выделялись в соответствии с прочностью основы углублениями, выпуклинами и концентрическими кружками. Различные позы хищников (стоящей, лежащей, растянутой по окружности) также не отвергают возможности сопоставления их деталей [29, 31] Характерным является и то, что в одной схеме могли быть выполнены изображения различных видов животных [32] Среди общих особенностей наряду с отмеченными можно назвать такие, как неопределенность вида животного, расположение ноздри, глаза, уха на одной линии, подпертая лапой нижняя челюсть. Не чужда древним образцам также зубастая пасть и выпущенные когти [33, рис. 20; 34, табл. XXVII, XXVIII; 35, с. 35; 36, с. 81]

Мотив геральдически сопоставленных животных обычно связывают с Древним Востоком. Особо яркое воплощение он находит в луристанских художественных бронзах, расцвет которых падает на IX—VII вв. до н. э. [37]. В VII—VI вв. до н. э. изображения на различных предметах симметрично обращенных навстречу друг другу существ распространяются на территории западноскифской группы, включая Северное Причерноморье, Кубань, Кавказ [29]. Со второй половины I тыс. до н. э. они известны в Западной Сибири [24, с. 127, табл. 31—35; 38; 39, рис. 3—1] Синхронными западносибирским образцам следует считать противостоящих хищников на ордосской подвеске из коллекции Майера [40, с. 150, табл. IV, *2*]. Это изделие занимает особое место при сравнении с корсуковскими бронзами. Основу его составляют два выгнутых в противоположные стороны змеиных тела, заканчивающихся птичьими (по определению Андерсена) головками. Внизу каждая дуга снабжена прорезным бубенцом с шариком внутри. Верхняя часть подвески выполнена в виде зверей, противостоящих друг другу в геральдической позе.

Таким образом, в одном изделии мы видим проявление нескольких мотивов: прорезного бубенца, тела змеи с расположенной на нем инородной фигуркой, геральдически сопоставленных хищников и др. Аналогичное построение прослеживается и на некоторых изображениях змеи с бубенцом и расположенных на ее теле в одном случае хищника, в другом — оленя или лося [40, табл. IV, *3*, V, *1*]

Одной из разновидностей подобной многофигурной композиции следует считать и корсуковскую подвеску, на которой выгнутое змеиное тело заканчивается головой кошачьего хищника, бубенец заменяет свернувшаяся в кольцо змея (?), в верхней части запечатлена сцена преследования (нападения) хищника на лося.

Мотив преследования хищником травоядного животного по времени предшествует сценам терзания и борьбы зверей. Воплощенный в многофигурных композициях, он особенно хорошо представлен на «рисунчатых» рукоятях ножей из восточных районов распространения звериного стиля. Хронологически этот мотив ограничен рубежами VIII—VII и VI—V вв. до н. э. [41]. Примером могут служить рукояти ордосских ножей [42, табл. V, *28, 30*].

Что касается вмещающего предметы клада — медного котла, то современное состояние вопросов классификации и хронологии этой категории вещей не дает возможности говорить о его более или менее точной датировке. Отметим, лишь, что, опираясь на одну из последних классификаций, предлагаемую Н. А. Боковенко, можно сопоставить данный котел с экземплярами выделяемого им I типа. Время их появления в азиатских степях определяется VIII—VII вв. до н. э. [43].

Заканчивая сжатый обзор вещей корсуковского клада [7], можно предложить для него наиболее приемлемую, с нашей точки зрения, датировку в пределах VII—VI вв. до н. э. Нижнюю границу этой даты следует считать открытой

Результаты спектрального анализа металла изделий см. в Приложении.

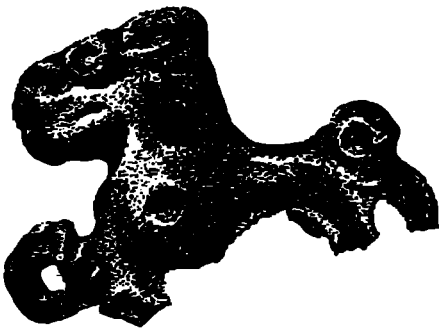


Рис. 8. Бляшка в виде кошачьего хищника, р. Баргузин

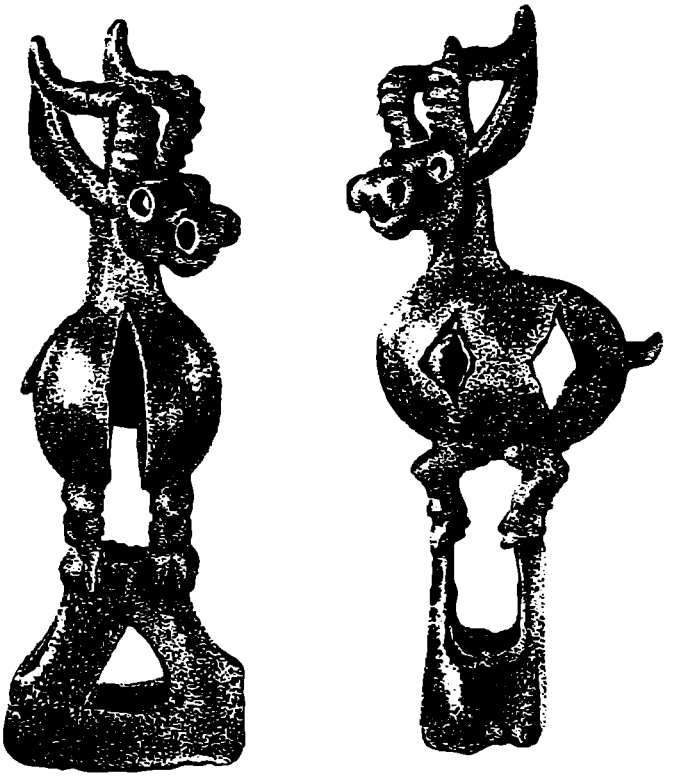


Рис. 9. Навершие с фигурой козла, р. Илим

в связи с тенденцией удревнения начальной фазы скифских культур в целом [44] и отдельных ее этапов и вариантов в частности [8, с. 55; 45, с. 78]

Корсуковский клад не является единственным представителем скифо-сибирского звериного стиля в таежной зоне Восточной Сибири. Ему предшествовали и другие находки, сделанные в бассейнах рек Лены и Ангары, на северо-западном и восточном побережье оз. Байкал.

Еще в 1914 г. на р. Лене в полутора десятках километров от д. Корсуково был обнаружен так называемый отонконский клад с более чем 30 бронзовыми изделиями, в том числе стилизованными S-видными головками грифов. Опубликовавший клад А. П. Окладников интерпретировал находки как принадлежности конского убора и датировал V—IV вв. до н. э. [46, с. 159, 160, рис. 50] С горой Отонкон связана также, как отметил исследователь, «находка медных изображений оленей, сделанная местным крестьянином Б-вым, которая и находится в данное время у него, так как расстаться с ней он не пожелал» [47, с. 36]. В 1936 г. на р. Манзурке, притоке той же Лены, найдена «локтайская» бляшка, воспроизводящая борьбу «тигра или барса» с горным козлом [48] Из района Баргузина происходит массивная литая бляшка 7×5 см в виде кошачьего хищника [8] (рис. 8). Изображение выполнено с использованием всех стилистических особенностей, характерных для ранних образцов скифо-сибирского звериного стиля. С тыльной стороны бляшка имеет две петли для крепления. На север от Баргузина в бухте Курла близ Северобайкальска в составе инвентаря погребений середины — второй половины I тыс. до н. э. обнаружены сильно стилизованные S-видные бляшки с головками грифонов и кинжал с навершием из двух полых голов кошачьих хищников [49] В одной из плиточных могил на о-ве Ольхон близ Хужира встречена «бронзовая застежка в виде двух фигурных блях, соединенных массивной скобой, на которых изображен свернувшийся в кольцо хищник» [50, с. 40] Шумящие навершия представлены уже упоминавшейся фигуркой горного козла с р. Илим (рис. 9)

[8] Иркутский областной художественный музей, инв. № 898. Сборы Г. И. Шустерзона.

Рис. 10. Шаровое навершие, р. Куда

и сильно деформированным прорезным шаром (рис. 10), найденным одним из авторов в 1985 г. в долине р. Куда в 10 км выше по с. Усть-Орда. Характер линии слома на одном из полюсов шара позволяет предположить, что в первоначальном виде его венчала какая-то фигура. Несколько образцов с характерными для скифо-сибирского стиля чертами происходит из долины р. Ангары. Это бляшка из двух фигурок «зубастых» хищников из района д. Шивера [51], бляшки в виде оленей с острова близ г. Балаганска [9] и кошачьих хищников из района Добчурского расширения р. Ия [52]. Представления о связях таежных племен со скифским миром во многом дополняют предметы вооружения, домашней утвари, наскальные рисунки [46, 53, 54].

Таким образом, к настоящему времени в Прибайкалье известен ряд отдельных предметов (или групп предметов), выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля, но стоящих как бы особняком относительно фона местных культур эпохи раннего железа. Появление этих вещей следует искать в исторических связях между «степью и лесом» и определенным влиянием первой как более прогрессивной в экономическом отношении. Вместе с импортируемыми металлическими изделиями в лесную зону проникали и некоторые идеологические представления, отчасти трансформированные применительно к местным условиям. В любом случае это должно было привести к появлению среди культовых предметов новых, ранее неизвестных персонажей, что мы и фиксируем как в искусстве малых форм, так и среди многочисленных петроглифов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ветров В. М., Лыхин Ю. П.* Корсуковский клад // Вост.-Сиб. правда. 1981. 17 февр.
2. Отчет ВСОРГО за 1911 г.: Протокол заседания 12 октября 1911 г. Иркутск, 1914.
3. *Боровка Г.* Искусство доисторическое // Сиб. сов. энцикл. 1931. Т. 2.
4. *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
5. *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981.
6. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
7. *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.
8. *Черников С. С.* Загадка золотого кургана: где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965.
9. *Членова Н. Л.* Скифский олень // МИА. 1962. № 115.
10. *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.
11. *Завитухина М. П.* Раскопки могильника в урочище Кичик-Кюзюр // АО.— 1965. М.; Л., 1966.
12. *Завитухина М. П.* Изображение лося на раннетагарских бронзовых ножах // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
13. *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикации одной коллекции. Л.: Искусство, 1983.

[9] Частное собрание.

14. *Хлобыстина М. Д.* Южносибирская торевтика в карасукских бронзах // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
15. *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники // Археологія. Київ, 1963. Т. 15.
16. *Переводчикова Е. В.* Типология в эволюции скифских наверший // СА. 1980. № 2.
17. *Волков И. Н.* Скифские прорезные навершия из Прикубанья // Археологический сборник. Л., 1983. Вып. 23.
18. *Salmony A.* Sino-Sibirian Art in the Collection of C. T. LOO. P., 1933.
19. *Шлеев В. В.* К вопросу о скифских навершиях // КСИИМК. 1950. Вып. 34.
20. *Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
21. *Rostovtzeff M.* Animal style in South Russia and China. L., 1929.
22. *Уманский А.* Безмолвные стражи алтайских степей // Алтай. 1966. № 2.
23. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
24. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967
25. *Herzfeld E.* Iran in the ancient East: Archaeological studies presented in the lowell Lectures at Boston. L., N. Y.: Oxford Univ. Press, 1941.
26. *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975.
27. *Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981.
28. *Ильинская В. А.* Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев // СА. 1967 № 4.
29. *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2.
30. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. Д 3—9.
31. *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи // СА. 1966. № 2.
32. *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1.
33. *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18.
34. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
35. *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976.
36. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979.
37 *Погребова М. Н.* Кобанская пряжка «восточного типа» // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
38. *Merhart G.* Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926.
39. *Бородаев В. Б.* Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987
40. *Andersson I. G.* Selected Ordos Bronzes // Bull. Museum Far Easten Antiquities. Stockholm, 1933. № 5.
41. *Хлобыстина М. Д.* Многофигурные изображения в зверином стиле из Восточной Сибири // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
42. *Loehr M.* Ordos daggers and knives: New material, classification and chronology // Artibus Asia. 1949. V. 12. 1/2. Pt 1. Daggers; 1951. V 14; Pt II: Knives.
43. *Боковенко Н. А.* Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981.
44. *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983.
45. *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986.
46. *Окладников А. П.* Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
47. *Окладников А. П.* Неолитические стоянки на Верхней Лене // Краеведение в Иркутской губернии. Иркутск, 1926, № 3.
48. *Окладников А. П.* Новая «скифская» находка на Верхней Лене // СА. 1946. № 8.
49. *Шмыгун П. Е., Сергеева Н. Ф., Лыхин Ю. П.* Погребение с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981.
50. *Зайцев М. А., Свинин В. В.* Могильник раннего железного века Хужир II // Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 5—7 апр. 1978. Иркутск, 1978.
51. *Константинов Г М.* Археологические находки вблизи деревни Верхнеметляево // Изв. ВСОРГО. 1928. Т. 53.
52. *Инешин Е. М.* Исследования в Братском районе // АО — 1982. М., 1984.
53. *Окладников А. П.* Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в лесной тайге) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.
54. *Свинин В. В.* К вопросу о таежной бронзе Прибайкалья // Изв. ВСОГО. 1970. Т. 67
55. *Сергеева Н. Ф.* Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981.

Иркутский государственный университет
Иркутский областной художественный музей

V. I. BERDNIKOVA, V. M. VETROV, Yu. P. Lykhin

SCYTHO-SIBERIAN STYLE OF THE BRONZES FROM THE UPPER LENA

Summary

In the article a collection of ancient pieces of applied art is published. The bronze artefacts were found near the village of Korsukovo, Kachuga district, Irkutsk region. The collection Includes two standards with the images of elks, one of them of spherical from (Fig. 3), and two depicting cat-like animals (Figs. 4, 5). There is also a pendant in the form of a dragon bearing the images of a snake (?), some predatory animal and elk (Fig. 6). All these artefacts were placed inside bronze cauldron (Fig. 7). The Korsukovo finds as compared to the pieces of the scytho-siberian art style should be dated to the 7th-6th centuries B. C. The appropriate emergance of this trend in the applied art of the Early Iron Age in the forest zone of the Eastetn Siberia is supported by some similar bronzes found in Lena and Angara basins and on the shores of Baikal lake. Some of them are shown in the Figs. 8-10.

Приложение

Н. Ф. СЕРГЕЕВА

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ИЗДЕЛИЙ КОРСУКОВСКОГО КЛАДА

Все исследуемые изделия клада, за исключением котла, изготовлены из оловянно-свинцовых бронз (таблица). Котел (обр. № 7а) отлит из медной руды без каких-либо намеренных легирующих добавок. Наплав поддона (обр. № 7б), изготовлен из свинцовисто-мышьяковистой бронзы. Содержание свинца 1%, мышьяка 1%. Подобный сплав имеет аналогии среди металлургических сплавов, выявленных в забайкальском металле, относящемся к эпохе бронзового века. Фигурки лосей (обр. № 1, 2) отлиты из одного куска металла. Фигурки хищников (обр. № 4,5) изготовлены из идентичного сплава. Близки по составу образцы № 6а, 6б (подвеска). Отсутствие в обр. № 3 микропримесей Sb, Bi, Ni, а также незначительное по сравнению с остальным металлом клада содержание Ag и As свидетельствует об иной медной руде, использованной при изготовлении сплава для шарового навершия.

Результаты приближенного спектрального анализа бронзовых изделий описываемого клада позволяют провести параллель с выделенным для Забайкалья IV типом металлургических сплавов [55, с. 35]. Это бронзы с оловянно-свинцовой лигатурой Cu—Sn—Pb при обязательном условии $Sn \geqslant Pb$. Содержание олова колеблется в пределах $> 1 \geqslant 10\%$, свинца $> 1\%$, что обеспечивает как прекрасную коррозионную стойкость, так и легкую текучесть металла.

Многокомпонентные оловянно-свинцовые бронзы широко распространяются в Забайкалье в VII—II вв. до н. э., хотя в единичных случаях появляются еще в карасукскую эпоху. Для Прибайкалья эпохи бронзы такие сплавы среди изученной коллекции металла пока не обнаружены.

Интересно отметить, что выделенная ранее характерная особенность забайкальского металла бронзового века наблюдается, несмотря на «приближенный» анализ, в исследуемом металле клада, а именно: взаимозависимое поведение парагенных элементов Sb—As; Pb—Ag. Но поскольку анализ носит довольно приближенный характер, говорить о химической характеристике металла и его привязке к источникам руды, к сожалению, невозможно.

© Н. Ф. Сергеева, 1991 г.

Таблица

Результаты спектрального анализа изделий корсуковского клада [1]

№ п/п	Предмет [2]	Химический элемент, %											
		Cu	Sn	Pb	Si	Mg	Ag	Ni	As	Sb	Bi	Fe	Na
1	Навершие-лось (тело)	Осн.	> 10	> 1	0,01	—	0,6	—	0,04	0,01	0,002	—	—
2а	Навершие-лось (кольцо)		> 10	> 1	—	—	0,5	0,003	0,1	0,01	0,003	—	—
2б	То же		> 10	> 1	0,002	—	0,4	Сл.	0,3	0,02	0,005	—	—
3	Навершие шаровое		> 5	< 1	—	—	0,05	—	0,06	—	—	—	—
4	Навершие-хищник		⩾1	> 1	—	—	0,3	—	0,6	0,03	0,003	—	—
5	То же		> 5	> 1	—	—	0,4	Сл.	0,8	0,04	0,004	—	—
6а	Подвеска (тело)		⩽1	> 1	—	—	0,2	0,001	0,03	—	0,002	—	—
6б	Подвеска (фигурка «змеи»)		⩽10	> 1	0,1	0,02	0,6	0,01	0,2	0,02	0,005	—	—
7а	Котел (ушко)		—	—		—	0,06	0,1	0,05	—	—	—	—
7б	Котел (наплав поддона)		—	> 1	0,01	0,1	0,6	0,01	⩾1	0,4	0,1	0,3	0,6

[1] Анализ выполнен в лаборатории спектрального анализа Иркутского завода тяжелого машиностроения Н. И. Рыбниковой
[2] Номер предмета в таблице соответствует номеру в тексте.

В. И. ЗАВЬЯЛОВ, Н. Н. ЧЕСНОКОВА

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ЛОЗЫМСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
(ванвиздинская культура)

История населения бассейнов рек Вычегды, Мезени и Печоры во второй половине I тыс. н. э. связана с памятниками ванвиздинской археологической культуры. В настоящее время в той или иной степени исследовано более 40 поселений и стоянок и три могильника.

В результате этих работ накоплен значительный вещевой материал, позволивший провести первичную систематизацию и интерпретацию источников. Тем не менее у исследователей до сих пор не сложилось сколько-нибудь определенного мнения об уровне такого важного производства, как железообработка. Основные категории железных вещей, найденных на ванвиздинских памятниках, немногочисленны. В основном они ограничиваются ножами и шильями. Невелико и количество изделий из черного металла. Это тем более показательно, что среди древностей вымской культуры, сменяющей ванвиздинскую в начале II тыс., железные предметы занимают значительное место.

В связи с этим представляется важным выяснить, насколько была развита черная металлообработка на позднем этапе ванвиздинской культуры, непосредственно предшествующем культуре перми вычегодской. Однако до последнего времени такие комплексы известны не были. Материалы появились благодаря раскопкам поселения Лозым.

Памятник открыт в 1977 г. В. А. Семеновым в Сыктывдинском р-не Коми АССР в 2,5 км юго-восточнее с. Лозым на левом берегу Сысолы [1, с. 7]. В 1978—1982 г памятник раскапывался отрядом Северодвинской экспедиции Сыктывкарского госуниверситета под руководством Н. Н. Чесноковой. Общая вскрытая площадь составляет 1344 м^2. Мощность культурного слоя колеблется от 0,1 до 0,6 м. На этой площади вскрыты остатки двух наземных построек. Типология вещевого инвентаря позволила предварительно датировать памятник в пределах VIII—X вв., возможно, первой половины XI в. Наблюдения над распределением находок по уровню их залегания в котлованах построек решают вопрос в пользу их одновременного существования.

Общая планировка жилищ представляется достаточно сходной в обоих случаях. Планиграфическое сходство дополняется аналогичностью в распределении находок, сделанных в соответствующих частях обеих построек. В восточных помещениях каждой из них (справа от помещения с предполагаемым выходом) материал немногочислен: небольшие скопления и разрозненные находки керамики, единичные вещи. В юго-западных (центральных, с входом) помещениях количество находок резко возрастает: здесь абсолютное большинство украшений, производственного и бытового инвентаря, бóльшая часть всей керамики, обнаруженной на поселении.

Особое положение занимают северо-западные помещения. Здесь находились все обнаруженные на поселении предметы, связанные с производством по обработке металлов: литейные формочки, тигли, льячка, медные пластины (вторсырье?), а также шлаки. Предварительный анализ последних и состав инвентаря показывают, что очаг в восточной постройке (раскоп I) связан только с цветным литьем, а очаг в западной (раскоп II), кроме того, и с обработкой

© В. И. Завьялов, Н. Н. Чеснокова, 1991 г.

черных металлов. Все это свидетельствует, что население Лозымского поселения занималось как цветной, так и черной металлообработкой.

На поселении найдено 36 предметов из черного металла. Среди них орудия труда (ножи, долото, шилья, игла), оружие (наконечники стрел), оковка, клинышки. Обращает на себя внимание полное отсутствие на этом и других памятниках культуры крупных железных предметов или их обломков (топоров, тесел и т. п.). О применении топора свидетельствует лишь наличие клинышков для расклинивания топорища. Указанный факт является доказательством того, что железо для ванвиздинских племен в целом было весьма дорогим металлом. О ценности черного металла говорят также бронзовые рыболовный крючок и иглы с Лозымского поселения — такие орудия синхронных культур изготовлялись, как правило, только из железа.

Наиболее информативными из железных предметов для металлографического исследования являются ножи [1] Это обусловлено массовостью находок и подбором кузнецами определенных технологических схем при изготовлении клинка.

На Лозымском поселении обнаружено 14 ножей (рис. 1). Они представлены двумя группами: без уступа и с уступом при переходе от обушка к черенку (соответственно ножи I и II групп, по классификации Р С. Минасяна) [2, с. 69]. Из определимых предметов (т. е. сохранивших и клинок, и черенок) три относятся к I группе и семь — ко II. Следует отметить, что все ножи II группы по виду сходны между собой, тогда как каждый нож I группы отличается от других. Нож 3746 имеет длинный клинок с дугообразным обушком и выраженным уступом при переходе от лезвия к черенку. У ножа 3749 уступ у лезвия не столь заметен, а вдоль лезвия проходит дол, заходящий на черенок. Нож 3753 миниатюрен — всего 75 мм длиной при длине клинка 50 мм, ширина клинка 11 мм. У лезвия клинок отделяется от черенка ярко выраженным уступом.

При изготовлении ножей, найденных на памятнике, применялись пять технологических схем. На шести образцах обнаружена схема трехслойного пакета. По качеству исполнения этой сложнейшей технологии ножи можно разделить на две группы. Два изделия (ан. 3752 и 3753) показали высокое качество работы. На шлифах прослеживаются тонкие четкие сварочные швы. Оба экземпляра закалены в резкой закалочной среде. Анализ шлифов с черенков ножей обнаружил, что и между этими изделиями существует различие в изготовлении. У ножа 3752 трехслойным был только клинок, в то время как черенок оставался железным. Такая конструкция более всего отвечает тем задачам, которые преследовали мастера при изготовлении трехслойных ножей: получение острого и прочного клинка при экономии дорогостоящей стали. По типу этот нож относится ко II группе восточноевропейских ножей, по классификации Р С. Минасяна [2, с. 69] Следует отметить, что именно такие ножи известны из материалов Новгорода Великого, Старой Ладоги, курганов Приладожья [3, с. 76; 4, с. 208]. В отличие от этого экземпляра нож 3753 был откован целиком из трехслойной заготовки, так как на черенке у него, как и на клинке, наблюдается трехслойная структура. Аналогичный по типу и технологии нож обнаружен среди материалов городища Иднакар в слоях XII—XIII вв. (см. [5, табл. I, ан. 2909]). Железо обоих образцов с Лозымского поселения имеет повышенную твердость (см. приложение).

Трехслойный пакет остальных ножей по качеству изготовления заметно отличается от вышеописанных образцов. Для центральной полосы у этих экземпляров (ан. 3747, 3754) использована сырцовая сталь с содержанием углерода около 0,2%. У образца 3756 центральная полоса имеет ферритную структуру. Она более тщательно прокована, чем боковые полосы, и даже сохранила следы

---

[1] Металлографическое исследование проведено в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Номера анализов соответствуют номерам регистрационного журнала.

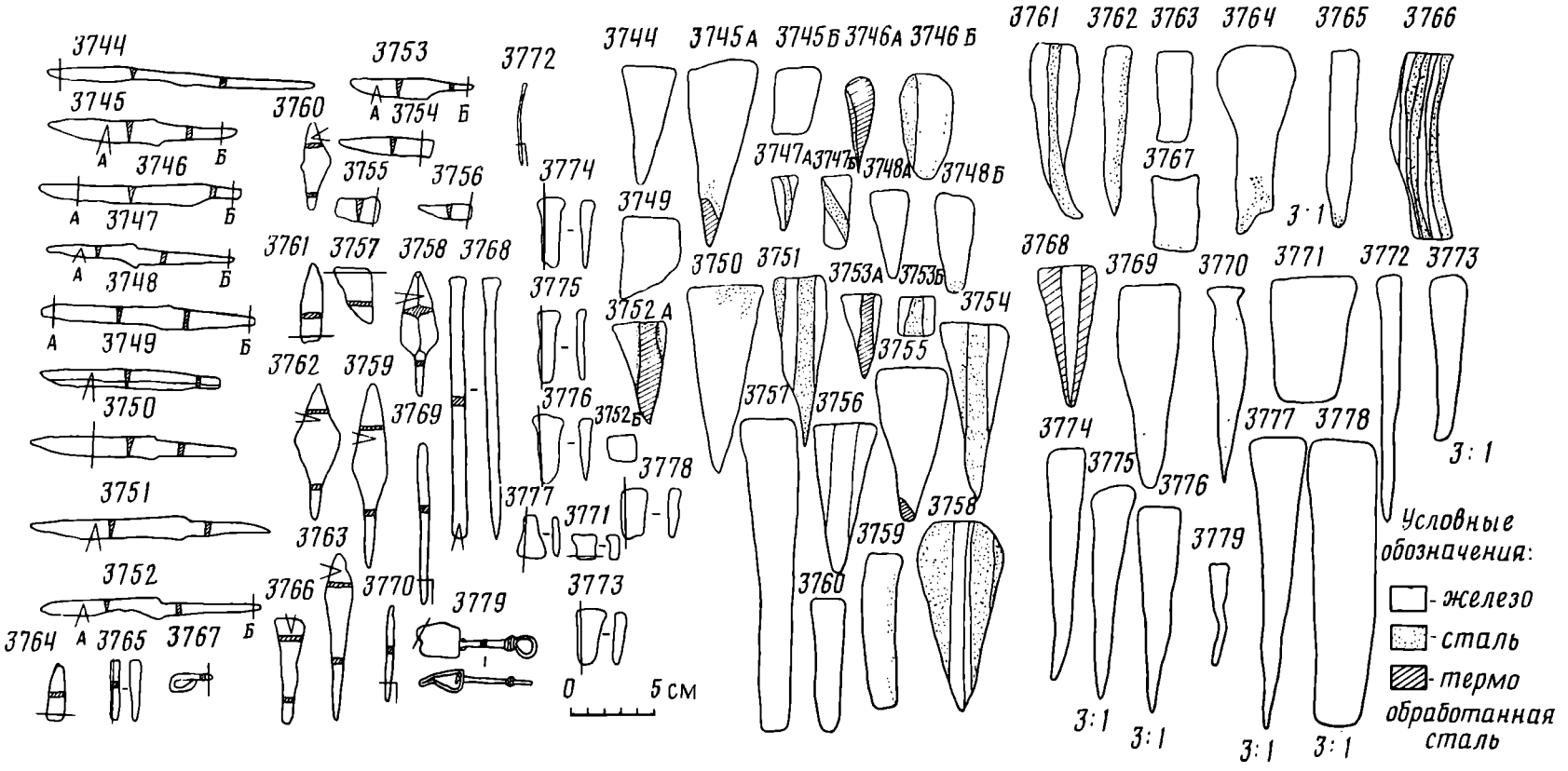


Рис. 1. Технологические схемы железных предметов с Лозымского поселения

упрочнения посредством ковки вхолодную. Однако микротвердость боковых полос оказалась выше (см. приложение). Сварочные швы на всех образцах нечеткие, в них прослеживаются шлаковые включения.

К ножам, вероятно, следует отнести и образец 3761. Первоначально этот предмет был определен как наконечник стрелы. Но схема трехслойного пакета, обнаруженная на шлифе, наводит на мысль, что данный предмет является обломком ножа, поскольку такая сложная технология для изготовления наконечников стрел почти не применялась.

Не менее сложную схему показал образец 3751. Этот нож откован из заготовки, предварительно сваренной из двух железных и двух стальных полос. Сталь содержит около 0,2% углерода. Сварочные швы определяются по цепочкам вытянутых шлаков. Вероятно, нож откован из пакетованной заготовки с преднамеренным подбором полос.

Один нож (ан. 3745) и маленький обломок клинка (ан. 3755) изготовлены из железной заготовки, на которую торцовой наваркой наварено стальное лезвие. Изделия закалены в резкой закалочной среде. Шлиф на черенке одного ножа (ан. 3745Б) выявил структуру феррита, что свидетельствует о наварке стали только на клинок.

Остальные ножи изготовлены по более простым технологическим схемам. Один нож (ан. 3746) откован из стальной заготовки с последующей закалкой в резкой закалочной среде. Сама заготовка сварена из двух пластин. Шлиф на черенке выявил структуру стали в стабильном состоянии. Содержание углерода в черенке не превышает 0,2%. Более высокий процент углерода в клинке свидетельствует о его дополнительной цементации.

Четыре образца (ан. 3744, 3748, 3749 и 3750) изготовлены наиболее простым способом — формовкой из кричной заготовки свободной ручной ковкой. Ковка заканчивалась при повышенных температурах, на что указывает неравномерность зерен феррита с преобладанием крупных зерен. Следует отметить, что на трех образцах выявлены нитриды. Железо этих ножей имело микротвердость несколько ниже обычной.

Наиболее примечательны ножи, изготовленные в технологии трехслойного пакета. Самые ранние трехслойные ножи обнаружены в Старой Ладоге в слоях второй половины VIII в. [4, с. 208]. Следует отметить, что только одно орудие из Лозымского поселения изготовлено по классическому образцу (ан. 3752). Другой трехслойный нож, хотя и показал высокое качество работы, был откован целиком из трехслойной заготовки, т. е. при изготовлении этого изделия расход стали был выше, чем у образца 3752. Остальные ножи этой технологической группы имели сердцевину из мягкой стали, что снижало их качество. Среди древнерусских трехслойных ножей экземпляры с малоуглеродистой центральной полосой неизвестны. Достаточно высок в исследованной коллекции процент железных ножей. Интересен факт присутствия среди лозымских ножей изделий с наварными лезвиями.

Из орудий труда на Лозымском поселении обнаружено цельнометаллическое долото (ан. 3768). Как показал металлографический анализ, тело орудия отковано из хорошо прокованной железной заготовки, на которую с двух сторон наварены стальные пластины, образовавшие лезвие. После этого изделие закалили в резкой закалочной среде. Такой способ изготовления придал инструменту твердое лезвие, способное долго сохранять остроту при вязком теле, что весьма рационально для орудий такого типа.

Хотя на поселении не найдены топоры, но находка восьми клинышков для расклинивания топора свидетельствует, что ванвиздинское население знало проушной топор. Все клинышки откованы из кричного железа. Металл сильно засорен шлаковыми включениями. Микротвердость большинства образцов повышенная (см. приложение).

Из бытовых предметов металлографически изучены игла (ан. 3772), два шила (ан. 3769 и 3770) и оковка (ан. 3779). Все эти предметы откованы из

кричного железа. Наиболее тщательно изготовлена игла — металл хорошо прокован, свободен от шлаковых включений. При изготовлении оковки кузнец кроме ручной ковки применял еще ряд операций — гибку, скручивание, прошивку.

Основой хозяйства ванвиздинских племен была охота. В связи с этим большое значение имело охотничье оружие. На Лозымском поселении найдено семь железных наконечников стрел. Все наконечники черешковые. На их изготовление пошло три сорта заготовок. Три наконечника откованы из кричного железа (ан. 3760, 3763, 3764), два — из сырцовой стали (ан. 3759, 3762) с содержанием углерода до 0,4—0,5% и два — из пакетованных заготовок (ан. 3758, 3766). Все наконечники хорошо прокованы, лишь у образцов 3760 и 3764 обнаружено крупное зерно феррита и большое количество шлаковых включений.

Важное значение для определения уровня металлообработки имеет анализ полуфабрикатов. Среди материалов Лозымского поселения найдены обломок пластины (ан. 3757) толщиной около 3 мм и петля из проволоки квадратного сечения 2×2 мм (ан. 3767). Обе поковки откованы из кричного железа, причем у образца 3767 наблюдаются следы науглероживания кричного происхождения. Металл мелкозернистый, хотя и содержит большое количество шлаков. Проволоку, вероятно, перед сгибанием нагрели до очень высокой температуры (около 1000°С), так как в перлитных участках образовалась структура видманштетта.

Металлографические анализы железных предметов свидетельствуют, что основными материалами для их изготовления служили железо и сырцовая сталь. Специальная томленая сталь почти не встречается. Этим объясняется и редкое применение термообработки — всего термообработано около 17% всех изделий. Обращает на себя внимание отсутствие изделий с цементованным лезвием, за исключением ножа 3746, для которого цементация предположительна. Это древнейшая технология упрочнения рабочего края орудия хотя и применялась в эпоху средневековья редко, но на отдельных памятниках с высокоразвитым кузнечным ремеслом все же составляла значительный процент (например, в Киеве обнаружено 12% таких орудий [6, с. 283], в Старой Рязани — 14% [7, с. 258]).

Среди исследованных вещей обнаружено четыре предмета, металл которых содержит соединения азота. Это ножи ан. 3744, 3748, 3750 и 3751. Нитриды в этих поковках представлены мелкими фазами и распространены по всей поверхности шлифа. Микротвердость феррита этих образцов колеблется в пределах 87,6—135 кг/мм^2, и лишь у образца 3751 она составляет 181—221 кг/мм^2.

Наиболее сложным является вопрос о металлургической базе, из которой поступал металл к ванвиздинским племенам. На современном уровне изучения культуры имеется очень мало фактов о развитии металлургии в конце I тыс. в Вычегодском крае. Исследователями неоднократно отмечалось, что на раскопанных памятниках ни разу не прослежены остатки каких-либо специальных сооружений для получения черного металла [8, с. 151]. Этот факт, а также малое число орудий труда при почти полном отсутствии орудий крупных форм (топоров, тесел и т. п.) свидетельствует о крайне узкой металлургической базе ванвиздинской культуры, не способной обеспечить население черным металлом в достаточном объеме. Из вышесказанного можно заключить, что бóльшая часть металла поступала в Вычегодский край с территории соседних племен в виде готовой продукции и, возможно, заготовок. Этими же обстоятельствами в немалой степени объясняется длительное сохранение кремневых скребков, тогда как на большей части Восточной Европы кремневые орудия полностью вытесняются металлическими уже в начале I тыс.

Рассматривая результаты металлографических анализов железных предметов с Лозымского поселения, можно заметить, что по качеству работы они распадаются на две группы. В первую войдут орудия со сложными технологическими схемами, достаточно высоким качеством работы: трехслойные ножи, ножи с наварными лезвиями, а также долото. Более простыми по технологии изготовления были ножи из железа и сырцовой стали, наконечники стрел, клинышки,

бытовые предметы. Эти поковки составляют вторую технологическую группу, имеющую ряд особенностей. В эту группу входят три ножа из четырех, в структуре которых обнаружены нитриды. В эту же группу входит и нож наиболее архаичной формы (ан. 3749). Железо большинства изделий второй группы имеет микротвердость в пределах 110—181 кг/мм^2 (а при наличии нитридов и еще меньше), тогда как микротвердость феррита изделий первой группы составляет 206—274 кг/мм^2

Слабое развитие местной металлургической базы приводит к мысли о производстве большинства предметов второй группы населением Лозымского поселения. Встает вопрос о том, как попадали предметы первой технологической группы на памятник — путем обмена или вместе с носителями иных кузнечных традиций? Единство керамического комплекса Лозымского поселения и его полное соответствие керамике западнованвиздинских памятников свидетельствует в пользу первого предположения.

Худшее качество металла поковок второй группы, простые технологические схемы, а также отсутствие металлургических комплексов и кузнечного инструмента на памятнике указывают, что на Лозымском поселении обработка черного металла находилась в зачаточном состоянии и ограничивалась наиболее элементарными операциями свободной ручной ковки.

Конструкция ножей первой технологической группы позволяет установить возможные регионы, откуда они могли импортироваться в Вычегодский край. В X в. технология трехслойного пакета наиболее часто встречается на ножах из памятников финского племени весь [4, с. 200; 10, с. 214]. Кроме того, известны трехслойные клинки среди чепецких [5, с. 38] и родановских ножей [2] Именно в прикамских трехслойных ножах для средней полосы часто применяется мягкая, в большинстве случаев сырцовая сталь. Получение орудий из черного металла населением ванвиздинской культуры из Прикамского региона кажется весьма вероятным, поскольку на существование межплеменного обмена с конца I тыс. между этими областями указывает ряд находок из Прикамья в бассейне Вычегды [8, с. 188]. Среди лозымских клинков встречены два экземпляра с наварными лезвиями. Такая технология среди чепецких и родановских ножей не встречена. В то же время ножи с наварными лезвиями известны со второй половины I тыс. среди славянских материалов [9, с. 54], а в более позднее время (с XII в.) широко распространены в Новгороде Великом [10, с. 163]. Однако оба эти ножа встречены вне площади жилищ и могут не относиться к комплексу железных орудий памятника. Приведенные данные позволяют наметить два возможных региона, откуда поступали на Лозымское поселение орудия труда из железа и стали: северо-запад Восточной Европы и Прикамье.

Исследование технологии изготовления железных предметов Лозымского поселения дает возможность остановиться на времени существования памятника. Как правило, технология сама по себе не является решающим фактором при определении хронологии. Но в данном случае привлечение данных металлографии для уточнения времени существования памятника обусловлено ведущейся в настоящее время дискуссией о хронологии ванвиздинской культуры.

При исследовании ванвиздинских материалов, в частности поселения Вис II, Г М. Буровым была предложена абсолютная дата культуры IV—VIII вв. н. э. Датировка финала культуры не осталась единогласно принятой: В. И. Канивец указывал на существование ее на Печоре до XII в., Э. А. Савельева предполагала выделение в ходе полевых исследований ванвиздинских комплексов IX в. на Вычегде. В связи с этим для датировки позднего памятника культуры, каковым является Лозымское поселение, необходимо использовать все возможные, даже косвенные, данные.

Из всего комплекса находок абсолютному датированию поддаются 40 вещей. Из них 26 получили «узкие» даты благодаря своему соответствию восточно-

---

[2] Данные анализов родановского металла любезно предоставлены А. П. Зыковым.

Показатели твердости и микротвердости предметов с Лозымского поселения

№ анализа	Предмет	Составляющие структуры	Микротвердость, кгс/мм²	твердость, кгс/мм²
3744	Нож	Феррит	110—128	146
3745	»	Феррит,	110—206	251
		мартенсит	514—642	412—516
3746А	»	Мартенсит	642—742	644—745
3746Б	Черенок ножа	Феррито-перлит	128—181	171—183
3747	Нож	Феррит,	128—160	
		Феррито-перлит	151—160	234
3748		Феррит	95,8—122	137—141
3749		»	135—206	168—192
3750		»	87,6—110	105—118
3751		»	181—221	183
		Феррито-перлит	122—160	260
3752А		Феррит,	193—206	251
		сорбит	254—297	566
3752Б	Черенок ножа	Феррит	170—181	
3753А	Нож	Феррит,	236—254	
		мартенсит	322—350	362—544
3753Б	Черенок ножа	Феррит,	236—254	
		феррито-перлит	254—274	336
3754	Нож	Феррит,	151—274	262
		феррито-перлит	193—274	161—232
3755	Обломок ножа	Феррит,	274	249
		мартенсит	350	321
3756	Нож	Феррит (центральная полоса),	143—151	126—180
		феррит (боковые полосы)	236—274	
3757	Пластина	Феррит	254—274	216—271
3758	Наконечник стрелы	Феррит,	160—181	188—332
		феррито-перлит	193—221	280—376
3759		Феррит,	128—181	120
		феррито-перлит	193—221	144
3760	»	Феррит	151—181	225—232
3761	Нож(?)	Феррит,	221—236	
		феррито-перлит	143	
3762	Наконечник стрелы	Феррито-перлит	160—221	180—187
3763	»	Феррит	181—221	201
3764	»	Феррит,	254—297	249—371
		феррито-перлит	254	
3765	Клинышек	Феррит	128—181	139—236
3766	Наконечник стрелы	Феррит,	122—206	135—146
		феррито-перлит		
3767	Проволока	Феррит,	151—181	138
		феррито-перлит	236—254	
3768	Долото	Феррит,	151—193	178
		мартенсит	514—642	644—927
3769	Шило	Феррит	110—181	175—249
3770	»	»	100—151	232—386
3771	Клинышек	»	170—181	223—257
3772	Игла	»	151—254	200—293
3773	Клинышек	»	254—274	244—277
3774	»	»	143—181	144—164
3775	»	»	151—221	146—154
3776	»	»	221	195—296
3777	»	»	193—274	234—241
3778	»	»	193—274	214—229
3779	Оковка	»	143—181	341

Примечание. Микротвердость измерялась на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке в 100 г, твердость — вдавливанием алмазной пирамидки (твердость по Виккерсу) при нагрузке в 5 кг.

европейским типам вещей, период существования которых установлен. Еще девять находок датированы достаточно определенно по аналогиям в датированных комплексах ближайших регионов. Остальные находки датируются широко на основании времени бытования подобных изделий. Даты всех вещей укладываются в период VI—XI вв.

Вместе с тем целый ряд находок с «узкими» датами указывает на позднее время существования памятника. Это два бронзовых бубенчика X—XI вв. грушевидной формы с крестообразной прорезью и насечками на уплощенной нижней части [11, с. 134, 135], бронзовые цепочки этого же времени из восьмеркообразных щитковых звеньев [12, табл. 14], бронзовый спиральновитой перстень из плоской проволоки XI — начала XII в. [13, с. 122—125] В пользу омоложения даты Лозымского поселения свидетельствует и технология изготовления импортных ножей.

Как уже отмечалось выше, наиболее ранние ножи с трехслойными клинками встречены в материалах Старой Ладоги и датируются концом VIII — началом IX в. Однако среди хорошо датированных вещей других памятников эта схема ранее X в. не зафиксирована [5, 10] Зато именно с этого времени ножи с трехслойными клинками становятся массовой находкой на поселениях севера Восточной Европы (Новгород Великий — около 100%, поселение у д. Городище — 80%, курганы Юго-Восточного Приладожья — около 30%). Таким образом, наиболее вероятно, что трехслойные ножи попали на Лозымское поселение не ранее X в.

Уточнить датировку памятника позволяют и наблюдения над стратиграфией жилищ. В обеих постройках не зафиксировано каких-либо следов ремонта или перестроек. Это приводит к выводу о непродолжительности их существования: в течение жизни двух-трех поколений. А следовательно, и разрыв между верхней и нижней датой памятника не может быть слишком большим.

Сравнение времени бытования двух независимых категорий — украшений с «узкими» датами и трехслойных ножей — с кратковременностью существования поселения свидетельствует в пользу передатировки памятника X—XI вв. Вместе с тем эта передатировка омолаживает принятую в настоящее время верхнюю границу ванвиздинской культуры. Насколько справедлив этот вывод, должно показать комплексное изучение поздневанвиздинских материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Семенов В. А.* Разведка в Усть-Куломском и Сысольском районах Коми АССР в 1977 г // АО — 1977. М.: Наука, 1978.
2. *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. 1980. Вып. 21.
3. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. 1953. № 32.
4. *Хомутова Л. С.* Кузнечная техника на земле древней веси в X в. (по материалам поселения у д. Городище) // СА. 1984. № 1.
5. *Завьялов В. И.* Ножи городища Идна-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985.
6. Новое в археологии Киева. Киев, 1981
7. *Толмачева М. М.* Технология кузнечного ремесла Старой Рязани // СА. 1983. № 1
8. *Буров Г М.* Вычегодский край. М., 1965.
9. *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье) // СА. 1976. № 2.
10. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
11. *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни: Тр. ГИМ. 1967 Вып. 43.
12. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1971.
13. *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981

Институт археологии АН СССР, Москва

Сыктывкарский государственный университет

V. I. ZAVYALOV, N. N. CHESNOKOVA

THE IRON ARTEFACTS FROM LOZYM SETTLEMENT OF VANVIZDINO CULTURE

Summary

The territorial and chronological attribution of Vanvizdino culture is connected with the ethnogenetic problems of the ancient Komi tribes. A detailed analysis of historical sources is necessary for the solution of these questions. The article deals with the investigation of 36 iron artefacts from Lozym settlement. The collection was studied both with traditional archaeological methods and with metallographic analyses. Two technological groups of artefacts are outlined: the group of imported artefacts with complicated technologies and the group of local production with simple ones. The authors claim that Vanvizdino tribes received iron in the form of artefacts and half-finished products. Iron was got from the western territories (the Ladoga lake area) and from the southern regions (Kama basin). The ironworking did not reach the level of separated trade. The metallographic studies support the dating of the settlement to the 10th and 11th centuries.

Д. И. ФОНЯКОВ

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ ТОРОПЦА (типология и технология)

Древнерусский город Торопец исследовался археологами ЛОИА АН СССР в 1957, 1958, 1961 и 1965 гг. [1—5]. Раскопками Я. В. Станкевич, Г Ф. Корзухиной, М. В. Малевской на Малом городище-детинце вскрыта площадь свыше 500 м^2, исследованы отложения девяти строительных горизонтов, определена их хронология: горизонт 1 — вторая половина XIII — начало XVI в.; горизонт 2 — конец 30-х годов — вторая половина XIII в.; горизонт 3 — 30-е годы XIII в.; горизонт 4 — начало 90-х годов XII в.— начало 30-х годов XIII в.; горизонт 5 — первая половина 60-х — начало 90-х годов XII в.; горизонт 6 — начало 40-х — начало 60-х годов XII в.; горизонт 7 — начало 20-х — начало 40-х годов XII в.; горизонт 8 — первые десятилетия XII в.; горизонт 9 — конец XI в.

С пожаром, отмеченным в горизонте 2, может быть связано летописное известие 1245 г. о взятии Торопца литовским отрядом [6; 7, с. 66; 8, с. 10] Но учитывая, что три яруса привальной вымостки вряд ли могли быть последовательно сооружены в течение короткого промежутка времени, будет осторожнее до получения новых сведений датировать пожар в пределах второй половины XIII в. (ср. [3, с. 76]). Однако сделанные при раскопках находки оставались до последнего времени неопубликованными и неисследованными [1] В настоящей работе рассматривается коллекция ювелирных инструментов, заготовок и вещей из цветных металлов. Ювелирное дело требовало применения высоких профессиональных навыков и сложной технологии. Уровень развития ювелирного ремесла служит одним из показателей, по которому можно судить о социально-экономическом облике города.

Инструменты. В Торопце найдены инструменты для работы с жидким металлом и для холодной обработки, всего 10 предметов. *Глиняные тигли* использовались для плавки небольших количеств цветного металла. Два экземпляра тиглей найдены в горизонтах 2 и 3. Форма тиглей приспособлена для разливки жидкого металла в формочки (рис. 1, *1, 2*). Подобные тиглы найдены во всех изученных раскопками древнерусских городах, исключая область Среднего Поднепровья [9, с. 214].

Льячки из горизонта 2 (рис. 1, *3, 4*) также использовались для разливания расплавленного металла. Они имеют форму ложки. Льячки этого типа применяли ювелиры в Новгороде, Пскове, Прикамье [9, с. 214]. Льячки, как и тигли, изготовлены из глины, с большой примесью крупной дресвы. При обжиге глина приобрела серый цвет.

Фрагмент литейной формы из мелкозернистого известняка найден в горизонте 2. В ней отливались конусовидные пуговицы (рис. 1, *5*). Аналогичные открытые формы найдены в Новгороде, Пскове и других городах, равно как и изготавливаемые в них свинцовые пуговицы [3, с. 156—158; 9, рис. 8; 10; 11, рис. 52] Одна такая пуговица обнаружена и в Торопце.

Имитационная литейная форма, полученная путем оттиска в глине рубчатого перстня (рис. 1, *6*), найдена в горизонте 2. Сохранилась только одна створка

---

[1] Благодарю М. В. Малевскую за любезное разрешение на публикацию находок.

© Д. И. Фоняков, 1991 г.

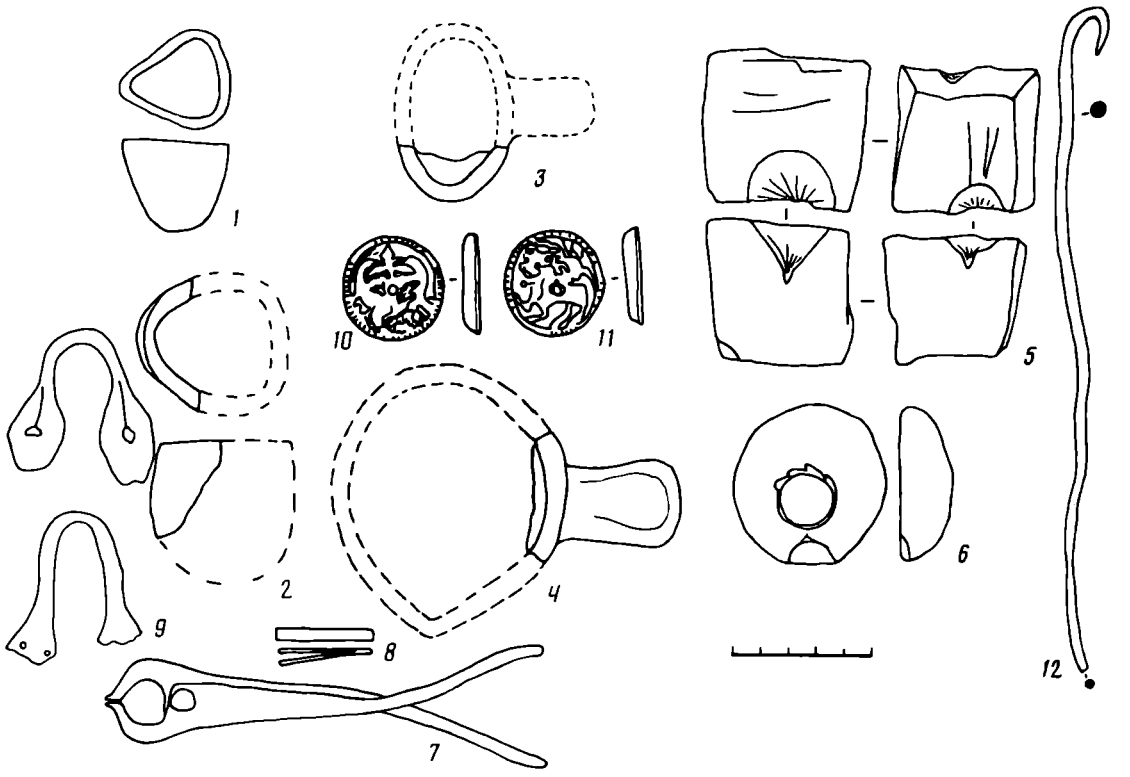


Рис. 1. Тигли (*1, 2*); льячки (*3, 4*); литейные формы (*5, 6*); клещи (*7*), пинцет (*8*); матрицы для тиснения (*10, 11*); заготовка дрота (*12*); ушки от котлов (*9*)

формы, с выдавленной в ней чашечкой литника. Сам литниковый канал был, вероятно, проделан в утраченной половине формы. Обе части формы скрепляли вместе плоскими сторонами. Отливка выходила не очень высокого качества. Тем не менее такой способ литья широко применяли в Древней Руси [9, с. 219]

Клещи найдены в горизонте 6. Судя по их небольшому размеру, они применялись для мелких работ с холодным и нагретым металлом, а также для операций с горячим тиглем. Общая длина клещей — 162 мм, длина губ — 27 мм. Остроконечные губы плотно накладываются одна на другую. Концы рукояток заострены, по-видимому, на них надевались деревянные ручки (рис. 1, *7*). Серия подобных инструментов происходит из Новгорода, где их конструкция оставалась неизменной с XI по XV в. [9, с. 224; рис. 12; 12, с. 20, 21, рис. 7]. Похожие инструменты найдены и в других древнерусских городах, например в Старой Рязани, Ярополче Залесском и в Полоцке [13, табл. 4, *24, 25*; 14, рис. 29]. Однако длина губ у всех этих щипцов значительно больше, чем у клещей из Торопца.

Пинцет-щипчики с плоскими губами, согнутый из железной пластинки, найден в горизонте 2 (рис. 1, *8*). Подобные простые пинцеты употреблялись повсеместно древнерусскими ювелирами [1, с. 224; 12, с. 22, рис. 14].

Две *матрицы для тиснения бляшек* или подвесок также найдены в горизонте 2 (рис. 1, *10, 11*). Они представляют собой литые из бронзы кружки диаметром 42 и толщиной 6,5 и 7 мм. Одна сторона их плоская, другая — выпуклая и несет рельефное изображение. По манере исполнения оно подобно рисунку на матрице для тиснения черненых колтов из бывшего Румянцевского музея [15, рис. 78] С одной матрицы сходили вещи, украшенные рисунком, изображающим двух птиц по сторонам дерева. Эта композиция, известная в искусстве многих народов, была широко распространена и в древнерусском орнаменте. Историки искусства отмечают связь этого мотива с искусством северо-востока Руси и южнорусских земель, откуда происходят многочисленные вещи с близкими изображениями, исполненными в различной технике. С этим же кругом

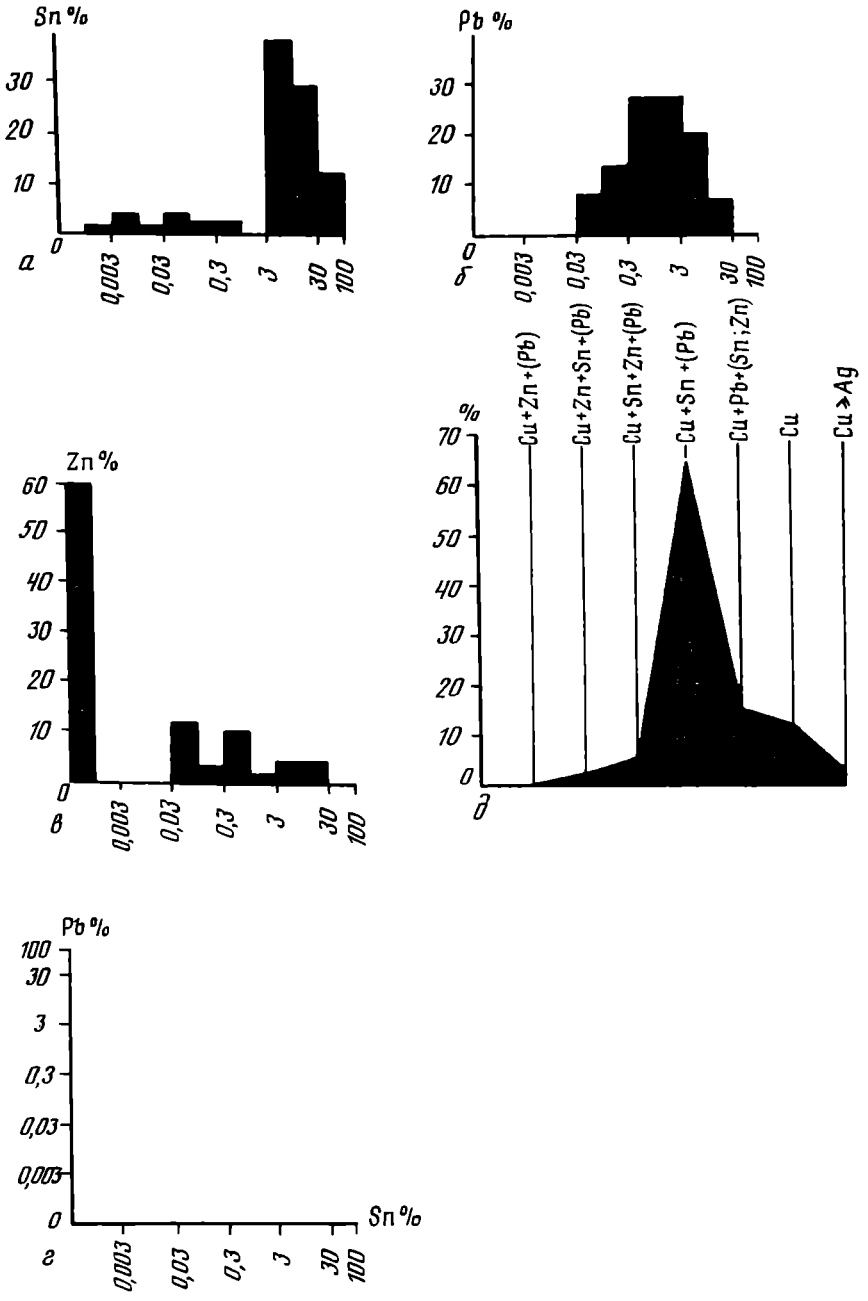


Рис. 2. Частотные гистограммы основных легирующих добавок (*а, б, в*); корреляционный график концентрации свинца и олова (*г*), диаграмма металлургических групп (*д*)

древнерусского искусства, по-видимому, связано изображение льва, которое оттискивали второй матрицей. Фигуры львов с повернутой в фас головой, с хвостом, пропущенным между ног и оканчивающимся пальметкой, известны в художественном металле и в архитектурной пластике [16, с. 247—252, 299; 17, рис. 117, 118].

Стержень из оловянистой бронзы (горизонт 3) диаметром 4 мм представляет собой *заготовку дрота для производства браслетов* или других ювелирных изделий (рис. 1, *12*).

Были подвергнуты спектральному анализу 69 образцов из цветного металла [2] Из частотных гистограмм, где представлены важнейшие примеси к меди —

[2] Анализы выполнены канд. хим. наук. В. А. Галибиным в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

олово, свинец, мышьяк, сурьма, висмут, серебро, золото, железо, никель, кобальт, цинк (рис. 2*а*—*в*), видно, что основными легирующими материалами были олово, свинец и цинк. Значительные колебания концентрации других элементов в сплавах объясняются использованием лома и металлов из различных рудных источников. Корреляционный график, построенный для олова и свинца (рис. 2, *г*), показывает, что границей искусственного легирования для олова следует считать концентрацию в 3%. Учитывая это, удалось определить, что в цветном металле Торопца помимо предметов из «чистых» серебра, олова и меди представлены изделия из оловянистой и свинцовистой бронз, латуни, так называемого «многокомпонентного» сплава, биллона и сплава олова со свинцом, который также именуется «бинарным» (рис. 2, *д*). Количественно преобладают изделия из меди и ее сплавов — 85% проб. Медные сплавы можно разделить на несколько групп.

В первую, самую многочисленную, входят вещи из чистой меди и оловянистой бронзы. Вещи из металла этой группы представлены в древностях Торопца с начала XII по XV в. Содержание олова колеблется в пределах от 3 до 27%. По данным А. А. Коновалова, близкие характеристики имеют медные сплавы подмосковных курганов [18, с. 210, 211, рис. 5], представляющих так называемую «вятическую» зону распространения сплавов, которая оформилась в XII в. [19, с. 11] По-видимому, к этой зоне следует относить и Торопец.

Вторая группа — свинцовые бронзы, характерные для Новгорода XII—XV вв., представлена в Торопце только двумя образцами. Но свинец входит и в состав бронз, где основным легирующим материалом является олово. При этом, как видно на корреляционном графике, повышение концентрации олова влечет за собой повышение содержания свинца. Вероятно, таков был один из технологических приемов торопецких ювелиров, позволявший получать высокооловянистые бронзы. Взгляд на частотную гистограмму свинца убеждает в том, что в большинстве проб концентрация этого элемента находится в пределах от 0,3 до 3%. При этом, как видно на корреляционном графике, снижение содержания олова ниже 3% не ведет к снижению содержания свинца. Вероятно, это объясняется тем, что свинец в качестве примеси входит в состав медного сырья, использовавшегося ювелирами Торопца. Медь, «загрязненная» в значительной степени свинцом, известна в месторождениях Швеции, снабжавших в конце XII, XIII—XIV вв. медью Новгород [19, с. 21], откуда медное сырье могло попадать и в другие города.

Весьма немногочисленны в Торопце и вещи, изготовленные из латуни — медного сплава, легированного цинком. Они составляют третью группу. Эти находки представлены в верхних горизонтах детинца. В этих сплавах цинк сопровождается значительными концентрациями свинца. Это позволяет связывать находки из Торопца с металлургической традицией Прибалтики, где подобные сплавы хорошо известны [20, табл. 15].

Группа изделий из «бинарного» сплава, а также из чистого олова состоит из семи образцов. Использование этих металлов в ювелирном деле зафиксировано в Новгороде (см., например, [9]), в материалах которого находятся и близкие формальные аналогии оловянным и оловянно-свинцовым украшениям из Торопца.

Единство химического состава характерно и для групп украшений, попавших в Торопец из Среднего Поднепровья. Медальон, подвески-крины и бусинные височные кольца, принадлежавшие женщине из постройки 23, изготовлены из серебра высокой пробы (95—97%), легированного медью. Одинаковая концентрация примесей — олова, свинца, висмута и золота позволяет допускать изготовление этих украшений единовременно и едва ли не из одного куска серебра и уж, во всяком случае, из металла одной партии.

На основании всего изложенного выше представляется, что вещи из серебра, свинцовистой бронзы и латуни можно с определенной долей вероятности считать привозными. С торопецкой металлургической традицией следует связы-

Таблица 1

Среднее содержание примесей в медных сплавах Торопца, %

Горизонт	As	Bi	Sb	Ni
1—8	0,441	0,082	0,775	0,018
1	1,700	0,013	0,670	0,620
2	0,860	0,092	0,950	0,013
3	0,260	0,046	0,430	0,013
4	0,472	0,102	0,384	0,028
5	0,350	0,045	0,220	0,040
7	1,000	0,060	0,350	0,035
8	—	0,011	0,130	0,01
Группа 1	0,234	0,044	0,283	0,016
2	1,197	0,170	2,029	0,131

вать изделия из олова, сплава олова со свинцом, меди и оловянистой бронзы. Последние, впрочем, неоднородны. Так, для изделий из медных сплавов показательны концентрации основных геохимических примесей — мышьяка, висмута, сурьмы и никеля. Выделяются две группы вещей, различающихся по этому признаку. В первую из них, характеризующуюся относительно низким содержанием примесей, входят все предметы из горизонтов 3—8 и большая часть вещей из горизонта 2. Сюда входят заготовка дрота, височное кольцо, многие браслеты, перстни, нательные кресты, накладка, бронзовая пуговица, рыболовная блесна и другие вещи. Средняя концентрация примесей в металле второй группы выше в 4—10 раз, чем в первой группе, и в 2—3 раза больше, чем в среднем в медных сплавах из Торопца вообще (табл. 1). В составе этой группы вещи из горизонта 1 и некоторые предметы из горизонта 2. Среди последних — энколпионы, коромысло от весов, бронзовый сосуд, подсвечник от хороса, овальнощитковый, круглощитковый и рубчатый перстни.

Мышьяк, висмут, сурьма и никель специально не вводились в сплав, а попадали в состав металла как примеси к исходному сырью. Поэтому можно предполагать, что для изготовления вещей первой и второй групп использовалось разное сырье. По-видимому, различно и происхождение вещей. Так, если предметы первой группы можно считать изготовленными на месте, то в составе второй группы есть привозные вещи. В первую очередь это энколпионы, находящие аналогии в киевских древностях. Состав металла этих изделий отличается также высоким содержанием свинца. Затем перстни, весы, серьги и прочее также могли попасть в Торопец из других городов.

Результаты спектрального анализа дали возможность охарактеризовать ювелирное производство Торопца со стороны применяемых сплавов. Торопецкие ювелиры использовали главным образом оловянистую бронзу, хотя им были известны и другие сплавы. Интересно, что, получая из Новгорода медь, они, однако, оставались независимыми от его металлургической традиции, включавшей широкое применение свинцовистых бронз.

Таким образом, исследование нашего материала показывает, что в Торопце, по крайней мере начиная с 40-х годов XII в., развивалась обработка цветных металлов, ювелирное производство. Торопецким ювелирам были известны различные технические приемы обработки цветных металлов — литье в открытых и двусторонних формах из различных материалов, тиснение, штамповка, гравировка и ковка. Хотя в работе ими использовались различные по составу и характеристикам сплавы цветных металлов, предпочтение отдавалось высокооловянистой бронзе с добавлением свинца. Из этого сплава изготовлялись как относительно массивные литые изделия, так и вещи, требовавшие в дальнейшем проковки, осуществлялось литье в открытых односторонних и в закрытых формах (табл. 2). Учитывая относительно небольшие масштабы среднего города, можно предполагать обслуживание населения всего несколькими мастерами-литейщиками, что и подтверждается однородностью торопецких ювелирных традиций.

Использование сплавов при работе различными технологическими методами в Торопце *Таблица 2*

Горизонт	Металлургические группы									
	I				III	II				
	Cu—Sn—(Pb)	Cu	Cu—Sn	Cu—Sn——(Pb—Zn)	Cu—Zn——(Pb)	Cu—Pb	Sn—Pb	Sn	Ag	Cu—Ag
1	Литье в односторонней жесткой форме, 2	Литье в двусторонней каменной форме, 3 Пайка, 1 Ковка, 1	Литье в двусторонней каменной форме, 1	Литье в двусторонней каменной форме, 2	Литье в двусторонней каменной форме, 1 Волочение, 1					
2	Литье в разъемной форме со вставным стержнем, 6 Ковка, 5 Литье в односторонней жесткой форме, 4 Волочение, 1 Литье в разъемной каменной форме, 3	Литье в двусторонней каменной форме, 2 Ковка, 1 Волочение, 1					Литье в разъемной каменной форме со вставным стержнем, 1	Литье в разъемной каменной форме со вставным стержнем Литье в двусторонней форме, 1	Литье в двусторонней каменной форме, 2 Ковка, 3 Пайка, 3 Штамповка, 2	
3	Ковка, 2 Волочение, 1 Литье в двусторонней каменной форме, 2						Литье в двусторонней каменной форме, 1	Литье в двусторонней каменной форме, 1		Литье в двусторонней каменной форме, 1
4	Ковка, 1 Литье в двусторонней каменной форме, 1					Литье, 1 Ковка, 1	Литье в двусторонней каменной форме, 1			
5				Литье в двусторонней каменной форме, 1 Ковка, 1						
7					Литье в двусторонней каменной форме, 1					
8	Литье в двусторонней каменной форме, 1									

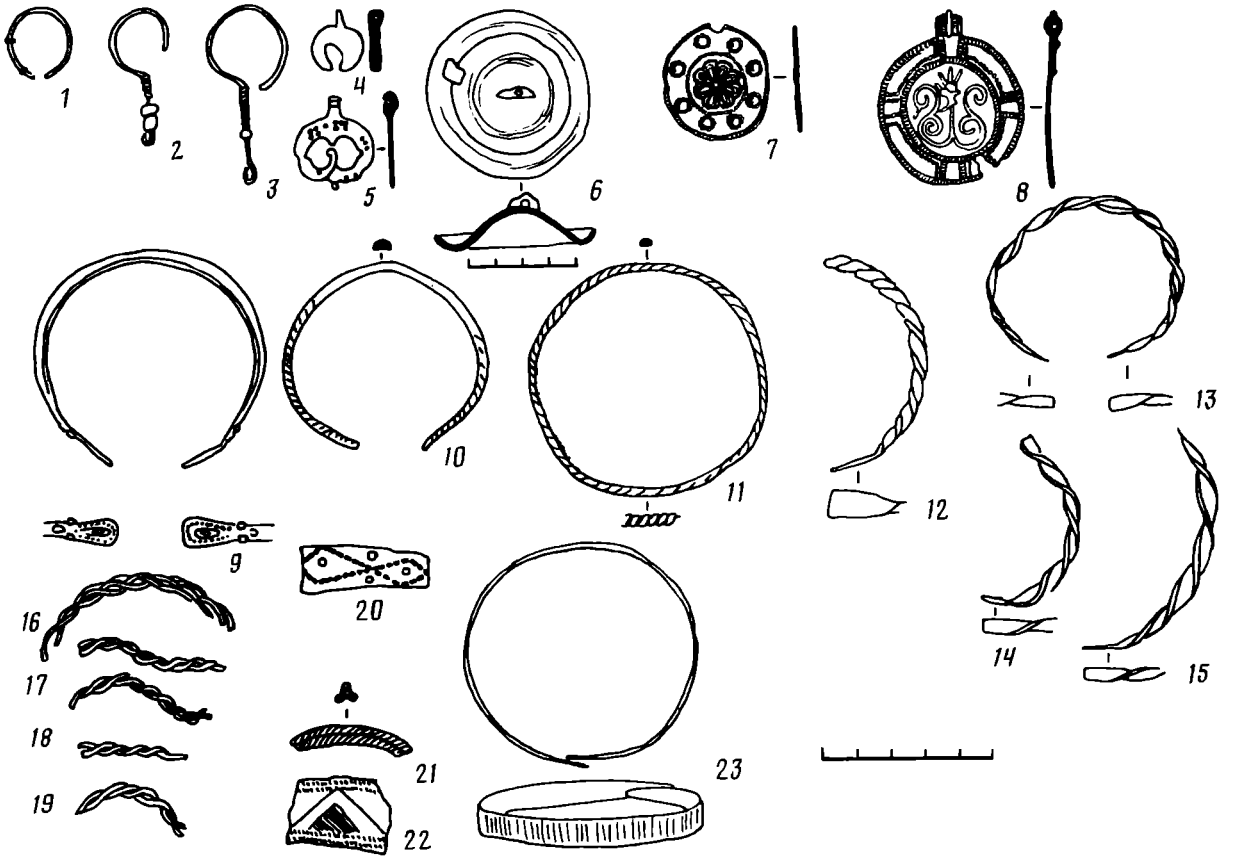


Рис. 3. Височное кольцо (1); серьги (2, 3); лунницы (4, 5); привески (6—8); фрагменты и их фрагменты (9—23)

Украшения из металлов представлены различными изделиями.

Височные кольца — найдены в горизонте 2 в постройке 23 и в культурном слое. Обнаруженное в культурном слое маленькое бронзовое височное кольцо принадлежало к типу бусинных, но сами бусины не сохранились и уцелели только небольшие кусочки фиксировавших их проволочек. Место соединения концов кольца обломано (рис. 3, *1*). Размеры и конструкция изделия позволяют отнести его к группе колец-серег, известных как украшения, характерные для городского населения [21, с. 22, 23]

Серьги в виде вопросительного знака обнаружены в горизонте 1 (2 экз.). На стержне одной из серег сохранились две костяные бусины, на другой уцелела только проволочная обмотка (рис. 3, *2, 3*). В русских городах, и в частности в Новгороде, также серьги известны с начала XIV в. [11, с. 16] Стержни серег сделаны из круглой латунной проволоки. Близкий состав геохимических примесей в сплаве позволяет предположить общее происхождение этих украшений.

Бронзовый медальон овальной формы из горизонта 2 (рис. 4, *27*) был, по-видимому, украшен рельефным изображением, которое, однако, не сохранилось. Форма медальона необычна для русских украшений, зато свойственна подвескам, происходящим из Скандинавии [22, № 123] и встречающимся на Руси [11, рис. 13, *6*], по-видимому, медальон представляет собой своеобразное подражание этим украшениям.

Привески. В загородке, примыкающей к постройке 19 горизонта 4, найдена неорнаментированная малая узкорогая *лунница* из оловянно-свинцового сплава (рис. 3, *4*). Аналогичные лунницы бытовали в XI—XIII вв. на всей территории северной части Руси [11, с. 24, 103, 124] Лунница другого типа, так называемая замкнуто-крещатая с ложнозерненым орнаментом, отлитая из практически чистого олова, найдена в горизонте 2 (рис. 3, *5*). Эти лунницы в XII — нача-

ле XIII в. известны в курганах Московской и Смоленской областей и особенно характерны для Костромского Поволжья, аналогии им известны на Киевщине и Черниговщине. Судя по находкам в погребениях, они заменяли в женском уборе серьги или височные кольца.

Привеска к головному убору обнаружена в горизонте 2. Она имеет своеобразную форму неглубокого колпачка диаметром 6 см с отогнутыми краями. Привеска отлита из оловянистой бронзы. С внешней стороны в центре к подвеске припаяно ушко с круглым отверстием (рис. 3, *6*). В VII—IX вв. и вплоть до XIII в. эти так называемые умбоновидные подвески бытовали на территории Прибалтики [23, табл. 42, *22*]. Подобные подвески известны также и на Руси в материалах Новогрудка и Серенска [24, рис. 83, *6*; 25, рис. 59, *4*]. В одном из курганов бывшего Бобруйского уезда Минской губ., раскопанных В. В. Завитневичем, такой предмет был найден у виска погребенного [26, с. 56, рис. 32].

Монетовидные привески. Одна из них с обломанным ушком найдена на настиле улицы рядом с постройкой 15 (горизонт 3). Она изготовлена из свинцово-оловянного сплава в технике литья. Центр привески украшен восьмилепестковой розеткой, лепестки которой обведены ложнозерненой каймой. Вся розетка и край привески тоже украшены каймами ложной зерни. На образовавшемся кольцевом поле напротив каждого из лепестков расположены восемь кружков, в свою очередь обведенных зернью (рис. 3, *7*). Литые подвески, украшенные похожим орнаментом, найдены в Новгороде в слоях XIII в. и в Полоцке, где эта находка датируется 40—50-ми годами XIII в. Очень похожая привеска, датирующаяся XIV в., найдена в одном из гдовских курганов [11, с. 41, рис. 14, *9;* 12; 14, с. 69, рис. 34, *14*; 27, табл. 24, *22*]. Другая привеска обнаружена на настиле улицы близ постройки 14 горизонта 3. Она имеет диаметр 44 мм и отлита из олова в односторонней каменной форме (рис. 3, *8*). Середину лицевой части занимает изображение «процветшего» креста, заключено в круг из продолговатых пупырышков ложной зерни. Такой же бордюр обнимает и весь медальон по краю, а также оконтуривает четыре ветви креста. Образовавшиеся кольцевые сегменты оттенены скобками, выполненными также ложной зернью, зерно которой, однако, уже круглое. В Полоцке в слое 40—50-х годов XIII в. найден оловянный медальон, отлитый в той же форме [14, с. 69, рис. 34, *15*] Ближайшая аналогия этим предметам — биллоновый медальон от барм середины XII в. из Новгорода. Он изготовлен тоже литьем в односторонней каменной форме и имеет похожий орнамент. М. В. Седова указывает, что близкие изображения часты на серебряных черненых бармах из различных кладов, зарытых в период от 70-х годов XII в. до 1240 г. [11, с. 43, рис. 15, *2*]. Орнамент на этих привесках повторяет декор серебряных медальонов второй половины XII — первой половины XIII в.

Браслеты. *Дротовые браслеты* — к этой категории принадлежат три браслета из горизонтов 7 и 8 и браслет из горизонта 2. Браслет из культурного слоя горизонта 8 отлит из оловянистой бронзы и принадлежит к типу уплощенноконечных (рис. 3, *9*). Округлые лопаточки на его концах имеют орнамент, воспроизводящий щитки, которые напаивались на специально подготовленные концы серебряных плетеных браслетов, известных в южнорусских кладах конца XI — начала XII в. [28, табл. 13, *2*, 14, *1, 2, 3*]. Браслет из 7-го горизонта (постр. 36) согнут из проволоки, изготовленной из оловянистой бронзы с примесью цинка, уплощенной с внутренней одной стороны. К концам браслета проволока утончается и имеет насечки, имитирующие витье (рис. 3, *10*). Подобные браслеты в Древней Руси были широко распространены.

Ложновитые браслеты. Из них древнейший найден в постр. 29 5-го горизонта (рис. 3, *11*). Он сделан из тонкой оловянно-бронзовой проволоки, на которую с внешней стороны нанесены косые насечки. Концы браслета соединены незаметным швом. Браслеты близких форм известны в древностях северо-востока Руси [29, с. 224, табл. 4]. В постр. 22 горизонта 4 обнаружены фрагменты двух браслетов из перекрученного плоского бронзового дрота. Целый такой браслет найден в культурном слое следующего по времени горизонта 3. Обруб-

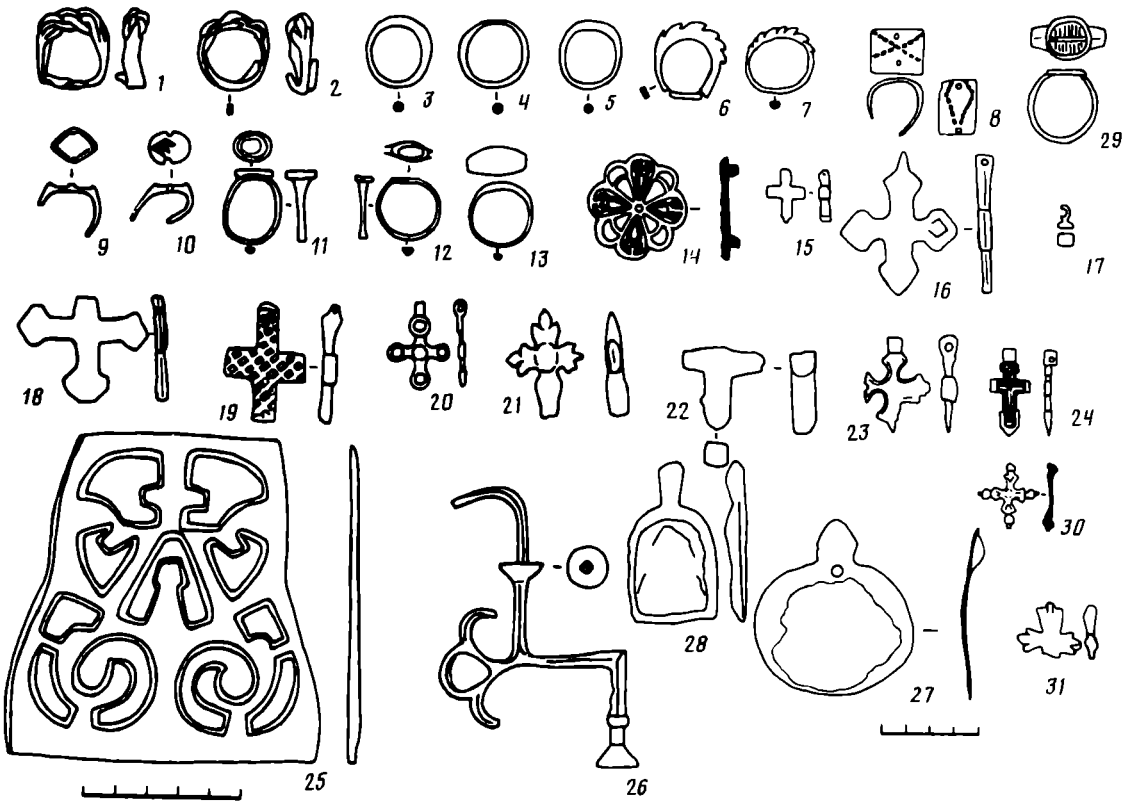


Рис. 4. Перстни (*1—13*); накладка (*14*); нательные кресты (*15, 16, 18—24, 30, 31*); пуговица (*17*), детали хороса (*25, 26*); нагрудная иконка (*28*); медальон (*27*)

ленные концы браслетов слегка раскованы (рис. 3, *12—14*). Аналогии этим браслетам известны среди находок из Верхнего Поволжья и бассейнов рек Москвы, Оки, верховьев Десны [29, с. 225]. В горизонте 2 обнаружен ложновитой бронзовый браслет с уплощенными овальными концами (рис. 3, *15*). Он изготовлен из низкооловянистой бронзы. Тонкоконечные браслеты этого типа находят в курганах Руси начиная с XI в. [29, с. 225]. Есть они и в Новгороде в слоях рубежа XII—XIII вв. [11, с. 98].

Плетеные браслеты найдены в горизонте 2 только во фрагментах. Среди них обломки браслетов, сплетенных из нескольких оловянно-бронзовых проволок и из трех жгутов, каждый из которых в свою очередь скручен из двух тонких бронзовых проволочек (рис. 3, *16—19, 21*).

Пластинчатые браслеты встречены, начиная с горизонта 4, где один такой браслет обнаружен в заполнении постр. 19. Он согнут из оловянно-бронзовой пластины толщиной 1 мм и достигающей в месте наибольшего расширения 9 мм. Узкие, заходящие друг за друга концы браслета закруглены. С внешней стороны на браслет нанесен орнамент из поперечных полосок (рис. 3, *23*). Браслеты сходных форм происходят из курганов Смоленской обл. и смежных с нею районов [29, с. 233]. В горизонте 2 найдены еще три фрагмента пластинчатых браслетов из бронзы того же типа (рис. 3, *20, 22*). Один из них — гладкий. Два других имеют геометрический орнамент на внешних поверхностях: гравированные и пунсонные треугольники, которые находят параллели в орнаменте новгородских пластинчатых браслетов XII—XIII вв. [11, рис. 40, *3—5*].

Перстни. В Торопце в горизонтах с 3-го по 1-й найдено 16 металлических перстней. Для 14 находок удалось определить тип.

Плетеные перстни — один из олова, другой из оловянистой бронзы, третий из почти чистой меди, найдены в культурном слое горизонта 3. Их срединные части сплетены из круглой проволоки, а гладкие несомкнутые концы далеко заходят друг за друга (рис. 4, *1, 2*). Этим перстням аналогичны плетеные первого

варианта из Новгорода, где они обнаружены в слоях середины XII — середины XV в. [11, с. 127]

Дротовые перстни (4 экз.) происходят из горизонта 2. Из них три относятся к типу замкнутых круглодротовых перстней простейшей формы (рис. 4, *3—5*). Материалом для них послужили латунь и оловянная бронза. Средняя часть перстней несколько утолщена. В Новгороде перстни этого типа вышли из употребления в 70-х годах XII в. [11, с. 122] В Торопце их носили и в последующее время.

Рубчатые перстни из оловянистой бронзы на утолщенной средней части имеют косые насечки, имитирующие витье (рис. 4, *6, 7*). В этом же горизонте 2 найдена и половина глиняной двусторонней формочки для отливки перстней этого же типа (рис. 1, *6*). Рубчатые перстни по новгородской шкале датируются 90-ми годами XI — 90-ми годами XIV в., а по курганным материалам — X — XIII вв. [11, с. 122; 30, с. 264]

Щитковосрединные перстни. Шесть перстней этого типа найдены в горизонте 2. Два перстня, оловянный и бронзовый, имеют круглые щитки. Щиток первого украшения углублением в центре и концентрическими окружностями (рис. 4, *11*). Щиток другого поделен на две половины, покрытые прямой штриховкой (рис. 4, *29*). В Новгороде перстни с круглыми щитками получили распространение во второй половине XII в. и существовали вплоть до начала XIV в. [11, с. 132] Остальные перстни происходят из горизонта 2. Два бронзовых и один из оловянно-свинцового сплава имеют овальные щитки. Щитки первых двух перстней — гладкие (рис. 4, *12, 13*), а щиток последнего украшен ромбической выпуклой решеткой (рис. 4, *10*). По новгородской хронологии перстни с овальными щитками относятся к концу XII — середине XV в., а в курганных древностях датируются XII—XIII вв. [11, с. 135]. Один из бронзовых перстней имеет ромбический щиток. Углы ромба украшены округлыми выступами (рис. 4, *9*). В Новгороде эта форма перстней характерна для второй половины XIV в. [11, с. 136] *Пластинчатые перстни* (2 экз.) обнаружены в горизонте 2. В постр. 23 найден фрагмент бронзового пластинчатого широкосрединного перстня с незамкнутыми концами. Он украшен пунсонными треугольниками и чеканными кружками (рис. 4, *8*). В Новгороде перстни этого типа делались из бронзы в XII—XIII вв. [11, с. 129] Из горизонта 2 происходит также гладкий широкосрединный бронзовый перстень с незамкнутыми узкими концами.

Накладка, прикреплявшаяся, возможно, к поясу, найдена в горизонте 2. Она имеет вид восьмилепестковой розетки. Лепестки внутри украшены геометрическим орнаментом (рис. 4, *14*). Совершенно такая же накладка происходит с городища Княжья Гора [31, № 220] Среди находок в Торопце можно выделить и предметы христианского культа. К ним относятся прежде всего разного вида иконки.

Бронзовая иконка с ушком для привешивания обнаружена в горизонте 1. Изображение сохранилось плохо. Угадывается фигура святого в святительских ризах (рис. 4, *28*). М. В. Седова отмечает, что образки арочной формы в виде киотца характерны для мелкой пластики XV — начала XVI в. В Новгороде иконка такой формы с изображением Василия Кесарийского найдена в слоях конца XIV — рубежа XIV—XV в. [11, с. 64]

При раскопках детинца найдено 11 *нательных крестов* из бронзы. В горизонте 4 обнаружен маленький гладкий бронзовый крестик с прямоугольными концами (рис. 4, *15*) В горизонте 3 найдены два одинаковых креста с ромбическими завершениями ветвей. Один из них, сделанный из биллона, сохранил и ушко (рис. 4, *16, 18*). В постр. 14 того же горизонта обнаружен крест с прямоугольными концами, орнаментированный с лицевой стороны косой плетенкой (рис. 4, *19*) Аналогичные кресты происходят из поздних слоев Новгорода и из Латвии [11, с. 55; 24, с. 237, рис. 2, *35*] По-видимому, эта форма появилась уже в первой половине XIII в. Из горизонта 2 происходит маленький бронзовый крестик, расширяющиеся концы которого завершаются небольшими шариками

(рис. 4, *30*). К этому же горизонту принадлежит и крестик, концы которого, так же как и средокрестие, оформлены в виде кружков с выемками, в которые, вероятно, была залита цветная эмаль (рис. 4, *20*). Эти формы находят соответствия в южнорусских древностях (см., например, [32, табл. 58]). В горизонте 1, перекрывающем слой пожара, обнаружено пять нательных крестов. Три из них имеют фигурные криновидные окончания ветвей (рис. 4, *21, 23, 31*) и подобны русским крестикам XIV—XV вв., найденным в Новгороде, в древностях сельского населения, в золотоордынских городах и в Латвии, где их изготовляли по русским образцам [11, с. 54, 27, табл. 24, *2*, 33] В этом же горизонте обнаружены фрагмент относительно круглого гладкого креста с прямоугольными концами (рис. 4, *22*) и маленький восьмиконечный крестик, лицевая сторона которого украшена рельефным изображением четырехконечного креста с надетым на верхнюю ветвь терновым венцом (рис. 4, *24*). Эта композиция находит аналогии среди древностей XIV—XV вв. и в русской торевтике XV в. [27, табл. 24, *28*; 31, табл. 66, 67, 69]

Энколпионы, или кресты-складни, из оловянистой бронзы найдены исключительно в горизонте 2, сооружения которого погибли во время пожара. Обнаружены три целых энколпиона, столько же одиночных створок и два небольших фрагмента. Все энколпионы выполнены в технике литья и несут рельефные изображения. Согласно типологии Г Ф. Корзухиной, они должны быть причислены к 4-му типу этих изделий, характерному для периода с конца XII до первой половины XIII в. [35, с. 133] Форма энколпионов, найденных на Малом городище, представлена в трех вариантах: в виде креста с расширяющимися концами, в виде квадрифолия и в виде креста с круглыми концами. Энколпион с расширяющимися концами находят аналогии среди изделий этого класса, которые датируются в пределах середины XII — 30-х годов XIII в. [35, с. 133; 36, с. 68]. Такие энколпионы с рельефными изображениями известны среди древностей Киевщины, а также найдены на городище Княжья Гора [37, табл. 10, *123;* 38, табл. 18, *221, б*, табл. 19, *235, 236, 288*] Энколпион-иконка в виде квадрифолия имеет на обеих створках композицию из пяти медальонов. В круглых медальонах по краям помещены изображения святых с нимбами и воздетыми руками — два в фас и два в профиль. В круглом центральном медальоне на одной из створок — погрудная фигура Иисуса, на другой створке центральный медальон прямоугольный и в нем изображение богоматери с младенцем-Христом на руках. Сохранность вещи плохая, но судя по имеющимся аналогиям, по сторонам центрального круглого медальона шла обратным письмом монограмма IC NIKA. Точные подобия этому энколпиону-иконке известны в киевских древностях XIII в. [37, табл. 8, *100*]. Б. А. Рыбаков приводят серию аналогичных находок в местах татарских кочевий, куда энколпионы попадали с русскими пленниками [39, с. 528, 529]

Такова же картина распространения энколпионов и другого вида — с круглыми медальонами по концам креста и с фигурой богоматери в полный рост на одной створке, с распятием на другой — на стебле креста. В горизонте 2 найдены с учетом незначительных фрагментов шесть таких энколпионов. Некоторые кресты-складни этого типа имеют надпись, сделанную обратным письмом, «Богородица помогаи» или «Пресвятая богородица помогаи». Такие энколпионы найдены, с одной стороны, в составе комплексов, связанных с монгольским погромом Киева [32, с. 497, 502, табл. 99], с другой стороны, опять-таки в степях Северного Кавказа, между Прутом и Днестром, в Поволжье. Б. А. Рыбаков, впервые обративший внимание на это обстоятельство, подчеркивает, что вещи таких форм принадлежат к киевским изделиям конца домонгольского периода [39, с. 455, 527—529] Находки энколпионов этого типа рассматриваются как надежный датирующий признак [36, с. 64]

Последний из торопецких энколпионов имеет очертания, сходные с только что описанным типом: круглые медальоны по концам креста и фигуры в рост на его стебле. Но способ исполнения изображения другой — контурный рисунок дан

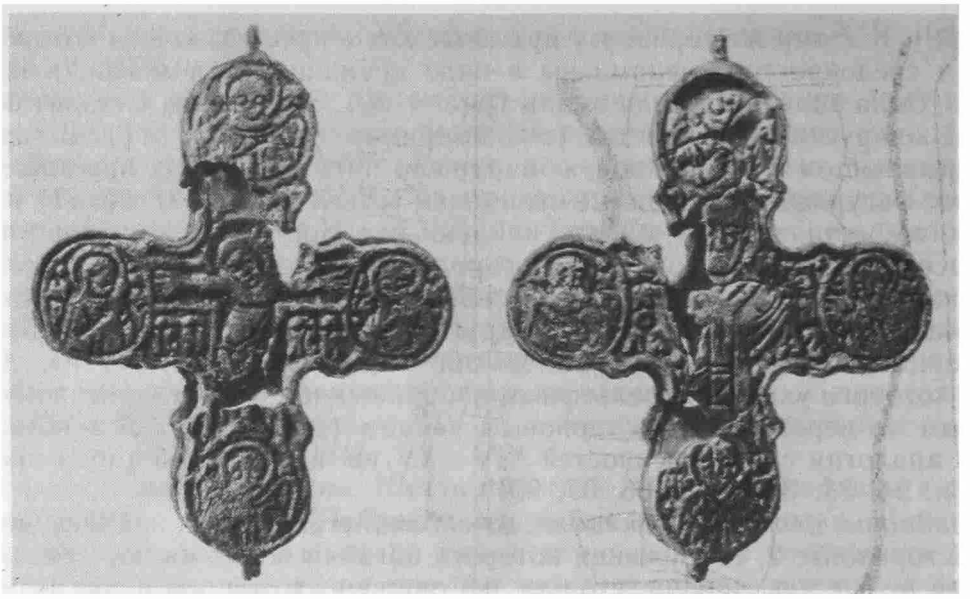


Рис. 5. Крест-энколпион из Торопца

сильно углубленной линией, а его детали нанесены линиями меньшей глубины (рис. 5). На одной из створок энколпиона помещено распятие с монограммой Христа — слева от изображения ΙC N, справа — XC K в вертикальном направлении, что читается слева направо как «Иисус Христос победитель». В левом медальоне изображена богоматерь, что поясняется монограммой MP U, в правом медальоне — Иоанн Предтеча с соответствующей монограммой IωN. В верхнем и нижнем медальонах помещены крылатые фигуры. Судя по уцелевшим частям монограмм, это архангелы Михаил и Гавриил. Таким образом, на этой створке помещена обычная деисусная композиция, развернутая крестообразно в соответствии с формой энколпиона. На другой створке на стебле креста помещена фигура св. Николая Мирликийского, подписанная вертикальной надписью слева от изображения (Н) КОЛА и справа — аббревиатурой Н АГ Частично сохранившиеся буквы монограмм в медальонах на концах креста позволяют предположить, что в левом медальоне изображен св. Пахомий, в правом — св. Сисиний, в верхнем — св. Лука, в нижнем — св. Никита. Таким образом, на этой стороне энколпиона наряду с Николой, как бы дублирующим Иисуса, изображены, по-видимому, местные святые. Их иконография находит аналогии в древнерусской каменной пластике конца XII—XIII в. [40, табл. 4, *4*, 13, *1*] Палеография, по определению Т. В. Рождественской, в целом соответствует XIII в. Энколпионы этого вида есть среди киевских древностей конца XII — первой половины XIII в. [37, табл. 7, *93*, 10, *117*, *118*].

Еще Г Ф. Корзухина отмечала, что находки энколпионов перечисленных видов в культурном слое горизонта 2 на Малом городище могут быть связаны с бегством в 1240 г. какой-то части населения Поднепровья в Торопец [2, с. 101]. Работами 1960 г. была раскрыта небольшая постройка, получившая № 23. Ее возвели позже других сооружений горизонта 2 и на необычном месте — на широкой бревенчатой вымостке, шедшей вдоль оборонительного вала. Погибло это жилище вместе с другими постройками горизонта 2 в пожаре. При разборке постр. 23 были обнаружены кальцинированные кости, остатки одежды и украшения женщины, сгоревшей в этом жилище. В состав ее убора входили два трехбусинных височных кольца, подвески в виде лилий и медальон из тонкой пластины, напаянной на проволочный каркас (рис. 6, *3*—*7*). Все эти вещи изготовлены из серебра высокой пробы и имеют одинаковый состав геохимических примесей. Как справедливо отметила М. В. Малевская, эти украшения находят аналогии среди киевских ювелирных изделий [3, с. 76]. Криновидные подвески к ожерелью, трехбусинные височные кольца и медальоны каркасной

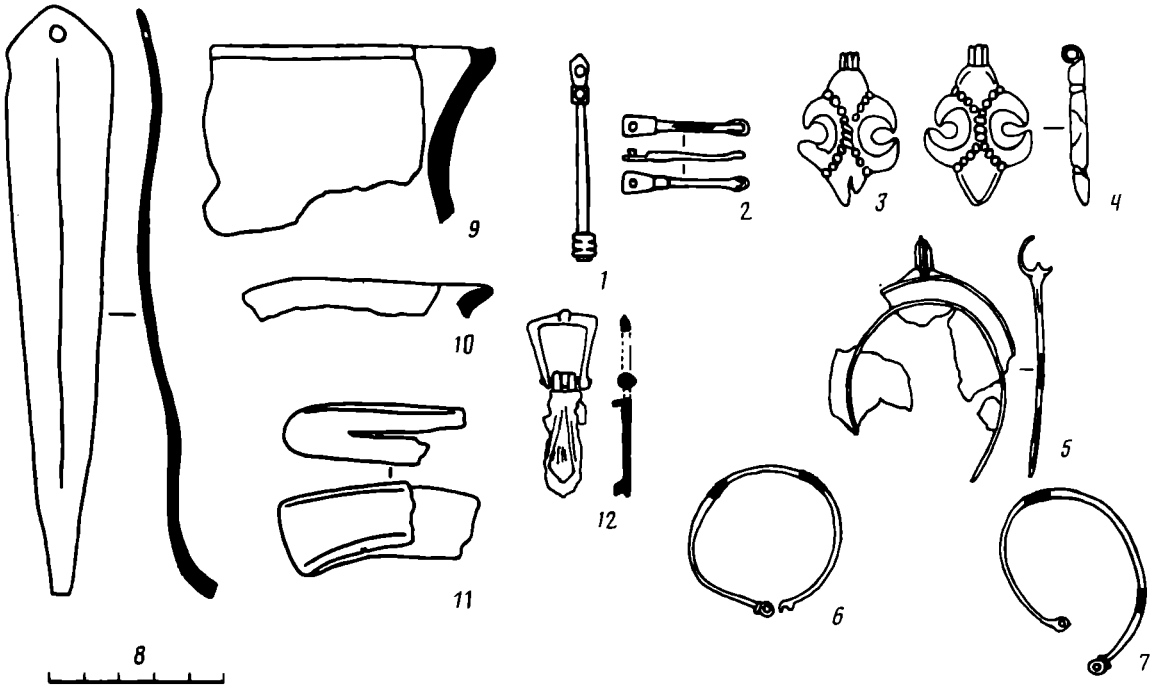


Рис. 6. Части весов (*1, 2*); криновидные подвески (*3, 4*); медальон (*5*); височные кольца (*6, 7*), блесна (*8*); фрагменты сосудов (*9, 10*); перекрестье меча (*11*); пряжка (*12*)

конструкции хорошо представлены, например, в киевских кладах, зарытых незадолго и в непосредственной связи с нападением монголов на Киев [28, клады 68, 70, 74, 79, 85, 86, 94, 97, 101, 105, 106, 147; 30, табл. 44] Из этой же постройки происходит и приведенная выше створка энколпиона с медальонами на концах креста. По-видимому, в жилище 23 обитали беженцы из Поднепровья, в связи с прибытием которых оно и было построено на упомянутой уже вымостке, как единственно возможном при очень плотной застройке территории детинца месте.

Части светильников-хоросов найдены в горизонтах 3 и 4 (рис. 4, *25, 26*). Бронзовый подсвечник с завитками напоминает подсвечники Хороса XII в. из Киева [41, табл. 7] Он обнаружен в загородке, примыкающей к постройке 19 горизонта 4. Массивная прорезная накладка, обломки которой происходят из горизонта 3, возможно, тоже была частью подобного светильника

Кроме перечисленных, в Торопце найдены и другие предметы из цветного металла.

Пуговицы. Согласно предположению М. В. Седовой, для застегивания меховой одежды служили свинцовые грузики дисковидно-конической формы, известные среди находок в древнерусских городах [11, с. 156—158] В Торопце в горизонте 2 найден такой грузик и форма для отливки ему подобных (рис. 1, *5*). Для застегивания рубах служили пуговицы иного типа — из бронзы, маленькие с круглым ушком. В горизонте 3 обнаружена такая пуговица, отлитая из оловянистой бронзы (рис. 4, *17*). По новгородской шкале такие пуговицы датируются в пределах XI—XV вв. [11, с. 155] Пряжка с подвижным щитком из бронзы обнаружена в горизонте 1 (рис. 6, *12*). Форма пряжки характерна для конца XIV в. [42, с. 107, рис. 96]

Меч: в горизонте 2 найден фрагмент изогнутого бронзового перекрестья (рис. 6, *11*). Форма и материал его более свойственны ранним образцам мечей, однако возможны и для XII—XIII вв. [43, с. 52, рис. 1, 10]

Блесна из горизонта 1 представляет собой металлическую пластину, конец которой переходит в крючок, который ныне обломан (рис. 6, *8*). Длина сохранившейся части 16,7 см. Блесна очень похожа на аналогичные предметы XI—XIII вв. из Новгорода, но в отличие от них сделана не из железа с медным по-

крытием, а целиком из бронзы [ср. 12, с. 77, рис. 64, 7]. А. В. Куза отмечает, что блесны этой формы использовались в качестве «дорожки» при ловле рыбы летом (44, с. 12).

В горизонте 2 найдены также детали равноплечных чашечных весов из оловянистой бронзы (рис. 6, *1, 2*). Весы такого типа применялись в торговле для взвешивания монет и, возможно, в ювелирном деле. Металлическая посуда представлена в горизонтах 1, 2, 4 и 5 незначительными деформированными обломками бронзовых котлов и двумя ушками от них (рис. 1, *9*).

Исследование Торопецкой коллекции изделий из цветных металлов и предметов, связанных с их обработкой, позволяет предполагать, что мастера-ювелиры работали в Торопецком детинце начиная по крайней мере с 40-х годов XII в. Они владели основными приемами обработки цветного металла, известными в это время древнерусским ремесленникам. Местная ювелирная традиция основывалась на использовании оловянистой бронзы. По-видимому, она была представлена небольшим числом мастеров. Торопецкие ювелиры изготовляли перстни, браслеты, нательные кресты, накладки, пуговицы, блесны, словом, многие их вещи, составляющие древнерусскую городскую материальную культуру. Возможно также, что в Торопце в XIII в. изготовлялись серебряные котлы по образцу киевских. При этом использовались привозные, по-видимому, матрицы. Так, по мере накопления фактического материала становится все более ясно, что производство всех этих предметов развивалось не только и, может быть, не столько в крупных центрах, сколько во многих средних городах, возглавлявших в экономическом и политическом отношении волости и небольшие удельные княжества. В Торопец попадали также и ювелирные изделия из других городов. Этому способствовало положение Торопца на скрещивание основных водных торговых путей, соединявших север и юг, восток и запад Восточной Европы. Здесь нашла свое отражение и специфика Торопца как среднего по своему масштабу древнерусского города, ремесленники которого обеспечивали основные запросы жителей города и округи, тогда как сложные в техническом отношении изделия и предметы роскоши привозили сюда из крупных ремесленных центров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // МИА. 1960. № 76.
2. *Корзухина Г. Ф.* О некоторых находках в древнем Торопце // КСИА. 1962. Вып. 87.
3. *Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.) // КСИА. 1963. Вып. 96.
4. *Малевская М. В.* Раскопки древнего Торопца // АО — 1965. М., 1966.
5. *Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г. // КСИА. 1967. Вып. 110.
6. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
7. *Малевская М. В., Фоняков Д. И.* Постройки древнего Торопца // СА. 1985. № 4.
8. *Фоняков Д. И.* Древний Торопец (IX—XVI вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., ЛОИА АН СССР, 1986.
9. *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // МИА. 1963. № 117
10. *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова (1954—1956) // АСГЭ. 1963. Вып. 4.
11. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981.
12. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.
13. *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978.
14. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск: Наука и техника, 1975.
15. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. 1940. Т. 6.
16. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I в. до н. э.— XIII в. н. э. М.: Искусство, 1977.
17. *Бочаров Г. Н.* Художественный металл Древней Руси. М.: Наука, 1984.
18. *Коновалов А. А.* Медные сплавы подмосковных курганов // Вестн. МГУ. Сер. ист. 1969. № 2.
19. *Коновалов А. А.* Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., МГУ 1974.
20. *Mugurevics E.* Olinkalna un Lokstenes Pilnovadi. Riga: Zinatne, 1977.
21. *Левашова В. П.* Височные кольца сельского населения X—XIII вв. // ТГИМ. 1967. Вып. 43.
22. *Petersen J.* Vikingetidens smykker? Norge. Stavanger, 1955.

23. Latvijas PSR Arheologija. Riga: Zinatne, 1974.
24. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981.
25. *Никольская Т Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
26. *Завитневич В. В.* Раскопки в Минской губернии // ОАК за 1892 г СПб., 1894.
27. *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР 1903. № 29.
28. *Корзухина Г Ф.* Русские клады. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
29. *Левашева В. П.* Браслеты сельского населения X—XIII вв. // Тр. ГИМ. 1967 Вып. 43.
30. *Недошивина Н. Г* Перстни сельского населения X—XIII вв. // Тр. ГИМ. 1967 Вып. 43.
31. *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Вып. 5. Киев, 1902.
32. *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
33. *Мугуревич Э. С.* Крестовидные подвески XI—XV вв. в Латвии // Archeologija un etnografija. T. II. Riga. 1974.
34. *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVII вв. // САИ. 1971. Вып. Е1-49.
35. *Корзухина Г Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси. // ВВ. 1959. Т 14.
36. *Медынцева А. А.* О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1961.
37. *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. I. Киев, 1899.
38. *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1900.
39. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
40. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв. // САИ. 1983. Вып. Е1-60.
41. *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Вып. 4. Киев: 1902.
42. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.
43. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли // САИ. 1966. Вып. Е1-36. М.; Л.: Наука, 1966.
44. *Куза А. В.* Рыбный промысел в древней Руси: Автореф. дис. канд. ист. наук: М., ИА АН СССР, 1970.

Ленинградское отделение
Института археологии АН СССР

D. I. FONYAKOV

NON-FERROUS METALS FROM TOROPETS (TYPOLOGY AND TECHNOLOGY)

Summary

The article is devoted to the materials excavated in 1957—1965 on Maloe Toropetskoe fortified settlement by Ya. V. Stankevich, G. F. Korzukhina and M. V Malevskaya. The collection of non-ferrous artefacts included ornaments, some objects connected with the Christian cult, detailes of weapons and artefacts of everyday use. These finds are typical for the material culture of Mediaeval Russian towns from the beginning of the 12th up to the end of the 15th centuries. The description of the typological distribution of the finds is accompanied by the data of spectral analyses. They were made in the Laboratory of the archaeological technology in the Leningrad branch of the Institute of Archaeology by V. A. Galibin. The complex method of investigation allowed the author to point out a group of imported artefacts and those evidently made by the local jewellers. They mastered the basic technologies which were in use in Russia of those period. Only the artefacts which demanded the most complicated technologies were imported from different centres. The situation seems to be a typical one for a medium — size Mediaeval Russian town like Toropets.

А. Г. ГЕРЦЕН, Ю. М. МОГАРИЧЕВ

МЕТОДИКА ВЫДЕЛЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕЩЕРНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРНОГО КРЫМА
(на примере Мангупа)

В кругу вопросов, связанных с изучением пещерных сооружений средневекового Крыма, особо выделяется проблема их хронологии. Как правило, в этих помещениях отсутствуют культурные отложения времени их функционирования. Трудно использовать даже датированные эпиграфические памятники, поскольку весьма сложно установить, относятся ли они к начальному или к одному из последующих этапов существования помещения. В связи с этим при изучении памятников скальной архитектуры особое значение приобретает анализ их размещения на территории поселения и соотношения с наземными сооружениями. Однако такой топографический метод может быть эффективно применен только на городищах, имеющих достаточно надежно датированные архитектурно-археологические комплексы.

В известной мере такому условию удовлетворяет городище Мангуп, исследования которого ведутся с перерывами с середины XIX в. [1]. За последние годы углубленному изучению подверглась оборонительная система, установлена ее структура, хронология отдельных укреплений и этапы существования крепости в целом [2]

Многие укрепления, входящие в состав крепостного ансамбля Мангупа, сочетают наземные оборонительные сооружения (стены, башни, наскальные боевые площадки) с вырубленными помещениями. Всего на плато насчитывается свыше сотни такого рода памятников. Особенно велика их концентрация на мысе Тешкли-бурун и на юго-восточной окраине плато. Эти памятники давно обращали на себя внимание исследователей. С XVI в. появляются упоминания о них в литературных источниках, в XIX — начале XX в. их описывают путешественники и ученые (П. С. Паллас, П. П. Кеппен, Ф. Дюбуа де Монпере, В. Х. Кондараки, Н. Н. Никольский, А. Л. Бертье-Делагард и др.) [1, с. 89—93]. Научное изучение и фиксацию пещерных сооружений, расположенных на оконечности мыса Тешкли-бурун, впервые провел Е. В. Веймарн в 1938 г. [3, с. 424—428] и продолжил в 1967—1973 гг. [4, с. 126—128]. В 1982 г. А. Г Герцен проанализировал пещерный комплекс мыса Тешкли-бурун и отнес создание большинства его сооружений к XIV—XV вв. [5, с. 35—38]. Однако до сих пор не уделялось специального внимания вырубным сооружениям, включавшимся в главную линию обороны крепости, возникшую в период раннего средневековья [2, с. 11—14]. Основанием для отнесения этих памятников к начальному этапу существования крепостных сооружений служат прежде всего историко-топографические наблюдения и конкретные особенности в конструкции пещер и технике их выработки.

Помещение 1 (рис. 1; 2, *1*) расположено на западном склоне мыса Елли-бурун на эспланаде перед фасом укрепления А. XV Эта ситуация порождала недоумение, поскольку ясно, что пещера ослабляла оборону данного участка, создавая укрытие на ближайших подступах к обороне. Однако открытие в 1973 г. постелей оборонительных стен на краю обрыва перед сохранившейся

© А. Г Герцен, Ю. М. Могаричев, 1991 г.

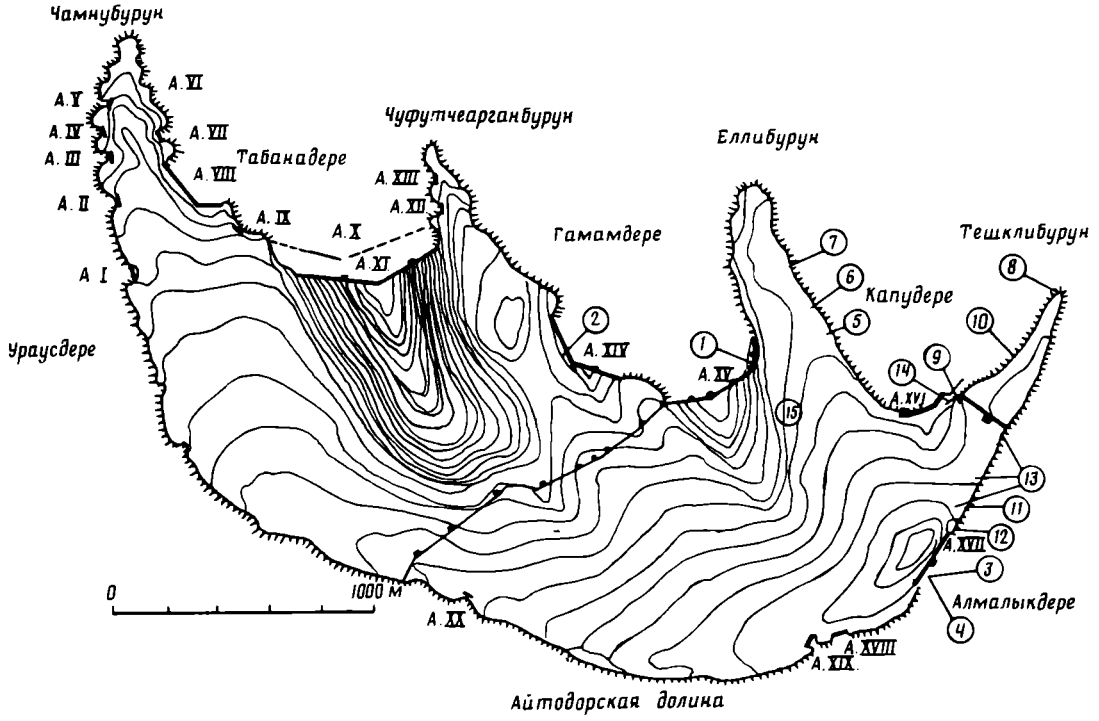


Рис. 1. Схема Мангупского плато. Римскими цифрами обозначены укрепления главной линии обороны, арабскими — номера пещер, упоминаемых в тексте

линией А. XV и соответственно перед помещением 1 позволило установить, что пещерное сооружение находилось за крепостной оградой и выполняло на этом участке вспомогательную роль, скорее всего являясь укрытием для караульных. После захвата Мангупа турками в 1475 г. была произведена существенная реконструкция его оборонительной системы. В частности, на западном фланге укрепления А. XV крепостная стена была перенесена выше по склону и возведена новая башня А.3, фланкировавшая предстенное пространство, в том числе и подходы к оказавшейся теперь перед стеной пещере. Помещение 1 имеет овальную в плане форму (4×2,8 м при высоте 1,6 м). Пол помещения и потолок, имитирующий коробовый свод, плавно, без резкой границы переходят к стенам. У южной и западной стен сохранились остатки скамьи шириной 0,25 и высотой 0,3 м. Входной проем помещения сильно разрушен и не сохранил первоначальных очертаний. Это привело к тому, что следы первоначальной выработки на стенах сохранились плохо, подвергшись сильной ветровой и температурной эрозии. Однако в ряде мест прослеживаются несколько хаотично расположенные косые борозды, проходящие сверху вниз под углом 35—50° к горизонту. Расстояние между ними 0,07—0,09 м (в дальнейшем такой тип обработки стен будет обозначаться Т.1). Помещение не имеет видимых следов каких-то существенных перестроек и, таким образом, принадлежит к первому этапу функционирования оборонительной системы.

Помещение 2 (рис. 2, *2*). На противоположном склоне ущелья Гамам-дере расположено укрепление А. XIV, защищавшее доступный для подъема участок склона мыса Чуфут-чеарган-бурун и устье впадающей в Гамам-дере Лагерной балки. Судя по результатам многолетних археологических исследований, эта укрепленная линия возникла во второй половине VI в., подверглась перестройке в IX в. и существенно реконструировалась в XV в. С тыльной стороны в 15 м от куртины «Б» находится пещерное сооружение, в плане близкое к квадрату со скругленными углами. Его размеры 3,3×3,0 м, высота до 1,9 м. Входной проем разрушен, современная его ширина 1,4 м. Вдоль южной и до половины западной стены проходит вырубная скамья шириной до 0,5 и высотой до 0,4 м. От юго-западного угла она начинает сужаться и в средней части западной стены сходит

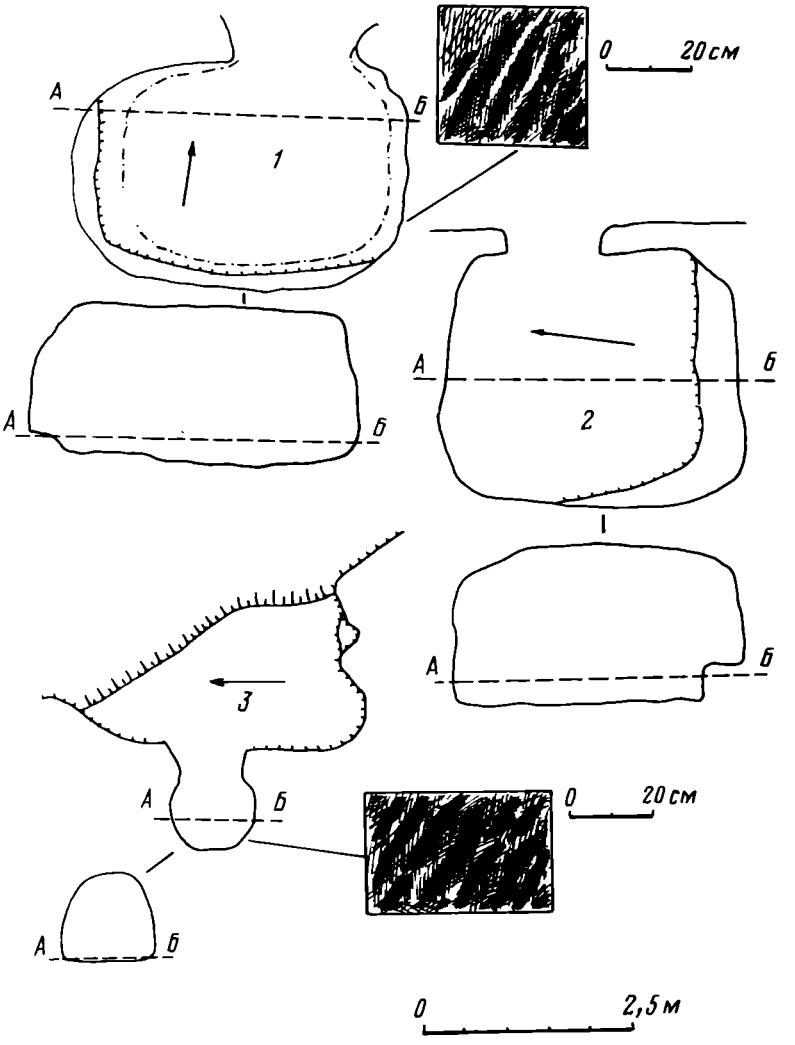


Рис. 2. План и разрезы пещерных сооружений Мангупа. *1*— помещение 1; *2*— помещение 2; *3*— помещение 5

на нет. Поверхность стен помещения выветрена, однако можно установить, что их обработка соответствует наблюдаемой в помещении 1, т. е. Т.1.

Помещения 3, 4 (рис. 3, *1*) расположены на южной окраине плато в районе укрепления А. XVII. Здесь отмечается ситуация, аналогичная рассмотренной выше с помещением 1. Первоначально пещерные сооружения располагались с тыльной стороны стены и служили для укрытия караульных. В турецкое время (вероятно, в начале XVI в.) раннесредневековая куртина была разобрана и перенесена выше по склону ближе к кромке плато, в результате чего пещеры оказались перед фасом обороны. Помещение 3 в плане имеет форму, близкую к кругу (4×3 м). Высота его 1,7 м; стены, плавно изгибаясь, переходят в потолок, имитирующий коробовый свод. В расположенное рядом помещение 4 пробит вход овальной формы, размером 0,75×1,1 м. Помещение это в плане овальное (3×1,7 м при высоте 1,8 м). Решение потолка то же, что и в предыдущей камере. Обработка стен обоих помещений соответствует типу Т.1. В помещении 4 на северной стене на высоте 1,25 м от пола высечен крест, вписанный в круг. Входные проемы имеют прямоугольную форму со слабо выраженным арочным завершением.

Три помещения раннего типа расположены на восточном склоне мыса Еллибурун над ущельем Капу-дере.

Помещение 5 (рис. 2, *3*) небольшое, имеет овальную в плане форму (1×
×1,25 м при высоте 1,2 м). Потолок имитирует коробовый свод. Обработка стен — Т. 1. Входное отверстие аналогично входу в помещение 3. Рядом с пе-

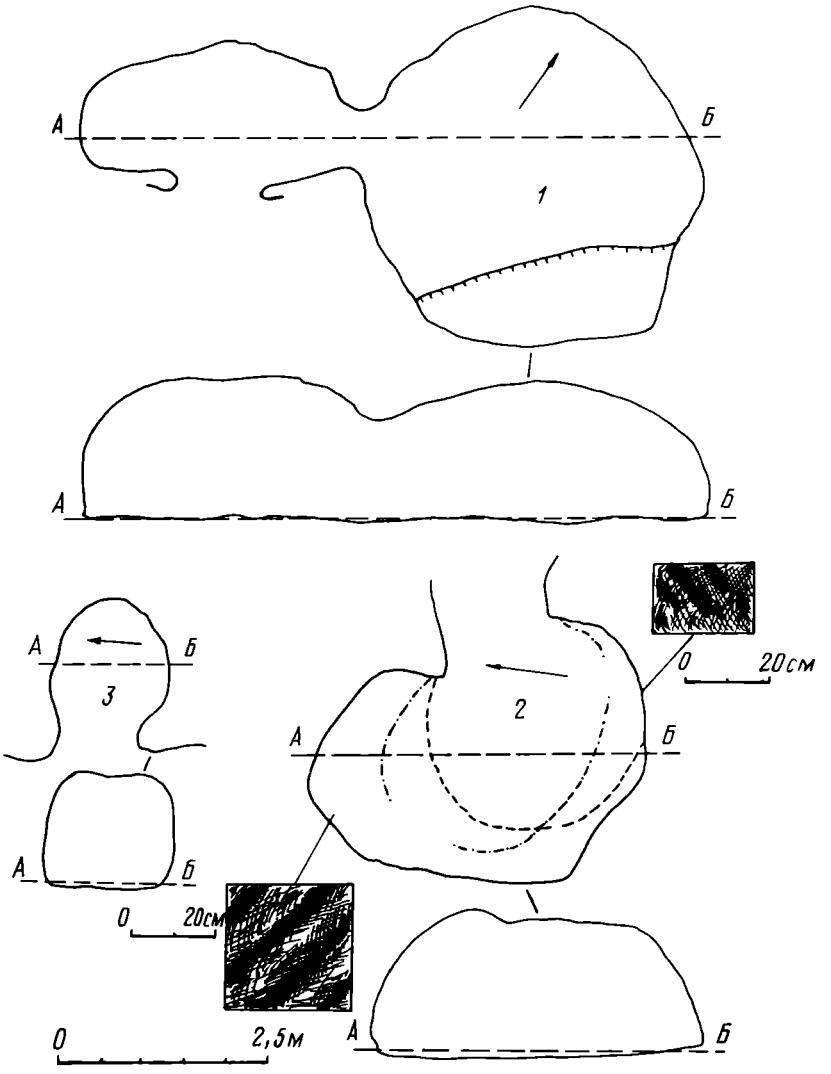


Рис. 3. Планы и разрезы пещерных сооружений Мангупа. *1*— помещения 3—4; *2*— помещение 6; *3*— помещение 11

щерой находится скальная площадка на краю обрыва, вероятно, использовавшаяся как наблюдательный пункт.

Помещение 6 (рис. 3, *2*) расположено к северу от предыдущего. Неправильной в плане формой оно обязано нескольким перестройкам, следы которых хорошо прослеживаются. Однако его первоначальный контур в виде овала и коробовый свод можно восстановить с достаточной уверенностью. Первоначальная часть помещения выделяется по разнице уровней потолка, вырубкам в полу и расположением дверного проема. Второй стоительный период был связан с расширением помещения. Дорубка почти полностью уничтожила следы предыдущей обработки стен, соответсвующей, вероятно, типу Т. 1. В настоящее время на стенах сохранились следы рубки в виде косых параллельных борозд, расстояние между которыми составляет 0,11—0,14 м (этот вариант обработки в дальнейшем будет называться Т. 2.).

Помещение 7, расположенное к северу от предыдущего, в настоящее время сильно разрушено, и о его особенностях судить трудно, однако ясно, что местоположением и функционально оно объединяется с вышеупомянутыми пещерами.

Пещерный комплекс на восточном краю мыса Елли-бурун имел, вероятно, дозорное назначение. Отсюда открывается вид на всю юго-восточную часть балки Капу-дере с укреплением А. XVI, защищавшим ее верховья. Именно здесь находились главные крепостные ворота, к которым вела единственная

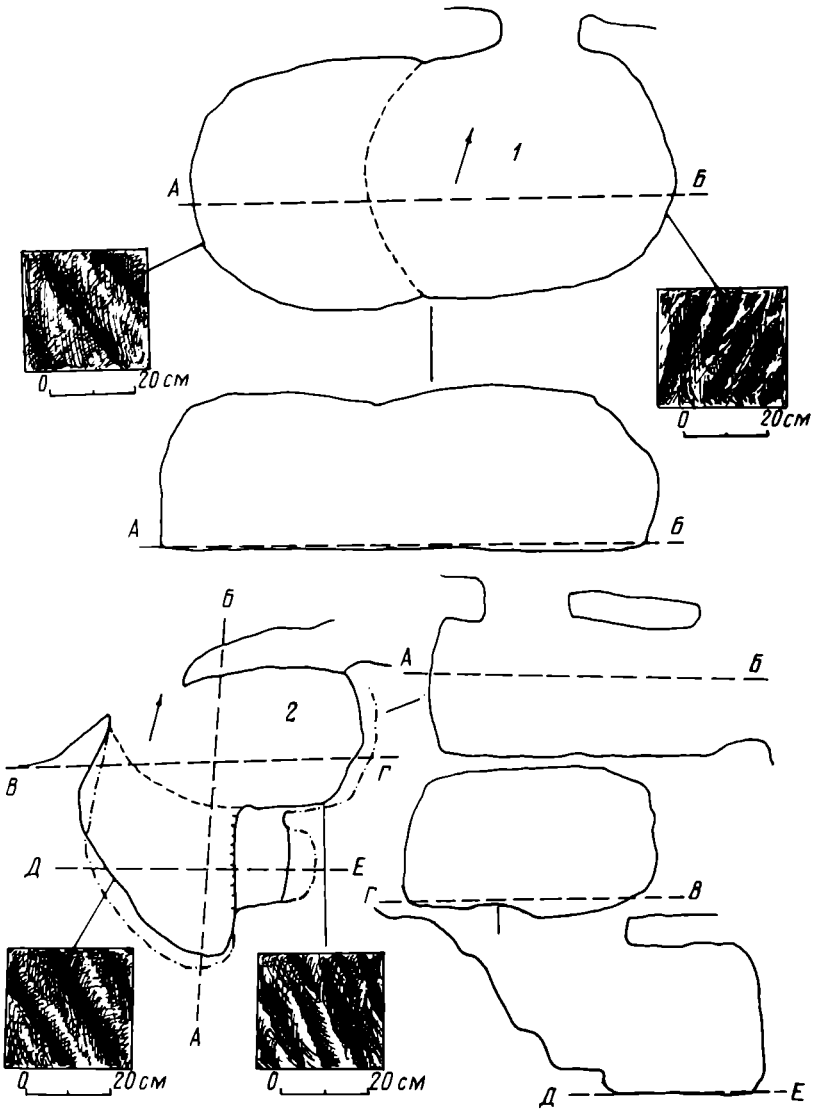


Рис. 4. Планы и разрезы пещерных сооружений Мангупа. 1 — помещение 9; 2— помещение 10

дорога, по которой возможен был въезд на плато; вьючные и пешеходные тропы были во всех трех северных балках и на южном склоне плато. Особенно важно было контролировать из крепости участок северо-западного склона мыса Тешкли-бурун между дорогой и подножием его обрыва. Это мертвое пространство лучше всего просматривалось с восточного склона Елли-буруна от района расположения пещер.

Контроль пространства под северо-западным склоном Тешкли-буруна должен был осуществляться и непосредственно с его плато. Поскольку контур этой части мыса представлял вогнутую линию, то лучшее расположение наблюдательных пунктов было бы по ее флангам. Несомненно, что такой пост с самого начала должен был находиться на оконечности мыса, где сейчас располагается двухъярусный пещерный комплекс Барабан-коба (рис. 1, *8*), венчавшийся в период жизни крепости наземной башней, следы которой сохранились на поверхности скалы. Однако в дошедшем до нас виде Барабанкоба относится ко времени создания цитадели, т. е. к XIV—XV вв. [5, с. 36—38]. Это не исключает, что в более раннее время здесь была наблюдательная площадка и пещерное укрытие, поглощенное затем расширением и строительством новых скальных помещений. Зато сохранилось помещение раннего облика у края обрыва в юго-западной части мыса над главными крепостными воротами. Вход

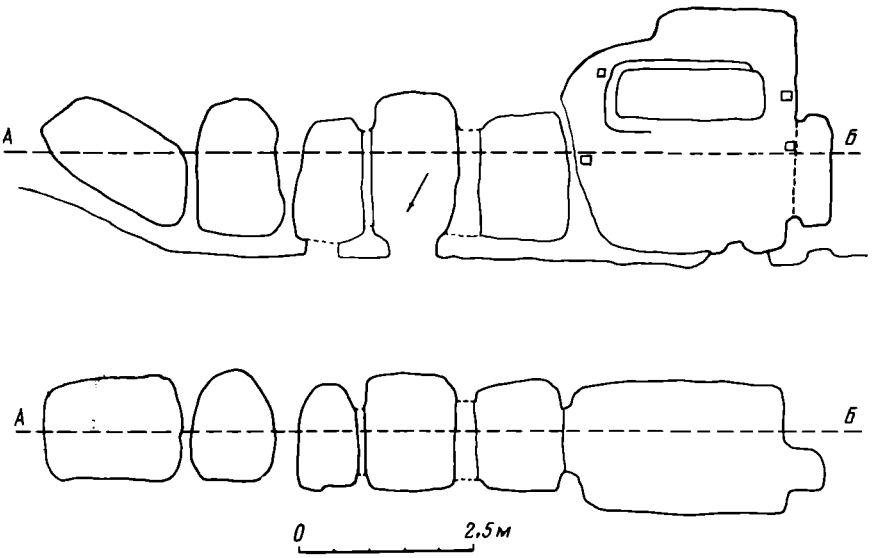


Рис. 5. План и разрез пещерного комплекса над главными крепостными воротами в балке Капудере

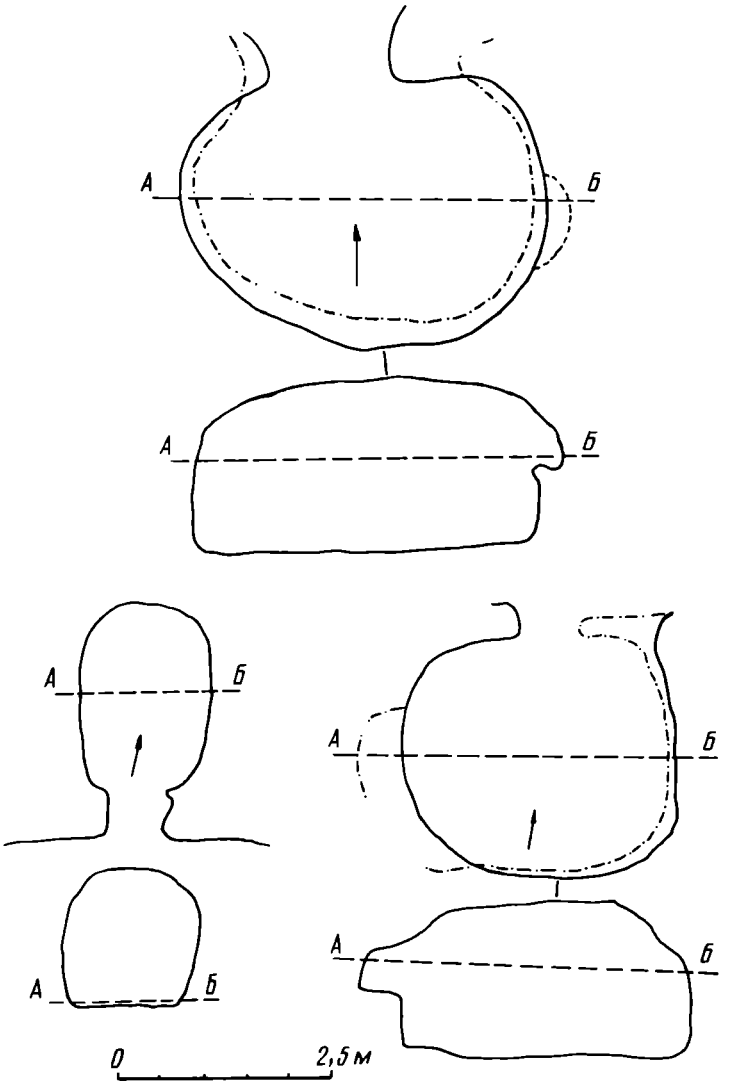


Рис. 6. Планы и разрезы скальных склепов в верховьях балки Гамамдере

в него находится в 4 м перед фасом куртины цитадели. Таким образом, здесь, как и в случае с укреплениями А. XVII и А. XV, расположение пещеры на эспланаде указывает на ее более раннюю, чем оборонительной стены, дату.

Помещение 9 (рис. 4, *1*), как и помещение 5, первоначально имело овальную в плане форму и потолок, имитирующий коробовый свод, входной проем прямоугольного очертания с арочным завершением (обработка Т. 1). В дальнейшем помещение было расширено. Обработка стен в дорубленной части также соответствует типу Т 1.

Помещение 10. Вероятно, в раннее средневековье на северо-западной окраине мыса Тешкли-бурун имелось еще несколько пещерных сооружений, разрушенных затем в XIV—XV вв. феодоритскими, а затем и турецкими строительными работами [5, с. 38]. Так, сохранились следы, по всей видимости, раннесредневекового помещения в пещерном сооружении 10 (рис. 4, *2*), впоследствии расширенного. И ранние, и более поздние сооружения служили здесь одной цели: контролю за последним участком главной колесной дороги, пролегавшим под обрывом мыса и подводившим к главным воротам в верховьях балки Капу-дере.

Помещения 11, 12. На южной окраине Мангупского плато можно выделить два помещения (11, 12) (рис. 3, *3*) раннего времени. Они предназначались для укрытия не более чем одного человека.

Ближайшей аналогией архитектурному типу рассмотренных пещерных сооружений являются вырубленные скальные склепы раннесредневекового времени, исследованные на южной окраине плато Е. В. Веймарном (рис. 1, *13*) [3, с. 420—424] и над главными крепостными воротами в Капу-дере (рис. 1, *14*; 5), а также склепы в районе источника в верховьях балки Гамам-дере (рис. 1, *15*; 6). Другие пещерные сооружения Мангупского городища, связанные с более поздними укреплениями и жилыми комплексами, имеют значительные отличия от рассмотренных памятников. Они требуют отдельной публикации.

Итак, выделенные нами пещерные помещения, синхронные раннему этапу существования оборонительной системы Мангупа и связанные с ней, исполняли в основном подсобные функции [6, с. 28]. Лишь помещения 9 и 10, вероятно, могли использоваться для активной обороны. Остальные же служили в качестве укрытий для караульных при оборонительных стенах (1—4, 12), для наблюдателей за близлежащей местностью и уязвимыми участками крепости (5—7, 11), для контроля колесной дороги (9, 10).

Общими признаками ранних пещерных сооружений являются: овальная или скругленная в плане форма, плавный переход от пола к стенам и от стен к потолку, в результате чего потолок имеет форму коробового свода, характерный тип вырубки помещений (Т 1), прямоугольный входной проем с дугообразной притолокой. В некоторых помещениях имеются гнезда для установки в верхней части дверного проема деревянного бруса, служившего, вероятно, для крепления завесы входа.

Внутрискальные помещения при ранних крепостных сооружениях Мангупа могут быть датированы концом VI— началом VII в., т. е. временем создания главной линии обороны [2, с. 13, 14], образцом для них послужили погребальные сооружения — склепы, представленные в большом количестве в раннесредневековых могильниках Юго-Западного Крыма. В то же время традиция высекания пещерных сооружений вообще и оборонительного назначения в частности имеет истоки на территории Византии [7, с. 30], примером чему служат раннесредневековые крепости Алисумаси [8, с. 484], Провадия [9, с. 30]; имеются оборонительные пещеры и в других крепостях, однако в связи со слабой их изученностью не всегда можно уяснить историческую топографию и хронологию этих помещений.

На Эски-кермене, Чуфут-кале, Тепе-кермене имеются памятники, аналогичные рассмотренным мангупским [10, с. 111], что позволяет использовать их для типологизации и хронологизации скальных сооружений на указанных городищах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герцен А. Г* История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск: Изд. Уральск. ун-та, 1983.
2. *Герцен А. Г* Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1984.
3. *Веймарн Е. В.* Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953, № 34.
4. *Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чореф М. Я.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев: Наук. думка, 1974.
5. *Герцен А. Г* Пещерный комплекс цитадели Мангупа // Проблемы методики охраны и реставрации пещерных комплексов: Тез. докл. междунар. симпоз. Ереван, 1982.
6. *Могаричев Ю. М.* О раннесредневековых фортификационных пещерных сооружениях в Таврике // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи: Тез. докл. конф. молодых ученых. Севастополь, 1987
7. *Эрнст Н. Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929, Т. 3.
8. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе // ИРАИК. София, 1901. Т. 6. Вып. 2—3.
9. *Овчаров Д.* Византийски и български крепости V—X вв. София, 1982.
10. *Могаричев Ю. М.* К вопросу интерпретации и датировки пещерных сооружений средневекового Крыма // Актуальные проблемы историко-археологических исследований на Украине: Тез. докл. Киев, 1987.

Симферопольский государственный университет
им. М. В. Фрунзе

Историко-архитектурный музей, Бахчисарай

A. G. GERTSEN, Yu. M. MOGARICHEV

ON THE METHODICS OF OUTLINING THE EARLY MEDIAEVAL CAVE CONSTRUCTIONS IN THE CRIMEAN MOUNTAINS (THE EXAMPLE OF MANGUP)

Summary

In same Mediaeval fortified settlements in the South-West Crimean Mountains artificial cave constractions are noticed. The questions of their dating have not been solved up to now. The authors of the article suggest some criterai for definition of the Early Mediaeval monuments of the type. These are torography, location of the constructions near some dated buildings and certain architectural characteristics, such as their plans and forms, three-dimentional solutions and the traces of the implements on the walls. The early cave constructions of Mangup should be dated to the end of the 6th—the beginning of the 7th centuries A. D. They were aimed to copy the sepulchres of that time and served as the guard-rooms nearby the fortifications and for watching the approaches to the fortress. The origin of building artificial caves should be probably looked for in the Byzantine Asia Minor

Заметки

И. В. СЕРГАЦКОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ИЛОВЛЕ

Предскифский период (IX—VII вв. до н. э.) в евразийских степях представлен очень небольшим количеством памятников, по большей части погребальных. Естественно, что в таких условиях каждый новый комплекс представляет громадный интерес для исследователей и требует быстрейшего введения его в научный оборот.

В 1989 г. экспедицией Волгоградского государственного университета в могильнике Барановка I, располагавшемся на правом берегу р. Иловли близ ж.-д. станции Петров Вал (Камышинский р-н Волгоградской обл.), в кургане 10 открыто погребение 11 предскифского времени [1]. Курган относится к эпохе бронзы и был самым большим в могильнике (высота свыше 4 м). Погребение располагалось в центре кургана, могильная яма имела в плане подпрямоугольную форму, длинной осью ориентирована по линии В-З. Ширина ямы в восточной части 0,5, в западной 1 м, длина 2,73, глубина — 2,6 м. В заполнении могилы встречались перегнившие деревянные плахи от перекрытия, уложенные вдоль нее, и камни. На дне у южной стенки лежал скелет мужчины 35—40 лет [2] вытянуто на спине, черепом на запад (рис. 1).

Все находки обнаружены в юго-западном углу ямы, у правого плеча погребенного. Здесь расчищены остатки кожаного колчана с бронзовыми, костяными, железными и деревянными наконечниками стрел с частично сохранившимися древками. Судя по их положению, колчан был поставлен в могилу в вертикальном положении. Рядом с колчаном, так же вертикально, стоял роговой резной стержень с двумя костяными кольцами. Там же острием на запад лежал железный наконечник копья (рис. 1).

В состав колчанного набора входили 52 бронзовых длинновтульчатых двухлопастных наконечника с асимметрично-ромбовидной головкой. Длина наконечников колеблется от 3,7 до 5,2 см (рис. 2, *1—12*). На одном наконечнике имеется выемка, на другом — отверстие (рис. 2, *11, 12*). Длина головок составляет чуть больше половины общей длины наконечников. Вместе с бронзовыми в колчане находились два железных наконечника. Один из них черешковый со штыревидной головкой (рис. 2, *13*), а второй втульчатый двухлопастной с ромбовидной головкой (рис. 2, *14*). Среди наконечников сохранились три аккуратно заточенных древка, являвшихся по сути стрелами, но без металлических или костяных наконечников. Длина их сохранившейся части 6,5—7 см (рис. 2, *16*). Там же обнаружен фрагмент деревянного штырька с поперечным кольцевым желобком, длиной 4 см (рис. 2. *15*). Возможно, это также остатки древка стрелы. И наконец, здесь же были четыре костяных квадратных в сечении наконечника с внутренней втулкой. Длина их 3 см (рис. 2, *17, 18*).

Термин «предскифское время» в приложении к Нижнему Поволжью довольно условен и обозначает лишь хронологический период IX—VII вв. до н. э. Я пользуюсь им потому, что термин «предсавроматский период» не кажется мне удачным во всех отношениях [1, с. 148].

[2] Определение младшего научного сотрудника ВолГУ М. А. Балабановой.

© И. В. Сергацков, 1991 г.

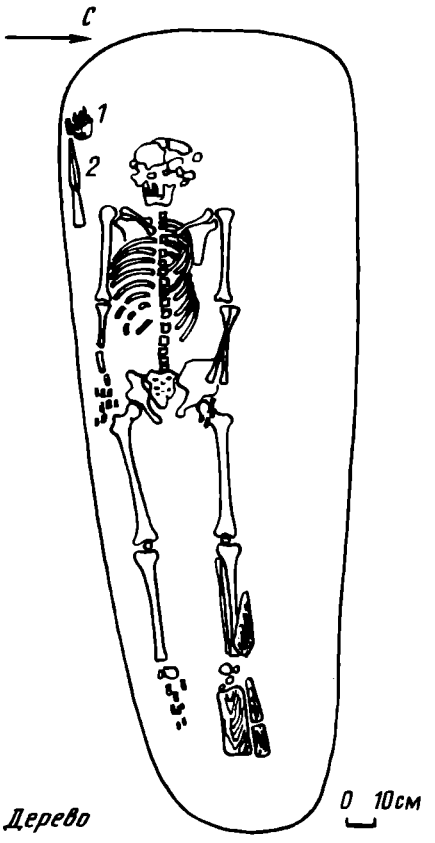


Рис. 1. Погребение 11. *1* — колчан с наконечниками стрел и роговой стержень с кольцами; *2* — железный наконечник копья

Роговой стержень в верхней части имеет петлю. На самом стержне вырезано три рельефных кольцевых пояса с концентрическими кругами. На верхнем поясе таких окружностей четыре, на двух других — по пять. На нижней части стержня проточено семь глубоких продольных желобков, а самый кончик его оформлен в виде прямоугольного выступа. Длина стержня 16,5 см. На его нижню часть были надеты два костяных кольца с орнаментом, идентичным тому, что помещен на поясках стержня. На кольцах имеется по четыре окружности. Резьба на стержне и кольцах инкрустирована красной краской (рис. 2, *20, 21*).

Железный наконечник копья имеет длинную втулку, в которой сохранились остатки древка, и перо лавролистной формы с четко выраженным ребром. Общая длина наконечника 32 см, длина пера составляет почти половину ее (рис. 2, *22*).

Находки из погребения 11 достаточно выразительны, они позволяют четко датировать весь комплекс и установить его этнокультурную атрибуцию. Главную роль в этом отношении играет набор наконечников стрел. Бронзовые наконечники все однотипные и относятся к новочеркасской группе, датированной В. А. Ильинской VIII— началом VII в. до н. э. [2, с. 24, рис. 8]. Железный втульчатый наконечник стрелы находит аналогии среди находок из погребения 10 кургана у с. Зольное [3, рис. 17, *20—22*] — одного из наиболее ярких комплексов новочеркасского типа. Черешковый наконечник оригинален, какие-либо аналогии ему мне не известны. Вместе с деревянными заточенными древками, т. е. стрелами без наконечников, он пополняет типологический ряд наконечников стрел предскифской эпохи. Костяные наконечники стрел не уточняют датировку барановского погребения, они существуют длительный период времени. Появившись в срубное время, доживают до IV в. до н. э., практически не изменяясь. Имеются такие наконечники и в новочеркасских памятниках [3, с. 135, рис. 17, *13*]. В. А. Ильинская ограничивала территорию распространения наконечников новочеркасского типа Северным Причерноморьем и Северным Кавказом [2, с. 26]. Находка их в погребении на Иловле заставляет пересмотреть эту точку зрения и включить в этот ареал и Нижнее Поволжье. Более того, на-

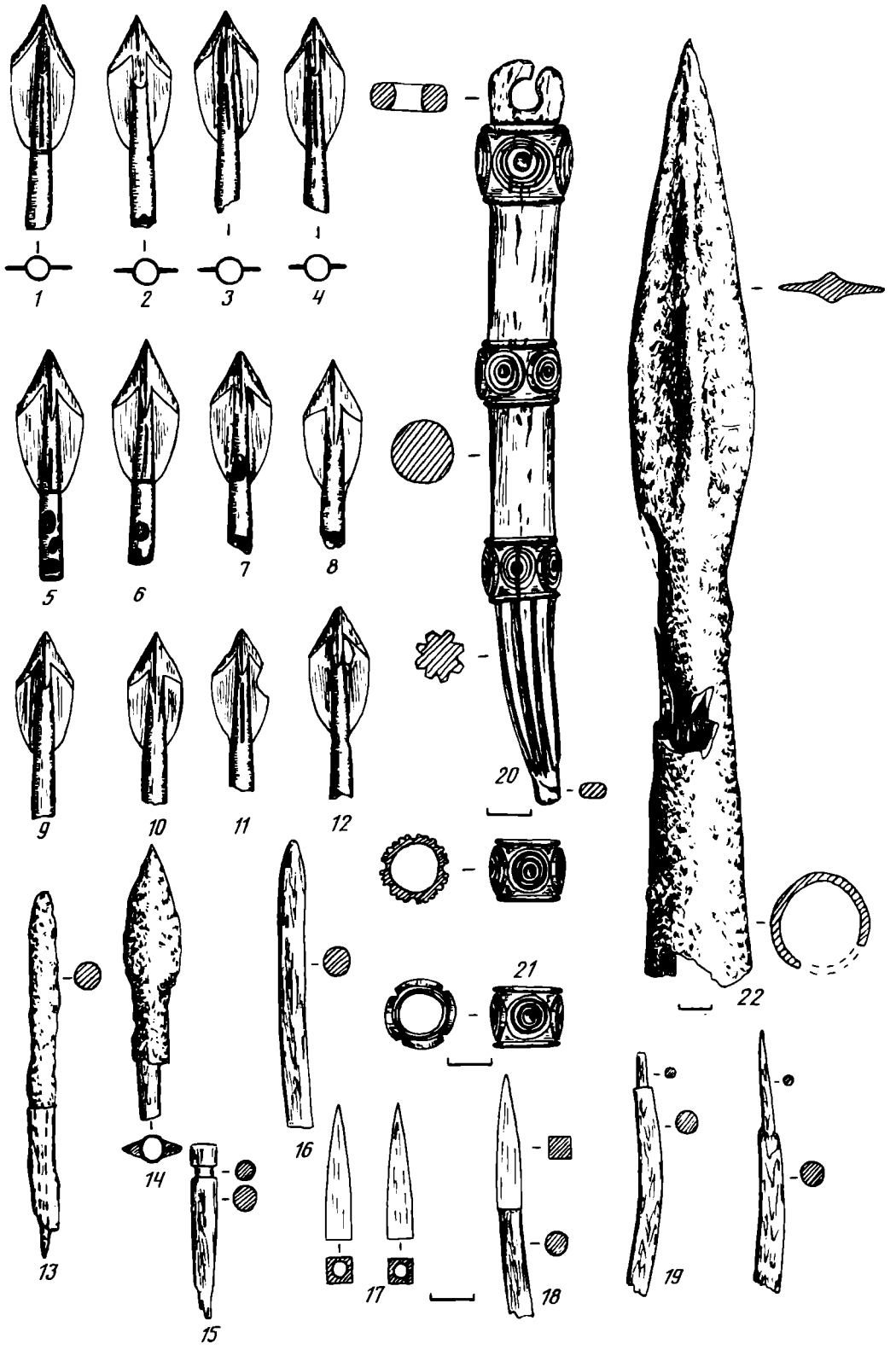


Рис. 2. *1—18*— наконечники стрел из колчана и фрагменты деревянных стрел, *19*— древки стрел; *20, 21*— роговой стержень с костяными кольцами; *22*— наконечник копья

личие бронзовых наконечников данного типа и в более восточных районах [4, рис. 6] позволяет расширить область их распространения и дает право считать их присущими не только Северному Причерноморью и Кавказу, но и значительной части евразийских степей. Правда, в степях восточнее Дона этот тип наконечников представлен пока в очень ограниченном количестве.

Большой интерес представляет роговой стержень с кольцами. Полных аналогий ему я не знаю, но орнаментальные мотивы и инкрустация резьбы красной краской, по словам А. И. Тереножкина, характерны для киммерийского искусства [3, с. 174—185]. Назначение самого стержня и колец непонятно. Судя по тому, что они находились при колчане, они, видимо, имели к нему какое-то отношение. Возможно, стержень выполнял функции колчанного крючка или декоративной застежки. В этом случае кольца могли служить стопорами или зажимами для ремешков. На роль рукоятки нагайки или псалия стержень претендовать не может — в этом случае назначение петли и колец, надетых на его нижний конец, было бы совсем непонятным.

И наконец, наконечник копья. По данным А. И. Тереножкина, находки наконечников копий, в том числе и железных, редки [3, с. 142] Довольно точная аналогия барановскому экземпляру имеется в Носачевском кургане, относящемся к памятникам новочеркасского типа [3, с. 79, рис. 45, *24*]

Таким образом, аналогии находкам из барановского погребения заставляют включить его в круг памятников новочеркасского типа. Это первый столь выразительный комплекс такого рода в Нижнем Поволжье. Обряд захоронения (вытянутое положение костяка с западной ориентировкой) не противоречит такой атрибуции погребения.

В вопросе о датировке и этнокультурной принадлежности новочеркасских древностей существуют разногласия. А. И. Тереножкин относил «новочеркасскую ступень» к середине VIII— середине VII в. до н. э. [3, с. 22], а А. М. Лесков определил время новочеркасских памятников концом VIII— началом последней четверти VII в. до н. э. [5, с. 147] Исходя из этих хронологических позиций, барановское погребение можно датировать VIII в. до н. э., не исключая, разумеется, и начала VII в. до н. э. Этнокультурная интерпретация новочеркасских памятников упомянутыми исследователями различна. Если А. И. Тереножкин связывал их с киммерийцами [3, с. 22, 186, 208], то А. М. Лесков — с ранними скифами [5, с. 151] Точка зрения А. И. Тереножкина, поддержанная в основных чертах В. И. Клочко и В. Ю. Мурзиным [6, с. 14], представляется мне более приемлемой — слишком мало общего между новочеркасскими и раннескифскими археологическими комплексами. Открытие погребения новочеркасского типа на Иловле подтверждает высказывание А. И. Тереножкина о включении волго-донских степей в ареал обитания киммерийских племен [3, с. 91]. Правда, в этом утверждении он основывался в основном на наличии здесь памятников черногоровского времени. К ним относится известное жирноклеевское погребение, открытое в 1981 г. захоронение у оз. Эльтон [7, с. 157] и ряд других [1, с. 148—152] Недавно О. Р Дубовская, картографировавшая комплексы с уздой новочеркасского типа, исключила их из степной зоны Северного Причерноморья. При этом она интерпретировала клады и случайные находки как собрания импортных изделий «преимущественно кавказского производства» и выразила сомнение в существовании такого явления, как «культура Новочеркасского клада» [8, с. 63—68]. Такой подход страдает однобокостью: уздечные принадлежности вырываются из всей суммы слагаемых этого культурного комплекса. Степные погребения новочеркасского типа, включая и барановское, противоречат этому мнению.

Воинский характер погребения из Барановки несомненен. Его можно связать с военными походами киммерийцев — носителей культуры Новочеркасского клада — в Нижнее Поволжье. Высказанная мысль, разумеется, не более чем гипотеза и требует дальнейшей проработки на более широком материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989.
2. *Іллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званного жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973. Вып. 12.
3. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
4. *Исмагилов Р. Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1988. Вып. 29.
5. *Лесков А. М.* О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
6. *Клочко В. И., Мурзин В. Ю.* О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
7. *Лукашов А. В.* Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
8. *Дубовская О. Р.* К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. 1989. № 1.

Волгоградский государственный университет

Н. Ф. ФЕДОСЕЕВ

ТРИ НОВЫХ КЛЕЙМА НА ТОНКОСТЕННЫХ СОСУДАХ

Доля клейм на тонкостенных сосудах в керамической эпиграфике весьма незначительна, и поэтому каждая новая находка вызывает пристальный интерес исследователей. В Причерноморье такие клейма известны из раскопок Фанагории [1, с. 28; 2, с. 16—20, рис. 5; 3, с. 6, рис. 5; 4, с. 64—72; 5, табл. 23, *2*, 23, *3*, 23, *6*], Мирмекия [6, с. 99, рис. 124], загородной усадьбы в Керчи [7, с. 64, рис. 7, *3*], Пантикапея [8, с. 61], Ольвии [9, рис. 21—22, 38]. Клейма с афинской агоры опубликовала В. Грейс [10]. И хотя все опубликованные клейма разнообразны по форме и по составу легенды, общим для всех них является их предназначение, в котором никто из исследователей не сомневается: сосуды, на которых они стояли, были мерными, а клейма служили гарантией емкости.

Публикуемые три новых клейма позволяют расширить коллекцию клейм на тонкостенных сосудах [1].

1. В Нимфейской коллекции Эрмитажа хранится клеймо, которое, судя по составу глины, несомненно, было изготовлено в Синопе (рис. 1, *1*) [2]. К сожалению, фрагмент с клеймом незначителен по размерам и не позволяет судить о форме сосуда. Не исключена возможность того, что клеймо находилось на горле амфоры, однако целый ряд обстоятельств заставляет предположительно отнести его к тонкостенной керамике: 1) толщина фрагмента несколько меньше амфорной керамики, тем более что амфоры того времени отличаются массивностью форм; 2) характер легенды клейма резко отличается от всех известных синопских амфорных клейм; 3) количество клейм, приходящееся на каждое имя астинома, столь значительно, что отнесение Формиона на публикуемом клейме к амфорным магистратам противоречило бы законам статистики; 4) косвенным аргументом может служить и находка в 1972 г. в Херсонесе синопского кувшина с круглым клеймом на ручке и надписью Φορ(μίωνος) [3]

Клеймо прямоугольное (32×21 мм), левый верхний угол отбит, однако смещение верхнего имени вправо и присутствие вертикальной линии перед

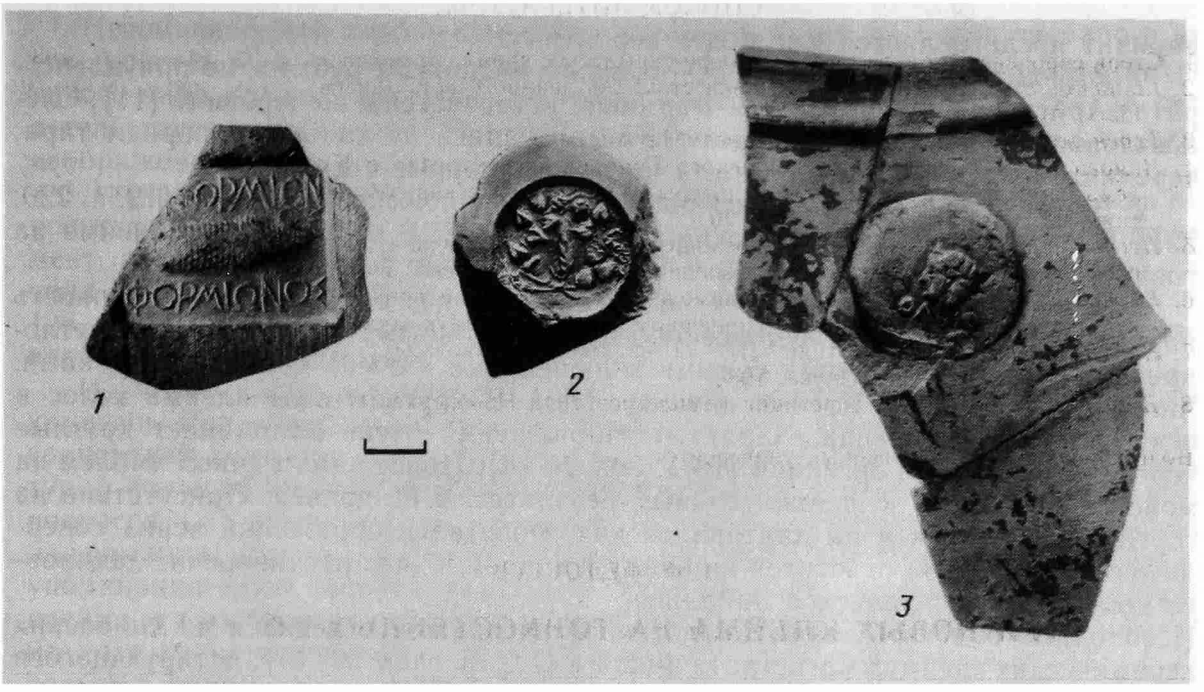
---

[1] Я благодарен О. Ю. Соколовой, А. А. Масленникову и К. К. Марченко за предоставленную возможность опубликовать эти клейма.

[2] Нимфей, 1941 г., № 169; Эрмитаж, № 1095.

[3] ГХЗ, № 14/36882.

© Н. Ф. Федосеев, 1991 г.



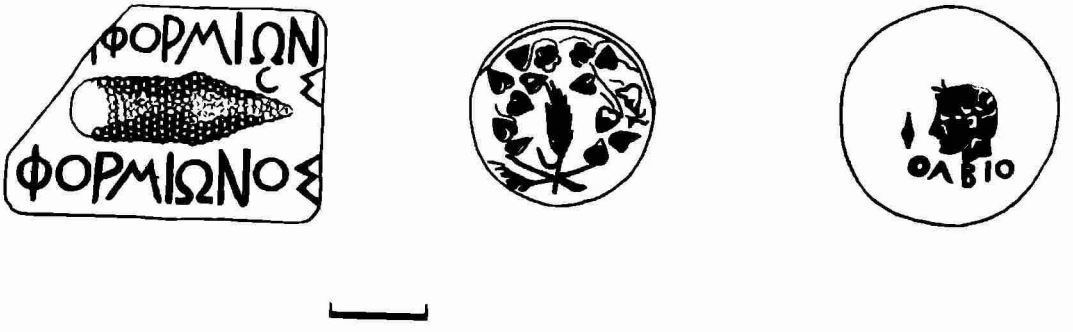


Рис. 1. *1*— синопское клеймо; *2*— горгиппийское (?) клеймо; *3*— ольвийское клеймо (фото и прорисовки)

именем, являющейся фрагментом буквы ипсилон, позволяет уверенно реконструировать легенду клейма:

['επ]ὶ φορμίων|ος

кедровая шишка?

Φορμίωνος

Сравнение с амфорными клеймами показало, что наиболее близкими по типу построения легенды являются клейма самых первых синопских магистратов Ендема и Диониса, однако необычное расположение эмблемы свидетельствует о подражании фасосским и гераклейским клеймам, бытовавшим в конце IV в. до н. э. Если имя Формиона среди магистратов неизвестно, то Формион-гончар встречается в I хронологической группе с магистратами Ендемом, Гистием, Аристоном и Филоником. Таким образом, хронологически это клеймо соответствует датировке начала I хронологической группы —360-е годы до н. э. Наличие предлога 'επὶ на керамических клеймах не дает оснований считать Формиона эпонимом. Возможно, что Формион входил в коллегию астиномов, контролировавших каждый свою область керамического производства. Таким образом, можно предположить, что магистрат Формион сосуществовал с астиномами I хронологической группы, однако не исключена возможность, что магистратура Формиона предшествовала астиномному клеймению амфор. Второй

вариант представляется мне более вероятным.

Формион-гончар известен в основном по амфорным ручкам, но при магистратах Аристоне и Филонике имя Формиона встречается и на черепице [11]. Следовательно, в мастерской Формиона выпускалась не только амфорная тара, черепица, но и столовая посуда, в частности мерные сосуды.

2. В 1984 г. при исследовании поселения Генеральское Западное [12, с. 220, 221] Восточно-Крымской экспедицией ИА АН СССР было найдено клеймо на тонкостенном сосуде (рис. 1, *2*) [4].

Клеймо оттиснуто у нижнего основания ручки, однако фрагментарность находки не дает возможности реконструировать форму сосуда. Глина светло-красная с мелкими редкими белыми включениями и очень мелкими блестками. Ангоб темно-желтый. Клеймо анэпиграфное. В круглом поле клейма колос в венке из листьев плюща. Характер изображения очень напоминает круглые черепичные клейма Горгиппии [13, с. 303, № 14] Поиск аналогичных эмблем на монетах Горгиппии к положительным результатам не привел. Присутствие на горгиппийских, как и на пантикапейских, монетах изображений венка совершенно другого типа относится к началу I в. до н. э., что противоречит датировке комплекса Генеральское Западное.

Необходимо отметить также аналогичное изображение венка и на синопских керамических клеймах магистрата Филона [14; 15, табл. 11, *13*], датирующегося последней четвертью IV в. до н. э. И все же поразительное сходство с горгиппийскими черепичными клеймами позволяет, хотя и априорно, предположить, что местом производства этого сосуда была Горгиппия.

3. Третье публикуемое клеймо было обнаружено при раскопках в 1986г. поселения Козырка XII, расположенного на берегу Южно-Бугского лимана [5]. Клеймо оттиснуто на стенке сосуда из светло-оранжевой, хорошо отмученной глины с очень редкими и мелкими блестками, по фактуре чем-то напоминающей глину Родоса и покрытой красно-бурым лаком (рис. 1, *3*).

Сохранившиеся три фрагмента не поволяют судить о форме сосуда. Предположительно это был кубок. Центр изготовления этого сосуда сомнений не вызывает — это Ольвия. На клейме изображена голова Аполлона в венке (городской символ Ольвии) влево и надпись 'Ολβίο. Изображение Аполлона в другой трактовке и в более позднее время (II в. до н. э.) зафиксировано на глиняном штампе из собрания Одесского музея [16, с. 143, рис. 1, *2*]. Изучению керамического производства в Ольвии посвящен целый ряд работ [5, с. 36—45; 17, с. 171—185; 18; 19, с. 184—207; 20, с. 110—124]. Известно несколько и клейменых сосудов из раскопок ольвийской агоры [9, с. 62—63], однако опубликованные клейма значительно отличаются от описываемого клейма. Если в тех клеймах присутствует только имя, то клеймо из Козырки XII имеет сходство с монетами Ольвии. Характер самого клейма заставил первоначально предположить, что оттиск сделан монетным штампом. Подобные случаи использования монет в керамике известны [21, с. 73—86; 22, с. 228—229]. На опубликованных монетах подпись 'Ολβίο присутствует, как правило, на реверсе, а голова Аполлона на аверсе, причем в обратную, чем на клейме, сторону — вправо [23, 24]. Наиболее близкая аналогия — изображение на свинцовой гире из раскопок Ольвии [25, табл. 66, *4*] Характер изображения позволяет предположить, что штамп для сосуда и штамп для гири был выполнен одним резчиком. В легендах обоих клейм слева от профиля Аполлона изображен предмет, который сначала был принят за изображение рыбы, однако более четкий оттиск на гире заставил меня изменить это мнение. Предмет перед головой Аполлона было бы правильным трактовать как изображение стреловидных монет (ἄρσις) или, точнее, монет типа стрелорыба [24, с. 31, рис. 3, *1—5*], датирующихся концом VI— первой половиной V в. до н. э. [23, с. 8; 24, с. 30].

---

[4] ВКАЭ, 1984 г., № 149.

[5] Козырка XII, 1986 г., № 49; Ольвийский заповедник.

Несомненно, что изображение стреловидных монет на гирях связано с весовой системой, и, вероятно, гиря с этим изображением является эквивалентом какого-либо количества стрел, а изображение стрелы на мерном сосуде свидетельствует только о единой метрологической системе. Интересен и сам факт изображения давно вышедших из употребления монет.

Датировка публикуемого клейма на сосуде по аналогии с гирей должна относиться к III в. до н. э. Археологический комплекс, где был найден этот фрагмент, датируется весьма широко [25], в том числе присутствует материал начала III в. до н. э. Наиболее близкая аналогия монет датируется III в. до н. э. [26, табл. 120, *4*]. Таким образом, предположительно время изготовления клейма — первая половина III в. до н. э.

Изучение клейм на тонкостенных сосудах не ограничивается их публикациями. Ряд вопросов, связанных с метрологией, городскими культами, организацией контроля торговой деятельности, структурой городских магистратур, в большей степени остаются сегодня неисследованными. Постановка этих вопросов и их решение станет возможным после накопления соответствующей информации, однако уже сейчас можно отметить ряд моментов: а) помимо упоминания имен соответствующих магистратов на мерных сосудах нередки клейма и с изображением эмблемы полиса; б) находки клейм мерных сосудов на хоре свидетельствуют о широкой торговой деятельности на местах, а не только в полисе; в) появление практики клеймения мерных сосудов в различных центрах примерно в одно и то же время, возможно, свидетельствует о широких межполисных экономических связях и, вероятно, является следствием участия в каком-либо экономическом союзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блаватский В. Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг.// МИА. 1951. № 19.
2. *Кобылина М. М.* Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ // Памятники искусства: Бюл. ГМИИ. 1947. № 2.
3. *Зеест И. Б.* Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны // Памятники искусства: Бюл. ГМИИ. 1947. № 2.
4. *Никулина Н. М.* Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории // ВДИ. 1981. № 4.
5. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // САИ Г1—20. 1966.
6. *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий II. Варшава, 1959.
7. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города. Л.: Наука, 1981.
8. *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.// МИА. 1962. № 103.
9. *Леви Е. М.* Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху // МИА. 1956. № 50.
10. *Grace V.* Stamped Amphora Handes Found in 1931—1934// Hesperia. 1934. III.
11. IOSPE III. № 160, 544, 554.
12. *Федосеев Н. Ф.* Амфорные клейма из раскопок поселения Генеральское Западное // Тез. докл. Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988.
13. *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1935. Т. 104.
14. IOSPE III. № 7788—7794.
15. *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепице Эрмитажного собрания. Пг, 1917.
16. *Кузьменко В. И.* Античные глиняные штампы из коллекции Одесского государственного археологического музея // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1962. 4.
17. *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа «И» // Ольвия I. Киев, 1940.
18. *Кульская О. А.* Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий // Ольвия I. Киев, 1940.
19. *Зайцева К. И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени // Тр. ГЭ. 1962. VII. № 3.
20. *Зайцева К. И.* Ольвийские кубки и канфары VI—IV вв. до н. э.// Тр. ГЭ. 1984. XXIV.
21. *Пругло В. И.* Монеты в античной керамике // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1962. 4.
22. *Garlan Y* Quelgues nouveaux Ateliers amphoriques à Thasos // Bulletin de correspondance hellénique. Suppl. XIII. Recherches sur les Amphores Grecques. P 1986.
23. *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
24. *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988.
25. *Марченко К. К., Головачева Н. В.* Отчет о работе Нижнебугского отряда Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1986 г. Л., 1987 (рукопись).
26. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.

Керченский государственный историко-культурный заповедник

О. В. ДЬЯКОВА

ГЛИНЯНЫЙ ГОНЧАРНЫЙ КРУГ ИЗ ПРИМОРЬЯ

В 1977 г. при раскопках Ананьевского городища в жилище № 18 был обнаружен керамический сосуд оригинальной формы, определенный как светильник и отнесенный к числу ритуальных [1] [1, с. 27; 2, с. 70]

Изделие оказалось разбитым, фрагменты залегали на полу жилища в двух неглубоких ямах. Кроме этой находки в жилище встречены плоское в сечении кольцо из бронзы, железный замок, обломок ключа, стержень с петелькой, пробой, обломок пластины, видимо, нож; три сунских и одна ханьская монета. Предложенный перечень свидетельствует, что основная часть находок: замок, ключ, стержень с петелькой и пробой — связаны с дверным устройством. Остальные: сосуд, пластина, монеты — бытовые вещи. Само жилище было в плане прямоугольным, площадью 38 м^2, имело отопительную систему в виде трехканального Г-образного кана [1, с. 27].

Керамический сосуд представлял собой превернутый вверх дном таз с прямыми стенками (рис. 1, 2). Изделие серого цвета, обычного для круговой посуды средневековых культур Дальнего Востока. Верхняя покрышка в плане круглая, диаметр 32 см. Высота сосуда 14, диаметр донной части 31, толщина стенок 0,8—1 см.

Верхняя покрышка плоская, но в 2—3 см от края имеет едва заметное, 2—3 см, понижение к центру. Поверхность ее заполирована до блеска, очень гладкая на ощупь. В то же время участок вблизи края (3—4 см) выделяется более темной поверхностью, на нем заметны тончайшие круговые бороздки, появление которых явно связано с использованием покрышки в качестве вращающейся рабочей площадки (рис. 2, *1*).

В центре покрышки расположен круглый в плане резервуар диаметром 5,5 см, впущенный в полость сосуда на 6 см. Сверху резервуар окаймлен ободком, выступающим над поверхностью на 1—2 см. Внутри ободок нависает над стенкой в виде козырька. В разрезе резервуар параболоидный.

Книзу стенки изделия слабо сужаются (на 1 см) и завершаются обращенными внутрь губками-выступами (рис. 2, *2*). Нижний край стенок овальный, без следов залощения, но с отдельными участками поперечных и косых рисок. Следовательно, низ стенки и поверхность постоянно друг с другом не соприкасались.

В 0,5 см от верхнего края покрышки стенки опоясывает желобок, выполненный еще во время выделки сосуда (глубина желобка 0,3—0,4, диаметр 0,4 см). Характерная заглаженность ложа желобка свидетельствует о том, что в нем была закреплена веревка. Стенки сосуда имеют четыре прорези, выполненные по сырому тесту. Две прорези расположены строго друг против друга. В плане они полулунной формы с прямым верхом (длиной 12,5—13 см), дугообразным низом (диаметр прорези 2,7 см). Отверстия расположены в 3,5 см ниже кромки покрышки. Края прорезей заглажены и залощены. Очень удобны для рук. Третья прорезь размещена в 6,5 см ниже края покрышки. В плане она круглая, диаметром 5,5 см. Над ней расположен дополнительный вырез в форме стрелы, края которого тоже залощены (рис. 1, *2*). Похоже, что третья прорезь предназначалась для закрепления в ней деревянной палки. Между желобком, расположенным под крышкой, и стреловидным отверстием прослеживается вертикальная затертость. Видимо, палка и веревка в желобке были соединены между собой. Значительная фрагментированность не позволяет точно

---

[1] Автор приносит благодарность В. А. Хореву за любезное предоставление неопубликованного материала.

© О. В. Дьякова, 1991 г.

Рис. 1. Глиняный диск с Ананьевского городища. *1*— вид сбоку, полулунные прорези; *2*— вид сбоку, круглая прорезь

определить форму четвертого отверстия. Можно лишь отметить, что один его край был прямым, а само отверстие находилось почти напротив круглого выреза.

Изделие выполнено из каолиновой ожелезненной глины с добавлением небольшого количества отсеянного песка. Лепка производилась спирально-жгутовой техникой на круге. Следы налепа заметны на внутренней стороне, так как поверхность оказалась просто заглаженной на круге и никакой дополнительной обработке не подвергалась. Ни снаружи, ни внутри изделия нет пищевого нагара или закопченности. Обратим внимание еще и на то, что внутренняя полость вследствие остутствия следов работы практически сохранила первоначальный вид. Исключением является только маленький участок на покрышке вблизи резервуара, где прослеживается затертость. Видимо, затертость была вокруг всего резервуара, но, к сожалению, при реставрации сосуда именно он наиболее пострадал, так как оказался не просто загипсован, но еще и покрыт лаком. Поэтому его настоящая поверхность нам неизвестна, хотя это чрезвычайно важный факт для определения функционального назначения изделия.

Комплекс признаков: отсутствие нагара, залощенностей на нижней кромке стенок, использование верхней покрышки в качестве вращающегося устройства,

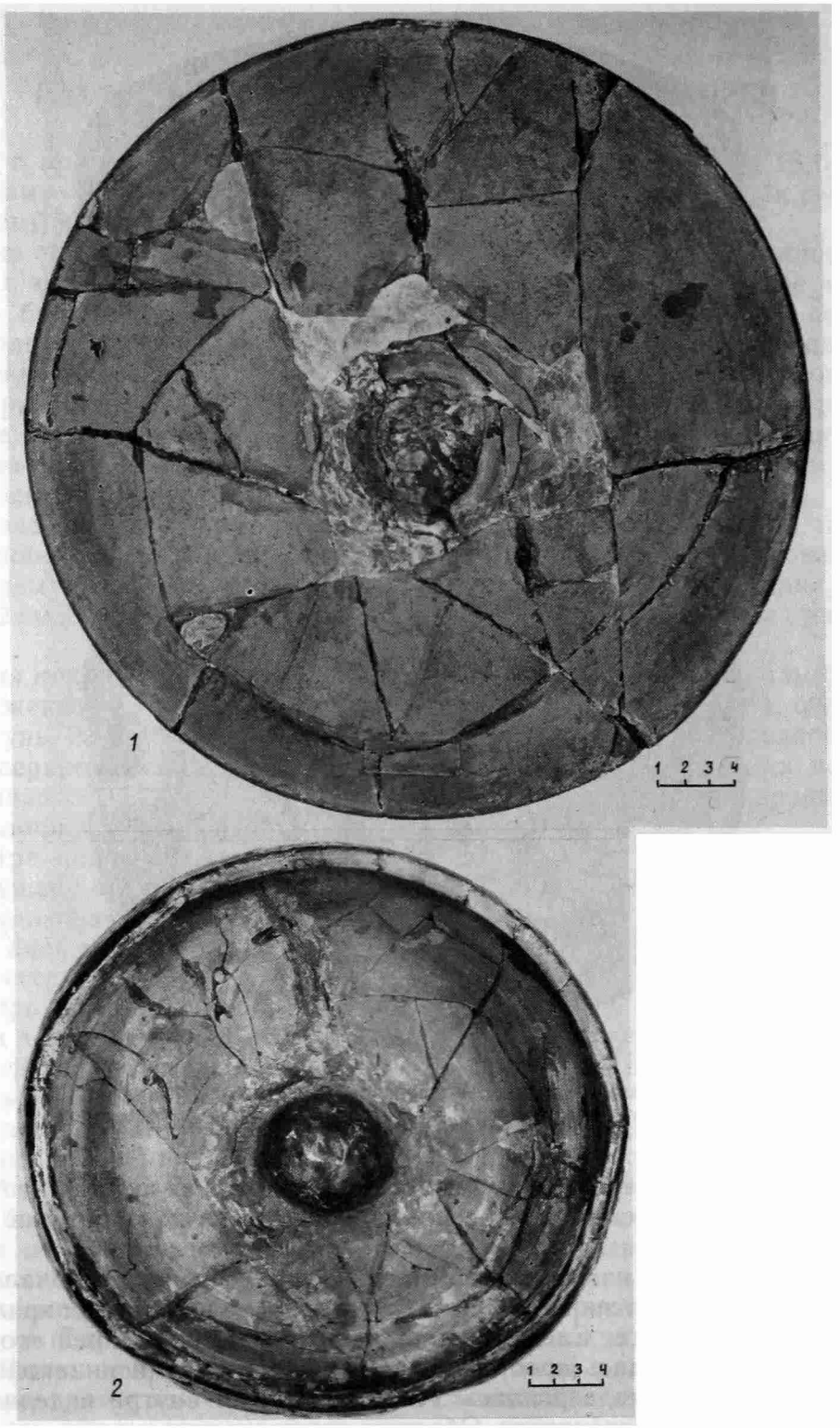


Рис. 2. *1*— верхняя поверхность покрышки глиняного диска, в центре резервуар; *2*— глиняный диск, вид изнутри

а также крупный размер изделия и наличие каких-то специальных крепежных деталей в виде отверстий, желобков и т. п.— позволяет думать, что данный сосуд не являлся светильником.

Поиск аналогий в этнографическом и археологическом материалах сопредельных территорий дает основание полагать, что керамическое изделие из жилища № 18 Ананьевского городища применялось в качестве верхнего диска гончарного круга.

В литературе опубликованы разные типы гончарных станков: каменный, деревянный, глиняный. В Японии глиняный гончарный круг исследователям неизвестен, но точно такой же диск, только каменный, с аналогичным расположением отверстий служил деталью ручной мельницы. В Северном Китае глиняный круг сохранился вплоть до XX в. [3, с. 47]. По внешнему виду он напоминает наше изделие. К сожалению, принцип соединения глиняной столешницы с осью круга детально не описан. Однако он вряд ли имел большие отличия от системы соединения, характерной для каменных и деревянных кругов. Японский и китайский круг всегда состоял из трех частей: столешницы-диска, цилиндра и оси. По свидетельству Ян Юаня, наблюдавшего работу ручного круга в 1984 г. в провинции Юньнань коммуны Цзюйлинь уезда Юань моу, станок выглядел следующим образом: «Гончарный круг изготовливается из дерева, диаметр верхнего диска 59 см. Устройство простое: у вращающейся части есть втулка оси. На втулку вставляется деревянный столбик. Столбик вкапывается на глубину 30 см и таким образом закрепляется. Поверхность круга находится очень близко к земле — 10 см. Работающий сидит на земле...» [4, с. 848—852] Аналогичные данные, но для более раннего времени приводит Р А. Ксенофонтова: «Деревянная ось для китайских станков укреплялась на дне ямы в земле так, что рабочая часть, надеваемая на нее, оказывалась опущенной в яму и верхняя плоскость столешницы располагалась почти на одном уровне с полом мастерской. Гончар работал сидя перед станком на земле...» [3, с. 47]

Система расположения отверстий в стенках изделия Ананьевского городища, характер следов сработанности, форма предмета позволяют предложить следующую реконструкцию устройства круга: в одной из ям жилища была укреп-

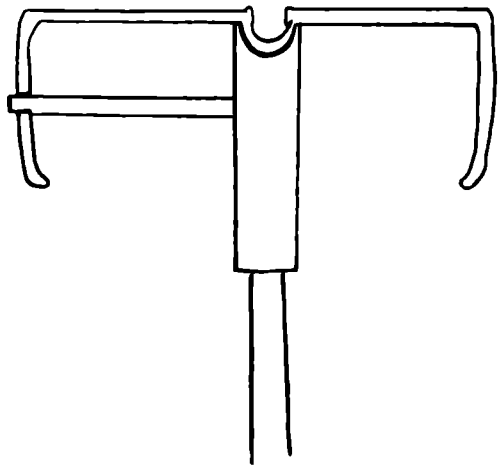


Рис. 3. Реконструкция устройства круга

лена деревянная ось; на ось надевалось вращающееся устройство — деревянный цилиндр (втулка); в цилиндр вставлялся резервуар диска-столешницы (именно поэтому на столешнице рядом с резервуаром есть затертости); в круглое отверстие боковой стенки была ставлена палка, которая соединяла и укрепляла столешницу в цилиндре. Кроме того, столешница к палке привязывалась веревкой (рис. 3)

Таким образом, приведенный материал позволяет думать, что жилище № 18 принадлежало гончару-ремесленнику, использовавшему для работы станок ручного типа с глиняным диском-столешницей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хорев В. А.* Отчет об археологических исследованиях на Ананьевском городище в Приморском крае в 1977 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6662.
2. *Тупикина С. М.* Керамика чжурчжэней XII — начала XIII в. и ее классификация // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.

3. *Ксенофонтова Р. А.* Японское традиционное гончарство XIX — первой половины XX в. М.: Наука, 1980.
4. *Ян Юань.* Искусство изготовления сосудов на медленном круге в Цзюйлинь уезда Юаньмоу провинции Юньнань // Каогу. 1987 № 2 (перевод с кит. А. Л. Ивлиева).

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения АН СССР

А. И. МИНЖУЛИН

БРАСЛЕТ-НАРУЧ И КОЛТЫ ИЗ КЛАДА 1908 г. У С. СТАРАЯ БУДА

В мае 1989 г. автором при обследовании фондов Харьковского исторического музея были обнаружены две створки древнерусского двустворчатого пластинчатого браслета-наруча и четыре половинки колтов. По книге учета браслет-наруч числится как «запястье» (инв. № 5517 ЛНС-135), а колты — как «колты скифские» (инв. № 5569-5572 ЛНС-202-205), место находки неизвестно. Исследования и реставрация этих вещей были проведены автором на кафедре реставрации Киевского государственного художественного института МК УССР.

Браслет-наруч: изготовлен из серебра 960 пробы, вес — 36,4 г, высота — 41 мм, диаметр — 60,5 мм, толщина основы — 0,3 мм, общая длина развертки — 200 мм. Серебро содержит лигирующую присадку меди до 10% и значительные следы золота. Припой серебряный, содержит до 25% меди. Цинк и олово отсутствуют [1] Браслет имеет витые из проволоки диаметром 0,5 мм рифленые шарниры диаметром 4,5 мм с подвижной медной пластинчатой защелкой-стержнем. Створки по периметру обрамлены гладким жгутом диаметром 1,3 мм и рядом крупных тисненых псевдожемчужин диаметром 3,6 мм.

На каждой створке резцом методом передвижки изображены по две фигуры, напоминающие киотцы, в которых размещены плетенки из растительных побегов, украшенных чернью. Поле с одноярусным изображением обрамлено рифленым жгутом диаметром 1,6 мм, который припаян к основе. По краям створок и средине припаяны ушки из плоской заоваленной полоски с колечками диаметром 5,9 мм. На одной створке среднее колечко утрачено. Браслет деформирован и представляет собой почти ровные пластины с загнутыми внутрь шарнирами и многочисленными разрывами основы. Чернь на браслете сохранилась частично (рис. 1, *3*).

В результате реставрации была проведена рекристаллизация металла, удалены загрязнения и окислы. Браслет отрихтован, ему придана первоначальная форма. Определен состав сплавов и технология производства (рис. 1, *2*).

Колты изготовлены из серебра выше 900 пробы. Каждый состоит из двух одинаковых тисненых половинок, слегка вытянутых по вертикали. Толщина

[1] Спектральный анализ проведен в лаборатории Киевского НИИ судебных экспертиз МЮ УССР Н. П. Назаренко.

© А. И. Минжулин, 1991 г.

Рис. 1. Браслет-наруч и колты XIV в. из клада 1908 г. у с. Старая Буда. *1* — створки браслета до реставрации (фото); *2* — браслет после реставрации (фото); *3* — развертка браслета (прорисовка); *4* — колты (прорисовка), *А, В* — наружные стороны колтов, *Б, Г* — внутренние стороны колтов

основы 0,35 мм. Ушки накладные из четырехгранного прутка. Крепятся к щитку через пробитые отверстия методом загиба и пайки (рис. 1, *4, Б, Г*). Половинки колтов соединялись между собой полоской, фрагменты которой сохранились на краях (рис. 1, *4, Б*) К торцу колтов на полоску были припаяны цилиндрики (шпеньки), фрагменты которых в деформированном виде имеются на половинках колтов. В первой публикации колты были цельными и имели по краям кайму из полых шариков на горлышках [1, рис. 236]

На щитках колтов примитивно исполненные тиснением с чернью завитки, напоминающие растительность, в центре каждого щитка символ прорастающего семени. Фон обработан резцом методом передвижки, чернь сохранилась частично (рис. 1, *4, А, В*). На двух щитках в верхней части имеются утраты основы (рис. 1, *4, А, Б*). Все четыре щитка деформированы, покрыты загрязнениями и окислами.

По данным спектрального анализа, состав припоя, применяемого мастером при пайке колтов, аналогичен предыдущему и содержит в среднем 25% меди. Реставрация колтов заключалась в очистке от загрязнений и исправлении деформаций и консервации.

В результате проведенных исследований и сравнительного анализа установлено, что рассматриваемые браслет и колты идентичны с браслетом и колтами, входивших в состав клада, найденного в 1908 г. у с. Старая Буда, который после находки был передан в Эрмитаж.

Этот вывод сделан на основании тщательного изучения отчета Археологической комиссии за 1908 г [1], а также описаний и изображений, приведенных Б. А. Рыбаковым [2, с. 83], Г Ф. Корзухиной [3, № 112], Т. И. Макаровой [4, рис. 18, № 153; рис. 40 № 242] Однако во всех публикациях послевоенных лет отмечено, что клад погиб во время Великой Отечественной войны при эвакуации из Харьковского исторического музея [3, № 112; 4, с. 136, 145]

На запрос относительно судьбы клада 1908 г., найденного у с. Старая Буда и переданного Эрмитажем в 1932 г. Харькову, а также обстоятельства появления в Историческом музее рассматриваемых браслета и колтов главный хранитель Харьковского исторического музея А. В. Легейда предоставила справку о том, что переданные Вам для реставрации предметы принадлежали ранее музею Слободской Украины им. Сковороды, основанному в 1920 г. и в 1934 г. преобразованному в Исторический музей.

В октябре 1941 г. для эвакуации коллекций семи музеев Харькова были выделены два вагона. Эвакуировали драгметалл, знамена, рукодельные ковры, археологические, этнографические коллекции, медали и монеты.

Подготовкой к эвакуации занимались директор Музея революции УССР Семен Порфирьевич Компанеец, директор Исторического музея Исаак Меерович Яблочник и др. (сохранились воспоминания участника тех событий заведующего отделом Исторического музея Дмитрия Власовича Швыдко).

Эшелон вышел из Харькова 2 октября 1941 г., в нем ехали многие сотрудники музеев со своими семьями. 10 октября на станции Алексеевка Белгородской области в 10 часов утра состав попал под бомбежку. Вагон, где находился драгметалл, разнесло вдребезги. Погибли Яблочник И. М., его семья, Компанеец С. П., Максименко И. А. и др., многие были ранены или контужены.

Военный комендант станции Алексеевка, узнав, что взорван вагон с музейными ценностями, прислал бойцов истребительного батальона, которые оцепили участок и по возможности собрали уцелевшие музейные предметы, и выделил другой вагон (в музее хранятся воспоминания бойца этого батальона Головко А. А.).

До 1944 г. коллекции музеев хранились в Уфе. В 1944 г. из Харькова в Уфу приехала сотрудница Исторического музея Ткаченко Лидия Васильевна и отвезла коллекции в Киев. В Харьков они возвратились 5 ноября 1944 г. и переданы Историческому музею, который объединил все уцелевшие и вернувшиеся коллекции, многие из которых были обезличены вследствие утраты инвентарных книг.

Учитывая справку музея и результаты проведенных исследований, в итоге можно с уверенностью утверждать, что представленные браслет и колты являются составной частью древнерусского клада, найденного в 1908 г. у с. Старая Буда.

По технологии производства браслет и колты можно датировать XIV в. Об этом свидетельствуют низкое мастерство исполнения при сохранившихся тра-

дициионных формах изделий и мотивах изображений. Т. И. Макарова в своих трудах замечает следующее: «Браслеты с растительной и геометрической орнаментацией... изготовлялись еще в XIII в. и, может быть, в XV в. в западных землях Руси... внутренняя эволюция в производстве обручей шла в направлении от сложного к простому» [4, с. 91]

Хотелось бы надеяться, что заметка будет способствовать дальнейшему поиску составных частей клада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отчет Археологической комиссии за 1908 г.// Архив ИИМК АН СССР. Ф. № 1 (АК).
2. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
3. *Корзухина Г Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М., 1954.
4. *Макарова Т И.* Черневое дело древней Руси. М.: Наука, 1986.

Киевский государственный
художественный институт
Министерства культуры УССР

История науки

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

Е. Ф. КАНКРИН И ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ «БОРИСОВЫХ КАМНЕЙ» В БЕЛОРУССИИ

Как известно, в Северной Белоруссии находилось девять крупных валунов с историческими надписями: шесть по течению Западной Двины ниже Полоцка, по одному — у Орши, у Высокого Городца севернее Друцка и в верховьях р. Вилии. Большинство надписей было связано с именем князя Бориса, все, кроме одной, принадлежали XII в. Камни для краткости обычно именуются «Борисовыми» [1] Впервые один из этих камней был упомянут М. Стрыйковским (1582), который, правда, его не видал и привел польский перевод надписи (со слов «некоего купца из Дисны» [2, с. 273, 274]). Из чтения М. Стрыйковского выходило, что Борис был сыном некоего легендарного Гинвила и внуком литовского князя Мингайло, он, следовательно, принадлежал к ветви литовских князей XIII в. Это было повторено многими другими учеными средневековья, хотя, как известно, князя Гинвила на свете не было [1, с. 254].

В 1972 г.— в год, когда был открыт знаменитый Тмутараканский камень с надписью 1068 г. [3], был открыт и второй по значению камень с надписью и датой 1171 г. (так называемый Рогволодов камень близ Орши). По свидетельству П. И. Кеппена, это открытие было опубликовано в «Академических Ведомостях» [4, с. 45] На чем основано это утверждение и какие «Ведомости» имелись в виду, неясно[1] Т. Мальгин, давно занимавшийся родословиями древнерусских князей, включил новооткрытую надпись в третье издание своей книги [5, с. 168], и о ней вскоре забыли. Необычайный резонанс получило новое сообщение о Рогволодовом камне, появившееся в печати почти через четверть века. В статье «Из Орши от 2 сентября» «Северная Почта» в 1918 г. сообщала: «Нынешним летом посетил наш город г. Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев (...) он приехал к нам 2 мая и пробыл у нас целый день, и вот по какому случаю. Он увидал года 3 или 4 тому назад в „Зерцале российских государей“ г. Мальгина на стр. 168, что Василий Святославич, внук Мономахов, скончался 1171 года, майя 6 числа по надписи, найденной на камне близ г. Орши. Граф Николай Петрович неоднократно обращался о сей надписи с вопросами ко всем антикварам и историографам, к книжникам и учителям», однако «все отзывались незнанием». Все-таки «граф в искании не ослабевал. (...) Наконец (... он) узнал здесь в Орше вице-ректора Иезуитской коллегии. Сей образованный и ученый патер Десидерий Ришардот (...) отыскал сие надгробие. Он совершенно удовлетворил, как стало известно, желание графа Николая Петровича, прислав к нему ныне описание сего надгробия и рисунок онаго...» [6]

Сообщение Т. Мальгина попалось на глаза Н. П. Румянцеву, по-видимому,

---

[1] Мною просмотрены все номера «Санктпетербургских Ведомостей» за 1792 г., текста о Рогволодовом камне там нет.

© Л. В. Алексеев, 1991 г.

в 1816 г. Во всяком случае, граф засел за летописи с выяснением о Рогволоде, судя по сохранившимся его черновиками, именно в 1816 г. [7] и, очевидно, лишь после этого обратился к поискам реликвии. Получив отрицательные ответы Н. П. Румянцев приехал в Оршу 2 мая 1818 г. сам и познакомился с Д. Ришардотом, который обещал найти камень. В описании, посланном им вскоре в Гомель к Н. П. Румянцеву, Д. Ришардот писал, что это якобы надгробие, которое «поставлено среди часовни в 24 верстах от Орши на дороге к Толочину», что «сей надгробный камень поддерживается четырьмя столбами, и многие старики помнят, что под камнем сим был проход и что ребята, играючи, под оный бегали, что сие надгробие опустилось, ибо оно теперь совершенно лежит в земле» [6] Текст надписи Д. Ришардот читал так: «В лѣто 6679/1171 месяца мая в 7 день успе; Господи, помози рабу своему Василию, именем Рохволоду, сыну Борисову» [6] [2]. Нужно полагать, что патер действительно ездил к Рогволодову камню и сам читал его надпись, ибо его чтение отличается от того неясного текста, который был приведен в источнике Мальгина: «В лѣто 6979 майя в 6 день оуспень лрсніг и помози ч...іьбу своюму Василию БІ жень...памяти сынь рос... Володиме... сыны Борисовы» [5, с. 168].

Итак, легенда о том, что Рогволодов камень — первоначальный дольмен, под которым якобы удалось поместить погребение князя XII в. (что потом неоднократно повторялось всеми пишущими на эту тему), восходит еще к Д. Ришардоту (1818 г.). Как бы то ни было, статья в «Северной Почте» имела широкий успех, о надписи заговорили, к камню стали ездить многие, и многие пытались ее прочесть.

В середине октября 1818 г. Н. П. Румянцев внезапно получил обширный пакет с подробнейшим описанием Рогволодова камня, с его рисунками, с новым и совершенно верным прочтением надписи. С этого момента, нужно считать, началось подлинно научное изучение Борисовых камней. Посылка сопровождалась следующим письмом: «Светлейший граф, милостивый государь. Известие о камне Рогволода, помещенное в „Северной Почте“, побудило здесь любителей древностей осмотреть оный, и при сем открылась существенная разность против объяснения патера Ришардота. Известное рвение Вашего Сиятельства к отысканию отечественных древностей мне в обязанность вменяет поднести Вам, милостивый государь, у сего особое полное и м. б. слишком подробное описание памятника с присовокуплением об открытых следах другим подобным надписям. Чертеж камню сделан смотрителем магазейна Дембинским в Орше, бывшим землемером...». Письмо было написано писарской рукой, в его конце стояла дата — «8 октября 1818 г.» и собственноручная подпись автора — «Егор Канкрин» [9].

Имя генерала Е. Ф. Канкрина в то время было широко известно по 1812 г. С 1814 г. он выполнял ряд поручений Н. П. Румянцева по описанию некоторых памятников [10, с. 30] и сам как-то напечатал в «Отечественных Записках» работу о «гербовых знаках» на стенах Изборского замка. Но чем объяснить, что военный деятель 1812 г., будущий знаменитый министр финансов и затем граф Е. Ф. Канкрин, во втором десятилетии XIX в. оказался длительно в глухом провинциальном Шклове и занялся изучением местных древностей?

Егор Францевич Канкрин (1774—1845) родился в Германии, окончил курс в одном из университетов и со званием доктора прав в 1797 г. переехал к отцу, известному минералогу, в Россию. Эта страна стала второй родиной молодого юриста. Сочинение Е. Ф. Канкрина «О военном искусстве» (1809) обратило

---

[2] В примечании к статье давалась выписка из письма к Н. П. Румянцеву «весьма ученого и в древностях российских сведущего преосвященного архиерея» (без имени), который был удивлен, что это якобы есть надгробие, так как полагал, что надгробия на Руси не ставились. Речь шла об известном знатоке древностей митрополите Евгении (Болховитинове, 1767—1837), и последний был крайне недоволен тем, что его письмо Н. П. Румянцеву без его санкции здесь фигурировало [8, с. 72].

на себя внимание военного министра М. Б. Барклая де Толли, также известного военного теоретика Пфуля, и он был представлен царю. Благодаря исключительным талантам генерал-интенданта I Армии (1812), с 1813 г.— всей армии — Е. Ф. Канкрина русская армия была обеспечена бесперебойным снабжением всю войну, и благодаря ему вся кампания обошлась России лишь в 400 млн. рублей [11, с. 352] Но правительство не оценило заслуг Е. Ф. Канкрина: после войны он был возвращен к прежней деятельности в I Армии, главная квартира которой попеременно находилась то в Могилеве, то в Орше, то в Шклове. Здесь он был надолго забыт и до 1820 г. имел возможность при случае интересоваться местными древностями [3]

Записка Е. Ф. Канкрина «О Рогволодовом камне», посланная Н. П. Румянцеву, была почти полностью воспроизведена в «Северной Почте», но многое (важное для истории науки) там было опущено и сохранилось лишь в оригинале в архиве Н. П. Румянцева [13] Ход мысли Е. Ф. Канкрина не лишен интереса для историка науки.

Автор прежде всего ставит вопрос о местности, в которой лежит камень, и выясняет, что «ничего отличного» она не имеет, лишь в полуверсте «видны два кургана, через кои проходила уже соха». Описание древней реликвии он начинает с опроса населения: «Еще до построения часовни (над камнем.— *Л. А.*) и с самых древних времен, как уверяют жители, ежегодно в день Бориса и Глеба отправляемо было молебствие на сем камне, который для ограды от скота был обведен рвом. Во время покойного ген. Зорича (фаворит Екатерины II, даровавшей ему Шклов.— *Л. А.*) шкловские кадеты окопали камень сей и нашли

[3] Томясь деятельностью по интенданству I Армии, Е. Ф. Канкрин решил напомнить о себе в 1815 г. запиской о постепенном освобождении крестьян. Острые места этого документа не понравились Александру I, забывшему былые увлечения проектами М. М. Сперанского, и записка лишь повредила: на ее автора стали смотреть как на беспокойного человека. В 1820 г. Е. Ф. Канкрин вышел в отставку простым членом Военного Совета, и о нем вспомнили лишь в 1822 г.: он стал членом Государственного Совета, а с 1823 г.— министром финансов (см. [12]).

его лежащим глубоко в земле со стороны престола (с востока.— *Л. А.*) до $2^1/_2$ аршин и более, со стороны дверей (с запада.— *Л. А.*) он тонее, что подтвердилось и при нас посредством щупа».

Указав, что края камня «нерегулярны, но надписи не затронули, генерал переходит к вопросу о его «породе». «Памятник состоит не из гранита. (...) Приходский священник уверял, что французы несколько раз разводили на нем огонь (что могли делать и пастухи), если бы был гранит (тресковый камень), то поверхность превратилась совершенно в хрящ. Напротив, он чрезвычайно и почти можно сказать до невероятности хорошо сохранен. (...) Довольно примечательно, отчего чуждый сей части России камень находится на сем месте, но величина и фигура онаго доказывает, что он не есть привозный. В речке Дятловке между разными круглышами нашли, однако, и сей самый вид камня». Итак, вопрос о породе камня решен не был, но было доказано, что он местный.

Далее Е. Ф. Канкрин переходит к вопросу о том, что некогда он был якобы дольменом (по Д. Ришардоту): «Рассказы, будто сей камень лежал на столбах и можно было проходить под оным, суть явная басня, ибо и следов столбов нет, да и нижняя поверхность камня того не позволяет, сверх того и старожилы говорят противное...».

Переходя к самим надписям, Е. Ф. Канкрин оспаривает чтение Д. Ришардота: «Черты надписи,— сообщает он прежде всего,— выдолблены довольно глубоко — шириной до 1/3 вершка, а в вышину до 3—4-х, самая же надпись следующая: „В“ лѣ 6679 месяца мая в 7 день доспен (дважды подчеркнуто.— *Л. А.*) (а не „успе“, как несправедливо сказано в описании патера Ришардота) (храм, или крест) сеи; Господи, помози рабу своему Василию въ крещении именем Рогволоду (а подле самого изображения креста) — сыну Борисову». «Слово доспенъ, лучше и чище всех других сохранившееся, и даже красивее других вырезанное,— продолжает Е. Ф. Канкрин,— уже показывает, что тут нет речи о смерти и надгробии, но в слове „храмъ“, или „крестъ“, которое писано под титлом, повреждена та буква, которая должна и может быть „Х“ или „К“, напротив, буквы „Р“ и „Ъ“ целы и титло наподобие крышки над обеими, хотя камень тут несколько поврежден довольно явственно. Также отломлены буква „Р“ в слове „рабу“ и буква „а“ не очень ясна, но тут нет сомнения, ибо слог „бу“ никакому другому толкованию не подвержен». Далее, дав схематический рисунок креста, Е. Ф. Канкрин указывает, что на его «побережках» под титлами находятся «известные буквы» ІС ХС и НИКА и пишет, переходя к осмыслению реликвии: «Из сего-то открывается, что какой-то Рогволод или построил тут церковь, или велел выдолбить крест на сем камне. Если церковь, то была она деревянная, ибо не видно следов фундамента, да и ландвойт уверил, что кадеты отыскивали таковой, но не нашли. Вероятнее, однако, что должно читать „крест“ (...) (это) подкрепляется еще и тем, что 7^{е} мая есть праздник знамения небесного креста...». Что касается назначения камня в древности, то автор здесь допускает «догадку»: «Сей камень в противоположность всех гранитов, здесь часто встречаемых, не повреждающихся от огня, по свойству своему и пространству своему был замечаем еще во времена язычества, и что к нему обратилось какое-то суеверие, м. б. что тут была священная роща и даже жертвоприношение на камне, по тогдашнему обычаю, и что Рогволод для употребления сего остатка древнего народного суеверия или построил, как часто делалось, на сем месте церковь, или велел только изобразить на оном знаки христианские. Не подвержено, однако же, сомнению, что это не гроб Рогволода или памятник, что он тут убит, ибо под сим камнем и не мог никто быть похоронен, а об убитии не говорится. Стало быть,— заключает ученый генерал,— не столько касается светской истории, а есть один из древнейших памятников введения христианства в сем краю». Как видим, в этом заключении Е. Ф. Канкрин весьма близок к тем выводам, к которым пришли исследователи в самое недавнее время [14, с. 26, 27].

Каким же князем Рогволодом была иссечена надпись? Основываясь на

только-что вышедшей «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (эту книгу «одну здесь имею»), Е. Ф. Канкрин делает справедливый вывод, что камень был использован для надписи Рогволодом-Василием (по Карамзину, внуком Всеслава Полоцкого). Рогволод, добавляет Е. Ф. Канкрин, «а не Рогвольд (...), вероятно, на подобие Всеволода, есть не варяжское, хотя к варягам перейти могло (Rogwald), а славянское, от слова Рог (мыс? — *Л. А.*) и владеть [13, л. 13об.—14] О русском или варяжском происхождении имени Рогволод споры ведутся и теперь, Е. Ф. Канкрин — немец был первым, кто указал на его русское происхождение. Листая Н. М. Карамзина, Е. Ф. Канкрин переходит далее к владениям Рогволода и верно определяет его сыном Рогволода Борисовича, который в 1181 г. «именуется князем друцким» [13, л. 14об.—15] [4]

Дальнейшее логическое заключение Е. Ф. Канкрина с очевидностью вытекало из всего им сказанного: «Из сего можно заключить,— писал он,— что камень лежит во владении друцком, и что князь Рогволод Борисович есть тот, о ком гласит надпись камня, и что построенная им церковь или камень (т. е. крест на камне.— *Л. А.*), снабженный знаками христианства, может быть, был посвящен Глебу и Борису именно потому, что отец Рогволода назывался Борисом, а сын — Глебом. Сие подтверждается и тем, что, как выше сказано, прежде с самых отдаленных времен в день сих угодников ежегодно отправлялось на камне сем молебствие» (7 мая, как мы сказали, православные отмечают «воспоминание» о явлении в Иерусалиме в праздник Пятидесятницы креста (352 г.).

Весь документ заканчивается следующей любопытной концовкой: «Нет вероятия, что сей памятник мог быть подделан, сколько по трудности работы, так и потому, что содержание надписи с историею сходно». С присущей ему обстоятельностью автор документа сопроводил рукопись «Прибавлением» (на нескольких страницах!), где писал, что «когда сия записка о камне Рогволода уже была переписана, (он) получил любопытную выписку из истории польского сочинителя Стриковского о полоцких князьях, не имея сам сию книгу». «Показания сего историка, судя вообще,— пишет он далее,— весьма подтверждает наши догадки, ибо он, кроме разных других подробностей, именно пишет, что Рогволод умер в Полоцке». Упрекнув М. Стрыйковского за некоторые несоответствия с русской летописью (Борис Гинвилович вместо Рогволодович), он отметил, что «разбор сих несогласий русских и польских писателей не принадлежит (... к его) цели» [13, л. 16 об.]. Концовка «Прибавления» для историка науки особенно интересна: «А как сие открытие (надписи на камне.— *Л. А.*) может вести к **дальнейшим объяснениям истории**» (выделено мной.— *Л. А.*), то он «взял меры об отыскании и осмотре» других камней в Северной Белоруссии и «по получении достоверных сведений» не оставит «сообразиться далее» [13, с. 18].

Таков документ, положивший начало подлинно научному изучению так называемых «Борисовых камней» в Белоруссии. Принадлежит он не историку, а образованному военному — Е. Ф. Канкрину, жившему в конце XVIII — первой половине XIX в., когда русские древности почти еще не были известны и методы их изучения, следовательно, не существовали и когда только что еще появился первый обстоятельный труд по истории России Н. М. Карамзина. В связи со всем этим нельзя не поражаться строгой логике мысли Е. Ф. Канкрина, что позволило ему сделать заключения о Рогволодовом камне, бóльшая часть которых осталась незыблемой и до наших дней.

Увлеченный предпринятыми разысканиями, крайне обязательный в обещаниях, Е. Ф. Канкрин в самом деле «не оставил сообразиться далее», и в конце

---

[4] Здесь он делает любопытное для нас замечание: «Местечно Друцк на реке Друце, где, как уверяют очевидцы, находится еще земляной городок, лежит от местечка Круглого (где видны остатки укреплений) в 10", от Толочина 19, а от камня Рогволода до 46 верст» [13, л. 15—15 об.]. Здесь не все верно, но возле Друцка есть действительно огромное городище, раскопанное нами.

октября Н. П. Румянцев уже читал новое его послание, помеченное 24 октября 1818 г. и содержащее сведения о других белорусских камнях с надписями (в отрывках кое-что опубликовано А. П. Сапуновым — [15]), Е. Ф. Канкрин писал: «Сиятельный Граф, милостивый государь! Сего октября месяца 8 числа имел я счастье препроводить к Вашему сиятельству подробное описание камня Рогволода, сына Борисова, льстя себя надеждою получить дальнейшие сведения о подобных надписях на камнях, находящихся в реке Двине.

Вследствие чего, ныне смотритель дриссенского провиантского магазейна Катков уведомил меня:

1. От г. Дисны, вниз по течению реки Двины, расстоянием в 3 верстах, против деревень — по правую сторону Наковников, а по левую — Березовой, найден камень (...), на поверхности изображен крест с надписью: „Господи, помози рабу своему Борису" К сожалению, верхней половины креста нет, по причине, что надзиратель водной коммуникации подпоручик Дебональ разрывал его порохом. Впрочем, надпись осталась, кажется, невредима.

2. Другой есть камень, далее первого расстоянием 3 версты, против д. Болотки, а по левую — двора помещика Русецкого, но только еще покрыт водою на пол аршина (...) также с изображением креста и надписью. (...) С ожиданием мелководья обещают мне дальнейшие сведения.

3. От сего камня на недальнем расстоянии лежит третий камень.

4. Равномерно на другом месте в речке Дисенке между двух островков, в таком же расстоянии от г. Дисны, есть четвертый. Но оба они без надписей, с одними только небольшими крестами и покрыты водою.

Находятся где еще подобные камни — неизвестно, но у рыболовов делают проведывания».

Далее следуют в данном письме мысли генерала по поводу сообщенных им сведений, и он вновь обращается к назначению надписей.

«Поднося при сем почтеннейше Вашему Сиятельству полученный чертеж первого камня, который, однако, сверху кажется не верен, не могу еще решительно полагать, тот ли он самый, о котором упоминается в истории польского писателя Стрыковского, ибо, может быть, описанная им надпись: „Вспоможи, Господи, раба своего Бориса сына Гинвиловича» не подтверждается ли при спадении воды на втором камне. Впрочем, теперь найденная надпись, кажется, довольно объясняет, что и камень Рогволода ни в каком случае не надгробие и все они служили одним знаком или владения, памяти для истребления языческого суеверия, которое могло обратиться иногда и на сии камни в воде, при проходе судов и рыболовстве».

Крайне заботило Е. Ф. Канкрина сохранение камней с надписями XII в. для потомков, и он писал: «Но, чтоб сии двинские памятники не были подвержены подобному вандализму, как первый, я прошу гг. окружного начальника водных сообщений Sere-фон-Лауренберга и двинского полицмейстера Масальского. Но и Вы, милостивый государь, не изволите ли о сем объясниться с правящим должность директора путей сообщения, г. генерал-инженером Деволантом...» [13].

Последнее письмо Е. Ф. Канкрина к Н. П. Румянцеву написано 31 декабря 1818 г. и, как и предыдущие, в том же уважительном тоне человека серьезного, с самолюбием и вместе с тем с доверенностью к адресату — человеку того же круга.

«Ваше сиятельство, милостивый государь! В продолжение переписки о Двинских древностях имею честь представить Вашему сиятельству еще разные сведения.

1. Копию отзыва г. надворного советника Масальского о разорванных на Двине двух камнях по снятии надписей.

Первый под названием Борисоглебский с именем сего (как пишется) князя есть, вероятно, тот, о коем я имел честь уведомить Ваше сиятельство от 24 октября, я, однако, поручил проведаться ближе, на Наровских ли он порогах и

тот ли? И при том писал доставить ожидаемые сведения о прочих тамошних камнях. Год, по-видимому, плохо скопирован 6000, вторая — „Ф" — 500, третья — „Л" — 30, а „Д" — 4. Но тут не нахожу Бориса в истории. Есть ли и считать 6634, то можно некоторым образом отнести сие к отцу Рогволоду (т. е. 1126 г.— *Л. А.*). Впрочем, сие одно предварительное заключение.

Второй, бывший около Креславки, имеет что-то рыцарское и может быть сделан во время меченосцев, но даже догадками еще не смог дойти, кто тот, отрасль Святополка, Александр. Есть какой-то Святополк (1144), женатый на княгине моравской, но потомства от него не оказывается, однако отрасль не значит точно законного потомка...» Здесь Е. Ф. Канкрин, по-видимому, имеет в виду рассказ Н. М. Карамзина о том, что Изяслав Мстиславич в поездке в Суздаль пировал на свадьбе у Святополка Мстиславича, как считал Н. М. Карамзин, «в начале 1144 году» [16, с. 188, прим. 282 на с. 458].

«2. Отзыв г. Репнина с копиею грамоты и рисунка креста с надписью и с обещанием еще сведений о таковом кресте. Есть ли грамота не написана позже, о чем в монастыре может быть неизвестно, что отец архимандрит (несомненно, Бельчицкого монастыря в Полоцке И. Шулакевич.— *Л. А.*) удостоверяет bona fide, то возникают разные исторические вопросы. Год может, кажется, означать 6904 или первое время (1396) не было уже князей полоцких, а в последнем (996) нет Ярослава Изяславича. Вообще нахожу между князьями полоцкими только Изяслава Николаевича 1181, но сына Ярослава нет; разве потерялся в истории. Я писал прислать копию.

О кресте ничего не объясню, ибо послал чиновника для осмотра Изборска. Сей на возвратном пути, есть ли может, осмотрит тот камень. Оригинальный рисунок прошу возвратить для сличения, ибо онаго нельзя было скопировать, разобрать почти ничего нельзя, и что можно, то нелепо, например, Карловичь...»

Далее автор письма переходит к поискам других камней с историческими надписями в Белоруссии: «на-днях, быв в Минске», он спрашивал о древностях в Борисове, и городничий Щёкалев объявил ему, «что по-поводу „Северной почты" сам прилежно искал, но ничего не открылось...». Е. Ф. Канкрин продолжал: «Возвратясь, я нашел, однако, большой и самый древний из той породы, как камень Рогволода, между Старосельем и Кохановым при д. Голошевка, близь небольшого озера. На одной стороне есть следы одной большой буквы, и по величине мог быть тут насечен один год. Впрочем, камень уже начал выветриваться. Обывателей в то время не смог расспрашивать о том кресте, но думаю проведаться в другой раз. Подалее онаго есть довольно большой курган, коих в сем краю особенно много...»

Оканчивалось письмо в любезном стиле того времени: «Я надеюсь, что Вашему сиятельству сии, хотя предварительные сведения не неприятны, впрочем имею честь быть с совершенным почтением и таковою же преданностию, милостивый государь, Вашего сиятельства всепокорнейший слуга — Егор Канкрин. М. Шклов, декабря 31 1818 г. [13, л. 5—6 об.].

К письму кроме рисунков прилагались: копия рапорта генерал-интенданту I Армии Канкрину смотрителя провиантского магазейна в Полоцке «13 класса Репина от 13 декабря 1818 г.», копия рапорта тому же лицу «полицмейстера Двинского судоходства г. надворного советника Масальского от 1 декабря 1818 г.» и выписки из дневников взрывов камней Дебоналя [13, л. 28—28 об., 26—26 об.]. В первом шла речь об осмотре вместе с И. Шулакевичем каменного креста во дворе помещика имения Бездедовичи Обремпальского и на «Екиманской земле» у Полоцка (дальнейших сведений не приводится), а также и о том, что со старинной грамоты, хранящейся у Шулакевича, Репин снял копию [5]. Во втором рапорте полицмейстер сообщал, что, «имев порученность от началь-

---

Речь идет о так называемой Грамоте Изяслава Ярославича Бельчицкому монастырю, оригинал которой в 1870—1880 годах исчез, но, судя по языку копий, она была подделана в XVI в. [17, с. 19—20]

ства моего в производстве чистки реки Двины и впадающих в оную, во всех вредных судоходству местах, в числе коих состояли и находящиеся на самом форватере Двины ниже города Дисны, упоминаемые в отношении Вашего Превосходительства каменья с крестами и надписями, кои назначенным мною к чистке сей дистанции смотрителем Дебоналем разорваны». «Имею честь доложить, что на предбудущее время,— заключал Масальский,— предписано мною всем смотрителям судоходства, в заведывании моем состоящим, подобные сим каменьям не истреблять, а доносить предварительно об оных с подробными описаниями...»

На этом письме переписка Е. Ф. Канкрина с Н. П. Румянцевым была, видимо, кончена: во всяком случае, в архиве последнего ничего более нет. Любопытно, что поиск «Борисовых камней» и переписка Е. Ф. Канкрина с Н. П. Румянцевым получили подробное освещение в петербургской газете «Северная Почта» (№ 74, 89, 91 за 1818 г.)— кто-то из подчиненных Е. Ф. Канкрина посылал известия в столицу. Первая корреспонденция — «2 сентября» сообщала о приезде Румянцева, знакомстве его с Ришардотом и открытии последним Рогволодова камня, она имела необычайный успех; по ее выходе, по свидетельству Е. Ф. Канкрина, более 12 местных деятелей посетили уникальный камень. Вторая статья была послана кем-то из Шклова 25 октября, была очень обширна (письмо Е. Ф. Канкрина с чтением надписей), но издатель все же решился ее опубликовать, чтобы она дала повод к «дальнейшим изысканиям Рогволодова камня» (№ 89). В третьей статье, где копируется текст письма от 24 октября, есть любопытное заключение: «Дабы сих двинских памятников не могла коснуться рука разрушения, то здешние любители древностей приняли надлежащие меры к отвращению случиться могущих предприятий, кои носят на себе печать невежества, и для того обратились они к кому нужно было с просьбами по сему предмету и со внушением, что и в наших краях должно уважать науки и все, что учености касается, и не допускать вкрадываться у нас никаким обычаям средних варварских веков» (№ 91). Кто были эти любители древностей и к кому они обращались, мы не знаем, но все не уничтоженные взрывом Дебоналя камни были сохранены до наших дней [6]

Случайно ли, что первое обстоятельное исследование древнейших памятников эпиграфики западнорусских земель было осуществлено в конце второго десятилетия XIX в.? Как известно, оба начальных десятилетия этого столетия были эпохой наполеоновских войн, в которых Россия принимала живое участие. Войны эти, и особенно поход Наполеона в Россию, всколыхнули самосознание всех слоев русского общества, и оно глубоко стало интересоваться историческими судьбами своего народа. «Нет ничего приличнее гражданину,— писал в 1810 г. товарищ министра недавно образованного Министерства просвещения М. Н. Муравьев (отец декабристов Никиты и Александра Муравьевых),— как любопытное внимание к славным происшествиям, к древностям, к местным обстоятельствам и обыкновениям своего отечества. Не знать сих особенностей народных — есть то, что быть иностранцем» [19, с. 36]. Журнал «Русский Вестник» С. Глинки с его враждебностью ко всему иностранному, с его интересом к русскому прошлому, по свидетельству современника, «пришелся по времени и имел успех необыкновенный» [7] Начались поиски источников. Уже в 1810 г. Н. Н. Бантыш-Каменский разработал план издания государственных

---

[6] Нами установлено в разведках, что Рогволодов камень и камень у Высокого Городца были взорваны и употреблены на строительство магистрали Москва — Минск в 1936 г [18, с. 300, прим. 159, с. 290] По сведениям из Полоцкого музея, ныне не существуют и некоторые другие камни с надписями — второй Борисов камень и т. д. (первый камень перевезен в 1981 г в Полоцк)

[7] Тот же мемуарист писал: «Надобно знать то время, чтобы понять всю важность появления „Русского Вестника“ (...) Тогда многие в первый раз услышали из „Русского Вестника“ о царице Наталии Кирилловне, о боярине Матвееве, о Зотове — воспитателе Петра Великого и в первый раз увидели их портреты» [20, с. 208—209]. Любопытно, что этот журнал в истории русской журналистики назван реакционным, его значение не выяснено, и он вообще лишь однажды упомянут [21, с. 101].

грамот и договоров, в 1813 г. вышел первый том этого собрания. Н. П. Румянцев начал собирать коллекцию рукописей (и копий с них), вокруг него образовался знаменитый кружок ученых-энтузиастов. Н. М. Карамзин, еще ранее засевший за древнерусские летóписи, в 1816 г. издал основную часть своего гигантского труда по русской истории. Интеллигенция с азартом кинулась на изучение русского прошлого, не удивительно, что всеобщий интерес стали вызывать и сохранившиеся памятники старины. Не случайно именно в 1816 г., как нам удалось доказать, Н. П. Румянцев начал разыскивать Рогволодов камень (что удалось ему сделать через год-два, лишь в 1818 г.). Зерна научных интересов старого вельможи упали на благоприятную почву: статьи о его поисках камней с древними надписями в газетах вызвали огромный интерес у читателей пушкинской поры, многие, как мы видели, обратились к самостоятельным поискам и к чтению уже известных надписей на камнях. Самое почетное место здесь принадлежало, как мы убедились, генерал-интенданту русской армии Е. Ф. Канкрину, и имя его, таким образом, тесно связалось с открытием и первым исследованием «Борисовых камней». Он первый изучил местность, где был расположен Рогволодов камень, исследовал его материал и установил его местное происхождение, первый верно прочел надписи и первый определил, что это не надгробие и не дольмен и что связаны подобные кресты и надписи с борьбой христианства с языческими традициями. Переходя к автору текста на камне Рогволода, он установил, что это древний князь Рогволод Борисович, который имел отцом князя Бориса (Всеславича), а сыном известного по летописям Глеба, почему этот камень и получил в народе наименование «Борис-Хлебник» (Борис — Глеб). В большинстве всех этих заключений ученого-генерала было много верного, подтвердившегося в наше время. Стараниями Е. Ф. Канкрина были обнаружены и другие двинские камни (многие впервые): у д. Наковники (с него был сделан чертеж), у Болоток, еще один у Болоток и один у Дисны [8]. Он же представил Н. П. Румянцеву сведения еще о двух камнях с надписями, только что разорванными поручиком Дебоналем. Там, правда, не все оказалось ясным, и прежде всего это касалось якобы проставленной на одном из этих камней даты (6534—1026 либо 6634—1126?), но Е. Ф. Канкрин и сам понимал, что дата эта прочтена очень условно (см. выше). Этот ученый был первым, кто всерьез озаботился о том, чтобы эти замечательные камни — он первый смотрел на них как на исторический источник! — не уничтожались, что свято было исполнено до наших дней. Итак, все главнейшие исследования «Борисовых камней» были сделаны в конце второго десятилетия XIX в., и принадлежали они замечательному ученому деятелю — Егору Францевичу Канкрину.

Нельзя не отметить, что имя Е. Ф. Канкрина в связи с интересующими нас эпиграфическими древностями до самой последней поры упоминается лишь вскользь (см., например, [22]), его ученые письма к Н. П. Румянцеву, опубликованные частями лишь А. П. Сапуновым [15], никем до сей поры не использовались, в подлиннике ими не пользовались, и в дальнейших работах о камнях они не отразились. Но именно в них были поставлены и частично разрешены многие вопросы, связанные с надписями на «Борисовых камнях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Таранович В. П.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. 1946. Т VIII.
2. *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846.
3. *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М., 1979.
4. *Кеппен П. И.* Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822.
5. *Мальгин Тимофей.* Зерцало российских государей, изображающее от Рождества Христова

[8] По В. П. Тарановичу, это соответственно № камней: II, III, VIII, IX [1, с. 250, рис. 1].

с 862 по 1794 г. высокое их родословие, союзы, потомство, время жизни, царствование и кончины... (и т. д.). СПб., 1794.
6. Из Орши от 2 сентября // Северная Почта. 1818. № 74.
7. *Румянцев Н. П.* О Рогволоде и князьях полоцких — выписки из летописей, 1816 г., автограф // ОРБЛ, фонд 255 (Румянцевых), картон 18. № 49.
8. Письма митрополита Евгения Анастасевичу // Русский Архив. 1889. № 7
9. ОРБЛ. Ф. 255. Р. а. 8.2. Л. 1—1 об.
10. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
11. Военная энциклопедия. Т XII. СПб., 1913.
12. *Сементковский Р. И.* Е. Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893.
13. ОРБЛ. Р а. 8.2.
14. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв.// САИ. 1964. Вып. Е1—44.
15. *Сапунов А. П.* Двинские или Борисовы камни. Витебск, 1890.
16. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II. СПб., 1816.
17. *Хорошкевич А. Л.* Полоцкие грамоты. М., 1977.
18. *Алексеев Л. В.* Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Тр. Прибалтийской комплесной экспедиции. Т 1. М.: Наука, 1959.
19. *Муравьев М. Н.* Опыты истории словесности и нравоучения. Ч. 1. М., 1810.
20. *Дмитриев М. А.* Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Московский рабочий, 1985.
21. История русской журналистики XVIII—XIX вв. М.: Высш. школа, 1973.
22. *Дучыц Л. У.* Бырысавы камні (гістарыяграфічны агляд) // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. № 4. Мінск, 1985.
Институт археологии АН СССР,
Москва

И. Л. ТИХОНОВ

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ А. А. СПИЦЫНА
(письма к С. Ф. Платонову)

Имя Александра Андреевича Спицына как одного из крупнейших деятелей отечественной археологии хорошо известно практически любому археологу в нашей стране. Многие из его работ не утратили своего значения и по сей день и широко используются в научной литературе, так же как и громадный архив [1, с. 7]. Однако до сих пор нет полной научной биографии ученого. Вся биографическая литература об А. А. Спицыне ограничивается несколькими небольшими публикациями [2; 3, с. 55—58; 4, с. 9—11; 5, с. 262—264]. В связи с этим особый интерес представляют более 120 его писем к С. Ф. Платонову, хранящихся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина [1]

Сергей Федорович Платонов занимал особое место в жизни А. А. Спицына, поскольку был его ближайшим другом на протяжении всей жизни и немало способствовал научной карьере А. А. Спицына. Именно С. Ф. Платонов содействовал переводу А. А. Спицына в Петербург в 1892 г. и поступлению в Археологическую комиссию [4, с. 9], он же рекомендовал А. А. Спицына в Русское археологическое общество и выступил инициатором приглашения А. А. Спицына в С.-Петербургский университет в 1909 г. для чтения лекций по археологии, а в 1927 г. дал весьма лестный отзыв о научных заслугах А. А. Спицына при его избрании в члены-корреспонденты АН СССР [6, с. 1503].

Очень многое объединяло двух ученых: они были представителями одного

---

[1] ОР ГПБ ф. 585 (С. Ф. Платонов), ед. 1959 1—5. В настоящее время обработка этого фонда еще не закончена, поэтому номера единиц хранения могут измениться. Автор выражает благодарность сотрудникам отдела рукописей за предоставленную возможность ознакомления с письмами А. А. Спицына.

© И. Л. Тихонов, 1991 г.

поколения (А. А. Спицын был на два года старше С. Ф. Платонова), имели общие идеалы и научные интересы в области русской истории, постоянно общались по служебным делам и в домашней обстановке.

Их знакомство началось еще в студенческие годы на историко-филологическом факультете Петербургского университета, куда оба поступили в 1878 г. И тот и другой позднее вспоминали, что особое впечатление на них произвели лекции по русской истории, которые читал профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, и с III курса они начали заниматься в его семинаре [5, с. 263; 7, с. 109—112].

По окончании университета в 1882 г. А. А. Спицын вследствие серьезных материальных затруднений не смог остаться при университете и вынужден был вернуться в Вятку, где поступил преподавателем русской словесности и истории в женскую гимназию. С этого времени и начинается его переписка с С. Ф. Платоновым. Краткая характеристика писем из Вятки уже давалась автором этих строк [8, с. 275, 276]. Однако чрезвычайная информативность этого материала, повествующего о начальном этапе научной деятельности А. А. Спицына, о его умонастроениях и планах, позволяет остановиться на этом подробнее.

В письме от 18 ноября 1882 г. А. А. Спицын сначала высказывает свои соображения о диссертационной работе и теме научных занятий С. Ф. Платонова, о своих же делах сообщает, что времени для научных занятий почти нет, так как занят преподаванием и использует новые приемы в педагогической деятельности — «в этом положении русскою историей заниматься не приходится». Однако просит С. Ф. Платонова поместить в какое-нибудь издание, лучше в ЖМНП, статью по истории Вятки и написать об университетской жизни. То же самое в письме от 1 февраля 1883 г.: «Что касается меня, то я занимаюсь своими уроками — и более ничем. Таким будет для меня этот год! Всякие мечты откладываю до лета. Какими-то путями ко мне текут со всех сторон акты, набралось их порядочное количество, но особенно интересного для Вас я в них еще не нашел» [2]

Большой интерес для характеристики умонастроений А. А. Спицына представляет письмо от 1 февраля 1883 г.: «Это правда, что мне место не в Вятской женской гимназии, но я уверен, что едва ли что-нибудь собьет меня с моего пути, и самое пребывание в гимназии не будет большим уклонением от него: у меня есть мысль о некоторых своеобразных учебниках, которые не отнимут много времени, а могут дать приличный доход, что для моих дальнейших планов дело немаловажное. Право, чувствую в себе (извините за нескромность) некоторые силы... и не верю, чтобы мне пришлось долго пробыть в Вятке в качестве заурядного учителя... Вы пишите о Бестужеве (Рюмине.— *И. Т.*). Признаюсь, что несмотря на все свои старания я не могут составить о нем определенного суждения... Для меня несомненно одно, что наш дорогой профессор — своеобразное явление среди своих коллег. (Только что прочел статью К. Н. о Меньшикове: неужели его память так же точна и во всех отделах русской истории?)... Вы жалеете, что нет времени для общеобразовательного чтения. Признаюсь Вам, что я и не стремлюсь к нему; по моему мнению успех в одних делах должен быть принесен в жертву другим, главным — для нас уже настала пора практической деятельности, которая требует сосредоточения сил».

В это же время А. А. Спицын занимается сбором фольклора по Вятской губернии и намеревается продолжить «Справочную книжку для студентов С.-Петербургского университета».

Письмо от 24 июля 1883 г. содержит очень теплые и ностальгические воспоминания о студенческих временах и отношениях, характеристики некоторых историков, просьбу написать подробнее о Бестужеве-Рюмине, а также некоторые нравственные и творческие установки собственной научной и просветительской деятельности: «Я искренний патриот, и процветание России — вот что входит во

[2] Здесь и далее выдержки из писем приводятся с сохранением стиля и пунктуации оригиналов.

все мои помыслы. Поэтому я никогда не буду таким ученым, каким будете Вы и Вас. Григ (Дружинин.— *И. Т.*). Я буду заниматься не одной историей, но всем — историей, статистикой, языком, этнографией, изданиями — я буду заниматься как начали всем этим заниматься славянофилы. Я буду писать — если это окажется мне по силам — как писали Аксаков, Хомяков, как теперь пишут сотрудники „Руси", стараясь, конечно, избежать всевозможных увлечений, для чего и будет призвано трезвое научное направление, которое я, кажется, вынес из университета». Далее А. С. Спицын сообщает о продолжении своих работ над орфографическим словарем, связанных с преподаванием русской словесности, и о том, что летом 1883 г. он в течение месяца совершил небольшое археологическое путешествие по Вятке и Каме, но плохая погода помешала и особых результатов не было.

Летом 1884 г. А. А. Спицын собирался побывать на VI Археологическом съезде в Одессе и на обратном пути в Петербурге, но поездка не состоялась из-за необходимости быть в Вятке в связи с приездом попечителя учебного округа. В том же году А. А. Спицын готовит несколько статей по истории Вятки для местных изданий и посылает одну статью С. Ф. Платонову для Журнала министерства народного просвещения — «она написана в молодом, немного задорном духе, который, мне кажется, не мешает сохранить... В статье Вы заметите Бестужевский дух и влияние, почему я и посвящаю ее ему. Для меня ясно, что она писана под настроением его лекций» (16 сентября 1884 г.).

С 1886 г. А. А. Спицына все более начинает тяготить положение провинциального учителя, отсутствие близких друзей и единомышленников: «...не с кем поговорить о любимых темах... Не забывайте меня. Я ведь и живу-то воспоминанием о студенческих годах». Все больше «занимает мысль как-нибудь перебраться в столицу, в Питер или в Москву».

Летом 1886 г. А. А. Спицын побывал в Петербурге, и 9 сентября этого же года, благодаря С. Ф. Платонова за теплую дружескую встречу в Петербурге, писал: «С января займусь поосновательнее археологией и кончится это занятие только с последним днем Археологического съезда (VII в Ярославле.— *И. Т.*). Летом буду много ездить по губернии. У нас в Статистическом Комитете собирается довольно любопытная археологическая коллекция, и губерния на съезде будет представлена не бесцветно». VII Археологический съезд сыграл заметную роль в жизни А. А. Спицына, став началом его активной научной работы в области археологии. Сам Александр Андреевич писал по этому поводу в 1928 г. в своей научной автобиографии следующее: «Интерес к археологии проявился у меня в Университете. Профессор К. Н. Бестужев-Рюмин в своих лекциях заботливо отмечал, что вещественные памятники старины должны дать особенно точный материал для истории и что они еще мало изучены, так как исследования их очень трудны: все это как раз отвечало моему тогдашнему настроению. Свои занятия археологией я начал с Вятки... Далее мои работы в этом направлении замедлились, так как поездки и раскопки были невозможны, и я ушел в местную историю и преподавательскую деятельность. На прежнюю дорогу вывел меня Ярославский Археологический съезд» [9, с. 331]. Еще до съезда Спицын познакомился с руководителем московского археологического общества, вдовой известного археолога графа А. С. Уварова — П. С. Уваровой, которая оказала содействие молодому ученому и финансировала за счет общества его археологические поездки по Вятскому краю. Об одной из них Спицын сообщал Платонову в сентябре 1888 г.: «Проехал я на лодке Вятку и вятское течение Камы. Результаты не велики, а все же ничего. Теперь засел за работы для Календаря (Ежегодный календарь Вятской губернии — постоянное место публикаций А. А. Спицына в 1882—1892 гг — *И. Т.*) и всяческие другие, им теперь нет конца».

Тем не менее и после VII Археологического съезда окончательного выбора между историей и археологией А. А. Спицын еще не сделал. Это хорошо иллюстрирует письмо от 24 декабря 1888 г.: «Мои мечты на будущий год: кончить

работу по археологии (она мне дорого стоит, но откровенно говоря, не дорога), историю гимназии, историю Вятки за XVII в. (остается история духовенства и городов)... Археология меня далеко увела, и я теперь делаю попытку „возвратиться на прежнее"». Но археология все больше увлекала начинающего ученого и он продолжал свои путешествия по краю. 18 сентября 1890 г. А. А. Спицын писал: «Нынешнее лето я проездил по губернии для осмотра церквей и архивов, был также в Казани, где занимался на выставке и в архивах же. Добыча идет, и я доволен своими поездками. Не довольна будет только гр. Уварова, так как она хотела бы, чтобы я это время употребил на раскопки, закончив бы свою археологическую работу. Раскопки не удались потому, что я не имел разрешения от Археологической Комиссии и губернатор не дал мне открытого листа. Я никого не хотел ставить в неловкое положение и ограничился изучением церковных древностей... Теперь у меня есть одна мечта, очень фантастическая правда, но сильно увлекшая меня: мне хотелось бы оставить службу и как-нибудь где-нибудь устроиться постоянным экскурсантом-археологом. Положение мое для того очень удобное и говорят, что у меня есть нужная струнка. Особенно помышляю об Археологической Комиссии».

Здесь следует остановиться на одном деликатном моменте. В 1889 г. возник конфликт между Археологической комиссией и руководством Московского археологического общества, поводом которому послужил вопрос о праве выдачи разрешений на раскопки (открытых листов) [10, с. 302, 303] А. А. Спицын оказался в сложном положении: поддерживая отношения с П. С. Уваровой и производя работы на средства МАО, он был вынужден устанавливать контакты с Археологической комиссией, чему способствовали имевшиеся еще с университетских времен связи в научных кругах Петербурга. Сам же он писал по этому поводу: «Представьте себе: гр. Уварова мне про Археологическую Комиссию пишет то же самое — что в комиссии добро помнить не умеют и людей не ценят. **Очевидно, что кошка пробежала между людьми и они перестали друг друга понимать и не могут судить** (выделено нами.— *И. Т.*). Отчего бы Уваровой не простить ее самоуправства? Кто от этого пострадает? Чье самолюбие? Господь с ним, с этим самолюбием! Я его и в Вятке наблюдаю — и не страшно оно очень... Я вовсе не очарован Уваровой и знаю ее слабые стороны, чисто женского и графского характера, но как-то прощаю: таким вниманием умела меня она вовремя окружить... Я задумываю большую историко-археологическую поездку на Вычегду и думаю, что ее придется сделать под флагом Археологической Комиссии, если, конечно, она не перестанет доверять моей рабочей способности» (30 февраля 1891 г.). Следует полагать, что А. А. Спицын вышел с честью из этой ситуации. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что уже после его переезда в Петербург и начала работы в качестве штатного сотрудника Археологической комиссии (1892 г.), Московское археологическое общество в 1893 г. издало большую работу Спицына о результатах археологического исследования Вятского края [11].

В итоге надо заметить, что десятилетний вятский период жизни А. А. Спицына сыграл значительную роль в его становлении как ученого — историка, краеведа, археолога. За это время им было написано и опубликовано в местных изданиях более 60 статей и заметок, в том числе и по археологии (см. [12, с. 12, 13]). Интерес к археологии, возникший в университете, получил благоприятную почву для развития в ходе изучения местных памятников. Сам он оценивал это так: «Если бы я не уехал в провинцию, а остался в Петербурге, то, думаю, что все-таки из меня вышел бы не археолог, а историк, по моей особой склонности к этой науке» [9, с. 342].

Все письма из Вятки свидетельствуют о напряженных и постоянных научных работах А. А. Спицына. О каких-либо личных делах и отдыхе он ничего не пишет, да, видимо, и времени на них совсем не оставалось. Здесь будет уместным привести выдержку из одного письма (24 декабря 1888 г.), слова, которые очень хорошо характеризуют вообще всю деятельность А. А. Спицына: «Для счастья

(или иначе — для довольства собой, для бодрости душевной) всего необходимее усердный, полный внутреннего смысла труд».

С переездом А. А. Спицына в Петербург меняется характер его переписки с С. Ф. Платоновым, так как они достаточно часто общались непосредственно. Значительная часть петербургских писем представляет из себя очень краткие (чаще на почтовых карточках) деловые записки, за исключением некоторых, касающихся личных и семейных дел, в основном связанные с деятельностью Отделения славянской и русской археологии РАО (Русского археологического общества), которое в те годы возглавил С. Ф. Платонов. Более насыщенными и информативными оказываются письма, отправленные из разных мест во время летних поездок и экспедиций. Эти источники в совокупности с другими позволяют выяснить роль, которую А. А. Спицын играл в работе Русского отделения РАО.

Общеизвестны огромные издательские и организационные труды Спицына в Археологической комиссии. Новые, приводящиеся здесь материалы показывают, что практически те же функции он осуществлял и в РАО. Нужно учесть то обстоятельство, что С. Ф. Платонов хотя и был управляющим отделением Археологического общества, а впоследствии даже и возглавлял само общество, собственно «археологией» никогда не занимался. Он был прежде всего историком, и область его основных интересов была даже не древнерусская история, а история России XVI—XVII вв. Это вполне объяснимо, если вспомнить, что в работе археологических обществ того времени сугубо историческая проблематика была представлена ничуть не в меньшей степени, чем археологическая. Понятно, что в этой ситуации А. А. Спицын оказался ближайшим консультантом и помощником С. Ф. Платонова по части археологии, во многом и направляя деятельность отделения.

Начиная с 1894 г. многочисленные записки С. Ф. Платонову посвящены текущим делам, заседаниям, издательской деятельности отделения: «Котов просит отложить его реферат на 2-ой срок, нельзя ли сдвинуть вперед кн. Путятина?» (14 апреля 1894 г.), «Котову я сейчас напишу, что реферат отложен до 12 мая. Бобринский согласен читать позже 12-го и неудобно просить его сделать это раньше. Посему остается предложить Вам реферат А. А. Спицына „Курганы радимичей"... Реферат гр. Бобринского не представить ли общему собранию (РАО.— *И. Т.*)»[3] (17 апреля 1894 г.), «Остается одно — взять Вам реферат на себя. У меня для Вас есть прекрасная тема.., именно, об известных доселе погребениях каменного века в Европейской России. Нужные книги я Вам доставлю, предметы из моей раскопки в Ярославском уезде тоже» (27 ноября 1895 г.). В сентябре 1900 г. А. А. Спицын предлагает устроить в обществе обсуждения Тмутараканьского камня с привлечением филологов и т. д.

С деятельностью А. А. Спицына связано и возобновление работ РАО по части раскопок курганных древностей Северо-Запада, причем по заранее составленному плану. В 1899 г. А. А. Спицын вместе с Н. И. Веселовским подал в Совет РАО представление о необходимости производства раскопок собственно русских курганных древностей, причем не вызывает сомнений, что Веселовский был привлечен исключительно «для авторитета» и авторство этой программы полностью принадлежит А. А. Спицыну, так как она непосредственно связана с подготовленной к этому времени большой работой «Расселение древнерусских племен по археологическим данным», ставшей своеобразной вехой в становлении славяно-русской археологии. Программа предлагала, отказавшись от бессистемных раскопок, сосредоточить усилия для дальнейшего выявления типов погребальных сооружений и вещей, характерных для отдельных племен, и установления их хронологии методом полного изучения памятников на четко локали-

---

[3] П. А. Путятин — князь, известный археолог-любитель, член РАО и Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете; А. А. Бобринский — граф, председатель Археологической комиссии.

зованной территории [4]. Начать раскопки предлагалось уже в текущем году. Действуя через таких авторитетных членов РАО, как Н. И. Веселовский и С. Ф. Платонов, Спицын сумел добиться одобрения и финансирования этого плана. В последующие годы он продолжил его разработку и осуществление. Так, 7 декабря 1900 г. он писал С. Ф. Платонову: «Я составил вчера записку о дальнейших раскопках, с картою, на которую нанесены уже сделанные до сих пор раскопки, во всех областях. Если Н. И. Веселовский ее одобрит, то разрешите напечатать ее теперь же, перед обсуждением вопроса о раскопках» [5] Основными исполнителями этих работ стали Н. К. Рерих, В. Н. Глазов, Н. И. Репников. Летом 1902 г. А. А. Спицын сообщал С. Ф. Платонову: «Глазов и Рерих кончили свои поездки. Последний сделал очень интересное открытие — нашел курганы каменного века доселе никому не известные (впоследствии не подтвердилось.— *И. Т.*). Остальные мои молодцы нашли мало занимательного. Оказалось, что всюду главные массы курганов уже раскопаны, а оставленные бедны».

Летние месяцы и сам А. А. Спицын проводил в археологических поездках. Так, даже свое свадебное путешествие (в 1898 г. он женился на бывшей ученице по Вятской гимназии Елене Александровне Пьянковой) обратил в научную экспедицию по Уральской, Пермской и другим губерниям. Из Бирска он писал 5 июля 1989 г.: «Поездка эта была интересна в научном отношении, так как мне удалось разобраться в ряде местных древностей. Следующая поездка, в Яранский уезд обманула мои ожидания: могильника искомого (и важного) не оказалось. Зато на Каме я пожал лавры: нашел могильник Ананьинского типа, где обнаружил свыше 200 погребений. Теперь мы сидим в Бирске, где остается раскопать одно интересующее меня городище, а затем ехать в Пермь. Там с неделю я пробуду у Теплоухова (с Ф. А. Теплоуховым, собирателем известной археологической коллекции, Спицын был в близких отношениях еще с Вятки.— *И. Т.*) да вероятно поеду на могильник, тоже важный».

Начиная с лета 1902 г. А. А. Спицын занят подготовкой II областного археологического съезда в Твери, сообщая Платонову: «У господ тверичей никакого полету нет по раскопочной части. В музее отдел первобытной археологии у них в безобразном состоянии, и не видно, чтобы они что-нибудь задумали в нем улучшить для съезда... Колосов насел на музей, и конечно ни сам для него ничего не сделает, ни другим не даст. Приняли они нас чрезвычайно радушно, но все же съезд выйдет не на их темах. Очень жаль что пробыл с ними мало — авось в чем-нибудь столковались бы. Плетнев мне понравился, но его работа для съезда — тоже ребячья» [6] Много времени потребовали специальные издания «Записок отделения» к съезду, из Ильинского (имение гр. Строгановых, где работал Ф. А. Теплоухов) А. А. Спицын писал 23 июля 1903 г.: «Я готовлюсь к съезду. С нашими изданиями для съезда мне пришлось не мало и здесь повозиться, так что у меня отдых так же почти в начале, почему мы, вероятно помедлим здесь, если погода будет тому благосклонна. Конечно приятно, что все три затеянные нами к съезду издания приготовлены. Я еще не имею сброшюрованного экземпляра „Записок“ и требую его, что бы посмотреть, правильно ли сверстаны таблицы. Получив, просмотрю, не надо что-нибудь справить в тексте... Курганчик — что в парке я тронул; оказалось что это куча рыхлой земли с прослойками листвы. Зато я нашел городище под с. Воскресенье, Дьякова типа: на ловца и зверь бежит. Археологическая поездка моя была не особенно результатна. Самое важное (действительно, важное), что я сделал — нашел в Бологом совершенно отдельный слой древнего каменного века».

---

[4] Опубликована в Протоколах Общих собраний Императорского русского археологического общества за 1899—1908 гг. П., 1915. С. 8—11.

[5] Была напечатана в Записках Отделения русской и славянской археологии. Т XII. С. 404—408.

[6] В. И. Колосов — краевед-археолог, хранитель Тверского музея, председатель Совета Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания; В. А. Плетнев — краевед-археолог, член Тверского статистического комитета, один из основателей Тверской ученой архивной комиссии, автор сводки об археологических памятниках Тверской губернии.

В августе 1903 г. Тверской областной съезд, на котором А. А. Спицын представлял РАО, состоялся «с триумфом для комиссии и общества».

В 1909 г. А. А. Спицын такое же активное участие принимал в проведении IV областного съезда в Костроме, но там, видимо, не все так удачно сложилось, как в Твери. Об этом он информировал своего адресата: «Спрашиваете про съезд. Можно выразиться зло, но я не могу платить злом за добро. Для меня он был хорош. Кучка археологов была невелика, дружна и весела. Я приобрел кое-какие новые сведения и новых знакомых. Во всяком случае честь Археологической Комиссии на съезде ее представителем не была уронена, и меня это тешит. Я пробыл в Костроме 3 дня, так что не успел побывать даже в Ипатьевском монастыре». Спицын вынужден был спешить из-за болезни жены, о чем сообщает далее.

Пользуясь дружескими отношениями с С. Ф. Платоновым, который полностью полагался на научный и организационный опыт и талант Спицына, он по сути дела определял тематику докладов на заседаниях отделения русской и славянской археологии, рекомендуя включать в повестку нужные темы и авторов. Об этом свидетельствуют многие письма. Значительное место в заседаниях занимали и доклады самого Александра Андреевича. Только за 10 лет (1898—1908 гг.) им было сделано 38 докладов, не считая мелких сообщений (см. [13]). Продолжалось осуществление и программы изучения древнерусских курганов. Так, 19 декабря 1903 г. он писал: «В субботу в обществе обсуждается смета. Не найдете ли Вы возможным и удобным похлопотать, чтобы общество дало на раскопки 300 р.? Мне хотелось бы послать двух исследователей на верховья Днепра и на среднее течение Оки, для определения влияния этих местностей на курганные древности Суздальщины. Это вопрос о происхождении великоруссов». В феврале 1904 г. — «Не откажите в программу ближайшего заседания ввести еще сюжет: Обсуждение проекта раскопок летом 1904 г.».

В еще большей степени с активностью А. А. Спицына связаны успехи издательской деятельности отделения. Во многих письмах он касается вопросов о выделении сумм на издания, пишет о своих трудах по изготовлению таблиц и рисунков, подбору авторов, сверке корректур и т. д. Немало места в «Записках Отделения русской и славянской археологии» занимают работы самого А. А. Спицына. Некоторые выпуски попросту состояли почти полностью из его статей и заметок (например, первый выпуск VIII тома) [13, с. 304]. Однажды по этому поводу он даже написал С. Ф. Платонову следующее: «Тема другого реферата на вторник „Отчет В. Н. Глазова о раскопках в Псковском и Гдовском у. 1899 г.“ Я готовлю извлечение из отчета, Вы его прочтете (не упоминая, что это моя работа — надоело вставлять свою фамилию)», или об издании к Тверскому съезду: «Неподписанные статьи — Спицына».

10 апреля 1904 г. А. А. Спицын сообщил С. Ф. Платонову о посещении императором Николаем II выставки Археологической комиссии более чем лаконично, видимо, не придавая этому большого значения: «Государь сегодня у нас был. Гр. Бобринский просит назначить посещение Обществом выставки в ближайшие дни, особенно в среду. Тогда же может быть назначен и его реферат „Новые раскопки курганов скифо-сарматского типа близ Смелы“ и, пожалуй, краткое сообщение Рериха о его раскопках. Все это займет немного времени. Комната для заседаний здесь устроена». По сведениям, полученным автором от дочери ученого — Н. А. Спицыной, Александр Андреевич несколько раз встречался в комиссии с императором и даже спорил с ним по поводу различных вещей.

Вообще же А. А. Спицын был невероятно далек от политики и никакого интереса к ней не проявлял, посвящая все свое время научным занятиям. Так, например, в 1905 г. он пишет: «Вчера слышал от гр. Бобринского, что здесь только что арестован склад бомб и гнездо заговорщиков. Предполагалось, те бомбы пустить в театр Буфф и в Павловском. Он же говорит что готовится конституция, только я в это не верю». Этот штрих, характеризующий некоторую

политическую наивность, вообще единственное упоминание во всей переписке с С. Ф. Платоновым о событиях, не связанных с научной деятельностью или семейными делами.

В 1909 г. к многочисленным заботам А. А. Спицына по Археологической комиссии и Русскому археологическому обществу прибавляются университетские дела, так как он был принят в качестве приват-доцента в С.-Петербургский университет, где начал читать первый в России университетский курс русской археологии. В 1910 г. для обеспечения учебного процесса он создает на историко-филологическом факультете археологический кабинет, который быстро стал пополняться научной литературой и коллекциями вещественного материала. 16 января 1910 г. Спицын писал: «Сегодня у меня праздник: узнал, что Московское Археологическое Общество дает мне для Университета все свои издания, без исключения». Приходилось заниматься даже таким сугубо хозяйственным делом, как обеспечение кабинета стульями (письмо 13 февраля 1910 г.). Не меньшую заботу Александр Андреевич проявлял и о своих студентах: «Может быть к вам обратится за советом мой студент естественник Острогский [7], желающий перейти на наш факультет. Не откажите ему помочь указаниями Вашими. Он из моих прилежных учеников» (10 сентября 1910 г.). Или «Вас завтра будет беспокоить студент Саханев [8], о котором я Вам говорил, и Вы разрешили ему к Вам явиться. У него сейчас критический момент по вопросу о дальнейшем пребывании в Университете. Помогите ему добрым советом» (12 сентября 1911 г.).

В 1912 г. А. А. Спицын добился выделения для археологического кабинета ставки штатного библиотекаря-хранителя кабинета. По этому поводу есть официальное письмо на имя С. Ф. Платонова как руководителя исторического семинария, при котором было создано археологическое отделение (9 апреля 1912 г.). Там же он сообщает, что коллекции быстро пополняются, в первую очередь за счет поступлений Археологической комиссии. Понятно, что этому способствовал сам А. А. Спицын, являясь сотрудником комиссии. А будучи в одном лице также членом РАО и преподавателем археологии в университете, Спицын блестяще использовал эти широкие возможности для активных контактов между этими тремя центрами, работающими в единой системе. Например: «Заседание (Русского отделения РАО.— *И. Т.*) удобно было бы, может быть, устроить в Археологическом кабинете университета, где довольно тепло и имеются два помещения. Мои лекции 1—3 ч. в пятницу. Сообразуйте только со своим временем» (письмо без даты).

В летние месяцы А. А. Спицын проводил со студентами раскопки и разведки по некоторым городам. Из Везо — дачного местечка в Эстонии, где А. А. Спицын с семьей снимал дачу с 1903 по 1914 г., он сообщал об одной из таких поездок С. Ф. Платонову: «Мы со студентами съездили очень хорошо — и дружно, и полезно, с разнообразными дорожными приключениями. Псков более заполнил мое археологическое сердце, чем Новгород. Он набит древностями и живописью. Теперь, отдохнув неделю, я принялся за свои личные работы — университетский курс и Архангельскую церковь, последнее для денег, первое для души. Курс идет с чрезвычайной трудностью и запинаниями. Пока стою в начале» (21 июня 1911 г.).

В 1912 г. состоялась поездка в Саратовскую губернию: «Съездили мы в Саратов хорошо, хотя я и Лена (жена.— *И. Т.*) с заботами. Раскопки дали не важные результаты, но зато музей я привел в порядок и сообщение сделал о

В. А. Острогский — студент С.-Петербургского университета, слушатель курсов А. А. Спицына, в 1910—1913 гг. произвел небольшие разведки и раскопки в районе Холмогор и изучение неолитических стоянок на побережье Белого моря.

[8] В. В. Саханев — ученик А. А. Спицына, в 1913 г. закончил С.-Петербургский университет, в 1910—1915 гг. производил многочисленные раскопки в разных районах Европейской России, в 1912—1915 гг. был хранителем археологического кабинета университета, после революции — в эмиграции, принимал участие в работе «Кондаковского семинария» в Праге, автор статьи об А. А. Спицыне в Seminarium Kondakovianum. II. Прага, 1928. С. 343—346.

местных древностях... Ваше тверское письмо было получено и содержание одного сообщено Кудряшову и Лаврову [9] (студенты.— *И. Т.*). Последнего очень соблазняет остаться в Саратове или Самаре, но Университет дал ему лишь 30 р., и теперь Лавров мне пишет, что он на пути в Череповец. После себя я оставил своим 100 р. и они еще оставались в Саратове для продолжения раскопок (городища и могильника у с. Ахматка.— *И. Т.*)... Теперь я сижу дома и готовлюсь к поездке, чтобы не осрамиться в Стокгольме. Почти наверное поедет со мной Тищенко в весь путь, и это мне очень удобно» [10] (письмо 4 июля 1912 г.)

В феврале 1915 г. у А. А. Спицына произошел конфликт с хранителем Археологического кабинета университета В. В. Саханевым. По этому поводу он писал С. Ф. Платонову (22 февраля 1915 г.) о некорректном поведении Саханева — «он не воздерживался от дерзостей даже на лекциях. К Вам-то он обернут ангелом, а я выношу совсем иные его свойства... отдавая книги, Саханев мне сказал: „Я не очень нуждаюсь в Кабинете" Вот именно Кабинет-то никогда в нем не нуждался. Все там сделано мной и Тищенко. Саханев даже не дежурил. Книги он брал без учету, и недавно вернул груду их, взятых без всяких расписок. Казенный фонарь до сих пор у него на дому, и мы пользуемся Айналовским» [11]. В тот же день А. А. Спицын направил С. Ф. Платонову официальное заявление, где, сообщив об отказе Саханева от должности хранителя, просил полностью представить археологический кабинет в его ведение: «Так как дальнейшее приведение Кабинета в порядок требует экстренных и ученых усилий, для которых едва-ли найдутся лица в студенческой среде, то я позволил бы себе предложить через Вас факультету свои услуги по заведованию кабинетом в настоящем году, с тем, чтобы образующююся экономию в 150 р. (жалованье хранителя кабинета.— *И. Т.*) обратить на переплет книг». Через два дня (24 февраля 1915 г.) А. А. Спицын сообщает: «Эти дни идет усиленное приведение Кабинета в порядок. Работаем уже вторую неделю».

В 1915 г. А. А. Спицын помимо нескольких археологических и исторических курсов стал читать в университете и Археологическом институте [12] курс по русской исторической географии. В связи с подготовкой этого курса лекций к изданию (а он был издан в 1917 г.) [14] писал: «Дорогой Сергей Федорович! Оказалось что у меня нет Вашего университетского курса (Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С.-П., 1899.— *И. Т.*), а между тем для составления историко-географической карты именно он-то мне и нужен. Если у Вас есть, не откажите меня тем снабдить. Манечка (дочь А. А. Спицына.— *И. Т.*) могла бы его принести» (6 мая 1915 г.).

Научная и педагогическая деятельность А. А. Спицына не прерывалась и в трудные годы революции и гражданской войны. В декабре 1917 г. А. А. Спицын обращал внимание С. Ф. Платонова на следующее: «В Русском отделении (РАО.— *И. Т.*) не израсходовано 1490 р. с чем-то, да еще рублей 600 за книгу Лихачева. Совет не состоялся, да и кстати: успейте распорядиться своими суммами» (письмо 18 декабря 1918 г.).

---

[9] К. В. Кудряшев — в 1911 г. закончил С.-Петербургский университет, ученик А. А. Спицына, проводил археологические раскопки в Гдовском уезде (Отчет о раскопках 1911 г напечатан в Записках Отд. рус. и слав. археологии. Т. IX. С.-П., 1913) и других местах; Н. Ф. Лавров — студент С.-Петербургского университета, слушатель курсов А. А. Спицына, вместе с ним принимал участие во многих раскопках 1911—1913 гг., впоследствии известный историк.

[10] Летом 1912 г. А. А. Спицын был командирован университетом на Международный археологический конгресс в Стокгольме. Вместе с ним туда же поехал А. В. Тищенко — студент и любимый ученик А. А. Спицына, молодой, подающий надежды археолог, погиб на фронте в 1914 г. Подробнее с А. В. Тищенко см.: *Тищенко А. В.* Его статьи. Статьи о нем. П., 1915.

[11] Речь идет о проекторе для показа диапозитивов. А. А. Спицын имеет в виду, что ему приходится пользоваться проектором Д. В. Айналова — профессора кафедры теории и истории искусства.

[12] С.-Петербургский Археологический институт (существовал в 1878—1922 гг.) — специальное учебное заведение, куда принимались лица только с высшим образованием, готовил в основном архивистов, но там читались отдельные курсы и по археологии. С 1914 г. А. А. Спицын был преподавателем Археологического института по кафедре исторической географии.

Летом 1918 г. А. А. Спицын со студентами провел небольшие археологические разведки в Новгородской губернии, выявив ряд неолитических памятников. Собранные коллекции пополнили археологический кабинет университета. А август и начало осени 1918 г. семья Спицыных, спасаясь от Петроградского голода, проводила в деревне Верховье Новгородской губернии. Оттуда А. А. Спицын писал С. Ф. Платонову, который в это время находился в Петрограде: «Лучшими своими занятиями я не то, чтобы очень был доволен, но все-таки не мало преуспел. Задачи были такие большие, что, конечно, нечего многих успехов ожидать. В первый раз внимательно читаю Ваш курс и нахожусь под его настроением. Вот теперь я понял, почему Вас лично более интересует новая история: в Вашем изложении тут очень отчетливо выступают и массы и отдельные люди, является полнота картины, какой не получишь никакими усилиями в старой истории... В город не спешу, не предполагая, чтобы преподавание в столь трудных материальных обстоятельствах, могло начаться своевременно и идти нормально. Жду известий от Вас через Мишу (сын А. А. Спицына.— *И. Т.*). Денег и здесь не хватает, а в Петербурге ведь надо в пять раз больше. Ужасаюсь предстоящей петербургской зимы... О том что делается в России и на белом свете, мы здесь ничего не слышим, да вероятно, и петербуржцы живут в таком же положении... Не тянет в Петербург! Словно в мясорубку лезешь!» (письмо 24 августа 1918 г.).

Но занятия в университете, хотя и с опозданием, начались, и, чтобы не оказаться уволенным из университета, как не явившийся к их началу, А. А. Спицын был вынужден возвращаться в голодный Петроград. По этому поводу он запрашивал С. Ф. Платонова 1 октября 1918 г.: «Мы собрались ехать через недельку, а на всякий случай я сейчас сообразил спросить Вас, в какой степени необходимости являться в город теперь же. Не откажите в сведении, как идут занятия в Университете, в Институте (Археологическом.— *И. Т.*), в гимназии, если можно, со своим заключением насчет времени нашего выезда».

2 ноября 1918 г. декретом Совета Народных Комиссаров А. А. Спицыну было присвоено звание профессора Петроградского университета [13]. В 1922 г. на базе археологического кабинета и присоединенного к университету Археологического института возникло Археологическое отделение факультета общественных наук, где А. А. Спицын продолжал преподавать до 1928 г. (см. [15, с. 8—17]). И опять судьба распорядилась так, что непосредственным начальником его оказался С. Ф. Платонов, который в первые годы возглавлял Археологическое отделение. Особое внимание А. А. Спицын продолжал уделять археологическим коллекциям и музею университета; так, в 1923 г. он просил С. Ф. Платонова помочь оформить паек хранителю музея Т. Ф. Геллаху.

И последнее письмо С. Ф. Платонову, датированное 1 апреля 1927 г., посвящено также университетским делам: «Книжка о Нижегородских древностях [14] решительно плоха. Он мне ее выслал, а я даже не поблагодарил ибо не за что, и автор показался мне безнадежным и с большими претензиями. В Нижнем (Новгороде.— *И. Т.*) я ему похвал не слышал. Появление его в Петербурге никого не порадует. Мы с П. П. Ефименко [15] единогласно рассудили: пусть просится в Московский университет. Если найдете нужным ответить, кажется, удобным было бы написать: двое из профессоров, с которыми Вы вошли в сношение, высказались сдержанно, как о лице совершенно незнакомом. Московские же археологи его знают».

Вскоре С. Ф. Платонов оказался жертвой начинающихся новых политических репрессий против старой интеллигенции. В январе 1930 г. он был арестован

---

[13] Ленинградский государственный исторический архив. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10260. Л. 16.

[14] Вероятно, речь идет о книге: *Илларионов В. Т* Обзор археологических открытий в Нижегородской губернии. Курганы, городища, могильники, находки предметов каменного, бронзового и железного веков. Нижний Новгород, 1922.

[15] П. П. Ефименко — известный советский археолог, исследователь палеолита, профессор Ленинградского университета.

и после полуторагодового заключения в тюрьме выслан в Самару [16, с. 125] Вместе с С. Ф. Платоновым были арестованы и другие близкие А. А. Спицыну люди — В. Г. Дружинин и Б. А. Романов. Все это очень тяжело подействовало на А. А. Спицына и послужило немаловажной причиной ухудшения его здоровья. Летом 1931 г. он тяжело заболел, и 17 сентября того же года его не стало. Ненадолго пережил своего старого товарища и С. Ф. Платонов. Он умер от сердечной недостаточности 10 января 1933 г. в Самаре.

Письма А. А. Спицына к С. Ф. Платонову еще раз с большой полнотой и отчетливостью представляют нам образ Александра Андреевича Спицына — великого труженика, всю свою жизнь посвятившего бескорыстному служению науке, которая в значительной мере своими успехами была обязана и его трудам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Равдоникас В. И.] Александр Андреевич Спицын // СА.Х.1948.
2. *Зеленин Д. К.* Научные труды А. А. Спицына (по поводу 25-летия его научной деятельности). С.-П., 1906.
3. *Равдоникас В. И.* Памяти А. А. Спицына // СГАИМК. 1931. № 9/10.
4. *Жебелев С. А.* Археолог-энтузиаст (Памяти А. А. Спицына) // СА. 1948.Х.
5. *Формозов А. А.* К биографии А. А. Спицына // СА. 1987 № 2.
6. *Платонов С. Ф., Крачковский И. Ю., Ольденбург С. Ф.* Записка об ученых трудах проф. А. А. Спицына // Изв. АН СССР. 1927. Сер. 6. № 18.
7. *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. II.
8. *Тихонов И. Л.* Письма А. А. Спицына из Вятки к С. Ф. Платонову (краткий обзор) // Тезисы докладов конференции «Вятская земля в прошлом и настоящем». Киров, 1989.
9. *Спицын А. А.* Мои научные работы // Seminarium Kondakovianum. II. Прага, 1928.
10. *Пескарева К. М., Рябинин Е. Я.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (К 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 4.
11. *Спицын А. А.* Археологические разыскания о древних обитателях Вятской губернии // МАВГР. 1893. Вып. 1.
12. Список ученых трудов А. А. Спицына // СА. 1948.Х.
13. Протокол Общих собраний Имп. Русск. Арх. Общества. П., 1915.
14. *Спицын А. А.* Русская историческая география. Учебный курс. П., 1917.
15. *Тихонов И. Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. 1988. Вып. 3.
16. *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопр. истории. 1989. № 5.

Музей истории Ленинградского государственного университета

Критика и библиография

П. ФИЛЛИПС

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Трасологический анализ в Англии возник как прямой результат работы С. А. Семенова в экспериментально-трасологической лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Работа советского ученого, пионера применения трасологии в археологических исследованиях, оказала влияние на английскую археологию во многих направлениях.

Прежде всего это книга «Первобытная техника» проф. С. А. Семенова. Она была переведена М. В. Томпсоном и опубликована английским издательством в 1964 г. (2-е издание — в 1970 г.). Представляется, что уже одна эта книга оказала влияние на работу Лоренса Кили, американца, начавшего свои первые научные изыскания в 1972 г. при Центре исследований по четвертичной геологии в Оксфорде путем изготовления и использования серий экспериментальных орудий и наблюдения следов износа, оставшихся на их краях [1, с. 323—336; 2] Кили определил специфические виды заполировок, видимых при увеличении 200—600 раз, характерные для различных обрабатываемых материалов, и использовал результаты своих экспериментов при изучении отдельных нижнепалеолитических стоянок Англии. Успех Л. Кили в слепом тесте вызывал широкий интерес среди британских археологов. Речь идет о проверке точности трасологических определений: экспериментатор Марк Ньюкамер, скептически относившийся к трасологии, изготовил серию орудий на отщепах и использовал их в различных функциях, а Лоренс Кили осуществил успешный трасологический анализ этой коллекции [3, с. 29—62].

Другие англичане испытали это влияние во время своих визитов в ленинградскую лабораторию. Среди них — Рут Тринхем, ныне преподающая в Университете Беркли в Калифорнии. В период своей стажировки в Ленинграде она работала в трасологической лаборатории под руководством С. А. Семенова. По возвращении она осуществила трасологический анализ каменных орудий со стоянок Юго-Восточной Европы, применяя микроскоп с малым увеличением. Однако после перехода Р. Тринхем в Гарвадский университет в 1972 г. ее опыт в этой методике был утрачен для Англии, а Гарвард с этих пор стал центром применения микроскопов малого увеличения в трасологических исследованиях [4, с. 171—196; 5, с. 226—240]. Вслед за Тринхем ленинградскую лабораторию посетил проф. Чарльз Мак Берни из Кембриджского университета, который работал над трасологическим анализом с середины 60-х годов [6]. Увиденное в Ленинграде произвело большое впечатление на английского исследователя, и, вернувшись на родину, он приступил к подготовке стажеров, используя микроскопы с малым и большим увеличением; но тяжелая болезнь и смерть в 1980 г. прервали его работу.

Таким образом, в 1979 г., когда Робин Торренс и Эмили Мосс организовали конференцию в Шеффилде с целью собрать английских специалистов по трасологии, на ней присутствовали представители из Оксфорда (в особенности следует отметить д-ра Дерека Рое, который руководил работой Лоренса Кили и многих других учеников, своих преемников); из Кембриджа — в лице Грема Морриса, который вначале работал под руководством проф. Мак Берни, а впоследствии стал учеником д-ра Рое; из Эдинбурга, а также из Лондона, среди которых была Эмили Мосс, завершавшая свою магистерскую диссертацию: для работы над ней Эмили Мосс, подобно Л. Кили, использовала аппаратуру высокой степени увеличения, работой руководил Марк Ньюкамер. Все ученые, исключая представителей Эдинбурга, к этому времени уже использовали в работе микроскопы большого увеличения. Кроме того, Патриция Андерсон, американка, работавшая под руководством Франсуа Борда, представила результаты своей работы со сканирующим микроскопом в Университете Бордо, технику, позволившую ей увидеть остатки обрабатываемого материала

© П. Филлипс, 1991 г.

на экспериментальных и археологических орудиях. Новый подход Андерсон оказал значительное влияние на последующие работы английских исследователей [7, с. 181—194].

В 1980-е годы английские трасологи главное внимание уделяют изучению выкрашивания рабочего края орудия, линейных следов, заполировки и остатков обрабатываемого материала на рабочих поверхностях орудий. Из перечисленных видов следов макроизнос обычно признают недостаточно надежным, как признак наименее регулярный [8, с. 231—242; 2], хотя он может быть полезным при первичном осмотре орудия; часто его рассматривают в комплексе с микроследами. Большинство специалистов пользуются в работе такими микроскопами, как Wild M-20, Leitz Metallux-2, Epivert или Olympus Vanox, т. е. микроскопами с увеличением в 200—400 раз. Заполировка и линейные следы являются главными источниками информации для английских трасологов. При сохранившейся поверхности орудия этих двух видов следов обычно довольно для определения с достаточной степенью достоверности, по какому материалу использовалось орудие (хотя высказываются и новейшие критические точки зрения, см. [9]). Изучение остатков обрабатываемого материала на поверхности орудий распространено менее широко. По-видимому, на обсидиане подобные остатки, действительно, сохраняются очень хорошо, и их можно наблюдать как с помощью оптического микроскопа большого увеличения, так и с помощью сканирующего электронного микроскопа [10].

Некоторые исследователи смогли обнаружить эти остатки на кремне [11, с. 97—106] В целом определенные трудности в идентификации остатков на поверхностях орудия существуют, они связаны с недостатком сравнительных данных, а также с тем, что многие ботаники не могут при больших увеличениях определять сильно фрагментированные частички растений. Но не все эти остатки растительного происхождения — Харкомб сумела определить остатки кусочков мяса на экспериментальных обсидиановых орудиях [12, с. 50—60].

В Англии работа по изучению остатков обрабатываемого материала на поверхности орудий заключается в идентификации мельчайших частиц этого вещества, заключенных внутри силикатного слоя заполировки. Эти работы не предполагают изучения образцов, подобных, например, находкам из засушливых районов Северной Америки, где достаточно большие фрагменты материала найдены прилипшими к поверхностям артефактов [13, с. 478—483; 14, с. 385—399]. В таких ситуациях вполне возможно с помощью химического анализа непосредственно этих фрагментов определить растительное или же животное их происхождение, а в некоторых случаях и осуществить определение групп крови по остаткам мяса или кожи [15, с. 1269—1271].

После Шеффилдской встречи 1979 г. большинство совещаний западноевропейских трасологов проходило на Европейском континенте (Тервурен — 1981, Лион — 1982, Брайтон — 1983, Тюбинген — 1985). Это обеспечило возможность для обмена информацией и идеями между европейскими специалистами. К примеру, статья Оуэна, Энрата и Вогана [16, с. 30—60] перечисляет адреса и методы исследования американских и европейских трасологов.

Одна из областей исследований — «процесс формирования» — процессы, благодаря которым различные виды заполировки возникают на орудиях от работы по разным материалам. С этой областью исследований связано и стремление «точного измерения» заполировок. В обеих областях применяется сканирующий электронный микроскоп. Кили осуществил экспериментальное измерение интенсивности заполировки [2, рис. 19]. Другие европейские исследователи, например Надсон и Карлсон [17, с. 33—48], также заняты поисками средств объективного описания сработанности на поверхности орудий. В Англии Люмон пытался выразить количественно степень некоторых видов заполировок с помощью интерферометрии [18, с. 206—217]. Грэм возглавил исследования по выяснению возможности измерения различных видов заполировок оптическими цифровыми установками [19, с. 112—120], но особых успехов пока нет. Трудности точного измерения, хотя они могут быть преодолены в будущем, происходят из-за недостаточного понимания природы образования заполировки.

Андерсон [7] и Мансур-Франшом [20, с. 223—230] во Франции, Андерсон и Уитлоу [21, с. 468—474] в Дании, Микс, Сивкинг, Тайт и Кук [22, с. 317—340], Энгер Гамильтон [23, с. 91—98] и Моррис [24] обсуждали проблему заполировки. Большинство из них с помощью сканирующего электронного микроскопа исследовали этот процесс как результат двойного воздействия на поверхность орудия — изнашивания и отложения. Андерсон и Уитлоу [21, с. 468—474] открыли хорошую корреляцию между изменениями водородных профилей и специфическими используемыми материалами, а Моррис [24] разработал теоретическую и математическую базу для описания действия этих двух главных процессов формирования заполировки. Трудноуловимая разни-

Таблица

Стратегии и методы трасологов Англии и Ленинграда

Исследовательская стратегия трасологов Англии	Метод исследования
1. Приобретение сырья (камень) 2. Изготовление и использование каменных орудий	Петрология и теоретические модели Типолого-технологический анализ, ремонтаж, эксперимент, трасологическое изучение отдельных предметов плюс теоретические модели = модель производства каменных орудий и видов деятельности, связанных с этими орудиями

Исследовательская стратегия трасологов в Ленинградской трасологической лаборатории	Метод исследования
1. Приобретение сырья (камень, глина, дерево, кость и т. д.)	Петрология и т. д.
2. «Производительная деятельность древних обществ» (камень, глина, дерево, кость и т. д.)	Экспериментальные и трасологические исследования в поле плюс трасологический анализ в лаборатории = модель изготовления и использования всех следов и артефактов—орудий

ца заполировок, возникших от работ по разным материалам, видимая под большим увеличением, является результатом различных пропорций в воздействии этих двух процессов, и в частности результатом степени увлажнения обрабатываемого материала. Этим объясняются те трудности, которые испытывают трасологи при определении материала обработки.

В заключение необходимо отметить, что английские трасологи (как и западноевропейские и американские их коллеги) обычно вынуждены исследовать только лишь отдельные образцы археологических материалов с каждой стоянки. Это закономерно, поскольку при работе с микроскопами большого увеличения на изучение каждого образца уходит много времени. Вдобавок к этому большинство трасологов работает над трасологией лишь в течение 3—4 лет написания своих докторских диссертаций, за этот короткий срок им необходимо развить свое мастерство и провести свои собственные экспериментальные работы; можно, впрочем, продлить свои занятия трасологией, работая по контракту, но в Англии нет трасологической лаборатории, подобной ленинградской, где могли бы работать исследователи.

Практика выборочных исследований означает, что те же коллекции каменных орудий не могут быть изучены полностью, тем более сопутствующие им кость, керамика и дерево, даже если одна сотрудница Института археологии в Лондоне написала свою диссертацию об артефактах из кости [25], а другие опубликовали статьи о кости вообще [26]. Трасолог просматривает всю коллекцию, а для исследования выбирает или орудия определенного типа, или все ретушированные фрагменты, или же все артефакты, связанные с определенным производством, например с очагом. Это означает, что выявляются лишь отдельные виды деятельности, а не вся экономика в целом (исключая очень маленькие стоянки: Меер II, Бельгия [27, с. 44—51]). Процесс выборочных исследований зависит от множества теоретических моделей: и приобретения сырья, и изготовления каменных орудий и их использования (таблицы).

Главными центрами трасологических исследований в Англии на 1985 г. являются: Институт археологии в Лондоне, Центр исследований по четвертичной геологии в Оксфорде и Отдел археологии и преистории в Шеффилдском университете. Большая часть исследований финансируется Советом по науке и инженерным исследованиям (комитетом по научной археологии). Многие английские археологи ценят возможности трасологического метода, тем не менее они редко бывают в состоянии употреблять часть средств, имеющихся у них, для проведения раскопок, на анализ своих находок. Но несмотря ни на что, этот метод утвердился, проявил себя и обеспечил себе большое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Keeley L. H.* Technique and methodology in microwear studies // World Archaeology. 1974. No. 5.
2. *Keeley L. H.* Experimental Determination of Stone Tool Uses. A Microwear Analysis. University of Chicago Press. Chicago, 1980.
3. *Keeley L. H., Newcomer M. H.* Microwear analysis of Experimental flint tools: a test case // J. Arch. Sci. 1977, 4, 1. L.: Acad. Press.

4. *Tringham R., Cooper G., Odell G. et al.* Experimentation in the formation of edge damage: a new approach to lithic analysis // J. Field Arch. 1974. 1. Association for Field Archaeology. Boston. Mass.
5. Odell G. Micro-wear in perspective: a sympathetic response to Lawrence H. Keeley // World Archaeology. 1975. 7.
6. *McBurney C. B. M.* Early Man in the Soviet Union. L.: Brit. Acad., 1976.
7. *Anderson P. C.* A testimony of prehistoric tasks: diagnostic residues on stone tool working edges // World Archaeol. 1980. 12, 2. Oxon: Routledge, Kegan Paul.
8. *Moss E.* Some comments on edge-damage as a factor in a functional analysis of stone artifacts // J. Arch. Sci. 1983. 10.
9. *Newcomer M., Grace R., Unger*-Hamilton R. Investigating microwear polishes with blind tests (volume arising from Microwear Conference. Tübingen University, 1985).
10. *Hurcombe L.* Residue Studies on obsidian tools (volume arising from Microwear Conference. Tübingen University, 1985).
11. *Morris G.* Microwear and organic residue studies on Sweet Track flints // Somerset Levels Papers. 1984. 10. Somerset Levels Project. Department of Archaeology; University of Cambridge, and Department of History, University of Exeter.
12. *Hurcombe L.* The potential of functional analysis of obsidian tools: a closer view // Papers in Italian Archaeology IV / Eds C. Malone, S. Stoddart. 1985. Brit. Archaeol. Rept. Oxford. S. 244.
13. *De Briuer F. L.* New clues to stone tool function: plant and animal residues // Amer. Antiquity. 1976. 41. Washington D. C.
14. *Shafer H. J., Holloway R. G.* Organic residues analysis in determining stone tool function // Lithic Uce-Wear Analysis / Ed. B. Hayden. N. Y.: Acad. Press, 1979.
15. *Loy Y. H.* Prehistoric blood residues: detection on tool surfaces and identification of species of origin // Science. 1983. 20. American Association for the Advancement of Science. Washington.
16. *Owen L., Unrath G., Vaughan P.* Register of microwear analysts and their research // Early Man News / Eds for the Commission for the Palecology of Early Man of INQUA by D. W Clark, H. Laville, H. Müller-Beck, A. V. Ranov. Tübingen, 1984.
17. *Knutsson K., Karlsson G.* Two methods by which to describe objectively worn surfaces // RTOR (Tidskrift for nordisk fornkunsap, Uppsala). Uppsala, 1980—1982.
18. *Dumont J.* The quantification of microwear trances: a new use for interferomentry // World Archaeol. 1982. 14, 2.
19. *Grace R., Graham I. D. C., Newcomer M. N.* The quantification of microwear polishes // World Archaeol. 1985. 17. 1.
20. *Mansur-Franchomme M. E.* Scanning electron microscopy of dry nide working tools: the role of abrasives and humidity in microwear polish formation // J. Arch. Sci. 1983. 10.
21. *Andersen H. M., Whitlow H. J.* Wear trances and patination on Danish flint artifacs // Nuclear Instrs. Methods in Physics Research. 1983. Amsterdam, 1983. 218.
22. *Meeks N. D., Siveking G. de G., Tite M. S., Cook J* Gloss and use wear traces of flint sickles and similar phenomena // J. Arch. Sci. 1982. 9, 4.
23. *Unger-Hamilton R.* The formation of use-wear polish on flint: beyond the «deposit versus abrasion» controversy // J. Arch. Sci. 1984. 11.
24. *Morris G.* Microwear traces of flint artifacts. An experimental study of form and function in two contrasting neolithic assemblages. Unpublished. Ph. O. dissertation. University of Cambridge.
25. *Olssen S. L.* Analytical approaches to the manufacture and use of bone artifacts in prehistory. 1984. Unpublished Oh. D. thesis. L.: Institute of Archaeology.
26. *Cook J. S. E. M.* Study of marks of human skeletal material from Gough's Cave, Somerset in Gough's Cave, Somerset, edited by R. M. Jacobi. // Proc. Univ. Bristol Spelaeol. Soc. Bristol, 1985.
27. *Van Noten F., Cahen D., Keeley L.* A Palaeolithic campsite in Belgium // Sci. Amer N. Y., 1980. 242.

Шеффилдский университет, Великобритания

C. Renfrew. Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European origins. L., 1987 346 p.

Работа широко известного английского ученого К. Ренфрю посвящена происхождению и распространению индоевропейских языков. Вслед за книгой Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова это самый обширный как по замыслу, так и по объему труд, состоящий из 11 глав. Первые пять глав занимает историография вопроса. Показано, что сначала проблема решалась в чисто языковом аспекте. В 1859 г. немецкий лингвист А. Пиктэ предложил подход, назвав его «лингвистической палеонтологией». Принцип его заключался в том, чтобы из группы индоевропейских языков отобрать слова, которые имеют общие корни и которые, следовательно, должны были быть в общем, протоиндоевропейском языке. Были отобраны общие термины для животных (овца, коза, бык, корова лошадь), на основе чего сделано заключение, что хозяйство людей, говоривших на протоиндоевро-

© А. Д. Резепкин, 1991 г.

пейском языке и живших соответственно на общей прародине, было скорее кочевническим, чем земледельческим. И она должна была находиться либо в Центральной Азии, либо в Северной Европе [1]. В 1890 г. другой немецкий лингвист — О. Шрадер предположил, что прародина индоевропейцев должна быть в южно-русских степях, поскольку кочевничество известно там по крайней мере со времен скифов. С развитием доисторической археологии стало ясно, что археологический материал также может внести свою лепту в разрешение этой проблемы. В 1902 г. немецкий археолог Г Коссинна впервые предпринял попытку соотнести комплекты культуры шнуровой керамики с народом, говорящим на индоевропейском языке [2]. Наиболее влиятельным представителем этого подхода был Г Чаялд, который тоже связывал появление минойской керамики с приходом населения, говорившего на греческом языке [3, с. 186—207]. В 1926 г. он подошел к проблеме с позиции обеих наук. Проанализировав последние данные, Г Чаялд пришел к выводу, что прародина индоевропейцев должна находиться в южно-русских степях [4] Начиная с 1956 г. М. Гимбутас опубликовала серию статей, в которых она вслед за О. Шрадером и Г Чаялдом прародину индоевропейцев локализует в степях Южной России и носителями протоиндоевропейского языка предлагает считать людей «курганной культуры». Анализируя все эти точки зрения, К. Ренфрю справедливо замечает, что все они распадются на две крайности: большинство исследователей слишком сильно верят в создание такого протоиндоевропейского словаря, исходя из которого может быть получен объективный образ прародины индоевропейцев, другие не меньше убеждены в том, что определение формы керамики или набор артефактов можно отождествить с какой-либо группой людей и, следовательно, предположительно с языком или языковой группой. Относительно первой крайности он предупреждает об опасности переноса значения старых слов на новые предметы и приобретения слов — заимствований (с. 80, 81). Вторая крайность опасна тем, что нельзя смешивать три разные вещи: культуру, этнос, язык. Автор подродбно остановился на критике «курганной теории», подойдя к этому вопросу с двух сторон. Во-первых, им привлекается работа американского ученого В. Гудинафа, в которой проводится мысль, что скотоводство в чистом виде было производным от земледельческо-скотоводческого хозяйства, в частности таких культур, как триполье — кукутени [5, с. 253—266]. В них имеется, таким образом, эволюционная подоснова кочевого скотоводства, которое является не чем иным, как приспособлением к более суровому степному окружению. Все это означает, что первоначальная колонизация степей начиналась с их западной части. Отсюда К. Ренфрю делает вывод, что первый язык, на котором говорили скотоводы западной части южно-русских степей, должен быть языком племен земледельцев соседних земель запада (с. 97). Во-вторых, на примере двух культурных ареалов — шнуровой керамики и колоколовидных кубков он продемонстрировал отличный от миграционного новый подход, который сейчас находится в центре целой фазы новых исследований в Англии, где экономика, социальная организация и идеология берутся в их взаимосвязи [6, с. 297—342]. Его суть в том, что при переходе от неолита к бронзовому веку произошло резкое перераспределение ценностей, на первый план выдвинулись области, обладающие рудным сырьем, образовалась сеть новых связей. Вследствие торговли выросла коммуникабельность людей и идей. Интенсивный обмен происходил не только в сфере материальной, но и духовной. В местах наиболее активных контактов появлялись как бы культурные центры, которые аккумулировали, перерабатывали общие достижения, и каким-либо разовым миграциям при таком подходе просто нет места. Богатые подкурганные захоронения оставлены не пришельцами, а выделившейся местной знатью, и в их погребальных обрядах отражены достижения и влияния обширных областей. Поэтому, с точки зрения автора, появление новых культурных комплексов вовсе не должно связываться с вторжением новой языковой группы. Он отвергает точку зрения М. Гимбутас по трем соображениям: 1) некритическая и малообоснованная надежда на палеоэтнологию; 2) миграционистская позиция; 3) неотработанная методология.

Затем К. Ренфрю переходит к самой важной части своей работы — изложению предлагаемой им методологии. Она уместилась в одну, шестую по счету главу, которая называется «Язык, население и социальная организация: процессуальный подход». Суть этого подхода — в объяснении разного рода факторов через обобщения, которые представляются посредством различных моделей, предлагающих решение проблемы в общих чертах. Вместо старой, миграционистской модели предлагается три новых, в рамках которых, как считает автор, возможно решение проблемы.

Модель I. Предполагает, что новый язык приходит вместе с населением, занимающимся качественно новым и гораздо более рентабельным ведением хозяйства. Пример — распространение населения, занимающегося сельским хозяйством, среди охотников-собирателей. Требование к прибывшим более продуктивного ведения хозяйства объясняется тем, что это обеспечивает гораздо более

быстрый прирост населения и как следствие — вытеснение аборигенов вместе с их языком. Но К. Ренфрю отмечает, что диффузия и инновация могут быть очень похожи и порой трудно определить, пришло ли новое население, или же старое активно восприняло новый способ ведения хозяйства, и соответственно не ясно, какой же язык стал доминировать в том или ином случае. И чтобы различить эти два момента, необходимы археологические исследования (с. 131). Для иллюстрации этих общих соображений он привлекает волновую модель распространения, предложенную итальянским генетиком Л. Кавалли-Сфорца и американским археологом А. Аммерманом [7, с. 343—358]. Согласно ей, рост населения, пришедшего на новую территорию с новым типом хозяйства, в течение первых нескольких поколений должен удваиваться через каждые 18 лет. Средняя скорость освоения новых земель должна быть 18 км для жизни каждого поколения. Автор, конечно, осознает всю несовершенность этой модели, но все же считает, что она объясняет резкое увеличение населения без привлечения миграционной модели, и в этом видит ее ценность.

Модель II. Предполагает вторжение с другой территории относительно небольшой, но хорошо организованной в военном и социальном отношении группы людей, способных подчинить своей власти местное население. Здесь в конечном счете будет преобладать либо язык завоевателей, либо аборигенов. Он считает, что по этим двум моделям и происходило большинство языковых замещений. Модель III. Больше всего подходит для ранних урбанистических цивилизаций, социальная организация которых во многих случаях была не очень стабильной в силу ряда причин (односторонняя специализация, истощение почв, ряд неурожаев), центральная власть ослабела, система приходила в упадок. Этим могли воспользоваться окраинное население и жители пограничных областей и осуществить ряд походов. Некоторые из походов могут быть удачными, и их участники создают свою систему и распространяют свой язык по всей прежней территории. Фактически это вариант второй модели.

Третья часть работы (последние пять глав) посвящена попыткам автора решить в основном проблему происхождения индоевропейцев. Согласно волновой модели, в предлагаемую теорию вводится главный процесс, который, несомненно, радикально воздействовал на всю Европу,— применение производящей экономики. Самые ранние следы обнаружены, вероятнее всего, в Греции. Это поселения Nikomedia в Македонии, Argissa Magula в Фессалии. Сейчас по C^{14} их можно датировать 6500 г. до н. э. Отсюда, по Ренфрю, и пошло заселение Европы. Согласно волновой модели, население с новым типом хозяйства в силу своего развития постоянно испытывает внутреннее демографическое давление, из-за чего оно вынуждено распространяться во все стороны со средней скоростью 1 км в год. Это предполагает, что основная масса населения в каждом ареале, где начинают применять новый способ ведения хозяйства, не имеет местного происхождения. Таким образом была заселена вся Европа. Что касается «коренных» жителей охотников-собирателей, то их, согласно расчетам, должно оставаться не более 1%, и они, конечно, почти все должны были раствориться в массе нового населения. Поскольку сейчас общепризнано, что производящее хозяйство пришло в Грецию из Анатолии, то логика модели уводит автора на Восток, в «зону плодородного полумесяца», по выражению Р. Брейдвуда, где производящее хозяйство появилось еще раньше. Эту зону Ренфрю делит на три части: наследниками западноанатолийских языков были индоевропейские языки Европы, центральных — хеттский и восточноанатолийских — индоиранские языки, поскольку та же модель позволяет предполагать, что ранние земледельцы Загроса также говорили на индоевропейском языке. При этом автор отмечает, что в южной зоне Загроса располагались Элам и Шумер, и их население не говорило на индоевропейских языках по крайней мере с 3000 г. до н. э. Он выдвигает два основных тезиса о распространении индоевропейских языков в Индию. Первый, по волновой модели, предполагает, что они появились там вместе с производящим хозяйством (поселение Мергар в Западном Пакистане), а отправным пунктом были горы Загроса. Найденные печати протоиндийского типа на поселении Алтын-депе автор относит к индоевропейским, поскольку оно является последующей ступенью развития поселений типа Джейтун, а они, в свою очередь включаются в еще более западную область производящего хозяйства — Восточную Анатолию (с. 208). Автор возражает против предположения В. М. Массона считать их протодравидийскими, а склонен относить их, как и древнеиндийские печати, вместе с культурой Мохенджо-даро, к индоевропейцам по языку (с. 192, 196). Второе предположение по сути почти ничем не отличается от традиционной гипотезы, по которой степные племена с эпохи поздней бронзы начали распространяться по Туркмении и Иранскому плато. Вероятно, они же, будучи хорошо организованными, с вождями во главе, используя неустойчивое положение в Индии, вторглись туда, стали там элитарным слоем и произвели, согласно модели II, языковую замену. В целом же

он полагает, что в формировании индоиранских языков участвовали оба варианта (с. 208, 209). К. Ренфрю видит противоречия в решении проблемы происхождения индоевропейцев между способами, предлагаемыми Ж. Дюмезилем, и своим подходом, но считает, что методы Ж. Дюмезиля несовершенны, и эти противоречия не рассматривает (с. 257, 258). В заключение автор пишет, что методами, названными «процессуальным подходом», нельзя обнаружить язык или языковую группу в археологических остатках, можно только изучать процессы демографических и социальных изменений. А с ними предположительно можно коррелировать и изменения языка. Однако он утверждает, что данный подход является действительным при изучении происхождения ранних языков. Им признается очень большая близость сделанных выводов с заключениями, которые были получены советскими учеными В. В. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе, но отмечается, что эти ученые базировались на других источниках и методах (с. 269). К. Ренфрю также признает, что его теория несовместима с тем достаточно аргументированным мнением, что производящее хозяйство в Западном Средиземноморье имеет местное происхождение [8]. Монография завершается пожеланием дальнейшего развития методологии в сторону сближения выводов, сделанных на археологическом материале, с данными лингвистики (с. 288, 289).

Из вышеизложенного видно, что монография К. Ренфрю прежде всего интересна предложенным новым подходом к старой индоевропейской проблеме. И вполне закономерен вопрос: насколько этот подход приблизил разрешение проблемы? Поскольку наиболее значимая часть работы — методологическая, то прежде всего хотелось бы высказать некоторые соображения о ней. Волновую модель, предложенную в 1979 г. А. Аммерманом и Л. Ковалли-Сфорца, автор по существу накладывает на волновую модель индоевропейских языков, предложенную в 1872 г. (с. 105). Ее смысл состоит в том, что разные языковые изменения могут распространяться подобно волнам и каждое из них может быть вынесено за часть ареала, занятого более ранними изменениями [9]. Но вся суть предлагаемой и действительно интересной модели, как мне представляется, должна быть в отработке механизма взаимодействия между лингвистической и демографической частями, ее составляющими. Этого же, по-моему, нет. А нет потому, что из поля зрения автора выпал промежуточный механизм — собственно археология, с привлечением материала и методов которой и можно попытаться ответить на некоторые сомнения, высказываемые ниже. Отсюда и модель I не показывает главного — при каких параметрах (или обстоятельствах) можно считать, что пришло новое население и соответственно язык (хотя сам автор не один раз напоминал, что это не всегда одно и то же), а при каких — произошла адаптация к новым способам ведения хозяйства. Следовательно, акцент решения проблемы языка опять-таки смещается к достаточно тривиальной апелляции к археологическим находкам, против чего выступает сам автор (с. 94). Как мы видим, подход автора к проблеме — лингвистико-демографический, и к книге автора, вероятно, больше подошло бы название «Демография и язык».

Все разнообразие ранненеолитических культур Европы, согласно модели, сводится к моменту адаптации пришельцев на местах (с. 158). Получается что-то вроде эволюционного диффузионизма, близкого к «теории стадиальности», поскольку, по мнению автора, в Европе между 4500 и 1000 гг. до н. э. не было условий для значительного перемещения населения (с. 164). Остается непонятным, почему на Балканах мы наблюдаем целую серию высокоразвитых культур эпохи неолита, а к северу от Дуная — практически одну культуру линейно-ленточной керамики, простирающуюся до Дании. По логике модели, на Балканах существует несколько индоевропейских диалектов, если не языков, а к северу от Дуная — только один. Куда подевались остальные, модель ответа не дает. Не дает она также ответа на вопрос, почему если изначальная прародина индоевропейцев расположена на юго-востоке Анатолии, то там как самые ранние выявлены отнюдь не индоевропейские языки и, более того, в них по крайней мере до рубежа III и II тыс. до н. э. не зафиксировано никаких следов влияния индоевропейских языков, которые, по К. Ренфрю, должны быть там с VII тыс. до н. э. Ссылка на хеттский несостоятельна, поскольку хетто-лувийские диалекты были периферийными по отношению к ядру общего индоевропейского ареала [10, с. 13]. По аналогичным соображениям мне не представляется убедительным предположение автора (гипотеза А) о продвижении индоевропейских языков вместе с производящим хозяйством в Иран, Пакистан и Северо-Западную Индию. Традиционная гипотеза более предпочтительна. В заключение хотелось бы отметить, что подход К. Ренфрю является новым, оригинальным и по-своему интересным, но хотелось бы выразить надежду, что в последующих работах автор больше внимания уделит данным собственно археологии.

Ленинградское отделение
Института археологии АН СССР

А. Д. Резепкин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pictet A.* Les origines indo-europeens. Paris: Sandoz et Fischbacker, 1877.
2. *Kossinna G.* Die indogermanische Frage archäologisch beantwortet // Zeitschrift fur Ethnologie. 1902. 34. (reprinted in: A. Scherer. Die Urheimat der Indogermanen. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1968.
3. *Childe V. G.* On the date and origin of Minyan ware. // J. Hellenic Studies. 35. 1915.
4. *Childe V. G.* The Aryans and Study of Indo-European Origins. L., 1926.
5. *Goodenough W.* The evolution of pastoralism and Indo-European origins // Eds. G. Cardona, H. M. Koenigswald, A. Senn. Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970.
6. *Whittle A.* Late neolithic society in Britain, a realignment / Eds. G. L. N. Riggles, A. W R. Whittle. Astronomy and Society in Britain during the period 4000—15000 B. C. (BAR 88). Oxford: British Archaeological Reports. 1981.
7. *Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L.* A population model for the diffusion of early farming in Europe / Ed. C. Refrew. The Explanation of Culture Change, Models in Prehistory. London, 1973.
8. *Whittle A.* Neolitihc Europe, A Survey. Camdbridge, 1985.
9. *Schmidt J.* Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Schprachen. Weimar; Böhlau, 1872.
10. *Дьяков И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3.

F. Grenet et collaborateurs. L'Asie Centrale Préislamique; Bibliographie critique. 1977—1986 (Abstracta Iranica. Volume hors série. 3). Institut Française Recherche en Iran. Teheran — Paris, 1988, 179 p. (Титул и оглавление помимо французского — по-персидски; Предисловие и Введение кроме французского — по-русски)

«Критическая библиография» выпущена по случаю международного коллоквиума, проведенного в 1988 г. в Париже под руководством Поля Бернара и Франца Гренэ Национальным центром научных исследований (CNRS) Франции при поддержке ЮНЕСКО. Издание осуществлено коллективом исследователей из Франции, Италии и Бельгии, насчитывающим более 20 участников во главе с Ф. Гренэ.

Аннотированный библиографический справочник (а издание в значительной мере носит именно такой характер) включает обзоры, рецензии и отклики на большое число (более 320) книг и статей по истории, археологии и истории культуры Средней Азии и Афганистана (в основном от ахеменидского периода до арабского завоевания) на русском и других языках. Обзоры, рецензии и отклики, собранные в рассматриваемом нами издании, раннее публиковались в «Abstracta Iranica», дополнительно в «Критическую библиографию» включены всего лишь несколько названий работ. Материал в «Критической библиографии» приводится в том порядке и с той же (выборочной) нумерацией, какими они были в десяти (с 1977 по 1987 г.) выпусках «Abstracta Iranica». Это создает, конечно, определенные трудности в пользовании справочником. Сознавая это, его составители снабдили «Критическую библиографию» рядом указателей — авторов и редакторов рецензируемых работ, именным, географическим, терминологическим. Думается, однако, что для читателей все же было бы более удобным размещение рецензируемых работ в алфавитном и (или) систематизированном порядке и со сплошной нумерацией (номера и выпуск «Abstracta Iranica» можно было бы дать в скобках).

Составители «Критической библиографии» оговорились, что она не претендует на полный охват литературы по домусульманской Средней Азии, изданной за десятилетие, в частности во всех республиках Средней Азии. Это действительно так. Но и в том виде, в каком этот справочник поступил в руки исследователей, он весьма представителен и в силу этого очень важен для исследователей исторического прошлого Средней Азии, Афганистана и сопредельных стран. И я уверен, что это издание станет неоценимым помощником для ученых, изучающих этот регион, и всех тех, кто интересуется его историей, археологией и культурой.

Отмечая несомненные достоинства «Критической библиографии», не могу не коснуться и его недостатков. Есть в нем, как водится, и мелкие погрешности (например, в именном указателе не указан П. Каллиери, автор статьи о черепке с греческой надписью из Бирока в Сваte (IX, 220), а в качестве редактора сборника «История и культура Центральной Азии» (VIII, 134) назван

© Б. Я. Ставиский, 1991 г.

В. М. Массон, который даже не входил в состав редколлегии этого сборника). Вряд ли следовало включать в справочник литературы по Средней Азии работу А. А. Кудрявцева «Древний Дербент» (VII, 141), посвященную городу в Дагестане, на западном — кавказском берегу Каспийского моря. Не всегда правильно, по-моему, расставлены акценты в интересном введении к «Критической библиографии». Так, Узбекистанскую искусствоведческую экспедицию (УзИскЭ) нельзя рассматривать как пример «экспедиций, объединяющих русских, узбекских и таджикских ученых»; УзИскЭ организована Институтом искусствоведения им. Хамзы Министерства культуры УзССР в отличие от некоторых других, в организации и проведении которых действительно совместно участвуют институты и музеи как среднеазиатские, так и российские — московские и ленинградские (Пенджикентская, Южно-Таджикистанская, экспедиция на Кара-тепе в Старом Термезе и т. п.), что, конечно, ничуть не умаляет поистине выдающихся достижений УзИскЭ или Афрасиабской экспедиции Института археологии АН УзССР. Но научная точность есть истинная точность. Далее. Говоря об эпиграфических находках, составители «Критической библиографии» могли бы, на мой взгляд, упомянуть коллекцию (около 200) разноязычных (индийских, бактрийских и иных) надписей из Кара-тепе; думаю, что они не сделали этого в известной мере потому, что им осталась неизвестной сводная работа В. В. Вертоградовой «Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-tepe in Old Termez» (The 31st International Congress of Human Sciences in Asia and Africa) M., 1983, 87 с. + 32 табл. (теперь в Информ. бюллетене МАИКЦА, 13, М., 1987, увидела свет еще одна ценная работа того же автора об индийских надписях из Кара-тепе).

Заговорив о пробелах в «Критической библиографии», мы перешли к самому существенному недостатку этого издания. Действительно, пробелы эти весьма значительны, и свидетельствуют они о случайном в какой-то степени поступлении (или выборе) литературы, рецензируемой в Abstracta Iranica. Так, в «Критической библиографии», где упомянуты, к примеру, статьи Н. Г Горбуновой, Е. Е. Кузьминой, В. Н. Пилипко, отсутствуют указания (не говоря уж о рецензиях) на книги этих авторов с более полным охватом материала, чем это нашло себе отражение в упомянутых статьях. Я имею в виду книги: N. G. Gorbunova «The Culture of Ancient Ferghana. VI. c. B. C.— VI c. A. D.» (Oxford, 1986, 365 c., 135 табл.); Е. Е. Кузьмина «Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня» (Фрунзе, 1986); В. Н. Пилипко «Поселения Северо-Западной Бактрии» (Ашхабад, 1985). Отметив, что вполне справедливо, издание в серии «Материалы к биобиблиографии ученых Таджикистана» брошюры «Борис Анатольевич Литвинский» (Душанбе, 1983) (X, 18), составители «Критической библиографии» пропустили ряд других названий аналогичного характера, в том числе «Галина Анатольевна Пугаченкова» (Ташкент, 1985) и «К 80-летию археолога-историка Михаила Евгеньевича Массона. Дополнения к библиографии его работ за 1970—1977 гг.» (Ташкент, 1977). В «Критической библиографии» не отражено такое многотомное издание, как «Советская археологическая литература. Библиографический указатель», три тома которого (5—7) вышли в период 1977—1986 гг. А ведь в этом капитальном библиографическом указателе систематизирована литература по среднеазиатской археологии, издаваемая на русском и других языках народов СССР (см. мою рецензию на 7-й том этого издания в Информ. бюллетене МАИКЦА, вып. 12, М., 1987). Как заслугу составителей «Критической библиографии» следует, однако, отметить то, что они заметили и тепло встретили редкое (из-за малого тиража), но очень ценное издание двухтомного библиографического указателя советской литературы 1917—1983 гг. по истории Таджикистана, составленное библиографом Д. С. Лейви и археологом М. А. Бубновой (Душанбе, 1986) (X, 17). Думаю, что не следует перечислять здесь другие пробелы в «Критической библиографии», где не отражены не только издания среднеазиатских республик (каковы, например, сборники «Памятники Туркменистана», их вышло уже более 45; «Памятники Киргизстана», которых издано 7; «Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук», 6 номеров ежегодно; «Каракумские древности», четыре из восьми выпусков которых увидели свет в 1977—1979 гг., и т. п.), но практически и «Сообщения Государственного Эрмитажа», «Сборники статей Отдела Востока Государственного Эрмитажа» и Информ. бюллетень МАИКЦА (в «Критической библиографии» отмечены лишь несколько статей из этих изданий: см. V, 179; IX, 25; X, 201 и Compléments к VII, 142 и IX, 237).

В предисловии к «Критической библиографии» ее составители совершенно справедливо пишут, что для учета очень многочисленных советских публикаций «существует только одно средство — контакты» с советскими институтами и учеными. При наличии таких контактов отмеченных мною пробелов в их справочнике действительно можно было бы избежать. Ныне условия для контактов советских ученых с зарубежными коллегами вполне благоприятны, и я убежден, что в случае, если руководство «Abstracta Iranica» этого пожелает, советские библиографы и исследователи примут участие в этом высоко ценимом в СССР издании.

Возвращаясь к общей оценке «Критической библиографии», хочу подтвердить, что, несмотря на некоторую неполноту (трудно объять почти необъятный поток новой литературы), содержащиеся в ней материалы необычайно ценны и для зарубежных, и для советских исследователей, и следует, очевидно, поблагодарить руководство Abstracta Iranica и коллектив, возглавляемый Ф. Гренэ, за издание этого труда, который, повторяю, будет настольной книгой для всех, кто интересуется историей и археологией Средней Азии.

Всесоюзный научно-исследовательский
институт реставрации, Москва

Б. Я. Ставиский

В. С. Стоколос. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 191 с. **Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья.** М.: Наука, 1988. 254 с.

Обсуждаемые работы, появившиеся в течение последних двух лет, посвящены кругу проблем древней истории Северного Приуралья. Последняя по времени работа (1988), включающая в себя изложенные в сжатом виде материалы первой, охватывает несколько более широкий круг вопросов за счет обзора результатов исследований памятников, отнесенных к эпохе бронзы. Такое ее построение делает возможным их совместное рассмотрение с упором на последнюю по времени.

Ядро обеих работ составляет материалы, добытые и достаточно полно изданные автором в 70—80-х годах. Основным достоинством рассматриваемых монографий является систематизация и обобщение накопленных к настоящему моменту данных. К проблемам древней истории региона ранее обращались такие авторы, как М. Е. Фосс [1], Н. Н. Гурина [2], Л. П. Хлобыстин [3], изучению отдельных территорий посвящены работы В. И. Канивца [4], Г. М. Бурова [5], В. Е. Лузгина [6]. Интенсивное накопление археологического материала в последние десятилетия делает, таким образом, необходимой попытку нового обобщения (хотя бы для отдельных хронологических срезов), которую и предпринял В. С. Стоколос. Следует отметить, что, несмотря на обилие материала (только на территории Большеземельской тундры известно около 300 разновременных памятников [7]), их сопоставление из-за специфики ландшафтов затруднено отсутствием опорных, надежно стратифицированных комплексов. В ряде случаев комплексы, привлекавшиеся в качестве опорных, выделены типологически [5], что, как показано В. С. Стоколосом на примере Синдорских стоянок, не всегда дает надежные результаты [8, с. 18, 19; 9, с. 103]. Не вызывает по этой причине возражений включение мезенских памятников в круг североприуральских, так как они формировались в близкой Северному Приуралью природной обстановке на родственной основе и обнаруживают определенную близость к собственно северноприуальским материалам, происходящим из Большеземельской тундры и Печорского бассейна. Стратифицированные комплексы, открытые и изученные В. С. Стоколосом, могут рассматриваться в качестве опорных.

Динамика природной среды Северного Приуралья в среднем и позднем голоцене рассмотрена В. С. Стоколосом в кратком, но очень емком разделе. Важнейшим является вывод о тесной связи темпа и направленности изменений экологической ситуации с «историческими явлениями древности» — подвижками и миграциями населения, трансформациями ареалов и культур и т. д. При этом автором констатирована сложность и неоднозначность процесса [6, с. 9]. Исключительная важность этого процесса для древних этапов истории Евразийского Заполярья неоднократно отмечалась исследователями, в частности Л. П. Хлобыстиным [10]. Однако до сих пор в большинстве случаев можно говорить лишь о его общих закономерностях, а дальнейшая конкретизация, как справедливо отмечает В. С. Стоколос, возможна только в результате будущих комплексных исследований. В последующем изложении в систематизированном виде представлены практически все известные к настоящему моменту материалы, относящиеся к эпохе раннего металла Северного Приуралья, в значительной степени доставленные работами автора. Определение культурно-хронологических позиций памятников североприуральского энеолита дано В. С. Стоколосом в широком сопоставлении с процессами, охватывавшими сопредельные территории в IV—II тыс. до н. э. Автору удалось уточнить или осветить по-новому отдельные моменты истории региона. В то же время некоторые положения, выдвинутые В. С. Стоколосом, не являются бесспорными.

© В. В. Питулько, 1991 г.

Памятники чужьяёльской и чойновтинской культур, а также памятники с керамикой типа Конецбор V и йоркутинского типа, несмотря на ряд оговорок о поздненеолитическом характере раннего этапа чужьяёльской культуры, в целом рассматриваются В. С. Стоколосом в рамках энеолита. Общеизвестно, что вопрос о критериях термина «энеолит» неоднократно обсуждался в археологической литературе по Северу. Определяя свое отношение к проблеме, В. С. Стоколос обращается к истории вопроса и отдает предпочтение подходу, сформулированному В. М. Массоном как «содержательный». Он основан «на учете всего комплекса культурных явлений, находящих отражение в археологических материалах, и в типах вещей в первую очередь» [11, с. 5]. Именно такой подход ранее был использован М. Е. Фосс [1], Н. Н. Гуриной [12], М. Ф. Косаревым [13]. На основании изучения обширных материалов был выявлен ряд признаков, которые, как принято считать, позволяют отнести те или иные материалы к эпохе металла (высокая техника обработки камня — сверление, пиление, полирование, тонкая отжимная ретушь, появление специфических типов орудий, изменения в орнаментации керамики). Н. Н. Гурина дополняет этот список изменением топографии памятников [12, с. 84, 85]. Важным, по мнению М. Ф. Косарева [13, с. 44], поддержанному В. Т. Ковалевой [14, с. 7], является учет степени оседлости при возрастании роли рыболовства. Большинство из упомянутых исследователей, однако, предпочитают использовать по отношению к северным памятникам, которые можно было бы отнести к неолиту, более осторожный термин «эпоха раннего металла». Не случайно и «расширительное» понимание данного явления Н. Н. Гуриной, на которое ссылается автор [8, с. 19]. За терминологической неточностью стоит большая ответственность. Так, В. С. Стоколос полагает, что «энеолитическими культурами Северного Приуралья следует считать те, которые включают металл или обнаруживают признаки его косвенного воздействия. В течение всего периода используется „чистая" медь без легирующих примесей. Внедрение металлических вещей и металлургических знаний становится возможным в силу внутреннего прогрессивно-поступательного (?) развития экономики охотничье-рыболовческого населения, что приводило к созданию предпосылок для восприятия прогрессивных новшеств, каким, в частности, является металл и изделия из него» [8, с. 20]. Это утверждение является, на наш взгляд, слабо аргументированным.

Если обратиться к классической работе М. Е. Фосс, неоднократно цитированной автором, нетрудно заметить, что при «определении эпохи по технике изготовления каменных орудий, керамики и пр.» исследователь придавала огромное значение необходимости «углубленной проработки археологических материалов, с учетом местного своеобразия материальной культуры, распространенной на обширной территории» [1, с. 16]. Вывод об энеолитической принадлежности чужьяёльской и других культур очень ответственен. Несомненное прикамское влияние, определяющее «энеолитический» характер этих культур, неоднократно отмечено В. С. Стоколосом, но они не являются прямым продолжением, например, гаринско-борской, и отмеченные аналогии, убывающие, судя по опубликованным данным, по направлению к северу, могут объясняться либо большей или меньшей интенсивностью контактов, либо общими закономерностями развития, определенными более древней родственной основой.

Косвенные признаки, свидетельствующие о возможности знакомства древнего населения региона с металлом, имеют такое же самостоятельное значение для решения вопроса о наличие древнего металлургического производства и особенно его типа как и вполне стационарные постройки типа таймырских «голомо» могут свидетельствовать об оседлости [15, с. 100] (известно, что система таких построек, расположенных на промысловой территории, позволяет вести подвижный образ жизни, не связанный с трудоемким перемещением наземных жилищ). Иначе говоря, между этими фактами нет жесткой взаимосвязи — техника и технология обработки камня, как и керамическое производство, развивались по своим законам, и на определенном этапе стало возможным восприятие металлугических знаний, для Севера, как правило, в готовом виде. Показательно в этом отношении развитие поздненеолитических культур, объединяемых С. А. Федосеевой в ымыяхтахскую [16], для которой характерно длительное совершенствование набора каменного инвентаря, и лишь на последнем этапе происходит восприятие металлургии бронзы. Древнейшее бронзолитейное производство, открытое на Таймыре Л. П. Хлобыстиным, развивается на основе местной поздненеолитической культуры, минуя археологически уловимую стадию металлургии меди [10].

Тем не менее, как следует из текста, решающая роль отводится В. С. Стоколосом именно косвенным признакам, поскольку единственный памятник, прямо документирующий металлургию меди для рассматриваемой территории — Галово II, изученный В. Е. Лузгиным [6], маркирует в лучшем случае поздний этап североприуральского энеолита, причем на юго-западе региона

[8, с. 63, 76, 77, рис. 24]. Памятник включен В. С. Стоколосом в ареал чойновтинской культуры, складывавшейся под сильным влиянием гаринско-борской. В. Е. Лузгин, касаясь вопроса о культурной принадлежности и датировки Галово II, констатировал многочисленные черты сходства, позволяющие говорить если не об однотипности, то, во всяком случае, об однокультурности его с камским материалом [6, с. 70—72], и определил его время первой половиной II тыс. до н. э. В. С. Стоколос считает возможным уточнить дату и относит комплекс к середине — началу 2-й половины II тыс. до н. э. [8, с. 77], при этом сходство его с чойновтинским памятниками проявляется лишь в общих чертах.

Относительно поздняя датировка, чем у других чойновтинских памятников, близость его к гаринско-борским материалам заставляет с осторожностью отнестись к привлечению его в качестве веского аргумента в пользу выделения столь широкого энеолитического этапа в регионе. Допустимо предполагать, что галовский комплекс мог оказаться полностью привнесенным на территорию региона и сыграл роль исходного импульса в распространении металлургических знаний, реализованных в культурах эпохи бронзы. Именно поэтому, как нам кажется, представляется более верным использовать вслед за Н. Н. Гуриной, М. Ф. Косаревым и другими авторами понятие «эпоха раннего металла», объединяющее позднеолитические по своему облику культуры с недоказанным наличием металлообработки.

Наиболее ранними из рассматриваемых автором материалов являются памятники с гребенчатой керамикой, объединяемые в чужьяёльскую культуру, памяники типа Концебор V, памятники с керамикой йоркутинского типа и поселения чойновтинской культуры. Хронологическая позиция материала такова:

Памятники с гребенчатой керамикой:

1. Чужьяёльская культура: ранний период (4-я четверть IV тыс.— 1-я половина III тыс. до н. э.), средний (2-я половина III тыс. до н. э.), поздний (1-я четверть II тыс. до н. э.) [8, табл. I] (для раннего этапа чужьяёльской культуры, в целом относимой к энеолиту, периодически оговаривается его неолитический характер).

2. Памятники типа Концебор V, обнаруживающие «некоторую близость к чужьяёльской культуре в ее тундровом варианте»,— начало 2-й или в пределах 1-й четверти II тыс. до н. э. [8, с. 48].

3. Керамика йоркутинского типа — по-видимому, автор придерживается датировки, предложенной Л. П. Хлобыстиным и Л. П. Лашуком (1-я четверть II тыс. до н. э.) [17, с. 44]

4. Чойновтинская культура: ранний (2-я половина III — 1-я четверть II тыс. до н. э.) и поздний (1-3-я четверти II тыс. до н. э.) [8, табл. 13].

Памятники с накольчатой керамикой (Конещелье и др.), как следует из рассуждений автора, допустимо датировать концом III — началом II тыс. до н. э. [8, с. 85—89].

Отмечая бесчисленное множество аналогий, черт сходства и т. п. с разнообразными культурами сопредельных территорий, перечисляя разнообразные влияния с их стороны и отдавая предпочтение прикамским, В. С. Стоколос упорно избегает суждений о генезисе выделенных им культур. С одной стороны, для аргументации тех или иных положений в настоящий момент еще слишком мало данных и, вероятно, В. С. Стоколос не считает возможным обсуждать эти проблемы. С другой стороны, хотя бы кратко сформулированная позиция автора по этому вопросу позволила бы более четко выявить спорные моменты этнокультурного развития региона. Как показано в ряде работ, Северное Приуралье, начиная еще с эпохи мезолита, являлось областью распространения культуры (или культур) с постсвидерской волго-окской традицией. Направленность этих связей, по мнению А. А. Формозова, не претерпела изменений и в неолите [18, с. 89—92]. Вероятно, именно в это время — в VI—V тыс. до н. э. складывается та древняя подоснова, на которую накладывались результаты многочисленных «влияний», отмеченных В. С. Стоколосом. В формировании неолитической культурной общности Северного Приуралья приняли участие как волго-окские, так и камские элементы. Гибридный характер культуры отражает керамика Печорской и Мыш-Ваньской стоянок, ранее рассматривавшихся исследователями в качестве северного аналога льяловских памятников [2, 19]. Сходство ранней чужьяёльской и верхневолжской керамики отмечается и В. С. Стоколосом, но предпочтение оказано аналогиям в камской керамике с указанием на их генетическую близость. Сходство, проявлемое керамикой «раннего» этапа чужьяёльской культуры, с теми или иными комплексами Верхней Волги или Прикамья достойно внимания, но «чужьяёльская культура с ее техникой отщепа и верхневолжская с широким использованием пластинчатой заготовки — несопоставима» [9, с. 98—100]. Сказанное в полной мере применимо и к памятниками камского неолита — и здесь широко распространены пластины, в том числе изде-

лия из них составляют 40—60% [20, с. 113], хотя их количество и сокращается впоследствии. Как нам кажется, В. С. Стоколос несколько абсолютизирует влияние камских памятников с накольчатой керамикой на памятники «раннего» этапа чужьяёльской культуры. Наличие своеобразной техники накола в этих памятниках служит важным аргументом в пользу их относительно раннего возраста. В то же время представляется допустимым связывать подобную технику с более поздним проявлением древней традиции, выраженной в камском неолите и ранее привнесенной в североприуральскую область.

Общий невысокий уровень кремнеобработки в чужьяёльской культуре, начиная с ее раннего этапа, постоянно отмечается В. С. Стоколосом. Столь резкое различие в технике обработки камня при учете достаточно развитой пластинчатой индустрии на европейском Северо-Востоке в VI—V тыс. до н. э. свидетельствует о значительном хронологическом разрыве между чужьяёльскими, с одной стороны, и верхневолжскими материалами, а также камскими — с другой. Представляется, что весьма существенна проблема датировки культуры и ее этапов. Время существования той же верхневолжской культуры заканчивается, по определению Д. А. Крайнова и Н. А. Хотинского, в последней четверти IV тыс. до н. э. [21, с. 49]. Чужьяёльская культура, более поздняя по всему своему облику, проходит в это время свой ранний этап — в пределах последней четверти IV тыс. до н. э.— 1-й половины III тыс. до н. э. Эти рамки, по мнению В. С. Стоколоса, определяются радиокарбоновыми датами — 5320±60 (ЛЕ 1729) и 5210±60 (ЛЕ 2168).

Следует отметить, что важные результаты Д. А. Крайнова и Н. А. Хотинского, подтвержденные параллельными данными палинологии и стратиграфии, хорошо увязываются с палеоклиматическими наблюдениями и, таким образом, создают основу для построения уточненной хронологии восточноевропейского лесного неолита [21]. Даты, предложенные В. С. Стоколосом, изначально создают впечатление излишне удревненных. Календарные даты, соответствующие приведенным абсолютным, с учетом поправок, рассчитанных для территории Европы [22, с. 103—150], окажутся и вовсе невероятными — 4140±260 г. до н. э. и 4047±260 г. до н. э. соответственно. Причины этого удревнения неизвестны, обе даты получены для одного из двух памятников (Чойновты I), представляющих ранний этап, и в любом случае определяют для нас время самого памятника. Дополнительным обоснованием высказанного тезиса служит анализ керамического материала, среди которого присутствует посуда с венчиками, характерными для чужьяёльской керамики вообще, встречающимися спорадически и в более позднее время существования культуры. В связи с этим хотелось бы заметить, что классификация венчиков, предложенная автором, нуждается, на наш взгляд, в обосновании, поскольку в ряде случаев формы, объединенные в один тип, явно не укладываются в рамки его возможной вариации (например, тип Iа—г, III, VI [9, рис. 12; 8, рис. 2]). Такое обоснование тем более желательно, поскольку характер профилировки прикраевых частей сосудов и совстречаемость отдельных типов рассматриваются В. С. Стоколосом в качестве признаков, имеющих хронологическое значение. Появление накольчатой керамики с воротничковыми утолщениями венчиков связывается В. С. Стоколосом с камско-вятской (со ссылкой на Г. М. Гусенцову [20]) и южноприуральской агидельской (со ссылкой на Г. Н. Матюшина [23]) культурами. Хронологически они вроде бы соответствуют предлагаемой дате, но, с другой стороны, трудно разделить уверенность В. С. Стоколоса в определении аналогий — и камско-вятские [20, рис. 1], и агидельские сосуды из Муллино [23, табл. 97—100] имеют существенные отличия от чужьяёльских «раннего» этапа. Трудно предложить в настоящий момент какое-либо альтернативное решение вопроса, но то, что выводы В. С. Стоколоса не бесспорны, очевидно, поскольку не вполне объясняют дальнейший ход событий. Влияние более южных культур с накольчатой керамикой, проявившееся в появлении ранних чужьяёльских комплексов, никак не фиксируется в памятниках последующих этапов культуры, намного более многочисленных. В то же время эта традиция, хорошо известная в Прикамье, описана многими авторами и вновь проявляется в Северном Приуралье, по В. С. Стоколосу, в сложении памятников Конещелье, Прилукская и др. Время существования этих комплексов на основе анализа последних данных справедливо определяется В. С. Стоколосом в пределах 2-й половины III — начала II тыс. до н. э.

Северные комплексы с накольчатой керамикой ранее сопоставлялись И. В. Верещагиной с валдайскими ранненеолитическими памятниками (Котчище, Щепочник и др.) [24, с. 20]. «Западную» направленность аналогий, сходство керамики Конецбор V с керамикой одновременных памятников костромского Поволжья отмечал В. И. Канивец [4, с. 121—123]. Гребенчатая керамика, присутствующая в памятниках йоркуинского типа, сопоставляется В. С. Стоколосом с балахнинской [8, с. 54] С нашей точки зрения, приведенные факты могут говорить о том, что на

протяжении длительного времени сохраняется прежнее направление культурных связей, в какой-то мере определявшее развитие в регионе.

Выше была охарактеризована ситуация «раннего» этапа чужьяёльской культуры. Возвращаясь к вопросу о культуре в целом, отметим возможность выделения ее этапов без стратиграфических оснований. Весь материал получен либо из однослойных несмешанных, либо из многослойных смешанных памятников. Решение вопроса о разновременности групп жилищ на отдельных памятниках проблематично, поскольку достаточно точно определить хронологический разрыв между ними скорее всего не представляется возможным. Отсутствие стратиграфических оснований для выделения этапов культуры могли бы в какой-то степени компенсировать серии радиоуглеродных датировок, но они отсутствуют. Судя по опубликованным данным, материал, характеризующий различные этапы культуры, статичен. К этому же выводу приходит и В. С. Стоколос [9, с. 101]. Изложенное заставляет усомниться в правомерности определения столь широких рамок существования культуры.

Особенно важным является вопрос единства выделенной культуры, в которой автором различается особый тундровый (он же приполярный) вариант. Отношение В. С. Стоколоса к проблеме двояко — с одной стороны, вариант существует [8, с. 38], с другой — формирование культуры происходило в атлантический период, характеризующийся облесением территории, и несоответствие ландшафтных зон, занимаемых культурой, «кажущееся» [8, с. 24]. Выше уже обсуждался вопрос о правомерности определения возраста раннего этапа, совпадающего, по мнению В. С. Стоколоса, с концом атлантикума. Следует отметить, что степень надежности палеогеографических наблюдений в регионе невысока и в дальнейшем возможны корректировки ряда положений. Так, например, известны данные по Шпицбергену, Земле Франца-Иосифа и Северной Земле, показывающие невысокую достоверность споро-пыльцевого метода как такового [25], и, таким образом, вопрос о положении и смещениях ландшафтных границ атлантикума для Северного Приуралья пока еще не может считаться окончательно решенным. Тем не менее может считаться твердо установленным характер изменений для раннесубореального похолодания, с которым связано продвижение в южном направлении тундры, стабилизирующейся в современных пределах или несколько южнее [26—28]. Именно с этим временем, по В. С. Стоколосу, связаны памятники «среднего» периода чужьяёльской культуры, в пределах которого и выделяется тундровый вариант. Характеризуя специфику «тундровых» чужьяёльских комплексов, В. С. Стоколос отмечает широкое применение дуговидных штампов, использование разнообразных геометрических мотивов, в том числе «сотовых» узоров, и связывает их с зауральским и нижнеобским влиянием [8, с. 38, 57—60]. Особое значение в связи с этим имеют, по нашему мнению, комплексы с керамикой йоркутинского типа, выделенные Л. П. Хлобыстиным совместно с Л. П. Лашуком на севере Западной Сибири [17, с. 44, 45, рис. 1] и В. С. Стоколосом — в Северном Приуралье [8, с. 50—55]. Л. П. Хлобыстин и Л. П. Лашук вполне обоснованно указывают на весьма вероятную близкую связь с керамикой этого типа керамики из нижнего слоя стоянки в бухте Находка, стоянки Пернашор и ортинских памятников. По-видимому, возникновение «тундрового» варианта чужьяёля можно связывать с распространением в тундровой зоне керамики йоркутинского типа. Большое количество аналогий западносибирской направленности, отмеченных в тундровых комплексах В. С. Стоколосом, как нам кажется, подтверждает это предположение. В число памятников «тундрового» варианта Чужьяёля оказались включенными памятники ортинской культуры, выделенной Л. П. Хлобыстиным еще в 60-х годах. Своеобразие тундровых комплексов, признаваемое и В. С. Стоколосом, позволяет, по нашему мнению, сохранить за этими памятниками определение, предложенное Л. П. Хлобыстиным. Развитие чужьяёльских и ортинских памятников, вероятно, имевших единую или близкую древнюю основу, обеспечивалось направлением культурных влияний в регионе. Характерно, что памятники, сочетающие собственно чужьяёльские и тундровые компоненты, приурочены, по данным В. С. Стоколоса, к лесотундровой зоне. Известно, что смешанные ландшафты являются наиболее биологически продуктивными, и, следовательно, именно к ним должны были тяготеть охотничье-рыболовческие коллективы. Кроме того, лесотундра является районом зимовки оленьих стад, что неизбежно влекло за собой сезонное перемещение в эту зону тундровых охотников.

Верхний предел существования чужьяёльской культуры определяется временем распространения чойновтинской культуры. Судя по картам, опубликованным В. С. Стоколосом [8, рис. 1, *24*], ареалы культур практически совпадают. Имеется также некоторый (и довольно значительный) период сосуществования — 2-я половина III — 1-я четверть II тыс. до н. э. [8, табл. 1, *13*]. Несмотря на обычные проблемы датировки [9, с. 173], характер керамики и кремневого инвентаря позволяет

достаточно уверенно соотносить чойновтинскую культуру с памятниками гаринско-борского круга. Многочисленные и не вызывающие сомнения аргументы в пользу подобной точки зрения приведены В. С. Стоколосом. Обозначенный автором период сосуществования культур (на одной территории) практически не отражен в археологическом материале. В работе 1986 г. (с. 172) прямо указано на отсутствие какой-либо преемственности в развитии культуры, несмотря на выделяемый длительный (не менее 500 лет) период сосуществования. Размещение памятников этих культур в пределах одного ареала и в значительной близости друг от друга позволяет, как нам кажется, разделить тезис Г М. Бурова об экспансии прикамских культур гаринско-борского круга на рубеже II тыс. до н. э., опровергаемый В. С. Стоколосом [5, с. 173] Причиной такой экспансии могло послужить усилившееся давление на прикамский ареал со стороны южных соседей; примечательно, что освоенными в результате оказались знакомые лесные ландшафты, продвижение гаринско-борских памятников в тундру нехарактерно и представлено единичными комплексами в южной части тундровой зоны [3]

Дальнейшее развитие в регионе определялось возраставшим урало-западносибирским влиянием, четко фиксирующимся В. С. Стоколосом по атаманнюрским и особенно коршаковским материалам, рассмотренным во 2-й главе последней по времени работы. Своеобразная атаманнюрская культура выделяется впервые; коршаковский тип памятников ранее был описан В. И. Канивцом. В рамках работы дана сводная публикация материалов, известных ранее по отдельным статьям. Сюда же включены и новые данные по лебяжской культуре, совместно с которой рассмотрены выделенные отдельно памятники с крестовой керамикой, также отражающие сильное западносибирское влияние, охватывающее регион во II—I тыс. до н. э. Уточняются датировки, в частности, лебяжской культуры. Последняя имеет хорошо выраженный местный характер, проблемы ее генезиса во многом неясны. Возможно, какое-то отношение к нему имеют атаманнюрская культура [8, с. 154, 155].

Говоря о приуроченности отдельных коршаковских памятников к определенным пунктам — древним переправам на миграционных путях оленя (в связи с ориентацией хозяйства коршаковцев на его промысел), В. С. Стоколос, как нам кажется, допускает не вполне корректную экстраполяцию современных маршрутов кочевок стад на ситуацию, имевшую место в древности [8, с. 184]. Северо-восточная (европейская) популяция дикого северного оленя практически прекратила свое существование очень давно, маршруты кочевок в настоящее время — результат хозяйственной деятельности человека, и далеко не всегда осуществимо их прямое сопоставление [29, 30]. В принципиальном отношении такое предположение верно: зависимость между расположением стоянок и сезонными переправами показана Л. П. Хлобыстиным на таймырских материалах, но следует учесть, что на Таймыре в отличие от европейского Северо-Востока имеется наиболее многочисленное стадо дикого северного оленя, использующее древние миграционные пути, и для подобных сопоставлений имеются все основания.

Выше мы попытались рассмотреть наиболее существенные вопросы, затронутые автором рецензируемых работ. Первым и наиболее важным является вопрос о стадиальной принадлежности памятников, применимости понятия «энеолит» к северным памятникам. Группа вопросов характеризует проблемы чужьяёльской культуры — ее хронологии, единства и генезиса. Представляется, что ее хронологические рамки излишне широки, сама культура — в том виде, в котором она рассмотрена автором,— является объединением хотя и близких, связанных общностью происхождения, но достаточно различных культур. Проблема генезиса культуры во многом неясна, но основную роль, по мнению В. С. Стоколоса, сыграли прикамские, а впоследствии и западносибирские связи.

В целом рецензируемые монографии, несмотря на наличие ряда спорных моментов, представляют собой значительный шаг вперед в изучении археологии региона, подводят итог определенному этапу исследований, дают представление о сумме накопленных к настоящему моменту данных. Следует отметить, что древняя истории региона, исследуемого В. С. Стоколосом, отличается исключительной сложностью, поскольку Северное Приуралье в течение длительного времени играло роль своеобразного резервуара, принимавшего избыток «давления» со стороны более южных территорий. Именно этими причинами объясняется исключительное разнообразие археологической карты Северного Приуралья. Дальнейшие исследования в регионе позволят приблизиться к решению проблем, попытку рассмотрения который предпринял В. С. Стоколос.

Ленинградское отделение
Института археологии АН СССР *В. В. Питулько*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фосс М. Е.* Древнейшая истории Севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
2. *Гурина Н. Н.* Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР // СА. 1957. № 2.
3. *Хлобыстин Л. П.* Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 1973. № 172.
4. *Канивец В. И.* Печерское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974.
5. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967
6. *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972.
7. *Чернов Г А.* Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985.
8. *Стоколос В. С.* Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988.
9. *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986.
10. *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. д-ра истор. наук. М., 1982.
11. *Массон В. М.* Введение. Постановка вопроса. Понятие «энеолит» // Энеолит СССР. М., 1982.
12. *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87
13. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
14. *Ковалева В. Т* Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977
15. *Хлобыстин Л. П.* Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири // КСИА. 1972. № 131.
16. *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.
17. *Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П.* Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1986. № 185.
18. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977.
19. *Чернов Г А.* Новые археологические находки в Печорском бассейне // КСИИМК. 1956. № 64.
20. *Гусенцова Г М.* К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья // КСИА. 1981. № 165.
21. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3.
22. *Klein J., Lerman J. C., Damon P. E., Ralph E. K.* Calibration of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 1983. V 24. № 2.
23. *Матюшин Г Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982.
24. *Верещагина И. В.* Ранний неолит на Северной Двине // МАЕСВ. Сыктывкар, 1977 Вып. 6.
25. *Калугина Л. В., Малаховский Д. Б., Макеев В. М., Сафронова И. Н.* Некоторые результаты палинологических исследований на архипелаге Северная Земля в связи с вопросами о переносе пыльцы и спор в высокоширотной Арктике // Изв. ВГО. 1979. № 4.
26. *Пьявченко Н. И.* О перемещении растительных зон на Севере Восточной Европы и Севере Западной Сибири в послеледниковое время // Докл. АН СССР 1952. Т. 34. № 1.
27. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Европы. М., 1977
28. *Хотинский Н. А.* Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР // КСИА. 1978. Вып. 153.
29. *Сыроечковский В. Е.* Северный олень. М.: Агропромиздат, 1988.
30. *Устинов В.* Оленеводство на Чукотке. Магадан, 1956.

ОТВЕТ В. Н. КАМИНСКОМУ

Анализ источников, породивших традиционное толкование наследия скифо-сармато-аланских племен в этнической истории Северного Кавказа [1, с. 13], вызвал со стороны В. Н. Каминского резкую критику [2, с. 272—281], о которой следует сказать следующее.

1. Я принимаю упреки, обусловленные множеством технических погрешностей, допущенных по моей вине. Особенно это относится к указателям литературы и источников на с. 30, 37, 47—51, 54, 95 и на с. 89, откуда оппонент приводит цитату [2, с. 277]. В ней не убраны кавычки, двумя строками выше над цитатой также имеется опечатка. Ссылки на работы М. И. Артамонова и В. А. Кузнецова здесь даны для ознакомления широкого круга читателей с алано-хазарской историко-политической ситуацией, раскрытие которой выходило за рамки книги.

2. Вооруженный учебным пособием по марксистско-ленинской философии, оппонент подменяет уважительное отношение к национальной истории и культуре политическим национализмом и одновременно пытается подвергнуть сомнению тот факт, что «союз племен» является «определенной ступенью исторического развития со своеобразным отличительным характером» [2, с. 273]. Если бы В. Н. Каминский глубже проработал труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», то непременно уяснил бы, что «союз племен» не только «определенная», но и высшая ступень первой общественно-экономической формации человеческого общества. А если

© И. М. Мизиев, 1991 г.

бы он спокойно прочел с. 132—134 рецензируемой им книги, то не нашел бы там утверждений, что «союз племен» и «общественно-экономическая формация» суть синонимы.

3. В рецензии очень много явных предвзятостей. Вот, к примеру, как оппонент демонстрирует свою «объективность» [2, с. 274], преднамеренно разорвав мою фразу, завершающуюся словами: «... волк являлся тотемным животным, прародителем и божеством древних тюрок, как, впрочем, и у многих других народов» [1, с. 38]. Второй пример: подчеркиваю, что наименование «алан» переводили не Мизиев, а Н. Г Чернышевский, Л. П. Потапов, О. Т. Молчанов, Г Ф. Саттаров и др. [1, с. 85] Видимо, оппоненту следует высказать свое несогласие именно этим авторам, на мнения которых я ссылаюсь.

4. Рецензия В. Н. Каминского пронизана идеей о безоговорочном ираноязычии алано-асских племен, «ставшей уже аксиомой в исторических исследованиях» [2, с. 273]. Дело в том, что в «аксиому» эту идею превратили труды В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, которые до сих пор никем основательно не проверялись на научную прочность. Анализ аргументов названных ученых является главным стержнем моей книги, а именно этого анализа вовсе не касается мой уважаемый оппонент.

5. Как известно, аксиома не вызывает сомнений, а спор рождается там, где нет аргументированных доказательств. Вряд ли кому придет в голову сомневаться в русском прочтении Новгородских берестяных грамот, а в «аксиоме» В. И. Абаева относительно Зеленчукской надписи игнорировались одни, заменялись другие, исправлялись третьи буквы [1, с. 110—114]. И все же три последние строки оставались «совершенно гадательными» [3, с. 116], а получившийся бессмысленный ряд личных имен заканчивается не ирано-осетинским словом «лаг» [4, с. 253]. Более того, В. Ф. Миллер прямо признавал наличие в тексте тюркского слова «бакатар» [3, с. 116, 117].

6. В своей книге я настаивал на объяснении парадоксального факта, что единственная ираноязычная надпись обнаружена в таком археологически «не аланском» районе, где в округе радиусом более 50 км нет ни единой земляной катакомбы, характерной для алан. Оппонент почему-то не считает нужным как-то объяснить этот факт.

7. Сомнительную услугу оказывает В. Н. Каминскому и ссылка на статью [5, с. 90], авторы которой опираются на попытку В. И. Абаева превратить сказочный термин «аллон» и этноним «алан». Беда в том, что В. И. Абаев не заметил, на мой взгляд, что в осетинском языке к этнонимам прибавляется окончание «он», например «ир + он», «кашк + он», «дигор + он», «ас + он». Следовательно, в слове «алл + он» этнонимом является «алл», а такого племени история не знает.

8. Вместо того чтобы отыскать источники об ираноязычии алан, В. И. Каминский упрекает меня работами путешественников XIII—XV вв., преднамеренно «не заметив», что все их сведения мной разобраны, когда речь шла о так называемом тождестве алан и асов [1, с. 86; 87].

А разве в этих трудах есть что-либо об ираноязычии алан? П. Карпини вообще не был на Северном Кавказе, а Г. Рубрук, возвращаясь из Азии, в устье р. Итиль называет аланский город Суммеркент, у которого находились зимние ставки Бату и Сартаха [6, с. 185, 186]. Вряд ли без насилия над фактами эти сведения можно использовать для доказательства ираноязычия алан, называвших свой город термином «Суммеркент».

9. Сколько бы алановеды ни пытались в различных изданиях источников искать сведения об ираноязычии алан и асов — попытки тщетны. Вот в чем второй основной вопрос проблемы, которую я предлагал обсудить без излишних амбиций. Как известно, «Армянская география» еще до Сукри издавалась трижды: в Марселе — 1683 г.; в Эчмиадзине — 1698 г.; в Лондоне — 1736 г. Но В. Н. Каминский забывает, что выдающийся армянист К. Патканов не придавал изданию Сукри никакого значения [7. с. 22, 23].

10. В. Н. Каминский не учел, что у Константина Багрянородного были три книги, и вовсе не обязательно, чтобы во всех упоминались одни и те же этнонимы. Следовало прочесть «Церемонии византийского двора» или «О фемах и народах», на которую я ссылался. В них оппонент нашел бы и «ассиев», и «аланов», и «узов», и др. [8, с. 76, 141, 144, 153; 9, II, 48]. Одним словом, данный упрек В. Н. Каминского равносилен негодованию по поводу того, что Пьера Безухова нет в «Анне Карениной».

11. Моему оппоненту должно быть понятно, что Галиатский могильник из каменных ящиков и склеповидных сооружений с захоронением коня не может быть аланским, поскольку аланам приписываются земляные катакомбы. Знает он и то, что в эталонной аланской культуре «восточного варианта» [1, с. 139] не найдено ни одного катакомбного захоронения с конем, но утверждает, что «обычай сопровождать умерших конем присутствовал и у алан» [2, с. 277]. Такие заявления необходимо подкреплять конкретными примерами.

12. Сопоставив столик-поднос из Галиата с подобной находкой в Мощевой Балке и объявив их принадлежностью только алано-осетин, В. Н. Каминский утверждает, что «их нет у тюрок вне Кавказа» [2, с. 277]. Во-первых, такие столики известны лишь из скальных захоронений верховьев Кубани и Малки, принадлежность их древним булгарам все более признается [10, с. 174; 11, с. 89], и из сильно тюркизированной катакомбы у г. Кисловодска [1, с. 148—150; 12, с. 171, 174; 13, с. 40] Во-вторых, аналогичные столики обнаружены в курганах алтайских тюрков скифского времени, подобный столик выставлен в чуме шамана в Этнографическом музее Прибайкалья [14, с. 92; 15, табл. 8; 16, с. 41, рис. 10]. В-третьих, на с. 41 своей книги я приводил слова П. Карпини, что куманы вместе с умершим клали в могилу столик с кониной. Интересно бы знать, какой, с позиции В. Н. Каминского, столик имел в виду путешественник?

Что касается Мощевой Балки, то, видимо, В. Н. Каминский забывает, что этот могильник не катакомбный, а антропологические характеристики черепов отсюда «отличаются от типов, представленных в аланских катакомбах у станицы Змейской, у сел. Хархи» [17, с. 153; 18, с. 113].

Таким образом, мне представляется очевидным тенденциозный подход В. Н. Каминского

к оценке книги. Тем не менее я удовлетворен тем, что даже в такой «разгромной» рецензии не затронуто, а тем более не опровергнуто ни одно из принципиальных положений книги, а именно то, что: среди скифов были и тюркоязычные группы; аланы и асы — это тюркские племена; асы не могут считаться предками осетин, так как сами осетины этим этнонимом извечно называют не себя, а своих ближайших исторических и территориальных соседей — балкарцев; западный и восточный варианты аланской культуры — это совершенно разные культуры, с различной этнической основой.

И. М. Мизиев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
2. *Каминский В. Н., Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа // СА. 1988. № 4.
3. *Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. 1893. Вып. 3.
4. *Исаев М. И.* Осетинский язык // Языки народов СССР. Т. I Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966.
5. *Наглер А. О., Чипировал Л. А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
6. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
7. Патканов К. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Ч. CCXXV.
8. Константин Багрянородный. О фемах и народах. Предисл. Гавриила Ласкина. М., 1899.
9. *Konstantinos Porphyrogennetos.* De ceremoniis aulae Buzantinae. Bonnae, 1829—1830.
10. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука, 1984.
11. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
12. *Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2.
13. *Биджиев Х. Х.* Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
14. *Соколова З.* На просторах Сибири. М.: Рус. яз. 1981.
15. *Руденко С. И.* Второй пазырыкский курган. Л., 1948.
16. *Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы. М.: Л., 1952.
17. *Иерусалимская А. А.* Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая Балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.) // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978.
18. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974.

Хроника

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «НОВОЕ В МЕТОДИКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА НОВОСТРОЙКАХ РСФСР» (Суздаль, 1989)

14—17 февраля 1989 г. в г. Суздале прошел научно-практический семинар «Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР», организованный по инициативе отдела охранных раскопок ИА АН СССР. В работе семинара приняли участие 50 специалистов, в том числе большинство сотрудников отдела охранных раскопок ИА АН СССР и группы новостроечных и хоздоговорных экспедиций ЛОИА АН СССР, а также ряд сотрудников других подразделений ИА АН СССР, чья экспедиционная деятельность в течение многих лет связана с работами на новостройках.

Необходимость подобного семинара вызревала исподволь и стала особенно насущной в последнее время в связи с общим ростом объемов хоздоговорных работ, с общим неблагополучием в деле обеспечения сохранности археологических памятников, с проходящей перестройкой хозяйственного механизма в стране и изменениями планово-финансовой системы в рамках АН СССР. В центре внимания участников семинара оказались, таким образом, проблемы организации охранных работ на памятниках археологии, правовые, финансовые, научно-методические и даже этические аспекты этого традиционного для отечественной археологии направления исследований.

Открывая работу семинара, заместитель директора ИА АН СССР Р. И. Мунчаев отметил, что дата его проведения совпадает с 60-летним юбилеем собственно новостроечных работ в нашей стране, и предложил сосредочить основное внимание на выработке генеральных направлений концепции Института археологии в деле охраны и спасения разрушаемых памятников. Затем в подробном сообщении «О порядке финансирования фундаментальных и прикладных исследований» старший экономист ИА АН СССР В. В. Ефимова ознакомила участников семинара с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1987 г. № 1102 «О переводе научных организаций на полный хозрасчет и самофинансирование» и с вытекающими из него новшествами в планово-финансовом обеспечении бюджетных и хоздоговорных работ Института археологии.

В докладе заведующего отделом охранных раскопок ИА АН СССР Г. Е. Афанасьева (прочитанном М. В. Александровой) основное внимание было сосредоточено на двух вопросах. Первый из них касался перспектив хоздоговорных и новостроечных работ института в свете новых положений о финансировании фундаментальных и прикладных исследований и с введением практики получения хозрасчетного дохода. Здесь был проанализирован механизм образования прибыли и порядок ее использования для образования фонда социально-экономического развития предприятия и премиального фонда. Второй вопрос касался перспектив деятельности новостроечных подразделений в свете столкновения двух противоположных тенденций — охраны памятников, с одной стороны, и расширения работ по их научному изучению — с другой. Изложив, в частности, зарубежные концепции, получившие название «этики консервации памятников», автор признал оправданными раскопки только тех памятников, которым угрожает немедленное разрушение, и призвал к планированию перспективных научных тем на базе обширного банка данных, накопленных в ходе многолетних работ новостроечных экспедиций.

С двумя докладами выступил А. С. Смирнов (Москва). В первом из них, озаглавленном «Вопросы организации новостроечных работ», обращается внимание на тот факт, что сложившиеся к настоящему моменту долговременные экспедиции, сформированные по территориальному принципу, испытывают ряд организационных трудностей, связанных с неиссякающими ограничениями инструктивного порядка и недостаточной самостоятельностью экспедиций и их руководителей, причем целый ряд препятствий невозможно устранить без поддержки администрации Института археологии и органов президиума АН СССР. Во втором — «Принципы и методика определений стоимости археологических работ» — анализируются недостатки существующих «Методических указаний...» по определению такой стоимости и предлагается создание единых норм времени и стоимости различных видов работ (подобно ЕНИРам, действующим в других областях), на основе которых можно будет легко рассчитать стоимость любого конкретного договора.

В докладе В. В. Сидорова и В. М. Лозовского (Москва) «Административные и правовые аспекты охраны памятников» речь шла о сложности контроля за деятельностью самых разнообразных организаций, представляющих угрозу для сохранности памятников. В качестве первоочередных мер авторы предложили скорейшее составление сводов и паспортизацию памятников, привлечение широкой общественности, усовершенствование законодательства, в част-

© А. Н. Гей, 1991 г.

ности обсуждающегося ныне проекта Уголовного кодекса, в котором отсутствует квалификация актов вандализма применительно к объектам культуры.

В докладе Н. Ю. Кузьмина (Ленинград) «О повышении научного значения археологических работ на новостройках» была затронута тема соотношения между спасательными работами на новостройках и решением крупных научных проблем. Говорилось, в частности, о необходимости борьбы за отмену строительства в случае невозможности проведения полномасштабных научных раскопок на разрушаемых памятниках, о комплексном изучении материалов как в зоне строительства, так и за его пределами, о максимальной методической обеспеченности новостроечных работ, об узких местах в деле публикации и хранения добытых материалов. В известной степени перекликается с ним и доклад А. Н. Гея (Москва) «О концепции деятельности новостроечных подразделений в системе научного учреждения», где указывалось, что материалы новостроечных экспедиций фактических уже сейчас составляют львиную долю источников по целым разделам археологической науки, в связи с чем научная деятельность новостроечных подразделений должна быть нацелена на разрешение крупных научных проблем, не вписывающихся в рамки тематических секторов и отделов. Подчеркивалась и необходимость создания полноценного фонда источников путем введения их в научный оборот.

В развитие темы об «этике консервации» прозвучал доклад А. С. Голенцова (Москва) «К вопросу о приоритете в археологических полевых исследованиях», содержавший классификацию факторов, влияющих на сохранность памятников. Была сделана попытка определить очередность и необходимость изучения различных разрушаемых объектов. Об изменении стратегии полевых изысканий в целях максимального обеспечения сохранности неразрушаемых памятников и сосредоточения усилий на спасении памятников гибнущих, о регуляции полевых работ путем проведения определенной политики выдачи разрешений на раскопки шла речь в докладе Л. А. Новиковой (Москва), озаглавленном «Предложения к новой „Инструкции к открытым листам“».

О научной и культурной значимости новостроечных исследований в зонах мелиоративного строительства говорилась в докладе Д. Г Савинова (Ленинград) «Территория оросительной системы как историко-культурный район», в котором было отмечено, что современные системы орошения, будучи приурочены к определенным ландшафтным условиям, по сути своей совпадают с определенными экологическими нишами, точно так же, как и группы археологических памятников. Таким образом, строительство таких систем угрожает потерей не просто части памятников разных эпох, но целых историко-культурных групп, не имеющих по многим параметрам аналогов за пределами данной оросительной системы. Это диктует особенно жесткие требования к методике проведения спасательных работ и желательность сохранения хотя бы части памятников, попадающих в зону той или иной стройки. В сходном ключе рассматриваются археологические памятники таких своеобразных биоценозов, как озерные котловины, в докладе В. В. Сидорова (Москва) «Озерные торфяники как памятники истории и культуры», ознакомившем слушателей и с последними итогами работ Подмосковной экспедиции.

А В. Субботиным (Ленинград) для участия в семинаре был заявлен доклад «Некоторые методические предпосылки разработки периодизации тагарской культуры»; однако, учитывая научно-практический характер семинара, он в своем выступлении остановился на проблемах, связанных с организационными и планово-финансовыми изменениями, создающими трудности в работе экспедиций, имеющих многолетние договоры со строителями, которые не могут быть пересмотрены в соответствии с новыми требованиями. В докладе Я. М. Паромова (Москва) «Об археологической карте страны» анализировались различные аспекты этой масштабной и многотрудной задачи, без принципиального решения которой тем не менее невозможно осуществление планомерной и эффективной охраны памятников.

Вопросам методики полевых исследований были посвящены доклады П. Г Дервиза (Москва) «Вариант комбинированной (вручную и механизмами) методики раскопок степных курганов», содержавший призыв в интересах тщательности исследования к отказу от тотального использования землеройной техники и хотя бы частичному возвращению к ручным раскопкам наиболее информативных центральных частей насыпи, а также В. Я. Шумкина (Ленинград) «Методики фиксации петроглифов в полевых условиях», где был предложен простой и эффективный способ снятия точной копии рельефных наскальных изображений, причем копий, удобных для транспортировки и хранения, что крайне важно при общем неблагополучии в деле охраны памятников древнего искусства. Целый комплекс методических принципов полевых, камеральных и интерпретационных работ был развернут в докладе Н. А. Боковенко (Ленинград) «Некоторые методические аспекты исследования археологических памятников в зонах новостроек юга Красноярского края».

Ряд докладов был посвящен истории и результатам новостроечных исследований. Так, Р. В. Васильева и Г В. Длужневская (Ленинград) в докладе «Из истории охраны памятников и археологической службы в СССР» по материалам архива ЛОИА восстановили предысторию собственно новостроечных работ — самоотверженную деятельность сотрудников РАИМК и ГАИМК по выявлению и сохранению памятников истории и культуры в первое послеоктябрьское десятилетие. Р. Ф. Воронина (Москва) в докладе «Из опыта прошлых новостроек» рассказала о новостроечных экспедициях Московского отделения института, действовавших до образования специального сектора и в первые годы его деятельности, подробно отметив положительные стороны принятых тогда принципов организации и отношений археологов со строителями.

Доклад Э. Б. Вадецкой (Ленинград) «Особенности археологических исследований на КАТЭКе» был посвящен итогам многолетней работы Сибирской экспедиции ЛОИА, взаимоотно-

шениям экспедиции со строительными организациями, характеристике различных категорий памятников региона. Ставился в нем и вопрос о разных вариантах методики полевых работ на новостройках, что, по мысли автора, должно гарантировать от потерь информации в ходе раскопок, связанных жесткими сроками.

Проблеме изучения палеолитических памятников был посвящен доклад С. А. Васильева (Ленинград) «Из опыта работ по палеолиту в зонах крупного гидроэнергетического строительства в Сибири», где наряду с характеристикой конкретных памятников содержались рекомендации о желательности сотрудничества со строителями в ходе инженерно-геологических изысканий, об обязательном обследовании берегов ниже створа ГЭС, о продолжении финансирования археологических работ по завершении строительства в связи с переработкой берегов водохранилищ. Несоблюдение этих правил приводит к массовой гибели разных, в том числе и палеолитических, памятников. Как бы продолжением предыдущего явился доклад В. А. Семенова (Ленинград) «Многослойные стоянки в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС как основа для построения периодизации неолита и бронзового века Тувы», продемонстрировавший не только огромное научное значение имеющихся тут стоянок с чрезвычайно полной и дробной стратиграфией, но и факт гибели этих опорных памятников, изученных лишь частично, при заполнении ложа водохранилища.

Об итогах работ Средне-Енисейской экспедиции, в частности об открытии богатых неразграбленных тагарских захоронений, шла речь в докладе Г. Н. Курочкина (Ленинград) «Эволюция социальной структуры тагарского общества». На новых материалах автору удалось нарисовать убедительную картину динамики социальных процессов и обосновать положение о разных путях развития культур скифского круга.

О работах Курземской экспедиции ЛОИА и Института истории Латвийской АН говорилось в докладе В. П. Петренко (Ленинград) «Раскопки в Юго-Западной Латвии». Информация о раскопках созданной в 1986 г. Торопецкой экспедиции и об особенностях новостроечных работ в городских условиях содержалась в докладе Д. И. Фонякова (Ленинград) «Охранные раскопки в Торопце».

Гость семинара — начальник производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры при Управлении культуры Краснодарского крайисполкома О. П. Куликова выступила с сообщением о деятельности этой группы по учету, охране археологических памятников и координации археологических исследований в Краснодарском крае. Важно заметить, что активная работа названной группы снимает с новостроечных экспедиций целый ряд вопросов, которыми они вынуждены заниматься в других краях и областях РСФСР.

Большое место в работе семинара занимали свободные дискуссии и обсуждения. Основное внимание при этом было обращено на существующие недостатки и трудности при планировании, обеспечении и проведении новостроечных и хоздоговорных экспедиций, среди которых следует выделить недостаточную самостоятельность хозрасчетных подразделений в распоряжении финансовыми средствами и кадрами временных сотрудников; непрекращающееся, а по некоторым пунктам даже усиливающееся давление административных и планово-финансовых органов, выражающееся во введении различных необоснованных ограничений и так называемых «подзаконных актов», запрещающих все, что еще не запрещено законом; низкую материально-техническую оснащенность работ; неоправданные завышения цен сторонними организациями при общем ухудшении качества и количества оказываемых ими услуг; недостаточную разработанность юридической и правовой базы как в сфере отношений с заказчиками, финансирующими наши исследования, так и в сфере охраны археологических памятников; слабую популяризацию охранных работ и отсутствие тесных связей с общественностью; трудности с публикацией и хранением добытых материалов и т. д. Итогом этих обсуждений стало единодушное (при одном воздержавшемся) принятие следующей итоговой резолюции:

Резолюция научно-практического семинара
«Новое в методике археологических работ на новостройках»

Перестройка хозяйственно-экономического механизма в стране и Академии наук СССР, происходящие изменения стратегии охранных археологических работ, по мнению участников семинара, вызывают необходимость качественных перемен в организации деятельности хозрасчетных подразделений Института археологии.

Руководствуясь этим, семинар предлагает:

1. Считать охранные работы одним из приоритетных направлений в научной и производственной деятельности института. В связи с этим:

а) научную тематику института стремиться развивать преимущественно на материалах охранных работ;

б) формировать производственные планы новостроечных экспедиций с учетом комплексных научных программ (восстановление модели развития культуры конкретного региона, взаимодействие общества и среды и т. п.);

в) практиковать выдачу Открытых листов в первую очередь на разрушаемые памятники, что позволит сконцентрировать бюджетные средства для решения научных проблем, не обеспеченных хоздоговорными средствами;

г) организовать регулярное издание наиболее важных в научном отношении результатов хоздоговорных работ, в том числе информационного ежегодника «Археологические открытия новостроечных экспедиций Института археологии» и серийного издания для публикации ключевых памятников и научных разработок.

2. Сосредоточить силы на выявлении и консервации памятников, на обеспечении физической сохранности археологических объектов. Считать нашей первоочередной задачей всемерное участие в составлении соответствующих разделов проектно-сметной документации народно-хозяйственных объектов. Приложить максимум усилий для популяризации вопросов охраны памятников, используя все средства массовой информации.

3. Обеспечить целевое использование средств фондов прибыли и экономии для повышения технического и научного уровня новостроечных экспедиций.

4. Создать в Институте археологии выборный «Координационно-методический совет по проблемам хоздоговорных работ» в составе 9 человек (в том числе 5 человек от Московского и 4 человека от Ленинградского отделений). Первоочередной задачей совета считать разработку общей концепции охранных археологических работ, включающей, в частности, вопросы методики и научной проблематики; эффективной юридической и финансово-экономической основы функционирования хоздоговорных экспедиций с привлечением необходимых специалистов; приведение в соответствие с существующими финансовыми документами действующей финансовой инструкции Института археологии по организации и проведению экспедиций; разработку механизма объективного определения размеров планируемой прибыли; решение ряда организационных вопросов, связанных с необходимостью увеличения самостоятельности хоздоговорных экспедиций и обеспечением бесперебойного их функционирования в течение всего срока действия договоров.

Дальнейшую программу совета формировать с учетом предложений, высказанных на семинаре.

Учитывая высокую эффективность семинара, предусмотреть проведение подобных мероприятий не реже, чем раз в 2 года.

Участники семинара выражают благодарность оргкомитету за прекрасную организацию и создание деловой атмосферы проведения докладов и обсуждений.

В соответствии с изложенной резолюцией после семинара в ИА и ЛОИА АН СССР был избран Координационно-методический совет по проблемам хоздоговорных работ, куда вошли М. В. Андреева (секретарь), Г. Е. Афанасьев (председатель), С. А. Васильев, А. Н. Гей, Г. Н. Курочкин, Я. М. Паромов, В. П. Петренко, Д. Г. Савинов (зам. председателя) и А. С. Смирнов. Своей задачей на 1989 г. совет определил разработку общей концепции охранных археологических работ на новостройках РСФСР, а также составление нового Положения о порядке финансирования и проведения хоздоговорных экспедиций, отвечающего современным требованиям.

Институт археологии АН СССР,
Москва

А. Н. Гей

XI ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ (Архангельск, 1989)

XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии состоялась 11—15 сентября 1989 г. в г. Архангельске. В ней приняли участие исследователи различных научных профилей, поэтому основная часть работы конференции была распределена по секциям. Археологами было представлено 16 докладов, часть которых была прочитана на заседаниях секции археологии, а другая часть, затрагивающая исторический круг вопросов, была поставлена на совместные заседания секций археологии и истории средних веков. Археологи приняли участие и в обсуждении докладов медиевистов.

Основным объектом обсуждения стала проблема восточноевропейско-скандинавских отношений в раннем средневековье, прежде всего в эпоху викингов. Как известно, археология постоянно и активно пополняет свой источниковый фонд и стала ведущей наукой в разрешении основных вопросов названной проблематики. Конференции по скандинавистике являются важными научными форумами, на которых археологи знакомят исследователей с новейшими материалами, с осмыслением их на фоне всего источникового фонда.

Несомненный интерес представляет доклад С. Л. Кузьмина и А. Д. Мачинской (Ленинград) «Ладога и ее округа в VIII—X вв. (этапы становления северного раннесредневекового города)», в котором была предложена новая детальная схема развития этого поселения. В напластованиях VIII—X вв. докладчики выделили 11 ярусов синхронных строительных остатков, которые позволили проследить изменения топографических особенностей, системы застройки, эволюцию домостроительства и вещевых комплексов.

В результате в начальной истории Ладоги выделяется четыре этапа. Возникает Ладога как сравнительно небольшое поселение (0,25—0,5 га) в укрепленном природными условиями месте. Его население составляли переселенцы из Скандинавии и подселившиеся к ним жители какого-то, пока неопределенного региона лесной зоны Восточной Европы. Застройка тяготела к краям, середина поселения оставалась свободной. Наблюдается культурная интеграция. Поселение еще не было торгово-ремесленным центром на пути «из варяг в греки». Первый этап датируется от 750 до 810 г. На втором этапе (около 810—865 гг.) застраивается вся площадь Земляного городища, застройка приобретает усадебный характер. Раскопками открыта стеклоделательная мастерская. Выявляются два внешних импульса, повлиявших на развитие культуры.

© В. В. Седов, 1991 г.

Третий этап (около 865—920-е годы) характеризуется плотной застройкой Земляного городища и расширением поселения за его пределы. Ладога этого этапа сопоставима с торгово-ремесленными поселениями типа Гнездова, Бирки и Хайтхабу. На четвертом этапе (930-е годы — начало XI в.) значительно увеличиваются размеры Ладоги, уплотняется застройка, приобретающая регулярный характер, выделяется центральная, по-видимому, укрепленная часть. Поселение характеризуется как раннесредневековый город с древнерусской культурой.

В. В. Седов (Москва) в докладе «Скандинавские элементы в раннесредневековом Пскове» познакомил участников конференции с различными предметами североевропейского происхождения IX — начала XI в., найденными при раскопках в Пскове. Это равноплечные фибулы, булавки с декоративными кольцами, бляшки с плетеным орнаментом, наконечники пояса, пряжки в стиле Борре, навершия от плеток в виде головы орла, железная гривна с молоточком Тора, крупная привеска-молоточек Тора, кольцо с 13 амулетами, ладьевидный браслет и др. Из свыше 60 погребений курганного могильника, открытого раскопками, четыре наверняка принадлежат переселенцам из Скандинавии.

Топография североевропейских находок в Пскове свидетельствует о том, что переселенцы-скандинавы не образовали здесь отдельного поселения, а расселились среди славянского. Формирование Пскова как раннесредневекового города протекало в условиях своеобразного балтийского круговорота, когда в Балтийском регионе сложилось культурно-экономическое сообщество с развитой сетью международной торговли.

О результатах новейших раскопок курганного и грунтовых могильников, расположенных у г. Гробиня, речь шла в докладе В. П. Петренко (Ленинград) и И. А. Озере (Рига) «Куршско-скандинавские могильники Гробиняс — Приедиенс в Юго-Западной Латвии». На основе обобщения всех материалов, полученных при раскопках 20—80-х годов, докладчики восстановили детальную историю рассматриваемого микрорегиона начиная с V—VII вв., когда он был одним из центров северо-куршских племен. К этому периоду принадлежат два грунтовых могильника с захоронениями по обряду ингумации с инвентарями, характерными для куршей среднего железного века.

В VII в. здесь расселяются скандинавы: рядом с одним из грунтовых могильников формируется курганное кладбище, насчитывающее более полутора тысяч погребальных насыпей. Под воздействием скандинавов происходят изменения в куршской обрядности — прежний обряд сменяется кремацией умерших. В условиях активного этнокультурного взаимодействия появляются вещи-гибриды, начался процесс формирования новой системы обитания.

В небольшом сообщении, озаглавленном «Каменная стела с изображениями из Гробиня», В. П. Петренко рассказал об открытии в 1987 г. при раскопках одного из курганов могильника Приедиенс надмогильной стелы, тесанной из известняка. На ее лицевой стороне высечены низкорельефные изображения. Верхнюю часть занимает изображение корабля, снабженного мачтой и прямым парусом. Нижняя часть и рамка окаймления заполнены орнаментом. Стела относится к кругу так называемых поминальных камней. Наиболее близкие аналогии имеются среди карликовых камней о-ва Готланд, которые датируются VI—VII вв.

Итоги многолетних исследований скандинавских древностей Приладожья были подведены С. И. Кочкуркиной (Петрозаводск) в докладе «Энтокультурные контакты скандинавского и прибалтийско-финского населения по материалам курганов Юго-Восточного Приладожья». Докладчица утверждала, что в этом регионе, основным населением которого была весь, в результате расселения выходцев из Скандинавии скоро сформировался скандинавско-прибалтийско-финский культурный симбиоз, в котором переплетались элементы культур двух этносов. Присутствие скандинавов среди весского населения Приладожья по курганным материалам представляется несомненным. Однако выделение собственно скандинавских погребений всегда спорно, поскольку местное население восприняло от скандинавов целый ряд элементов обрядности, в том числе и обычай сооружать курганы, и, наоборот, часть элементов прибалтийско-финского ритуала стала характерной и для приладожских скандинавов. Финно-скандинавские отношения в этом регионе складывались в условиях культурной интеграции.

С большим интересом был выслушан доклад Н. А. Макарова (Москва) «Предметы восточноевропейского происхождения XI—XIII вв. на севере Фенноскандии». Исследователь каталогизировал и систематизировал находки восточных вещей в землях, заселенных в средневековье саамами. Они подразделены на предметы прибалтийского, древнерусского и финно-угорского происхождения. Из Прибалтики в Лапландию поступали сравнительно немногочисленные вещи, основная же масса их (зооморфные подвески, лунничные височные кольца, круглые подвески к ожерельям, треугольные подвески, шумящие украшения, крестики, бубенчики и др.) поступала из северных земель Руси (Новгородская земля, Белозерье, Двинская земля, Важский край, Костромское Поволжье). Основной путь их поступления в Лапландию проходил через Карелию и Финляндию.

Два интересных доклада были посвящены систематизации отдельных категорий скандинавских древностей. Н. В. Ениосова (Москва) в докладе «Ажурные наконечники ножен мечей на территории Восточной Европы в IX—XI вв.» впервые составила их полный каталог (с территории Восточной Европы происходит 65 рассматриваемых наконечников из 128 известных на сегодня), показав, что они концентрируются в пунктах, связанных с местопребыванием дружины и функционированием важнейших транзитных путей. Типологический анализ ажурных наконечников ножен позволил докладчице продемонстрировать их изменения во времени. Для первой половины X в. были характерны наконечники с S-образным зверем, занимающим все поле украшения, и наконечники с птицей в геральдической позе. В середине X в. появляются наконечники, сочетавшие в орнаментике зверя и пальметку, которые отражают проникновение восточных элементов в скандинавское искусство. Во второй половине X в. получают распространение наконечники, деко-

рированные в стилях Борре и Еллинг. Наконечники начала XI в. свидетельствуют о появлении вещей-гибридов, в которых ощущается переработка и искажение скандинавских мотивов. Они характерны для земель пруссов, Литвы и Руси.

Г. Л. Новикова (Москва) в докладе «Наборы скандинавских языческих амулетов» собрала и детально проанализировала находки миниатюрных моделей различных предметов, которые обычно собирались по нескольку на небольшом проволочном колечке. Такие наборы широко распространены на европейском Севере. Немало их и в Восточной Европе, преимущественно в памятниках, расположенных на важнейших торговых путях. Это предметы культа, они должны оберегать хозяина от всяческих бед и несчастий, приносить удачу. Эти наборы не могли быть предметами торговых сделок и свидетельствуют о расселении скандинавов в ряде районов Древней Руси.

В докладе «Торговые пути в Смоленско-Витебском междуречье Днепра и Западной Двины и их использование скандинавами» Е. А. Шмидт (Смоленск) подвел итоги многолетного археологического изучения волоков, соединявших реки Балтийского бассейна с Днепровским. Намечается семь вариантов волоков — они отмечены скоплениями археологических памятников и отдельными находками конца I тыс. н. э. Распространение скандинавов на торговых путях и волоках началось в IX в., но наиболее интенсивно они функционировали в X в. Основными памятниками, свидетельствующими о связях со Скандинавией, являются Гнездово, Заозерье, Рокот, Кислая, Новоселки и Слобода, где найдено скандинавское оружие, предметы снаряжения воина, бытовые вещи, женские украшения и др. Выделяются и погребения переселенцев из Скандинавии — купцов и воинов.

А. В. Фомин (Москва) свое выступление «Дирхемы на Балтике в IX в.» посвятил анализу поступления восточного серебра в Северную Европу, выделив три мощные волны — 810, 840 и 860 гг. В первые десятилетия IX в. основным регионом, куда направлялось серебро из Восточной Европы, была юго-западная часть Балтики (от Вислы до Ютландии). В последующие периоды заметно возрастает роль Готланда в балтийской торговле, увеличивается торговая и политическая активность скандинавов, о чем говорит и археологический материал.

С. М. Тодорова (Москва) в докладе «Орнаментальные традиции рунических камней и их генезис» много внимания уделила типологии орнаментальных мотивов и предложила новое объяснение их становления — на основе разных видов морских узлов.

В выступлении А. Я. Мартынова (Архангельск) «Памятник летописной корелы на Соловецких островах» в научный оборот вводится первое средневековое курганное захоронение, обнаруженное при раскопках на о-ве Анзер. При остатках трупосожжения была найдена серебряная подковообразная застежка, напоминающая корельские. По мнению докладчика, Анзерское погребение XII—XV вв. свидетельствует о поездках корелы на Соловецкие острова за несколько столетий до основания монастыря.

Вторая проблема, обсуждавшаяся археологами на конференции, связана с контактами населения Восточной Европы со Скандинавией в отдаленной древности.

В. Я. Шумкин (Ленинград) в докладе «Спорные вопросы раннесредневековой истории саамов» остановился на современном состоянии проблемы начальной истории этого этноса. Начав с характеристики мезолитических и неолитических древностей севера Фенноскандии, докладчик показал, что основным препятствием решения этногенеза саамов является то, что в течение I тыс. н. э. основным занятием населения этого региона стала охота в лесных и гористых местностях. Таким образом, наступил период подвижного образа жизни добытчиков пушнины, не оставивший надежных следов в археологических памятниках. В. Я. Шумкину все же представляется, что формирование средневековых саамов происходило на местной основе. Далее докладчик рассказал о новейших археологических исследованиях памятников саамов на Кольском полуострове.

В. Я. Шумкин информировал участников конференции о сути доклада С. Ю. Каргопольцева (Ленинград) «Новые находки „каменных кругов" на севере Восточной Европы» (сам докладчик не смог приехать в Архангельск). В 1987 г. в Кольском р-не Мурманской обл. были обследованы остатки нескольких каменных венцов, образующих разнообразные по форме конструкции. Для изучения были избраны концентрические каменные круги диаметром 4—6 м. С. Ю. Каргопольцев отнес эти сооружения к числу культовых и датировал первой половиной или серединой I тыс. н. э. Они принадлежат к германскому кругу древностей.

А. А. Кураторов (Архангельск) в докладе «Орлецкие находки» рассказал об исследованиях стоянки и мастерской по изготовлению кремневых орудий в пос. Орлецы на Северной Двине. Памятники относятся к неолиту и эпохе ранних металлов. Вблизи стоянки находится крупнейшее в Подвинье месторождение, содержащее большое количество цветного карбонного кремня. Орлецы стали кремнево-сырьевым центром всего Беломорья.

Об исследованиях древностей каменного века на Соловецких островах речь шла в выступлении А. Я. Мартынова. А. П. Журавлев (Петрозаводск) свой доклад «Сейсмоархеологическое изучение Фенноскандии» посвятил поселению Пегрема, расположенному на Онежском озере. Докладчик утверждал, что оно было разрушено землетрясением в 8—9 баллов около 2200 лет до н. э.

На заключительном заседании конференции было отмечено, что весьма актуальной задачей наших дней является подготовка и издание полной сводки всех скандинавских находок на территории Восточной Европы с их научной систематизацией. Издание такого свода станет определенным этапом в изучении восточноевропейско-скандинавских отношений в раннем средневековье, позволит решить многие исторические и культурные вопросы на фундаментальной основе.

Краткие тезисы докладов, прочитанных на конференции, опубликованы в сборнике «XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии» (Ч. I, II. М., 1989).

Институт археологии АН СССР, Москва *В. В. Седов*

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ ЕФИМОВОЙ

12 января 1990 г. ушла из жизни одна из старейших музейных работников и археологов Поволжья Александра Михайловна Ефимова.

А. М. Ефимова родилась в 1903 г. в Казани в семье служащего. С родным городом связана вся ее жизнь. Здесь она окончила школу, а в 1926 г.— общественно-экономическое отделение Восточного педагогического института. Уже в студенческие годы А. М. Ефимова сочетала учебу с работой на кафедре методики обществоведения. Начало ее трудовой деятельности связано с преподаванием обществоведения в школе, научной и практической работой в психотехнической лаборатории Института научной организации и охраны труда, а затем в кабинете государства и права Казанского педагогического института. К этому времени относятся первые научные работы А. М. Ефимовой.

В 1937 г. пришла Александра Михайловна в Государственный музей ТАССР, с которым неразрывно была связана вся ее последующая трудовая жизнь,— сначала старшим научным сотрудником, в 1943—1953 гг.— зав. отделом истории дореволюционного периода, затем вновь сотрудником этого отдела до выхода на пенсию в 1958 г. Музей в эти годы переживал нелегкие времена. Само музейное дело было в стадии становления. Не хватало кадров, учебников, специальных изданий по истории и археологии Татарии и Среднего Поволжья в целом. Прервалась преемственность с традициями музея 20-х годов. Отсутствовали экспозиции, подготовленные на достаточно высоком научном уровне. А. М. Ефимова наряду с другими сотрудниками музея — Н. Ф. Калининым, О. С. Хованской была в числе тех, кто занялся серьезным изучением края и создал первые научные экспозиции «Первобытнообщинный строй» и «Первые феодальные государства», существовавшие с последующим обновлением долгие годы.

Работа А. М. Ефимовой в полевой археологии началась одновременно со становлением советского булгароведения: с 1938 г. она включается в многолетние и систематические исследования Болгарского городища, организованные Институтом истории материальной культуры (ныне Институт археологии) под руководством А. П. Смирнова, в которых Государственный музей ТАССР долгие годы был неизменным участником. Как научный сотрудник экспедиции, а затем начальник Болгарского отряда Куйбышевской археологической экспедиции, А. М. Ефимова провела изучение ряда могильников Болгара XII—XIV вв. [1—3], гидротехнических сооружений XIV в. [4—6] и металлургических мастерских ремесленных районов города XI—XIV вв. [7—9].

Болгар и проблемы истории и культуры Волжской Булгарии были основными в научных интересах А. М. Ефимовой [10—12]. Ряд ее статей посвящен добулгарскому населению Среднего Поволжья [13, 14]. Перу А. М. Ефимовой принадлежит 35 научных работ, в которых отразился широкий круг ее интересов.

Много внимания уделяла А. М. Ефимова систематизации богатейших археологических коллекций ГМТР. Специалистам хорошо известны четыре выпуска ее «Каталога археологических коллекций Государственного музея ТАССР» (1956, 1959, 1975, 1980), а также статья «Сверленые молоты».

Необходимо отметить многолетнюю педагогическую работу А. М. Ефимовой в Казанском педагогическом институте. Ее курсы археологии способствовали подготовке не только археологов и сотрудников музеев, но и подлинных краеведов.

Близко знавшие А. М. Ефимову ценили в ней глубокую интеллигентность, ответственность и преданность делу, которым она занималась, живой интерес к нему до последних дней жизни. Светлый образ Александры Михайловны — подвижника и скромного труженика — навсегда сохранится в нашей памяти.

Н. А. Кокорина, С. В. Кузьминых,
П. Н. Старостин, Т. А. Хлебникова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Могильник на «Бабьем бугре» городища Болгары // МИА. 1960. № 80.
2. Кладбище у ханской усыпальницы на Болгарском городище // Древности Восточной Европы. М., 1969.
3. Кладбище на окраине посада города Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
4. Древние инженерные сооружения по укреплению берега в городе Болгары // КСИИМК. 1952. Вып. 44.

© Н. А. Кокорина, С. В. Кузьминых, П. Н. Старостин, Т. А. Хлебникова, 1991 г.

5. Гидротехнические сооружения XIV в. в городе Болгаре // КСИИМК. 1953. Вып. 50.
6. Гидротехнические сооружения древнего Болгара // МИА. 1954. № 42.
7. Металлургические горны в городе Болгары // КСИИМК. 1951. Вып. 33.
8. Новые данные о болгарской металлургии // КСИИМК. 1956. Вып. 62.
9. Черная металлургия города Болгары // МИА. 1958. № 61.
10. Болгарское городище: справочник-путеводитель. Казань, 1956.
11. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957.
12. Бутаевский клад ювелирных изделий // СА. 1960. № 3.
13. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // МИА. 1962. № 111.
14. Догородские поселения на территории Болгарского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
15. Сверленые молоты (из коллекций Гос. музея ТАССР) // КСИИМК. 1951. Вып. 36.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18—20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. **Илюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

5. **Таблицы**, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовков в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

Таблицы, содержащие более 12 граф, следует представлять в редакцию в виде одной или нескольких фоторепродукций размером 18×24 см (для изготовления клише).

6. **Текстовые** пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1, 2,]

7. Пронумерованный **список использованной литературы** (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1 — 84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием наименования летописи. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок см. СА, 1990, № 2.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки, и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, 1, 2].

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

8. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

9. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

10. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

11. Статьи, отправленные авторами для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

12. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей. Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.-Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.-Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.-Пг.
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КБИ — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В. В. Струве. М.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.-Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.-Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СЭ — Советская этнография
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquity. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 16.01.91 Подписано к печати 17.04.91 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7. Усл. кр. отт. 68,7 тыс. Уч.-изд. л. 31,4 Бум. л. 9,5
Тираж 2757 экз. Зак. 981 Цена 3 р. 60 к.

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6.